

ЮЛИЯ

ПОСПЕШНАЯ

ОБНАЖЁННЫЕ
РОЗЫ

В городе происходят убийства молодых девушек. Убийца снимает с жертв кожу, оставляя нетронутыми лишь волосы. Каждое убийство он обставляет композициями из роз того или иного сорта. Смысл убийств, личность маньяка, его цели, его стремления вынужден искать следователь особой оперативно-следственной группы УГРО. Но, увы, ношу с ним вынуждена будет разделить четырнадцатилетняя девочка, обладающая одновременно даром и проклятием. Она способна видеть воспоминания других людей, независимо от своего желания, места, обстановки и тех самых людей. Воспоминания накатывают внезапными, невероятно реалистичными видениями. Они принадлежат самым разным людям и таят в себе как минуты счастья, радости, любви, так и чужие трагедии, слезы и боль. Поможет ли это против чужой, злой и кровожадной воли?

Вместо пролога

В кабинете было светло и уютно. Темноволосая женщина в деловом костюме сидела, откинувшись в кресле.

— Вы готовы?

Её собеседница, красивая белокурая девушка, неуверенно кивнула.

— Как вас зовут?

— Вероника.

— А фамилия?

— Лазовская.

— Очень хорошо... Вы говорите, что можете увидеть воспоминания любого человека?

Белокурая девушка опустила взор, чуть пожала плечами.

— Да. Это зависит... от случая.

— С убийцей, который снимал кожу с девушек, случай был подходящий?

Вероника едва заметно кивнула:

— Да, к сожалению.

— Вы видите только воспоминания жертв, или воспоминания убийцы тоже?

— Тоже.

— Интересно... Как он убивал? Расскажите.

— Он... он, действительно, снимал кожу со своих жертв... — Вероника говорила нехотя, с сожалением. — А убийства обставлял сценическими декорациями, антуражем служили разные сорта роз.

— Он любил розы?

— Да.

— А вы?

— Я?

— Любите розы?

— Уже нет, — Вероника покачала головой.

Темноволосая женщина усмехнулась, любуясь своей собеседницей. Ей нравились её искристые, невероятно яркие, синие глаза.

— И вы помогали майору Корнилову?

— Да.

— По своей воле?

— Простите?

— Вы помогали ему по собственному желанию?

— Да... да, конечно.

— Что вами двигало?

— Это долгая история...

— Ничего. У нас ещё полно времени до начала судебного заседания. Рассказывайте, Вероника.

— Хорошо. Мне тогда было четырнадцать. Шла первая неделя летних каникул.

Эпизод первый

Что-то явно шло не так... Вода неуклонно продолжала сочиться через трубу отвода канализации, игнорируя качество материалов и потраченное время. Лежащий на кафельном полу мужчина раздраженно, сдавленно рыкнул.

— Да что ж с тобой такое творится... — процедил он сердито.

Он уже два раза разбирал и собирал трубы домашнего умывальника, но проблема с протеканием, несмотря на его усилия, продолжала оставаться актуальной.

Он сел, потянулся за тряпкой, вытер руки и, бросив тряпку рядом на пол, тяжело вздохнул. Скрипнула дверь ванной, он поднял взгляд и

увидел, что к дверному косяку прислонилась женщина с темно-рыжими волосами до плеч. Кроме длинной мужской рубашки и трусиков, на ней больше ничего не было надето, в руках она держала исходящую паром чашку.

— Ну как успехи, «Марио»?

— Очень смешно, Рита, — вздохнул мужчина, — почему каждый раз, когда я пытаюсь починить сантехнику в доме, ты называешь меня Марио?

— Корнилов, — усмехнулась в ответ Рита, — Потому что ты возишься с трубами, и у тебя каждый раз новый уровень.

— Ну тогда этот уровень я почти прошел.

Станислав Корнилов улыбнулся, глядя на свою жену и любясь ее обнаженными ногами.

— Поторопись, — хихикнула Рита, — завтрак почти готов.

— А что у нас сегодня? — спросил Стас, снова ложась под раковину.

— То, что ты любишь, милый.

— О, — хмыкнул Стас, — я люблю почти всё, что ты готовишь.

— Тогда тебе понравится.

— Не сомневаюсь, — вздохнул Корнилов.

Он разобрал трубы в третий раз.

— Наконец-то, — со злым торжеством произнёс он, обнаружив неполадку. Корнилов умело устранил её и начал собирать трубы обратно. В этот момент раздался внезапный звонок его мобильного. Стас торопливо встал. Судя по рингтону, звонил кто-то из его оперов — или Домбровский, или Арцеулов. Он выскочил из ванной комнаты и быстрым шагом пересек холл, из комнаты к нему навстречу вышла Рита с чашкой в одной руке и звонящим телефоном в другой. С равнодушным видом она передала телефон мужу. Тот быстро чмокнул её в щеку и, зайдя в комнату, закрыл за собой дверь.

На дисплее смартфона белела фамилия капитана Домбровского. Стас посмотрел в окно на автомобильную парковку. Он уже знал, зачем звонит Домбровский. Догадывался... Предчувствовал... Представлял... Стас принял вызов и поднес телефон к уху.

— Стас, здорово! У нас... — поспешно начал Домбровский.

— Какие на этот раз? — проговорил Стас размеренно и тихо.

— Что?

— Какие розы на этот раз?

Домбровский замолчал на пару мгновений, а затем с тяжестью и досадой произнёс:

— Красные... Ящер говорит, что это Баркароле...

— Понятно, — вздохнул Стас, — скинул мне адрес?

— Так точно.

— Ждите, сейчас буду.

— Давай.

— До встречи.

Прежде чем выйти из комнаты, он несколько мгновений постоял перед окном. Стас подбирал формулировки, чтобы помягче сообщить Рите о том, что завтракать ей придется сегодня одной. Опять... Однако, выходя из комнаты, он увидел стоящую возле дверей Риту. Её изумрудно-зеленые глаза, которые когда-то сразили и пленили его, смотрели укоризненно, осуждающе.

— Опять сваливаешь? — с сердитой язвительностью спросила она.

— Рита, это...

— По работе, — кивнула она, — я знаю.

Он вздохнул. С каждым разом эти диалоги давались ему хуже и хуже...

— Я постараюсь вернуться пораньше.

— Ой, — Рита раздраженно вскинула ладони и направилась на кухню, — когда ты так говоришь, тебя можно даже к ужину не ждать! Езжай, Корнилов. Ты же единственный следователь в Москве! Без тебя никак не обойтись...

Стас с сожалением, но бессильно проводил её взглядом, пока она не скрылась за поворотом в конце холла. Затем он услышал, как хлопнула дверь на кухню. Корнилов поджал губы, цокнул языком.

Видит бог, у него прекрасный брак, любимая жена, любящая и любимая дочь. Он всегда старался быть внимательным и заботливым мужем и отцом. Но, как бы ему ни хотелось, он не мог не замечать ползущих по благополучию его брака змееподобных, хищных трещин. Пока их немного, но с каждым годом их число прибывает. Он чувствовал это, и Рита тоже. Он знал, что сейчас она сидит на кухне, возле нее стоит чашка с остывающим чаем. Она смотрит в окно с сердитой обидой и раздраженным разочарованием.

Стас наскоро переоделся, надел ботинки, накинул куртку и вышел из квартиры. Спускаясь по лестнице, он прочитал SMS от Николая. Адрес был ему знаком — это недалеко от окраины столицы.

Дорога до пункта назначения не заняла слишком уж много времени, всего около получаса, плюс-минус.

Полицейские машины он увидел издали, два полицейских УАЗа «Патриот» стояли прямо на повороте, перед кирпичной аркой. Стас припарковал свой чёрный Land Rover Defender рядом с УАЗами. Выбрался наружу, вдохнул прохладный, отдающий влагой воздух. Бросил хмурый взгляд на небо, оно было водянисто-серым, пасмурным.

«Не совсем то, что рассчитываешь увидеть в начале июня», — подумал Стас.

Стоящие возле УАЗов полицейские кивнули ему, когда Стас проходил мимо. Корнилов ответил таким же небрежным кивком, прошел под аркой со старой кладкой и оказался во

внутреннем дворе. Здесь в воздухе повис плотный, сочный запах мокрой древесной коры и сырой земли. В лужах на асфальте блестели кусочки неба. Квадратный двор по периметру окружали ровные шеренги ветвистых тополей и мелких кустарников, а центр занимали восемь вытянувшихся, длинных, застекленных теплиц, точнее, это были розарии. Между теплицами вились и путались мощенные тропки.

Сейчас десятки полицейских бродили по территории теплиц, полностью игнорируя аккуратные дорожки. Работали эксперты, сверкали вспышки фотоаппаратов. Криминалисты дотошно изучали местность. На траве и асфальте уже желтели яркие таблички, которыми были помечены возможные улики.

Двое полицейских внимательно опрашивали трёх мужчин и одну женщину. Все четверо были напуганы и шокированы. Глаза женщины были красными от слез, и она, и мужчины отвечали сбивчиво и невпопад.

Стас вздохнул, скорее всего, это они и вызвали полицию. А значит, именно они нашли тело и видели то, что видеть обычным людям совсем не стоит. Стас пошел по дорожке. Он дошёл до предпоследней теплицы. У входа стоял крепко сложенный, мускулистый бородач. Он был облачен в потертую, кожаную куртку с байкерскими нашивками. На нём были пятнистые камуфляжные брюки и черные берцы с массивной подошвой. Из-под куртки на футболке бородача скалился клыкастый, красноглазый череп. А на мускулистой шее, с левой стороны, пестрела цветная татуировка с агрессивным вепрем.

Таков был облик старшего лейтенанта Арсения Арцеулова, бывшего сотрудника ФСКН, имевшего несколько десятков операций под прикрытием за плечами. Он уже четыре раза получал капитана, четыре раза становился фигурантом грандиозных скандалов, чаще всего разбив кому-нибудь лицо или сломав пару ребер, и четыре раза менял погоны.

— Привет, Стас, — Арцеулов протянул Корнилову свою широкую руку с волосатыми пальцами.

Арцеулов был настоящим здоровяком, потому что даже Стас с ростом в сто восемьдесят восемь сантиметров уступал ему на добрых полголовы. Впечатление портил только объёмистый живот, выпирающий под футболкой.

— Привет, — Корнилов пожал ладонь Арсения. — Коля и Ящер внутри?

— Ага, — кивнул Сеня.

Стас остановился у порога, завешенного клеенчатой занавеской.

— Ящер сказал... — Арсений не договорил и опустил взгляд.

Стас искоса взглянул на него.

— Договаривай, — приказал он.

— Ящер предполагает, что девчонке и двадцати нет... не было... — пробормотал бородач.

Его густые, кустистые светло-рыжие брови сдвинулись вместе. Он басовито прокашлялся, с хрустом сжал кулаки.

Стас тронул его за плечо, тот поднял на него угрюмый взгляд. Мало кто мог поверить, но этот выдавший виды здоровяк был довольно чувствительным и даже ранимым.

Стас отодвинул клеенчатую занавесь и вошел. Залетевший в розарий порыв влажного воздуха шевельнул темно-зеленые листья роз. Стас остановился, рассматривая длинные ряды высоких стеблей травянистого цвета.

Он был слегка впечатлен обилием крупных, карминовых бутонов роз Баркароле. Из-за того, что нижние лепестки бутонов были намного темнее ярких верхних, отчасти

создавалось впечатление, что розы Баркароле светятся мягким, плавным, мистическим сиянием.

— Стас?

Он повернул голову влево и увидел щуплого брюнета в синем деловом костюме. Тот носил пышную, вихрастую причёску.

Мужчина в синем костюме помахал Стасу рукой из-за четвертого ряда роз. Корнилов оглядел розарий, бросил взгляд на стеклянный потолок и подошел к брюнету.

— Здорово, Коля, — он пожал небольшую руку Николая Домбровского.

— Идём, — будничным тоном сказал Домбровский и, не вдаваясь в подробности, повернулся и пошел вдоль рядов роз.

Стас двинулся следом. Розарий был перенасыщен сильным, плотным, почти осязаемым запахом роз. Сладковатый и сырой, с фруктовым душистым привкусом, густой аромат насквозь пропитал воздух в застеклённых стенах.

Ступая по гравийной дорожке следом за Домбровским, Стас снова взглянул на розы. Карминовые бутоны немного клонились в их сторону, а слегка влажные листья трепетали от залетающих дуновений ветра. Они неожиданно напомнили Стасу человеческие ладони, а их тихий шелест — шум оаций. Розы как будто аплодировали, радовались, восторгались случившимся.

Николай остановился, обернулся и пропустил Стаса вперёд.

— Иди один, — попросил он, — Я... я уже насмотрелся. Пойду перекурю с Сеней. Ты не против?

— Иди, — кивнул Стас.

Он увидел впереди мужчину в белом комбинезоне, тот сидел на корточках возле открытого чемодана. Подходя к нему, Стас ощутил знакомое всасывающее чувство в области живота и обманчивое, почти сонливое спокойствие. Он часто так реагировал, когда знал, что сейчас увидит тело, растерзанное очередным человекоподобным монстром.

Услышав шорох шагов Стаса, судмедэксперт обернулся. Случайный блик сверкнул на его очках. Он молча встал и сделал шаг в сторону. Стас остановился.

На полу розария в круге из лепестков роз он увидел девушку. Лепестки окружали ее затейливым ореолом, а сама она лежала на боку, свернувшись калачиком.

Он не тронул её волосы, такие же прекрасные, длинные и густые, как и у других жертв. Но он раздел и обнажил её так же, как и других до неё. Он освободил её юное, хрупкое, тонкое тело не только от одежды, он избавил жертву от тесноты её собственной кожи.

Корнилов молча рассматривал багровые, кроваво-влажные волокна поверхностных соединительных тканей, они обтягивали узловатые мышцы рук и ног, охватывали грудь, шею и живот. Стас тяжело сглотнул, но не отвёл взгляда.

Вены на теле не были задеты, как и в предыдущих случаях. Поэтому на теле девушки сейчас медленно, нехотя засыхала вязкая и липкая, ярко-алая кровь, из разорванных капилляров подкожных слоев. Он задержал взгляд на ее белеющих, выпирающих глазных яблоках и черных точках зрачков, её глаза казались игрушечными. Он перевел взгляд на её приоткрытый рот, между зубов угадывался язык.

«Кричала ли она, когда он с неё, ещё живой, последовательно сдирал слои кожи? Может быть, она умоляла его не делать этого? Может быть, даже клялась, что никому ничего не скажет, лишь бы он отпустил её? Может быть, в панике целовала и обнимала его ноги, а может, пыталась бежать и звать на помощь? Может быть...», — подумал Стас.

Он закрыл глаза, коротко сглотнул и вздохнул.

— Рассказывай, — не открывая глаз, велел он судмедэксперту.

Ящер поправил очки и, разведя руками, начал:

— Время смерти около четырёх часов утра.

Стас сцепил зубы. Как раз в это время он был в постели с Ритой, они занимались любовью. А он в это время убивал.

— Точно сказать смогу после вскрытия, — продолжал Ящер, — как ты понимаешь, отсутствие кожных покровов затрудняет...

— Дальше. — потребовал Стас, не дав Яше договорить.

Ящер прокашлялся:

— Как и в предыдущих случаях, жертва скончалась от болевого шока и кровопотери, несовместимой с жизнью.

Яша ещё раз медленно обошёл тело жертвы.

— Мышечные и соединительные ткани почти не повреждены, кожу он снимал постепенно. Сначала сделал надрез возле основания шеи, вот тут, между позвонком С7 и D1, затем сделал надрез возле копчика, а потом через левую сторону спины соединил оба надреза. Затем снял кожу с правой стороны спины. Надрезы совершались крайне острым предметом с тонким лезвием и наклоном спереди, предположительно, это медицинский скальпель. Но я думаю, что, скорее всего, нечто крупнее, например, хирургический нож.

— Почему? — спросил Стас и посмотрел на Ящера.

Тот стоял на колене возле тела. Он поднял голову, взглянул на Стаса:

— Такие широкие и длинные порезы легче делать хирургическим ножом с более длинным лезвием и рукоятью.

Стас кивнул:

— Продолжай.

Когда Ящер закончил отчет о первичном осмотре тела, Стас лишь вздохнул:

— Ничего нового, все то же самое, мёртвая девушка без кожи, лежащая в кругу алых лепестков, отсутствие улик, кровь и розы. Опять розы, на этот раз чёртовы Баркароле.

Стас был равнодушен к цветам, но розы он постепенно начинал ненавидеть.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Понедельник, 2 июня.

— Поторопись!

Я закрыла глаза, медленно вздохнула, тихо постукивая кончиком ручки по тетради. Наша учительница по химии, Тамара Вячеславовна, никогда не отличалась терпением, и тем скорее иссякало её терпение, чем больше она раздражалась из-за того, что директор школы заставил её выйти в выходной день. Пусть и всего на сорок с лишним минут.

Поскольку Станиславу Владимировичу она возразить никогда не осмелилась бы, то вся её выпирающая желчь и язвительность полной порцией доставались мне. Знала бы она, что наши с ней желания в данный момент идеально совпадают. Я бы тоже хотела как можно скорее дописать эту гребаную контрольную, сдать, забыть и свалить отсюда побыстрее.

И я, возможно, давно бы уже это сделала, если бы кое-кто не ходил вокруг, стуча каблуками и ежеминутно нависая надо мной.

— Лазовская!

Я вздрогнула и закрыла глаза. Голос у Тамары Вячеславовны скрипучий и визгливый, как у простудившейся вороны. Я подняла на неё взор, она снова стояла надо мной. Руки

сложены на груди, губы, накрашенные ужасной темно-красной помадой, со злостью поджаты. Глаза из-под очков впилась в меня с лихорадочной ненавистью.

— Ты собралась тут до вечера сидеть?! Не знаю, как у тебя, а у меня таких планов нет!

«Конечно, — подумала я, — можно подумать, я горю желанием в первую неделю каникул торчать тут, в жарком классе, и корпеть над задачами по химии.»

— Тамара Вячеславовна, не кричите пожалуйста, — миролюбиво ответила я. — Я уже заканчиваю.

— Живее! — визгливо прикрикнула она на меня.

Я чуть скривилась, нахмурилась.

— Хорошо, хорошо... — пробормотала я.

Учительница по химии продолжала топтаться рядом, я устало вздохнула. Предпоследняя задача по химии казалась нелогичной, непонятно было, с чего начинать решение. Но, спустя пару минут, у меня появились кое-какие догадки, однако проверить их я не успела. Моя тетрадь со свистом выпорхнула из-под моей руки.

— Всё! — объявила Тамара Вячеславовна, прижимая мою тетрадь к груди, — время вышло! Результат узнаешь в понедельник!

— Тамара Вячеславовна! — я развела руками, — дайте мне, пожалуйста, полминуты, я уже поняла, как решать...

— Лазовская, не испытывай моего терпения! — Тамара Вячеславовна грозно, властно стуча каблуками, прошла к столу, взяла сумку, пиджак, в руках у нее зазвенели ключи.

— Всё. Я закрываю класс! — объявила она, — ты идёшь? Или здесь будешь ночевать?!

Я пару секунд обескураженно взирала на неё, затем собрала свои вещи и вышла из класса. За моей спиной Тамара Вячеславовна поспешно закрыла кабинет. Я подождала, пока она пройдёт, идти вместе с ней мне не хотелось.

Она обогнала меня, да так поспешно и ретиво, что на лестнице два раза споткнулась и чуть не пересчитала хребтом все ступеньки. Хорошо, что не грохнулась, а то ещё сказали бы, что это я её из мести...

Оказавшись на первом этаже школы, я поспешно направила свои стопы к нашему актовому залу. Я безбожно опаздывала, и кое-кто там уже наверняка все ногти сточил от переживания. Подходя к дверям зала, я услышала глухо звучащие, неуверенные звуки фортепиано. Фортепиано? Значит, я не опоздала, было бы гораздо хуже, если бы уже рычала ритм-гитара.

Подбежав к дверям, я остановилась. Стиснув зубы от усердия, открыла тяжелые двери актового зала как можно тише, чтобы они, как всегда, не отозвались протяжным скрипом.

В актовом зале было темно. Освещалась только деревянная сцена и синий занавес за ней. Внизу, во втором ряду, сидели пять человек: два завуча, два учителя музыки и историк. Таков был состав комиссии, отбиравшей участников музыкального конкурса, который должен был состояться в следующем месяце, и в котором должны были принять участие около сотни школ. Это серьезное мероприятие с серьезными призами для первых трёх мест.

И именно на одно из этих мест метила моя лучшая подруга — Лерка Логинова.

Я увидела её внизу, в четвёртом ряду. Она, единственная из всех собравшихся здесь претендентов на участие, светила мобильным телефоном.

Я спустилась в её ряд, осторожно подошла к ней. Лера увидела меня, спрятала смартфон.

— Привет, — подойдя к ней, я чмокнула воздух возле её уха.

— Привет, — Логинова ответила тем же.

— Я тебе в «Телегу» уже триста сообщений отправила! — оживленно и взволнованно прошептала она.

— Я знаю, — извиняющимся тоном ответила я, — но я только-только вырвалась из под власти Воблы.

— И как оно? — с легким ехидством спросила Лерка.

Я отмахнулась.

— Будет лучше, если я воздержусь от того, чтобы делиться впечатлениями.

Логинова в ответ понимающе захихикала. Она держалась бодро, но я видела, что она волнуется.

На сцене сейчас завывала какая-то девчонка из старших классов. Честно говоря, голос у нее так себе.

Лерка от нетерпения и волнения постукивала ногой по полу, рядом, на соседнем кресле, лежала её гитара в чехле.

— Лер, — я коснулась её руки.

Она встрепенулась и взглянула на меня.

— Чего?

— Не нервничай... У тебя всё получится.

— Надеюсь.

— Нет, — я покачала головой, — ты должна это знать твёрдо и уверенно!

Логинова кивнула и нервно улыбнулась.

— Ты сейчас это говоришь, как моя подруга? — она посмотрела на меня, её малахитовые глаза сверкнули в густой полутьме актового зала.

— Нет, — усмехнулась я, — скорее как фигуристка, которая падала столько раз, в том числе и на чемпионате Европы, что вспоминать обидно.

— И как ощущения?

— Ну-у... — протянула я, — самое главное, не заплакать...

— Очень ободряюще, — хмыкнула Лерка.

— Слушай, Лер, — я полностью повернулась к ней, — представь... представь, что ты на вечеринке, помнишь, как на днюхе у Сливки?

— Помню, — Лера начала улыбаться, — вам же тогда, правда, понравилось?

— Лер, — протянула я, — если бы мне что-то не понравилось, я бы тебе сразу сказала, когда мы домой ехали.

Лера захихикала.

— А я думала, что в обязанности лучшей подруги входит перманентная моральная поддержка и бережное отношение к моим чувствам.

— Безусловно, — согласилась я, — А еще уникальное свойство лучшей подруги незаметно для других указывать на ошибки, чтобы потом твоя лучшая подруга не совершала их перед лицами тех, кто молчать не будет.

Лерка кивнула, улыбнулась и заметно повеселела. Похоже, мне удалось поднять её боевой дух на пару десятков очков, а может, и больше.

— Логинова! — донеслось снизу.

Мы посмотрели на коренастую женщину с кучерявыми волосами, одетую в полосатый пиджак.

— На сцену! — скомандовала завуч.

— Иду, — откликнулась Лерка.

— Ни пуха, — шепнула я.

— К чёрту! — взволнованно ответила Лерка.

Мы скрестили указательные пальцы правых рук на счастье, а затем Логинова поспешно спустилась вниз. Я сплела пальцы рук, прижала к губам, плотно сомкнула колени, взволновано потерла их друг о друга. Беспокойство внутри меня, казалось, скручивало внутренности в жгут, а затем резко отпускало. И так с нарастающей периодичностью.

Лера вышла на сцену в джинсах, чёрной футболке с лого AC — DC, в цветных кроссах от NEWBALANCE и с гитарой на поясе, её темные волосы разливались по плечам. Она подошла к микрофону.

— Вале... — её слова неуверенно вырвались из динамиков.

Но она тут же поперхнулась, отвернулась, снова прокашлялась.

— Не волнуйся ты так... — процедила я, отчаянно болея за Логинову.

За спиной раздалось какое-то перешептывание и хихиканье

— Валерия Лог-гинова. — заикаясь, проговорила Лерка. — Восьмой... в смысле, уже девятый... Но... восьмойА класс.

Смех за моей спиной прозвучал громче, добавился низкий, мальчишеский голос. Я раздраженно засопела.

— The Cranberries... — объявила Лерка. — «Зомби».

— Приступайте, Зомби. — пренебрежительно хмыкнула завуч в полосатом пиджаке.

Я снова слышала мерзкое хихиканье в верхних рядах. Я вздохнула, с трудом удавалось побороть желание швырнуть ботинком в источник издевательских смешков.

Слева от меня, через три стула, сидел насупленный парень в джинсовой куртке. Рядом с ним стоял барабан, на нем сверху лежали палочки. Сам барабанщик щелкал резинкой для волос в руках, тоже нервничал.

— Извините, — я наклонилась в его сторону.

Он обернулся.

— Молодой человек, а вы мне не одолжите свою резинку ненадолго?

Он несколько секунд смотрел на меня, затем пожал плечами и молча протянул резинку.

— Благодарю, — проговорила я.

Лера уже начала играть вступительные аккорды одной из своих любимых песен. Но смешки на верхних рядах не утихали. Когда Логинова запела, я быстро развернулась, натянула резинку на ручке, наугад прицелилась и отпустила, и тут же быстро отвернулась. С заднего ряда донеслись шипение и ругательства, но смешки стихли.

А Лерка переходила к припеву, её голос нарастал, в куплетах зазвучали сердечные эмоции. Я ощутила взбирающиеся по коже щекотные мурашки. Лерка даже не осознает, каким потрясающим голосом обладает!

— With their tanks, and their bombs, And their bombs, and their guns, In your head, in your head they are crying, — своим сильным, пронизывающим и захватывающим голосом пропела Лерка. Мгновение, и она с чувством запела припев:

— In your head, In your head, Zombie, zombie, zombie, ei, ei What's in your head? In your head
Zombie, zombie, zombie ei, ei, ei, oh do do do do do do do do...

Её гитара ревела, рычала вибрирующими басами, которые перетекали в более высокие ноты, сливаясь в единую мелодию.

Музыка Леры вырывалась из души и брала других за душу, проникала в сердце и

наполняла его живительной, пламенеющей энергией, а слова её куплетов звучали искренне, эмоционально, по — настоящему.

Я видела, как реагировали сидящие в зале другие претенденты, они все смотрели и слушали её с неподдельным восхищением. Некоторые даже стали похлопывать в ритм знаменитой композиции. Надо ли говорить, как в эти минуты я гордилась своей подругой.

Лера доиграла финальные аккорды и закончила мелодию коротко и изящно. В зале немедленно раздались гулкие аплодисменты. Я оглянулась, вместе со мной аплодировало еще человек двенадцать, из двадцати присутствующих.

Я смотрела на Лерку, она, улыбаясь, поклонилась, взмахнув густой гривой темных волос.

— Спасибо, спасибо, — прозвучал голос завуча старших классов.

— Молодец, Логинова, голос у тебя хороший, сильный и мелодичный, а вот репертуар подкачал, уж извини.

Я так и замерла. Что несёт эта женщина?!

— У нас приличный конкурс, — назидательно и с нажимом произнесла завуч, — к тому же песни должны быть отечественные.

— Я... я не знала, — пролепетала Лерка, — в условиях ничего не было об этом сказано...

— Значит, нужно было уточнить, — бескомпромиссно и безжалостно заявила завуч.

— Извини, ты не проходишь. Следующий!

Я видела, как Лерка уныло поплелась со сцены.

— Тю, блин, — протянул какой-то парень с нижних рядов, — единственная нормальная песня... И такое...

Остальные присутствующие тоже повозмутились, но, естественно, заступаться за Лерку никто не стал.

Спустя десять минут мы шли по улице мимо домов и витрин магазинов. На улице властвовал не очень тёплый, но уже довольно ласковый ветер. Город заметно и густо озеленился. Вдоль тротуаров шелестели пышной листвой раскидистые деревья и цвели клумбы, только что бабочки не летали.

Лерка вдруг молча остановилась перед шикарной витриной магазина музыкальных инструментов. Глаза моей лучшей подруги прилипли к выставленной на продажу гитаре.

— Смотри, какая... — прошептала она восхищенно.

Я окинула гитару взглядом, да, красивая. Раз Лерка ею восхищается, наверняка хорошая и дорогая.

— GIBSON FIREBIRD, — проговорила Лерка с завистью и жаждающим взглядом, — И то что мой хлам.

Я скосила на Логинову глаза, взглянув с сочувствием.

— Лерка, у тебя тоже хорошая гитара. Вон у тебя на ней Дэн Рейнольдс* (вокалист группа Imagine Dragons) расписался. Чем не знак качества?

Лерка улыбнулась, но улыбка недолго красовалась на её губах.

Спустя несколько секунд она снова понуро поплелась вдоль улицы. Я вздохнула, пошла рядом. По дороге проносились автомобили, тротуар был заполнен людьми. От шума и суеты города мы укрылись в одной из уютных, милых кафешек. Здесь подавали вкусные коктейли, десерты и мороженное. А еще были мягкие, малиновые диванчики, как в американских сериалах. Вообще, кафе было сделано по типу американской закуской. Мы переступили

порог, вытерли ноги о клетчатый коврик. Стоявший за барной стойкой молодой парень кивнул нам, подмигнул. Он нас уже запомнил. Не мудрено, ходим мы сюда часто.

Внешность и у меня, и у Лерки довольно запоминающаяся. Она — зеленоглазая, высокая для своих пятнадцати лет, длинноногая брюнетка, выше меня почти на голову. А у меня белокурые, почти платиновые волосы и синие глаза. Из-за того, что я еще нередко ношу косу, знакомые и друзья говорят, что я очень похожа на одну диснеевскую принцессу, которая отличается пристрастием к холоду и льду. Тем более я с четырех лет занимаюсь фигурным катанием, а зимой люблю кататься на сноубордах.

Людей в кафе было немного, все-таки рабочий день. А школьники и студенты, большей частью, в такое время или спят, или еще тусят дома.

Мы выбрали свое любимое место у окна. Я положила свой мини-рюкзак рядом на диван, взглянула на Лерку. Логинова сидела, сложив руки на груди, и смотрела в одну точку. Так, надо её из этого состояния вытаскивать, а то депрессия затянется, и последствия могут быть непредсказуемыми.

Ладно, не в первый раз.

— О чем думаешь? — я хотела вызвать ее на разговор, на диалог.

Когда Лерка расстроена, ей нужно дать возможность выговориться, как и всем нам. А моя задача, как подруги, внимательно выслушать и, возможно, дать совет.

— Да так... думаю, почему в моей жизни то чёрные полосы, то, вообще, сплошное говно, — скривившись ответила Лерка и взглянула в окно.

Её взгляд проследил за парочкой влюбленных, что, посмеиваясь, неспешно прогуливались вдоль магазинов.

— Доброе утро, милые леди, — к столу подошел парень лет восемнадцати в белой рубашке, чёрных джинсах и малиновом фартуке. Его яркая малиновая бабочка вызвала у меня неудержимое умиление.

— Не для всех оно сегодня доброе, — проговорила я с улыбкой, глядя на Лерку.

Та сидела, подперев щеки кулаками, она ответила мне унылым, флегматичным взглядом, слегка поморщив нос.

— Понял, — протянул официант, — вам что-нибудь для поднятия настроения?

— В точку, — кивнула я, — два фиалковых мороженых и два чая, зелёный жасмин и чёрный «Эрл Грей».

Официант с миловидной бабочкой записал всё это в свой блокнотик.

— Что-нибудь ещё?

— Нет, спасибо, — я покачала головой.

Когда официант ушел, я перехватила взгляд мужчины, сидевшего в другой стороне зала. У него были рыжевато-соломенные зачесанные назад волосы и такого же цвета борода. Он сидел перед полупустой прозрачной чашкой с кофе, рядом лежала книга. Я попыталась прочитать название, но она лежала слишком далеко.

Мужчина опустил взгляд и раскрыл книгу. Я ещё пару секунд с подозрением его рассматривала. Меня насторожило то, как он попытался спрятать взгляд, он словно опасался долго смотреть мне в глаза. Как будто в его взгляде, в его глазах я могла бы увидеть нечто такое, что он тщательно намеревался скрыть.

— А знаешь, — проговорила внезапно Лерка, — может, оно и к лучшему.

Я встрепенулась, уставилась на неё.

— Ты о чем? — я снова бросила опасливый взгляд на мужчину с книгой и кофе.

Он довольно искусно изображал, что полностью увлечен чтением.

Как же! Вон как пальцы стучат по столешнице — нетерпение или нервы?

— Я думаю, — проговорила Логинова, — что, может, и хорошо, что мне не доведется участвовать в этом дебильном конкурсе, пошли они все на ***.

Я закрыла глаза при звуке её ругательства, категорически не могу привыкнуть к грубой брани. Я вздохнула, протяжно и тяжело выдохнула.

— Думаю, тебе стоит попробовать реализовать себя в чем-то другом.

— В смысле? Другой конкурс? — нахмурилась Логинова.

— Возможно, — кивнув, протянула я, — но я говорила не об этом.

Я чуть наклонилась вперед и сложила руки на столе, как за партой.

— Может быть, тебе попытаться выступить в каком-нибудь клубе, на каком-нибудь мероприятии?..

— О, да, — пробурчала Лерка угрюмо, — как будто меня там ждут...

— Конечно, никто тебя там не ждёт, — я старалась быть мягкой, но говорить правду, — нужно прийти и заявить о себе, Лер.

Она подняла на меня свой взгляд, в её малахитовых глазах поблескивали слезы.

— Лерка... Лерочка... — я протянула руку и взяла её за ладонь, — да ты что! Подумаешь, какой-то вшивый конкурс! Нашла из-за чего расстраиваться! Ты уже их послала и правильно сделала. Не получилось здесь, попробуй в другом месте! Ты талантлива, у тебя шикарный голос, и ты потрясающе играешь. Только верь в себя, прошу тебя!

— Не знаю, Ника... — Лера шмыгнула носом, — думаешь, мне канал на ютубе сделать и свои песни записывать?

Я воодушевленно вскинула брови, чуть приоткрыв рот. Лера увидела выражение моего лица.

— Да ну, нафиг... — нахмурилась она и подозрительно взглянула на меня, чуть склонив голову набок, — ты серьезно?..

Я с счастливой улыбкой несколько раз оживленно и быстро кивнула.

— Слушай... Ну кому нужна моя музыка? — Лера сложила руки на груди, откинулась на спинку дивана, — там таких, как я, тысячи...

— Во-первых, — я щелкнула пальцем, — таких, как ты, точно нет, запомни это! Во-вторых, рок-групп, певцов и певиц тоже, извини, на самом деле, как травы...

Лера посмотрела мне в глаза долго и внимательно.

— Но слушаем-то мы только тех, кто, действительно, великолепен и шикарен в своем репертуаре, — с толикой торжества проговорила я.

Лерка опустила взгляд, задумалась и вздохнула. Я наблюдала за ней, за выражением её лица.

— Надо будет кучу всего купить... — неуверенно проговорила Логинова.

— У моего дяди есть хорошие камера и микрофон, — призналась я.

— Сможешь подогнать? — оживилась Лерка.

— Само собой, — кивнула я.

— Слушай, — улыбнулась Логинова, — а зачем Сигизмунду Владиславовичу понадобились микрофон и камера... Он что, — у нее на лице появилась широкая улыбка, — Он тоже собирался снимать? Серьезно? Блог? Про автомобили?

Я несколько раз кивнула и опустила взгляд на стол:

— Была какое-то время такая идея.

— Не срослось? — с усмешкой спросила Лерка.

— Да не то, чтобы... — я пожалала плечами, — просто, скорее всего, ему это было не совсем по душе.

— А зачем он тогда все это затеял? — удивилась Логинова.

Я тихо засмеялась.

— Потому что нынешние автоблогеры, в большинстве своем, вызывают у моего дяди раздражение и презрение.

Лера понимающе улыбнулась. Моего дядю Сигизмунда она хорошо знала. Он увлекался автомобилями, моторами и грезил ошеломляющей скоростью... и сиюминутной свободой, которую она способна подарить. Таким же был его младший брат, мой отец. Я, кстати, тоже унаследовала это пристрастие к скорости.

Нам принесли заказ. Мы принялись за мороженое. Настроение улучшилось, что называется, с первой ложки.

— А ты не боишься? — Лерка кивнула на мое мороженное.

— Чего? — я застыла с ложкой в руке.

— Ну вас же там взвешивают перед тем, как на лёд выпустить.

Я пренебрежительно дёрнула плечом.

— Я и так сладкое ем иногда и по чуть-чуть. К тому же у меня отличный обмен веществ, и ещё я бегаю почти каждое утро. Так что вряд ли я могу поправиться даже на самую малость. Проверено.

Логинова ухмыльнулась. Мы уплетали мороженное и обсуждали, как Лерке стоит назвать свой будущий канал на YOUTUBE.

Давешний стрёмный мужик с кофе и книгой внезапно поднялся и целенаправленно двинулся к нам. Я заметила его, отвлеклась от еды, посмотрела ему в глаза. Он поймал мой взгляд, обезоруживающе, добродушно улыбнулся. Улыбка была фальшивой... Ненастоящей... Трусливой... Его походка тоже была актёрской игрой. Ввиду всего вышеперечисленного этот тип вызывал у меня неприязнь и настороженность. Он приблизился к нам.

— Привет, девчонки, — фамильярно поздоровался он, — как у вас дела?

Лера окинула его насмешливым взглядом.

— А вы с какой целью интересуетесь? — игриво спросила она.

Я окинула её предостерегающим взглядом, но Лерка этого не заметила.

Ей льстило внимание взрослых парней и мужчин. И сейчас она опять начинает кокетничать. А вот у меня подкатывающий к двум восьмиклассницам взрослый мужик вызывал серьёзные опасения, и на это у меня была сотня причин.

— Просто, — протянул неприятный субъект. — Увидел двух красивых девушек, у которых явно что-то стряслось.

— И чем вы можете нам помочь? — холодно, слегка высокомерно спросила я.

Он посмотрел на меня. Я ему тоже не нравилась. Точнее, ему не нравилось мое поведение и, наверное, мой взгляд.

— Меня зовут Игорь, — представился он.

Мы с Лерой переглянулись. У Лерки в глазах был вопрос и неподдельный интерес. Я посмотрела на неё с намеком и укором. Мужчина понял, что свои имена мы ему называть не намерены.

— Как я понял, у вас финансовые трудности? — он бесцеремонно сел рядом с Лерой.

Логинова неловко подвинулась, глядя на незнакомца со смешанным чувством

недоверчивости и любопытства.

— Я просто сидел неподалеку и...

— Подслушивали наш разговор, — закончила я за него, — это было заметно.

Он взглянул на меня. Улыбнулся, но взгляд его выдавал. Я его явно раздражала.

— Каюсь, — он шутя кивнул, — подслушивал... Но!

Он вскинул вверх палец. Выдержал, как ему, наверное, казалось, интригующую паузу и произнёс:

— Не из праздного любопытства, девчонки.

Он взял со стола салфетку, начал крутить в руках, посмотрел на Леру.

— Я так понял, ты певица?.. Но еще непризнанная? Сама пишешь и играешь?

Он снова обворожительно улыбнулся. Я недовольно поджала губы. Неприятно было видеть, как мою подругу нагло и довольно банально охмуряют.

Не то чтобы я с ним была не согласна. Лерка, и правда, сама пишет и играет, и каверы тоже записывает, но меня все больше и больше настораживали его мотивы. Что ему от нас нужно?

Логинова хмыкнула.

— Ну... да, но... — она изумленно изогнула брови. — Тебе-то что? Тоже музыкант, что ли? Не поверю.

— И правильно, — легко согласился он, — я не музыкант.

Он по очереди посмотрел на нас, снова стараясь заинтриговать.

— Я фотограф.

Я удивленно вскинула брови. Это может многое объяснить. И странное поведение в том числе. Среди профессиональных папарацци еще и не такие экземпляры бывают. Рассказывали мне про одного чудака, который переодевался врачом и во время родов фотографировал рожениц, что называется, в процессе. Потом пару лет отсидел за свои фокусы и теперь птичек и города снимает. Этот тоже вполне может быть фотографом. Но почему у меня такое стойкое ощущение, что он или лжет, или не договаривает неприятную часть правды.

— А что вы фотографируете? — спросила я с легким высокомерием.

— Интересно? — улыбнулся Игорь мне.

В его глазах промелькнуло короткое торжество.

— Праздное любопытство, — поддразнила я его и кивнула, — так что?

Он развел руками.

— Человеческую натуру.

Он положил руку на спинку дивана за головой у Леры, словно собираясь обнять её.

— Но, — Игорь усмехнулся и, немного помолчав, вкрадчиво добавил, — обнаженную.

Лера отпрянула от него и, скривившись, произнесла:

— Я надеюсь, ты не вообразил себе, что мы можем согласиться тебе позировать?

— У большинства, кому я предлагаю, именно такая реакция, — шутливо усмехнулся фотограф, — но все меняется, когда я называю сумму гонорара.

С этими словами Игорь вынул из нагрудного кармана ручку, сложил в четыре раза салфетку и осторожно написал пятизначное число.

— И это только за первые двадцать снимков, — он спрятал ручку обратно, — потом ещё столько же. Всего может быть три — пять фотосессий.

Он положил на стол визитку и, встав из-за стола, ещё раз попытался сразить нас своей

улыбкой.

— Вы обе очень клевые киски, если надумаете подзаработать, звоните.

Он повернулся, чтобы уйти, но остановился, обернулся и словно бы невзначай заметил:

— Двух фотосессий как раз хватит, чтобы купить GIBSON FIREBIRD. Пока.

Я проводила его гневным взглядом, посмотрела на Лерку. Логинова взяла в руки его визитку.

— Лера, даже не думай! — я взялась за край стола.

Я была сердита и напряжена. Меня до крайности возмутило похабное предложение этого самодовольного засранца! Она подняла на меня взор и быстро отложила визитку.

— Я просто посмотрела, — пробормотала она.

Её задумчивый взгляд опустился на салфетку, но она тут же встрепенулась и посмотрела в сторону, словно ее вдруг резко заинтересовала обстановка в кафе. Я вздохнула, взяла салфетку с обозначенной суммой и порвала.

— Лера, ты можешь заработать на гитару сама без этого, — я с презрением кивнула на мусорную урну, — тем более, если начнешь записывать музыку на собственном канале.

Логинова пожала плечами.

— Слушай, я просто прикинула.

— Что тут прикидывать? — возмутилась я. — Надо было, вообще, полицию вызвать и...

— И что ты им скажешь? — усмехнулась Лерка. — Ай-яй-яй, этот дядя предложил мне гольшом пофоткаться?

— Вообще-то, мы с тобой несовершеннолетние, — рассудительно заметила я. — И он не может предлагать нам такие вещи. Это статья.

— Жаль тебя расстраивать, Роджеровна, — Логинова поковыряла ложкой остатки мороженого, — но даже если бы его арестовали, вряд ли бы он получил срок.

— Если бы его арестовали, — не согласилась я, — он бы хоть какое-то время не лез бы ни к кому с такими пошлыми, грязными и извращенными предложениями.

— О-о, — протянула Лерка и ехидно ухмыльнулась, — и это мне говорит фанат Игры Престолов?

— При чем тут сериал? — удивилась я.

— Притом, что там секса больше, чем сюжета.

— Нет, — усмехнулась я, — просто некоторые ничего, кроме секса, в нем не замечают.

— Ой всё, ладно, — Лера подняла ладони, — я беру свои слова обратно. Замечательный сериал! Все! Только не заводись.

— Я и не собиралась, — ответила я, чуть прикрыв глаза, — но... Лер...

— Что?

— Пообещай, пожалуйста, что ты не будешь ему звонить.

— Кому?.. — нахмурилась Лерка, облизнув ложку с мороженым и пренебрежительно фыркнула.

— Да нет, конечно, я с тобой согласна. Гитару я, конечно, очень хочу, но... Как-то вот... не таким способом.

Я испытала невероятное облегчение. Не то чтобы Логинова тяготела к участию в эротических фотосессиях, просто она, на самом деле, лишена большинства комплексов (кроме тех случаев, когда выходит на сцену). При этом ей свойственны дерзость, своеобразие и изрядная доля наглости. А еще на многие вещи, которые лично меня повергают в шок, она реагирует с незатейливым вопросом: «А что тут такого?».

Мы еще около двух часов просидели за столом. Обсуждали ее будущий канал и решали, что для него нужно. Какие ее личные хиты следует выложить первыми? И когда я передам ей камеру и микрофон?

Затем Лерке позвонила мама, и она попрощалась со мной. А я доела мороженное, еще немного посидела, размышляя над тем, как помочь Лерке, а потом поехала домой.

Выйдя из кафе, я направилась к метро. Подойдя к ступеням, ведущим вниз на станцию, я остановилась, закусила губу и закрыла глаза. Меня будоражил и стальной хваткой сковывал инстинктивный страх. Я боялась того, что меня ждёт там внизу. В метро... среди толпы людей. Я отошла от спуска. Мне нужно было собраться с силами, перевести дух и избавиться от накатывающей паники.

Чтобы вы не посчитали меня чокнутой социопаткой или особой, страдающей психическими заболеваниями, я попытаюсь объяснить причину своего страха. Только, пожалуйста, убедительная просьба, реагируйте... поспокойнее. Идёт?

Не буду долго разглагольствовать и рассказывать всю предысторию моей жизни. Помимо школы, фигурного катания, друзей, обыденных и повседневных событий и прочих бытовых проблем, есть и другая сторона моей жизни. Точнее, особенность, способность, проклятие... Я... я вижу воспоминания. Нет, нет, нет. Не надо кривиться. Вы не понимаете ещё, о чем я говорю.

Я не просто их вижу. Я их проживаю. Я в них участвую. Иногда я вижу их со стороны, иногда — глазами тех, чьи воспоминания ворвались в мое сознание.

Это началось, наверное, лет в семь, может быть, чуть раньше. Уже тогда я начала видеть вещи, объяснить которые мне никто не мог. Не знаю, как, но у меня хватило разума никому об этом не рассказывать. Я боялась, что родители решат, что я больна, что со мной что-то не так. Я боялась, что они откажутся от меня. Зачем им такая дочка? Ненормальная... С возрастом я стала видеть чужие воспоминания чаще. Видения становились длиннее и эффектнее. Я постепенно разбиралась в их природе.

Они возникают внезапно и выглядят невероятно реалистичными. Накатывают неожиданно. Пленяют разум, подчиняют мое сознание. Уносят меня в прошлое других людей. Я против своей воли вместе с ними переживаю события из их жизни. Это происходит не всегда. Иногда я могу несколько дней не видеть ничего такого. Но чаще всего я почти каждый день вижу по несколько мелких эпизодов из жизни других людей. И я никак не могу это контролировать. Точнее могу, но только в одну сторону. Я могу постараться увидеть чье-то воспоминание, и иногда у меня это получается.

Но главная проблема заключается не в этом. Трудно поверить, но к этому всему можно привыкнуть. Точнее можно было бы, если бы не одно «но».

Воспоминания, которые я вижу, чаще всего самые запоминающиеся для тех людей, которым они принадлежат. Это воспоминания с самыми сильными пережитыми эмоциями. Именно такие я вижу чаще всего. Именно такие надолго остаются в моем сознании и потом мучают периодическими, внезапными приступами. И хорошо, если я увижу и переживу, чей-то день рождения, чью-то свадьбу, чье-то повышение или чей-то триумф... Но человеческая природа такова, что лучше и крепче всего люди запоминают самое плохое, что случилось в их жизни. Самое плохое. Самое ужасное. Самое отвратительное. Как раз то, что они с усилием стремятся забыть или хотя бы скрыть. События, которые вызывают самые негативные эмоции: ревность, ненависть, драки, ссоры, месть, предательства, убийства...

Да, как вы, наверное, догадались, именно последнее в буквальном смысле моя головная

боль. Я вижу такие воспоминания не то чтобы очень часто, но достаточно для того, чтобы они пропитывали мое сознание и укоренялись там и потом возвращались вновь и вновь. Когда такое происходит, то я с кошмарными подробностями вновь и вновь могу переживать все то самое мерзкое, пугающее и отвратительное, на что способна тёмная сторона человеческой сущности.

Часто мои видения врываются в мои сны. Я часто просыпаюсь по ночам в поту, с лихорадкой, преисполненная ужасом от того, что я увидела. Ведь все, что было в видении, скорее всего, правда.

И, наконец самое гадкое. Есть воспоминания, которые остаются со мной.

Усиливаются. Повторяются чаще и чаще, снова и снова, доводя меня до состояния истерики и панического ужаса. И заканчивается этот кошмар только лишь тогда, когда жертва, чье воспоминание терзает меня, отомщена, а ее убийца понес наказание.

Я не знаю, как это объяснить, но это не совпадение. И другого способа избавиться от таких воспоминаний нет. По крайней мере, я его не знаю.

А что касается моего пребывания в метро, то нетрудно догадаться, что шансы увидеть там десятки и даже сотни чужих воспоминаний равны почти ста процентам. И если в школе, в конце концов, к моим видениями можно было привыкнуть, тем более, что особо страшных видений я там не видела, то метро — дело кардинально другое.

Есть теория, что каждый человек примерно четыре раза в своей жизни проходит мимо убийцы. Так вот, это — враньё! В метро их десятки, если не сотни. Не верите? Сомневаетесь? А что вы знаете о тысячах людей, которых ежедневно видите в метро? Кто-то нечаянно сбил ребенка на машине. Кто-то в детстве насмерть замучил кошку. Кто-то в ссоре зарезал жену или из ревности убил соперника. А есть те, кому это нравится, кто получает от чужих мучений, страданий и боли истинное наслаждение и сексуальное возбуждение. И, вы уж извините за прямоту, любой из них вполне мог бы ехать с вами в одном вагоне метро, даже стоять совсем рядом. Но вы никогда ничего не узнаете. Разве что из новостей. Упаси вас бог, увидеть истинную сущность человекообразных монстров, я вам искренне и от души желаю избежать такого.

В метро я все-таки спустилась.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Понедельник, 2 июня.

Сигарета вяло тлела в пепельнице, медленно истекала вьющимся дымком. По кабинету начальника Уголовного розыска УВД города Москвы расплывался сухой и горький табачный запах.

Генерал, Савельев Антон Спиридонович, рассматривал сделанные на месте последнего преступления снимки.

— Сколько ей было лет? — спросил он, глядя на фотографию.

— Восемнадцать, — Стас смотрел на стол, он не мог себя заставить смотреть на Савельева.

— А другим жертвам?

— Первой тоже восемнадцать, — ответил Корнилов, — а второй — пятнадцать.

— Первой, второй, — хмыкнул Савельев, — ты хоть фамилии их помнишь?

— Богуслава Мартынова и Яна Долгобродова.

Стас посмотрел на генерала. Тот поднял пронизывающий, жесткий взгляд светло-голубых глаз.

— Я помню их всех, — ответил Стас.

— Хорошо, — проговорил Савельев и кивнул на фотографию, — мать Богуславы Мартыновой, первой жертвы, вчера порезала себе вены и сейчас находится в реанимации.

Стасу показалось, что запах табака в кабинете стал горше, он начал царапать горло и слегка жечь глаза.

— Мы делаем всё возможное.

— Я знаю, Стас. Нужно сделать больше.

Корнилов закрыл глаза.

— Знаю.

— Что по уликам?

Стас стиснул зубы, как от боли.

— Чисто, как в операционной.

Савельев глухо промычал, вздохнул, отложил папку с фотографиями. Затем он наклонился вправо, достал из ящика стола свернутую в трубку газету.

— Полюбуйся.

Стас взял у него газету. Это был свежий выпуск «Ежедневного обозревателя».

На первой полосе крупными, жирными буквами красовалось: «Очередная жертва Романтика» А ниже чуть меньшим шрифтом: «Что предпримет полиция? Как долго мы ещё должны бояться за своих дочерей?»

— Они дали ему прозвище, — Аспирин затушил тлеющий окурок в пепельнице.

Стас невесело усмехнулся.

— Стало быть, он им понравился.

— Только до тех пор, пока вы его не поймаете, — заметил генерал Савельев.

Стас отложил газету, посмотрел на генерала. Тот взглянул на него поверх очков. Стас видел, что Савельев испытывает тревогу, раздражение и тщательно скрытую надежду.

— Что ты намерен делать?

Корнилов отвел взгляд. Затем оглядел висевшие на стене напротив фотографии и наградные листы в рамках.

— Я хочу понять, как он выбирает своих жертв.

— Насколько я знаю, между девочками нет ничего общего, — заметил Аспирин.

Стас шевельнул руками.

— Ну почему. Кое-что есть. Они все молоды, красивы, все отличницы в своих ВУЗах, правильные и морально чистые девчонки.

— Были, — мрачно и веско уточнил генерал.

— Были, — согласился Стас, ощутив неприятный толчок в сердце.

Антон Спиридонович откинулся в кресле, взглянул вверх входной двери. Там висела репродукция стяга кавалерийской дивизии времён Гражданской войны. В одной из таких дивизий воевал дед Антона Спиридоновича, а позже он воевал с поляками и ходил в Бессарабию.

— Значит, он выбирает хороших, правильных девочек, — проговорил Аспирин, — они... они его розы?

Стас сжал зубы. Ему не понравилось, что генерал принял то сравнение, которое им навязывал убийца.

— Да, — ответил он вслух, — скорее всего, так.

Генерал Савельев неприязненно, с досадой мотнул головой.

— Смотрю иногда на нашу молодёжь, Стас, часто вижу некоторых девок с сигаретам в зубах, с пивасом, водярой, раскрашенных, как шалавы. Одеты так же, и ведут себя соответствующе. И их же немало, мать их...

Он снова качнул головой.

— И думаю про себя. Почему не их? Почему... почему они выбирают именно хороших? Чистых? Правильных? Почему?

Стас взглянул на генерала с легким удивлением. Генерал Савельев говорил с откровенной злой досадой и горьким разочарованием. Корнилову Аспирин всегда казался человеком жестким и даже жестоким.

Генерал перехватил взгляд Стаса, прокашлялся.

— Забудь, — велел он.

Стас кивнул.

— Когда, думаешь, он убьет снова? Через две недели? Через неделю?..

Корнилов качнул головой.

— Раньше. Намного раньше.

— Почему?

— Он вошел во вкус. Почувствовал безнаказанность.

Аспирин до хруста сжал пальцы рук, размял их.

— Тогда поспеши, дай мне хоть какие-то сведения, мне нужно что-то говорить людям, пресс-конференция уже в среду.

Их взгляды снова столкнулись. Взгляд Аспирина давил, требовал, просил.

Корнилов молча кивнул и встал из-за стола.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Понедельник, 2 июня.

Я бежала вверх по ступеням так, словно у меня вот-вот закончится кислород. В голове пульсировала кровь. В ушах кричали, смеялись, плакали и говорили люди. Перед глазами еще сверкали моменты чужих воспоминаний.

Они захлестнули меня на второй остановке, когда в вагон метро зашло очень много людей.

Я видела семейные склоки, мать ругающую сына, двух мужчин, подравшихся из — за царапины на автомобиле, старика, что специально задавил щенка на своей машине.

Я взбежала по ступеням навстречу белому дневному свету. Выскочила вперед, толкнув стеклянную дверь, и чуть не задела дородную тётю с сумками. Женщина сначала испугалась, а потом «одарила» меня несколькими крепкими словами. Мне было всё равно.

Я быстро шла вперед, стараясь избавиться от голосов и видений, проникших в мой мозг. Они орали, говорили, бормотали. Обрывки эпизодов чужой жизни то и дело застилали взор, одна фальшивая реальность сменяла другую. Пару раз я чуть не врезалась в прохожих. Я остановилась возле магазина аксессуаров для телефонов, перевела дух. Вроде бы меня понемногу отпускало.

Некоторые прохожие с подозрением косились на меня. Ленивой поступью прошел полицейский, окинув меня придирчивым взглядом. Я постаралась придать себе как можно более обыденный вид, надеясь, что он не заметит испарины на моем лице и судорожного дыхания. А то было пару раз, когда меня останавливали и заставляли проходить тесты на содержание наркотиков в крови. Мало приятного, тем более, что потом еще в школу сообщают.

Полицейский прошел мимо. Я посмотрела ему вслед, закрыла глаза, прижалась спиной к стене ларька, несколько раз вздохнула.

За спиной внезапно зазвучал голос вокалиста OneRepublic. Я вздрогнула, отшатнулась от стены магазина, торопливо достала телефон. Звонил дядя Сигизмунд. Я приняла вызов.

— Здравствуйте, дядя Сигизмунд, — поздоровалась я.

— Привет, ягодка, — степенно произнес дядя, — ты уже освободилась?

— Да, дядя, — я старалась говорить приветливо и вежливо, словно со мной все в порядке.

— Отлично. Ты не могла бы купить рис и имбирь?

— Дядя Сигизмунд, — усмехнулась я, — вы опять будете крутить роллы? Вы же уже пытались...

— Не ты ли мне говорила, ягодка, что если не получилось с первого, второго и даже пятого раза, нужно пытаться, пока не получится?

Я закрыла глаза. Тот чувство, когда тебя «приложили» собственным же высказыванием.

— Хорошо, я куплю, — сдалась я.

Опять мне, походу, придется кухню убирать. Потому что у дяди Сигизмунда, скорее всего, опять ничего не получится. И, как обычно, он в гневе оставит захламленную кухню и пойдет вниз, в мастерскую, копаться в моторах. Это его успокаивает.

Я зашла в ближайший супермаркет. Людей было немного, но очереди все равно были приличные, так как работало только четыре кассы. Возле всех четырех касс очереди уже насчитывали по десять — двенадцать человек.

Ладно, постою, в принципе, я не тороплюсь.

Всё шло хорошо до тех пор, пока мимо меня не начала пробираться какая-то рыжеволосая девушка в джинсах и светлом пиджаке. Разговаривая по телефону, она бесцеремонно прошла всю очередь и встала передо мной.

Люди за моей спиной начали возмущаться. Я тоже не собиралась терпеть подобного отношения.

— Извините, — я чуть склонила голову вбок, — а у вас льготы на хамское поведение? Девушка, я к вам обращаюсь.

— Да-да, — тараторила рыжеволосая в трубку, — возьмите шампанское из холодильника. Нет! Другое... Подешевле!

Она оглянулась и вопросительно посмотрела на меня.

— Что тебя не устраивает? Я здесь занимала очередь несколько минут назад.

— Что вы говорите! — картинно удивилась я. — Как это я вас не заметила, простояв с самого конца очереди?

— Надо было лучше смотреть, — отмахнулась рыжеволосая, — я отошла, когда ты подходила, наверное. Разминулись.

— Девушка, здесь очередь! — сердито воскликнула какая-то женщина преклонного возраста.

— Никакого уважения нет, — с сожалением покачала головой плотная женщина в летнем платье, — посмотрите на неё!

— Так! — прикрикнула рыжеволосая. — Я сказала, я здесь уже занимала очередь!

— Да за кем ты занимала?! — напустились на неё женщины, стоявшие за моей спиной.

— Вон за тем мужчиной, — рыжая неопределенно махнул в сторону выхода.

Скандал разгорался. Люди перешли на крики. Я взяла продукты и демонстративно

перешла в другую очередь. Благо народу тут было немного.

Я лучше уж постою еще немного, ненавижу скандалы и ругань!

Рыжую все-таки выпроводили в конец очереди. Она, раздраженная и злая, тоже перешла на другую кассу. Я посмотрела ей вслед. Нет. Я не чувствовала торжества или морального удовлетворения. Только сожаление. Некоторые люди, чтобы чувствовать себя уверенными и защищенными, отгораживаются крепостной стеной хамства, грубости и наглости. Так проще, как им кажется.

Но их поведение чаще всего провоцирует других людей на такую же грубость по отношению к ним.

Я просто подумала, глядя на нее, что если бы она попросила пропустить её вперед, объяснила бы причину, то я бы пропустила. Пусть даже на меня выверилась бы вся остальная очередь. А так... Какой был смысл в таком поведении?

Я расплатилась за купленные продукты, сложила их в пакет и направилась к выходу. Каким-то чудом рыжая успела проскочить вперед в следующей очереди. И когда я шла к выходу, она как раз рассчитывалась.

Рыжеволосая девушка отложила телефон, открыла кошелек и сунула карту кассиру. Затем набила код на терминале и, забрав продукты, поспешила к выходу.

Я пошла следом, не торопясь. Проходя мимо кассы, где ее только что обслужили, я заметила лежащий в уголке смартфон. Это был Айфон рыжеволосой хамки. Я протянула руку, взяла телефон и поспешила за рыжей.

— Девушка! — крикнула я ей.

Но она меня не услышала.

— Девушка! Вы телефон забыли!..

Ноль внимания. Куда она так торопится? Я прибавила шаг. Брать себе чужую вещь у меня желания не было, но и оставить его на кассе я не решилась.

Айфон бы ей никто не вернул, слишком уж вещь понтовая. Я догнала рыжеволосую на стоянке, когда она открывала дверцу своего желтого SUZUKI swift.

— Девушка, постойте! — воскликнула я, подходя к ней.

Она обернулась, мгновенно меня узнала.

— Чего тебе еще? — угрожающе, неприязненно пробурчала она.

Ну, конечно, её же выперли в другую очередь, а виновата я.

— Вот, — я протянула ей телефон.

Она застыла. Затем спохватилась и резко вырвала мобильник у меня из рук.

— Господи... — прошептала она. — Я его забыла?!

— Д-да... — чуть заикаясь, ответила я и нахмурилась.

...Шум воды в мойке... Кто-то ругается в соседней комнате... Я сделала радио погромче, не хочу слышать, как ругаются мои родители. Снова. Опять. Я чувствую злость на них обоих. Никто даже не пытается найти способы примирения! Кажется, они уже оба хотят развестись! Я закончила мыть посуду, выключила воду. Их голоса стали громче.

— Хватит на меня орать! — кричал мужчина. — На себя посмотри, идиотка конченная!

— Это я-то идиотка? — визжал в ответ женский голос. — Это я на деньги, которые мы отложили для отпуска, себе пальто новое купила? Я?!

— Во-первых, это мои деньги! Я их зарабатываю!

— Да что ты говоришь! Ты бы уже всё про**ал, если бы не я! Козёл безмозглый!

— Ах ты дрянь! — прорычал мужской голос.

Женщина закричала. Я не выдержала, бегу в комнату, распахиваю дверь.

— Папа стой! Не надо! — кричу я с ужасом.

Усатый мужчина, повалил светловолосую женщину на пол и занёс кулак.

— Эй! Блондиночка!

Я вздрогнула... Воспоминание исчезло.

Мы стояли на парковке. Рыжая щелкала пальцами у меня перед носом.

— Эй... Приём. Ты меня слышишь?

— Да... — проговорила я.

В голове еще ощущалась тяжесть и странный сумбур, трудно было собраться с мыслями.

— Я спросила, может быть, тебя подвезти? — произнесла рыжая.

— Подвезти? — переспросила я. — А... нет. Спасибо.

— Тебе спасибо, — она вполне искренне улыбнулась. — У меня в этой трубке все контакты. Это был бы триндец для меня. И слушай...

Она отвела взор, подыскивая слова.

— Извини за то, что я нам начудила в очереди... Я не хотела.

— Бывает. — я пожала плечами и кивнула ей. — Удачи.

— И тебе.

Я направилась прочь и зашагала по направлению к своему дому.

Эпизод второй

РОМАНТИК

Четверг, 5 июня.

Запрокинув голову, он смотрел на небо... Он любовался небосводом, наслаждался плавным и в то же время стремительным изменением оттенков. Небо постепенно темнело у него на глазах, в расширяющихся зрачках густела сливовая, чёрная тьма. Налетевший сзади ветер растрепал его волосы, вздернул одежду, его губы тронула блаженная улыбка. Он ощущал приятную, возбуждающую лихорадку, он смаковал предвкушение...

Ветер крепчал, воздух начинал отдавать вечерней прохладой. А расплывчатая сфера солнца спускалась за крыши домов и верхушки деревьев. Таяло тепло дня, стремительно мерк солнечный свет. На его лицо упали последние, прощальные лучи садящегося солнца. Несколько минут, и наступил полноценный закат.

Мужчина, стоявший на крыше дома, опустил голову, подошел к краю. Затем переступил через ограду и уселся на карниз. Его ноги свисали с высоты шестнадцатиэтажного дома. Высота пугала и развлекала его одновременно. Он улыбался, глядя вниз, ему нравилось чувство опасности и осознание неминуемой гибели в случае падения вниз. Это возбуждало...

Он ждал. Ждал её, ту самую, за кем наблюдал уже неделю. Ту, чей образ запомнил так четко и ясно, что, закрывая глаза, мог бы перечислить все детали её облика: от двух миниатюрных родимых пятнышек на шее, до всех её сумочек, которые она носила с тем или иным образом.

Он столько раз бывал рядом, проходил в нескольких сантиметрах от неё, вдыхал ласковый аромат её духов. А она даже не замечала его, не обращала на него внимания, вся погруженная в дела. Горделивая, независимая и дерзкая.

Эта девушка была совсем, как роза Бобби Джеймс, что способна давать побеги до восьми метров. Эта роза устойчива к болезням и морозам, стремится вверх, в высоту, подальше от человека. Человеку приходится пользоваться стремянкой, чтобы срезать её

стебли. И она, та, которую он выбрал... она такая же.

Снизу, со двора, донесся шум автомобильного двигателя. Он затаил дыхание, уставился вниз. Огни уличных фонарей точками очертили двор. Тьма бессильно клубилась вокруг них, создавая размытый ореол вязкого полумрака. Он следил за въехавшей во двор машиной. Желтый SUZUKI swift, её машина, Бобби Джеймс.

Он смотрел, как она припарковалась. Видел, как она вышла из автомобиля и, звонко цокая каблуками по асфальту, разговаривая по телефону, направилась к подъезду. Он улыбнулся своим мыслям, своему предвкушению. Посмотрел на часы и начал готовиться. Достал крепеж, тросы, установил на крыше лебедку.

Он хотел добраться к ней красиво, он желал сорвать её эффектно, с риском, с привкусом опасности. Эту розу нужно срывать только так, рискуя собой, играя с опасностью.

Он посмотрел на часы. Ждать оставалось ещё два часа. Сейчас она переодевается, идёт в душ, смывает макияж. Потом ужинает(только чай и фруктовый салат), смотрит любимый сериал и чуть позже гасит свет. Лежа в постели, думает о работе, о своей личной жизни, которой почти нет. Через некоторое время, уже перед сном, она трогает своё тело, отдаваясь пикантным фантазиям с героем любимого сериала. Сама доводит себя до сладкой истомы, тихо стонет, кусая губы, гладит свою обнажённую грудь, водит ладонью по животу, опускает её всё ниже.

Он ухмылялся, стоя на крыше и представляя это, и он знал, что это — правда.

Именно это сейчас и происходит в её маленькой квартире на одиннадцатом этаже.

Он проверил трос, крепежи, лебедку. Встал на край карниза, вздохнул. Затем оттолкнулся от края и спустился вниз.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 5 июня.

Он не хотел покупать цветы, но знал, что это было необходимо, этого требовали обстоятельства. Он опять разозлил и разочаровал Риту. И просто так, с пустыми руками, не мог сегодня явиться домой. Почти три дня с момента третьего убийства он фактически провел на работе, пятьдесят четыре часа из семидесяти двух.

Сегодня, когда Рита должна уже была немного остыть, стоило попытаться сгладить конфликт, а для этого, само собой, нужен презент.

Корнилов перебирал в своей голове варианты. Конфеты? Пошло, тем более у него, как назло, вылетело из головы название тех, которые она так любит.

Купить мягкую игрушку? Вроде, уже не студенты, не поймёт. Нижнее бельё? Он это уже проходил, Рита его так ни разу и не надела. Оставались только цветы.

Продавщица, молодая, невысокая и щуплая девчонка, металась вдоль витрин и без усталости бойко щебетала:

— Может быть, вот эти? А? Как вам? Смотрите, какие красивые и пахнут прекрасно! И стоят долго! Не нравится? Тогда, может быть, вот эти? Украсят любой интерьер, придется по вкусу любой женщине! Как думаете? Мужчина? А, может быть, вам вот эти розы! Смотрите...

— Нет, — категорично качнул головой Стас, — уж только не розы.

— Но вы посмотрите...

— Я сказал «Нет!» — рыкнул он.

Девушка вздрогнула и замолчала.

— Ладно... — пролепетала она.

Его реакция явно напугала её. Девчонка замолчала. Стас мысленно выругался.

— Извините меня, — сказал он. — День тяжёлый.

— Понимаю... — проговорила продавщица.

Он внимательно посмотрел на неё. Она кивнула.

— Извините. Я молчу.

Стас со вздохом оглядел витрину и ткнул пальцем в более-менее нормальный, с его точки зрения, букет.

— Вот этот давайте.

— Упаковывать? — робко предложила девчонка.

— Да.

— Какого цвета предпочитаете упаковку? — тут же затараторила она. — У нас есть фиолетовая, розовая, золотая...

— Золотую, — поспешно перебив её, сказал Стас. — Давайте золотую.

— Хорошо... С вас семьсот восемьдесят рублей.

Корнилов открыл кошелек, молча отсчитал положенную сумму, протянул ей и взял цветы.

— Сдачу оставьте себе, — буркнул он и направился к дверям магазина.

Перед тем как добраться домой, Стасу пришлось выстоять сорокаминутную пробку на проспекте Жукова. А когда он приехал, то обнаружил, что Рита и не подумала сменить гнев на милость. И цветы никак на ее настроение не повлияли, скорее, они даже возымели обратный эффект.

Она закрылась в их спальне и максимально громко включила телевизор, чтобы он слышал. Так она делала всегда, когда была сердита на него. Знак того, что она категорически не хочет с ним общаться. Стас не настаивал, он подошел к комнате дочери, постучал и заглянул.

— Алина? — позвал Стас.

Дочка, сидя в кресле, обернулась и активно замахала рукой.

— Да, хорошо, — произнесла она в трубку, — только давай лучше на два часа. Там акция...

Она снова выразительно замахала рукой, умоляя отца, чтобы он вышел. Стас усмехнулся ей, показал купленную по дороге домой шоколадку. Алинка беззвучно вытянула губки. Она улыбалась, слушая собеседника в телефоне.

Корнилов вышел. Улыбка предназначалась не ему, и он это знал. Он понимал, что чем старше будет становиться его дочь, тем чаще её улыбки буду доставаться другим.

Стас вышел на кухню, цветы бросил на стул, погасил свет и открыл окно. Ночной, стылый воздух лизнул его лицо. Стас чиркнул спичкой, закурил, выдохнул горький дым.

Ночь была беззвездной, темной. Из-за низкой облачности не было видно даже молодой луны. Он взглянул на опустевшую улицу, прохожих почти не было.

Только изредка по улице генерала Карбышева проносился какой-нибудь автомобиль.

Стас поднес сигарету к губам. Он гадал, где сейчас Романтик? Что он делает?

Спит или выдумывает очередное убийство? Или ужинает? Или, может быть, именно в этот момент он убивает очередную девушку? И никто, никто в этом городе абсолютно точно ей сейчас не поможет. Романтик это знает и наверняка радуется. Наверняка восторгается собственной безнаказанностью и властью над беспомощной девушкой.

Стас закрыл глаза, оттопырив большой палец правой руки, потёр лоб. Скрипнула дверь кухни, он обернулся. Рита стояла в дверях, сложив руки на груди. Она вздохнула, глядя на сигарету в его руке.

— Кажется, мы договорились, что наша кухня не курилка, — проговорила она с обвиняющим холодком.

Стас затушил сигарету. Рита все ещё сердится на него, но у нее явно наблюдается положительная динамика в сторону примирения. Она подобрала подол халата, села за стол, взяла цветы.

— Тюльпанчики, — хмыкнула Рита.

Она понюхала букет.

— Ненавижу их.

Стас закрыл окно, улыбнулся.

— Лучше бы ты вина купил, Корнилов, — усмехнулась Рита. — Или коробку конфет.

— Я забыл название твоих любимых, — признался он.

— Я так и поняла, — вздохнула Рита.

— Я могу сходить.

— Ночью? Брось, — она поморщилась. — Главное, не что ты купил, а сам факт, что ты хотел меня порадовать.

Стас подошел к столу, сел напротив нее. Она смотрела на него, через секунду на ее губах образовалась снисходительная улыбка.

— Что на работе? Трудно?

— Терпимо, — Стас не любил и не хотел обсуждать работу дома.

Это было его правило, и Рита это знала. Она спросила, рассчитывая именно на такой ответ. Он купил цветы, проявил внимание. А этот вопрос был её ответным шагом на его попытку примирения. Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Затем Стас мягко накрыл ладонью её руку. Рита в ответ взяла его ладонь двумя руками и сжала, глядя ему в глаза. Он перегнулся через стол, их губы соприкоснулись, слились в продолжительном поцелуе.

Они не услышали, как открылась дверь на кухню.

— Мам... пап...

Стас быстро отстранился. Рита смущенно убрала волосы за ухо. На пороге стояла Алина и переводила удивленный, растерянный взгляд с отца на мать и обратно.

— Я просто... хотела узнать... — пролепетала Алина, — можно мне завтра с Таней и Катей пойти погулять? В два часа?

— Хорошо, доча, — кивнула Рита, — только чтобы дома была в семь.

— Ну ма-ам...

— В шесть, — с нажимом произнесла Рита.

— Па-ап! — обиженно воскликнула дочка.

— Оленёнок, не торгуйся, — попросил Стас с улыбкой. — Не забывай, что твои репетиции не прекратились с началом каникул.

— Я помню, — вздохнула Алина и кивнула, — ладно. В шесть, так в шесть. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Рита и Стас ответили почти одновременно, затем переглянулись. У обоих на лицах растянулись добродушные, ласковые и любящие улыбки.

РОМАНТИК

Воскресенье, 8 июня.

Он отложил пустой шприц в металлическую миску, вытер руки полотенцем, отбросил его. Взглянул на лежащую перед ним девушку, она была прекрасна в своём бессознательном состоянии, казалось, она пребывает во власти глубокого, умиротворённого сна. Он не удержался, коснулся её, легко провел кончиками пальцев по лицу, погладил шею. Его взгляд скользнул вниз, к её груди. Он провел пальцем по её правому соску, ладонью погладил живот, ласково обвел бедра и задержал ладонь на её колене. Ему нравилось ощущение её кожи — гладкой, чистой, чуточку прохладной и бархатистой.

Он считал её лишней, он считал, что кожа скрывает, стягивает и сжимает её истинную красоту. Она одновременно восхищала и раздражала его. Он тихо поднялся с постели, на которой она лежала.

В помещении горел тусклый, мерклый желтый свет. Он не любил слишком яркое освещение, оно мешало ему. Он ощущал себя неуютно. Пока она спит, у него есть время подготовить её. Он подошел к жестяной ванне, повернул кран и несколько минут смотрел, как набирается вода. Он сидел на краю ванной и водил кончиками пальцев в теплой воде, ему нравилась вода. Вода — это жизнь, это источник жизни для всех: для животных, для людей, для цветов. Затем он взял с пола тугой, объёмистый пластиковый пакет. Открыл его и высыпал в ванную светлые лепестки роз Бобби Джеймс. Похожие на мотыльков, белые лепестки закружились над водой, они причудливой чешуёй покрыли поверхность теплой воды. Из-за колебаний водной поверхности казалось, что чешуя из лепестков роз двигается, создавалось впечатление, что это часть чешуйчатой шкуры какого-то дивного зверя.

Он опустил руку, коснулся пальцами лепестков. Их прикосновение вызвало у него блаженную дрожь, его охватило восторженное предвкушение. Он подошел к кровати, аккуратно, бережно поднял спящую девушку. Её волосы рассыпались по его руке. Он застыл, пораженный приятным ощущением.

Золотисто-медные, переливающиеся тусклыми бликами, шелковистые локоны мягко стелились по его локтю и свисали вниз. Они словно сами тянулись к полу, они тянулись прочь от него. Он несколько мгновений с восхищением рассматривал её лицо. Затем повернулся, медленно, торжественно подошел к ванной и так же осторожно, с почтением, опустил её в воду с белыми лепестками.

Он заворожено смотрел, как слой молочно-белых лепестков спрятал часть её тела. На поверхности остались лицо, плечи, грудь, часть живота и руки. Все остальное скрылось за лепестками, за густым слоем шевелящихся лепестков роз Бобби Джеймс. Он положил её голову на специальный подголовник, волосы свесил за край ванны. Он не хотел, чтобы они намокли, они должны были остаться не тронутыми влагой.

Сев на табуретку возле ванной, он взял расческу. Точнее это был гребешок, серебряный гребешок с жемчугом. Это было наследие его бабушки, а ей оно досталось от матери. Эта древняя драгоценность с незапамятных времен принадлежит его семье. По легенде один из его предков купцов приобрел гребешок во время путешествия по далеким восточным странам. Подробностей не знал никто.

Он с чувством долгастарательно расчёсывал её медные пряди. Когда всё было готово, он отложил гребешок, наклонился к ней и поцеловал в лоб.

— Пора, — произнёс он. — Пришло время показать твоё неповторимое совершенство. Для представления нового шедевра он выбрал самый подходящий антураж.

Это был цветочный магазин недалеко от центра города. Он был переполнен розами. Огромный для цветочного магазина павильон буквально белеет от букетов и различных флористических композиций из роз Бобби Джеймс. То, что нужно.

Он знал, что не должен был сейчас этого делать. Он знал, что и так привлек к себе слишком много внимания полиции. Он знал, что его ищут. Знал, что это опасно. Но он уже не мог остановиться. Хотя он дал себе слово, что после этой работы, после этой декорации и этого произведения он даст себе небольшой отдых. У него ещё слишком много работы. Он слишком многое должен успеть. И он не может рисковать, давая возможность поймать себя раньше, чем это нужно.

Он не раз предвкушал, как о нём будут говорить, когда «поймают».

Как им будут восхищаться. Сколько людей узнают о нём, о его творениях! Он навсегда останется в истории, как непревзойдённый мастер серии оригинальных декораций и шедевральных экспозиций. Он останется в памяти великим и непревзойденным.

Он открыл магазин, сигнализация была отключена заранее, равно как и камеры наблюдения, все, которые могли запечатлеть лишнее. Он принёс в магазин инструменты, воду и лепестки, затем принёс её.

Он закрыл магазин и зажег свечи. Он любил делать это при свечах.

Она начала просыпаться. Девушка заворочалась, приподнялась на локте. Лицо у неё было сонное и хмурое.

— Г-где я? — заикаясь, тихим, тоненьким голоском спросила она.

— Ты среди декораций, — ответил он.

Она попробовала пошевелиться, но её запястья и щиколотки были плотно стянуты ремнями.

— Кто вы... Отпустите меня! — она в панике забилась, стремясь освободиться. — Отпусти меня, больной урод! Что тебя нужно?! Что ты...

Она осеклась, когда он молча подошёл к ней и раздраженно заткнул её рот кляпом. Она протестующе замычала, продолжая елозить по полу. Вращаясь из стороны в сторону, истерично билась в тщетных попытках высвободиться.

А он медленно и неторопливо раскладывал свои инструменты. Затем достал из сумки спецодежду. Он облачился в полукомбинезон и куртку из смесовой ткани. Затем сменил обувь.

Это была одноразовая одежда. Все это он сожжет после сотворения шедевра.

На руки он натянул темные нейлоновые перчатки.

Она, обессиленная, замерев от ужасающего потрясения, наблюдала за его приготовлениями. Он взял несколько медицинских зажимов, положил поближе. Присел возле неё. По правую руку положил несколько скальпелей и хирургический нож.

— Ну что? — с обманчивой лаской спросил он. — Пора?

Её глаза широко распахнулись. Она неистово замотала головой, по ее щекам потекли слёзы. Она что-то с усилием промычала, попыталась приподняться.

Он удержал её рукой, второй взял большой брюшистый скальпель, приготовил тупоконечные хирургические ножницы.

Девушка часто дышала. Её обнаженная грудь ритмично, интенсивно вздымалась и опускалась. На матовой коже груди поблескивали капельки пота.

Он усмехнулся. Ему нравилось ощущать её страх. Страх перед неизвестностью.

Она, как и все другие до нее, не знает, что её ожидает. А он знает. И это приятно

волновало его.

— Ну? — улыбнулся он ей, словно маленькому ребенку. — Приступим?

Она, выгнувшись всем телом, через силу истошно замычала. Он навалился на неё, прижимая к полу. И приступил...

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Воскресенье, 8 июня.

Он вздрогнул и внезапно проснулся с неистово бьющимся сердцем. Несколько минут Стас смотрел в потолок. Очертания их с Ритой комнаты растворялись, утопали в густом, слоистом полумраке. Он лежал в кровати и сосредоточенно пытался понять, что его разбудило. Что прервало его сон? Он попытался вспомнить свой сон. Не получилось.

В последнее время его сновидения всё чаще были безликими и перемешанными. Стас тихо сидел на кровати, его голова была тяжелой ото сна. Странные и неприятные мысли путались в голове. Настроение было паршивым, угнетенным. Он спрятал лицо в ладонях, затем тихо встал, оглянулся на жену.

Рита сладко спала на боку, повернувшись лицом к нему. Впервые, наверное, с тех пор, как он занят делом безумного подонка, бредившего розами, она не отворачивалась от него ночью.

Стас взял с кресла свои джинсы, оделся. Тихо, чтобы не нарушить сон Риты, вышел из спальни. Бесшумно прикрыл дверь. Босиком прошел в ванную.

Включил тёплую воду и умыл лицо. Посмотрел на себя в зеркало. Оттуда на него взирал небритый мужчина с серо-стальными глазами и светло — русыми короткими волосами.

Внешностью его природа не обидела. Напротив, наделила настоящей мужественной, характерной красотой. Крепкий, рослый и с развитой мускулатурой. Лицо с форменным квадратным подбородком. Прямой, чуть выдающийся нос с широкой переносицей. Выразительные, но светлые брови, слегка выступающие вперед, крупные скулы и высокий чистый лоб. Губы невыразительные, тонкие, уши слегка крупноваты. Плюс, Корнилов с детства занимался спортом и, в том числе профессиональным боксом. Получил КМС солидно раскачал торс, руки и грудь.

В молодости он всю пользовался своей внешностью и харизмой. Он усмехнулся воспоминаниям. Мать его порой ругала за ветреность и неутомность по отношению к девушкам. А отец лишь посмеивался.

Стас вздохнул, ещё раз умыл лицо.

Таким бесшабашным и жизнерадостным он был до того, как пошел служить сверхсрочную службу и попал на войну. Война перекроила и изменила его. Потом гибель отца, инфаркт матери. Его прежняя жизнь в считанные дни изменилась навсегда. Через некоторое время он остался один.

Стас почистил зубы, на кухне заварил кофе. Затем прислушался. Рита еще спала, он приоткрыл окно, закурил.

Его одолевало гнетущее, тревожное чувство. У него участился пульс, кровь стучала в висках. Его организм, казалось, отдельно от него испытывал необъяснимую панику. Корнилов усилием воли смог частично унять неприятное тревожное чувство.

Сварив кофе, он закрыл дверь на кухню, чтобы Рита не услышала запах. Ему нужно было немного побыть одному и подумать. А его жена чувствовала запах свежесваренного кофе чуть ли не за версту. Он проверил телефон, пропущенных звонков нет. Внутренняя тревога не утихала, она пульсировала внутри него резкими рывками. Стас не понимал...

В коридоре послышались шаги, Стас замер, прислушался. Быстрые, легкие шажки, в которых Корнилов безошибочно узнал поступь Алины. Он обернулся, как раз в этот момент его дочка открыла дверь на кухню. Едва он увидел её лицо, у него на миг замерло сердце. Бледная, перепуганная, она стояла на пороге кухни, сжимая телефон.

— Папа... — проговорила она со слезами в голосе, — ты... ты уже видел? Да?

— Видел что? — осторожно спросил Стас.

Она нервно сглотнула, опустила взор. Прижала телефон к груди и нерешительно подошла к нему.

— Алина? — Стас склонив голову к плечу, попытался заглянуть в глаза дочери.

Дочка молча протянула ему свой смартфон. Стас, глядя ей в лицо, взял телефон. Отключил блокировку экрана.

На дисплее было фото, оно красовалось в одной из популярных соцсетей страны. На фотографии были розы. Десятки, сотни белых роз на заднем плане и окровавленная, свернутая калачиком человеческая фигура на полу.

Стас крепко сжал зубы и чашку с кофе. Часть кофе выплеснулась на ковёр. Он поднял взгляд на дочь, посмотрел в её глаза такие же изумрудные, как у её матери.

— Алина... — голос Стаса дрожал от сдерживаемой ярости. — Зачем... зачем ты это... смотрела?!

Дочка с виноватым лицом плаксиво, расстроено скривилась.

— Мне... мне прислали ссылку. — пролепетала она. — Одноклассница...

Стас подавил волну гнева.

— Не стоит больше такое смотреть, Алина? Посмотри на меня.

Она подняла на него взгляд, заглянула в глаза. Стас увидел в глазах дочери страх и сожаление. Он вернул телефон дочери.

— Иди спи, — холодно велел он и, помешкав, добавил. — Постарайся... поспать...

Он направился к дверям кухни.

— Пап?

Он обернулся. Дочка смотрела на него, взгляд её был изучающий, обеспокоенный.

— Ты... ты ведь его поймал? Да?

Стас в ответ вздохнул.

— Иди в кровать, оленёнок, ещё слишком рано.

Он выругался, увидев толпу.

— Какого, чёрта! — Стас с досадой стукнул по рулю своего автомобиля.

Несмотря на предрассветную рань, когда ещё горели уличные фонари, на улицу высыпало десятка три — четыре жителей местных районов. Корнилов припарковался неподалеку. Вышел из машины, увидел стоящих на газоне мальчишек. Самому старшему из них, в лучшем случае, лет тринадцать. На лицах у детей было неподдельное любопытство. Стас раздраженно выдохнул. Покрутил головой по сторонам: «Где их родители? Какого чёрта они пустили сюда своих детей?!»

Корнилов гневно ринулся вперед. Без церемоний растолкал толпу.

Пролез под красно-белой оградительной лентой, показал удостоверение полицейскому из оцепления, тот кивнул и посторонился. Стас направился к цветочному магазину, в его застекленных витринах белели сотни бутонов роз. Из-за причудливых форм лепестков и их теней цветы отчасти напоминали человеческие лица — изумленные, потрясенные,

напуганные.

Он зашёл внутрь. Его накрыл сочный, немного приторный, кисловатый запах цветов. Пол был засыпан скомканными, вдавленными в грязь лепестками роз. Грязь нанесли полицейские.

Трое мужчин стояли в дальнем конце цветочного магазина и что-то оживленно обсуждали. Один в униформе ППС, ещё один в легкой куртке поверх футболки и брюк. И третий, видимо, самый главный среди троицы — плечистый статный мужчина с пышной шевелюрой седеющих волос и такими же пышными сталинскими усами. Позади троицы угадывались багровые очертания лежащего на полу тела. Мужчины обернулись на звук шагов Стаса. Патрульный отреагировал добродушным кивком. Лицо Стаса было ему знакомо по новостям и пресс-конференциям.

Полноватый мужчина в футболке и куртке несмело улыбнулся. Судя по латексным перчаткам на его руках, местный судмедэксперт. А третий, седеющий усач, встретил Стаса хмурым, насупленным видом и ворчливо сказал:

— Доброе утро, товарищ майор Корнилов.

— В самом деле, доброе? — в тон ему ответил Стас.

Этот усач с угрюмым недружественным видом — майор Датский. Свои его, разумеется, «Датчанином» кличут. У Датчанина особые счеты к Стасу и его группе. Потому как дважды на его «земле» в Головинском районе происходили громкие, резонансные дела. И оба раза эти дела у него отбирала группа Стаса.

Датский, тщеславный и заносчивый сноб, считает себя недооцененным и вечно незаслуженно обиженным. За те два дела он рассчитывал получить подполковника.

А теперь Стас явился, чтобы отсрочить возможное повышение Датского еще на неопределенный срок.

— Попрошу всех покинуть помещение, — произнес Стас. — Этим делом занимается особая оперативно-следственная группа УГРО Москвы.

Патрульный приложил руку к форменной бейсболке и сию же минуту покинул помещение. Судмедэксперт тоже, наскоро собравшись, направился к выходу, но Датчанин жестом его остановил.

— Корнилов, — прогудел Датский, обращаясь к Стасу и шевеля усами, — это моя территория.

— Зато деломоё, — сухо ответил Стас, остановившись перед ним и глядя в глаза Датскому. — А юрисдикция МУРа распространяется на всю территорию Московской области, в том числе и на твою территорию.

Последнее слово Стас произнес с некоторым насмешливым ехидством. В своей вечной лихорадочной погоне за славой Датский порядком его раздражал.

— А ты лучше займись своими глухарями. Дела может и не такие эффектные, как тебе бы хотелось, но, если все раскроешь, может, и кинут тебе, наконец, вторую звезду на погоны.

Датский с хрустом, гневно сжав кулаки, шагнул вперед и оказался почти вплотную к Стасу. Корнилов равнодушно посмотрел в глаза Датчанина. Полноватый судмедэксперт, стоя за спиной Датского, опасно вжал голову в плечи.

— Корнилов, — проговорил Датский низким рокошущим голосом, — Ты у меня уже поперёк горла... Что вы, муровцы, лезете повсюду? Ни одно дело нельзя провести, чтобы вы туда свой нос не сунули.

— Мы лезем только в те дела, — спокойно и сдержанно возразил Корнилов, — которые

требуют нашего внимания. А сейчас будь добр, свали отсюда и не мешай мне работать.

Датский пару секунд свирепо смотрел ему в глаза. Стас был готов ответить, если вдруг тот решит его ударить. Но Датчанин умел вовремя сдерживать себя, хотя и не скрывал своего раздражения и злости.

— Пошёл ты, — процедил он.

— Только после тебя, — хмыкнул Стас.

Датчанин обошёл его и, громко топая, вышел из магазина. Судмедэксперт, помедлив, ринулся следом за Датским.

— Дверь закрой, — сказал ему Стас, не оборачиваясь.

Судмедэксперт послушно тихо прикрыл за собой дверь цветочного магазина.

Стас вздохнул, шагнул вперед, встал над кругом из лепестков роз. Они были красно-белые — кровь на них уже успела подсохнуть. Допущенная неаккуратность была умышленной... Наверняка он считает, что так его работа выглядит эффектнее.

Стас вызвал по телефону Ящера и ещё раз осторожно обошел тело. Золотисто-медные волосы девушки были заплетены в восемь тонких косичек и разложены в разные стороны под почти одинаковым углом, подобно лучам солнца. Он придал понятное значение цвету её волос. Стас покачал головой, разглядывая её. Он их боготворит, убийство совершено без жестокости или ненависти. Романтик искренне верит, что высвобождает их красоту. Он считает, что кожа портит, скрывает и сдавливает их истинную красоту, в его понимании.

Положение тела убитой девушки, как всегда, полностью соответствовало тому, как Романтик обычно оставлял своих жертв.

Как и три предыдущие девушки, она лежала на боку, чуть поджав колени, руки сложены у лица. Словно она сладко спит, свернувшись в уютной постели.

Багровые мышечные ткани казались жидкими от обилия крови. Были заметны сизые переплетения вен и крупных артерий.

Стас перевел взгляд на залитый кровью пол магазина. Увидел свое тусклое отражение в кровавой луже и с отвращением отвернулся. Внимательно обвел взглядом помещение, он надеялся увидеть незамеченные детали. Размеренным, неторопливым шагом он прошелся вдоль длинных полок с вазонами цветов.

Полки располагались в пять ярусов. Первая и вторая были Стасу ниже пояса. Третья полка была чуть выше поясицы, четвёртая на уровне груди, а пятая тянулась на уровне лба Стаса. Все полки без исключения были заполнены только белыми розами, названия которых Стас не знал.

Корнилова заинтересовало, зачем владельцу магазина закупать такое количество одинаковых цветов и заполнять ими весь магазин. Вроде бы, это не слишком логично. Людей, собирающихся купить букет цветов, больше привлекает разнообразие, нежели огромное количество роз одного и того же сорта.

Стас дошел до торцевой стены магазина, круто повернулся на пятках и такой же медленной поступью двинулся обратно. Посередине помещения он остановился и задумчиво уставился на четвёртую полку справа от себя. Помешкав, Корнилов приблизился к полке, чуть наклонился. На полке топорщился миниатюрный, размером с половинку ногтя, кусочек материи. Стас осторожно снял его и поднёс к глазам.

В это время, чуть слышно скрипнув, открылась дверь магазина. Стас повернул голову и встретился взглядом с худошавым мужчиной в очках. Тот приподнял свою коричневую шляпу фасона «Бруно» и ощерился в жутковатой улыбке.

— Доброго утрачка, — с привычной скрипучей картавостью произнес судмедэксперт.

Стас лишь хмыкнул и покачал головой. Ящер был одним из лучших судмедэкспертов, видит бог, истинный спец и профи в своем деле, и усердия ему было не занимать. Одна только сомнительная черта у Яши — периодически всплывающий, неуместный чёрный юмор и шутливое отношение к делам. Впрочем, шутливое оно только напоказ, а в реальности, Стас знал это, Ящер крайне щепетилен и внимателен.

— Подойди-ка сюда, — попросил Стас.

Ящер подошел. Он был одет в джинсы и полосатый свитер с бежевыми и бордовыми полосками. В сочетании со шляпой образ Яши напоминал Фредди Крюгера, и он наверняка об этом догадывался.

— Ты что-то нашел? — спросил Яша Щербаков.

— Возможно, — ответил Стас глядя на полку, — встань ближе. Вот так.

Он заставил Ящера прислониться спиной к полке.

— Знаешь, обычно меня вызывают для другой работы, — вставил Ящер. — А постоять возле полки ты мог бы попросить любого.

— Не паясничай, Яша, — попросил Стас. — У тебя какой рост?

— Сто семьдесят шесть.

— Похоже, у него тоже.

— У него? В смысле... у Романтика?! — уточнил Ящер.

Корнилов кивнул.

— Кажется, он зацепился, когда уходил, здесь на полке есть небольшое расщепление.

Корнилов протянул Ящеру найденный кусочек материи.

— Сделай полный анализ вот этого материала.

Ящер поставил чемодан на пол, вынул маленький пластиковый пакетик, раскрыл его, и Стас опустил туда найденный кусочек материи. Затем они подошли к телу убитой девушки.

— Поверить не могу... — проговорил слегка ошарашенный Ящер. — Он решился на убийство через шесть дней... Даже недели не прошло! — Он входит во вкус, — Стас высказал своё мнение.

Ящер взглянул на Стаса, чуть прищурился глазами.

— С одной стороны это хорошо, да?

Стас вопросительно вскинул брови.

— Я имею ввиду... период, так называемой, «Маски нормальности» сокращается.

— Я понял, о чем ты, — кивнул Стас. — Но не думаю, что из-за сокращения времени между эпизодами он потеряет бдительность и допустит ошибку.

— Почему? — Ящер присел возле тела, достал инструменты, натянул голубые латексные перчатки. — Вроде бы, это свойственно им, когда они теряют голову от крови и безнаказанности.

— Да, вот только наш не потерял голову, — Стас рассматривал тело девушки. — Такая маленькая пауза была выдержана намеренно. Но теперь он притаится на некоторое время. Наверняка будет следить за новостями и с восторгом читать и слушать, что о нём будут говорить.

— С чего ты это взял? — Ящер взял фотоаппарат и, встав, сделал несколько быстрых снимков. — Что ему помешало воздержаться?

— Он не хотел сдерживаться, — качнул головой Стас. — Он нашёл её... Выделил среди других, и у него появилась идея. Идея, которая слишком восхищала его, чтобы он

сдерживался. Возможно, он проявил нетерпение, но он не собирался проявлять безрассудство. Это убийство через столь малое время после предыдущего эпизода полностью следует его капризу, его прихоти. Ему просто так захотелось.

Ящер продолжал фотографировать, присев на корточки. Сделав несколько снимков, снизу и искоса взглянул на Стаса.

— И когда же он допустит роковую ошибку?

Стас ответил через пару секунд.

— Когда перестанет контролировать свои прихоти и капризы.

С громким шелестом распахнулась дверь магазина, цветы на полках качнулись от порыва залетевшего внутрь воздуха. Стас и Ящер обернулись.

Между рядами полок застыл полный, очень крупный мужчина с шарообразным пузом. Выглядел он так, словно сейчас задохнется или умрет от сердечного приступа. Держась за сердце, тяжело и часто дыша, мужчина с выпученными глазами уставился на мертвое, окровавленное тело девушки.

— Хосподи... — выдохнул он. — Да что же это... Да как же... Это... Такое...

Стас шагнул к нему.

— Майор Уголовного розыска Корнилов, — представился он. — А вы кто, простите, будете?

— Я? — толстяк нервно, шумно сглотнул. — Так я это... ну — у... хозяин... Владелец... С-с-собственник...

Последнее слово он произнес, заикаясь, едва слышно и неуверенно.

— Как вас зовут?

— Михаил...

— А фамилия?

Толстяк сглотнул, его маленькие темные глаза таращились на Стаса.

Округлые щеки заметно вспотели. Стас заметил, что над верхней губой у него топорщились жидкие, редкие усики.

— Кауфман, — выдохнув, ответил толстяк. — Михаил... Кауфман я... А как это всё...

— Вы сказали, что магазин ваш? — Стас следил за лицом владельца магазина.

— Да... — Кауфман всё еще тяжело, обеспокоенно дышал. — У меня целая сеть... по всему городу... А что здесь...

— А скажите-ка, господин Кауфман, — сухо произнес Стас, — что это за цветы?

Корнилов качнул головой в сторону.

Маленькие, темные глаза Кауфмана оглядели полки с цветами.

— Так это... ну... Этот... Как его... Забыл... А!

Владелец магазина развел руками.

— Это розы «Бобби Джеймс». Вот!

— Боб-би Джеймс... — по слогам медленно повторил Стас. — И зачем вам их столько?

Михаил Кауфман отвел взгляд, поджал губы.

— Понимает, один цветовод, возможно, вы слышали, Фабиан Арманд, сделал мне жирную скидку на покупку огромных партий сразу нескольких видов роз... Шутка ли, тридцать процентов скинул!

— Несколько видов? — быстро переспросил Стас. — То есть вы купили еще какие-то другие розы?

— Ну да... — развел руками владелец. — А чего не купить?..

Во время разговора он все время бросал встревоженные взгляды за спину Стаса.

— Какие ещё виды роз вы получили? — Стас встал так, чтобы владелец магазина мог смотреть только на него.

Кауфман нахмурил брови.

— Эта... Сейчас... Это самое... «Скарлет Клаймер»... Пол'с!.. «Пол'с Скарлет Клаймер»,... потом....

Он закрыл глаза, несколько раз судорожно вздохнул.

— Ещё я купил «Фламентец» и эти... как они там... как-то они так называются...

Он сокрушенно покачал головой.

— Забыл. Правда, забыл... А зачем вам всё это?..

Он вдруг изменился в лице.

— Подождите... вы же... — он поперхнулся и закашлялся. — Вы же не... не думаете, что это я сделал?! Это... Это не я! Не я! Правда! Это... Я не знал!.. Я просто....

— Успокойтесь, Кауфман, — холодно попросил его Стас. — Никто вас не обвиняет. Просто тот, кто это сделал, явно знал, какие у вас в магазине розы.

— М-м, — промычал перепуганный и растерянный владелец магазина.

— Кто знал о вашей сделке с этим Фабианом?.. Он кто? Тоже еврей?

Михаил фыркнул.

— Венгр, тот ещё антисемит.

Стас не смог сдержать кривую улыбку, видя с какой детской обидой проговорил последнее слово Кауфман.

— Он разводит розы?

— Ага, — кивнул Кауфман, — у него один из самых больших розариев в России.

— А почему он решил продать вам такую крупную партию роз, да еще и со столь огромной скидкой? Вы его хорошо знаете?

Михаил Кауфман пожал округлыми плечами.

— Да просто я оказался расторопнее всех остальных продавцов цветов! И он продал их мне... Мне повезло.

— Это теперь под большим вопросом, — заметил Стас. — А что его побудило продать такое количество цветов?

Кауфман снова пожал плечами.

— Так мне-то откуда знать... Я проверил, цветы нормальные... Все в порядке. Скидка заманчивая... Ну я и купил.

Михаил произнес это так, словно иначе никто бы и не поступил.

— Я так понимаю, у вас остались контакты Фабиана Арманда? — спросил Стас.

— Да, конечно...

— Будьте добры, его телефон и адрес прежде всего.

— А это... сейчас... — Кауфман полез в карман и вынул огромного вида смартфон.

Ему потребовалось несколько минут, чтобы отыскать нужные контакты. Он продиктовал их Стасу. Корнилов забил полученную информацию в свой смартфон.

— Отлично, — кивнул он, — теперь о ваших сотрудниках. Сколько у вас продавцов? И есть ли среди них новенькие?

Михаил тут же кивнул.

— Новенький один есть! — ретиво закивал головой толстяк. — Взял одного на днях... Парень не ахти какой, но мне продавец нужен был срочно... А вы думаете, это кто-то из

моих продавцов, да?

Стас едва заметно качнул головой.

— Мы пока только можем предполагать, господин Кауфман. Будьте добры, имена и адреса продавцов.

Кауфман продиктовал ему необходимую информацию о своих работниках.

Их было пятеро: старший продавец и двое младших — две девушки, один новенький и ещё один парень, помощник Михаила.

Корнилов обернулся. Ящер трудился вокруг тела девушки. Михаил Кауфман подступил ближе и осторожно выглянул из-за спины Стаса. Корнилов посмотрел на него.

— Чтоб меня!.. — прошептал толстяк.

Его округлившиеся глаза смотрели в одну точку.

— Это же... это же... кем же... кем же надо быть ... это же...

У него затряслись губы. Стас раздраженно цокнул языком, рывком развернул толстяка.

— Вам лучше здесь не находиться. — сказал он.

Стас потащил толстяка в дверям.

— Так, а как же... я же... — лепетал Кауфман. — Это же мой... мой магазин...

— Да, но пока, боюсь, он будет закрыт на определенный период...

— Вы не понимаете!.. Мне же его теперь, наверное, придется продать...

Они вышли на улицу.

— Сомневаюсь, что в ближайшее время у вас это получится, — Стас увидел подъехавшую к цветочному магазину скорую и потащил к ней толстяка.

Он жестом позвал доктора в синей куртке, тот поспешил к нему.

— У гражданина стресс и психологическая травма, — он передал толстяка доктору и фельдшеру. — Окажите помощь.

— Конечно, — кивнул врач. — Идемте, пожалуйста.

Они помогли Михаилу подняться в автомобиль скорой помощи. Стас вернулся в магазин и подошел к Ящеру. Тот поднял на него взгляд.

— У меня для тебя есть ещё один подарок. К тому, что ты уже нашел.

Стас встал над телом и кивнул.

— Показывай.

Вместо ответа Ящер поднял вверх тонкие хирургические щипцы. Стас чуть наклонился. В узких поблескивающих кончиках щипцов был зажат кусочек чего-то желтовато-серого.

— Что это такое? — спросил Стас.

Ящер улыбался. Корнилов ухмыльнулся.

— Это ноготь?

Ящер довольный, молча кивнул.

— Думаешь...

— И думать нечего, — прервав его, уверенно ответил судмедэксперт и кивнул на тело, — ногти у девушки ровные, ухоженные, с маникюрчиком. Так что вариант только один.

Он кивнул на тело.

— Она у нас умница.

— Ящер, — Стас выпрямился и ухмыльнулся, — у тебя никакого почтения к умершим.

— Им нужно не почтение, — вздохнул в ответ судмедэксперт и снова взглянул на Стаса. — Только покой.

— А как же возмездие? — усмехнулся Стас.

Ящер качнул головой.

— Месть нужна живым, Стас. Во всяком случае, гораздо больше, чем усопшим.

Стас не стал с ним спорить. Он перезвонил своим операм. Домбровского направил опросить девушек, работавших у Кауфмана, а Арцеулова отправил по адресу продавца новичка. Сам же Корнилов, не теряя времени, отправился к Фабиану Арманду, который отличился удивительной щедростью.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Воскресенье, 8 июня

Замоченный в соевом соусе рис отмывался с большим трудом. Слипшиеся, влажные комки, успевшие подсохнуть, приходилось или оттирать посудным ёршиком, или же вовсе оттирать руками. Благо в перчатках это было не так противно.

Я отмыла очередную тарелку, проверила с обеих сторон. Чистая. Идеально чистая. Я поставила её в стопку мытой посуды и перевела скорбный взгляд на всё еще огромную груду невымытой. Вздохнула, негодуяюще покачала головой и взяла следующую тарелку.

Дядя Сигизмунд вчера затеял готовку суши. Опять уже, чёрт знает, в который раз. Разумеется, пока мы с ним готовили роллы и прочие изыски японской кухни, мы запачкали большую часть имеющейся у нас посуды. А остальную часть запачкали дядины друзья, которых он вчера пригласил. Я поставила вымытую тарелку, взяла следующую.

Не знаю, сколько еще будет таких вечеринок, но у меня укоренилось стойкое ощущение, что с течением времени я стану такой опытной посудомойкой, что в пору будет устроиться на подработку в какой-нибудь ресторанчик. Я поставила ещё одну вымытую тарелку, взяла следующую из грязной стопки.

Посуда ещё полбеды, кстати. Вот мне интересно, как друзья дяди Сигизмунда пережили сегодняшнюю ночь? Потому что мне примерно год назад хватило одного раза попробовать дядины роллы, чтобы у меня пропало вообще всякое желание есть суши. О-ох, я тогда несколько раз за ночь, пардон, «ихтиандра звала» на помощь.

Пока я перемыла всю посуду, ранее утро почти превратилось в полдень. На часах было одиннадцать двадцать четыре. Сегодня я собиралась подучить географию. Так как из-за моих тренировок и соревнований по фигурному катанию большую часть контрольных и самостоятельных я пропустила. Хотя, если быть до конца честной, не только из-за спорта. Все дело в нашем учителе, Павле Валентиновиче Кобякине. Он гораздо хуже нашей химички. У той просто характер такой, и она все-таки нередко бывает в хорошем расположении духа. И даже может тебе хорошую оценку поставить, просто за вовремя сказанный ответ, а то и вовсе за хорошее поведение на уроке. Но вот географ... Не знаю.

У меня два варианта: или он ненавидит фигурное катание и всех, кто с ним связан, или он ненавидит лично меня. Но только его уроки для меня хуже, чем зельеварение для Гарри. Потому что там всё дело было в том, что обиженная сторона за неимением возможности отомстить отцу мстила сыну. А тут... Тут я даже не знаю. Мне кажется, Кобякин меня просто ненавидит от природы.

И дело даже не в двойках, которые я получаю на его уроках просто регулярно, а в том, что он постоянно докапывается. Всё время норовит как-нибудь уязвить меня, унижить и оскорбить. На одном из уроков географии два моих одноклассника подрались, они начали метелить друг друга своими громоздкими сумками. У одного из сумки вывалилась еда, и её разметало по всему классу. И кого вы думаете географ, жирный бородавочник, заставил всё

это убирать? Правильно! Конечно же меня!

На невысказанный вопрос, почему я всё это терплю и не рассказываю дяде Сигизмунду, ответу коротко, изрядную часть своей жизни дядя Сигизмунд был замешан в делах, за которые в уголовном кодексе предусмотрены очень даже конкретные наказания. И боюсь, если я ему расскажу про своего учителя... Может случиться что-нибудь непоправимое. У меня и так фактически отняли отца, и я не знаю, где сегодня находится моя мать. Посему допускать даже минимальный риск того, что я ещё могу остаться и без дяди, я не желаю.

Тем более, что вроде бы с десятого класса географию у нас будет читать другой учитель. Осталось вытерпеть ещё год.

За мрачными размышлениями о географии я перемыла всю оставшуюся посуду. Домыв последнюю тарелку, я устало опустилась на стул, взяла чашку с недопитым какао, отпила. Тяжело вздохнула. Такое ощущение, что я два часа тренировки откатала!

В коридоре послышались шаги. Я узнала увесистую, но порывистую поступь дяди Сигизмунда, через несколько секунд он открыл дверь на кухню. Я встретила с ним взглядом. Улыбнулась.

— Доброе утро, дядя.

— Доброе, ягодка, — кивнул дядя.

Он зашёл на кухню, с подозрительным видом оглянулся и многозначительно хмыкнул. Затем посмотрел на меня с изумлением.

— Ты убрала кухню?

— Да, — вздохнула я.

— Спасибо, ягодка, — дядя выглядел одновременно растроганным и чуточку смущенным. — Но, вообще-то, не стоило... Я бы сам убрал.

— В прошлый раз, когда вы так говорили, дядя Сигизмунд, бардак на кухне сохранялся почти неделю, — напомнила я. — И потом, мне несложно. Должна же я хоть как-то вам помогать...

— Кстати, о помощи, — дядя достал из холодильника сосиски и вскрыл упаковку. — Мне нужно, чтобы ты мне подсобила с одной тачкой.

— Так сегодня же... выходной, — с легким замешательством проговорила я.

Дядя поставил греться воду, обернулся.

— Поэтому мне и нужна твоя помощь, работников-то нет.

— Хм, ну ладно... — проговорила я растерянно. — А что за машина? И почему её нужно чинить в выходной день?

— Ну, скажем так, — лукаво усмехнулся дядя, — это машина VIP клиента.

— Да? — я в свою очередь тоже улыбнулась, потому что ни на йоту ему не верила. — Так, а что за машина всё-таки?

— Увидишь, — с лукавой ухмылкой ответил дядя. — Ты будешь сосиски?

— Нет, спасибо. Я не голодна, — ответила я. — А можно, я пойду?..

Меня прервал звонок мобильного. Я достала телефон, посмотрела на дисплей, меня слегка прошибло потом. Чего это мне звонит наш директор школы? Я подняла вызов и вышла из кухни.

— Здравствуйте, Станислав Владимирович, — любезно ответила я.

— Здравствуй, Вероника, — директор школы был серьёзен и говорил сухо. — Ника, тут такое дело... Скорее всего, контрольные по географии тебе до августа или даже до сентября писать не придется.

Я испытала неприятное, настораживающее чувство.

— Могу я узнать, почему? — вежливо спросила я.

— Конечно, можешь, — вздохнул директор. — Твой учитель по географии, Павел Валентинович...

— Уволился? — не выдержала я.

Директор замолчал.

— Нет... почему же... Он просто... Кхм... Попал в больницу, — сбивчиво и скомкано объяснил Станислав Владимирович.

— Что-то серьёзное? — спросила я.

Спрашивала я, разумеется, из вежливости. Потому что здоровье географа меня, мягкого говоря, волновало меньше, чем среднегодовое изменение температуры Гольфстрима.

— Да, боюсь, что да, — вздохнул директор. — Павел Валентинович попал в автомобильную аварию.

— Ого... — ошарашенно проговорила я.

Нет, конечно, человек он паршивый, но автокатастрофа — это совсем не то, чего бы я ему желала. Да и, вообще, никому такого не пожелаешь!

— А что... Как он там? — спросила я.

— Пока лежит в хирургическом отделении... Ника, а знаешь что?

Судя по всему, директору внезапно пришла в голову идея.

— Нет ещё, — ответила я осторожно.

— Ты могла бы съездить к нему в больницу? Я тебе сейчас пришлю адрес больницы, а ты там... купи фруктов, конфет... И что-нибудь ещё на твоё усмотрение.

— Станислав Владимирович! Подождите! — я попыталась остановить директора.

— Вероника, не стесняйся, — с напускной строгостью сказал директор. — Проведать учителя в больнице — это, знаешь, благое дело. Уверен, тебе зачтется, учитывая твои познания в географии. Так что не робей. До свидания.

— До свидания, Станислав Владимирович, — закрыв глаза, ответила я.

Связь прервалась. Ну вот. Из-за проявленной вежливости меня автоматически подрядили навестить моего «любимого» учителя. Шикарно! Именно так я хотела начать летние каникулы. Чтоб его... Зараза! И отказаться же нельзя! Не простят и не поймут. Ладно, бог с ним, с этим географом. Куплю ему фруктов и каких-нибудь конфет, хоть карму почищу. В конце концов, мне стоит поблагодарить судьбу, которая распорядилась так, что мне теперь не придется летом писать долбаные контрольные по географии!

В коридор вышел дядя Сигизмунд.

— Кто звонил?

— Наш директор.

— Что сказал?

— Что я могу не писать летом контрольные по географии.

— А почему это? — дядя Сигизмунд сложил могучие руки на широкой груди.

Его густые, светлые, седеющие брови вопросительно изогнулись.

Я вкратце пересказала ему наш разговор с директором школы.

— Ты же говорила, что не любишь этого учителя, — чуть нахмутив густые брови, сказал дядя Сигизмунд.

Я только вздохнула.

— Да, но ведь я не могу нашему директору такое сказать.

— Попала ты, ягодка. — усмехнулся дядя Сигизмунд.

— Угу, — уныло ответила я.

— Не отчаивайся, — он хлопнул меня по плечу.

Я пошатнулась, ладонь у дяди была широкая и тяжелая.

— Пошли, поможешь мне.

Я спрятала телефон и пошла следом за дядей. Сегодня я точно не поеду навещать Павла Валентиновича. Надеюсь, он переживёт и простит.

Мы спустились вниз, в автомастерскую, здесь уже горел свет. В мастерской было безлюдно, в воздухе витал жирноватый запах масел, приторно пахло моющими средствами. Чувствовался горький запах бензина и резины. В мастерской сейчас стояло четыре автомобиля: два внедорожника, один седан и один хэтчбек. У седана были сняты колёса, а хэтчбек выглядел так, словно пробирался через дикие джунгли, у него было разбито лобовое стекло, начисто отсутствовали боковые зеркала и была треснута левая передняя фара. По салатовому, отливающему металликом кузову хэтчбека тянулись несколько глубоких царапин.

Дядя подвёл меня к одному из внедорожников. Это был красный Mitsubishi Pajero Sport. У него был открыт капот. Рядом стоял тестер свечей зажигания и установка для замены жидкостей в АКП. Я остановилась рядом с машиной, заглянула под капот.

— А где аккумулятор? — спросила я недоуменно.

Дядя Сигизмунд поставил чашку с кофе на металлический стол с инструментами.

— А аккумулятор у этой машины неожиданно вышел из строя, — усмехнувшись ответил дядя. — Но главная проблема не в нём.

Я посмотрела на оборудование рядом с автомобилем.

— Коробка передач?

Дядя, усмехаясь, кивнул.

— Убил КПП, перегрел и стёр шестеренки к чертям собачьим.

Я тоже усмехнулась.

— Буксовал часто?

— Да, походу, только и делал, что буксовал, — дядя покачал головой, — не понятно только, где на Pajero можно буксовать в Москве.

— Ладно, — я постучала ладонями по кузову автомобиля. — Что от меня требуется?

Дядя обернулся.

— Возьми свечи, нужно заменить. Справишься?

— Конечно.

За два года жизни у дяди Сигизмунда я изрядно наловчилась во многих специальностях сотрудников автосервиса. От автомойщика до автомеханика.

Разумеется, особо сложные задачи мне не поручают, но уже сейчас я умею многое из того, чего несведущие в автомобилях люди не умеют совсем.

Например, чистка инжекторов, замена свечей, масла, охлаждающих жидкостей, ламп освещения и так далее. Конечно, у друзей и работников дяди Сигизмунда глаза на лоб лезут от удивления, когда они видят, как я ему помогаю в мастерской. У них, как мне кажется, происходит пресловутый когнитивный диссонанс. Ну как же это! Женщина! В автомастерской! Да ещё «малая», соплячка совсем! Возится с автомобильным оборудованием, меняет масло, помогает с ремонтом ремней ГРМ и тормозов!

И это они еще не видели, как я вожу. Да, чёрт побери, я умею водить автомобиль! И,

между прочим, уже довольно неплохо, по словам того же дяди Сигизмунда. Так то! Впрочем, с моим-то детством и семейным автофанатизмом иначе и быть не могло!

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Воскресенье, 8 июня

Дорога пролегла между двух густых и плотных лесополос. Высокие, ветвистые деревья нависали над дорогой, они создавали густую тень, а их ветки — своеобразную арку. Отражение листвы ползло по лобовому стеклу внедорожника. Других автомобилей на дороге не было. За все время Стасу повстречалось всего несколько машин.

Корнилов прибавил скорость. Лесополосы плавно перешли в небольшой лес.

Стас увидел яркий знак, он предупреждал о диких животных на дорогах. Корнилову пришлось сбросить скорость. И не зря. На следующем повороте половину дороги преградили два медведя. Один крупный, а другой совсем маленький. Очевидно, медведица с медвежонком. Стас объехал их. Посмотрел в зеркало заднего вида. Животные недоуменно смотрели ему вслед.

Похоже, они ждали каких-нибудь лакомств. И, видимо, выходят на дорогу не в первый раз.

Лес постепенно истончился, начал редеть. В просветах между деревьями появились двух- и трехэтажные коттеджи. Через минут двадцать впереди показалась развилка. Стас свернул, дорога стала менее дикой и более ухоженной. Через некоторое время показалися уличные фонари. Теперь трасса пролегла между фермерскими участками и домами.

Корнилов остановил свой внедорожник возле дома с высоким кирпичным забором. Ворота, кстати, были металлическими и чёрными. На концах вертикальных прутьев ворот красовались позолоченные листообразные пики.

На створках ворот была изображена лежащая в цветах девушка. Стас увидел камеру на кирпичном столбе сбоку от ворот. Он вышел из автомобиля, нажал кнопку звонка. Ему пришлось ждать долго, почти шесть минут, прежде чем ему ответили.

— Кто вы? — спросили из динамика над камерой.

Говоривший обладал звонким тенором. Стас показал удостоверение.

— Майор Корнилов, Уголовный розыск.

Молчание.

— Входите, — ответил тот же голос.

Ворота начали медленно, словно церемониально, открываться. Стас сел обратно за руль внедорожника. Он въехал на округлый мощёный двор со скульптурами и кустарниками, припарковал автомобиль неподалеку от ворот, вышел, осмотрелся.

Над двориком возвышался широкий трёхэтажный коттедж. Перед его крыльцом красовались две большие терракотовые статуи котов. Животные были чудовищно огромны, голова каждого из них была почти в половину туловища Стаса. Морды у котов были щекастые и пухлые, глаза яркие, а уши очень маленькие. Обе статуи котов выглядели «сытыми» и «довольными».

Очевидно, владелец коттеджа и розария рьяный кошатник.

Стас направился к крыльцу. По пути он глубоко вдохнул витавший вокруг коттеджа воздух. После загазованного, плотного и тяжелого воздуха мегаполиса, здешний казался чуть ли не животворящим, настолько он был насыщен свежестью природы и запахами растений.

Стас поднялся по ступеням. Не успел он позвонить в дверь, как ему открыл мужчина со странным, покрасневшим лицом, одетый в деловой костюм.

Он представился дворецким, пригласил Стаса в дом и проводил его в сад на заднем дворе коттеджа.

Территория сада была масштабной, просторной. Это было маленькое царство природы, этакий небольшой эдем, если возможно такое сравнение. Вокруг везде виднелись цветы, клумбы, деревья, небольшие мраморные статуи в зарослях. Разве что райские птицы не пели на ветках.

Среди великолепной растительности стеклянными куполами вздувались несколько десятков оранжерей. В одной из них Стас увидел оруduющего садовыми ножницами мужчину в светлых брюках, зеленом фартуке и голубой рубашке. Голова у него была покрыта шляпой «Канотье», а на руках белели перчатки.

Он увидел Стаса, прекратил стричь растения и выпрямился.

— День добрый, — произнес Стас.

— Здравствуйте, господин майор, — усмехнулся в ответ цветовод.

Фабиан Арманд оказался щуплым, седым мужчиной в возрасте. У него были узловатые руки и непропорционально большие ладони с длинными пальцами, большая голова с узкой челюстью и заостренным подбородком, а также мясистый нос и маленькие уши. Глаза Арманда были округлые, бледно-голубые и какие-то немного детские.

Стас пожал в ответ руку цветовода.

— Какие превратности судьбы привели в мой дом майора Уголовного розыска? — улыбнулся Фабиан.

— Давайте поговорим внутри, — Стас указал на розарий.

— О, конечно, — Старик вошел внутрь застекленной теплицы.

Стас последовал за ним. Здесь властвовал сухой и приторный запах. Стасу он напомнил какие-то дешевые и до тошноты сладкие духи. Цвет роз был такой же, слащаво-розовый. Через стеклянную крышу внутрь розария проникали солнечные лучи, золотисто-желтыми трапециевидными пятнами они падали на ровные ряды роз.

— Сегодня в одном из цветочных магазинов столицы было совершено убийство, — сообщил Корнилов Арманду.

Фабиан поправил шляпу и чуть прищурившись посмотрел на Стаса.

— Я ничего такого не слышал.

— Думаю, что услышите сегодня вечером, — кивнул Стас. — Расскажите мне, пожалуйста, про вашу сделку с Михаилом Кауфманом.

— А-а, — усмехнулся седой венгр, — этот жадный толстяк с поросычьими глазками... Да, я продал ему свои розы. Он пожал плечами.

— А при чём тут убийство?

Стас смотрел в его глаза. Он пытался понять, не придуривается ли старый цветовод.

— Наш убийца, — проговорил Стас, оглядев розарий, — для антуража своих преступлений использует разного вида розы.

Фабиан сдавленно прокашлялся.

— Любопытно...

— Да, и сегодня он использовал ваши цветы, — произнес Стас, в упор глядя на цветовода.

Арманд несколько секунд с подозрением, настороженно рассматривал Стаса.

— Господин, майор... Уж не думаете ли вы, что я как-то могу быть причастен к этому вашему... убийству?

— А я еще не знаю, — ответил Стас, чуть склонив голову и пристально глядя на Арманда.

На лице цветовода отразилось удивление, смешанное с возмущением.

— Значит, я под подозрением? — глаза цветовода чуть сузились.

— Все, кто хоть ненароком имеет отношение к случившемуся, находятся под подозрением, — ответил Стас. — Кстати, а где вы были последние двенадцать часов?

Фабиан чуть вскинул седые брови.

— Здесь, разумеется.

— Кто может это подтвердить? — спросил Стас.

— Мой...

— Кроме ваших слуг в доме, — перебил его Стас.

Фабиан задумался.

— Кхм, — старик прокашлялся, — за все двенадцать часов я не могу вам предоставить стопроцентного алиби, но... примерно пять-шесть часов из них я провел в компании одной...мм... особы.

— Что за особа?

Фабиан слегка покраснел и смущенно прокашлялся.

— Вы только, пожалуйста, поймите правильно, господин майор...

— Это вы поймите правильно, — снова перебил его Корнилов. — Мы ищем серийного убийцу. На его счету уже четыре жертвы. Поэтому не тяните время. Кто ваша особа? Имя и фамилия?

Арманд вздохнул. Отвел взгляд.

— Это девушка...

— Это я уже понял, — кивнул Стас. — Как зовут вашу прекрасную особу?

Фабиан ответил не сразу.

— Кунке.... Кунке Есимова.

— Казашка?

— Да, — тяжело ответил Арманд.

Стас записал имя в телефон.

— Вы были у нее или она у вас?

— Мы встречались в отеле.

Стас кивнул.

— А почему вы так долго мялись? Почему не хотели говорить?

Фабиан фыркнул, недовольно взглянул на Стаса.

— Она намного моложе меня.

Стас некоторое время смотрел на него и пытался понять причину нежелания старика раскрывать имя своей пассии.

— Фабиан, — криво усмехнулся Стас, — а ваша Кунке Есимова совершеннолетняя?

Арманд поджал губы, отвел взгляд.

— Понятно... — хмыкнув, протянул Стас.

— Всё было по обоюдному согласию! — голос Арманда дрогнул.

— Не сомневаюсь, — кивнул Стас, — Собственно, мне всё равно. Информацию я в любом случае проверю. Теперь расскажите мне подробно про ваши дела с Кауфманом. Почему вы решили продать цветы с такой скидкой и в таком количестве?

Арманд улыбнулся.

— Потому что у меня не хватало места для новых сортов. Мне из Голландии привезли несколько сотен саженцев роз «Флорибунда», «Компэшен» и «Дортмунд». У меня никогда не было этих цветов да и ещё и в таком количестве. Они крайне прихотливы, и выращивать их довольно сложно. А тут подвернулась целая партия!

Похоже старик не врал, говорил он с вполне искренним азартом. Тут дверь теплицы приоткрылась. Стас оглянулся.

— Прошу прощения, Фабиан Джакобович, там приехала съемочная группа. Говорят, у них с вами встреча.

— Ах ты ж... — щелкнул пальцами Фабиан. — Точно! Пригласи их...

Он посмотрел на Стаса. Корнилов, в свою очередь, вопросительно посмотрел на него.

— Господин майор, — нерешительно попросил его цветовод, — прошу вас, подождите буквально полчаса. У меня интервью с одним из каналов. Для меня это очень важно. Я был бы вам крайне признателен, если бы вы позволили мне провести с ними время. А потом, обещаю, я отвечу на все ваши вопросы. Я буду полностью в вашем распоряжении.

Стас смотрел на него скептически, холодно. Старик сложил руки в умоляющем жесте.

— Я вас прошу, господин майор, проявите человечность. Не каждый же день у меня интервью со столичными каналами.

Стас хотел ему отказать. И так, наверное, было бы правильно, но потом Корнилов подумал, что жизнерадостный цветовод будет более разговорчив, чем недовольный и напуганный. И потому согласился подождать, пока Фабиан проведет свою встречу.

Съемочная группа пришла прямо в розарий, где они находились. Состояла она из девушки в желтом летнем пиджаке с короткими рукавами, и оператора с камерой.

— Здравствуйте, Фабиан, — голос у журналистки был напористый, громкий и сценический.

На алых губах расплылась дежурная улыбка. Взгляд светло-карих глаз был игривый и чуточку лукавый.

— Здравствуйте, — с напускной степенностью ответил Арманд и деликатно коснулся губами протянутой руки девушки.

Корнилов взглянул на оператора. Тот с усталым, равнодушным видом положил камеру на плечо, включил её и зажмурил левый глаз, глядя в объектив. Стас перевел взгляд на Фабиана и журналистку.

Девушка, в свою очередь, с любопытством посмотрела на Стаса.

— А это... ваш коллега? — спросила она с сомнением.

— Нет-нет, что вы, — улыбнулся цветовод. — Это...

Он замялся.

— Покупатель, — хмыкнул Стас.

— Покупатель, — кивнул Арманд. — Этот господин не будет нам мешать.

— Очень хорошо, — журналистка обернулась, взглянула на оператора. — Ты готов?

Тот в ответ показал ей сомкнутые в колечко указательный и большой палец.

— Хорошо, — она поправила ворот пиджака, прицепила на правый лацкан микрофон и протянула такой же микрофон Арману. — Наденьте.

Фабиан взял у девушки микрофон. Начал искать место куда прицепить, но что-то у него явно не получалось.

Журналистка снова взглянула на оператора.

— Ну, что ты смотришь? Помоги ему!

Стас посмотрел на оператора, тот раздраженно вздохнул и взглянул на Стаса.

— Вы не подержите? — спросил он его.

Стас в жизни своей не держал в руках телевизионные камеры. Он кивнул.

— Давайте.

Камера оказалась не такой уж тяжелой, как можно было подумать, а просто громоздкой.

Стас не удержался, посмотрел в глазок камеры, там он увидел, как оператор стоит возле Фабиана и, чуть наклонившись, прикрепляет микрофон к его нагрудному карману.

— Всё, не трогайте его, — попросил он Арманда.

— Как скажете, — кивнул цветовод.

Оператор вернулся к Стасу.

— Большое спасибо, — сказал он протягивая руки, чтобы взять камеру.

Стас вернул ему камеру. Взглянув на оператора вблизи, он про себя отметил, что тот очень молод. На вид ему не больше двадцати — двадцати двух лет. Да и одет был в потёртые джинсы, синие кеды и толстовку с капюшоном. Стасу запомнились его глаза: открытые чистые и светлые. Но взгляду парня был усталым и безрадостным. Стас подумал, что парнишка, должно быть, ещё ко всему прочему учится или где-нибудь дополнительно подрабатывает.

Оператор показал журналистке три пальца, затем два и указал одним пальцем на неё.

— Добрый день! — с напускным восторженным дружелюбием произнесла журналистка, глядя в объектив камеры. — Мы находимся в гостях у одного из ведущих заводчиков роз в России, у Фабиана Арманда! Она повернулась к Фабиану. Старик явно был слегка смущен, но выглядел польщенным.

— Здравствуйте, Фабиан, — проговорила журналистка, скаля зубы в фальшивой «рабочей» улыбке. — Расскажите о своей работе. И что она значит для вас? Почему вы выбрали такую профессию? И как давно уже вы этим занимаетесь?

Стас вышел из теплицы. Слушать и наблюдать, как Арманд даёт интервью, ему было неинтересно, тем более он не хотел смущать старика. Он закрыл за собой дверь теплицы, достал сигарету и закурил. Запах табака успокаивал, позволял сосредоточиться на мыслях о деле.

Но откуда ни возьмись появился уже знакомый ему краснолицый дворецкий Арманда.

— Извините, — учтиво, но холодно проговорил он Стасу. — Но здесь строгойше запрещено курить!

Стас посмотрел на него сверху вниз. Дворецкий был преисполнен собственной значимости, его строгий взгляд был пристальным и требовательным.

Стас решил не спорить.

— Мне некуда выбросить окурочек.

— Позвольте? — дворецкий протянул руку.

Стас отдал ему сигарету. Тот развернулся и направился прочь из сада с гордо поднятой головой. Двигался он, подобно какому-то роботу. Корнилов недовольно посмотрел ему вслед, хмурым взглядом окинул сад. Через листья деревьев живописно просачивался ясный свет солнца. Стас посмотрел на остальные теплицы. Прогулялся по широкой, выложенной плиткой дорожке.

Сад Фабиана Арманда благоухал сочными, душистыми ароматами. Корнилов посмотрел на часы, немного потоптался на месте. Если Фабиан не закончит в течении двадцати — двадцати пяти минут, то придется его поторопить. Торчать здесь весь день у Стаса не было

ни времени, ни желания.

У него зазвонил мобильник, Корнилов посмотрел на дисплей. Он опасался, что звонил Аспирин. Объясняться перед начальником УГРО сейчас не хотелось, но это был Арцеулов. Стас принял вызов.

— Что у тебя? — спросил он.

— Я только что побывал в доме у Ивана Горского.

— Это тот стажер в магазине Кауфмана? — уточнил Стас.

— Да, он самый, — ответил Сеня.

— И что? Что он рассказал?

— Пока ничего, — голос у Арцеулова был недовольный и досадливый.

Казалось, что он был зол, причем на самого себя.

— Сеня, что случилось?

— Тут такое дело Стас... — начал тот.

— Будь краток, — попросил Стас.

— Ладно.

АРСЕНИЙ АРЦЕУЛОВ

Воскресенье, 8 мая. Примерно через двадцать минут после того, как Стас уехал к Фабиану Арманду.

Корнилов позвонил ему в то время, когда даже птицы ещё не пели, а живущие в его доме собачники ещё не вышли на прогулку со своими питомцами. Сеня не успел даже толком умыться и принять душ. Стараясь не разбудить спящую рядом Соню, он выбрался из постели. Чертыхаясь, надел носки, в одних трусах и носках вышел из комнаты.

Вся остальная его одежда все равно была в коридоре. Они вчера с Соней начали прямо у дверей, продолжили в коридоре и закончили уже в её спальне.

Сеня прошел на кухню, нашел в холодильнике копченые куриные ножки и съел одну из них. Пережевывая жестковатое мясо, он надел брюки, нашел на столе забытый остывший чай. Двумя глотками допил его и закинул в рот печенье из вазочки. В коридоре натянул футболку, обулся, снял с вешалки в прихожей куртку и вышел за дверь.

Спустя несколько минут он уже ехал по широкому шоссе, на своем кастом — байке. Транспорт Арцеулова был предметом гордости своего владельца и объектом зависти почти всех знакомых полицейских. Длинный, мощный, тяжелый, с высокими рукоятями руля, он был окрашен в чёрный и оливковый цвет. На оливковом бензобаке красовалась советская символика. Красным хромом отливала передняя фара и оба диска.

Вместо каски Арсений использовал кевларовый шлем с пластиковым забралом. Он обожал свой байк. Он вложил в него душу, и сидя в его седле, ощущал себя настоящим, живым и, как бы пафосно это ни звучало, непобедимым.

Указанный Стасом адрес, который ему надлежало посетить, Сеня нашел быстро. Это был один из многочисленных спальных районов с неприветливой местностью. Арсений припарковал байк возле искомого дома, слез с мотоцикла и огляделся.

На спортивной площадке, которая была рядом с домом, сидели несколько парней. У них играла музыка на телефоне, а в руках были банки с пивом. Арцеулов окинул взглядом двор. Два перпендикулярно стоящих дома бросали тень на двор со старыми гаражами и одиноким маленьким продуктовым магазином. В центре располагались две площадки: спортивная и детская. Чуть дальше — маленькая парковка и мусорные баки.

Арцеулов подошёл к сидящим на спортивной площадке парням. Они не спускали с него

недружелюбного взгляда с тех пор, как он въехал во двор.

— Здорово, ребят, — поздоровался Сеня.

Те переглянулись

— Здорово, — произнес крепкий, белобрысый парень с наглым взглядом и гадкой ухмылкой.

— Чтобы у вас не возникло идеи выкинуть какой-то фокус, то ставлю вас перед фактом, — он вынул свое удостоверение и показал им.

Лица у парней стали настороженными.

— Мент, значит? — протянул белобрысый.

— Ага, — улыбнулся Арцеулов. — Поэтому будет лучше, если вы не станете трогать мой байк. Договорились?

Он подмигнул белобрысому.

— Последствия будут неприятным. Учтите.

Он повернулся к ним спиной и направился к подъезду. По пути он достал из притороченной к байку сумки свой Mossberg. Сделал он это показательно. И услышал за спиной удовлетворивший его возглас среди парней.

Люди во дворе поспешно начали расходиться. Не обращая на них внимания, Сеня вошёл в подъезд, поднялся на нужный этаж и позвонил в квартиру.

Стажера-новичка, недавно начавшего работать в цветочном магазине, звали Иван Горский. Арсений относился к нему, как к подозреваемому, и поэтому готов был ко всему.

На звонок никто не ответил. Арцеулов позвонил ещё раз. Затем забарабанил в дверь. За дверью раздались шаги.

— Кто? — спросил неприятный, гнусавый голос.

— Слышь ты, пи*армот, ты куда свой е*ловоз поставил? Это моё место на стоянке! Убирай давай своё ведро!

Молчание. Тишина. Замешательство. Затем в двери зашуршали замки.

— Я те ща ***ть. покажу твоё место... — на Сеню вылез рослый, длинноволосый мужик в растянутой майке, в руке у него был зажат лом.

— А ну назад! — рывкнул Сеня, вскинув ружье.

Волосатый попятился в прихожую. Выронил лом, и тот со звоном упал на пол.

Сеня закрыл за собой дверь.

— Иван Горский? — спросил он волосатого и показал удостоверение, — Полиция УГРО.

— Я не Горский... — держа ладони у лица, пробасил испуганный мужик.

— А где он? — спросил Арцеулов.

Раздался пронзительный женский крик, затем звон бьющегося стекла.

Арцеулов без промедления бросился в одну из комнат. Здесь на постели сидели две голые девицы. Они пугливо кутались в одеяло и жались друг к другу. Увидев Сеню, одна из них закрыла рот рукой, а другая продолжила глупо тарашиться на Арцеулова. За их спинами качалась распахнутая створка разбитого окна. В комнате гулял сильный сквозняк.

Сеня увидел метнувшийся на балконе силуэт, он бросился на балкон и едва успел поймать за шиворот пытавшегося смыться парня в халате. Тот уже одной ногой успел перелезть через борт балкона, когда Сеня потащил его обратно.

— Помогите! — истошно заверещал парень. — Вызовите полицию!

— Заткнись, придурок! — рыкнул Сеня и выволок его с балкона. — Я из полиции.

Он бросил Горского на пол. Иван Горский оказался щуплым, нескладным парнем с вихрастым каштановым чубом и жидкой бородкой на прыщавом подбородке.

— Подождите! — он отполз от Арсения назад. — Что вам надо?! Я ничего не сделал!

Его лицо искажал неподдельный страх. Руки у него дрожали. Глаза с ужасом взирали на Арцеулова.

— Тогда какого хрена ты удирал?! — рыкнул на него Арсений.

— Я думал, вы от них! — заверещал парень.

— От кого? — скривился Сеня.

— От Корейца, — пробасил из-за угла длинноволосый приятель Горского.

— Это ещё кто? — Горский нервно засмеялся.

— Продавец пудры...

— Твою мать, — разочарованно вздохнул Арсений и окинул взглядом всех четверых, находившихся в комнате.

— Вы что, торчки? — спросил он со злостью и разочарованием.

— Нет, — опять ответил волосатый, — только толкаем.

— Заткнись ты! — обернувшись бросил ему Горский.

— Сам заткнись! — пробурчал волосатый. — Я те говорил, менты нагрянут, я тя выгораживать не буду.

— Заткнулись оба! — Рыкнул Арцеулов и качнул ружьем в руке. — А ты подымайся.

Идём на кухню. Нужно поговорить...

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Воскресенье, 8 июня.

— И что было дальше? — Посмеиваясь, спросил Стас по телефону.

— А дальше я попытался разговорить этого говнюка, — проворчал Арцеулов. — Но тут в квартиру вломилась спецпура ГУНКа. Положили всех мордой в пол, меня в том числе, а из старший потом наорал на меня, что я им, видите ли, операцию сорвал. Они тут уже месяц стерегут некоего Корейца.

— Местный наркодилер? — уточнил Стас.

— Вроде того. Продают какой-то дрянной кокс и травку. Но я всё выяснил у Горского...

У него алиби, Стас. Он последние две ночи зависал то в баре, то в стриптиз-клубе, его там все знают. Помимо цветочного магазина, он ещё подрабатывает сторожем на складе и ночным продавцом в магазине. Копит бабки, чтобы отдать долг этому самому Корейцу. Вернее, копил. ГУНК его приняли и вряд ли в ближайшие лет семь выпустят обратно.

— Ладно, — усмехнулся Стас. — Дробовик у тебя не отобрали?

— Нет, — ворчливо ответил Сеня.

— Тогда возвращайся в кабинет и помоги Коле.

— Есть.

— Давай, до связи.

Стас дал отбой и посмотрел на часы. Качнул головой. Пора прерывать интервью Армана. Когда он открыл дверь в розарий, где находились журналисты и Фабиан, венгр как раз увлеченно, с азартом, рассказывал о своем путешествии в Китай за редкой чайной розой. При этом он активно жестикулировал руками и корчил смешные рожи. Он изо всех сил старался произвести впечатление на журналистку. Но девушка, хоть и изображала крайнюю заинтересованность, явно делала это только из профессиональных побуждений. Судя по её частым и энергичным кивкам ей уже не терпелось закончить интервью и смыться подальше

от нудного старикана с его розами.

Стас знаком показал Фабиану, что время вышло.

Журналистка, улучив момент, объявила:

— Что ж, спасибо за столько увлекательную и познавательную историю, господин Арманд, — произнесла она с вдохновением, натянуто улыбаясь в камеру. — Не знаю, как нашим зрителям, а лично мне было крайне интересно. Но, к сожалению, время нашей передачи подошло к концу, но мы обязательно увидимся с вами в это же время на этом же канале. Пока.

Она улыбнулась и помахала в камеру.

— Снято, — объявил оператор.

— Отлично, — от показательного восторга ведущей не осталось и следа.

Она тут же достала бутылку с водой из сумки и начала жадно пить. Журналистка за несколько секунд буквально ополовинила её.

— Ну и жара у вас тут, — бросила она Фабиану.

— Скажите, а когда можно будет посмотреть выпуск? — спросил Арманд потирая руки.

— О, нуу... примерно через неделю, когда весь ролик будет смонтирован, — ответила журналистка. — Зайдите на YOUTUBE и подпишитесь на наш канал. Тогда не пропустите ролик с вашим участием.

Судя по тому, как непонимающе нахмурился Арманд, слова журналистки были не вполне ему понятны. А ведущая и оператор тем временем быстро попрощались с Фабианом и направились к выходу. Журналистка на ходу достала визитку и, проходя мимо Стаса, остановилась.

— Позвони мне, — попросила она лукаво и многообещающе улыбнулась с хитрецей во взгляде.

Стас посмотрел на неё, опустил взгляд на протянутую визитку и, хмыкнув, показал ей пальцы правой ладони.

— Извини.

Журналистка заметила кольцо на его безымянном пальце. Недовольно поджала губы и прошла мимо Стаса. Корнилов обернулся ей вслед, ухмыльнулся. Журналистов он не любил, особенно наглых и чересчур самоуверенных. Он подошел к Фабиану.

— Я столько времени готовился, — посетовал он, — а они уделили мне меньше получаса! Никакого уважения!

— Согласен, — кивнул Стас, которому это было безразлично. — Господин Арманд, если позволите, давайте продолжим наш разговор.

— Да-да... конечно, — рассеянно ответил Фабиан.

— Скажите, — произнёс Стас, — кто ещё кроме вас и Кауфмана знал о сделке?

Арманд взглянул на Стаса. Затем отвёл задумчивый взгляд.

— Непосредственно о сделке с Кауфманом, думаю, мало кто знал.

— Но... — с нажимом протянул Стас, правильно истолковав интонации в его голосе.

— Но про моё предложении о продаже, скорее всего, знали все, кто мог видеть его в интернете, — ответил Фабиан.

— Вы поместили объявление о продаже крупной партии цветов в интернет? — слегка удивился Стас.

— Не я... — усмехнулся Арманд. — Интернет и современные технологии для меня чужды и непонятны. Это сделал мой дворецкий.

— Ваш дворецкий? — кивнул Стас.

— Но у него тоже есть алиби, — заметил Арманд. — Всю ночь он провел в больнице. У него болеет мать.

— Сочувствую.

— Спасибо.

— Господин Арманд, простите, но не собираетесь ли вы в ближайшее время продавать ещё какие-то партии цветов? Если да, я должен знать кому и когда?

Но Фабиан покачал головой.

— В таком количестве, как Кауфману, вряд ли. Повторюсь, это была вынужденная мера. Просто чтобы освободить место под иные сорта. Не более. Мне, если хотите знать, до сих пор жаль моих проданных роз.

— Кстати, — вспомнил Стас. — А сколько всего сортов и какие именно вы продали Кауфману?

— Мм... — протянул Фабиан, вспоминая. — Бобби Джеймс, Альберик Барбье, Лилли Марлен... Всё.

— Всего три вида?

— Да, три вида, — пожал плечами Фабиан.

Стас записал услышанные названия роз в телефон.

— Вы думаете, — проговорил Фабиан, — ваш маньяк может убивать... из-за этих цветов?

— Скорее, ради них, — вздохнул Стас.

— Что вы имеете ввиду? — спросил Арманд, с подозрением глядя на Стаса.

— Каждое убийство обставлено им с определённой и неподдельной страстью к цветам. К розам. Это обязательный, я бы даже сказал, сакральный антураж для его главного экспоната.

— Убитой девушки? — проговорил цветовод и как-то странно всхлипнул. — Какое извращенное кощунство... Простите, господин майор... Я прошу прощения, что лезу не в своё дело, но... Сколько именно произошло уже убийств?

Стас пару мгновений рассматривал заинтересованное лицо цветовода.

— Сегодня произошло четвёртое...

— А девушки или цветы хотя бы раз повторялись? — почему-то вкрадчиво спросил Фабиан.

— Нет, — качнул головой Стас. — Он подбирает девушек абсолютно разных по внешности, социальному статусу, профессии, поведению и манерам.

Это была одна из главных трудностей в следствии. Стас и его группа не могли взять в толк, как Романтик выбирает жертву? Кроме того, что все жертвы более-менее порядочные девушки, не ведущие распутный образ жизни, общего между ними не было ничего. Разный цвет волос, глаз и даже оттенки кожи (если верить фотографиям). Разные увлечения, разные семьи, разные взгляды на жизнь, разные характеры, если верить родным и близким. Даже вкусы в одежде отличны друг от друга. И это было странно.

Обычно серийный убийца придерживается какого-то одного типажа. Например, девушки-модели или скромные отличницы, или продажные девки.

Убийца держит в голове образ. И подбирает жертв, с которыми у него связаны какие-то ассоциации, воспоминания или чувства.

А Романтик... Романтик, кажется, просто убивает спонтанно понравившуюся ему

девушку. Главное, чтобы она не пила, не курила и не гуляла ночами напролёт. Всё.

— Все жертвы абсолютно разные, — продолжил Стас. — Эти девушки не имели схожих увлечений, не учились в одном ВУЗе и жили в разных условиях. Между ними ничего общего.

— Любопытно, — цветовод скупое чему-то улыбнулся. — А каждая девушка в его фантазии — это как бы роза? Да? Я правильно понимаю?

— Да, скорее всего, — кивнул Стас, он видел, как забежали из стороны в сторону зрачки Арманда, а улыбка на лице стала глуповатой и жуткой. — А почему вас это так заинтересовало?

Фабиан внезапно взглянул на него со странным выражением лица. Он смотрел с нескрываемым сожалением и сочувствием.

— Господин майор, — проговорил он. — Возможно, я ошибаюсь, но скорее всего, ваш убийца собирается убить ещё по меньшей мере две сотни девушек или больше.

— С чего вы взяли?! — удивленно спросил Стас.

Заявление цветовода выглядело абсурдным!

— С того, что только дикорастущих видов роз в мире в общей сложности насчитывается более двухсот пятидесяти, а чайно-гибридных роз, например, и вовсе несколько тысяч. Если ваш убийца столь фанатичный поклонник роз, и каждое его убийство связано с отдельным видом этих цветов... у него крайне амбициозные планы, если вы понимаете, о чем я.

Стас против воли ощутил внезапную зловещую зябкость и легкий озноб.

То, что говорил Фабиан, невозможно. Немыслимо! Убить двести человек! Или тысячи... Такого ему никто сделать не даст! В самом крайнем случае будут задействованы все возможные ресурсы для поимки Романтика! Ему просто не оставят шансов! Его затравят, как дикое животное, каковым он и является!

Словно прочитав мысли Стаса, Фабиан с прозрачным намёком заметил:

— Надеюсь, вы понимаете, что ему совсем не обязательно ограничивать себя только пределами России?

— Да, он может сбежать из России и продолжить так же убивать и в других странах, — Стас в этом не сомневался.

— Господин майор, — посмеиваясь, сказал стареющий венгр. — Вы расследуете уже четвёртое убийство, но так и не поняли, что он, не убивает.

— А что же он в таком случае делает? — спросил Стас с вызовом.

Фабиан лишь коротко пожал плечами.

— Очевидно, собирает букет.

Эпизод третий

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Воскресенье, 8 июня

С красным Митсубиши мы провозились почти весь день. И это ещё было не всё. После починки коробки передач, замены свечей и тестов разного оборудования выяснилось, что есть проблемы с контактами для аккумулятора.

Пока дядя Сигизмунд ладил батарею, мне пришлось почистить салон многострадального Митсубиши. Салон был перетянут светлой, дешевой эко-кожей. Оглядев сиденья, руль, карты дверей, я вздохнула. Вот же неряха! Не знаю, кто он, но у этой тачки крайне безответственный водитель, я вспотела, пока оттирала пятна с карты левой двери! И вымоталась, пока чистила сиденья в салоне. А на торпедке я обнаружила то, что меня слегка удивило, это были размазанные следы теней! Не то лиловых, не то розоватых. Я еще раз

окинула взглядом салон автомобиля, затем заглянула под руль и возле педалей нашла золотистый колпачок от помады. Я поднялась, задумчиво разглядывая его, затем наклонилась влево и открыла бардачок. Я не выдержала и улыбнулась. Бардачок был превращен в своеобразную косметичку, тут был и блеск, и тени, кремы для коррекции, тушь, гель для бровей, основы, карандашики и прочее тому подобное.

— Жаль, что выдвижного трюмо нет, — шутливо посетовала я и выбралась из автомобиля.

Дядя Сигизмунд под музыку ремонтировал гнездо батареи. Он у меня слушает старую классику рока, типа The Doors, Rolling Stones, Aerosmith и его любимые Deep Purple.

— Я закончила, — объявила я.

Дядя бросил на меня взгляд.

— Пошли посмотрим, — сказал он.

Он обошел автомобиль, заглянул внутрь, внимательно осмотрел салон. Я заглянула в противоположное окно.

— Молодец, — оценил дядя. — Очень качественно.

Меня так и подмывало попросить его заглянуть в бардачок, но я решила, что не стоит ставить дядю в неловкое положение.

Когда мы полностью закончили с этим внедорожником, то было уже почти шесть часов вечера. Мы вернулись к открытому капоту автомобиля.

— А как у вас дела? — спросила я.

— Заканчиваю, — дядя усердно что-то выкручивал из автомобиля.

— Ладно, я могу вам еще чем-то помочь?

— Да, ягодка. Сделай мне бутерброды.

Я кивнула с лёгкой улыбкой.

— Хорошо... Вам с ветчиной, бужениной или бастурмой?

— С бужениной, — ответил дядя.

— Хорошо.

Я поспешила наверх. На кухне я сделала два бутерброда. Кроме буженины туда, конечно, входили ломтики сыра, листья салата, кетчуп и пара колец лука.

Да, вот такие «обжористые» бутерброды предпочитает мой дядя. Я пыталась ему доказывать, что такая еда крайне вредна, но разве ж он меня послушает? Впрочем, наверное, ему и нужна калорийная, сытная пища с углеводами, белками и жирами. Дядя у меня крупный, крепкий и высокий. Его тело до сих пор сохраняет прежнюю мускулатуру. Хотя он и выглядит намного старше своих лет, но это из-за густой бороды и длинных волос, которые уже начали сесть.

Вообще, многих внешний вид дяди Сигизмунда слегка шокирует. Несмотря на возраст, мой дядя носит длинные волосы и такую же длинную, густую бороду. Любит одеваться в джинсы, в футболки или майки с агрессивными и злобными изображениями. Он нередко носит джинсовую жилетку с цветными нашивками. Его руки забиты татуировками, на левом запястье он носит жутковатый длинный браслет с металлическими шипами, а на указательном пальце правой руки — серебряный перстень с ухмыляющимся черепом. Этаким идеал брутального байкера, повидавшего жизнь без прикрас и проехавшего сотни тысяч миль.

Я вздохнула. А вот миль мой дядя в свое время проехал наверняка тысячи. Однако он не слишком любит рассказывать о своей жизни до того момента, как у него появилась

собственная автомастерская. А я не настаиваю, так как имею некоторое представление о том, чем он занимался раньше. И потому не лезу с вопросами, хотя, если честно, у меня их накопилось с избытком.

Я положила бутерброды на тарелку, тарелку поставила на поднос и осторожно спустилась вниз. Оказавшись в мастерской, я удивленно застыла на месте с подносом в руках.

Перед дядей Сигизмундом стоял плотный, коренастый парень лет шестнадцати. Он держал перед дядей смокинг в прозрачном чехле, который мой дядя придирчиво рассматривал.

— Ладно, — наконец, махнул он рукой. — Оставь в моем кабинете... Нет! А ещё лучше повесь! А то он ещё помнется.

Я подошла к ним.

— Привет, Федя, — поздоровалась я с парнем.

Федя — помощник и почти воспитанник моего дяди. Насколько я знаю, его отец был дружен с моим дядей до того, как разбился в автокатастрофе.

Чтобы помочь парню содержать обезумевшую от горя мать и двух младших братьев, дядя Сигизмунд великодушно взял его к себе на работу. Он платил ему зарплату, такую же, как и своим лучшим специалистам.

— П-привет, — ответил Федя с легким заиканием.

При виде меня, несмотря на то, что мы уже давно знакомы, дядин младший помощник часто робел и заикался. Нередко он краснел, у него начинало все сыпаться из рук, и он становился до ужаса рассеянным и неуклюжим. О причинах такого поведения я долго не гадала, слишком было все очевидно, но я старательно делала вид, что этого не замечаю. Возможно, стоило бы с ним поговорить, но... я не знала, как начать, и о чем говорить. Тем более, что рассчитывать ему было не на что, так как он мне совсем не нравился как парень. А, вообще, человек он хороший — честный, преданный и добрый.

Федя ушел. Я поставила поднос, на котором были бутерброды, на стол с инструментами.

— Попробуй завести, — сказал мне дядя, закрывая капот Митсубиши.

Он взял один бутерброд и откусил здоровенный кусок. Я села за руль внедорожника и завела его. Мотор под капотом всхрапнул и мягко зажужжал. Ожили системы бортового компьютера. Я заглушила двигатель и выбралась из автомобиля.

— Всё в порядке! — объявила я.

— Вижу, — кивнул дядя.

Он уже доел первый бутерброд и принялся за второй.

— Давай-ка прокатимся, — он в два укуса доел второй бутерброд и, отряхнув руки, всё ещё жуя, сел за руль.

Я села рядом с водительским сиденьем и пристегнулась. Дядя снова завел мотор.

— Шумоизоляция не чета предыдущим версиям, — обратила я внимание дяди.

— Ага, — кивнул он мне. — Жаль, что все остальное, кроме электроники, не особо лучше, если не сказать, хуже.

Да, тут дядя Сигизмунд, наверное, был прав. Предыдущие внедорожники действительно, более выносливы и живучи. К тому же высокотехнологичные системы бортового компьютера серьёзно повышают стоимость регулярного техобслуживания.

Мы выехали из гаража мастерской, внешние ворота нам открыл Федя. Дядя Сигизмунд

вырулил на проезжую часть, переключил скорость и надавил на газ.

Мы поехали вдоль нашего района с его новыми высотками и просторными дворами. Я не спрашивала, куда мы едем, и почему дядя решил лично протестировать автомобиль этого клиента. По дороге дядя несколько раз бросал на меня интригующие взгляды. Я демонстративно смотрела то вперед, то в окно, делая вид, что не замечаю его взглядов. Иногда в меню мультимедиа я пробовала некоторые функции автомобиля, такие как подогрев сидений, диагностика двигателя, блок управления АКПП и подключение к интернету.

— Ника, — усмехнулся дядя. — Перестань делать вид, что ты ни о чем не догадалась, и у тебя нет вопросов.

Я подняла взгляд на дядю. Он ухмылялся.

— Ты ведь, наверняка, заглядывала в бардачок? — проговорил он.

Я не стала отпираться.

— Я просто любопытствовала, — чуть виновато ответила я.

— Ну да, — кивнул дядя Сигизмунд. — И наверняка уже сложила два и два, что я чиню автомобиль какой-то женщины в выходной день и ещё заказал себе смокинг. Не строй из себя дурочку, ягодка, тебе не идёт.

— Дядя Сигизмунд, — подумав, ответила я. — Ваша личная жизнь — это ваше личное дело. Я не собиралась лезть к вам с вопросами.

— Это ты, конечно, молодец, — кивнул мой дядя. — Всё правильно. Но я рассчитывал на твои вопросы.

Я удивленно уставилась на него с непониманием.

— Почему?

— Мне нужна твоя помощь, — уклончиво ответил дядя. — Твой совет и... женский взгляд.

Прежде чем я успела что-то спросить, мы остановились перед магазином ювелирных украшений. Я взглянула на витрины магазина и перевела вопросительный взгляд на дядю. Вид у того был самодовольный и немного ехидный.

— Вот так сразу?.. — проговорила я, слегка сбитая с толку.

— А чего тянуть? — пожал плечами дядя. — Я её уже месяц как знаю. Почему бы не подарить понравившейся мне женщине какую-нибудь безделушку. Ты согласна?

— В зависимости от того, на что вы сегодня вечером рассчитываете, — ответила я с толикой ехидства.

— Ты еще мелкая, чтобы шутить на такие темы.

— Но уже достаточно большая, чтобы о них знать, — парировала я.

— Ишь ты, — ухмыльнулся дядя Сигизмунд, — всезнайка белобрысая. Вылезай и пошли смотреть.

В ювелирном магазине тихо играла нейтральная музыка. Людей было мало, не считая нас, еще четверо. Мы с дядей неспешно прохаживались мимо витрин.

— Ну что? — этот вопрос он мне задавал с интервалом в три минуты.

— А вы что хотите подарить? — спросила я, внимательно разглядывая выставленный товар. — Подвеску, серьги, кольцо?

— Не, — скривился дядя, — кольцо это как-то слишком...

Он замолчал, подбирая определение.

— Символично? — подсказала я.

— Что? — переспросил дядя. — А... да, символично, а я не хочу делать никаких намеков, чтобы потом её не разочаровывать.

— Тогда можно подвеску... — предложила я. — Дядя Сигизмунд, а можно мне посмотреть её фотографию? У вас же есть?

— А тебе зачем? — насторожился дядя.

Я вздохнула.

— Так будет легче подобрать то, что ей может понравиться.

— А что там может не понравиться? — он пожал плечами. — Я твоему вкусу доверяю. Ягодка.

— Я это очень ценю, — кивнула я. — Но у вашей избранницы вкус может отличаться от моего.

— Ладно, — кивнул дядя. — Согласен.

Он достал телефон, несколько раз провел по нему пальцем и протянул мне. С дисплея дядиногo телефона на меня взиpала бpюнетка лет тридцати пяти. У неё были выразительные янтарные глаза, лицо немного широковатое, но довольно красивое. Я обратила внимание на её одежду и на общий стиль.

Она одевалась неброско, но со вкусом и очень выдержанно.

— Понятно, — протянула я.

— Что? — быстро спросил дядя, он явно волновался.

— Думаю, вам стоит попробовать взять вот эту подвеску.

— Вот эту? — дядя Сигизмунд чуть склонился над витриной.

Я перевела взгляд на стоявшую рядом продавщицу. Девушка в сине-белой фирменной униформе взиpала на нас с опасливым недоверием.

Ну что ж, её вполне можно было понять. Мой дядя был одет в традиционные для него потёртые джинсы, ботинки с массивной подошвой и футболку с двумя скрещенными револьверами. На ремне джинсов у дяди Сигизмунда красовалась серебристая пряжка в виде орла с распахнутыми крыльями.

В правой руке он вертел пальцами свой талисман, старинный золотый времён Яна Второго Казимира.

Я же была одета в джинсовые шорты, чёрную футболку без принта, черно-белые поношенные кеды, а на поясе у меня была повязана клетчатая, сиренево — чёрная рубашка.

Дядя Сигизмунд не счёл нужным предупредить меня, что мы можем неожиданно заскочить в ювелирный магазин. Мы оба производили впечатление личностей, которые если и заходят в ювелирный магазин, то совсем не ради того, чтобы купить украшения.

И продавщица была несказанно удивлена, как и другие три работницы магазина, когда я подошла к ней и попросила показать нам выбранную подвеску поближе. Она сначала замешкалась, я было подумала, что она сейчас откажет, выдумает что-нибудь или соврёт. Но продавщица с явной неохотой всё-таки достала выбранную нами подвеску. Мы рассмотрели её получше.

— Ну и что ты думаешь? — снова спросил дядя. — Не слишком простая?

— Думаю, это то, что вам нужно, — ответила я. — Чересчур яркая, пафосная и громоздкая подвеска вашей даме не понравится, дядя Сигизмунд.

— Ладно, — проворчал дядя и посмотрел на продавщицу. — Можете упаковать это в красивую коробку, как вы умеете? Лады?

Продавщица несколько раз моргнула глазами. Она в растерянности бросила

неуверенный взгляд на коллег.

— Простите, — она чуть наклонилась к нам. — А вы... вы видели, сколько стоит это изделие?

Я посмотрела на нее и ответила за дядю.

— Мы обратили внимание, девушка, — ответила я сдержанно. — Спасибо.

В своих словах я слышала тщательно скрываемую желчь, но мне было неприятно подобное отношение продавщицы. Да, мы прямо из гаража и не оделись, как подобает большинству посетителей таких магазинов, однако, как бродяги, мы тоже не выглядели.

Дядя Сигизмунд расплатился картой. Продавщица, я в этом почти не сомневаюсь, наверняка решила, что кредитку дядя у кого-то отобрал или украл.

В принципе, не так уж важно, что они про нас думают.

Совершив покупку, мы вышли из магазина, у дяди Сигизмунда заметно улучшилось настроение. Наверняка он уже представлял, как обрадует свою пассию сегодня за ужином. Я хотела сесть на место рядом с водителем, но дядя Сигизмунд остановил меня.

— Знаешь, ягодка, я думаю тебе по силам отвезти нас домой.

Я быстро взглянула на него, не шутит ли он.

— Давай, — он подмигнул мне. — Садись за руль.

Это предложение было мне по душе. Как я уже говорила, водить я умею. Учить меня начал папа, причем, когда я была еще в третьем классе. А продолжил моё обучение уже дядя. Я села за руль и завела двигатель. Дядя сидел рядом, вертел в руках коробочку с подвеской.

— А если нас остановят? — спросила я с полуулыбкой и сомнением в голосе.

— Раньше тебя это не волновало, — хмыкнул дядя и кивнул. — Езжай.

Я пожала плечами и выехала со стоянки перед магазином. Я ехала осторожно, не гнала. Во-первых, машина не наша, во-вторых, я к ней не привыкла, в-третьи, я не настолько крутой водила, чтобы гонять на запредельных скоростях.

Однако вскоре меня начало уязвлять, что нас почти все обгоняют. Я прибавила газу, нас чуть качнуло вперед. Мы поехали быстрее, дядя одобрительно усмехнулся.

Ощущая своим телом возросшую скорость, я не сдержала идиотской, но счастливой улыбки. Меня захватывало возрастающее ощущение превосходства над любыми ограничениями. На скорости я ощущала себя неподвластной бесчисленным условностям и запретам окружающего мира. Я чувствовала автомобиль, я чувствовала полёт. Я глотала жизнь смелыми, жадными глотками. Я ощущала её сочный вкус. В душе поселилась легкость, а сердце захватывал азарт.

Дорога широкой, гладкой лентой бесконечно тянулась вперёд. Машин было немного, я прибавила ещё скорости. Внедорожник, казалось, сам рвался вперёд, словно ему хотелось показать всё, на что он способен. Я с трудом сдерживалась, чтобы не дать ему такой возможности. Но одно из первых правил, которым меня учили отец и дядя Сигизмунд, не пьянеть от скорости, не терять голову, не забывать, что мир вокруг материален и крайне твёрд, во всех смыслах.

Поэтому, переборов себя, я через несколько минут сбавила скорость. В мои планы совсем не входило по глупости разложиться где-нибудь на обочине.

Перед поворотом, до которого ещё было далеко, я снова сбавила скорость и включила поворотники, мягко свернула и снова набрала скорость. Впереди я увидела две столкнувшиеся машины, а рядом с ними — скорую и пару полицейских патрульных автомобилей. Перед аварией растянулась длинная, плотная пробка автомобилей. Наша

свободная полоса очень ярко контрастировала с левой частью дороги, где было серьезно ограничено движение.

Нас обогнал серебристый Porsche 911. Я засмотрелась на его красивый зад.

Из автомобильной пробки с левой полосы внезапно на правую сторону выскочил серый седан. Мы летели прямо на него. Он начал метаться по дороге, безумно виляя из стороны в сторону.

— Ника! — вскричал дядя.

Я выкрутила руль в сторону. Завизжали покрышки. Меня мотнуло вправо, ремень безопасности впился в плечо, сдавил грудь. Внедорожник повело и нас выбросило на тротуар. Я отчаянно пыталась выровнять автомобиль.

Вокруг кружились улицы, дороги и дома. Мы летели по тротуару. Я едва успела объехать толпу рабочих возле супермаркета.

Впереди, возвышалась куча синих пластиковых ящиков. И я не видела, что внутри их. Я тормозила, но видела, что не успеваю, автомобиль летел вперед.

Я хотела свернуть, но справа от ящиков показалась бабушка с двумя детьми.

Я не стала сворачивать и вскрикнула, когда мы врезались в груды пластиковых ящиков с продуктами. Ящики грохотали по автомобилю, стёкла залило желто-белыми склизкими пятнами.

Автомобиль наконец остановился. Я испуганно вжималась в сиденье, стискивая руль и тяжело дыша. В висках неистово, шумно стучала кровь. Кожа на лице, шее и спине покрылась легкой испариной. Живот и грудь сводило нервной судорогой.

— Ника? — дядя коснулся моей руки.

Я посмотрела на него.

— Ты как? — спросил он заботливо, с тревогой. — Цела?

— Простите меня... — проговорила я вместо ответа. — Я... я не ожидала...

— Всё нормально, — он похлопал меня по руке. — У тебя ничего не сломано? Ничего не разбила?

Я на всякий случай подвигалась и поёрзала на сиденье. Убедившись, что я цела и невредима, прижала руки к лицу, чувствуя, как под пальцами пульсируют глазные яблоки. Меня поглощал нервный жар. Я отстегнула ремень.

Дяди Сигизмунд вышел из автомобиля, я выбралась следом. Вокруг нас валялись перевернутые, смятые и поломанные ящики. Весь внедорожник был залит и забрызган разбитыми яйцами. Липкие, скользкие, желто-белые пятна влажно блестели на капоте, на лобовом и ветровых стеклах, на крыльях и дверцах автомобиля. То же самое творилось и на асфальте вокруг. Все было залито, забрызгано разбитыми яйцами.

Вокруг нас собирались прохожие, всем было интересно. Меня сотрясала небольшая дрожь, дрожали пальцы рук и колени. Я увидела пожилую женщину с детьми, которых едва не сбила. Бабушка смотрела на нас с дядей сердито, осуждающе, и я стыдливо отвела взор.

Дяде Сигизмунду каким-то образом удалось уладить ситуацию без привлечения полиции. За испорченные продукты он, само-собой, заплатил, и немало.

Домой мы возвращались на обгаженном, грязном автомобиле и с таким же испорченным, гадким настроением. Меня жалило и грызло неотступное чувство вины. Это всё я, это всё из-за меня. Мне доверили вести чужую машину.

Доверил дядя Сигизмунд. Доверил машину понравившейся ему женщины.

А я... я всё испортила. И чуть не сбила людей. Я ненавидела себя в эти мгновения. И

готова была поклясться, вообще, больше никогда не садиться за руль! Никогда! Никогда!.. Никогда?..

Федя, который встретил нас в мастерской, так и замер, опешив и потеряв способность говорить.

— Федот, давай без вопросов, — угрюмо бросил ему дядя, выйдя из автомобиля.

Заикнувшийся было Федя мгновенно умолк. Я тоже вылезла, снова оглядела автомобиль. Я ждала, что мне скажет дядя. Я бы любое наказание восприняла как должное.

— Ника, не переживай, — проворчал дядя.

Я боязливо посмотрела на него.

— Я чуть не сбила людей...

— Виновата не ты, а тот долбо** на сером форде.

— Да, но я могла сбить...

— Но не сбила же? Ну и всё, — раздраженно ответил дядя. — Все целы, и это главное, но машину мыть придется тебе. Уж извини.

Я не возражала. Да и что я могла сказать? Я виновата кругом. Перед моими глазами всё ещё была та бабушка с двумя детьми. Если бы... если бы я не успела... Если бы не повезло... Я боялась представлять себе последствия.

Просто помыть машину пеной и шампунем, разумеется, не вышло. Автомобиль от колес до крыши весь был покрыт полусохшими пятнами яиц и осыпан липкими осколками скорлупы. Отмывать все это пришлось долго, трудно и упорно. Я с отвращением оттирала от поверхности автомобильного корпуса склизкие, влажные, похожие на сопли белковые и желтковые массы.

Пока я старательно приводила автомобиль в порядок, на улице уже стемнело. Сумерки превратились в вечер, вечер обернулся ночью. Спать мне ночью не пришлось.

Ошметки чертовых яиц попали в глубь решетки радиатора, забились в колёса и рамы стекол. Дно автомобиля, передняя его часть, тоже оказалось перепачканным. Вдобавок ко всему, я обнаружила, что каким-то неведомым образом сырыми яйцами были обильно забрызганы и арки колёс.

— Да, этот день и эту ночь я надолго запомню, — проворчала я.

Я реально провозилась с тачкой почти до рассвета. К этому моменту я её уже возненавидела и ещё больше возненавидела яйца.

Я прервалась. Перекусила фруктовым салатиком и выпила небольшую чашку кофе. Вообще, я не поклонница этого напитка, но в таких случаях можно себе позволить. Потом я вышла во двор и покормила Леопольда и Каролину.

Это двое наших огромных, чёрных тибетских мастиффов. Они — неразлучная пара. Здоровые и лохматые, они напоминали не то львов, не то каких-то мифических чудовищ. А на деле были весьма добродушными и милыми созданиями. По отношению к своим, разумеется. Чужаков исполинские мастиффы не жаловали.

Сейчас, завидев меня, собаки с радостью бросились ко мне. Они всегда очень открыто демонстрировали мне свою любовь. Толкались, скулили, лизали руки и норовили облизать лицо. Леопольд иногда вставал на задние лапы и пытался положить передние мне на плечи. Этот жуткий на вид пёс — страстный фанат обнимашек. Вот только у него такая масса, что удержать мне его нереально!

— Тише, тише, Лео, не толкайся, я тоже рада тебя видеть, — хихикая, проговорила я.

Каролина была более спокойной и сдержанной. Она нечасто лезла в лицо, потому что

она у нас воспитанная и прилежная девочка. Каролина частенько даже порывивала на Лео, когда тот вёл себя неподобающе. Собаки, как обычно, с благодарностью облизали мне руки, а затем с чавканьем и аппетитом принялись за еду.

Я вернулась к автомобилю. Он всё ещё был недостаточно чист. А вернуть авто хозяину необходимо если не в совершенной чистоте, то хотя бы в близком к этому определению состоянии.

Незаметно прошли ещё два часа. Я выдраила, вычистила и фактически «вылизала» злосчастный внедорожник. Было уже девять утра. В мастерскую начали приходить рабочие.

— Привет, Ника.

— Привет, девчушка.

— Добрый день, Вероника Роджеровна.

— Здорова, киса.

Работники автосервиса обращались ко мне по-разному, но относились, примерно, одинаково. У меня с ними были вполне себе добродушные и дружеские отношения. Дядя нередко ставил меня помощницей то к одному, то к другому.

Я поздоровалась в ответ в такой же манере, как и они.

— Дядюшка припахал тебя мыть это корыто? — спросил один из автослесарей, чернобородый, в затасканной рубашке и темно-синих джинсах.

— Нет, Юрка, я сама вызвалась, — устало ответила я.

— Что, правда? — Юра был усердным работником и довольно наивным.

— Ага, — вздохнула я. — Ночью вот не спалось. Решила, дай, думаю, тачку помою...

Слышавшие наш разговор работники засмеялись.

— Ты стебёшься, да? — понял Юрий.

— Исключительно из добрых побуждений, — я покачала головой и улыбнулась. — Не обижайся.

— Ты похожа на своего дядю, — проворчал Юрка, пряча руки в карманах и удаляясь.

— Сочту это за комплимент, — пропела я.

Работники снова засмеялись. С их появлением автомастерская наполнилась звуками голосов и работающей аппаратуры, гулким перестуком, скрипом, жужжанием и лязганьем.

Я убедилась, что вымытый мной Рајего выглядит примерно так, как выглядел до происшествия. Я на всякий случай еще раз придиричиво оглядела автомобиль. И зевая, поднялась наверх, на третий этаж, где и располагалась моя комната.

Свою комнату в доме дяди Сигизмунда я очень любила. Она была длинная, с покатым потолком. На самом потолке светлело широкое окно. И лунными ночами свет из него падал как раз на мою кровать, которая стояла у стены.

На кровати, на одеяле мятного цвета, валялись несколько цветных подушек разной формы. Стена над кроватью была заклеена постерами, картами, моими рисунками и фотками знаменитых фигуристов, сноубордистов и гонщиков. Поверх фоток и постеров у меня тут же висела в два ряда праздничная электрическая гирлянда. Я повесила её еще два года назад и решила не снимать. Теперь включаю иногда, когда мне грустно или тоскливо. Возле окна, что выходило на фасад и внутренний двор автосервиса, стоял компьютерный стол и мой «Вилли». Так я назвала свой компьютер. Да, да, да. Я даю имена некоторым неодушевленным предметам. Например, ещё мягким игрушкам, которые стоят у меня возле монитора или валяются на кровати.

В противоположной части комнаты у меня есть зеркало в полный рост и белый шкаф.

Шкаф у меня реально огромный, крутой, с великим множеством полок, вешалок, ящиков, двумя раздвижными дверцами и подсветкой внутри.

Стену, что под окном на крыше, сплошь занимали полки. Они были заставлены книгами. Литературу я предпочитаю самую разную, от фантастики и фэнтези, до произведений известных философов. Из последних, не буду врать, я прочла пока что всего три книжки. Зато я с удовольствием читаю историю, биологию и психологию. И успела изрядно поднатореть в этих науках.

Правда, психологией я начала увлекаться из-за своих видений. Я пыталась изучать саму себя и понять, как мне справляться со всем этим. Ведь кроме меня самой, мне в этом никто не поможет.

Да. Я обожаю свою комнату. Тут не очень много места, на самом деле, но зато уютно, мило и... как-то просто хорошо, и на душе тоже хорошо. А уж когда я хочу спать, как сейчас, то вообще зашибись. Главное, чтобы моя кровать была на месте.

Но сперва надо в душ. Особо долго дрыхнуть времени у меня не было, но поспать пару тройку (четыре — пять) часов я была бы очень не против. Я взяла своё полотенце, свежее бельё и направилась в душ.

На третий этаж никто, кроме меня, дяди Сигизмунда и Феди, никогда не поднимался. Третий этаж отделен от всего здания крепкой, бронированной дверью с кодовым замком. Поставил её дядя Сигизмунд. А знаете, когда? Правильно, когда тут поселилась я.

Дверь в ванную комнату тоже была крепкой, металлической и закрывалась на два замка. Это тоже было сделано ради моей безопасности, как мне сказал дядя. Да, решетка на окнах в ванной комнате тоже имелась.

Оказавшись в ванной, я разделась, бросила взгляд на себя в зеркало.

Лерка мне всегда говорила, что у меня всё Ок, и сверху, и снизу. И талия, и ноги, и задница, и грудь (которая никак не хочет становиться хоть немного больше). Но сама я считала себя всё-таки какой-то угловатой и немного плоской. Да, у меня стройная фигура, и ноги в порядке, равно как и осанка, и даже попа хороша. Но... вот из-за того, что у меня до сих пор вместо груди два каких-то заостренных прыщика, становилось досадно и обидно. Вон у Лерки и Оли Сливко (она же Сливка) уже всё выросло. Везде. А я какая-то... как недоразвитая.

Так, ладно. Хватит. Не хватало опять по этому поводу убиваться и реветь.

Раздосадованная, сердитая и обиженная сама на себя, я зашла в просторную застекленную душевую кабину и включила душ. Вода тёплыми струйками ласково, приятно стекала по телу. Шум воды нарастал. Душевую кабину медленно заполняли плавные клубы полупрозрачного пара.

Я почувствовала умиротворение и закрыла глаза. Теплая вода обволакивала, успокаивала и утешала. Я взяла мочалку, нанесла на неё гель для душа. Вспенила и медленно провела мочалкой по телу. Чувствуя, как покрытая воздушной пеной мочалка плавно и ласково скользит по моей коже, я ощущала настоящее блаженство.

Мою мокрую спину лизнул странный холод. Я порывисто обернулась, испугавшись, что кто-то открыл дверь в ванную и заглядывает внутрь. Я подошла к полупрозрачной дверце душевой кабинки. Помешкав, открыла её и застыла на месте. Душ выпал у меня из рук и ударился о кафельный пол.

Передо мной находился ночной мрачный лес — настоящие дикие, непролазные заросли. Внезапно над лесом проступил живописный мистический свет луны. Я поняла, что нахожусь

в саду с гигантскими, выше человеческого роста, пышными кустами. На их ветках покачивались алые бутоны роз. Их были сотни, тысячи... Сад был буквально переполнен розами.

Я ощутила липкую влагу под ногами. Опустив взгляд, я увидела, что стою босыми ногами в грязной, размокшей земле. Я ошарашенно смотрела себе под ноги.

Подул промозглый ветер. Я поёжилась, задрожала и обхватила себя руками за плечи. Холод судорогами сковывал тело. С ночного неба с шипением обрушился мощный, сильный дождь, за пару секунд он превратился в свирепый ливень. Я ахнула и чуть втянула голову в плечи. Капли воды неистово колотили по моей голове, плечам и спине. От ударов капель качались мокрые листья кустарников и бутоны роз.

Я неуверенно двинулась вперёд. Мною владело инстинктивное желание убраться из-под дождя, найти тепло. Голая, мокрая, я босиком шла вперёд по вязкой, кашеобразной, мокрой земле. Я чувствовала, как грязь забивается между пальцев ног, липнет к подошве и пяткам. Соприкосновение с мокрой и вязкой землей вызывало отвращение. Меня трясло от холода. У меня дрожали губы и трепетало сердце.

Сквозь серую туманную завесу дождя я увидела впереди нечто, похожее на человеческий силуэт. Я остановилась. Я не знала кто это. Это может быть кто угодно. Я не знала, в чьем воспоминании я нахожусь! Меня начал охватывать и подчинять панический страх. Страх, который вселяла неизвестность. Страх от осязаемого чувства подкрадывающейся опасности.

Ливень начал стихать, слабеть, пока не превратился в зыбкий, морозящий дождик. А потом и вовсе прекратился, оставив после себя плотный, густой запах сырой земли и листвы.

Я вытерла дождевую воду с лица, посмотрела вперёд. В свете тускло горящего уличного фонаря я увидела девушку. У нее были длинные, до пояса, золотисто-рыжие волосы. Она стояла ко мне спиной. Я, вдыхая отсыревший после дождя прохладный воздух, с тревогой наблюдала за ней. Она оставалась неподвижной. Я нервно сглотнула и шагнула вперёд. Неизвестность и странность происходящего были слишком мучительными, чтобы оставаться на месте. Рыжеволосая женщина всё так же стояла, не шелохнувшись. Я подошла уже достаточно близко, чтобы видеть, как её мокрое белое платье липнет к её спине, а капли стекают по плечам и рукам. Я остановилась.

— Кто вы?! — Громко и боязливо спросила я, глядя на рыжеволосую.

Она молчала и все так же оставалась неподвижной. Вокруг нас бесшумно растекались бесформенные клубы белесого тумана. Я огляделась, туман поднимался выше. Он медленно и неотвратимо поглощал кусты роз. Мир вокруг словно таял в тумане.

Я услышала шлепанье босых ног и вздрогнула, мне на мгновение сдавило грудь. Меня как будто резко проткнули длинной ледяной иглой в спину и столь же резко выдернули ее. Я почти физически ощутила, как меня пронзил обессиливающий ужас. Я замерла на месте, боялась пошевелиться, страшилась даже дышать и не могла объяснить, что меня напугало. Я увидела, как рыжеволосая женщина медленно поворачивается.

Её голова была опущена. Мокрые, потемневшие от влаги, рыжие волосы тяжело свисали вниз. Я не выдержала и боязливо отступила назад. Рыжая резко подняла голову. Я застыла, не в силах отвести от нее взгляд. Она посмотрела на меня, из-за спутанных волос, упавших на её лицо, я не сразу смогла её узнать. А когда пригляделась, то увидела, что это та самая девушка из супермаркета, которая хотела пройти к кассе без очереди, а потом забыла свой телефон.

Она смотрела на меня выразительно, широко распахнув свои ореховые глаза.

Она молчала. Говорили её глаза, отчаянно пытаюсь что-то мне сказать. Я видела это, но не понимала... Я бессильно покачала головой. Рыжеволосая девушка подняла руки, стянула с плеч лямки промокшего белого платья. Она скинула его и осталась нагая передо мной. Рыжеволосая вздохнула, снова глядя мне в глаза, снова силясь что-то до меня донести.

Я не понимала, что она хочет этим сказать. Я с сожалением покачала головой, у меня выступили слёзы. Но я уже понимала, что с ней что-то случилось, что-то ужасное, что-то отвратительное и мерзкое. Я понимала... я осознавала, что её больше нет. Я четко понимала, что эта рыжеволосая девушка, скорее всего, мертва.

Она вздохнула — грустно, печально, обреченно. Поднесла руки к лицу. У меня подскочило сердце. Рыжеволосая сжала ногтями кожу на лице и рванула в стороны. Я вскрикнула. Она оторвала два лоскутка кожи от лица. На их месте проступила кровавая мякоть, кровь заструилась по её лицу.

Она отрывала новые лоскуты. Снова. Затем ещё. Она полностью ободрала своё лицо. У нее больше не была лица. Кровь обильно стекала на её грудь, живот и ноги. Темно-алая кровь скапливалась у её ног.

Она начала «раздевать» свое тело: плечи, руки, живот, ноги и бедра. Я не могла ни отвернуться, ни закрыть глаза, ни даже вдохнуть. Я, затаив дыхание, лишь взирала на это кровавое безумие. Я смотрела на покрытую блестящей кровью устрашающую человеческую фигуру. По её голым ногам поднимался туман — быстро, торопливо. Он словно намеревался скрыть её до того, как она полностью «обнажится».

Я услышала шаги сзади и порывисто обернулась. Никого... Только туман и очертания кустарников. Я повернулась, но рыжеволосая девушка исчезла. В тумане передо мной вместо неё чернел силуэт. Темный, четкий, граненый силуэт мужчины. Он напоминал тень без владельца. И, глядя на этот силуэт, я осознавала, понимала, что смотрю во мрак — истинный, бездонный, безжалостный...

Эта тень была олицетворением бесконечного, порочного мрака. Не того, что наступает с закатом, а того, в котором погрязает одержимый изменными чувствами человек, познавший вкус чужой боли и страданий, упивающийся беззащитностью жертвы. Человек, попробовавший пьянящий вкус убийства.

И этой человекообразной тени не нужен был владелец и хозяин. Она сама была хозяином и властелином. Она содержала внутри себя личную боль, страх, ненависть, злость и ещё целый сонм всевозможных человеческих пороков.

Она была олицетворением мрака человеческой души, соткана из него, создана им, рождена в его недрах. Я это чувствовала. Я ощущала исходящую от этого силуэта подавляющую, давящую, убийственную силу. Сжимая кулаки и онемев, я смотрела на угольно-чёрный силуэт в тумане.

— Что тебе нужно... подонок? — шепнула я через силу.

Тень ринулась на меня, резко оказалась рядом, нависла надо мной, занесла руку для удара. Я отшатнулась назад, прикрываясь руками и истошно крича.

Я очнулась, лежа на полу нашей душевой. Я в истерике и панике била рукой по полу, по воде. Я замерла и огляделась.

Шумела вода из душа. Я слышала басистые, гулкие удары в дверь. Я слышала голос дяди Сигизмунда.

— Ника! — ревел дядя. — Ника, что случилось?! Открой дверь!.. Чёрт!

Душевую кабину заполняли густые, жаркие, молочно-серые тучи влажного пара. Я слышала, как на дверь в ванную, сыплются неистовые удары. Я с трудом поднялась. Голова была тяжелой, как после долгого сна. Я открыла кабинку и ужаснулась.

Пол в ванной комнате был залит водой. В воде почти плавали мои тапки. Висел стойкий мыльный запах. Я услышала, как открывается дверь в ванную, и едва успела стремглав подбежать к сушилке. Схватила большое голубое полотенце и быстро завернулась в него.

В этот миг дверь в ванную с шумом распахнулась, и внутрь ворвались дядя Сигизмунд и взъерошенный Федя.

— Ника! — дядя Сигизмунд выглядел встревоженным и свирепым.

В руке он держал огромный гаечный ключ. Он остановился, недоуменно оглядел заполненную водой ванную комнату и посмотрел на меня. Я стояла босиком на полу, замотавшись в полотенце.

— Ника, ты... ты кричала... Что случилось?

Тут он обернулся и посмотрел на Федю.

— Выйди отсюда! — рявкнул он на него.

Тот с трудом оторвал от меня взор и поспешно ретировался. Дядя посмотрел на меня. Снова взглянул на пол.

— Дядя Сигизмунд, — пролепетала я сбивчиво, виновато и расстроено. — Я... я не знаю, как так получилось. Я... кажется... уснула в душе...

Что за идиотизм я несу?! Что за дикий бред?! Я не знала, что сказать. Адекватных оправданий и объяснений у меня не было. Дядя кивнул, стараясь не смотреть на меня.

— Бывает, — глухо пророкотал дядя Сигизмунд и добавил. — Воду-то выключи, а то здесь скоро бассейн будет.

Я обернулась. Вода продолжала заливать пол душевой кабины. Водосток, очевидно, забился, только непонятно чем и каким образом. Дядя Сигизмунд вышел из ванной и закрыл дверь. Я вернулась в душевую кабину и выключила воду. Повесив шланг душа на держатель, я осмотрела ванную комнату. Скопившийся в просторной душевой кабине пар медленно вываливался в ванную комнату. По запотевшим, прозрачным стенкам душевой кабинки сползали юркие капли воды.

Я несколько раз вздохнула и закрыла глаза. Правой рукой чуть потёрла лоб.

Вспомнила рыжеволосую девушку из своего видения. Вспомнила, что она делала со своим лицом. Я содрогнулась от отвращения и ужаса.

Это был какой-то неправдоподобный кошмар! Она буквально отдирала от себя куски собственной кожи! Как будто бы это была обёртка! Она... Она тщетно старалась мне что-то показать, стремилась что-то донести до меня... Что?! Что она хотела объяснить?! Почему я это видела? Почему?!!

Я вспомнила силуэт. Силуэт того мужчины. Я вспомнила ощущение от его силуэта. Ощущение, как будто смотришь в глаза тьме. Тьме, которая подобно гнили поражает человеческое сознание. Затмевает его. Поглощает... Подчиняет... Этот силуэт неизвестного мужчины возник в моем видении вместо рыжеволосой девушки. А потом внезапно напал на меня, он собирался ударить меня. Кто он?.. Ответ был слишком очевиден, чтобы сомневаться.

Я вышла из душевой, прошла по коридору до своей комнаты, вошла внутрь и быстро закрылась. Снизу, из автомастерской, доносились приглушенные звуки работ.

Я сняла полотенце и оделась, села за компьютер. Нужно посмотреть новости. Если

было... если было убийство, о нём уже могли что-то написать. Да, наверное. Я включила комп. В тревоге покусывая подушечку большого пальца правой руки, я наблюдала за загрузкой винды. Появилась заставка рабочего стола, и я открыла браузер.

Неожиданно заорал звонок мобильного. Я вздрогнула, взглянула на дисплей — звонила Лера. Мне не очень хотелось сейчас с кем-то разговаривать. Но я знала, что сейчас еще девяти нет, а Лерка — любительница поспать до полудня. И если она звонит так рано, то что-то стряслось. Телефон продолжал звонить. Я задумчиво провела пальцем по корпусу и приняла вызов.

— Привет, — проговорила я.

— Привет! — к моему облегчению, голос у Лерки был бодрый, радостный и довольный.

В последний раз она так радовалась, когда ей на ДЭРэ подарили МакБук.

— Как дела?! — Судя по голосу Лерка задала этот формальный вопрос для того, чтобы ей задали такой же.

— Ну, скорее всего, не так прекрасно, как у тебя, — хмыкнув, усмехнулась я. — Рассказывай. Я же слышу, как ты горюшь желанием поделиться своей радостью.

— Она у меня! Гитара! Та самая! Она теперь моя! Ща... Послушай!

— Лер... — проговорила я.

Но подруга меня уже не слушала. Я услышала в динамике мобильного какое-то шуршание и шорохи. Что-то упало, и раздалось Леркино ворчливое ругательство.

— Слушаешь? — быстро спросила Логинова.

Не услышав моего ответа, она выдала мощный, агрессивный аккорд. Затем ещё один, ревущий, вибрирующий, продолжительный.

— А?! — звонко и с восторгом спросила Лерка. — Слышала? Слышала, как звучит? Какая мощь! Какой звук!

— Да... — проговорила я осторожно.

Я пока что не разделяла Леркиного восторга.

— Лера, прости пожалуйста, — проговорила я деликатно, стараясь не показаться наглой или грубой. — Но ты говоришь о той гитаре, которую мы тогда видели на витрине?

— Да! Да! Да! — с неугасающим фанатичным восторгом прокричала Лерка. — Та самая Gibson FireBird. Роджеровна, это просто мечта! Это гребаное чудо! Я просто в ахрене! Этс шикарно! Шикардос! Шикарнючий шикардосный шикардос!

— Я поняла, — я попыталась остановить Леркин всплеск мегапозитивных эмоций. — Лер, но... прости, что я сую нос не в своё дело, просто эта гитара стоит достаточно дорого.

Лера замолчала... Я понимала, что веду себя, мягко говоря, некорректно и некрасиво. Но у меня были основания для опасения, ведь такая гитара стоит несколько десятков тысяч рублей. Просто так взять и купить вещь за такую сумму — не получится. Во всяком случае, еще неделю назад у Лерки таких денег не было.

— Лер, просто... пойми меня правильно, — я старалась подбирать слова, чтобы не казаться завистливой или недовольной её счастьем. — Я очень рада за тебя, правда, и гитара звучит очень круто. Но... откуда у тебя появились на неё деньги? Насколько я помню, на ценнике число было около восьмидесяти тысяч.

Лера молчала. Я слышала её сопение в трубке. Моя тревога росла резкими скачками, словно прыгающий вверх резиновый мяч. Тугим узлом медленно стягивался живот, грудь и горло. Мои опасения укреплялись с каждой секундой.

— Лера? — проговорила я настороженно.

— Слушай... — проговорила Логинова, явно подыскивая правдоподобную причину. — Тут просто... Антон, ну я тебе рассказывала, мамин ухажёр...

Я тихо вздохнула. Антон не просто ухажёр Лериной мамы, но и отец Леркиной младшей сестры. Но Логинова нового «папу» категорически отказывается признавать.

— Короче, он купил мне гитару, — скомкано выкрутилась Лерка. — Видать, пытаетсякупить меня. Не знаю даже... Похоже, у него получается.

Разумеется, я ей не верила. Лерина мама работала окулистом в одной из городских больниц. Антон же работал старшим менеджером в одной из крупных телекоммуникационных компаний. И хотя зарабатывал он немало, всё же большую часть денег он тратил на выплату ипотеки, содержание родителей в далёком Майкопе и бытовые расходы в семье Логиновых. Я была бы невероятно и искренне рада за Лерку, если бы Антон, действительно, подарил ей гитару, которую она так хотела. Но это была ложь, неумелая и дурацкая ложь.

— Лер, — проговорила я серьёзно.

— Что?

— Ты... — я не могла себя заставить это спросить, — Ты, что... ты... ты согласилась?

Лера молчала. Я ждала. Мячик тревоги подскакивал всё выше, с ускоряющимся ритмом билось сердце.

— Лера, ты согласилась на эту фотосессию? — спросила я громко и испуганно. — Ты... ты согласилась, да?! Это он тебе заплатил?! Этот подонок, который к нам в кафе подходил?! Да?! Лера?!

Молчание. Короткий шорох. В трубке зазвучали частые короткие гудки. Я медленно и сокрушенно опустила руку с телефоном. Я испытывала шокирующее потрясение. Лера согласилась! Она согласилась! Она это сделала... Мысль эта ввинчивалась, вбивалась в голову нервными толчками, пульсирующих височных вен. Осознание случившегося ошеломляло меня.

Я не могла в это поверить... Я не могла это принять! Истина произошедшего, казалась какой-то паранормальной, невероятной, невозможной. Но Лерка... Лера согласилась... Решилась... Осмелилась...

— Зачем? — прошептала я в тишину своей комнаты.

Я вспомнила того наглого, самодовольного козла из кафе. Это всё он! Это он внушил Лерке, что она может заработать на гитару быстро и легко. Что ей совсем не нужно напрягаться, стараться и трудиться. Я негодуя цокнула языком. Скотина! Я ощутила растущее внутри яростное возмущение. Против моей воли меня одолевал нарастающий гнев. В эти мгновения, стыдно признаться, но я искренне желала тому порнофотографу Игорю или подавиться, или споткнуться и разбить себе нос.

Я закрыла глаза. За последние сорок минут, на меня свалился целый шквал шокирующих событий. Мне надо это переварить, пережить. Я вздохнула. Леркин поступок вызвал у меня угнетенное смятение.

Я посмотрела на монитор компьютера. Вспомнила, что собиралась сделать.

Я выбрала поисковую строку в Google и набрала: «Убийство, новости».

Поисковик в первой же строчке выдал мне следующее: «Новое убийство Романтика! Полиция скрывает подробности». Далее: «Зверское убийство в цветочном магазине! Ещё одна жертва Романтика!», «Серийный убийца не останавливается! Новая жертва! Почему бездействует полиция?», «МВД срочно удаляет эти фотографии из сети! Смотреть всем!

Я щелкнула по последней ссылке, но тут меня ждало разочарование: «Данная страница не существует». Однако я нашла ещё несколько подобных ссылок. Как я поняла, Романтик, о котором Москва заговорила в начале апреля, снова выложил фото убийства в интернет!

У нас в школе последние два месяца только о нём и разговоры. Все шушукуются, шепчутся, пересылают друг другу фотографии с мест преступлений. И мне показывали... Пытались. Я отказалась смотреть на это. По понятным причинам я старалась держаться подальше от любых новостей, связанных с Романтиком. Я боялась. Я боялась воспоминаний.

Такое уже было. Я уже страдала кошмарными видениями другого серийного убийцы и его жертв. Видения настигали меня регулярно и повсюду. В любое время суток. Они часто накатывали по ночам. Я боялась спать ночью. Спала днём, так была меньше вероятность увидеть кошмарные видения. Я не знала, куда от них спрятаться. Тогда я помогала Стасу и его группе отыскать скрывающееся под личиной школьного учителя жестокое чудовище, что пытало и казнило мальчишек от семи до десяти лет. Пока Стас его поймал, он успел забрать шестерых. Шестерых обычных мальчишек. «Московский Живодёр» успел поселить бесконечное горе в шести обычных русских семьях. Шестерых матерей тот ублюдок обрёл на пожизненные душевные страдания, на пожизненную мучительную боль, которую уже не прекратит даже время.

И теперь этот... Романтик.

Я закусила губу, глядя на ссылку, на которой лежали запретные фотографии, которые МВД удаляет с сайтов. Я в нерешительности убрала руку от мышки и сжала кулак. Мне было страшно представить, что я там увижу. Я вспомнила видение. Вспомнила, как рыжеволосая девушка сдирала кожу со своего лица.

Я вспомнила ту тень и отвернулась от монитора. Поджав колени, я с ногами забралась на кресло и спрятала лицо в ладонях. От неизбежного ужаса, который теперь будет меня преследовать, у меня хлынули слёзы. Мне никуда от этого не деться. Я буду это видеть. Я буду на это смотреть.

Это никуда не денется и не прекратится, пока... Пока Романтик не будет пойман или внезапно убит.

Я всхлипнула и нервно тяжело сглотнула. Тёплые слёзы скользили по моим щекам. Я ощутила их привкус на губах. Меня раздирали навязчивые опасения и страхи, пугающие представления о том, что я буду видеть, с чем мне придется столкнуться. Я уже ныряла в такое дерьмо. Я уже тонула в чужой боли, страданиях, муках и ужасах. Я проживала последние мгновения чужой жизни и видела, как обрывались эти жизни. Я боялась увидеть и почувствовать это вновь. И знала, что выбора у меня нет. Нет. Нет! Нет! Нет!!!

Я судорожно вздохнула. Чуть прикусив большой палец левой, руки я все-таки перешла по ссылке. Это оказался паблик в соцсети, который назывался «Антифакты». Я нервно усмехнулась — оригинальное название. Перед тем как открылись фотографии, выскочил предупреждающий баннер, типа, эти снимки могут шокировать людей с неокрепшей психикой. Господа, мою психику уже ничего не спасёт, с невеселой улыбкой подумала я и нажала «подтвердить».

Открылась первая фотография. Я закрыла глаза и отвернулась. Мне хватило одного взгляда, чтобы детально разглядеть изуродованное, окровавленное человеческое тело и заплетенные в несколько тонких кос золотисто-рыжие волосы.

Я заставила себя посмотреть на фотографию. Это была она... У меня не было никаких

сомнений. Та самая девушка из супермаркета, которая забыла свой телефон на кассе. Она напоминала освежаванную тушу. Романтик обошелся с ней, как со скотом. Глядя на красивый антураж из белых роз вокруг тела, я поняла, что его показательное стремление обставить сцену убийства эффектно — это лишь издёвка. Он измывается над ними и над нами. Он воплощает собственное извращенное, превратное понятие о красоте в этих убийствах.

И ему нравится, что у нас это вызывает ужас. Ему нравится, что нам это противно. Такие, как он, считают всех остальных недоразвитыми недочеловеками и тупыми покорными овцами. Абсолютное большинство, в их глазах, лишь непутевая, бесполезная серая масса, покорная и бесправная. А он... Он уникален, а его творения прекрасны.

Я вздохнула и открыла следующую фотографию. Таких, как Романтик, я уже встречала. И он был такой же. Хотя нет, он гораздо хуже. Он нарцисс, самый настоящий нарцисс.

Он считает себя творцом и художником. Талантливым гением. А мы все — забитая навязанными законами, слабохарактерная и бесхребетная толпа тупых ублюдков. И его отношение к нам очень ярко выражено в его преступлениях.

— Откуда я все это знаю? Почему эта четырнадцатилетняя сопля сидит тут и умничает, спросите вы?

— Дамы и господа, ответ очень прост. С такими подонками, как Романтик, жизнь сводила меня уже несколько раз. И не дай бог вам всем увидеть и пережить то, что довелось мне. Я не набиваю себе цену. Простите, если мое высказывание кажется вам заносчивым и высокомерным. Просто... я знаю, о чем говорю. И о них я тоже знаю немало, к моему сожалению.

Я прокрутила все фотки на этом паблике, посмотрела фотографии с прошлых убийств. Розы... Карминовые, лиловые, белые. И каждый раз в центре сцены кровавое тело без кожи.

Внезапно я услышала девичий смех. Я закрыла глаза и крепко зажмурилась. Не надо... не сейчас... О, Боже... не надо, пожалуйста... Я слышу её смех, смех одной из них. Одной из тех, которых уже нет. Она рядом, я чувствую тепло. Я открываю глаза...

Солнце. Весна. Май. Зеленые деревья, трава и пестреющие на лужайке цветы. Девушка в желтом платье с небольшой василькового цвета сумочкой «Келли».

Она куда-то спешит, спускается по ступеням. Шумно хлопая крыльями, взлетели два голубя, пролетели над её головой.

Я бессильно наблюдала за ней. Девушка в желтом платье прошла мимо меня и встретила с парнем, который был одет в рубашку и джинсы. Они обнялись, он поцеловал её. Я увидела их вечер. Они хорошо провели время вместе. Они долго прощались перед её подъездом.

Потом я увидела, как она дома переодевается и заваривает чай. А потом я вижу его, тот силуэт... Ту тень из мрака, которая принадлежала ему — Романтику. Он забрал девушку в желтом платье. Она стала его первой. Потом я увидела следующую жертву, затем третью и, наконец, эту рыжеволосую.

Я вспомнила, что она хотела меня подвезти от супермаркета. Я молча рыдала, глядя на последние воспоминания из их жизни. Хватит, взмолилась я мысленно, пожалуйста... Хватит... Я поняла... я... поняла, перестаньте... Перестаньте! Хватит! Я не хочу!

Воспоминания выплюнули меня обратно. Я снова в своей комнате. Я в кресле, передо мной горит монитор компьютера. Меня опять сотрясала дрожь.

— Чёртов ублюдок... — шмыгнув носом, проговорила я. — Чтоб ты провалился!

Сволоочь! Скотина! Kurwa!..

Я встала со стула, подошла к полкам с книжками. Тут у меня был небольшой тайничок, где я хранила настойку пустырника и ещё парочку успокоительных средств. Я этим пользуюсь изредка, когда становится слишком уж тяжело.

Приняв лекарство, я начала собираться к Лере. Поспать мне все равно уже не удастся, а так хоть поговорю с подругой и узнаю подробности её глупого поступка. Может, ещё можно что-то исправить. А потом... Потом поеду к Стасу. Мы с ним не общались с тех пор, как он поймал «Московского Живодёра».

Тот, кстати, тоже любил записывать свои пытки на видео. И потом родителям жертв, тварь такая, отправлял эти записи.

Я начала собираться к Лере, но сперва надо было что-то сделать с покрасневшими от слёз глазами. Ладно. Я достала косметику и отправилась на кухню, чтобы заварить два пакетика зеленого чая. Посмотрим, что будет дальше.

РОМАНТИК

Воскресенье, 8 июня

Цветы похожи на людей. Нет, это не какая-то дурацкая аллегория, они, как и люди, растут и существуют группами в дурацком социуме. Они кажутся одинаковыми между собой, как и большинство людей. Так же, как и люди, они тянутся к солнцу. Солнце для цветов — олицетворение человеческих благ, к которым стремятся люди. Только в отличие от людей, у цветов нет эмоций, нет радости, печали, ненависти, злости, зависти и корысти. Цветы не умеют мечтать, не умеют говорить. Но в шелесте их лепестков и едва слышимых шорохах стеблей сокрыто куда больше смысла, чем в повседневной, бесполезной болтовне людей. Да, цветы похожи на людей, но они куда лучше людей и намного красивее.

Романтик обожал их именно за это. За то, что он может быть среди них. И они никогда его не прогонят за то, что он и вполтину не так прекрасен, как они.

Иногда он уверен, что цветы понимают его, когда он разговаривает с ними. Радуются ему, когда он приходит, внемлют ему, когда он рассказывает о себе и о своей жизни. Они единственные, с кем он мог поговорить. Он любил их с детства.

Детство... Он ненавидел то время. Время, когда он был чужим. Когда он был слабым и беззащитным перед этой безликой толпой. Когда толпа пыталась задавить его, изменить, заставить подчиниться ей, её правилам и законам.

Романтик полил цветы и ласково, с любовью, провёл рукой по бутонам роз Фламентанц. Прохладные, мягкие, гладкие лепестки. Какое блаженство просто касаться их! Он перешел к другим розам. Он сдобрил их землю азотосодержащими удобрениями. Внимательно осмотрел листочки и стебли.

Его цветы были в идеальном состоянии. Он гордился ими и мог часами смотреть на них, любоваться и наслаждаться их существованием.

Закончив ухаживать за розами, Романтик прошел в другую комнату и открыл ноутбук. Зашел в интернет, открыл страницы, на которые сегодня загрузил фотографии своего нового шедевра. Его страницу заблокировали. Он ухмыльнулся. Это было ожидаемо, слишком ожидаемо. Именно поэтому он разослал всем, кому мог, ссылки, с которых можно было скачать его снимки. И судя по новостным лентам СМИ уже всю пользовались его фотографиями.

Известие о его деянии было и на видеохостингах, обсуждалось в социальных сетях и на форумах новостных порталов.

Он улыбнулся, довольно и блаженно. Его обсуждают, его боятся и им восхищаются. Но как его раздражает это грубое, грязное слово «Убийство».

Убить означает уничтожить кого-то ради собственной прихоти. Убивать значит умертвлять, уродовать, калечить. Он не уродует, не калечит и не убивает. Он делает прекрасное ещё более прекрасным!

Но разве это общество безмозглых животных способно понять разницу? Способны ли эти существа, этот социум, осознать всю важность и эпохальность его шедевров? Он зло ощерился. Ничего... Он заставит их признать себя. Они будут восхищаться им, они поймут. Они примут это и признают его гениальность. Он ломает их правила, разрушит их никчемные, бесполезные законы. Покажет, как выставленные сегодня искусственные границы вредят проявлению творческой природы человека! Человек не может создавать красоту и чудо в условиях жестких и повсеместных ограничений! Человек должен быть свободным! И он... он свободен. И он будет творить... Он будет создавать!

И они вынуждены будут признать его!

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Понедельник, 9 июня

Лера не хотела говорить. Мы были одни у неё дома, сидели на кухне за чашками чая. Чай остывал нетронутым. Кроме нас, у неё дома никого не было.

На кухне едва слышно играл радиоприёмник. Лера не смотрела на меня. Покусывая губу, с насупленным видом она поглаживала гриф своей новой гитары и смотрела только на неё. Я наблюдала за ней. Меня одолевали противоречивые чувства. Мне было жаль её, но в то же время я винила её и одновременно всё-таки была немного рада за Лерку. Но я радовалась бы за неё куда более искренне и выразительнее, если бы не способ, которым она осуществила своё желание.

Я очень сожалела и была опечалена тем, что она сделала. И была убеждена, что она могла обойтись и без этого. Кто-то мог бы сказать мне: «Какое твоё дело?! Чего ты к ней пристала?! Она ведь получила, что хотела! Сама!.. Вот и не лезь...» Да, всё так, может быть, я и не права. Но тяжело было принять это, смириться с этим, забить на это...

В моих глазах, моя лучшая подруга ради желанной вещи пошла на собственное унижение и бесчестье! Что я была бы за подруга, если бы спокойно на это отреагировала? Как я могла без яростного осуждения относиться к тому, что какой-то коварный, наглый тип подло и расчетливо сыграл на грёзах Лерки о новой гитаре. Он предложил, и она не устояла, поступилась собственными принципами, собственными правилами морали.

Я смотрела ей прямо в лицо. Лера подчёркнуто и упрямо не глядела на меня.

Я печально улыбнулась.

— Она тебе хоть нравится?

Лера стрельнула в меня обидчивым взглядом. Я не скрывала улыбки и смотрела на неё без укора.

— Нравится, — буркнула она и вздохнула. — Ну, давай начинай уже...

— Что начинать? — я чуть приподняла брови.

— То, что ты так любишь делать! — возвела глаза к потолку Лера. — Читать морали! О том, что правильно, что плохо, что нечестно, что соответствует гребаной этике и... всё прочее, что ты там обычно говоришь.

Леркина тирада не обидела и не задела меня. В ней говорили эмоции, и я это чувствовала.

— Я не собираюсь читать тебе морали, — вздохнула я.

— Почему это? — с подозрением спросила Лерка.

— Мне кажется, в них нет сейчас смысла, — дипломатично ответила я.

Но Логинова восприняла это иначе.

— То есть это означает, что мне бесполезно говорить о моральных принципах, правилах и устоях?! Да?! Нет, ну скажи, ты это имела ввиду?! Да?! Что ты улыбишься, как дура?!

— Лер... — я закрыла глаза и покачала головой, — я хотела сказать, что ты уже сделала то, что сделала.

Логинова, неприязненно сузив глаза, негодуяще взирала на меня.

— И сейчас сотрясать воздух просто нет смысла, — проговорила я мягко. — Вот и всё.

— Угу, — кивнула Логинова и отвернулась.

— Ты ведь меня осуждаешь?

Я устало вздохнула.

— Лер...

— Нет, ну скажи!

— Я...

— Блин! Ника! Ты можешь просто сказать, что ты на самом деле думаешь?! Ответь! — вспыхнула Лерка. — Скажи мне! Ты... ты ведь меня презираешь?! Презираешь?!

Она замолчала, глядя на меня, всхлипнула и тяжело сглотнула.

— Да?!..

— Нет, — я чуть качнула головой. — Я презираю того, кто тебе это предложил.

Лера отвела взор.

— Я сама согласилась...

— Ты согласилась, когда тебе предложили.

— Какая разница...

— Большая, — перебила я её.

Она уставилась на меня. Её глаза были мокрыми, по щекам текли слёзы.

У меня сдавило сердце.

— Лер, — я обошла кухонный стол и села рядом с ней. — Разумеется, я не одобряю твой поступок... Но... Ты же сама не была одержима такой идеей? Ты же не искала в интернете... я не знаю... возможность продать собственные эротические фотки?

Логинова молча кивала. Я погладила её по плечу.

— Послушай... очень многие люди не делали бы того, за что им потом было бы стыдно, если бы им этого просто не предлагали.

— Откуда ты знаешь, что мне стыдно? — проревела Лерка, уже рыдая вовсю.

— И правда, — вздохнула я и взяла со стола салфетки.

Я протянула их ей. Лера с благодарностью взяла у меня салфетки, промокнула щеки, глаза и шумно высморкалась.

— Извини меня, — Лерка проговорила слегка в нос. — Я сама натворила дел... А на тебя вызверилась. Извини, Роджеровна. Я...

— Да всё нормально, — усмехнулась я.

Логинова посмотрела на меня, а затем вдруг крепко обняла. Я ответила ей взаимностью.

— Всё хорошо, Лер, — я погладила подругу по голове. — Всё будет норм...

— А если... если теперь кто-то узнает? — шмыгнула носом Лерка. — Как я... как маме в глаза потом буду смотреть?

— Не узнает, — ответила я.

Хотя, конечно, такой уверенности у меня не было. Зато были кое-какие соображения.

Чтобы как-то отвлечь Лерку, я попросила её сыграть мне что-нибудь новенькое из её репертуара. Логинова согласилась. Я выслушала две её новые песни. Логинова, смущаясь, пробормотала, что они ещё не доработаны.

— А, по-моему, это было прекрасно, — заметила я, поедая арахис из вазочки. — Ничего не меняй.

— Но они тогда будут не очень... — неуверенно проговорила Лера.

— Неидеальны, ты хотела сказать? — Я покачала головой. — Идеальность, Лер, понятие сугубо абстрактное.

— Это как?

— Это так, что у этого значения нет четкого определения.

— Почему это?

— Потому что идеальность — величина сравнительная, а искусству, как мне кажется, она только навредит.

Я пожала плечами.

— Искусство должно оставаться реалистичным, настоящим и живым.

Лера улыбнулась, сложила руки на корпус гитары.

— Ты считаешь, что стремление к идеалу отнимает у искусства натурализм?

— Скорее, именно жизнь... жизненность. Понимаешь, например, скульптор, когда лепит свою скульптуру, обязан сделать так, чтобы у его работы не было каких-то там трещинок, неровностей, несоблюденных пропорций и так далее... но сама его скульптура совсем не обязана быть эталоном красоты. Понимаешь, о чем я?

Логинова задумалась. Чуть нахмурилась.

— Кажется, да... И ты думаешь, что последний куплет тоже не менять.

— Последний куплет, как по мне, самый лучший, — заверила я её. — Ты там перечисляешь всё то, о чём думают люди, когда им не везёт в любви... Там мало рифмы и нет сочетания, зато, чёрт возьми, слова, действительно, берут за душу. Они пропитаны жизнью, потому что большинство людей на планете хоть раз, но чувствовали нечто подобное.

Лера несколько раз кивнула, усмехнулась. Провела рукой по грифу гитары.

— Ладно... Поверю твоим словам.

— Спасибо, — с чувством отблагодарила я.

Она посмотрела на меня слегка удивленно.

— Для меня это очень много значит, — объяснила я.

— Твоё мнение для меня тоже, — призналась Лерка.

— Спасибо.

Через час я ушла из Леркиного дома и направилась по адресу, который мне дала Лера. Именно там находилась студия этого поганца, который фотографирует обнажённую натуру несовершеннолетних девочек. И верить в то, что он это делает ради искусства, я категорически отказываюсь!

Это оказалось старое, но сохранившее презентабельный вид, кирпичное здание с пятью этажами. У него были широкий фасад и плоская крыша. Похоже, что всё здание недавно реставрировали: заменили окна и подравняли кладку, переделали подъезд, крыльцо и ступени. Все чинно, красиво и стильно.

Я сидела в закуской неподалёку. Наблюдая за входом в здание, я делала вид, что поглощена соком и увлечена изучением страниц своих одноклассниц в Instagram.

Я заметила движение на улице. Посмотрела в окно. Девушка лет шестнадцати в фиолетовом свитшоте и джинсах подошла к крыльцу кирпичного здания и открыла дверь. Свет солнца сверкнул в дверном окне, и девушка зашла внутрь здания. Я открыла лежащий рядом блокнотик и сделала запись.

Конечно, не все, кто входил в пятиэтажное кирпичное здание, шли на фотосессию к извращенцу с ненормальными пристрастиями. Его фотостудия, я узнала, находилась на четвёртом этаже. «Perfection» называется. Довольно самоуверенное и высокомерное название, если честно, особенно учитывая род занятий владельца фотостудии.

Кроме «Совершенства» в здании ещё находились небольшая турфирма, рекламное агентство, отделение банка, контора нотариуса и школа актёрского мастерства.

Вычислять гипотетических жертв фотографа извращенца было нетрудно.

Их возраст должен был колебаться от тринадцати до восемнадцати, ну, может быть, до девятнадцати лет. Как-то так. Дело мне портила только школа актёрского мастерства. Потому что те, кого я отмечаю в своём блокноте, вполне могли приходить и туда. Но ничего. Думаю, мне удастся поймать хоть одну девушку, побывавшую у этого фотографа. А чтобы она была поговорчивее, я вооружилась волшебным, можно сказать, безотказным средством, обладающим способностью разговорить почти любого.

Возле моего стола кто-то робко прокашлялся. Я оторвала взгляд от экрана смартфона и посмотрела на стоящего рядом человека. Это был очень худой и долговязый мужчина в светлых брюках и бордовой клетчатой рубашке. У него были длинные русые волосы и лицо с очень широкими губами.

— Добрый день, — в его голосе слышался лёгкий акцент, похожий на тот, который появляется у меня в период волнений и стрессов.

На мгновение я занервничала и испугалась, что судьба свела меня с земляком из Польши.

— Добрый день, — ответила я.

— Меня зовут Ондржей, — представился мужчина и улыбнулся.

Улыбка у него была невероятно широкой и открытой, как у какого-то мультяшного героя. Я расслабилась, судя по всему, гость был из Чехии. Мои дяди, тётки и вся остальная семья их на дух не переносят, впрочем, как и русских.

— Очень приятно, — кивнула я.

Называть своего имени я не стала.

— Вы не могли бы помочь нам?.. — Он неопределенно указал в сторону. — Мы хотим сфото... сфото — гра... Сф — фото...

— Сфотографироваться? — Улыбнувшись, подсказала я, посмотрев, куда он указывал.

В дальнем конце кафе сидела пухлая женщина в очках и двое детей в одинаковых футболках.

— Сфо — то — гра — фи — роваться, — по слогам повторил Ондржей и кивнул. — Да. Вы... поможете нам?

— Конечно.

Они хотели всей семьёй запечатлеть себя на фоне экспозиции с тремя медведями на мотоциклах, являющейся чем-то вроде фишки этого кафе. Оно, кстати, так и называется: «Три медведя и три мотоцикла». Хозяин кафе не утруждал себя размышлениями, когда

придумывал название. Зато идея прикольная, и людям нравится.

Я сделала несколько фотографий чешской семьи, получила порцию фальшивых улыбок и любезное спасибо. Передавая телефон в руки отцу семейства, я увидела его воспоминания...

Он стоит в просторном кабинете, из окна видны Пражские улицы. На него истошно, брызжа слюной, орёт какой-то бритоголовый мужик с очень густыми чёрными бровями. Затем воспоминание резко сменилось... Вечер, дом, ужин за столом, на него кричит жена, а затем начинает бросать в него предметы.

Длинноволосый даже не пытался увернуться, он только закрывал голову и лицо руками. Воспоминание снова сменилось. Толпа школьников забрасывает грязью какого-то худосочного паренька с выступающими передними зубами и всё с той же дурацкой длинноволосой причёской.

Я вздохнула, прошла к своему столу и присела на место, бросила взгляд на чешскую семью. Они сейчас весело посмеивались над чем-то, и глава семейства тоже хохотал громче всех.

Не знаю, может быть, только мне одной было очевидно, что ему совсем не так весело и хорошо, как он стремился показать. Ладно, не моё дело.

Я заказала ещё один сок, но как только собралась приступить, из кирпичного здания, за которым я следила, вышла девушка. Она была в белой майке с принтом, шортах и легком вязанном кардигане. На лице у нее темнели солнечные очки. Каштановые волосы были заплетены в косу «рыбий хвост». Я узнала её, она была из моего списка. Сто процентов — это клиентка фотографа-извращенца!

Я быстро рассчиталась за сок и выскочила из кафе. Девушка не спеша шла по тротуару вдоль тянущихся к небу высоких зданий. Я следовала за ней, не отводя взгляда. Я спешила. Меня одолевали некоторые опасения насчёт её реакции, когда я к ней подойду. Я беспокоилась, и беспокойство становилось навязчивым, но отступить я не собиралась. Хотя, если честно, были такие мысли.

Я догнала её на перекрестке и тронула за плечо. Девушка обернулась.

— Привет, — улыбнулась я, — извини, что отвлекаю... но, я видела, как ты выходила из вон того здания...

Я неопределенно махнула рукой себе за спину. Девушка в кардигане несколько мгновений изумленно таращилась на меня.

— А тебе-то что? — грубовато спросила она.

— Ну ты ведь ходила в «Perfection» на фотосессию?

— Не поняла! — фыркнула моя собеседница. — Ты следишь за мной? Ненормальная что ли?!

— Подожди... — нервно усмехнулась я. — Я не ненормальная, просто я тоже хочу туда сходить... но немного стараюсь... Расскажешь, как там... всё это проходит?

Кажется, я её убедила.

— Игорь тебя тоже приглашал что ли? — усмехнулась она уже более дружелюбно.

И окинула меня оценивающим взглядом.

— Да, у него губа не дура. А ты ниче такая... симпатная, в принципе.

— Спасибо, — торопливо ответила я. — Но меня вообще интересует сам процесс... Это... как, вообще, всё проходит?

Я сделала несколько неопределенных жестов, пытаюсь подобрать слова.

— Тебя как зовут? — самодовольно усмехнувшись, спросила девушка с косой.

— Ника, — ляпнула я.

И тут же подумала, что называть настоящее имя не стоило.

— А я Дана, — представилась моя новая знакомая. — Слушай. Главное, ничего не бойся и будь послушной. Игорь своё дело знает. Скажет, что, куда и как. Только, ради бога, не разыгрывай скромняжку, ок?

Она криво ухмыльнулась, рассматривая меня.

— Хорошо... — проговорила я. — И сколько он платит?

— По-разному, — пожала плечами Дана.

— А сколько всего фотографий?

— Это тоже индивидуально, — покачала головой Дана и огляделась. — Слушай... Как тебя там? Ника, да? Я не очень хочу об этом трепаться. Ну сама понимаешь. Так, что давай... разберешься там, когда придешь.

— Подожди, пожалуйста, — попросила я.

Она остановилась. Я быстро оглянулась, подождала, пока пройдут прохожие.

— Скажи, — я посмотрела ей в глаза. — А... Игорь не говорил, для кого эти фотографии? Ведь не для себя же он их оставляет, а?

Дана вдруг отступила на шаг. Выражение её лица вдруг стало враждебным и недоверчивым.

— Слышь... тебе че надо? Че ты пристала? Я ничего не знаю!

Она быстро развернулась и зашагал прочь. Я ринулась следом.

— Да подожди ты...

— Отвали! — рыкнула она. — Всё! Отстань от меня! Поняла?!

Я забежала вперед и преградила ей дорогу.

— Стой!

— Слушай, блондиночка, — угрожающе прорычала Дана. — Не нарывайся! Поняла?! И не лезь, куда тебя не просят!

Это был дельный совет, но, как ни жаль, для меня совсем неактуальный.

— Стой, пожалуйста, подожди, — попросила я и достала из рюкзака то самое волшебное средство.

Оно у меня было в трёх купюрах по пятьдесят. Разумеется, не рублей.

Подобные непредвиденные траты я могу себе позволить благодаря своей семье, которая, замечу без ложной скромности, обладает очень серьёзным капиталом. И хотя большинство моих родственников меня люто ненавидит (как и моего отца), кое-кто регулярно переводит мне на карту некоторую сумму денег.

Увидев зеленый цвет купюр, Дана замешкалась, её взгляд с алчным блеском глаз жадно впился в деньги.

— Ладно, — нехотя согласилась она. — Но бабки вперед.

Она требовательно вытянула ладонь.

— Хорошо, — вздохнула я. — Держи...

Дана молниеносным движением вырвала у меня деньги и быстро спрятала в свою сумочку. Я слегка опешила от такой прыти.

— Ну? — она воровато оглянулась и кивнула мне. — Давай, чего там ты хотела?

— Кому достаются эти фотографии? — быстро спросила я.

— Точно не знаю, — предупредила Дана. — Вроде, снимки идут в Европу. Кажется,

заказчики — всякие арабы, турки и индусы из Франции, Англии и Германии.

— Откуда инфы? — уточнила я.

— Видела парочку «туристов» на днях, — покачала головой Дана. — Спорили о чем-то ругались с Игорем. Потом ещё двое приезжали. Эти были, сто пудов, из Турции. Я их язык немного знаю.

— Хорошо... — подумав ответила я. — А скажи девочки лет по двенадцать и тринадцать есть?

— Полно, — фыркнула Дана. — Малолетки ща пошли ещё те... А тебе двенадцать или тринадцать?

— Нет, мне четырнадцать.

— Фига се, я думала тебе лет двадцать.

— Спасибо, — кивнула я выразительно.

— Да нет, — усмехнулась Дана. — Я не про это... Выглядишь-то ты, как надо... Просто ты вся деловая такая.

Она покачала головой с кривой ухмылкой на губах.

— По поведению ты ну совсем не похожа на школьницу.

Не знаю комплимент это был, или нет.

— А фотки Игорь где хранит, не знаешь?

— Знаю, — хвастливо ответила Дана. — Но за эту инфу ещё столько же.

Я достала из сумки пятьдесят долларов.

— Вот столько, — показала я. — И не больше.

Дана разочарованно pokrивилась, но потом кивнула и снова протянула ладонь.

— У него ноут есть, — сказала она, пряча ещё пятьдесят долларов в сумочку. — Беленький такой. Он его никогда в жизни к интернету не подключал, чтобы к нему туда никто не влез. Вот в этот ноутбук он всё и скидывает, а хранит дома, в тайнике.

Она пожала плечами.

— Всё? Узнала, что хотела?

— Последний вопрос, — я сложила руки на груди. — Откуда тебе всё это известно?

Дана хитро улыбнулась:

— Ну, скажем так, я не только фотографировалась.

— Ты что, с ним спала?! — ошарашенно спросила я, и тут же спохватилась. — Подожди... Ты... Ты была у него дома?!

Это было бы очень кстати. Мне бы не пришлось следить за Игорем, чтобы узнать где он живёт.

— Нет, — хихикнула Дана. — Мы встречались в отеле. Про ноут он мне рассказал, когда немного пьяненький был. Всё.

Он насмешливо щелкнула мне пальцем по носу.

— Пока, блондиночка. И мы с тобой не разговаривали. Поняла?

— Да-да, — не оборачиваясь, ответила я, когда она прошла мимо меня. — Поняла.

Я задумчиво посмотрела на кирпичное здание, где располагалась фотостудия Игоря. Ну что ж, если интимные фото пятнадцатилетних и шестнадцатилетних девчонок, может, и не вызовет слишком уж широкий резонанс, то порнографические снимки двенадцатилетних девочек этому извращенцу точно не простят! Где он их хранит, я теперь знаю. И наш разговор с Даной я записала на диктофон своего мобильного телефона.

Мне было немного жаль потраченных на информацию денег. Целых двести баксов!

Деньги немаленькие, и я их совсем для другого берегла. Но, учитывая, что «модели» Игоря получают достаточно приличные гонорары, подозреваю, что Дана не польстилась бы на меньшую сумму и не стала бы со мной откровенничать.

Так. Теперь мне всё-таки придётся проследить за Игорем, чтобы узнать где он, скотина, живёт. И долго ждать не пришлось. Рабочий день у торговца детской порнографией был недолог, всего-то до трёх часов дня. Игорь вышел из здания и неспешной походкой направился к стоянке автомобилей.

Я раздраженно качнула головой. Блин! Наличие у него машины стоило предусмотреть! Впрочем, что нужно было делать? Вызвать такси и сидеть ждать его? Глупость же... Зато я записала номер его автомобиля.

Кстати, ездит он на бронзового цвета Audi A8 в кузове Long. Видно, бизнес идёт достаточно хорошо.

Я презрительно и гневно фыркнула, глядя на то, как он вальяжно садится в свой седан и плавно выезжает со стоянки. Выехав на дорогу, он через несколько минут скрылся из виду. Я некоторое время выждала, прикидывая разные варианты плана действий. Мне было довольно боязно, но я решила всё же рискнуть и направилась к кирпичному зданию, где находилась фотостудия «Perfection».

Я зашла внутрь и увидела, что через несколько метров от двери за ресепшеном сидит мужчина лет двадцати шести — двадцати восьми. Он был в тёмно-синей униформе частной охранной фирмы.

— Куда? — сухо осведомился он, взглянув на меня поверх монитора.

— В «Besttour», — я произнесла название турфирмы, что находилась на третьем этаже этого здания.

Охранник окинул меня изучающим взглядом и ухмыльнулся.

— В Турцию, небось, собралась? — с каким-то злым пренебрежением спросил он.

— Почему вы так решили? — деликатно осведомилась я.

— Потому что там мужики горячие, — язвительно ответил охранник. — И неразборчивые. Так ведь?

Я прошла через турникет.

— Наверное, — я пожала плечами. — Раз вы так утверждаете, поверю вам на слово.

Прежде чем охранник сумел осознать смысл моего ответа, я уже шагала по направлению к двери турфирмы. Мысленно я себя отругала, можно было и не реагировать на реплики обиженного на жизнь человека!

В турфирму я, конечно, не собиралась, мне просто нужно было посмотреть план пожарной эвакуации. Нет, конечно же, я не собираюсь никого поджигать, но мне нужно было узнать, что за компания монтировала в этом здании систему автоматического пожаротушения. И это оказалась ООО «Грозовой щит». Стоя перед планом пожаротушения, я забила в телефон номер компании.

Прекрасно!

Я для виду потопталась минут десять на этаже, чтобы у охранника внизу не возникло лишних вопросов. А затем спустилась вниз и вышла обратно на улицу.

Отойдя от кирпичного здания, я набрала номер офиса «Грозовой щита».

— Добрый день, вас приветствует компания «Грозовой щит», — раздался приторно вежливый, искусственный голос девушки-референта.

— Добрый день, меня зовут Ольга, — представилась я. — Я начальник отдела кадров

туристической фирмы «BestTour».

— Очень приятно, Ольга, — ответила референт. — Чем я могу вам помочь?

— Ваша компания устанавливала у нас систему пожаротушения. А так же у наших соседей по зданию.

— Да... — после некоторой паузы ответила референт, — совершенно верно. А что вас не устраивает?

— Меня не устраивает, — скандальным тоном начала я, — что у нас и у наших соседей несвязанные между собой системы пожаротушения. Знаете, что это означает? Что если у них там начнет что-то гореть, они спасутся, а мы даже знать не будем! А вы знаете, как относятся к пожарной безопасности наши соседи?! Самым халатным образом!

Я, вообще, категорически не одобряю подобное поведение, и мне было жаль референта, которой пришлось вытерпеть мою игру в склочную скандалистку.

Пока я высказывала надуманные претензии представительнице «Грозового щита», на меня оборачивались проходящие мимо люди. От этого мне было неловко и даже стыдно. Я представляла, как это выглядит со стороны.

— Подождите, — референт явно пребывала в смятении, — в здании, где находится ваша компания, комплексная система пожаротушения. И она взаимосвязанная.

— Это точно? — спросила я.

— Конечно, — заверила меня референт. — Но если у вас есть сомнения, мы можем направить к вам специалистов, и они проведут диагностику оборудования.

— Нет-нет, — быстро отказалась я, — я вам верю. Спасибо, вы меня успокоили. Всего доброго.

— До свидания... — немного растерянно ответила референт.

Наверное, она подумала, что ей звонила какая-то чокнутая скандалистка, у которой не задался день.

Я спрятала телефон в рюкзачок и посмотрела на здание, где находилась фотостудия Игоря. Ну что ж, хорошо. Теперь у меня есть план, не гарантирующий, конечно, сто процентов успеха, но многообещающий.

Я направилась к автобусной остановке, миновала жилой дом и длинное здание супермаркета. Впереди меня шли двое пожилых людей, они прошли мимо узкого переулочка с глухой, сумрачной тенью. Я, ничего не подозревая, прошла следом, но вдруг кто-то с силой дернул меня за руку. Я даже опомниться не успела. Мне зажали рот рукой, я испуганно вцепилась в широкую ладонь неизвестного. Удушающей хваткой накатила паника. Сознание захлестнул глубокий, сотрясающий ужас! Я отчаянно забила ногами, пытаюсь лягнуть напавшего сзади человека. Дышать было трудно. Я с отчаяньем вцепилась в его крепкую руку ногтями, впилась с остервенением. Я ощущала себя ничтожно беспомощной и слабой. Меня прижали спиной к твердой, холодной стене дома. Перед моими глазами появилось лицо Игоря. Фотограф смотрел на меня с обманчивым, изучающим спокойствием. Я напряженно, через силу, часто дышала. Мое дыхание было хрипловатым, сдавленным. Сердце неистово пыталось пробить грудь изнутри и вырваться наружу. Меня опутал, подчинил и сковал обессиливающий страх. Выпучив глаза, я испуганно таращилась на лицо Игоря.

— Ну здравствуй, принцесса, — проговорил он холодно, жестко с мстительным удовлетворением.

Я ничего не могла ему сделать. Я не могла освободиться, не могла от него отбиться и не

могла позвать на помощь. Я ругала и проклинала себя за беспечность. Душу отравляла горечь, что я вот так вот могу погибнуть сейчас в затхлой, вонючей подворотне от рук циничного торговца детской порнухой! И во всем буду виновата только я одна!

Признаюсь, в этот миг меня наполнила жалость к себе самой. Трусливая, эгоистичная жалость. Я была маленькой девочкой в руках сильного, взрослого мужчины, который сейчас мог сделать со мной всё что угодно.

— Я видел, что ты следила за мной, — проговорил Игорь и небрежно сдул прядь волос с моего лица. — Что ты здесь вынюхиваешь? Что тебе нужно, принцесса?

Он не убирал руку от моего лица, не давая мне говорить. Меня пронизывала пугающая и угнетающая мысль о том, что ответы ему и не нужны.

— Какие потрясающие у тебя глаза, — проговорил внезапно Игорь. — Если не знать, можно подумать, что ты носишь цветные линзы. У людей не бывает таких ярких, синих глаз.

Он покачал головой.

— Ты ведь пришла сюда из-за своей подруги? Да? — прошипел он и издевательски осклабился. — Эта дурочка опомнилась, поняла, что натворила, да? И что ты решила, белокурая принцесса? Отомстить мне? Наказать меня? А? Что?..

Он вопросительно вскинул брови.

— Что? — повторил он. — Я прав? Да? Да-а... Конечно же, ты решила восстановить хренову справедливость. Ты ведь вся такая правильная, честная и принципиальная. И ты, наверное, презираешь таких, как я? А? Что?

Он чуть приблизил ко мне своё лицо. Я увидела прожилки капилляров в его глазах и родимое пятно над правой бровью.

— Ты, наверное, ещё и девочка? — прошипел он. — Может, мне проверить? Прямо здесь и сейчас? Что ты думаешь, маленькая с*чка?! Мне проверить?! Проверить?!

Он встряхнул меня и прорычал в лицо, дыхнув ментоловым запахом жвачки.

— Мне проверить, насколько ты принципиальна и чиста, дрянь?! Хочешь?! Тебя ведь никто не спасёт сейчас! Никто не поможет!

Новая волна холодящего ужаса пропитала моё тело, проникла внутрь и осела в сознании вибрирующей мыслью.

Он снова с ненавистью встряхнул меня. Я ударилась затылком о стену.

— О, нет, нет, нет, — он с издевательским сожалением покачал головой Игорь. — Не надо плакать... Твои красивые глаза не созданы для слёз.

Свободной рукой он провел по моей талии, опустил руку ниже. Я встрепенулась, забрыкалась. Слезы горькой обиды и ужаса лились по щекам, застилали взор. Он не отпускал меня. Мои попытки освободиться были тщетны.

Его глаза были перед моими глазами. Я видела в них своё отражение. Я видела, как ему нравится мой страх, мои слёзы, моя паника.

Внезапно он отпустил меня, но тут же взял за волосы, резко оттянул назад.

— Ай! — сдавленно вскрикнула я, кривясь от боли.

— Ещё раз увижу, что шпионишь за мной, я тебя, ***ть, гастарбайтерам на ночь отдам! — прошипел он мне на ухо.

В следующий миг он с силой, коротко и резко ткнул кулаком мне в живот. Мне показалось, его кулак пробил меня насквозь. Тянущая боль сжала моё тело, и я, задыхаясь, упала на четвереньки. Хватая ртом воздух, я сипло пыталась вдохнуть. Я слышала, как он быстро уходит. Я оставалась на четвереньках, боль в животе вращалась, кувыркалась и

сдавливала внутренности. Я упала набок на асфальт и, поджав колени, с отчаянием прижала руки к животу. Я пыталась заглушить раздирающую и выкручивающую внутренности дикую боль в животе. Меня трясло, я слабо дышала через нос. И каждый вдох отзывался всё той же мучительной стягивающей и всасывающей болью в животе.

Закрыв глаза, чувствуя выступивший на лбу пот, я тихо плакала и мысленно молилась, чтобы раздирающая мой живот боль, наконец, стихла. Пожалуйста... Пожалуйста, хватит. Пожалуйста... Боль не отступала.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Понедельник, 9 июня

«Он собирает букет. Он собирает букет... Дикорастущих видов роз в мире в общей сложности насчитывается более двухсот пятидесяти... Более двухсот пятидесяти... Более двухсот! Двухсот!»

Вчерашние слова Фабиана Арманда прочно угнездились в сознании Стаса. Он раз за разом подсознательно повторял их в голове, прокручивал, обдумывал.

Сегодня он приехал домой пораньше. Ещё было светло, ещё не садилось солнце.

В городе властвовал тёплый, немного сухой воздух с легкими, заигрывающими дуновениями летнего ветерка. У них с Ритой были планы на сегодня. Он обещал быть вовремя, обещал, что всё пройдет как задумано. Он заверял Риту, что сегодня у него в приоритете будет только его семья — Рита, Алина и он.

Этот его вечер принадлежит двум его самым дорогим женщинам.

И всё же Стас не мог выбросить из головы слова Фабиана. Они заняли прочное место в его мыслях. Стас вспоминал фотографии убитых девушек, и то, что с ними сделал Романтик. Слова Арманда с потрясающим озарением заставили его вдруг осознать основательную, нерушимую истину: Романтик не остановится. Не остановится, пока не соберёт букет, пока не будет считать, что собрал его, что выполнил свою миссию, что исполнил свою мечту, свою прихоть, своё заветное, маниакальное желание.

Корнилов припарковал автомобиль и заглушил двигатель. Сложив руки на руль, он опустил голову. Он собирался с мыслями и сосредоточенно анализировал те крупницы информации, которыми обладает на сегодняшний день. Корнилов пытался понять его, Романтика, планы. Понять, что он будет делать дальше.

После вчерашнего убийца наверняка должен будет взять паузу. Стас в этом почти не сомневался. Москва не узнает о новых убийствах на этой неделе и, скорее всего, даже на следующей. А, возможно, и до конца месяца. Этот ублюдок очень осторожен, и он знает, что обязан быть осторожным. А иначе его поймают, и тогда его маниакальной мечте будет положен конец — он не соберёт свой букет.

Стас отстранился от руля, откинулся спиной на сиденье и, глубоко вздохнув, посмотрел перед собой. Перед парковкой на небольшой лужайке пёстро желтели сотни одуванчиков. Летний ветер чуть покачивал их из стороны в сторону и, казалось, что цветы словно качают головами — медленно, плавно, опечаленно.

Внимание Стаса привлекла группка девушек лет шестнадцати — семнадцати. Их было пять. Они шли по узкой мощеной дорожке, и ветер играл их волосами.

Девчонки что-то оживленно обсуждали, спорили, доказывали, перекрикивали друг друга. Они были совсем юными и, несмотря на всех их проблемы, переживания, эмоции и даже слезы, не представляли насколько простой и беззаботной была сейчас их жизнь. Пока что, пока она ещё оставалась такой.

Однако пройдёт совсем немного времени, совсем не так много, как хотелось бы, и мир каждой из них начнет меняться. Для кого-то в лучшую, а для кого-то в худшую сторону. Но пока они ещё молоды. Пока что им ещё можно быть детьми, они ещё могут мечтать о будущем и строить планы на жизнь, представляя, как осуществляются их сокровенные желания.

И глядя на них, Стас ощутил крепнущее внутри него желание сделать всё, чтобы они не стали «цветами». Чтобы такие, как они, не стали розами Романтика. Почему?.. Должно быть, потому что он видел в них Алину. И знал, что отцы и матери этих девочек любят своих дочерей не меньше, чем он свою. Что эти девочки в не меньшей степени являются живым смыслом жизни своих родителей.

Корнилов почувствовал растущую ненависть к Романтику. Наверное, окажись подонок сейчас рядом, Стас бы его пристрелил. Во всяком случае, это желание было очень соблазнительным.

Стас вздохнул и вышел из машины, включил сигнализацию и направился к подъезду. Когда он, поднявшись на свой этаж, открыл дверь квартиры и вошел в прихожую, навстречу ему вышла Рита. Стас привлёк её к себе и с нежностью поцеловал, Рита, хихикнув, ответила тем же.

— Я ждала тебя немного позже, — призналась она.

— Ты не рада? — шутливо спросил Стас.

— Нет, что ты я очень...

— Слушайте, но это же уже просто невозможно! — раздался из ванной комнаты гневный голос. — Маргарита, вы уж извините меня, но кто это вам до меня трубы чинил? Все прикручено и приделано, как будто руки у того, кто делал, растут не из плеч, а из зада! И мозги там же! Какого чёрта, вообще, нужно было...

В прихожую вышел невысокого роста мужчина в зеленом комбинезоне и красной футболке. У него были жидкие светло-русые волосы и топорщащиеся усы под носом. Он стянул с рук рабочие перчатки и спрятал их в карман комбинезона.

— Здравствуйте, — поздоровался он со Стасом.

Тот сухо и сдержанно кивнул в ответ.

Сантехник посмотрел на Риту и неловко прокашлялся.

— Всё готово, Маргарита, — сказал он, стараясь не смотреть в лицо Стасу. — Всё работает. Могу продемонстрировать.

— Хорошо, идёмте посмотрим. — сдерживая улыбку ответила Рита.

Пока Стас разувался, он слышал, как шумит вода в ванной, и как сантехник рассказывает, в чём была проблема.

Рита расплатилась с сантехником, и тот, попрощавшись, ушёл.

Моя руки, Стас услышал, как Рита закрывает за сантехником дверь. Корнилов вытер руки, вышел в коридор и внимательно, молча посмотрел на жену.

Рита вздохнула:

— Сегодня днём начала течь раковина. Поэтому я решила не тянуть и доверить дело профессионалу.

Стас пожал плечами:

— Хорошо. Правильно сделала.

— Ты не сердись? — Рита чуть вскинула брови.

— А должен? — усмехнулся Стас.

— Я думала, тебя это заденет.

— Если бы твой сантехник поймал убийцу, которого я ищу, меня бы это точно «задело», — со смешком кивнул Стас. — А так...

Он усмехнулся и многозначительно развел руками.

— Ой, Корнилов, — скривилась Рита, — не бравируй своим превосходством над обычным беззащитным сантехником.

— Я профессионал, он тоже. — Стас усмехнулся. — Всё просто.

— Тогда почему ты отказывался вызвать профессионала сразу? — Рита сложила руки на груди. — Проблема была бы решена ещё неделю назад.

Стас закрыл дверь ванной и не спеша подошел к Рите.

— Ну, — протянул он и нежным движением убрал прядь медных волос с её щеки. — Возможно, во мне разыграло самолюбие.

— Мм, вот как? — В тон ему протянула Рита с игривой улыбкой. — А представь, если бы этот сантехник попытался вести следствие? Что бы ты на это сказал?

— Ничего, — Стас чуть наклонился к ней, с восхищением глядя в манящие таинственные зеленые глаза. — Я бы посмеялся.

— Почему это? — улыбнувшись, прошептала Рита.

— Сантехник-следователь, — проговорил Стас.

Рита хихикнула.

— Вот видишь, — сказал Стас. — Уже смешно.

— Смешнее, чем следователь-сантехник? — снова хихикнув, спросила Рита.

Стас улыбнулся и ближе наклонился к ней. Они застыли в долгом, сладком и жадном поцелуе.

Этот вечер, несмотря на происходящие события, оказался одним из лучших за последнее время, за последние месяцы, а может, и за последние годы. Они взяли с собой Алину. Сначала всей семьёй пошли в кино, потом прогулялись по одному из торгово-развлекательных центров. Стас с Алиной играли в аэрохоккей, а Рита болела.

Они попробовали ещё несколько аттракционов, потом Алинка забежала в магазин сувениров, и там они приобрели ярко раскрашенные мультяшные часы в виде одного из диснеевских героев. У них была необыкновенная функция: они могли проецировать свой циферблат на потолок, а цвет проекции можно было менять. Это была совершенно бесполезная штукавина, по мнению Стаса, но Алинка была от неё в восторге, и Корнилов расщедрился на покупку. Потом они зашли в небольшой зоопарк, а позже направились в боулинг, где у них была забронирована дорожка. И в заключение вечера отправились в ресторан. Там Стас тоже заказал один из лучших столиков.

Это заведение содержал человек, которому Корнилов спас сына. И владелец ресторана был крайне рад вернуть долг, подвинув одного клиента, чтобы освободить место для семьи Стаса. Он ещё предлагал обслужить Стаса и его семью бесплатно, но Корнилов наотрез отказался.

Когда они после ужина в элитном рыбном ресторане ехали домой, Рита и Алина, обнявшись и прислонившись друг к другу, сладко уснули на заднем сиденье. Стас всю дорогу до дома то и дело с любовью поглядывал в зеркало заднего вида. В душе него теплело уютное умиротворение. Он знал, что такой вечер повторится нескоро. Знал и не просил, чтобы этот вечер не кончался.

Исключительная ценность моментов, заставляющих человека млеть от самых светлых

чувств и позитивных эмоций, в их кратковременности и неповторимости. Да, будут другие вечера. Лучше и хуже, но именно таких не будет уже никогда. И это делало их невероятно важными.

Губы Стаса тронула блаженная улыбка: он был счастлив. Сейчас. Здесь. Сегодня.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Вторник, 10 июня.

Синяк был отвратительный, просто мерзкий, темно багровый с фиолетовыми разводами! И болел жутко, стоило мне только наклониться, согнуться или потянуться!

В дверь моей комнаты постучали, и я мигом опустила футболку.

— Да? — спросила я.

В мою комнату заглянул дядя Сигизмунд.

— Доброе утро, дядя, — поздоровалась я.

— Привет, ягодка, — кивнул дядя. — Ты чего-то не выходила на пробежку. Ты не заболела?

— Нет, — я покачала головой. — Просто... решила сегодня отдохнуть.

— С чего вдруг? — подозрительно спросил дядя. — Ты с пробежки всегда приходишь такая...

Он искал слова.

— Энергичная... А сегодня что? Обленилась?

Я пожала плечами.

— Могу же я хоть иногда себе это позволить. Я старалась выглядеть как можно более невинной.

— Хм, — дядя испытующе посмотрел на меня.

Мне стоило больших усилий выдержать этот взгляд.

— Ладно. У меня есть просьба, ягодка... — дядя неловко прокашлялся. — Мне нужно, чтобы ты вечером помогла мне... я сегодня повезу машину... той персоне, с которой встречался вчера. Вот и...

— Вам помочь подобрать гардероб для свидания? — догадалась я.

— Да, — прокашлявшись, слегка смущенно ответил дядя. — Хочется, чтобы сегодня всё было... более... хм... как это...

— Торжественно? — подсказала я осторожно, кротко улыбнувшись.

— Ага, так, — кивнул Дядя. — Поможешь?

— Конечно, — кивнула я.

— Вот и молодец. Кстати, сосиски с рисом удались.

— Спасибо, — хмыкнула я.

— Но кетчуп был ещё лучше, — сыпанул своей дежурной шуткой дядя.

— Я не сомневалась, — вздохнув, покачала головой я.

Дядя, довольная посмеиваясь, вышел из моей комнаты. Я посмотрела ему вслед и, закрыв глаза, на мгновение запрокинула голову. Похоже, у меня прибавилось важных дел на сегодня.

После завтрака я собралась и сказала, что поехала гулять с подругами. На всякий случай договорилась с Леркой, чтобы, если что, она мне подыграла.

У дяди Сигизмунда есть её номер, и он уверен, что я об этом не знаю.

Сама же я поехала в больницу, так как синяк болел адски, даже когда я просто быстро шагала. Я очень переживала и опасалась, что у меня могут быть какие-то внутренние

травмы.

Я обратилась к знакомому врачу, точнее он был ещё интерн и проходил интернатуру в одной из городских больниц в отделении травматологии.

Разумеется, я в его руки не далась, а попросила, чтобы он позвал мне нормального, состоявшегося врача. Пришла какая-то женщина лет тридцати пяти.

— Добрый день, — поздоровалась она. — Меня зовут Нино.

— Очень приятно, — кивнула я. — Меня Ника.

У женщины была нетипичная для русских внешность. Судя по имени, наверное, она из Грузии. Однако на грузинку со своими светло-русыми, слегка вьющимися волосами и светло-голубыми глазами она была совсем не похожа.

Нино велела мне лечь на кушетку и поднять мой кобальтовый свитшот с нарисованным китом, а затем велела расстегнуть чёрные джинсы. Я повиновалась. Нино раздраженно, негодуя цокнула языком, увидев мой синяк.

— Только не ври, что упала на что-то, — сказала она, осторожно проводя пальцами по моему животу.

— Нет, — ответила я. — Меня ударили.

Отпираться было бесполезно, Нино и так бы определила след от кулака.

— Тебе стоит обратиться в полицию, — заметила Нино. — Ника, я не могу это так оставить... Если тебя избивают дома...

— Нино, — я посмотрела на неё.

Я уже придумала оправдание синяку на моём животе. По дороге сюда я перебрала кучу вариантов.

— Меня вчера ограбили, — выдала я и, опустив взгляд, добавила. — Я... мне... мне не хватило ума просто отдать свою сумку... Вот...

Я смущенно пожала плечами. Господи, какая дичь! Что за бред я несу! Вот всегда так. Иногда, вроде, у меня получается соврать, особенно, когда это необходимо, но чаще всего я испытываю ряд трудностей, когда пытаюсь кого-то обмануть. Со сверстниками такого нет, но вот с людьми, которые постарше... Меня нередко сковывает необъяснимая робость и смятение, когда я пытаюсь врать. Ещё я начинаю волноваться и путаюсь в собственном же вранье. Меня просто начинает сразу одолевать мысль, что тот, кому я сейчас вру, видит меня насквозь.

Однако Нино, кажется, поверила.

— Вот же гадёныши, — покачала она головой. — Но всё равно нужно обратиться в полицию. Ты должна написать заявление. Нельзя же это спускать!

— Можно подумать, они там сразу начнут мою сумку искать, — невесело усмехнулась я.

Тут я не врала. Вряд ли господа полицейские хоть что-то предпримут, если к ним заявится заплаканная школьница и сообщит, что у неё отобрали сумочку и ударили. В лучшем случае стражи порядка посочувствуют и сделают вид, что предпринимают какие-то действия. И потом, даже если бы это было правдой, как они должны найти сумочку? Перерыть весь город? Дело даже не в том, что это невозможно, как выяснилось, можно даже иголку в стоге сена найти. А вот стоит ли ради этого напрягаться, чтобы поднимать всё и всех вверх дном в попытке отыскать сумочку «малолетней дурочки»? Вот тут стражей порядка будут одолевать серьёзные сомнения.

Нино никак не прокомментировала моё скептическое отношение к внимательности и

чуткости правоохранительных органов. Она внимательно осмотрела меня, поставила диагноз и прописала лечение. Слава богу, ничего серьёзного у меня не было.

— Но болеть будет ещё недели две минимум, — предупредила Нино, снимая медицинские перчатки. — Несколько дней лучше избегать тренировок и гимнастики или хотя бы не слишком сильно напрягаться.

— Спасибо, — я поблагодарила её.

— Не за что, Ника, — ответила доктор. — В следующий раз будь пожалуйста осторожнее. Тебе повезло, что всё закончилось вот так.

— До свидания, — попрощалась я.

Я была рада, что доктор Нино не стала задавать лишних, ненужных вопросов.

В одном из многочисленных ресторанчиков быстрого питания я зашла в туалет и в кабинке «слегка» изменила свой образ. В частности, я нацепила парик и надела очки в красной оправе. Затем посмотрела на себя в зеркало и ещё накинула сверху кофту-худи с капюшоном, а на руку надела несколько цветных браслетов. Я снова придирчиво оглядела себя. Вроде бы на себя я теперь не похожа: из зеркала на меня смотрела чужая темноволосая девушка в очках и мешковатой кофте. Отлично, то, что надо. Во всяком случае, на «принцессу» я теперь точно не похожа.

Я вернулась к зданию, где находилась фотостудия Игоря. Вчера я заранее позвонила и записалась на курсы актёрского мастерства в школу, которая находится на одном этаже с фотостудией «Совершенство». Поэтому, когда у охранника на ресепшене возникли вопросы, он набрал номер именно этой самой школы актёрского мастерства. Я там была записана под фамилией Никольская. Охраннику пришлось меня пропустить.

Я не стала подниматься на лифте и пошла по ступеням, так мне было легче справиться с нарастающей боязливой нервозностью. Если мой план даст осечку, я могу крепко влипнуть в очень неприятную историю. Ладно, если я сейчас начну сомневаться или напортачу, или вообще откажусь от того, что задумала, то Леркины фотки могут всплыть потом где угодно. Я даже представлять не хочу, чем это обернётся.

Наверное, если бы сейчас кто-то наблюдал за мной со стороны, особенно «умудренные опытом» люди, они наверняка бы пренебрежительно скривились и посмеялись надо мной: «Ишь ты! Возомнила себя борцом за справедливость!»

Твоя подруга сама вляпалась, вот сама пусть и выкручивается!

Ты то чего должна рисковать?! И, вообще, это же не твои проблемы...»

Но, так уж вышло, что у меня не так много людей, которые мне очень дороги, и которым я могу всецело доверять. У меня ничтожно мало по-настоящему близких людей, которые, рискуя навлечь на себя гнев родителей и схлопотать привод в полицию, поедут на машине мамино ухажера выручать меня из крайне опасной ситуации! И ещё меньше людей, готовых лично заступиться за меня, когда некие овцы из параллельного класса решат меня проучить прямо в женском туалете! Лерке тогда, кстати, крепко досталось. И всё из-за меня.

Она могла отвернуться и закрыть глаза, но не стала.

И кем же буду я, если сейчас ничего не сделаю, чтобы исправить её ошибку, которая может ей слишком дорого стоить? Я же потом в зеркало на себя смотреть не смогу! Тошнить будет!

Я оказалась на четвёртом этаже и здесь, остановившись, немного подождала.

Я собиралась с духом, мне потребовалось сконцентрировать свою волю и храбрость,

чтобы не передумать и не отступить. Страх щекотной, скользкой змеей извивался где-то внутри меня и своим ядом пытался отравить мой разум. Он пытался вселить в меня опасения, сомнения, трусливые мысли и уверенность в неизбежном крахе задуманных мною действий.

Я вздохнула, вздох получился слегка судорожным. Покачала головой. Чёрта с два! Я не поверну.

Набравшись смелости, я позвонила в дверь школы актёрского мастерства. Мне открыли, и я вошла в просторный коридор. Какой-то кучерявый парень в лёгком желтом джемпере проводил меня в кабинет. Здесь меня ждали мужчина средних лет в чёрном пиджаке и примерно такого же возраста женщина в белом деловом костюме. Я поздоровалась, положила свой рюкзак на стул и села рядом.

Я около двадцати минут заливала им, как с детства хотела стать актрисой. Сначала я думала, что они сразу почувствовали моё враньё, но потом до меня дошло, что им, вообще, плевать, чего я хочу и о чем мечтаю. Им даже плевать, есть ли у меня талант быть актрисой? Единственное, что их волновало, это есть ли у меня возможность оплачивать их курсы. И если деньги есть, то мне непременно стоит взять программу максимум.

Я отпросилась, сказав, что мне нужно посетить дамскую комнату. Оказавшись в туалете, я проверила все три кабинки. Я была здесь одна. Шикарно... Я посмотрела на потолок и определила датчики системы пожарной безопасности, кое-что я прочла о ней дома. Благо вся информация в наши дни есть в открытом доступе.

Эта пожарная система построена так, что при обнаружении очага возгорания, включается локальная система автоматического пожаротушения. А вот сигнал тревоги звучит по всему зданию. Да, вот только чтобы включилась вся эта система, сенсоры должны «учуять» дым. И, вроде бы, ничего сложного: включить зажигалку и поднести к сенсору. Только вот здесь потолки такой высоты, что даже самым рослым людям не дотянуться. А мне с моими ста шестьюдесятью двумя сантиметрами и вовсе не дотянуться. Хотя, когда я начала вытягиваться в росте, мой тренер по фигурному катанию переживала, что у меня будут проблемы с прыжками.

Некоторые фигуристки не упускали случая поиздеваться надо мной по этому поводу. И как же они разочаровались, когда выяснилось, что на соревнованиях среди юниоров я легко выполняю и тулупы, и риттбергеры, и прочие прыжки. И причем не одинарные, а в каскаде! Так что и тут справлюсь.

Я задумчиво окинула взглядом высокие перегородки кабинок. Делать нечего — придется лезть. Я встала ногами на унитаз, потом на сливной бачок. Так, ну и что дальше? Я вздохнула. Время тикало, секунды стремительно лопались, как пузыри. Скоро у сотрудников школы актёрского мастерства начнут появляться подозрения.

Я снова осмотрела помещение туалета. Нужно как-то дотянуться до гребаных датчиков на потолке. Только вот как? Даже когда я стою на крышке санитарно-технического приспособления, мне не хватает около полутора метров. С такого расстояния датчики не распознают в маленькой зажигалке серьёзную опасность.

Тут мой взгляд наткнулся на стоящую в дальнем углу туалета швабру, затем я посмотрела на бумажные полотенца возле умывальников. Хм... Недолго думая, я намотала полотенца на швабру и достала зажигалку. Чиркнула ею, и тут же вспыхнул дрожащий рыжий огонёк. Я с опасением поднесла его к намотанным на швабру полотенцам, они почти мгновенно загорелись. Я тут же вытянула швабру на максимальное от себя расстояние, с

трудом перебарывая желание отбросить её подальше. Полотенца уже бодро полыхали пышным факелом. В лицо мне повеяло сухим, жарким и едким воздухом.

Я снова забралась на сливной бачок и вытянула вверх горящую швабру, стараясь достать ею до датчиков пожарной системы. Мгновение мне казалось, что ничего не произойдёт, как вдруг над головой пронзительно и визгливо заорала тревожная сирена. А в следующую секунду с потолка хлынули десятки тонких, упругих и сильных струй воды и пены. Я инстинктивно отпрянула и едва не сверзилась с бачка. Вот был бы идиотизм свернуть шею, падая с унитаза! Я спрыгнула на пол, быстро натянула на голову капюшон худи.

В коридоре за дверью туалета слышалась паническая беготня. Кто-то кричал и матерился, громко хлопали двери и слышались причитания какой-то женщины.

Я затушила швабру под краном воды, а остатки сгоревших бумажных полотенец выбросила в унитаз. Моя кофта уже успела изрядно промокнуть, когда я выбежала из туалета. Я вместе со всеми посетителями актёрской школы ринулась к выходу. По пути я заскочила в кабинет, где со мной беседовали преподаватели курсов, и забрала свой рюкзак.

Теперь главное, чтобы Игорь запаниковал, как все. Я выбежала из школы актерского мастерства. На лестнице и возле лифта уже была прорва народу, больше всего девчонок. С визгом и истошными криками они поспешно сбегали по лестнице. Я бросилась к открытой двери фотостудии «Совершенство».

Оттуда тоже с криком выбегали девчонки. Мне навстречу буквально вылетел Игорь, он чуть не сшиб меня. Я успела разглядеть его вытаращенные глаза и бледное лицо. Распихивая девочек, он кинулся вниз по лестнице, перескакивая сразу по три ступеньки. Я быстро юркнула в распахнутую дверь его студии.

Мимо меня пробежали ещё две девчонки.

Я ринулась в противоположном направлении, забежала в первый зал. Здесь располагалась студия с темным потолком и кирпичными голыми стенами. У широкой стены с темно-синими обоями стояла кровать, стилизованная под старинную мебель, широкая, с розовым бельём, стоящая на чёрных резных ножках. Фу, какая пошлятина! Вокруг кровати стояли прожекторы, отражатели, студийные вспышки, софтбоксы и фотозонты.

Игорь так спешил, что оставил всё, как было. В том числе и стоящий на треноге фотоаппарат с массивным объективом. Я подскочила к нему. Лихорадочно начала щелкать кнопки. Перешла в режим просмотра фотографий.

Есть! Всё есть... Куча фоток. Отлично... Теперь нужно достать карту памяти. Блин! Как тут открывается... Чтоб тебя... Карту я достать не могла, зато у меня получилось открепить фотоаппарат от треноги.

В этот миг раздался топот ног, и в студию ворвался Игорь. Он был мокрый и злой. Его лицо искажала звериная ярость и оскал.

— Паскуда! — прорычал он и бросился ко мне. Я, с камерой в руках, испуганно сжавшись, попятилась назад. Он угрожающе ринулся на меня, я нечаянно толкнула стол, стоявший рядом. На пол посыпались фотографии. Я отскочила от разъярённого Игоря. Он попытался схватить меня, и я инстинктивно увернулась. Фотограф наступил ногой на упавшие мокрые листы снимков, поскользнулся и рухнул на пол, ударившись всем телом. Охнув, он с болью застонал. Я, пребывая в ступоре, мгновение глядела на него, а затем побежала. Но Игорь, не вставая с пола, успел схватить меня за ногу. Я упала и больно ударилась коленом о пол. Фотоаппарат выпал у меня из рук.

— С**а мелкая! — рычал Игорь, подтягивая меня за ногу к себе.

Я лягнула его свободной ногой в лицо, но он не отпустил. Я ударила снова. Затем ещё раз... Ещё и ещё. Я разбила ему лицо в кровь.

Игорь чуть обмяк, сдавленно вздохнул, его хватка ослабла. Я тут же вырвалась, подхватила и, подняв камеру с полу, рванула прочь что было сил.

Выскочив из здания, я неслась так, что ветер пел и завывал в ушах, а волосы флагом вились за спиной. Парик давно слетел, ещё на лестнице. Я слышала крики за спиной, но мчалась вперёд с яростной стремительностью. Я стремглав летела вперёд, петляя по дворам, улицам и переулкам. Мои кеды вбивали пыль в асфальт.

Люди впереди оборачивались, слышав меня. Встречный воздушный поток обтягивал грудь, живот и плечи, а за спиной чувствовался пекущий, знойный, сухой жар. Я мчалась вперёд. Я бежала до тех пор, пока не выбилась из сил, пока не закололо в левом боку и не сбилось дыхание, а икры ног не стало стягивать болью напряжения.

Наконец я остановилась и несколько раз вздохнула. Я дышала правильно. Так, чтобы привести в норму организм, вернуть нормальное дыхание и унять разогнавшийся вместе со мной пульс. Втягивая носом воздух, я ощущала, как сердце стучит басами. Я чувствовала стекающую по коже влажную прохладу.

Но фотоаппарат был у меня. Я устало закрыла глаза и чуть запрокинула голову, подставляя лицо лучам июньского солнца. Я улыбнулась, удовлетворенно, победно, счастливо.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Вторник, 10 июня

Он стоял перед картой на стене. На карте были прикреплены фотографии жертв Романтика. Стас смотрел на их улыбающиеся, счастливые лица. Смотрел в их глаза, полные надежды и уверенности. Смотрел и вспоминал то, во что их превратил Романтик — в окровавленные туши, безликие окровавленные туши.

Он забрал не только их жизни, но и их обличья, их лица. Они умерли униженными и безликими.

Корнилов сосредоточенно размышлял.

Была середина дня, оперуполномоченные его группы опрашивали знакомых убитой в воскресенье Дианы Егоровой. Ей было двадцать три, она была ивент-менеджером и, по оценкам коллег, одной из лучших в своём деле. А ещё она сильно отличалась от предыдущих жертв Романтика.

Во-первых, она была заметно старше, более взрослая, зрелая, опытная. Во-вторых, одинокая и явно выбравшая работу как средство избавления от тоски и одиночества. Она точно предпочитала работу отношениям и личной жизни.

Стас узнал, что Диана с головой погружалась в проекты, жила ими, дышала событиями, которые организовывала. Остальную часть времени тратила на походы в фитнес-центры, шоппинг, а на выходных иногда летала на Европейские курорты. В частности, в Хорватию и Черногорию. Пару раз была в Палермо и Ницце. И почти всегда — одна. У нее не было постоянных отношений, лишь редкие, ничего не значившие связи.

Почему Романтик выбрал её? Она ведь категорически не походила на предыдущих жертв. Почему? Почему? Из-за чего? Этот вопрос монотонно пульсировал в голове у Корнилова.

Стас устало закрыл лицо руками. У него создавалось отчетливое ощущение, что ответ лежит совсем рядом, на поверхности, но ему не хватает сил и знаний его разглядеть. Он

вернулся к своему столу, где лежали материалы по всем четырём убийствам, включая досье, документы, протоколы и фотографии по каждой из жертв. Корнилов оперся руками о края стола и вздохнул. Такого не может быть. Он что-то упускает, чего-то не видит. Романтик не хаотичен в своем выборе, у него есть или должны быть какие-то критерии. И Стас обязан в них разобраться, он должен их изучить.

Корнилов пересмотрел материалы, касающихся всех девушек. Вдумчиво в который раз изучил всю имеющуюся информацию о погибших девушках.

Он еще раз пересмотрел их биографии, но снова — ничего. Ничего нового. Он опять ничего не нашел. Стас раздраженно выдохнул и сел в своё кресло. Взял в руки фотографию Яны Долгобродовой — второй жертвы Романтика. Молоденькая, симпатичная девчонка с длинными, пышными светло-русыми волосами и изящной фигуркой.

Стас отложил в сторону протоколы допросов её знакомых и друзей. Он принялся пересматривать её фотографии. Вот Яна резвится с щенком, подаренным ей на одиннадцатилетие. Вот она, уже более взрослая, вместе с родителями на море в Турции. На следующей фотографии они всей семьей празднуют день рождения. Видимо, это именины матери Яны. Яна похожа на неё, у её мамы такие же волосы и такого же цвета глаза. И улыбка точь-в-точь, как у дочери — скромная, кроткая, но счастливая.

Стас взял папку, что содержала в себе документы и снимки, касающиеся другой жертвы. Богуслава Мартынова — самая первая жертва, юная биатлонистка. Ей не исполнилось и пятнадцати, когда Романтик отнял у неё жизнь. Богуслава была худощавой, темноволосой, с милостивым лицом и испытующим, строгим взглядом. Спортсменка и карьеристка, так о ней говорили все. Но при этом добрая и дружелюбная. Обожала свой спорт, любила тренера и всегда помогала начинающим спортсменам. Стас взял в руки её фотографию с кубком. Это был снимок с Чемпионата Европы по биатлону в позапрошлом году в Швейцарии. Стас взял следующую фотографию — день рождения в семье и, похоже... Стас внезапно встрепенулся и резко встал. Внутри, словно заведенный, резво завертелся вихрь будоражащего чувства. Он торопливо раскрыл две другие папки: недавно убитой Дианы Егоровой и третьей жертвы, Алисы Гавриленко.

Стас не нашел среди фотографий Дианы ни одной с дня рождения, но это вполне объяснимо — мать оставила её в детдоме в возрасте семи лет. А вот у Алисы Гавриленко, третьей жертвы, была такая фотография. Дача, день рождения её мамы.

Стас положил рядом все три фотографии девочек и их семей, на которых запечатлены празднования дней рождения их матерей. Стас кивнул своим мыслям, кажется, он что-то нащупал. Как они все могли быть так слепы! Ведь эти фотоснимки уже по нескольку раз пересматривали! Стас проверил даты дней рождения матерей убитых девочек. Девятнадцатое мая, тысяча девятьсот восемьдесят второго.

У Корнилова по спине побежала холодящая, вкрадчивая щекотка. Даты... Даты рождения матерей. Они были одинаковы у трёх жертв Романтика.

— Матери... — прошептал Стас и покачал головой.

Немыслимо! Он выбирает не жертв... Он выбирает их матерей!

В кабинет постучали. Стас поднял взгляд и увидел заглянувшего в кабинет Николая Домбровского. Тот сегодня пришел в синих джинсах и сером пиджаке поверх светло-голубой рубашки.

— У тебя есть новости? — без приветствия сходу спросил Стас.

Домбровский с сожалением покачал головой:

— Наша Диана не была душой компании, не особо часто была замечена среди друзей по пятничным вечерам. Также совсем нечасто ходила на свидания. Одиночка... Но успела построить успешную карьеру в своей сфере.

— Понятно. Подойди сюда.

Домбровский подошел к столу.

— Стас, мы уже несколько раз пересма...

— Вот, — Стас постучал пальцами по трём фотографиям. — Знаешь, что общего между этими фотографиями?

Домбровский с сомнением взглянул на начальника, затем снова посмотрел на снимки.

— На этих фотографиях матери наших жертв, — он недоуменно дёрнул плечами.

— Посмотри вот на это, — Стас открыл перед Колей данные о родителях жертв и показал пальцем на строки с датой рождения.

Домбровский сравнил.

— Ах ты ж, чёрт возьми!.. — вырвалось у Коли. — Он...

Коля, скривившись от впечатления, взглянул на Стаса.

— Но почему?! — Домбровскому не всегда удавалось справиться с эмоциями. — Он... выбирает матерей?! Почему?! Почему, Стас?!

Корнилов смотрел на старые фотографии давно минувших именин.

— Потому что, — произнёс Стас глухим голосом, — полагаю, это дата рождения и его матери.

Он посмотрел на Николая, тот выглядел шокированным. Серьёзный, внимательный и пытливый взгляд Коли был полон вопросов.

В дверь деликатно постучали.

— Да, — бросил Стас.

В кабинет заглянул полицейский со знаками различия сержанта.

— Извините... — проговорил парень. — Товарищ майор... Здесь женщина. Ищет вас...
Говорит, что она мать Дианы Егоровой.

Стас и Коля переглянулись.

— Впусти её, — сказал Корнилов.

— Заходите, — сержант посторонился.

Стас услышал мерный, неторопливый перестук каблуков. В кабинет вошла женщина, одетая в простое, легкое летнее платье с черными и белыми полосами разной ширины. На ногах у неё поблескивали персиково-бежевые босоножки на каблуках. Волосы у неё были, как у дочери, золотисто-медные, забранные в замысловатый, пышный пучок. Вид у женщины был статный, походка — горделивой. Эта дама знала себе цену и умела себя преподнести.

— Добрый день, — голос у женщины был грудной и сексуальный.

Стас кивнул.

— Не думаю, что он добрый для вас...

— Не надо! — перебила его медноволосая женщина. — Не нужно лживых сожалений.

Она оглянулась назад, окинула полупрезрительным взглядом сержанта, замершего у двери. Тот опомнился, приложил руку к головному убору и скрылся за дверью.

Стас прокашлялся, посмотрел на Домбровского. Тот уселся за свой стол и бросил любопытствующий взгляд на женщину в летнем платье.

— Присаживайтесь, — Стас указал матери Дианы на стул.

— Благодарю, — холодно проговорила она и уселась на стул перед столом Стаса.

Корнилов же остался стоять.

— Вы утверждаете, что вы мать Дианы Егоровой?

Женщина молча кивнула.

— Да, — голос её звучал с осуждающей и сердитой сухостью.

Стас придирчиво рассматривал её.

— По нашим данным, мать Дианы бросила её в детдоме.

Он специально употребил словно «бросила», а не оставила. Он не пытался уязвить её или причинить боль. Он всего лишь хотел оценить её реакцию, потому что не верил ей.

— У вас есть какие-то документы, свидетельствующие о том, что Диана ваша дочь? — спросил Стас.

Если даже эта женщина, и правда, мать Дианы, Стас не мог себя заставить пожалеть её. В его глазах, мать, бросившая собственное дитя, опорочила и опозорила себя. И он совершенно не верил в эти дерьмовые оправдания типа: «Моему ребенку там будет лучше». Любому ребенку всегда лучше с его матерью. По крайней мере, если ребенок любит свою маму, он всегда предпочтет быть с мамой, а не с чужими людьми, какие бы блага ему не сулили. Дети не умеют ещё оценивать материальную выгоду, подобно взрослым, и выбирают исключительно сердцем. Они слишком сильно подвластны чувствам и эмоциям. Так кем же надо быть, чтобы наплевать на эти чувства и эмоции?

— Меня зовут Римма, — произнесла женщина и открыла сумочку. — Вот... это свидетельство о рождении моей дочери Дианы.

Она положила документ на край стола. Стас чуть наклонился и взял корочку.

Да, Римма Егорова не врала, она, действительно, является матерью покойной Дианы.

— Что ж, хорошо, — кивнул Стас. — Зачем вы пришли?

Рима уставилась на него так, словно он задал ей вопрос, ответ на который более чем очевиден.

— Диана была моей дочерью, — Римма смотрела на Корнилова гневным, испепеляющим и возмущенным взглядом. — Вы ещё смеете спрашивать...

— Вы оставили свою дочь в детдоме, — повторил Стас монотонным и равнодушным голосом. — Сколько вы её не видели? Десять лет? Пятнадцать?

Лицо Риммы Егоровой отвердело. Она прожигала Стаса пристальным взглядом.

Домбровский из-за своего монитора бросал опасливые взгляды то на Стаса, то на его собеседницу.

Римма Егорова, не отрывая взгляда от Стаса, с присвистом, нервно вдохнула воздух.

— Девять! — Выдавила она. — Девять лет я не видела свою дочь!

Стас молча смотрел на неё.

— Вы бросили её в семь...

— Я помню!

— Когда вы снова появились, ей ведь уже было шестнадцать? — спросил Стас.

Римма закрыла глаза и ответила двумя дерганными кивками.

— И как она вас встретила, Римма? — спросил Стас, подходя к матери Дианы.

Та подняла на Стаса ненавидящий взгляд.

— Какая разница! — процедила она и всхлипнула. — Моя дочь... моя дочь мертва! А вы... Вы тут выясняете, что, когда и... зачем...

— Выяснять «что, когда и зачем» — наша прямая обязанность, — безразличным тоном ответил Стас. — Вы не общались со своей дочерью, и она девять лет вас ненавидела. И вы не

принимали никакого участия в её жизни. Ведь так, Римма? Римма Егорова не отвечала.

— Так, — Стас сам ответил на свой вопрос и отвернулся от Риммы. — Но вы знаете, что у Дианы остались квартира и автомобиль, а родственников у неё нет. Кроме вас...

Стас посмотрел на Колю, и тот кивнул.

— Поэтому вы решили, что если... — Стас вдруг замолчал.

Егорова встала со стула, подошла к Корнилову почти вплотную. Её взгляд жег и резал, а по щекам струились злые слёзы.

— Вы решили, что если придёте сюда и изобразите, как вам жаль свою дочь, — продолжил Стас все тем же обманчиво-безразличным, голосом, — вам будет легче получить её имущество и...

Егорова вскинула руку для пощечины, но Стас успел отреагировать. Однако в лицо ему тут же ударила тугая, шипящая струя из баллончика в другой руке Егоровой. Стас рыкнул и отшатнулся. Глаза немилосердно жгло под опущенными веками. Корнилов, морщась от пекущей и давящей боли в глазах, прижал ладони к лицу.

— Стой! — крикнул злой Домбровский.

Корнилов услышал торопливый стук каблуков по полу.

— Коля, нет! — вскрикнул Стас с зажмуренными глазами. — Назад!

— Стас, но она же!..

— Я сказал, не трогай её! — приказал Корнилов, по-прежнему крепко жмурясь от ядовитого жжения в глазах.

— Может, воды принести? — спросил Николай.

— Да... дельная мысль, давай, — кривясь, произнёс Стас и ухмыльнулся. — Вот же... дура, а...

Он услышал, как Коля набирает воду из кулера.

— Откуда ты всё это знал? Про то, что она собирается получить квартиру и машину дочери?

— Что тут знать, — Стас на ощупь взял чашку из рук Коли. — И стегозавру понятно, что тетка решила воспользоваться гибелью дочери и присвоить... бесхозное имущество...

Коля выругался, грязно, продолжительно и с чувством.

— Как такие люди живут, вообще? Как она спит по ночам?

— Она-то? — Стас промыл глаза водой и несколько раз поморгал. — Да, думаю, прекрасно спит... Всё, что ты сейчас видел, кроме последнего акта, дешевая игра.

— Всхлипывала она натурально... — неуверенно заметил Домбровский.

— Коля, — вздохнул Стас. — Будешь верить в такие спектакли, тебе никогда прокурором не стать.

Коля понимающе усмехнулся. Когда он пришел на работу в особую оперативно — следственную группу Станислава Корнилова, тот спросил его, кем он видит себя через пятнадцать-двадцать лет. И Николай тогда уверенно ответил: прокурором. С тех пор Стас не забывает периодически прохаживаться на этот счёт.

Глаза продолжали слезиться, и нормально видеть Стас не мог. Он то и дело крепко зажмуривался, чувствуя, как под веками болезненно пульсирует мучительное жжение.

Снова открылась дверь в кабинет.

— Ещё раз так пошутишь, я тебе эти гранаты скормлю по очереди каждую! — Крикнул кому-то в коридоре Арсений Арцеулов.

Он зашел в кабинет и остановился. Стас, отчаянно шурясь, посмотрел на него и

приветственно кивнул.

— Привет, Сень.

— Здорово... — проговорил Арсений неуверенно. — Стас, а чё у тебя с глазами?

Эпизод четвёртый

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Вторник, 10 июня

Здание уголовного розыска Москвы всегда напоминало мне резиденцию какого-то губернатора или наместника прошлых веков. Монументальное, с эффектными портиками и внушительными металлическими воротами, похожими на ряд чёрных копий. Жутковатое в своей неприступности здание вселяло в чужаков опасение и настороженность. И, наверное, это правильно. Многие, скорее всего, осудили бы меня за мои мысли, но мне кажется, полицию должны не только уважать, но и отчасти бояться. В пределах разумного, конечно.

Правоохранительные органы олицетворяют силы (ну или должны олицетворять), которые несут наказание за нарушения закона. Если их не будут опасаться, значит, не будут опасаться преступать закон. Беспокойные умы преступников не будут думать о тяжелых последствиях и ответственности, которую им придется нести.

Я окинула взглядом фасад здания. У этого строения давняя история, и назначение его не особо сильно менялось с течением времени. Сначала это, вроде, были казармы, построенные при первом русском императоре. Потом здесь было что-то вроде тюрьмы, а с середины девятнадцатого века аж до революции здесь обитал корпус жандармов. Интересная наследственная преемственность у этого строения.

Кстати, своим нынешним величественным обликом здание ГУВД Москвы, где располагается и главное управление УГРО, обязано какому-то советскому архитектору, но фамилии я не помню.

Познавательное... История, вообще, познавательная штука. Если бы ещё сегодняшние правительства лучше её изучали, повторения многих катастрофических ошибок, мне кажется, можно было бы легко избежать.

Меня пропустили без особых проблем, только сделали звонок Стасу, и через несколько минут за мной на первый этаж здания МУРа спустился Николай Домбровский.

— Привет, Ника, — улыбнулся он.

Улыбка у Николая красивая, открытая, почти голливудская.

— Привет, — кивнула я.

Он подошел ко мне.

— Ты хорошеешь день ото дня, — проговорил он и подмигнул мне.

— Спасибо, — поблагодарила я. — А у тебя очень приятный парфюм.

Капитан Николай Домбровский — настоящий денди. Одевается по моде, стильно, со вкусом, и внимательно следит за собой. У него всегда безукоризненная прическа, выглаженная одежда и приятные пальцы рук, с обработанными и ухоженными ногтями. И он, пожалуй, единственное существо мужского пола среди моих знакомых, от которого я ещё ни разу не чувствовала запах пота.

Домбровский проводил меня в кабинет особой оперативно-следственной группы Корнилова. Некоторые сотрудники УГРО, завидев меня в стенах здания ГУВД приветственно кивали. Меня здесь знали и часто видели в стенах этого здания, когда в пределах московской области начинали появляться обезображенные покойники. Представляю, какие у людей ассоциации, связанные со мной: преступления, убийства, кровь

и трупы. Я грустно вздохнула. К списку ассоциаций с моей персоной ещё можно успешно добавить суды, разбирательства, истерики и скандалы.

Коля открыл передо мной дверь кабинета особой оперативно-следственной группы. Я благодарно кивнула и переступила порог кабинета. Стаса в кабинете не было. Зато был Арцеулов, который стоял перед картой с прикрепленными фотографиями и пил из чашки. Периодически он отвлекался и метал дротики в мишень для дартса. Я посмотрела на мишень, в ней торчало уже четыре дротика.

Сеня обернулся, увидел меня и улыбнулся в свою светлую бороду.

— Привет, красавица. Как жизнь?

— Периодически думаю, что могла бы быть и получше, — чуть усмехнулась я.

Арцеулов хмыкнул, понимающе ухмыльнулся. Затем мгновенно посерьёзнул:

— Ты... по делу?

Я заметила, как они с Колей переглянулись. Они знали о моих способностях и знали, что я могу видеть, и что я могу узнать. И оба полицейских отлично помнили, сколько раз мои способности помогали им поймать и остановить тех, кто сам остановиться не смог бы никогда. Они помнили, но оба относились ко мне, точнее к моим видениям, с легкой опаской и настороженностью. Я не раз замечала, что несмотря на беззаботное поведение и свободное общение между нами, они часто избегают смотреть мне в глаза. Сначала меня это задевало, но потом я поняла, что мне бы тоже было неприятно смотреть в глаза человеку, который видит слишком много чужих тайн, слишком много знает о чужих жизнях.

Без опаски смотрел на меня только Стас и взгляда он никогда не отводил. И я была искренне благодарна ему за это.

— Я могу присесть? — спросила я, указав на стул перед столом Стаса.

— Конечно, — Коля опёрся на свой стол и помешал сахар в чашке с чаем — Почему ты каждый раз спрашиваешь?

— Потому что это ваш кабинет.

— Ника, ты уже давно стала не просто гостем в нашем кабинете, — заметил Коля.

Они с Сеней снова переглянулись. Я оставила этот комментарий Домбровского без ответа.

— А где сейчас Стас? — спросила я.

— У Аспирина, — вздохнул Арцеулов, вынимая дротики из мишени.

— Можешь пока рассказать нам, — предложил Коля.

Он снова метнул заинтригованный и настороженный взгляд на Сеню. Тот лишь пожал плечами.

— Ты ведь... — Домбровский замялся.

Было видно, как ему некомфортно. Он до сих пор не мог привыкнуть. Едва ли стоит его за это осуждать.

— Ты что-то увидела? — спросил он, понизив голос. — Расскажи.

Арцеулов подошел ближе, держа в руках дротики. Оба полицейских молча, с ожиданием смотрели на меня. У обоих на лицах замерло опасливое предвкушение.

Я посмотрела на стол Стаса.

— Дайте мне, пожалуйста, лист бумаги и карандаш... Хотя нет! Лучше ручку, если можно.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Вторник, 10 июня

— Стас ты уверен? — в который раз спросил генерал Савельев.

Корнилов, неторопливо постукивая пальцами по столу, внимательно взглянул на генерала. Тот, сдвинув брови, сосредоточенно рассматривал семейные фотографии жертв.

— Если он, действительно, отбирает тех, у кого матери родились в один и тот же день... — генерал чуть скривил губы, — значит, у него должен быть доступ к информации об этих девушках.

Он посмотрел на Стаса поверх очков.

— Каким образом он мог о них это узнать? Думаешь, он социальный работник? Или, возможно, служит в органах? А может быть, он работает в больнице?

— Сомневаюсь. — качнул головой Стас.

— Тогда как? — генерал чуть прищурил глаза. — Как он узнает?

Стас задумчиво чуть скривил губы.

— В наше время, товарищ генерал, миллионы людей имеют неосторожность оставлять свои настоящие данные на просторах интернета. Думаю, Романтик пользуется различными социальными сетями. Тем более все жертвы были очень активны в интернете и выкладывали тонны своих фотографий, в том числе семейные.

— Совсем молодёжь рехнулась с этими соцсетями, — проворчал генерал.

Стас чуть ухмыльнулся.

— Товарищ генерал, там сидит далеко не только молодёжь.

— Угу, — с презрением промычал Аспирин. — Ещё лучше... Подожди, а ты думаешь, до похищения он ни с кем из них не контактировал? Не писал им в этих соцсетях? Может быть, приглашал на свидания...

Корнилов едва заметно дернул головой.

— Он замкнутый, самовлюбленный одиночка, который считает себя уникальным гением. Уверен, он находит утешение в обществе цветов.

— Цветы? Растения могут заменить ему общение с людьми? — Ему — да, и он не хочет это менять, — Корнилов неопределенно качнул головой.

— Почему? — недоуменно спросил генерал Савельев. — Почему он ценит цветы больше людей?

Стас ответил не сразу. Он много думал о личности Романтика и о его пристрастии к цветам.

— Они молчат, — сказал он.

— Молчат? — после некоторой заминки повторил Савельев. — О чём ты?

Стас на мгновение задумался, посмотрел на генерала. Тот в ответ смотрел с подозрением и недоумением.

— Мнение.

— Мнение?

— У них, — Стас постучал пальцами по столу. — У них нет мнения. И они красивы. Красивые, нежные, хрупкие и... безмолвные.

Он коротко вздохнул и с грустью улыбнулся.

— Поэтому ему комфортно среди них. Он любит их, потому что они принимают его, потому что он свой среди них. Они никогда его не отвергнут. Никогда не прогонят.

Корнилов посмотрел на стену с наградами и грамотами.

— И поэтому он убивает среди них? — прочистив горло спросил Аспирин. — Потому что... они не в состоянии отвергнуть его?

Генерал пребывал в замешательстве. Стас встал из-за стола и подошел к фотографии на стене. Там был запечатлен давний конкурс самодеятельности.

На сцене двое мужчин с акустическими гитарами исполняли какой-то романс. Стас уже позабыл тот конкурс, да это было и неважно. Корнилов постучал пальцем по зрительскому залу.

— Он актёр, действующее лицо... А девушки — инструменты... сценический реквизит, если хотите.

Стас замолчал.

— А цветы? — тихо спросил генерал.

Стас взглянул на него. Помолчал и проговорил так же тихо с грустной полуулыбкой.

— А цветы — его публика.

Аспирин со стуком опустил руки на стол и, отвернувшись, пробормотал ругательство.

— Значит, он, действительно, может задумать убить сотни девушек? Или даже тысячи?! Это же абсурд!..

— Он так не считает, — покачал головой Стас. — У него есть цель. Миссия, как он считает. И своя философия.

— Как и у всех... у них, — заметил генерал, сделав выразительное ударение на последнем слове.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Вторник, 10 июня

Я услышала, как открылась дверь, и, обернувшись, встретилась взглядом со Стасом. Он при виде меня на секунду замер на пороге. Я поняла, что он удивлён, увидев меня. Мы не виделись почти четыре месяца с тех пор, как я помогала ему в последний раз.

Корнилов прошел в кабинет, приблизился к своему столу. Я отложила ручку, встала, глядя на него снизу вверх.

— Ника, — проговорил он, внимательно, чуть беспокойно меня рассматривая. — Как ты?

— Ничего, — ответила я.

Он бросил взгляд мне за спину.

— У тебя... — он задумался и слегка рассеяно закончил. — Что-то произошло?

Я молча кивнула и, обернувшись к его столу, взяла бумажный лист со своим рисунком.

— Вот, — Я протянул лист ему.

Стас, глядя мне в глаза, взял у меня рисунок и опустил на него взгляд.

— Это что? Тень?

— Силуэт, — поправила я.

— Ника говорит, что это силуэт Романтика, — произнёс Коля.

Стас взглянул на него, затем снова посмотрел на меня. Его лицо изменилось, на нём появилась тревога, недовольство и нечто похожее на сожаление.

Он сглотнул и снова опустил взгляд на силуэт Романтика, который я только что нарисовала.

Рисунок я постаралась сделать максимально чётким и детальным. Я проявила особое внимание к изломам линии контура. Рисую я, вроде, неплохо. Хотя большей частью, конечно, всякие мультяшки и анимэшки.

Я наблюдала за глазами Стаса. Его зрачки метались в разные стороны, пока он с цепким и жадным вниманием рассматривал мой рисунок.

— Как ты увидела его силуэт? — спросил он.

— Как всегда, — невесело пошутила я. — Внезапно.

Домбровский фыркнул и тихо засмеялся. Губы Стаса тоже тронула легкая, понимающая улыбка.

— Ты не обязана была в это лезть, Ника. В последний раз тебе было тяжело. Ты помнишь?

— Лучше, чем ты думаешь, Стас, — ответила я, не отводя взгляда. — Проблема в том, что мои видения не спрашивают разрешения, прежде чем поселиться в моей голове. Увы.

— Досадно, — качнул головой Корнилов.

— Ещё бы, — вздохнув, ответила я.

Следующие пол часа я в подробностях рассказала полицейским о своих видениях, касающихся Романтика и его жертв.

— Значит, он забирает их из дома, — проговорил Стас и обернулся на карту города с приколотыми к ней фотографиями.

— Когда они одни, — уточнила я.

Стас кивнул и замолчал. Я отпила порядком остывший чай, опустила взгляд и поскребла пальцем по чашке.

— Стас, я пришла не только из-за... не только из-за убийств.

Корнилов обернулся. Я взяла свой рюкзак, вынула оттуда фотоаппарат и поставила на стол перед Стасом.

— Мне нужна твоя помощь.

Стас с любопытством вскинул брови и посмотрел на меня. Подошел к столу, взял камеру и включил. Несколько раз пощелкал кнопками, пролистывая кадры на дисплее фотокамеры.

Стоявший за его спиной Арцеулов поперхнулся своим кофе и с перекошенным лицом проговорил:

— Это... это же совсем ещё девочки! Они же молоденькие, даже маленькие... вообще!

Он бросил ошарашенный взгляд на меня.

— Они выглядят младше тебя!

— Там таких немало, — мрачно сказала я. — Эти снимки сделаны в одной из московских фотостудий.

Стас поднял на меня взгляд:

— Но тебя ведь среди этих девочек нет.

Стас не спрашивал.

— Я тебя знаю, Ника. Ты бы не согласилась.

— Нет, — чуть нахмурившись, ответила я. — Конечно, нет!

— Тогда... — Корнилов поставил фотоаппарат обратно на стол, — я полагаю, вляпался кто-то из твоих подруг.

— Она у меня, по существу, одна. — усмехнулась я.

— Досадно, — заметил Арцеулов.

— Нет, — я пожала плечами. — Зато она настоящая, а не временная, как это чаще всего бывает.

Мужчины усмехнулись, сверкнули улыбками.

— И ты хочешь, чтобы того, кто это снимал, закрыли на основании этих снимков? — спросил Корнилов.

— А этих фотографий недостаточно? — спросила я.

— Нет, почему же, — Стас легко похлопал по камере. — Это тянет на пару серьёзных статей. Мужик сядет, это однозначно.

Корнилов хмыкнул и заметил:

— И учитывая, что все узнают, чем он занимался...

— Жить ему на зоне будет тяжело, — злорадно проговорил Арцеулов.

— Давайте, пожалуйста, без подробностей, — попросила я, закрыв глаза. — Мне достаточно знать, что он сядет, и что ему там будет плохо.

— Как знать, — глумливо ухмыльнулся Арцеулов. — Некоторым, я слышал, нравится...

— Сеня! — воскликнула я, скривившись. — Фу! Ну перестань, пожалуйста!

— Ладно, ладно... — всё ещё посмеиваясь ответил Арцеулов, —

Всё, перестал.

Я посмотрела на Стаса, тот был погружен в раздумья.

— Стас, так вы... поможете с этим порнофотографом? — спросила я и кивнула на фотоаппарат.

Корнилов сдержанно улыбнулся.

— Конечно.

— Спасибо! — горячо поблагодарила я. — Можно ещё вопрос, если ты позволишь?

— Да, конечно.

— Что у тебя глазами?

Стоящие рядом Сеня и Коля фыркнули со смешком, а Стас лишь недовольно поджал губы.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 12 июня

В комнате было тихо, и тишина была необыкновенной. Тишина была застывшей, замершей, безжизненной. В комнате Яны чувствовалось тягостное, давящее ощущение остановившегося времени. И даже свет солнца, пробивавшийся через полосы жалюзи, был настолько мерклым и бледным, что казался искусственным.

Я сидела на краю застеленной кровати и обводила взглядом комнату Яны Долгобродовой, второй жертвы Романтика. Ей было семнадцать, когда он явился за ней. Она любила приключенческую фантастику, обожала Китнис Эвердин, Дилана О'Брайана и Джареда Лето. А так же увлекалась фотографией и фотоискусством. В её комнате было много фотографий, и они были прекрасны.

Яна снимала природу, городские пейзажи и людей. В её фотографиях были эмоции, были чувства и жизнь. В этой комнате жизнь сохранилась только в её фотоснимках.

Я закрыла глаза, чувствуя теплые слезы под ресницами. Я уже ощущала накатывающее видение. Оно было как омут в непрозрачной речной воде. Глубокий и бездонный водоворот воспоминаний. Водоворот чужих переживаний, эмоций, криков, смеха, боли и смерти.

Это, действительно, отчасти похоже на ощущение, как будто находишься под водой. Во всяком случае, дышать бывает тяжело, а видеть чужое прошлое бывает и того тяжелее.

Я слышала громкие крики, эмоциональные, истощные и счастливые. Восторженные крики радостных людей, которые нарядной толпой идут по главной площади Москвы! Помимо них сотни аниматоров, выделяющихся невообразимые фокусы! В воздух взлетали шары и мыльные пузыри! Гремела музыка марширующего оркестра, а за ним следовали всякие экспозиции на колёсах! Красота! Шик! Всеобщее, единое веселье! Всеобщий

сумасшедший, громкий восторг и бурный всплеск самых позитивных эмоций!

Я стояла тут, посреди толпы. В лицо мне светило солнце, а я старательно выбирала моменты и предметы для съемки. Я смахнула с лица прядь волос и подняла свой фотоаппарат. Я была ужасно довольна своей новой камерой! Я раньше о ней могла только мечтать! Просто офигенный новый Nikon с потрясающей матрицей! Разрешение и чувствительность на высочайшем уровне! Все настройки можно менять вручную, вплоть до самых мелких и незначительных.

Я помнила, как буквально прыгала от радости, когда получила коробку с камерой из рук улыбающегося отца. Боже! Тот день был перенасыщен счастливыми событиями! К камере мне подарили также хороший, наконец-то, человеческий объектив, взамен того старья, которым я пользовалась последние три года.

Сегодня у меня был тоже важный день. Я решила использовать праздник Дня Города, чтобы получить качественные и крутые кадры! Я собиралась выложить фотки в свой личный блог, который веду уже почти год. И теперь у меня есть возможность получать снимки максимально крутого качества. Меня охватывал азарт и ажиотаж. Я не могла себя сдерживать! Хотелось просто фоткать всё и всех вокруг! Но, конечно, я такого не делала.

Я ступала мимо орущих во всеобщем ликовании людей. Останавливалась, делала снимки. Вот сейчас я сфокусировала камеру на одном из аниматоров.

Он жонглировал пламенеющими кольцами! Да еще они горели разными цветами! Зрелище было захватывающим! Я сделала четыре снимка и прошла дальше. Сфотографировала несколько передвижных композиций из цветов и металла. Затем увидела пляшущих гигантских желтых миньонов из одноименного мультфильма. Они тоже сохранились на карте памяти моей камеры.

Потом я начала охотиться за эмоциями. Я любила эмоции на фотографиях. Они содержали в себе чувственную мимику и демонстрировали детальную, потрясающую выразительность человеческого восприятия.

...Воспоминание резко сменилось. Я ощутила головокружение. Перед глазами с космической скоростью пронеслись смазанные изображения, лица людей, улицы, дома и тени. Теперь я сидела на окне длинного коридора.

Кажется, это было какое-то учебное заведение, но не школа.

— А вот это реально охренительно!

Сидевший рядом со мной парень в темно-красной рубашке и джинсах повернул камеру дисплеем ко мне.

— Очень круто! Особенно мне нравится, что у этой девушки видно, как в глазах небо отражается.

Я улыбнулась, мне была приятна похвала. Она укрепляла во мне уверенность. Я всегда робела и волновалась перед тем, как выложить фотки в сеть. Даже валерьянку иногда пила!

— Спасибо, — поблагодарила я с довольной улыбкой и губами взяла ещё мороженное с рожка. — А посмотри, пожалуйста... там дальше есть наряженные олени...

— Олени? — парень повернул ко мне свое лицо.

У него было красиво лицо и выразительные янтарные глаза. На лице уже начала появляться щетина, и он её не сбрасывал с тех пор, как я сказала, что мне нравится, когда у него такие щеки и подбородок.

— Да, олени, — кивнула я. — Красивые, большие. Их очень круто нарядили. А еще за ними карета такая ехала, огромная. Посмотри. Мне кажется, там тоже должны быть

классные снимки.

— Ша... заценим, — парень полистал меню.

Пространство вокруг вздрогнуло, исказилось. Меня швырнуло куда-то вперед и потянуло вбок. Я вдруг оказалась в своей комнате. Громко играла музыка. Группа «30 seconds to mars», From Yesterday. Пространство моей комнаты рассекали лучистые линии солнечного света, пробивающиеся через жалюзи.

Я сижу перед компьютером, сосредоточенно смотрю на монитор и старательно редактирую фотографии. Это фотографии мамы. У неё скоро день рождения, скоро девятнадцатое мая. Уже через неделю.

Я готовила в подарок маме, помимо прочего, альбом с её самыми счастливыми фотками. Точнее это была даже книга, но вместо иллюстраций в ней были разнообразные коллажи, только нормальные и интересные, как мне хотелось. А не те, дурацкие и кривые, что обычно делают некоторые люди. Я очень ответственно подошла к коррекции и ретуши всех снимков для коллажей, а это прорва работы!

Подарок должен был получиться просто невероятно крутецкий! Моя мама очень сентиментальна, так что я не сомневалась, что ей мой подарок понравится. И предвкушение ее реакции, когда она увидит мой подарок, вселяло в меня радостное нетерпение.

Я улыбнулась своим мыслям и сохранила очередную фотографию. Потянулась в кресле, чуть откинулась назад. О-ох. Ещё чертова туча работы!

В дверь позвонили, я недоуменно нахмурилась. Это ещё кто? Папа с мамой уехали на выходные к бабушке в Орёл. Старшая сестра сейчас с мужем в Испании, а друзей я не ждала. Я выключила музыку и пошла открывать дверь.

Стой, подумала я, глядя на происходящее глазами Яны. Стой, пожалуйста, Яна не открывай! Не надо! Стой! Да стой же ты!...

Я, пребывая в воспоминании Яны, хотела остановиться. Я чувствовала, как она боялась открыть дверь. Но я была не властна в чужом воспоминании! Я ничего не могла сделать... Только наблюдать глазами Яны Долгобродовой.

И тут воспоминание снова внезапно расплылось, растаяло. Сменились очертания стен, исчез солнечный свет. Я бежала по ступеням подъезда. Меня охватывала нетерпеливая радость, и я не могла сдержаться. Восторг и восхищение рвались наружу! Хотелось орать от счастья! Я забежала на свой этаж, остановилась возле двери и начала искать ключи. Да где же они! Блин! Неужели... Радостные эмоции и чувства сменились опасением. Я быстро вернулась на лестницу, прошла по ней вниз. Затем вышла на улицу и поспрашивала у прохожих, но никто не видел моих ключей. Хотя они у меня с ярким брелоком, и их тяжело не заметить. Я вспомнила, как одухотворенная, счастливая поспешно шагала от метро. Саднящее сожаление заставило меня скривиться.

— Вот же... дура! — я сокрушенно покачала головой. — Дура... дура я!

Я вернулась домой, пришлось до вечера ждать родителей. Они очень удивились, увидев меня под дверью. Мама огорчилась, узнав, что я «посеяла» ключи от квартиры. Мне было невыносимо стыдно. Через четыре дня её день рождения, а я такое учудила! Чувство вины вселяло уныние. Только папа ободряюще обнял меня и поцеловал с любовью, легко, ласково и тепло.

— Ничего, — он прижал меня к себе и чуть потрепал плечо. — Ничего, Янчик. Не переживай.

Он вздохнул, усмехнулся.

— Я давно собирался сменить замки.

Снова сменилось воспоминание. Я сидела на кровати и рассматривала приготовленный маме подарок. Он был великолепен. И коллажи получились чудесные, крутые, жизненные! Не терпелось подарить это маме, не терпелось увидеть её реакцию. Был вечер, мои родители укатили в полицию. Нашли их угнанный автомобиль. Было примерно половина десятого. Я была одна дома.

Насладившись приготовленным подарком, я спрятала его в свой тайник за столом.

Вдруг раздался звонок в дверь. Я бессильно смотрела глазами Яны, как она пошла открывать. Я уже знала, что это был тот самый вечер, последний, когда родители Яны видели свою дочь. Яна, радостно приплясывая, проскакала в коридор в прихожую. Посмотрела в глазок и удивленно отстранилась.

Звонок повторился.

— Кто там? — настороженно спросила Яна.

— Помогите пожалуйста! У меня котёнок попал под машину! Я вас умоляю, девушка! Пожалуйста... Мне хотя бы перевязать чем-то...

Яна отстранилась, засуетилась, заволновалась. Нервно, пугливо прижала руки ко рту.

Не открывай, молила я, не открывай, пожалуйста, не открывай... Конечно, она меня не слышала. Ведь это было только воспоминание.

Яна открыла дверь.

Я силилась увидеть того, кто стоял на пороге, но Яна тут же взяла у него из рук окровавленного котенка.

— Боже, бедненький... — чуть не плача, проговорила она. — Как же его так?! Господи...

Глаза замылило слезами. Котенка было жаль. Грудь сдавило горькой печалью и ужасом.

— Да какой-то козел... задний ход дал и...

Да подними ты взгляд! Яна! Посмотри на него! Посмотри ему в лицо! Если бы я могла, я бы проорала ей это в лицо. Посмотри! Посмотри! Ну, чёрт возьми! Ну, пожалуйста... Давай!

Она не посмотрела, не успела. Я вскрикнула её голосом, когда что-то укололо меня в шею.

— Вы что... — но слова мои запутались, слились, стали неразборчивыми.

Окровавленный котенок выпал из моих рук и с глухим стуком ударился об пол.

Ноги Яны подкосились, тело налилось тяжестью, сознание начало меркнуть.

Уже лежа на полу, когда мои веки смыкались, я смотрела на его кроссовки. Он присел возле меня и что-то делал. Я чувствовала, что он связывает меня. Я не могла кричать, у меня не было голоса, не было сил. Я не могла пошевелить даже мизинцем, мне и моргнуть было тяжело.

Когда он взял меня на руки, я, уже теряя сознание, заметила на его левом запястье выжженное клеймо. Бугрящийся, уродливый ожог был в виде цветка с пятью лепестками.

Я открыла глаза... Воспоминание пропало, я снова была в настоящем. Я сидела на полу в комнате Яны Долгобродовой, и меня колотила дрожь. Я то и дело нервно сглатывала. Возле меня медленно опустился на колено Стас.

— Ника? — он коснулся моего колена. — Как ты?..

Я посмотрела на него.

— Что ты увидела? — спросил он.

Я снова нервно, тяжело сглотнула. Обхватила себя руками за плечи. Тело противно

знобило, дыхание царапало горло. На висках болезненно пульсировала кровь, а затылок наливался тягучей неприятной тяжестью.

— Ника, что ты делаешь? — с подозрением спросил Стас, когда я встала и подошла к письменному столу Яны.

Стас встал рядом со мной. Я присела возле стола Яны Долгобродовой, наклонилась вправо и, протянув руку, открыла тайничок хозяйки этой комнаты. Там я нащупала рукой твердую обложку альбома и вынула его на свет. Он был превосходен. Обложка была сиреневая, фактурная на ощупь и с тисненым названием: «Эскизы наших эмоций».

— Что это? — быстро спросил Стас.

— Подарок, — ответила я и прижала книгу с фотоколлажами к груди.

— Подарок? — Переспросил Стас. — Кому?

— Её матери, — я качнула головой в сторону двери комнаты.

Стас помолчал. Я тоже ничего не говорила. Говорить просто не хотелось.

— Мне можно его посмотреть? — осторожно спросил Корнилов.

— Там ничего нет, что помогло бы тебе выследить Романтика, — ответила я, глядя вниз перед собой.

Стас вздохнул.

— Поверю тебе...

— Спасибо, — я не могла объяснить почему, но я не хотела, чтобы кто-то, даже Стас, открывал подарок Яны.

В нём была частичка её, и она предназначалась лишь её матери. И никому больше. Я оглянулась на дверь комнаты.

— Нужно посмотреть её снимки с последнего праздника Дня города.

— Ника, это было почти год назад... Ты уверена?

Я молча кивнула.

— Он был там.

Стас смотрел на меня. Я подняла взгляд и увидела, что он шокирован, хотя и сдерживает эмоции.

— Да, — кивнула я. — Ты был прав, Стас. Он не хаотичен, он выбирает их.

— Заблаговременно, — кивнул Корнилов и с сожалением покачал головой. — Расчетливый.

— Не хвали его, — я покачала головой и попросила. — Пожалуйста, не надо.

Я вышла из комнаты, чувствуя на спине задумчивый и досадливый взгляд Стаса. Сидевшие в соседней комнате родители Яны оба встали, когда я открыла дверь и переступила порог. Я посмотрела на них. Отец Яны держал жену за плечи. Женщина с мольбой и страхом смотрела на меня.

— Ну? Ну что? Что там? Что?.. Что вы узнали?

— Кристина... — попытался успокоить жену отец Яны.

— Что вы нашли?! — слезно спросила несчастная женщина.

Я подошла к ней, протянула альбом.

— Вот, — я тяжело сглотнула. — Это подарок... вам.

— Что? — мать Яны трясущимися руками взяла у меня альбом в твёрдой обложке. — Какой подарок... От... кого?

Они оба смотрели на меня с тревогой и бессильной горькой надеждой. Я тяжело сглотнула. Мне показалось, что кто-то сжал моё сердце в кулаке. В глазах этих людей я

увидела бесконечную, бездонную боль тяжелой утраты.

Иссушающее горе снедало их обоих, очерняя печалью душу, жизнь и мысли.

Мать Яны раскрыла альбом и задохнулась от рыданий. Она прижала левую руку ко рту и зажмурила глаза. По её щекам заструились слёзы. Отец Яны тоже схватился за альбом. Они рассматривали подарок от дочери с голодной, взволнованной жадностью. Они оба вцепились в ту последнюю частицу добра и нежности, что оставила им их родная дочь. Они держали альбом, прижимаясь друг к другу, плача и разглядывая сделанные Яной коллажи — последнее, что осталось от их дочери. То, что она сделала сама и во что вложила душу, сердце и свою любовь.

Я тихо, молча вышла из комнаты и столь же тихо закрыла за собой дверь. Стас ждал меня в прихожей. Мы ушли, не задавая вопросов и не прощаясь.

Через пару минут мы уже ехали в его машине по широкому проспекту. Я уныло смотрела в окно. Настроение было дерьмовое. Я только что закончила пересказывать Стасу свое видение. Корнилов оживился, услышав про клеймо на левой руке. Это была важная и очень заметная примета. А у меня на душе тлел тяжелый осадок от увиденного и пережитого. Горло сдавливал болезненный комок.

Стас хотел что-то спросить, но у него внезапно зазвонил телефон.

— Извини, — пробормотал он.

Я молча кивнула. Он взял трубку.

— Да? Что? Отлично. Спасибо, Костян. С меня причитается. Он сопротивлялся? О.. рад это слышать. Вы только там не перестарайтесь. Ладно? Чтобы потом его адвокат не сказал, что вы из него признания выбивали. Да, добро. Давай.

Он отключился, и я увидела, что он победно ухмыльнулся.

— Что случилось? — спросила я, не удержавшись.

— Фотографа твоего приняли, — ответил Стас со вздохом. — В Питере уже прятался, у сводного брата.

— Он сядет?

— Посмотрим, — неопределенно ответил Стас. — Во всяком случае, доказательства у нас неоспоримые.

Он внезапно зло улыбнулся.

— Но каков гадёныш... В Москве, в официально зарегистрированной фотостудии девчонок снимать для всяких извращенцев...

— Фотостудию, надо думать, закроют?

— Уже закрыли.

— Отлично, — я перевела взгляд на окно, взглянула на улицы, которые мы проезжали.

Город жил своей жизнью, обыденной и повседневной, без Романтика и его жертв.

— Теперь куда? — спросила я.

— Отвезу тебя домой, — решительно произнёс Корнилов, не глядя на меня.

— Что?! — не поняла я. — Почему?

— Хватит с тебя на сегодня, — Стас упрямо покачал головой.

Я повернулась к нему всем телом и недоуменно, с возмущением, пристально посмотрела. Он на миг отвел взгляд от дороги, взглянул на меня.

Я пожалала плечами, выразительно глядя на Корнилова. Я не понимала.

— Почему?! Стас?! Это же...

— Ника, — Корнилов, чуть прикрыв глаза, качнул головой. — Я помню, что с тобой

было, когда ты помогала мне поймать Живодёра.

Так вот оно что! Я хмыкнула и раздраженно покачала головой.

— При чем тут это?

— Притом, что это могло плохо для тебя кончиться.

Я упрямо сложила руки на груди и негодуя спросила:

— Так ты пытаешься меня уберечь, Стас? От моих видений что ли?

Я презрительно фыркнула.

— Бесплезнее этого только таскать воду решетом.

Стас усмехнулся.

— Учишь русские поговорки?

— Приходится, — кивнула я. — Скажи честно... Стас?

— Что?

— Если бы я не пришла к тебе, ты бы ко мне не обратился? Да?

Мы посмотрели друг на друга.

— Ника, я просто о тебе беспокоюсь... Мне...

Он замолчал, как будто подавился. А потом произнёс глухо, тихо, но с чувством.

— Мне жалко тебя...

— Жалко? — переспросила я тихо, с грустью. — А их? Этих людей, потерявших своих детей, своих дочерей, тебе не жалко? Ты думаешь о них?! Могут они хотя бы надеяться, что ублюдок, отнявший жизни у их дочерей, сядет за решетку?! Понесёт наказание, которое заслужил?

Стас вздохнул. Мы проехали перекресток и свернули возле высокого здания телеканала.

— Думаешь, им это поможет? — проговорил он с грустным скептицизмом.

Я посмотрела на него.

— Знаешь, Стас... Боль их не утихнет уже никогда. Но я думаю, что чем дольше он остаётся на свободе, тем она сильнее.

Я отвернулась к окну. Хотя я и понимала, что он искренне пытается уберечь меня, всё равно сердилась. Я тоже отлично помнила, что со мной было, когда я видела воспоминания жертв Московского Живодёра и самого убийцы. Когда они преследовали меня повсюду, налетали, наваливались, укутывали и душили в своих мрачных, жестоких реалиях. Я пребывала в гнетущей депрессии. Я перестала улыбаться. Мне было плохо, мне не хотелось ничего. Я боялась спать, ведь воспоминания жертв Живодёра часто приходили ночью. Они показывали, как Живодёр мучил их, как медленно пытал их, вызывая боль, страдания и крики. Я видела, как убийца наслаждался и возбуждался от мучений своих жертв. Я всё это наблюдала в подробностях и деталях раз за разом, красочно, натуралистично, удручающе и мрачно.

Я вряд ли когда-нибудь забуду то, что видела в последних воспоминаниях жертв Живодёра. Да, скорее всего, никогда. Никогда не забуду.

Мы ехали молча, и через некоторое время застряли в небольшой пробке.

— Ника, чего ты обижаешься?

— Я не обижаюсь, Стас, — я качнула головой. — Я ценю твою заботу.

— Я рад это слышать.

— Но я хочу помогать, — упрямо заявила я.

Стас раздраженно фыркнул.

— Ника, мне прямо сказать, что тебя может ожидать?

Я невесело усмехнулась:

— Психиатрическая больница?

Он посмотрел на меня, серьёзно, долго и недовольно.

— Считаешь, что это смешно?

— Нет, отчего же... — я пожала плечами, — Вполне реальная опасность.

— Тогда почему? Зачем тебе это?

Я не сразу ответила.

— Затем, что я могу, Стас.

— Только ради этого?

— Не только.

— А что ещё?

Я вздохнула.

— Я уже давно кое-что чётко уяснила.

— А именно?

Я бросила на него усталый взгляд.

— Мне никогда и нигде от этого не спрятаться, — убежденно проговорила я.

— А ты пробовала? — усмехнулся Стас.

— Уж поверь, — снова вздохнула я. — Я пыталась и не единожды.

Я пожала плечами.

— Если я не буду видеть то, что вытворяет Романтик... я буду видеть что-нибудь другое.

— Вряд ли «что-нибудь другое» сравнится с тем, что он делает, — резонно заметил

Стас.

— Да, — кивнула я, глядя на проезжающий мимо нас автобус, — Скорее всего... Только знаешь что?

— Что?

— Так я всё равно буду от этого мучиться долго и часто. И самое обидное, Стас, что зря, без пользы.

Корнилов фыркнул, пренебрежительно усмехнулся.

— Хочешь непременно приносить пользу?

— Да.

Он посмотрел на меня и наши взгляды снова столкнулись.

— Ника...

— Стас, пожалуйста... — я смотрела на него с просьбой. — Не обрекай меня страдать от бесполезного количества воспоминаний разных других людей... Ты всё равно не убережешь меня от того, что я вижу всякие мерзости! Понимаешь? Я их всё равно вижу! Всё равно!

Я раздраженно цокнула языком.

— И поверь, видеть, как два мальчика мучают щенка, поджигая ему лапы, или как отец насилует дочь, или как какой-то урод насмерть забивает старушку ради квартиры, мне ничуть не легче, чем видеть деяния Романтика!

Стас внимательно посмотрел на меня. Но я глядела вперёд. У меня выступили слёзы на глазах. Как он не понимает? Он не может меня защитить! Меня никто от этого не защитит!

Я пожала плечами. В горле чувствовалось неприятное першение.

— А так... хоть я и вижу ужасы куда страшнее, чем всё вышеперечисленное... я... — я судорожно вздохнула. — Я хотя бы знаю, ради чего, Стас... Если терпеть всё это, то хотя бы

ради дела...

— То, о чём ты говорила, тоже достойно внимания, — заметил Стас.

Я отмахнулась.

— Эти уже понесли наказание.

— Да?

— Да, я их подставила. Это было не так уж и трудно. Только вот с маленькими садистами ничего не вышло.

Стас усмехнулся.

— Мнишь себя воительницей за справедливость?

Я фыркнула и грустно усмехнулась.

— Меня мотивирует не только это, ты же знаешь. Мои видения прекращаются только тогда, когда чертова справедливость восстановлена.

Я обреченно вздохнула.

— Только и насильника, и убийцу старушки долго искать не пришлось. Они не особо прятались.

Я помотала головой.

— И они не нападают на других. Они...

— Не так опасны, как Романтик? — подсказал Стас.

Я кивнула.

— Едва ли с этим можно спорить.

— Я и не спорю, — ответил Корнилов. — Я с тобой согласен.

Я молча кивнула и шмыгнула носом. Мы снова замолчали и в тягостном молчании доехали до моего района. До дома, понятное дело, Стас меня никогда не подвозил. Иначе у дяди Сигизмунда неминуемо возникли бы вопросы, почему его четырнадцатилетнюю племянницу катает на внедорожнике какой-то взрослый мужик.

— Ника, — произнёс Стас, когда остановил автомобиль.

Он замолчал, собираясь с мыслями. Я не торопила его, молча ждала и надеялась. Я видела, как Корнилову тяжело принять решение.

— Я тебе, конечно, не могу указывать, но...

Корнилов, как мне показалось, с легким раздражением выдохнул.

— Я боюсь за тебя, — проговорил он, сжимая руль автомобиля. — Правда.

Я чуть наклонилась вперёд и заглянула ему в глаза. Он сжимал руль и угрюмо, сцепив зубы, смотрел вперёд. Я коснулась его руки, и он посмотрел на меня.

— Я знаю, Стас, — проговорила я тихо и ласково. — Но это моё решение. И твои попытки убережешь меня... прости, но они тщетны.

Он покивал головой.

— Да... понимаю...

— Так ты позволишь мне?

Корнилов улыбнулся.

— Если даже я скажу нет, ты ведь начнешь искать Романтика сама. Так ведь, Ника?

— Так, — утвердительно кивнула я.

— Я и не сомневался, — он ещё раз улыбнулся. — Завтра съездим к родителям Богуславы Мартыновой.

— Хорошо, — я открыла дверь его автомобиля.

— Ника.

Я обернулась:

— Что?

— Там будет... тяжелее, — заметил Стас.

— Ты про то, что её мать порезала себе вены?

— Да.

— Переживу, — вздохнула я.

А куда мне деваться? Я уже объяснила, что выбора у меня нет. У меня его никогда нет.

— Уверена, что справишься?

— Да, уверена, — солгала я. — Пока, до завтра.

— До завтра, — взгляд Стаса был задумчивым, усталым и беспокойным.

Я вышла из автомобиля и направилась к мастерской дяди Сигизмунда. Я знала, что Стас сейчас будет на расстоянии не спеша ехать следом. Он всегда провожает меня. Всегда.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 12 июня

— Итак, — начал Стас. — У нас есть его силуэт, это позволяет сделать определенные выводы о его внешности. Он астенического телосложения. У него длинная шея, достаточно широкие плечи, уши слегка оттопырены. Он носит короткую стрижку. И руки заметно длиннее обычного.

Корнилов красным маркером делал быстрые пометки на рисунке Ники.

Рисунок Лазовской он прикрепил на пластиковую белую маркерную доску.

— Дальше, — Стас взял отчеты из Бюро СМЭ. — У нас есть результаты исследований судмедэксперта. Ящер установил, что клочок одежды, найденный в магазине Кауфмана в день убийства Диана Егоровой, от спецовки. Скорее всего, Романтик спешил и, уходя, зацепился не то плечом, не то локтем.

— Плечом, более вероятно, — заметил Николай Домбровский.

Они с Сеней увлеченно, сосредоточенно внимали рассуждениям Стаса.

— Согласен, — кивнул Стас. — А значит, его рост может быть около ста семидесяти пяти сантиметров, плюс-минус. Так же Яше удалось установить, что под обломком ногтя, найденного в зубах Дианы Егоровой, содержатся остатки сырой почвы. Кроме того, он обнаружил частицы аммонийных и азотосодержащих удобрений.

— Значит, Романтик... садовник, — проговорил Арцеулов. — Сам выращивает цветы... Сам удобряет...

— О-о! — Издевательски протянул Домбровский. — А ты сам догадался?!

— Иди нахрен, — беззлобно бросил ему Сеня.

Коля самодовольно, сдержано улыбнулся.

— Закончили? — недовольно осведомился Стас.

— Так точно, — прокашлявшись, ответил Домбровский.

— Прекрасно, — объявил Стас. — Тогда продолжим. Ника сообщила мне о самой важной пока что примете.

Корнилов обернулся и показал двум оперуполномоченным ещё один рисунок. На нём изображался обыкновенный цветок с пятью лепестками, он был похож на ромашку.

— Такого вида клеймо носит на левой руке Романтик.

Николай и Арсений выглядели впечатленными. Домбровский рассматривал клеймо с тревожной дотошностью и даже жадностью. Арсений смотрел угрюмо, с враждебным обманчивым безразличием. На лице Арцеуова явственно читалось отвращение и злость.

— Нам нужен человек сведущий в садоводстве, имеющий дело с удобрениями и цветами, — подытожил Стас. — И с отпечатком на левой кисти. На предмет этого клейма Яша и его подчиненные сейчас проверяют фотографии с камеры Яны Долгобродовой. Пока это всё. Вопросы?

— Стас, — Николай спрятал руки в карманах брюк.

Корнилов видел, что капитана что-то гложет, не даёт покоя.

— А как... Как Ника? Как она? Переживает? — Во взгляде Домбровского сохранялось пытлиное беспокойство.

Арцеулов тоже смотрел на Корнилова, лицо старшего лейтенанта оставалось удрученным и немного скорбным.

Стас перевел взгляд с одного подчиненного на другого и несколько раз кивнул.

— Ника рвётся в бой, — вздохнув, признался он.

— И ты ей позволишь? — пророкотал Арсений.

— Если я ей запрещу, — вздохнул Стас, — она рано или поздно наткнется на Романтика сама в одиночку. Я подумал, что лучше пусть она помогает нам, чтобы мы могли быть рядом. Мы единственные, кто знает о её страхах и кошмарах. И о том, что она переживает, поэтому мы за неё в ответе. Согласны?

Опера молча и решительно кивнули.

— Тогда работаем, господа...

На столе Стаса звякнул телефон. Корнилов прикрепил рисунок с клеймом на маркерную доску и подошел к столу.

— Да? — проговорил он, взяв телефонную трубку.

— Стас, зайди ко мне, — попросил генерал Савельев.

Корнилов раздал поручения операм и направился в кабинет генерала. Когда он открыл дверь, то замер на пороге, увидев женщину, сидевшую перед столом генерала Савельева. Это была Римма Егорова. Она сидела прямо, с горделиво и заносчиво поднятым подбородком. Женщина подчеркнуто смотрела вверх перед собой. Корнилов видел, как подергиваются её ноздри и уголки губ. Она была зла, но она торжествовала.

— Проходи, Стас, — произнес генерал.

Корнилов, поборов оторопь, вошёл в кабинет и прикрыл за собой дверь.

— Что здесь делает эта женщина, товарищ генерал?

— Вот, — Аспирин, сняв очки, положил на стол лист бумаги.

Стас, не отрывая взгляда от Риммы Егоровой, подошел к столу и взял лист бумаги. Когда он прочитал то, что там написано, на его лице отразилось насмешливое недоумение. Губы майора изогнулись в глумливой ухмылке.

— Заявление в суд? На меня?

Он взглянул на Римму Егорову.

— И за что же, интересно? — с легкой вкрадчивостью спросил Стас.

Римма ещё выше задрала подбородок и втянула в себя воздух. На Стаса она по-прежнему показательно не смотрела.

— За то, что вы препятствуете моему вступлению в права наследования имущества моей дочери.

— Римма, — Стас положил листок на стол и чуть наклонился к Егоровой. — Это решаю не я. Вы не по адресу. Вам нужно подать документы в другой суд и по другому делу...

Он развел руками, с презрением глядя на мать Дианы.

— Я здесь не при чем. Увы.

— Не стройте из себя дурака, майор Корнилов, — на этот раз Егорова вперила в него гневный, пылающий взгляд своих светло-карих глаз. — Вы не можете не понимать, что мне необходимо было следить за расследованием по делу об убийстве моей дочери. Без этого, учитывая мои отношения с Дианой...

— Точнее их отсутствие, — безжалостно ввернул Корнилов.

— Стас, — процедил Аспирин.

Егорова, закрыв глаза, лишь зло, с дрожащими губами, через силу улыбнулась.

— Ни один суд не отдаст мне права на наследование, зная, что я после стольких лет разлуки не удосужилась поинтересоваться делом о гибели родной дочери. Все решат, будто мне просто нужна её квартира и машина.

— А что? — с показательной растерянностью спросил Стас, — это не так?

— Корнилов! — Опять прорычал генерал Савельев. — Да чтоб тебя!.. Замолчи.

Стаса раздирало негодование. Такой наглости он давно не встречал! У него складывалось впечатление, что у некоторых людей чувство стыда и совести атрофированы с рождения.

— И что вы от меня лично хотите? — Спросил Корнилов, рассматривая Римму Егорову с уничижительным пренебрежением. — Я эти вопросы не решаю.

— Я хочу дать показания, — объявила Римма. — И чтобы вы их запротоколировали.

— Чтобы вы в суде могли показать, как рьяно и старательно вы помогали следствию по делу об убийстве вашей дочери, — Стас договорил это за неё. — Я так понимаю, вы не единственная внезапно объявившаяся родственница Дианы? Да? Появились ещё? Трюродные тёти, дяди, племянники сестры её бабушки и так далее. Иначе вам бы не понадобилось разыгрывать перед судом спектакль с активной помощью следствию и сопутствующими переживаниями. Вы бы и так всё получили.

Римма лишь пренебрежительно повела плечами, чуть прикрыв глаза.

Аспирин прокашлялся.

— Римма Валерьевна, — проговорил он, — мы с майором Корниловым обсудим детали. Вы не подождёте в коридоре?

— О, с удовольствием, — улыбаясь с мерзкой, слащавой фальшью, проговорила Егорова. — Я верю, что вы сможете принять правильное решение и повлиять на своих строптивых сотрудников, господин генерал.

Встав из-за стола, она окинула Стаса полным ехидного превосходства взглядом. А затем вышла, тихо закрыв дверь.

Стас посмотрел ей вслед и обернулся к генералу.

— Товарищ генерал, — ледяным, яростным голосом проговорил Корнилов. — Что это получается? Эта выхухоль бросила свою дочь в семь лет в детдоме, и до шестнадцати лет та вообще не знала, где её мать. А теперь она заявляется сюда и пытается меня шантажировать? Как я должен на это реагировать?

Аспирин снял очки и устало помассировал переносицу пальцами свободной руки.

— Прежде всего, Стас, тебе надлежит поступать адекватно.

— Адекватно, значит? — кивнул Стас, скрывая возмущение.

— Да, адекватно, чёрт возьми! — прикрикнул генерал.

— У меня есть доказательства, что Диана Егорова ничего не знала о своей матери до того дня, как получила паспорт, и её пинком выгнали из детдома.

— Стас, — утомленным и раздраженным голосом ответил генерал, — эта баба пригрозила, что расскажет всё журналистам...

— Да ей нечего рассказывать, товарищ генерал.

— О, ты, правда, так считаешь? А если она перед камерами слезами зальется, рассказывая, как сотрудники МУРа её бедную лишают возможности выиграть суд против нечестивых родственников в борьбе за имущество её единственной дочери?! Что ты тогда будешь делать?! Ты забыл, в каком мире мы живём?! Двадцать, да даже десять лет назад я бы её на *ер послал! А сегодня не могу! Не могу! Понимаешь?!!

Аспирин хватанул ладонью по столу.

— Но сейчас и у тебя, и у меня на повестке дня этот псих с розами! Который с девок шкуры снимает, как со скота! Ты ещё хочешь, чтобы сверх всего на нас ещё и это вылилось? Хочешь, чтобы УГРО вместе с твоей группой совсем говном закидали? Ты этого хочешь?!

Стас поднял взгляд, глядя на стену.

— Никак нет...

— Тогда подыграй этой стерве и забудь, — отмахнулся Аспирин.

— Товарищ генерал, вы понимаете, что Диана Егорова ненавидела свою биологическую мать? А она сейчас придет на все готовое и...

— Стас, тебя-то чего это волнует, а? — раздражался генерал. — Мне лично всё равно, кому достанется квартира и тачка Дианы Егоровой. Или ты думаешь, что те родственники, с которыми будет судиться эта корова, чем-то лучше? Или они чем-то помогали Диане все эти годы? Так же наплевали! Так что хрен редьки не слаще. Всё, Стас. Пусть она даст показания. Запиши там всё и суд извести, что она — мать Дианы, и что отчаянно помогает и сотрудничает со следствием, и там это... тяжело переживает гибель дочери от рук серийного убийцы. Всё, всё, всё! Я ничего не желаю слушать! Проваливай, Корнилов! Ей богу...

Стас лишь скрипнул зубами. И конвульсивно сжимая кулаки, чувствуя сотрясающую его неистовую ярость, вышел из кабинета генерала Савельева.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 14 июня.

Я сняла со стойки блузку и придирчиво осмотрела. Затем подошла к зеркалу неподалёку и приложила к телу. Ничего такая, можно было бы взять.

Рядом со мной нагло вклинились две шумные девицы. Полностью игнорируя моё присутствие, они беспардонно оттеснили меня и принялись ругаться.

— Тебе не подходит этот цвет! Посмотри! — говорила одна из них в шортах и цветастой футболке.

— Чего это не подходит? — другая с озабоченным видом крутилась перед зеркалом. — Бирюзовый — это мой цвет...

— Это не бирюзовый, это мятный! — Раздраженно возразила её подруга в шортах.

— Сама ты «мятный», — передразнила подругу та, что держала в руках летнее платье бэби долл.

Я окинула взглядом платье в руках полной брюнетки и посмотрела на её фигуру. Не то чтобы я желчный или язвительный человек. Я никогда в жизни не позволю себе обращать внимание человека на его природный изъян. Просто потому что считаю это недопустимой низостью и демонстративным отсутствием минимального уровня воспитания. Этикет, этичность и тактичность — это то немногое, наравне с законами уголовного кодекса, что выгодно отличает нас от животных.

Но вот зачем девушки среднего роста, имея окружность бёдер по меньшей мере сантиметров девяносто пять или больше, пытаются влезть в платья для более стройных особ, я искренне не понимаю. Нет, мотив мне ясен. Но вот смысл? Тем более, что брюнетка явно не следит за фигурой и даже не пытается. Это платье у нее по швам разойдётся. И, кстати, цвет этого платья был аквамариновый, как мне кажется. И он куда светлее бирюзового.

Я отошла к другому зеркалу, но и туда через минуту тоже подошли другие люди. Всё-таки в выходные дни в магазинах трудно спокойно что-то выбрать. Людей просто табуны!

Но я успела осмотреть выбранную вещь. Нужно будет отложить на кассе.

Ко мне подошла Лерка, в руках у неё были джинсы и куртка бомбер.

Она свободной рукой взяла рукав выбранной мною блузки.

— Хм, симпатичная, — оценила Логинова. — Думаю, тебе пойдёт.

— Спасибо, — усмехнулась я. — Где Оля?

— В раздевалке, — вздохнула Лерка. — Уже восьмой look пытается собрать.

— Ну у неё же день рождения, — усмехнулась я и подошла к другой стойке с топами.

— Она уже четыре часа выбирает, — заметила Лерка. — При этом всё время дергает меня и я толком ничего себе посмотреть не успеваю!

Логинова тоже перебрала некоторые топики.

— В прошлый раз, когда Оля на бал собиралась, мы без тебя ходили, — проговорила я с понимающей, чуть ехидной улыбкой.

— И что? — Спросила Лера, изогнув брови. — Тоже так мучилась?

— Восемь часов выбирали ей облик, одежду и аксессуары, — вздохнула я.

— Восемь часов? — выразительно скривившись, ахнула Лерка и оглянулась на проходивших мимо людей.

Логинова была потрясена.

— Шопинг больше пяти часов — это за рамками приличия! — Убежденно заявила Лерка.

— Полностью согласна, — вздохнула я и сняла один из топиков. — Как тебе?

Логинова с интересом склонила голову к плечу.

— Красивенький. Только низ нужен побледнее тогда.

— А у меня есть как раз то, что нужно, — кивнула я.

У Лерки звякнул мобильник, и она подняла трубку.

— Ну что, красота неземная, выбрала? — спросила она с дружеской издёвкой. — Ну всё, хорошо... Мы с Никой идём смотреть.

Она спрятала телефон в сумочку.

— Пошли. Сливка, наконец-то, определилась.

— Пошли, посмотрим, — согласилась я.

Мы подошли к раздевалке, где находилась Оля, и Лерка отодвинула шторку.

Оля Сливко предстала перед нами. Наша одноклассница обладала внешностью, в которой умеренная пухлость сочеталась с умилительным очарованием.

Оля не толстая, нет. Но полненькая, такая хорошенькая пышечка с шикарным кукольным личиком и надутыми губками. У неё были большие голубые глаза, пухлые щеки, как у младенца, и кудрявые русые волосы. Она походила на куклу. Только не на Барби или Братц, а на тех фарфоровых пухляшек, что наряжают в старинные платья и шляпки.

— Ну как вам?

Сливка покрутилась перед нами. Она была в платье-футляре кремового цвета и темных

босоножках на каблуках.

— Очень красиво, Оля, — оценила я. — Только нужно добавить какие-нибудь детали... например, чокер или браслет. Как считаешь?

Оля неуверенно посмотрела на свои запястья.

— Да, наверное.

— Ща, погоди, — Лерка шустро метнулась к стойке, на которой висели десятки украшений в пакетиках.

Через пару минут она прилетела обратно и показала Ольке браслеты.

— Смотри вот эти. А? Как тебе?

Я тоже подошла посмотреть.

— Что думаешь, Ника? — спросила меня Оля.

У меня была два варианта ответа. Сказать, что Оле к такому стилю подошел бы более изящный и тонкий браслет и тем самым поставить под сомнение вкус Лерки, или сказать, что браслет хорошо подходит и слегка подпортить Оле имидж. Лерку я, если честно, ценила и любила больше, чем Олю. Так, что...

— Да, весьма неплохо, — согласилась я. — Мне нравится.

— Ну хорошо, — согласилась Сливка. — Тогда берём.

Мы отправились на кассу. Я решила всё-таки взять только блузку без топа. У меня и так в этом месяце случились слишком крупные издержки. А вот Лерка ещё, сверх всего, взяла пару новых джинсов.

Очередь на кассе была, как в Чёрную пятницу в модных бутиках.

— Блин, — простонала Оля. — Откуда столько народу? Это ненормально!

— Ненормально, Оля, — колко заметила Лерка, — это то, что мы с Никой вместе с тобой тебе подарок на днюху выбираем. Сливку это замечание ничуть не смутило.

— Зато я точно буду уверена, что мне подарят то, что я хочу и то, что мне реально нужно.

Она пожала округлыми плечами. Мы с Лерой переглянулись. Я подумала, что своя логика у Оли есть.

В очереди мы простояли больше часа. Для меня это были тяжелые шестьдесят с лишним минут. Я увидела воспоминания ругани, танцев, какой-то генеральной уборки, бурного секса, яростного скандала и несколько раз стала свидетелем супружеской измены. Но пальму первенства одержали давешние две девицы, спорившие о летнем платье. Эти коровы недавно вернулись из Мармариса. И я невольно, стала свидетелем их безумств, которые они там вытворяли.

Нет, я всё понимаю. Вы приехали отдохнуть, тусить, отрываться...

Но, чёрт возьми, плясать на стойке бара, оголив грудь и поливать себя текилой! А потом ещё давать облизывать своё тело всем желающим в ночном клубе!.. Фу! Как им только было не противно!

— Ты чего? — спросила меня Лерка, увидев, как меня передёрнуло от омерзения.

— Н-ничего, — заикаясь ответила я. — Всё в порядке.

Я еле дождалась, пока закончится эта очередь. После магазина мы зашли в закусочную, где девчонки взяли по десерту. А я ограничилась только соком и фруктовым салатом. У меня послезавтра начинаются тренировки перед новым сезоном соревнований. А наша тренер МEG, Мехлисова Елена Геннадьевна, если увидит, что я хоть на грамм поправилась, ударит меня на месте.

Девчонки завели разговор о курортах. Лерка и Оля спорили, куда лучше было бы поехать. Оля отстаивала достоинства итальянских курортов, а Лера считала откровенной глупостью, вообще, тратить время на купание в море и загорание на пляже. Это все, по её мнению, можно получить и в Крыму или в той же Турции, где наши прописались отдыхать. Лерка настаивала, что незабываемое летнее турне стоит организовать в Скандинавию — в Швецию, Норвегию и Данию.

— А как же Финляндия? — спросила я.

— Да ну, — отмахнулась Лерка. — Я там уже четыре раза была за последние два года. Надоело.

— Ника, а в Швеции красивые парни? — вдруг спросила Сливка.

Я замялась.

— Не знаю, Оль, я там никогда не была, — проговорила я слегка растерянно и сбивчиво. — А почему ты вдруг меня об этом спросила?

— Ну, — пожала плечами Оля. — Ты ведь как-то рассказывала, что ваш польский род типа от шведов изначально пошел...

— Если верить семейной легенде, — хмыкнув, заметила я. — И потом, это было в глухом средневековье, когда Скандинавия ещё приносила жертвы Одину.

Лера в этот момент сосредоточенно смотрела куда-то в сторону, на её лице замерло тревожное внимание. Я перехватила её взгляд и сама оторопела.

В углу зала закуской, где мы сидели, висел большой плазменный телевизор, там шли новости. Ведущая беззвучно что-то повествовала, а на заднем плане мелькало здание фотостудии «Perfection».

Сперва я почувствовала радостное оживление, что сейчас покажут, как поймали и арестовали фотографа Игоря. Однако вместо этого на экране появились фотографии с замысленными лицами и интимными частями тела. По моей спине прошел холод. Мне показалось, что по коже моего лица, шеи, плеч и остального тела медленно провели куском мерзлого льда. У меня застыло дыхание, и замер сердечный ритм.

Лера внезапно вскочила из-за стола.

— Сделайте громче! — крикнула она работникам закуской.

Сидевшие за столиками люди обернулись на неё. Внимание почти всех посетителей было приковано к телевизору. Один из работников закуской поднял пульт. В телевизоре выросла громкость.

— ...Как стало известно сегодня днём, неизвестный источник продолжает выкладывать в интернет интимные фото несовершеннолетних жительниц Москвы, которые по своей наивности стали жертвами распутного фотографа. Из оперативных данных стало известно, что Игорь Неклюев, восемьдесят пятого года рождения, коренной житель столицы, уже четыре года оказывал услуги фотографа нескольким журналам и медийным порталам. Но кроме того...

Лера схватила висящую на стуле сумку и широкими, дерганными шагами двинулась прочь. Я успела разглядеть её ошарашенное, испуганное лицо и бросилась следом. Логинова вылетела из закуской, ринулась по коридору ТРЦ. Я преследовала её.

— Лера стой...

Она вдруг резко развернулась. Я замерла, увидев, как гневно исказилось её лицо.

— Да пошла ты на хрен! — резко и зло проорала она.

Эхо её голоса разнеслось по торговому центру.

Все вокруг уставились на нас. Люди смотрели с опаской и недоумением.

— Какого **ра ты вообще полезла?! Зачем?! Чего тебе не сиделось?! — кричала Лера. — Зачем?! Посмотри, что ты натворила! Это всё из-за тебя! Из-за тебя, тупая ты с**а!!!

Её жгла и душила злая обида. Лицо покрылось розовыми пятнами. Гневно сверкали мокрые от слёз глаза.

— Лер... — сокрушенно, робко проговорила я. — Мне... мне жаль, я...

У меня у самой на глазах выступили слёзы. Мне было бесконечно жаль её. Я ощутила, как многотонное чувство вины почти физически наваливается на меня так, что становится трудно дышать.

— Прости, я же...

Лера с дрожащими губами покачала головой.

— Ненавижу... — процедила она и вдруг резко с яростью и силой толкнула меня.

Я не удержалась. Лера была на голову выше и сильнее меня. От её толчка я улетела назад и боком упала на пол. С меня со стуком упали солнечные очки, моя сумочка отлетела к ногам стоящих неподалеку людей.

— Ты мне жизнь сломала, конченная ты, безмозглая дура! — истошно прокричала Лера. — Тварь белобрысая!

С этими словами она резко развернулась и скорыми шагами рванула прочь.

Я, не в силах осознать произошедшее, оставалась лежать на полу. Ко мне подошел какой-то мужчина и помог встать. Я поблагодарила его, подняла свои очки и сумочку. По щекам у меня струились слезы, я вся дрожала. Болел локоть, которым я ударилась при падении.

Я чувствовала просачивающийся в сердце яд вины и горечь унижения, которому меня подвергла Лера. Я не могла поверить, что она меня толкнула. Лучшая подруга, та, с которой мы всегда защищали друг друга, та, с которой мы всегда делились всеми тайнами и страхами, надеждами и мечтами. Лерка, которая успела стать мне родной, только что толкнула меня. Толкнула с искренней и неистовой ненавистью. Я никогда прежде не видела, чтобы она смотрела на меня так. И никогда не ожидала, что она может толкнуть или ударить.

Я сглотнула комок в горле и тихо заплакала, давясь слезами. За спиной послышались приближающиеся шаги. Я обернулась, ко мне подошла Оля.

Она несколько секунд стояла возле меня, смотрела мне в глаза.

— Не смей приходить ко мне на день рождения, — процедила она со злостью. — Поняла? Всё!

И поправив сумку на плече, злобно добавила:

— Свинья!

— Оля... — всхлипнула я, глядя ей в след.

Слова обеих подруг были подобны ударам хлыста по мокрой, посыпанной солью спине, хлесткие, болезненные, впивающиеся в плоть и душу. У меня было состояние близкое к тому, чтобы упасть на колени и просто разрыдаться, и рыдать долго, мучительно, с болью и гневом на себя. В голове в такт с пульсом конвульсивно билась мысль: «Что я натворила?!». Теперь Леркины фотографии могут оказаться в сети в любой момент, да и снимки других девчонок тоже. Господи... я же не этого хотела! Только... Только чтобы тот подонок сел! И понёс наказание за то, что делал!

Я зашла в туалет одного из ресторанов ТРЦ и посмотрела на себя в зеркало.

Здесь я ещё около получаса давилась в безутешных рыданиях. Я не могла остановиться. Я всхлипывала, судорожно вздыхала, глотала слёзы и представляла, что теперь может произойти. Я корила себя и мысленно ругала последними словами. Чувство стыда перед Леркой острыми шипами врезалось под кожу сознания. Я не знаю, сколько я так просидела. Сколько времени провела, оплакивая свой проступок и Леркины слова. Сколько времени мне потребовалось, чтобы собраться с силами и пережить то, что произошло. Мне пришлось приложить серьёзные усилия, чтобы успокоиться. Чтобы просто перестать плакать.

Я глубоко и тяжело вздохнула. Мое дыхание оставалось дрожащим и нервным. Я убрала от глаз ватные диски, скомкала их и выбросила в мусорное ведро.

Достала новые и промокнула смывкой. В который раз я порадовалась, что всегда ношу с собой минимум необходимых вещей. Кроме косметики, у меня всегда есть набор пластырей и спрей антисептик, на всякий случай.

На правом локте у меня теперь краснела ссадина от падения. Так что антисептик был кстати. Ватными дисками я смыла остатки размазанной туши вокруг глаз. Вздохнула, глядя на себя зеркало. Зашибись, денёк!

Я оперлась руками о край раковины и снова протяжно, печально вздохнула.

Пару раз мы уже ссорились с Леркой, но не сильно. И, в основном, из-за учебы. Да и те в те разы я всегда оказывалась права, и Логинова потом сама извинялась. Но она никогда меня не трогала. Кричать могла, но никогда не поднимала на меня руку. Лерка, вообще, свои эмоции плохо контролирует.

Мда... сказала зареванная блондинка. Я невесело усмехнулась себе в зеркало.

Домой ехать вот такой заплаканной мне не хотелось абсолютно. Не хотелось, чтобы на меня глазели люди в метро или в автобусе. Не хотелось, чтобы потом дядя Сигизмунд допытывался, что у меня случилось. Поэтому, думаю, вряд ли кто меня осудит за то, что я купила билет в кино на ближайший сеанс. И два часа провела, думая о проблемах и параллельно наблюдая развитие сюжета тупейшего боевика про храброго американца и плохих русских. Дождутся они когда-нибудь, что их народ будет бояться русских больше, чем гребаного зомби апокалипсиса или нашествия пришельцев. Идеологическое оружие с обратным эффектом.

После кино мне заметно стало легче. Истерика унялась, и слезы высохли. Думать стало проще и свободнее.

Когда я приехала домой, было уже почти семь часов вечера. Да я и не особо торопилась. По пути ещё зашла в один компьютерный клуб и детально изучила новости по поводу распространения в сети интимных фотографий несовершеннолетних девчонок. И что меня разозлило, так это то, что до сих пор наши правоохранительные органы не нашли источник. Это же можно как-то вычислить, отследить и как-то... я не знаю... пресечь деятельность этих козлов!

Я в этом не разбираюсь и не понимаю, и вообще, стыдно признаться, но с компьютерами у меня общение не складывается. А мои навыки пользователя ограничиваются созданием папки, запуском браузера и регистрацией в соцсети. Всё. Я помню, однажды у себя дома три часа промучилась, прежде чем отыскала, как сделать так, чтобы файлики галочками отмечались!

Так. Теперь о том, кто выкладывает фотографии с девочками. Он делает это раз в восемь часов небольшими «порциями». В сети уже двенадцать фотографий, четырех девочек. К своему неприятному удивлению, среди них я обнаружила свою недавнюю новую

знакомую — Дану. Я представила себе её реакцию. Потом я подумала, свяжет ли она арест Игоря и появление своих фотографий в интернете с нашим разговором и моим любопытством.

По всему выходило, что если Дана обладает хотя бы средним уровнем интеллекта, то, скорее всего, она уже меня ненавидит.

Я сочла, что лучше взять такси.

Когда я прошла через двор и вошла в мастерскую, то застала в гараже Федю. Он старательно мыл пол, залитый маслом, моющими средствами и бензином.

— Привет, — произнесла я, остановившись на месте. — А ты почему не отдыхаешь в выходной?

Федя остановился, пожал плечами.

— Сигизмунд Владиславович больше платит за работу в выходной день.

— А... — кивнула я. — Ну да. Логично...

Я подумала предложить ему помощь, но, во-первых, я была крайне измотана, прежде всего, морально. А во-вторых, полагала, что Феде будет только хуже. Он при мне начинает чудить, бить и ронять вещи. Будет лучше для всех, если я воздержусь.

— Ладно, удачи, — сказала я.

Я поднялась наверх и заглянула на кухню. Здесь я обнаружила ворох грязной посуды и небрежный стол. Шикарно. Ладно, отдохну немного и займусь этим.

Я закрылась у себя в комнате. Появилась мысль набрать Стаса, спросить у него, знает ли он что-то о фотках в интернете, и если да, то что по этому поводу думает предпринимать полиция. Но, поразмыслив, я отказалась от этой идеи. Стасу сейчас не до меня. И уж точно не до Леры, которая, по большому счету, сама виновата в своей ситуации. Я, конечно, её усугубила, но изначально Лера сделала глупость лично. Хотя говорить я ей этого, конечно, не буду.

От дяди Сигизмунда мне пришла SMS: «Ночевать сегодня дома не буду. До понедельника я занят. А может, и до вторника. Убери кухню».

Я устало простонала. Ну отлично! Это мне ещё придется опять следить за дядиными работниками. Они, конечно, старательные, но любят поболтать во время работы или покурить раз пять-шесть за день. Или, что ещё хуже, накрутить цену за ту или иную услугу.

В том, что дядя Сигизмунд беспечно возлагает на меня эту ответственность, я сама виновата. Вызвалась как-то понаблюдать за рабочими в его отсутствие и пообещала докладывать ему о беспорядках. Сказать, что я намучилась с сотрудниками дядиной автомастерской, значит, не сказать ничего, вообще.

Взрослые люди, большей частью мужики, почему-то искренне думают, что если они старше меня лет на пятнадцать-двадцать, то мне можно травить любую дичь. А ещё, по их разумению, я не знаю настоящих цен на услуги автосервиса, не могу сверить приходы и расходы, и, вообще, я какая-то непроходимая тупица! Бесит.

Я то их проконтролирую, и слушаться они будут. Моего дядю они боятся и уважают. А ещё знают, что он мне верит. И что договариваться со мной о том, чтобы я закрыла глаза на что-то, совершенно бесполезно. Другое дело, что следить за ними придется всеми органами чувств.

Чёрт... Нужно пойти посмотреть журнал, что у нас там по плану. Ладно, это потом. Сейчас, реально не до этого.

Мне понадобилось время, чтобы прийти в себя. Я еще немного искала инфу по поводу

Игоря Неклюева. Потом я перекусила и после мысленной дуэли со своей совестью всё-таки направилась убирать кухню. Восстановив там порядок, я посмотрела в окно. Было уже темно, июньская ночь сверкала мерцающими звёздами, а город отвечал ей светящимися квадратиками окон многоэтажек.

Я вспомнила, что нужно покормить наших псов, нашу лохматую семейную пару и, взяв пакет с кормом, отправилась вниз, во двор.

Федя всё ещё не ушел. Он стоял на стремянке возле стеллажей с коробками, ящиками, дисками и прочим инвентарем.

— Ты решил тут заночевать? — шутливо спросила я, проходя мимо него.

Я тут же пожалела о своем вопросе. Федя повернулся, лицо у него вспыхнуло, он пошатнулся и стремянка под ним опасно качнулась.

Я уронила пакет с кормом и бросилась к нему.

— Ты чего?! — ахнула я. — Господи! Осторожнее, Федя!..

— Извини, — прогудел парень басом.

— Да ничего... — пробурчала я.

Мое сердце ещё отзывалось нервным перестуком. Я подняла массивный пакет с кормом, и в этот миг во дворе грянул взрыв. Затем ещё один, а следом ещё два. Каждый взрыв сверкал сине-белой вспышкой. У нас в мастерской дрогнули стекла в окнах. Истошно запиликала сигнализация в одной из машин в мастерской.

— Выруби её! — крикнула я и бросилась во двор.

Здесь воняло гарью. В ночном воздухе плавал сизый дым. Зажимая себе нос, я быстро прошла дальше. И тут увидела огонь. Горела трава во дворе!

— Чёрт! — вырвалось у меня.

Я бросилась обратно в гараж. Выволокла шланг и включила воду. Огонь погас быстро, но в ночном воздухе повис стойкий кислый и горький запах. Как будто кто-то сжег упаковки из-под чипсонов. Я выключила воду и оглядела двор. Что это было?! Что за дебилские фокусы?! Кто-то совсем рехнулся?! Я выскочила за калитку. Впереди, вдалеке, стремительно уезжал какой-то внедорожник. Номер я, понятное дело, разглядеть не могла и не успевала.

В сердцах я закрыла дверь калитки и, обернувшись, услышала жалобный скулеж. У меня дрогнуло и застыло сердце. Я бросилась к будкам. Подбежав к ним, я на мгновение замерла в ужасе. На земле лежал Леопольд и, жалобно поскуливая, скреб задними лапами землю. Вокруг него носилась и гавкала встревоженная Каролина.

— Твою же... — выдавила я сердито и испуганно.

Я бросилась к псу, упала возле него на колени и с трудом отодвинула руками Каролину. Но та не пожелала уходить, она слишком переживала за своего супруга. Я осмотрела рану, в нос немедленно ударил запах паленой шерсти и ещё другой, вонючий, тошнотворный, с каким-то омерзительно-сладковатым привкусом. Меня замутило. Я поняла, что у Леопольда сильный ожог.

Я осмотрела его, легко коснулась. Мои пальцы наткнулись на теплую влагу. Я поднесла руки к глазам, они блестели от крови. Я молча подхватила с места, бросилась в дом. Быстрее! Быстрее! Быстрее! Эта навязчивая мысль сверкала и требовательно стучала в моей голове.

Я выгребла содержимое нашей аптечки. Схватила бинты, перекись водорода и зеленку. Рванула вниз. Федя уже был возле собак. Он прижимал руки к телу Леопольда.

— Ника, его надо в больницу! — крикнул он. — Он истечет кровью!

— Знаю! Сначала надо хоть как-то перевязать! — ответила я и, подбежав, упала на колени возле Леопольда.

Рывком я распаковала пачки с бинтами.

— Снимай ремень, — сказала я Феде.

— Зачем? — заикаясь спросил тот.

— Федя, просто сними! — попросила я не выдержав. — Пожалуйста!

Леопольд жалобно скулил и приглушенно порывкивал. В его голосе чувствовалась боль. Его темные глаза вращались по сторонам, его дыхание стало тяжелым и угнетенным.

— Лео, всё будет хорошо, — проговорила я. — Тише, мальчик, всё будет хорошо... Уйди, Каролина! Уйди!

Я снова оттолкнула собаку, которая то и дело совала свою морду мне под руки.

Федя вытянул ремень из джинсов.

— Прекрасно, — кивнула я. — Помоги мне.

Мы с помощью ремня перетянули тело пса, но не сильно. Я знала, что слишком туго нельзя — это чревато всякими тромбами, повреждением сосудов, вен и прочими нежелательными последствиями.

Леопольд взбрыкнул, когда мы его перевернули.

— Тише, тише, — я успокаивающе погладила раненного пса. — Все хорошо, Лео... Всё хорошо. Федя поддержи его вот так.

Я полила перекисью на рану, кровь в ране и на шерсти начала пениться. Я не рискнула все-таки обрабатывать саму рану зеленкой и нанесла только вокруг. Обильное кровотечение не остановилось, но постепенно замедлилось. Уже лучше, но понятное дело, этим ограничиваться было нельзя. Я забинтовала Леопольда, как умела.

— Держи его, я заведу машину! — крикнула я Феде.

— Подожди, Ника! На чем ты собралась его везти?! «На чем, на чем,» — ворчливо думала я, забегая в гараж. На чем есть, на том и повезу! Меньше всего я сейчас беспокоилась о сохранении автомобилей в мастерской.

Машин сейчас здесь стояло только четыре, две из них без колёс. У третьей были какие-то проблемы с двигателем. Оставалась только красная БМВ Е65.

Я открыла машину, села за руль и завела двигатель. Меня лихорадил тревожный жар, в крови с пузырями кипел адреналин. В голове было ощущение влажной, вязкой скомканной ваты. Я выехала во двор. Затормозила и, не глуша мотор, выскочила из автомобиля. Быстро открыла левую, заднюю дверцу.

— Давай, клади на заднее! — закричала я отчаянно.

Я торопилась, меня подстегивал страх опоздать. Я не могла этого допустить. Не должна! Не могу... Леопольд... Мысли переплетались, вились и путались!

Ясна была только цель — в больницу! Быстрее в больницу! Я знала одну ветеринарку, что работала круглосуточно. Но она в другом районе. Ничего, ничего, ничего. Успеем.

Федя чертыхаясь понес Леопольда в машину. Здоровенный пёс ворочался у него в руках. Феде было тяжело, Лео ёрзал, выл от боли и дергал сильными лапами. Каролина, взволнованно лая, последовала за Федей.

— Нет, — я остановила её, взяла за ошейник. — Извини, крошка, но ты останешься тут с Федей.

Федя бережно положил скулящего от боли Леопольда на заднее сиденье и обернулся.

— Что значит... С Федей? Ника, ты не можешь...

— Федя, я не могу оставить мастерскую с тремя тачками на двенадцать лямов, без присмотра посреди ночи! — заявила я и выпалила. — Я еду одна!

Я снова села за руль. Федя открыл мне ворота. Я выехала на улицу и дала по газам. Светящаяся стрелка спидометра дернулась и поползла по отметкам. Я метнула в зеркало заднего вида обеспокоенный взгляд на Леопольда. Пёс продолжал поскуливать.

— Держись, милый, пожалуйста, Лео... — я всхлипнула и смахнула с лица волосы.

Автомобиль разогнался. БМВ свирепо гнал вперед. Я чувствовала мощь двигателя под капотом седана.

— А разгон-то у тебя не пять сек, как обещали, — пробормотала я ворчливо.

До больницы мы буквально долетели. Я не поручусь, что не ехала со скоростью в двести или больше километров в час. Как я не нарвалась на полицию, уму непостижимо!

Тот случай, когда я рада, что живу далеко от центра города. Попробовала бы я так где-нибудь в Хамовниках или Академке полетать. Уже бы остановили двадцать пять раз, и пофигу им было бы на истекающего кровью Леопольда.

Но обошлось. Хорошо, что на тачке электроникой скорость ограничена до двухсот пятидесяти. Ей-богу.

В ветеринарке меня встретили двое скучающих врачей. Они явно не ждали гостей и не скрывали этого. Однако, узнав в чем дело, приняли достойно.

Леопольда бережно, осторожно извлекли из автомобиля, отнесли внутрь больницы, положила на кушетку. Я беспокойно топталась и суетилась рядом. Один из докторов внимательно осмотрел Леопольда. Я погладила пса по морде. Он тепло дыхнул мне в ладонь, лизнул пальцы.

— Что произошло? — хмуро спросил доктор, который осматривал собаку.

— Разрыв петарды или что-то в этом роде, — я покачала головой.

Оба ветеринара посмотрели на меня.

— Вы бросали в собаку петарды?

Я быстро замотала головой.

— Нет, конечно. Вы что! Что, я больная что ли?!

Я выразительно пожала плечами. Вопрос был идиотским! Врачи переглянулись и снова занялись Леопольдом. Я стояла рядом, я не могла уйти, я не могла оставить мастиффа одного с чужими людьми! Доктора детально, внимательно и осторожно разбинтовали пса. Сняли ремень с его тела.

В ярком свете стала видна и вся рана Леопольда, и обилие крови. Я прижала ладони к губам, продолжая выглядывать из-за спин врачей. Я видела, как окровавленная шерсть мастиффа вздымается в такт его затрудненному дыханию.

Ветеринары ничего мне не объясняли, только поспешно проводили медицинские манипуляции. Они сделали Леопольду два укола, и пёс перестал скулить. Он успокоился, и его дыхание выровнялось. Перчатки обоих докторов давно обагрились кровью Леопольда до запястий. Я не могла на это смотреть, но и не могла отвести взгляд. Меня одолевала паника. Я нервно, часто, горячо дышала в свои ладони. Один из докторов выставил меня в коридор больницы.

— Подождите тут, — велел он холодно.

Я покорно уселась на сиденье. В коридоре было пустынно и тихо. Тускло горел свет, лампы на потолке светили через три-четыре. В углах коридора густела сероватая полутьма.

В ветеринарной клинике сейчас, похоже, никого и не было больше. Только эти два

врача. Я была наедине с пугающими мыслями. Меня мучили, терзали бесконечные опасения за жизнь Леопольда. Я не плакала, нет. Я просто боялась. Боялась и надеялась на лучшее. Надеялась на врачей, на их профессионализм. Я не могла себе представить, что будет, если Леопольд...

Нет, я даже думать об этом не могу! Вместе с тем меня удручала суровая реальность того, что я никак не могу на это повлиять. Ничем не могу ему помочь. Только... что? Надеяться?.. Да, только надеяться.

В метаниях и переживаниях я провела час. Нет, уже полтора. Я стала бросать любопытные взгляды на дверь. Меня так и подмывало встать, подойти и открыть дверь. В этот миг раздался собачий визг. Меня пробрала дрожь, как от удара током. В душу стремительным потоком хлынул ужас и новая волна паники. Господи, да что они там делают?! Я вскочила со стула, подошла к двери. И тут она открылась мне навстречу. Выглянул один из докторов,

с милой бородкой, в очках и синем галстуке.

— Заходите, девушка.

Леопольд был жив. Его перевязали, оказали помощь и поставили капельницу, но он успел потерять немало крови. Перспективы врачи обещали положительные. И это для меня было главным. Мне стало легче дышать.

Я рассчиталась за услуги с помощью дядиной карты. Эти траты я смогу ему объяснить, и он поймёт — семейную пару мастиффов он любит не меньше, чем я. А вот то, что я взяла тачку из гаража, да ещё и самую дорогую... Вот за это мне придётся очень серьёзно и долго объясняться.

Дядя у меня крайне суров в наказаниях. Особенно за серьёзные проступки.

Помню, однажды я приехала домой позже обычного и потом неделю полы в мастерской мыла. Было «весело».

Я попрощалась с Леопольдом, это было трудно. На глаза снова навернулись слезы, особенно когда пёс смотрел мне в глаза. Он словно просил: «Не бросай меня.» У меня сжималось сердце от его взгляда, но домой ему нельзя. Ветеринары категорически это запретили.

Я вышла из больницы уставшая, истощенная и вымотанная. Хотелось добраться до дома, принять душ, поужинать, посмотреть какой-нибудь сериальчик и лечь спать. Всё. Больше я ничего сегодня не желала. Но сегодняшней день, видимо, собирался надолго остаться в моей памяти.

Выйдя во двор перед клиникой, я увидела картину, от которой чуть язык не прикусила. Во дворе, эффектно сверкая красно-синими мигалками, стояли две полицейские машины. Сами полицейские ходили вокруг красной БМВ Е65, на которой я примчалась. Они осматривали её, светили внутрь фонариками и куда — то звонили.

Я скрылась за углом дома. Прижалась спиной к кирпичной стене. Ну всё! Похоже, за мной пришёл тот самый, всем известный, белый пушной зверёк!

А если ещё нет, то он неминуемо нагрянет в лице дяди Сигизмунда.

Господи... Ну... Мне же только четырнадцать! Когда же я так нагрешить-то успела?! И самое главное, как?! Что за день сегодня такой! Только переживёшь одно дерьмо, как тебя с коварным смехом уже поджидает следующее.

Так... ладно... истерикой я себе не помогу. Выдохнуть, вздохнуть. Фу-у-у-х...

Я прижала пальцы к вискам, помассировала их. Что будут делать полицейские? Ну,

наверное, увезут БМВ к себе на стоянку. Хм. Логично. А почему они приехали? «А потому что, дура ты этакая, на тачке наверняка стоит спутниковая противоугонная система!» — сказала я себе

Наверное, хозяину сообщили, что его машина посреди ночи на огромной скорости куда-то рванула в неизвестном направлении.

Я выглянула из-за угла дома. Полицейские никуда не уезжали, ждали чего-то или кого-то. Больше всего я боялась, что хозяин БМВ сейчас начнет вызванивать дядю Сигизмунда. Через несколько минут приехал эвакуатор.

Закусив губу, я с плаксивой досадой наблюдала, как красный БМВ грузят на него. Потом весь этот кортеж из двух полицейских машин и ярко-желтого эвакуатора с шумом уехал.

Ну шикарно. Что ещё сказать!

Эпизод пятый

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Суббота, 14 июня.

Усталость накатывала, точно морской прибой, монотонными, бесконечными волнами. Корнилов сделал уже третью чашку эспрессо. Ночь у него сегодня будет долгой и трудной.

Вместе с Арцеуловым и Домбровским они весь день работали со свидетелями, сверяли архивные данные, искали в базе данных случаи, когда в убийстве были замешаны люди с опытом садоводства, при этом учитывали прочие улики и, конечно же, клеймо с цветком. Тщетно.

Стас подумал было про старика Фабиана, но у того было нерушимое алиби на момент последних двух убийств. Корнилов вызвал и допросил Кунке Есимову, любовницу старого цветовода. Казашка оказалась молодой, хрупкой и очень застенчивой особой. Она подтвердила, что была с Фабианом по собственному согласию. И заверила, что он всегда был добр к ней.

Стасу не понравились её дифирамбы Арманду, они были слишком искусственными и неубедительными. Посему он на всякий случай приставил к её дому Арцеулова. Корнилову не нравился Арманд. Было в этом слегка помешанном старике что-то зловещее, но тщательно скрываемое. Хотя Стас был уверен, что он не Романтик. Так как нарисованный Никой силуэт ну никак не подходил Фабиану. А Лазовской Стас доверял. Она его пока ни разу не подводила.

Стас перебирал листы с отчетами экспертизы по прошлым убийствам Романтика и просматривал записи с видеокамер, которые запрашивал в связи с предыдущими убийствами. Пусто. Бесполезно. Бессмысленно. Корнилов допил кофе и откинулся на спинку стула, закрыв ладонями лицо.

У него зазвонил мобильный, Стас встрепенулся и взял трубку. Звонила Рита. Корнилов посмотрел на часы и приготовился к трудному разговору.

— Да, любимая? — проговорил он в трубку, на мгновение закрыв глаза.

— Привет, — Рита тоже была уставшей.

Голос у неё был утомленный и говорила она нехотя.

— Ты сегодня собираешься домой?

— Не знаю, — честно и с чувством ответил Стас.

— Понятно.

Стас услышал, как она зевнула.

— Если что...

Опять протяжный зевок.

— Я суп на плите оставила. Будет желание, можешь погреть и поужинать.

— Спасибо, — Стас улыбнулся.

— Люблю тебя.

— И я тебя.

Он дал отбой, положил телефон на стол и сладко потянулся в кресле. Тут мобильник снова заверещал, требовательно завибрировал.

Звонила опять Рита.

— Да, милая...

— Забыла сказать. Купи, пожалуйста, молока, мюсли и лампочки для люстры в комнате Алины. Там какие-то особенные нужны, ты знаешь.

— Знаю, — кивнул Стас. — Не беспокойся, куплю.

— Спасибо. Пока, милый.

— Спокойной ночи.

— Ага... — Рита зевая отключилась.

Стас хмыкнул, посмотрел на телефон и положил его рядом. Он снова углубился в работу. За поиском совпадений по старым делам или приметам преступников в базе данных прошло ещё полтора часа. Скоро должно было наступить утро. Стаса неумолимо клонило в сон, но Корнилов держался. Такие ночки у него не впервой.

Домбровский тоже пахал, как заведенный. Вместе с Корниловым они обработали ещё тонну информации. Документы, оперативные сводки, свидетельства, протоколы, и — ничего. Романтик или кто-то на него хотя бы отдаленно похожий нигде не отмечился, нигде не засветился, не оставил никаких следов и упоминаний

— С**ин ты сын... — Стас склонился над столом и запустил пальцы рук в волосы.

— Не делай так, пожалуйста, — попросил его сидевший за своим столом Николай Домбровский.

Стас опустил руки, непонимающе взглянул на него.

— Как «так»?

— Не держись руками за голову... — объяснил Коля. — А то это похоже на жест отчаяния. А когда ты в отчаянии, Стас, мне не по себе.

Корнилов кивнул, широко зевнул.

— Буду иметь ввиду. У тебя что-то есть?

— Ничего, — Коля сонно помотал головой и встал из-за стола. — Я сгоняю в магаз за жратвой... тебе что-то взять?

— Да, — подумав, ответил Стас. — Возьми мне...

Третий раз за ночь зазвонил телефон Стаса. Звонил Арцеулов и Стас принял вызов.

— Да?

— Стас, Фабиан напал на неё! На Есимову!

— Что?! — Корнилов подорвался из-за стола. — Ты... Где он сейчас?! — Заперся у себя в комнате в поместье. А девчонка у меня... Чёрт. Стас, она истекает кровью... Он её всю порезал! Холера!

— Скорую вызвал?! — Да! Но они все не едут, с**и! ***ть да что ж ты... Эй! Эй! Не закрывай глаза! Слышишь! Девочка! Не закрывай! Нельзя! Стас, мать её, она сейчас того... отойдёт...

Стас на ходу схватил кобуру с оружием.

— Мы сейчас будем. Держись там. Фабиан вооружен?

— Да. У него охотничий карабин с прицелом.

— Говнище! — выругался Стас.

— Ага. Его дворецкий тоже вооружился, у него Сайга. В трубке грянул гулкий, мощный, раскатистый выстрел. Затем ещё один. Звякнуло стекло, прозвенел металл, следом раздались какие-то крики.

— Вот ублюдки! — выдавил Арцеулов. — Стас нужна группа...

— Я вызову! — ответил Стас.

Они с Колей слетели вниз по ступеням и выскочили на улицу.

— Сам к ним не лезь. Понял меня?! — проорал в трубку Стас. — Так точно... — отозвался Сеня.

— Давай, до связи. Держись!

Стас и Коля забрались в чёрный Defender. Корнилов лихо и шустро вырулил со стоянки, распугав курящих неподалеку патрульных. Автомобиль стремительно вылетел на трассу. Домбровский поставил на крышу мигалку, Корнилов утопил педаль газа. В дороге он вызвал к дому Фабиана спецназ.

В голове Корнилова вился вихрь мыслей и предположений. Фабиан?! Фабиан — это и есть их «Романтик»?! Но как он... А как же алиби?! Он мог запугать девчонку, подумал Стас. Он мог заставить её говорить то, что ему нужно. Это бы отлично объяснило наигранное восторженное поведение Есимовой. Всё очень часто оказывается куда проще, чем кажется. Если Арманд Романтик, тогда он очень умело, искусно и мастерски разыграл удивление, опасение и задумчивость. И ещё эти его философские фразы про цветы и букет!.. А как же тогда его алиби со вторым убийством?! Стас проверял, Фабиан тогда был на семинаре цветоводов в родном Будапеште! И самое главное — клеймо и силуэт. Ни того, ни другого у Арманда нет!

Ника не могла ошибиться, это исключено! Стас отказывался это принимать, пока на сто процентов не будет уверен, что Арманд и есть их убийца. Видения Лазовской всегда оказывались правильными. Всегда.

Когда они приехали, группа спецназа уже была там. Они оцепили дом Арманда и рассредоточились по территории. Снайперы взяли под прицелы окна, к дому отправили переговорщиков.

Стас нашел Арцеулова, тот курил возле автомобиля скорой помощи. Когда Корнилов подошёл, Арсений поднял на него тяжелый и скорбный взгляд.

Стас обратил внимание на руки и одежду Сени. Они были перепачканы кровью.

Арсений выпустил струю дыма и покачал головой.

— Она умерла через минуту после моего звонка, — ответил он на молчаливый вопрос Стаса.

Домбровский отвернулся, эмоционально, яростно взмахнул рукой и громко, смачно выругался. Арсений снова вдохнул дым. А Стас молча направился к дому Фабиана Арманда.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Воскресенье, 15 июня. Раннее, предрассветное утро.

Подслушивать нехорошо. Нет!.. Это отвратительно и низко! Но я подслушала разговор дяди Сигизмунда случайно, просто проходя мимо его кабинета на третьем этаже. И, судя по содержанию разговора, беседа была с владельцем БМВ, который увезли полицейские.

Дядя Сигизмунд примчался домой через полчаса после меня. Мы с Федей в это время

убирали двор, засыпанный ошметками бумаги и кусочками пластика.

Дядя Сигизмунд уже всё знал, когда приехал. Он рокочущим, ледяным голосом спросил где Леопольд. Я, заикаясь, объяснила, что случилось. Затем дядя ушел к себе, не сказав больше ни слова. Это был более чем зловещий признак.

— Да, нехорошо вышло. Я не спорю. Да... Что? Нет. Они здесь не причём... Хорошо. Да, конечно. Согласен... Могу ещё сделать скидку на следующее обслуживание... А-а... понятно. Да. Всего хорошего.

Я поняла, что он закончил говорить, и поторопилась к себе в комнату. В этот миг за моей спиной раскрылась дверь.

— Ника!

Голос дяди Сигизмунда был подобен грохоту, который звучал высоко в горах, перед оползнем или лавиной — рокочущий, низкий, тяжелый.

Я, затаив дыхание, обернулась и несмело подняла взгляд.

— Зайди ко мне, — глядя на меня, прорычал дядя Сигизмунд.

Я покорно зашла в открытую дверь его кабинета. Дядя с грохотом закрыл её.

Я вздрогнула и зажмурилась. Дядя Сигизмунд тяжелыми шагами прошёл мимо меня. Я несмело открыла глаза. Если бы я могла, то смотрела бы на него из-за какого-нибудь укрытия и, желательно, издалека. Дядя Сигизмунд подошел к столу, раздраженно вздохнул, чуть наклонился, упёрся в столешницу своими массивными, крепкими кулаками. Затем отвернулся, глядя в сторону.

На его перстне с ухмыляющимся черепом задержался и повис тусклый блик света. Опустив руки, я боязливо, покорно ждала его реакции и своей участи. Я то опускала взгляд, то настороженно, с робкой опасливостью, следила за выражением его лица.

Дядя, наконец, шумно вздохнул:

— Я не могу тебя обвинять за то, что ты использовала единственную тачку на ходу, чтобы отвезти Леопольда в больницу.

Он не смотрел на меня. Я молчала, это явно было ещё не всё. Я чувствовала, что дядя Сигизмунд зол и раздражен.

— Но я не могу тебе простить, что ты взяла из гаража элитную тачку, которую я запретил трогать всем, кроме двух моих лучших мастеров, что с ней работали. Я не могу тебе простить Ника, что из-за тебя я только что потерял очень ценного клиента. Я не могу также тебе простить, что ты не позвонила мне и не спросила, что делать, хотя бы когда ты уже взяла эту ср*ную BMW.

Договорив эту фразу, он вдруг резко ударил ладонью по столу. Вздрогнул маятник с металлическими шариками и монитор компьютера. Я тоже вздрогнула всем телом и на мгновение испуганно зажмурилась.

Дядя обошел стол, подошел ко мне. Я подняла на него обреченный взгляд.

— За это тебе придётся понести наказание.

Я молча, с виноватым видом пару раз кивнула.

— И чтобы ты лучше запомнила то, что я сказал, я тебя выпорю.

Лицо обожгло чувство стыда. Я уставилась на дядю с испуганным недоумением.

— Что?.. — едва сумела вымолвить я.

Дядя уже вынимал ремень из джинсов.

— Я думаю, ягодка, что ты лучше запомнишь мои слова, если о них тебе будет напоминать боль твоей маленькой задницы, на которую ты нашла приключений, —

проговорил он и двинулся на меня.

Я попятилась назад, глядя на него с искренним непониманием, сомнением и страхом.

— Дядя... Сигизмунд... — проговорила я дрожащим голосом. — Вы что... Вы не можете...

— Да ну? — вкрадчиво проговорил он, нависая надо мной. — А ты можешь брать в моей мастерской седан ценой в семь с половиной миллионов и гонять на нём по городу?! Ты хоть знаешь, дура, чья эта машина?!

— Дядя Сигизмунд, у меня не было выбора! — протестующе пискнула я, продолжая пятиться.

— Не было?! — рявкнул вдруг дядя Сигизмунд.

Я вздрогнула, попятилась, запнулась и чуть не грохнулась на пол.

— А позвонить мне ты не могла?! — Не было времени, собака умирала! — я чуть выставила вперед дрожащие ладони.

— Хватит трепаться! Иди сюда! — он протянул ко мне руку.

— Нет! — истошно закричала я и, юркнув мимо дяди, отбежала к столу, обходя его.

Дядя Сигизмунд с ремнем в руках и угрюмым решительным взглядом приближался ко мне. Сердце в моей груди билось несчастной маленькой птицей. Я беспомощно смотрела на приближающегося дядю.

— Ника, — прорычал он угрожающе, — Не испытывай моего терпения.

— Дядя Сигизмунд, — испуганно, учащенно дыша ответила я. — Хотите, заставьте меня полы драить в мастерской! Хоть полгода! Скажите, я буду машины мыть, хоть до совершеннолетия! Или двор убирать каждую субботу! Всё, что угодно! Но это... Я нервно тяжело сглотнула. Выдохнула и категорично замотала головой.

— Это я вам делать не дам.... Я виновата, я знаю. Можете меня вообще из дому выгнать! Но пороть себя не дам! Слышите?! Не дам! Ни за что! А если вы это сделаете силой... я... я уйду. Сразу же. Обещаю!

Я замолчала, глядя на него. Сердце продолжало биться в грудь, как в закрытую дверь. Легкие судорожно, конвульсивно втягивали и выпускали воздух. У меня подрагивали губы, пальцы рук и плечи.

Дядя Сигизмунд смотрел на меня, чуть склонив голову. Взгляд его был задумчивый и оценивающий.

— Почему? — спросил он и чуть прищурился. — Ты ведь боишься не физической боли. Я прав?

Я тяжело сглотнула.

— Потому что это унижение, — проговорила я сердито. — Это позор и бесчестье! Я...

Я запнулась и покачала головой.

— Я вам не дворовая девка, чтобы вы меня секли!

Я искренне не понимала этих варварских методов воспитания! Какой смысл пороть детей за проступки?! Как будто физическая боль их чему-то научит! Или, можно подумать, у них совесть находится в заднице!

К моему удивлению, дядя Сигизмунд вдруг одобрительно ухмыльнулся. Посмеиваясь и покачивая головой, он засунул ремень обратно в пояс джинсов.

— Как ты мне сейчас напомнила Роджера, — сказал он с внезапной дружеской теплотой. — Мой младший брат тоже обладал волевым и крайне непокорным характером.

Дядя Сигизмунд вздохнул.

— Отец, твой дедушка Владислав, пытался его пороть.

Он криво одобрительно усмехнулся.

— Но стало только хуже. Тут он снова посуровел, сдвинул свои густые брови, чуть прищурился разглядывая меня. Я поняла, что он придумывает для меня наказание.

— У моего старого друга открылась небольшая закусочная в Басманном.

Дядя Сигизмунд злорадно ощерился.

— Потрудишься там этот месяц. Потом... я подумаю, что с тобой делать дальше.

— А почему я не могу отбыть наказание в вашей мастерской, дядя Сигизмунд? — расстроено спросила я.

Работать в закусочной и обслуживать всякую публику, не всегда адекватную, мне совсем не хотелось. Ведь мне, скорее всего, придется им прислуживать за столом! Мне не хотелось даже об этом думать.

— Потому что, ягодка, тачки тебе нравятся, — он пожал плечами. — А наказание должно быть для тебя неприятным.

— Спасибо... — уныло ответила я.

— У меня есть ещё приятель, полный неудачник, до сих пор ездит на мусоровозе! — угрожающе начал дядя. — И ему очень нужен помощник... Ну или помощница...

— Закусочная так закусочная, — поспешила согласиться я.

Дядя самодовольно хмыкнул и, окинув меня насмешливым взглядом, махнул рукой на дверь.

— Всё, проваливай. Мне надо разбираться с головняками, которые я получил по твоей милости.

Я не заставила его повторять и ретиво смылась из его кабинета. Закрывшись у себя в комнате, я села в кресло перед компом.

— Ну, — проговорила я в тишине, поджав колени и обняв их руками. — Могло быть и хуже.

Я посмотрела на часы, было около пяти утра. На улице занимался рассвет. словно нехотя, медленно светлело небо, на его фоне проступали очертания зданий. Я решила, что ещё успею поспать пару часов. Поспать мне надо, иначе это уже будет вторая бессонная ночь за последнюю неделю. Хотя я знала, что после всего пережитого шансы уснуть у меня небольшие. Уже в своей кровати я подумала, что нужно будет обязательно навестить сегодня Леопольда, а потом думать, что делать с фотографиями Леры, а ещё мне нужно помогать Стасу...

Я не помнила, как провалилась в сладостные, бездонные объятия желанного сна.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Воскресенье, 15 июня.

Ударил гулкий, раскатистый выстрел. Возле левой ноги Стаса взорвалось облачко пыли, звякнула пуля, зловеще сверкнула искра. Корнилов остановился. Он держал ладони на уровне плеч. На лице у него было снисходительное, обманчивое спокойствие. Его взгляд был устремлен в приоткрытое окно на третьем этаже усадьбы цветовода.

— Фабиан! — позвал Стас. — Это я, майор Корнилов. Мы беседовали с вами неделю назад...

В приоткрытом окне шевельнулся силуэт. Стас шагнул вперёд, и ещё один выстрел выбил серо-бурую пыль. Зыбкое, грязное облачко плавно расплылось по воздуху. Стас протяжно вздохнул, подавил волну раздражения.

Бойцы спецподразделения рассредоточились вдоль забора. Один из них показал Стасу несколько безмолвных жестов: «Снайпер видит цель». Стас отрицательно едва заметно качнул головой.

— Фабиан, — снова позвал он.

В ответ звучала упрямая тишина. Стас слышал размеренный, но гулкий топот своего сердцебиения. Он не чувствовал паники. Это было, скорее, опасение и вместе с тем решимость взять Фабиана живым. И он, Корнилов, обязан придумать, как это сделать.

— Фабиан, — повторил Стас, — я не знаю, как ты сейчас, но догадываюсь, что ты боишься наказания за убийство этой девушки.

Ответом ему была всё та же напряженная тишина, но в этот раз выстрел не прозвучал. Корнилов отметил это и снова сделал шаг вперёд. Непредсказуемая тишина сопровождала его действия. Стас смотрел на окна. Он почувствовал, как по шее медленно стекает одинокая капелька испарины. Он не видел Арманда, но знал (и чувствовал), что тот в него целится.

Стас прошел ещё дальше и остановился.

— Арманд, — произнёс Стас, — я не знаю, за что вы убили Кунке... Но предполагаю, что, скорее всего, она вас разозлила. Вы пришли в бешенство. А когда увидели, что наделали, вами овладели страх и паника. Вы представили, что с вами будет за это убийство. Вы представили, как вас арестуют и посадят.

Корнилов помолчал. Он специально сделала паузу, чтобы дать Фабиану возможность ответить. Однако Арманд не воспользовался этой возможностью.

Стас еще приблизился к усадьбе. Он был во власти эмоций перепуганного старика и его дворецкого. Теперь они оба были уверены, что контролируют ситуацию.

— Я знаю, что вы боитесь тюрьмы, — продолжил Стас, разглядывая окна. — Вы твёрдо уверены, что никогда оттуда не выйдете.

И хотя в голосе Стаса звучал безжалостный металл, одновременно с этим он допускал в свои слова толику сострадания и участливости.

Фабиан, как любой другой на его месте, прежде всего жаждет сочувствия и понимания. Он хочет услышать слова поддержки и почувствовать, что его понимают. И он обязательно услышит и почувствует, что желает.

— Вы представили себе самые ужасные события, которые могут с вами там произойти, — продолжил Корнилов.

Он не двигался дальше, он уже прошел достаточно и сокращать дистанцию не собирался.

— Не найдя ничего лучше, вы схватились за оружие и открыли огонь по офицеру Уголовного розыска.

Стас заметил, как на втором этаже шевельнулась штора, и сверкнул случайный тусклый блик. Корнилов не задержал взгляд на этом окне. Кто бы там ни был, Фабиан или его дворецкий, он не должен видеть, что его заметили.

— Арманд, я хочу обратить ваше внимание на то, что пока что вы ещё не перешли ту красную черту, из-за которой уже нет возврата, — говорил дальше Стас.

Налетевший сзади ветер взъерошил его волосы, одёрнул воротник рубашки, прижал ткань одежды к телу.

— Арманд, я не буду уговаривать вас сдаться, но я только замечу, что убийство, совершенное в состоянии аффекта, может классифицироваться судебным психиатром, как временная невменяемость. Вы меня слышите? Знаете, что это означает? У вас пока ещё есть

возможность с помощью своего адвоката представить дело именно так.

Стас не спешил, выдерживая необходимую паузу. Корнилов знал и даже был уверен, что сейчас Фабиан слушает его с панической тревогой и бьющейся в такт сердцу робкой надеждой.

— И тогда тюремный срок вам могут заменить на принудительное медицинское лечение. Уверяю вас, это куда лучше, чем тюрьма строго режима, в которую вы рискуете попасть, продолжая сопротивление. Как я уже говорил, я не буду вас убеждать или уговаривать. Но я предупреждаю, если вас посадят, вы сядете в камеру к землякам убитой вами гражданки Есимовой. И они будут знать, за что именно вы сидите.

С этими словами Стас опустил руки.

— У меня всё, Арманд. Теперь выбор за вами. Сейчас я медленно пойду назад, а когда я выйду через ворота, возможность, о которой я говорил, утратит свою силу. И тогда, Фабиан, либо вы ответите по всей строгости, либо погибнете в процессе штурма.

Корнилов развернулся и медленным шагом направился обратно. Он не торопился, нарочито ступая не спеша и вальяжно. Подошвы его ботинок с коротким шорохом соприкасались с брусчаткой во дворе усадьбы. Его сердечный ритм звучал размеренно. Корнилов вызвал в себе показное безразличие к судьбе Арманды. Он хотел задеть его, но он в то же время дал ему возможность выбора. Человек в положении Арманды должен иметь возможность выбора, пусть и мнимую. А ещё он должен видеть и осознавать, что Корнилова устроят оба озвученных варианта исхода событий. Фабиан должен видеть, что Стас не намеревается прилагать усилия для его добровольной сдачи или пытаться увещевать его. Выбор был за Армандом.

Стас пересек половину двора, когда за его спиной со стуком распахнулась дверь.

Корнилов обернулся и встретился взглядом с Армандом. Тот выронил винтовку. Оружие полетело вниз по ступеням, упало на брусчатку. Сам Фабиан сделал несколько неуверенных шагов, затем, замерев и скривившись, бессильно и горько разрыдался.

Комната для допросов освещалась мягким, но не тусклым светом. Блики желто — белого освещения стелились по гладким стенам, расплзались бледными пятнами по столу.

Фабиан нервничал. Он, пребывая в мнимом одиночестве, вертелся на стуле, смотрел по сторонам. Взгляд у него был затравленный, перепуганный и немного сумасшедший. Он вёл себя как человек, осознающий, что совершил, и какое наказание за это может последовать.

— Он не убивал раньше, — негромко, но категорично произнёс Стас.

Он наблюдал за Армандом через зеркало Гезелла. Стоящий рядом со Стасом генерал Савельев смотрел на Фабиана с нескрываемым сердитым, осуждением. Антон Спиридонович искоса, чуть нахмурив брови, задумчиво взглянул на Корнилова.

— С чего ты взял? А если он ломает комедию? Как было до этого...

— Он не ломал комедию, — не отводя взора от Фабиана, сказал Стас. — Он был вполне искренен.

— Он убил девчонку, Стас! Восемь ножевых ранений! Восемь! За что, скажи мне?!

— Потому что она над ним смеялась, — вздохнул Стас.

— Что?! — скривился генерал после паузы и тут же скривился. — Из-за чего? Зачем ей над ним смеяться, скажи на милость?

Корнилов покачал головой.

— До Кунке Есимовой Фабиан имел отношения с несколькими другими

несовершеннолетними девушками, — ответил Стас и взглянул на генерала. — К тому же все они дети мигрантов.

— На что ты намекаешь? — не понял генерал.

— На то, что шестидесятидвухлетний пожилой мужчина чувствовал себя уверенным и сильным только с несовершеннолетними девчонками, притом из малообеспеченных и социальнонезащищенных семей, — пояснил Корнилов.

Генерал внимательно выслушал слова Стаса и снова взглянул на Фабиана. Худой, сгорбившийся и запуганно оглядывающийся сутулый старик производил жалкое впечатление.

— А эта девочка... — Стас вздохнул. — Я полагаю, Фабиан в силу возраста мог испытывать определенные проблемы... А Кунке, видимо, имела неосторожность хихикнуть или улыбнуться.

— И он её... — генерал поджал губы, с болезненной досадой кивнул.

— Его это уязвило и унизило, — подытожил Стас. — Он потерял контроль.

— Ты будешь его сегодня допрашивать?

— Через сорок минут.

— Зачем столько ждать?

— Пусть ещё помаринуется немного.

Генерал хмыкнул.

— Ты только не передержи, — бросил он, направляясь к двери.

— Конечно, — не оборачиваясь, бросил Стас.

Генерал вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Стас открыл фотографии с места, где Арманд ранил Кунке.

«Восемь ножевых,» — подумал Стас.

Сеня рассказал ему, что девчонка, перепуганная и окровавленная, добежала до ворот и упала прямо ему на руки. И Стас не представлял, как она, вообще, могла бежать с восемью ранами в спине! Как, вообще, сохранила способность двигаться?!

Корнилов вздохнул. Кунке была сильной и волевой девушкой. Она отчаянно боролась за жизнь, хотя борьба была проиграна с тех пор, как она познакомилась с Фабианом.

Стас рассмотрел фотографии. Смятая постель в спальне Фабиана вся в пятнах и брызгах крови. Растертыми алыми мазками застыла кровь на ковре и стенах. На полу белели осколки разбитой вазы, а рядом лежали растоптанные цветы. Чуть дальше на ковре валялись предметы декора и расколотая надвое рамка без картины.

Корнилов перевел взгляд на снимки с лестницы. Ступени через одну были отмечены багровыми отпечатками ног Кунке. Девушка стремительно, преодолевая боль, через силу бежала по лестнице. Корнилов представил это почти вживую.

Стас работал в УГРО уже больше десяти лет, и за это время он почти научился быть беспристрастным в отношении любых дел. Его учили, что нет смысла убиваться из-за жертв преступлений, сочувствовать им или переживать за них.

Старшие сотрудники часто говорили, что чрезмерное сопереживание влечет за собой нервное и эмоциональное истощение. А работа следователя — не горевать вместе с родными жертвы, а найти и посадить на скамью подсудимых тех, кто виновен в горе этих людей. Стас почти научился не сочувствовать, почти научился не принимать близко к сердцу чужие беды. Почти...

Когда он вошел в комнату для допросов, Фабиан нервно обернулся и вжал голову в

плечи.

— Вы готовы, Арманд? — спросил Стас.

— К ч-чему? — заикаясь и теряя голос, спросил цветовод.

— К нелёгкому разговору, — Стас закрыл дверь.

Он прошел к столу, положил на него папку с материалами дела и сел напротив Арманда. Фабиан, сложив руки на коленях и ссутулившись ещё больше, глядел на Корнилова с жалобным виноватым видом.

И подумать трудно, что такой взгляд может быть у убийцы. Впрочем, как показывает практика, может. Особенно, когда убийца совершил преступление в ярости, совершенно потеряв контроль над собой, а также способность к осознанно-регулируемому поведению.

Фабиан испытывал страх и скорбь — чувства свойственные убийце-дебютанту.

Однако не всем, а только тем, кто не собирался убивать.

— Начнём, — сказал Стас, глядя в глаза Арманда.

Тот коротко, молча и покорно кивнул.

— Расскажите-ка мне о Маро Басилашвили, — сказал Стас.

Взгляд Фабиана изменился, вопрос Стаса заставил его подавиться собственным дыханием. Глаза цветовода расширились, брови выгнулись вверх, а челюсть отвисла. Арманд взирал на Стаса с растерянным испугом, и взгляд его в этот момент был совершенно безумен.

— Откуда вы узнали?! — начал он слабым голосом.

— Это вас не должно интересовать, — качнул головой Стас. — Лучше расскажите мне, как решились изнасиловать эту шестнадцатилетнюю девушку.

Фабиан несколько секунд смотрел на Стаса с открытым ртом, его расширившиеся зрачки метались из стороны в сторону. Затем Арманд быстро опустил взгляд, и голова его поникла.

— Я не хотел, чтобы так вышло... — внезапно осипшим голосом проговорил Фабиан и замолчал.

— Верю, — кивнул Стас. — Давайте говорить о том, что в итоге получилось, а не о том, чего вы хотели.

Фабиан покивал головой.

— Я встретил её на одной из выставок цветов, потом пригласил к себе, но она отказалась.

— И что вы предприняли? — спросил Стас, видя что Фабиан замолчал.

Он плотно сжал губы. Было заметно, как ему не хочется об этом говорить.

— Я... Я... — Арманд отвернулся, несколько раз быстро моргнул глазами, словно пытался не заплакать, — Я похитил её. Точнее... я заплатил... У нас в стране есть люди, которые готовы... ну, вы понимаете.

— Да, — осклабился Стас, — понимаю, такие отзывчивые люди есть, пожалуй, везде.

— А дальше всё просто, — пожал плечами Фабиан. — Я... Точнее, мой дворецкий Захар... он... он привязал её, чтобы я мог...

Он снова замолчал, странно вздрогнул, словно собирался подавиться, но потом поборол этот позыв.

— Когда всё закончилось, я... я её отпустил.

Он посмотрел на Стаса. Корнилов, в свою очередь, несколько секунд молча рассматривал Арманда. А потом спросил пропитанным холодной язвительностью голосом:

— Неужели?

Он открыл папку, лежавшую на столе, и вынул несколько фотографий:

— Эти снимки сделаны буквально двадцать минут назад. Мне прислали их на email.

Взгляните, будьте добры.

— Что это?! — заикаясь, невнятно пробормотал Арманд.

На фотографии была одна из его оранжерей, вокруг раскопанной земли валялись розы. А в неглубокой яме лежало почти разложившееся человеческое тело. Отчетливо были видны проступающие через истлевшую одежду и кожу желто-белые грязные кости.

Дыхание Фабиана сбилось, он с содроганием снова приоткрыл рот и в ужасе уставился на Стаса. Затем ретиво замотал головой, словно пытался отогнать от себя ужасающее наваждение. Арманд ничего не говорил, он просто не мог ничего говорить. Стас видел глубину его потрясения и был уверен, что сейчас Арманд точно не придуривается.

— Экспертиза, разумеется, ещё не готова, — продолжил Корнилов, — но с очень большой вероятностью можно сказать, что это может быть тело шестнадцатилетней Маро.

Цветовод молчал. Стасу казалось, что он слышит неистовый ритм его пульса. Лицо Фабиана покрылось мелкими, как песчинки, капельками пота. Его лицо поблескивало под светом потолочных ламп.

— Фабиан, — вздохнул Стас, — помимо этого тела, было обнаружено ещё одно уже в другой оранжерее.

Стасу показалось, что цветовод перестал дышать совсем. Его складчатая старческая кожа лица, сморщившаяся и высохшая от возраста, приобрела бледный зеленовато-землистый оттенок.

Корнилов выложил ещё одну фотографию.

— Тоже достаточно свежая могила, — прокомментировал он снимок, — а это может быть тело пропавшей без вести Зебо Мухаммадиевой. Корнилов вздохнул и покачал головой:

— Ей было восемнадцать и, если верить данным, родители как раз собирались выдать её замуж.

Фабиан оторвал взгляд от жутких снимков. Его лицо стало дряблым, а глаза потускнели. На лице цветовода отражалась растерянность и печальная обреченность.

— Я не... Я не... не знаю... — в перерыве между судорожными вздохами выдавил он. — Я не знаю!.. Не знаю... Я... Это не я!.. не я!..

— А кто тогда? — тихо спросил Стас.

Фабиан моргнул, непонимающе глядя на майора.

— Что насчёт Захара? — поинтересовался Корнилов.

— Он... я его... я его знаю... — покачал головой Фабиан, слова давались ему с трудом. — Он бы... Да нет... Невозможно!..

— Невозможно? — переспросил Стас и, вздохнув, достал третью фотографию.

Это был старый снимок конца девяностых. Снимок осужденного с порядковым номером в руках. Фото в профиль и анфас.

— Что это?! — прошептал сраженный Фабиан. — Это что... Это Захар?!

— Да, — кивнул Стас. — Осужден за убийство двух девочек-подростков, и отсидел за это восемь лет.

— Почему же его так скоро выпустили?!

— Его никто не выпускал, — ответил Стас. — Это был побег. Ваш Захар на самом деле Николай Ковальчук, уроженец Молдовы. После побега вернулся на свою историческую

родину, но и там отметился похожими преступлениями. Приехал в Россию под вымышленным именем. Кстати, его мать давно умерла, поэтому, когда он вам говорил, что ездил проведать её... Неизвестно, где он был и чем занимался.

Фабиан после всего услышанного выглядел жалко.

— Я не убивал этих девочек, — глаза его слезились. — Да я...

Он со смешным щелчком сглотнул, его заостренный кадык подскочил.

— Да, я из... Я изнасиловал... изнасиловал ту девочку!.. Она... да! Да, я это сделал! Не я же... Я же не убивал!.. Я просто выгнал её... Я сказал Захару, и он...

Фабиан резко замолчал.

— Что вы ему сказали? — вкрадчиво спросил Стас.

— Отвезти её и оставить... где-нибудь под Москвой, — Фабиан пожал плечами, — но я не говорил...

— Значит, Захар решил, что раз эта девушка вас не интересуется, то он может делать с ней всё что угодно, — заключил Стас.

Фабиан смотрел на майора и совершенно не мог говорить. Он забыл все слова и утратил способность издавать даже простые звуки.

— Получается, что... — снова сглотнув, медленно произнёс Арманд, — что Захар и есть... Романтик? Захар — Романтик?! Корнилов несколько секунд изучающе разглядывал Арманда.

— У Романтика есть стиль, — рассудительно ответил Стас. — А ваш Захар — обыкновенный «мясник». Хотя у него может быть раздвоение личности. Может быть ему нравится одних убивать грубо, а убийство других обставлять с идеей и намеком на эстетику.

Стас, правда, не был уверен ни в том, что Захар не Романтик, ни в обратном. Тем более, что Захар, а точнее Николай Ковальчук, до сих пор открывал рот только, чтобы произнести фразу: «Я хочу видеть своего адвоката!»

— Я не знал... — ошарашенно прошептал Арманд. — Я даже не мог представить...

— Я вам верю, — кивнул Стас. — А вот судья и гособвинитель поверят вряд ли.

Корнилов с показным сожалением цокнул языком. Фабиан таращился на него.

— Вы же обещали мне помочь!

— Тогда мне ещё не было известно ни об изнасиловании, ни о телах в ваших розариях, — заметил Стас.

Арманд молча, часто дыша, смотрел на него. Он силился увидеть в лице Стаса хотя бы намек на собственное спасение.

— Фабиан, вас могут признать невменяемым. Отчасти.

Стас критично скривился.

— Но, боюсь, для замены тюремного срока на принудительное лечение этого будет мало. Тем более, что на деле вы вполне адекватный и здравомыслящий человек. Вам пришьют соучастие в убийствах вашего Захара.

Фабиан продолжал таращиться на Стаса.

— Но всё равно у вас остаётся шанс избежать тюрьмы строгого режима.

— Как? — голос Арманда прозвучал с сиплым присвистом, и он прокашлялся.

Стас не спешил, у него была идея, и важно, чтобы Фабиан согласился.

— Вы можете мне помочь поймать Романтика, Фабиан.

— Я?! — старик как-то странно икнул и вздрогнул всем телом. — Я не знаю... Я же тут... Как я...

— Ваши цветы могут помочь, — ответил Стас.

— Мои цветы? — осторожно переспросил Фабиан.

— Вам в ближайшие пять-семь лет, увы, они точно не понадобятся.

Веки Арманда опустились, а взгляд стал сонным и удрученным, лишенным интереса и надежды.

— Зато представьте, что будут говорить люди, когда узнают, что цветы Фабиана Арманда помогли поймать Романтика, — проговорил Стас слегка мечтательным тоном.

Арманд отвёл взгляд.

— А вы можете пообещать, что общество узнает о том, что это были мои цветы?

Стас кивнул.

— Я приложу все усилия.

Арманд пожевала губу и скупно кивнул:

— Я согласен.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Понедельник, 16 июня.

Я стояла перед дверью квартиры и пыталась заставить себя позвонить в дверной звонок. Я слышала доносившиеся из-за двери звуки музыки, смеха и восторженные крики. Там собрались мои, Олины и Леркины друзья. Все собрались в квартире Сливки на её именины. И я тоже сейчас должна была быть там, вместе с ними. Я должна была вместе с ними отрываться и веселиться. Со всеми разделять всеобщий хаос безшабашной тусовки.

И от того, что я была лишена этого, в груди тяжелела гнетущая тоска и сосущее болезненное чувство обиды. Я не обижалась на Олю, нет. И на Леру тоже. Я их понимала, и их реакцию тоже.

Я обижалась... просто на обстоятельства. Мне было до крайности невыносимо горько, что я не могла сейчас быть там со всеми. Особенно учитывая то, что мы втроем с Олей и Лерой за два месяца до этого дня обсуждали, как всё будет проходить.

Я поднесла руку к звонку и застыла в нерешительности, но потом, пересилив себя, коснулась кнопки звонка.

— И теперь я не знаю, что будет! Понимаешь?! — причитала Лера, поднимаясь по лестнице. — Из-за этой дуры белобрысой меня могут на всю страну выставить голой шалавой! Особенно маме моей будет приятно! И, главное, я же её просила: «Не надо, не лезь!»

— Да она, вообще, всегда считает, что может встравать, куда хочет, — неприязненно бубнила Оля. — Кем она себя возомнила?! До всего ей дело есть...

— Ой, да просто выпендривается! — презрительно бросила Лера. — Теперь из-за её дебилизма я, вообще, боюсь в свой инстаграм заходить или в Твиттер. Каждый раз опасаясь, что мне там напишут какие-нибудь гадости или пришлют мои фотки...

— Небось, если бы Ника сама так попала, вообще, бы никому не сказала, — проговорила Оля.

Они встали возле её двери.

— Да, хорошо было бы, чтобы она почувствовала на своей шкуре, как это, — с неожиданной злой мстительностью проговорила Лерка. — Но эта принцесса слишком правильная, чтобы себе такое позволить!

— И поэтому ставит себя выше других, — поддакнула Оля.

Она открыла свою квартиру, и они вошли внутрь.

— Спасибо, что ты ей запретила приходить, Оль, — сказала Лера, снимая кеды. — Я бы ей глаза выщарапала, если бы она припёрлась!

— Ну, Лер... я ж твоя подруга, — пожала плечами Оля. — Я же понимаю...

Воспоминание растворилось, сникло, испарилось. Быстро и неожиданно, как и всегда. А я осталась стоять неподвижно перед дверью, держа в руках купленный подарок. В моей голове эхом звучали слова Леры и Оли. Мне показалось, что мне под сердце, куда-то очень глубоко, чтобы было как можно больнее, с силой вогнали лезвие ножа и несколько раз с остервенением повернули.

Я вздрогнула и всхлипнула, безвольно отступила на шаг от двери. Затем ещё на шаг, запнулась одной ногой за другую и пошатнулась. Снова влажно всхлипнула и закрыла глаза. Я с трудом проглотила болезненную обиду. В коленях растекалась вязкая слабость. У меня опустились и задрожали плечи. Горло словно сдавило тугой, жесткой петлёй. Удручающее, саднящее и прогорклое чувство разрослось во мне. Оно походило на безлистное, сухое дерево с кривыми колючими и крючковатыми ветками. Его ветки напоминали узловатые руки с загнутыми длинными когтями. И эти многочисленные руки-ветки дерево горестной обиды запустило в мое тело, сжало живот и легкие, сдавило сознание, поразило душу и обвило сердце.

Я закрыла глаза, под веками дрожали хаотичные слабые огни. Я почувствовала, как щиплет и слегка печет глаза, и вспомнила слова Леры: «Спасибо, что ты ей запретила приходить, Оль».

Я открыла глаза и несколько секунд смотрела на дверь, оттуда доносился чей-то залихватистый смех. Я осторожно повесила пакет с подарком на дверь, но затем передумала и сняла его. Потоптавшись и подумав, я направилась вниз по лестнице. Мои одинокие шаги шепчущим эхом звучали в стенах тихого подъезда.

Я вышла на улицу. Погода сегодня была просто чудесной, она вселяла покой и умиротворение. И от этого мне было ещё горше. Я присела на скамейку возле пустой детской площадки и посмотрела на бредущего вдоль бордюра голубя. Затем я перевела взгляд на украдкой пробегающую вдоль дома бездомную собаку.

Знаете, что между ними и мной сейчас есть общего? Они тоже никому не нужны, и от них тоже все отвернулись. Интересно, они-то в чем провинились?

Я невесело улыбнулась своим дурацким мыслям. Подняла взгляд на небо, солнце коснулось моего лица. Его прикосновение казалось ласковым утешающим жестом. Я поняла, что опять плачу. В который раз уже за последние несколько дней.

— Почему ты плачешь? — раздался чей то тонкий робкий голосок.

Я опустила взгляд. Возле меня стояла малышка лет пяти-шести в голубом платье и белых босоножках. Со своими пышными каштановыми волосами, завязанными в два хвостика, она производила умиленное впечатление. Я приветливо, но устало улыбнулась ей и быстро смахнула слёзы.

— Просто... день не задался.

— Тебя кто-то обидел? — спросил ребенок, глядя на меня большими, искренними светло-лазурными глазками.

— Немножко, — ответила я и снова грустно улыбнулась.

Девочка повернулась и направилась к своей матери. Я опустила взгляд, отвернулась. Мерзкое чувство обиды всё еще болезненно скребло когтями душу.

Я услышала быстрые шажки и оглянулась. Крошка в голубом платье снова стояла

передо мной.

— Держи, — она протянула мне конфетку в яркой обёртке.

— О-о... — улыбнулась я. — Спасибо... Спасибо большое!

Я взяла у нее конфету, подумав, развернула и откусила кусочек. Девочка, пряча руки за спиной, с интригующим видом смотрела на меня.

— Вкусно? — спросила она.

— Очень, — кивнула я признательно и довольно улыбнулась.

Конфетка была с ореховой нугой и с какой-то ещё вязкой начинкой.

— А почему ты не просишь ещё одну? — с наивной непосредственностью спросила девочка в голубом платье.

— М-м... — я слегка растерялась.

— Мама говорит, — сказала девочка, — что если человек попросит, нужно обязательно дать ему ещё конфетку.

— Ладно, — я неуверенно усмехнулась и пожала плечами. — Можно мне ещё одну?

— Держи! — она с готовностью протянула мне ещё одну сладость.

— Спасибо, — снова поблагодарила она.

— А что у тебя в этом красивом пакетике? — вдруг спросила девочка.

Я посмотрела на пакет с подарком для Оли, потом на малышку.

Оля Сливко с первого класса коллекционирует и собирает разного рода куколок. У неё дома целая экспозиция кукол из разных стран, разного вида и в самой разной одежке.

— Сейчас покажу, — сказала я с доброй хитрецей.

Я вынула из пакета упаковку с тремя маленькими коллекционными куклами. Эти куколочки — творение голландских мастеров. Каждая кукла ручной работы!

Я полгода копила Ольке на подарок, у неё таких куколок ещё не было.

— Вау! — воскликнула девчушка в голубом платье. — Какие красивые!

Она восторженно, с неподдельным любопытством разглядывала игрушки.

— Они совсем как настоящие девочки! — пропищала малышка и восхищенно улыбнулась.

Я счастливо наблюдала за её улыбающейся мордашкой — такая смешная и милая. Сама похожа на куколочку из упаковки, которую держала.

— А ты себе их купила? — спросила меня девчушка.

— Я?... Нет, я... я кое-кому другому... — вздохнула я.

— Повезло ему, — с неприкрытой завистью и грустью проговорила девчушка.

Она осторожно положила упаковку обратно на скамейку.

— Ирина!

Светло-русая женщина в чёрном кардигане позвала дочку.

— Ой, мне пора, — сказала Ирка и направилась к своей маме.

Я посмотрела ей вслед, затем на лежащую рядом коробку с куклами. Взяв упаковку в руки, я размышляла только мгновение.

— Ира! — позвала я.

Девочка остановилась на полпути и обернулась. Удивленно взглянула на меня своими небесно-голубыми глазками. Я подошла к ней, присела возле неё, тепло и ласково улыбнулась.

— Держи, — я протянула ей коробку с голландскими куколочками.

Ира посмотрела на упаковку, а затем на меня.

— Спасибо... — пролепетала она удивленно. — Но ты же собиралась подарить это кое-кому...

Я покачала головой.

— Возможно, этот кое-кто — ты, — сказала я ей.

Ирка несколько секунд рассматривала меня растерянными, неверящими глазами. А потом вдруг подалась вперед и крепко, с радостной благодарностью, обхватила меня своими тонкими ручками.

— Ой, ну что ты... — смутилась я и несмело, легонько похлопала её по спинке.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — твердила малышка, крепко, с чувством, обнимая меня за шею.

— Не за что, Ира, — ответила я искренне.

Девчушка взяла подарок и, едва ли не прыгая от радости, помчалась к матери.

— Мама! Смотри! Смотри, какие красивые! — она плясала вокруг своей матери.

Русоволосая женщина выглядела смущенной и растерянной. Она в смятении взглянула на меня.

— Вы это серьезно? — слегка шокировано проговорила она.

— Да, — кивнула я и ещё раз по-доброму улыбнулась. — Хорошего дня вам!

— Спасибо...

— Спасибо! — снова пропищала радостная Ирка.

— Тише ты... — сказала ей мать. — Дай хоть посмотреть...

— Осторожнее мам.

Они не спеша двинулись вдоль дома по тротуару мимо клумб. Я посмотрела им вслед. Меня переполняла странная, возносящая легкость. Сердце млело от блаженного и приятного чувства. Это ощущение было сродни тому, когда после острой боли, буйствовавшей в ране, наступает благодатное, желанное облегчение.

Я подняла взгляд к небу, солнце снова коснулось моего лица. Солнце словно похвалило меня, погладив тёплой, греющей ладонью. Я была счастлива и не могла этого скрыть. Может быть кто-то меня осудит, что подарок, который предназначался Оле, я отдала незнакомой девочке, но мне просто показалось, что ей он нужнее.

РОМАНТИК

Вторник, 17 июня.

Капли воды рассеивались в воздухе и серебрящейся воздушной пылью плавно оседали на цветы. Листья цветов слегка вздрагивали, когда на них садились невесомые, миниатюрные капельки воды.

Он шел вдоль рядов растений и заботливо опрыскивал их листья. Если воды попадало слишком много, он старательно, с нежностью родителя, осторожно протирал каждый листочек.

Закончив поливку цветов, он сел за письменный стол и включил ноутбук.

Ему не терпелось увидеть новости, он жаждал прочитать про себя. Его истощала жажда узнать о себе в новостях, увидеть, как его обсуждают, как его боятся, как его ругают и ненавидят! Однако первая же новость, которую он увидел в интернете, поразила его и вывела из состояния равновесия.

АРЕСТ ОДНОГО ИЗ ВИДНЕЙШИХ ЦВЕТОВОДОВ РОССИИ.

РОЗЫ АРМАНДА В ОДНОЙ ВЫСТАВКЕ! ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПОЗИЦИЯ!

Хорошевское шоссе. Только неделя, чтобы успеть насладиться редчайшими розами! Не

упустите свой уникальный шанс!

Ежедневно с 9:00 до 23:00. Спешите!

Он несколько раз прочитал это сообщение и замер на стуле. С жадностью сглотнул, его глаза с лихорадочным голодом впились в сообщение. Зрачки бегали по строкам. Он представил это. Представил сотни, тысячи роз. В одном месте! Все они, все цветы Арманда на единой выставке!

— Потрясающе!.. — прошептал он и облизнул губы. — Потрясающе!.. Это будет потрясающе.

Он уже мечтал и предвкушал, он представлял, какой шедевр можно преподнести для такого случая! От нахлынувшего возбуждения его слегка затрясло. У него дрожали плечи, руки и спина. Он нетерпеливо кусал и облизывал губы, а потом, вцепившись руками в волосы, ретиво подхватился со стула.

Романтик беспорядочно заметался по комнате, он спотыкался о предметы на полу, но не обращал на них почти никакого внимания. Все его мысли были подчинены только будущей экспозиции цветов Фабиана Арманда. Он перебирал в голове варианты новых шедевров. У него уже было несколько намеченных заготовок, и он может использовать любую из них! Нет! Нет!...

Он остановился, зажмурился, сцепив зубы.

— Нет! — визгливо простонал он. — Нет! Тут нужно что-то особенное! Выдающееся! Феерическое!

Он открыл глаза и застыл, глядя в одну точку. Его рот медленно растянулся в довольной улыбке.

— Нет... — он покачал головой и оглянулся на растущие в его доме цветы. — Здесь нужен не шедевр... Здесь нужна галерея! Галерея шедевров! Это будет достойно цветов Арманда! Это будет великолепно! Это будет... потрясающе!

Желание поскорее воплотить всё, что сейчас виделось в мечтах, было таким сильным и неудержимым, что пришлось силой взять себя в руки.

— Нет, — проблеял он. — Нет... я не... я не поддамся... Я сделаю всё, как надо... Как надо! Как надо! Да! Да! Как надо! Я не буду спешить... Я не буду...

Тут его неожиданно пронзила новая мысль. И она была не мечтательной, а шокирующей. Он медленно обернулся и с подозрительным лицом неспешно приблизился к компьютеру, встал перед ноутбуком. Он смотрел на увиденное объявление уже другим взглядом. Арест одного из виднейших цветоводов... Он глупо моргнул и, сдвинув брови, наморщил лоб.

— Что-то не так... — пробормотал он недовольно.

За что арестовали Арманда? Почему они проводят выставку его цветов?! Почему дают так мало времени? Всего-то неделю...

Ответ лежал на поверхности.

— Они подумали, что он... это я... — проговорил Романтик.

Он захихикал, противно, мерзко и коварно. Его смех становился громче, звучнее и выразительнее.

— Они арестовали его, потому что решили, будто этот жалкий старик — я! — он рассмеялся.

Его хохот был безудержным и безумным. Он смеялся, пока у него не начал болеть живот.

— Глупые, бездарные ничтожества... — ощерившись, проговорил он в монитор — Вы решили, что он... это я... А потом вы подумали и решили... решили использовать его цветы, чтобы поймать меня настоящего... выманить, обвести вокруг пальца...

Он внезапно оскалился, сцепив зубы, и ударил кулаком по столу.

— Вы держите меня за дурака?! Да?! За дурака?! Я вам покажу! Я вам всем покажу!

Он зарычал и бросился к своим цветам. В приступе безумной злобы он набросился на тех, кого растил с миниатюрных семян. Он рвал и выдергивал их, бросал на пол, с криком топтал, мял и с ожесточением растирал каблуками ботинок.

— Ничтожества! Ничтожества! — цедил он через зубы. — Бесплезные, глупые ничтожества! Вы все! Все! Слышите?! Вы все ничтожества! Ничтожества! Скот! Мрази Человеческие помои!..

Он обессиленный упал на колени, встал на четвереньки. Тяжело дыша, склонился над полом и опустил на локти, свесив голову. Закрыв глаза, он с дрожью часто, судорожно дышал перекошенным от злобы ртом сквозь судорожно сомкнутые зубы. Он чувствовал опаляющий и иссушающий жар внутри. Эта жажда его обжигала и отравляла. Жажда доказать! Жажда превознести!.. Жажда отомстить...

Они хотели его заманить в ловушку. Его — творца гениальных шедевров, значимость которых эти бесполезные тупицы не в состоянии осознать!

Он выпрямился и медленно встал. Окинул взглядом пол и растоптанные им цветы.

Мечь!.. Он отомстит за это! Он отомстит за унижение, которому его хотели подвергнуть!

И теперь он даст им не один шедевр. Они предложили ему экспозицию для действия, а он предложит им экспозицию для восхищения!

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Среда, 18 июня.

— Девушка, мне долго ещё свой хот-дог ждать?!

— Извините, а мой кофе вы что прямо из Бразилии везёте?!

— Мне не нравится эта картошка, и соус какой-то подозрительный...

— Что это вообще ***ть такое?!

— Ты после работы свободна? Может, прокатимся?

— Посоветуйте, пожалуйста, что-то нежирное, но вкусное.

— А этот стейк из свежего мяса? А какие овощи входят в этот салат?.. Что вы смотрите?

Вы не знаете состав ваших блюд? Позовите вашего менеджера!

— Счёт, пожалуйста!

И всё это вышеперечисленное только малая доля того, что я услышала за сегодняшний день. Помимо этого, я узнала, что в нашем городе есть нудные и дотошные, противные, склочные, наглые и откровенно неприятные люди.

Причем эти люди, создавалось такое ощущение, специально приходят в кафе и закусочные, чтобы там унижать официантов. Так они, видимо, самоутверждаются. Ну или точнее пытаются самоутвердиться.

Я обслужила сегодня больше сорока семи посетителей... после сорок восьмого я перестала считать и быстро сбилась. Я выслушала тонну негативных реплик, проклятий и гадких пожеланий в свой адрес, в адрес поваров и всего заведения. Я успела один раз облить человека горячим кофе, и за это меня чуть не убили, совершенно игнорируя тот факт, что я стояла на месте, а в меня по-идиотски врезались. В меня швырнули тарелкой, когда решили,

что мясо в блюде недостаточно прожарено. А одна тётка в дурацком зеленом платье решила, что я её обсчитала. И на целый час разразилась долгим скандалом. При этом она так вошла в раж, что даже, когда ей все вокруг доказывали, что она ошиблась, продолжала верещать и проклинать всех нас, угрожая физической и моральной расправой.

Я стала свидетелем того, что один человек может съесть две тарелки куриного супа, проглотить две порции свиных рёбрышек, закусить это всё тремя бутербродами с икрой и... остаться в живых!!!

Далее в моей памяти идёт молодой человек, который три часа просидел, что-то сосредоточенно печатая в своё макбуке. Я как раз проходила рядом с подносом полным медовых желе, когда этот тип, издав дикий обезьяний ор, швырнул свой макбук об пол, а потом принялся истерично топтать ногами свой гаджет, выкрикивая жуткие, грязные ругательства и склоняя уже знакомые мне слова русского мата так, что я в который раз удивилась богатству и изощренности русского языка.

Истеричку мужского пола многие снимали на телефон. Пока он топтал несчастный ноут, лицо его покраснело, а слюна забрызгала рубашку и галстук. Волосы взерошились, и очки съехали на бок. Выглядел парень так жутко, что впору было звать экзорцистов.

А я была так впечатлена, что отнесла заказ не к тому столу, и люди там всё съели, но платить отказались, мотивируя это тем, что они приняли эти желейки за подарок от шеф-повара.

Стоимость блюд изъяли из моих чаевых и оплаты. То есть я уже теперь сама должна заведению тысяча двести семьдесят пять рублей. Нормально начала, ничего не скажешь!

Наконец часы пробили девять. Ресторанчик, в котором я теперь отбываю наказание, опустел. Официанты начали разбредаться домой, а уборщики вооружились швабрами и моющими средствами. Я убрала последний стол, вытерла пятна от чая и пива, смахнула крошки от печенья и отдраила засохшее пятнышко кетчупа. После этого я переделалась из униформы в обычную одежду.

— На сегодня всё, — сказала я, кладя свой зелёный фартук и жилетку в металлический шкафчик. — Добби свободен.

Я вышла из кафе, оглянулась по сторонам. Улицы наполнял густой вечерний сумрак. Небо над крышами домов стремительно темнело, таяли остатки дневного света. Зажглись городские огни и фары автомобилей.

На остановке я села в маршрутку и, заняв место у окна, достала наушники. До родного Строгино мне около часа ехать, не меньше. Я включила музыку, в динамиках наушников зазвучал успокаивающий, жизнерадостный голос Эда Ширана. Я уставилась в окно, закрыла глаза. Только сейчас, сидя в наполовину полной маршрутке, я осознала, насколько я сегодня устала. Голова шла кругом, и меня ощутимо клонило в сон.

Я пропустила тот момент, когда музыку в наушниках сменили другие звуки.

Это был короткий, тихий всплеск воды... Я открыла глаза, затаила дыхание. Пульсация крови в венах нервными толчками отзывалась во всем теле. Внутри меня появилось промёрзлое ощущение чего-то неосязаемого, пугающего и мрачного.

Шум плещущей воды... Я медленно сняла наушники и отстранилась от окна. Затем обвела взглядом маршрутку, остальные пассажиры смотрели в разные точки. У всех на лицах читалась усталость. У кого-то грустная, у кого-то угрюмая, у некоторых мечтательная. Все были поглощены своими мыслями.

Я услышала в ушах шаги и голос, который что-то мычал. Я поняла, что это мотив какой-

то песни, и она была мне незнакома. Затем раздался металлический скрип, тихий лязг и шелест. Он прозвучал ещё раз, потом снова. Он повторялся раз за разом. Мычание неизвестной песни не прекращалось.

В салоне маршрутки погас свет. Но я не услышала реакцию пассажиров. Мы ехали дальше, как ни в чем не бывало.

От проезжающих мимо автомобилей по салону ползли линии света.

Свет внезапно зажегся снова. Я застыла, замерла, перестала моргать и дышать. Страх упругой волной хлестнул по лицу и телу. И тут же рывком участилось мое дыхание, с безумным ритмом застучало сердце.

Я сидела в просторной комнате. Слабо, тускло горел мрачный желтый свет. Он освещал старые, ободранные стены с пожелтевшими обоями. Мерклые блики света отражались в высоких зеркалах у стен. Полумрак был пропитан плотным и стойким запахом, точнее разными запахами, десятками противоборствующих ароматов. От них кружилась голова.

Я снова услышала звонкий всплеск, он отозвался дрожью, взбежавшей по моим позвонкам. Я обернулась и увидела его. Меня сковал судорожный ужас, моё тело онемело. Я узнала его, узнала этот силуэт. Тот самый, что я видела в первый раз тогда, когда мылась в душе. Сейчас он стоял над белой ванной. Вода слегка переливалась через края, с влажным плеском капала на старый, битый кафельный пол.

Я увидела, как силуэт Романтика склонился над ванной, опустил руки в воду. Через пару секунд он медленно выпрямился, я увидела, как он вынимает из воды обнаженную девушку. Я мгновенно узнала Яну Долгобродову с её мягкими и пышными рыжими волосами. Чёрный силуэт Романтика повернулся прочь и неспешными шагами пошел куда-то в глубь своей квартиры.

Воспоминание вздрогнуло и исказилось, точно поверхность воды, в которую швырнули камень. Видение растаяло, я снова еду в маршрутке. Меня трясет, в теле прыгучим ритмом бьется пульс. Мне холодно, холод жжет пальцы рук, целует шею и лижет щеки. В маршрутке было всё ещё темно. Я пригляделась к полумраку и увидела, что пассажиров больше нет. По темному салону автобуса скользили лучи света уличных фонарей. После очередного луча я увидела внезапно возникшие из полумрака человеческие силуэты. Они безмолвно и неподвижно сидели на своих местах.

Новая полоса света пересекла салон маршрутки. Зажегся свет в салоне, и я отчетливо увидела их. На сиденьях маршрутки вместе со мной ехали женщины.

Все они сидели с распущенными волосами, склонив головы. Мокрые волосы закрывали их лица. Я медленно, опасливо огляделась. Кроме меня и их в салоне маршрутки больше не было никого.

Одна из женщин сидела прямо напротив меня. На ней было выцветшее платье с пёстрым узором. Руки она держала на коленях, её тело чуть покачивалось из стороны в сторону.

Я выжидающе, украдкой поглядывала по сторонам. Я не знала, что им нужно, я не представляла, чего они хотят. Я только знала, что просто так они не приходят. Я перевела взгляд на женщину в цветастом платье и чуть встревоженно нахмурилась, рассматривая её. Женщина не была похожа ни на одну известную мне жертву Романтика. Я посмотрела на другую женщину, что сидела через проход справа от меня. Она была в джинсовых шортах и цветной блузке. Я чуть наклонила голову, пытаясь разглядеть её лицо под распущенными волосами.

Я нервно сглотнула, но не ощущала страха или ужаса, глядя на этих женщин. Скорее, напряжение от неясности. Я понимала, что они... что их здесь нет, их уже нет. Романтик забрал их, отнял их жизни, вырвал души из их тел. Но зачем они здесь? Зачем явились?

Я обвела взглядом салон маршрутки. Я насчитала восемь женщин и девушек, восемь безжизненных неподвижных тел. Я снова тяжело сглотнула и на мгновение прикрыла глаза. В груди почувствовалась тянущая, выкручивающая тяжесть. Сознание прожигала настойчивая очевидная и мрачная догадка.

Значит, он начал не сейчас, значит Богуслава Мартынова не была первой жертвой. Значит... Господи!.. Он начал убивать намного раньше! Он начал собирать свои розы не здесь, не в этот раз, не в эти месяцы и, возможно, даже не в этой стране! Он начал раньше...

Свет в салоне маршрутки несколько раз моргнул, я обратила внимание, что свет от фар встречных автомобилей и фонарей перестал рассекать салон маршрутки. Я перевела опасливый взгляд в окно, оттуда смотрела густая тьма ночи, и не было видно ни одного источника света. Как будто весь город в одночасье погасил все огни и добровольно погрузился в ночной мрак. Или же Маршрутка внезапно замедлила ход, начала останавливаться и наконец замерла, чуть скрипнув. Пару секунд ничего не происходило. Я сидела, не смея пошевелиться, не смея громко дышать и жалея, что слишком громко стучит моё сердце. Открылись двери маршрутки, я вздрогнула всем телом. В тот же миг все женщины в маршрутке встали. Я в ужасе забралась на сиденье с ногами и поджала колени. Меня внутри всю скручивало от накатывающего лихорадочного чувства проникновенного кошмара. Мое дыхание звучало прерывистыми, шепчущими выдохами.

Женщины одна за другой неспешными шагами вышли из маршрутки и выстроились перед ней шеренгой. Они стояли спиной ко мне. Я несколько раз моргнула. Они ждут?.. Ждут меня?!

Сердце забило сильнее, в горле сохло и першило. Холодели кисти рук и кожа на спине. Я вздохнула, собираясь с духом, и встала. Я бросила взгляд на кабину водителя, за рулем никого не было. Я перевела взгляд на женщин, стоявших подле маршрутки. Они ждали. Я подошла к ступеням выхода, осторожно спустилась на ватных, ослабевших ногах. Мои подошвы коснулись асфальта. Лицо тут же погладил влажный ночной воздух. Я услышала шелест листьев.

Ночь была необыкновенно темной и беспросветной, но свет фар маршрутки внезапно погас. Я порывисто обернулась, автобус исчез. На его месте ветер играл пылью. Я перевела взгляд на женщин с опущенными волосами. Они бесшумно и все так же молча вереницей уходили в глубь ночи.

Я, пересилив себя, пошла за ними. Я ступала по мягкой траве за спиной у последней девушки. У нее были золотисто-рыжие волосы. Диана Егорова... последняя жертва Романтика.

Мы шли мимо каких-то валунов. В густой темноте мне было трудно разглядеть, что это такое, но когда глаза привыкли к темноте, я различила металлические ограды, высокие плиты и темнеющие в полумраке ночи кресты. Кладбище!.. Они привели меня на кладбище!

Я застыла, пораженная осознанием этого факта. Меня с новой силой охватил ужас. Захотелось развернуться и бежать, бежать подальше от этой тьмы, от обступающего меня мрака! Хотелось к свету...

Ветер внезапно усилился и стал холоднее, и в нём почувствовался запах травы. А с неба проступили серебристо-белые, ясные лучи света. Я подняла голову, ветер вскинул пряди

моих волос. Надо мной в ночном небе расползались облака. Они, нехотя повинувшись, уступали место свету звёзд и ярко-горящей половинке луны. На моих глазах ночное небо словно начало выцветать, подобно ткани на солнце. И наконец из чернильно-чёрного небо стало тёмно-синим, бездонно синим с лазурными разводами.

Это дивное явление поразило, взбудоражило и захватило меня! Я опустила рассеянный взгляд. Ясный и лучистый, серебристо-белый свет луны и звёзд освещал мне широкую тропу. Этот свет был предназначен для меня.

Освещаемая тропа упиралась в раскидистый, огромный куст вдалеке. Вокруг него полукругом встали все те женщины. Они замерли там неподвижными статуями. Они ждали. Опять они ждали меня — моего решения.

Я решилась... Ступая по мягкой траве, я медленными и настороженными шагами направилась к кусту. Он рос и становился больше по мере моего приближения. Порывы ветра толкали меня в спину. Я уже замечала на ветках куста расцветшие бутоны роз. Они не казались мне красивыми, потому что их цвет напоминал прежде всего кровь.

Мне показалось, ветки с розами начали качаться сильнее, когда я подошла. Мне показалось, они не рады меня видеть. Они не хотят, чтобы я была здесь. Они злятся, розы злятся, в них буквально кипит гнев. И он злится... Романтик... Убийца... Я чувствую, ощущаю его нарастающую злость почти тактильно.

Я подошла к раскидистому кустарнику, встала перед ним, затем искоса взглянула на женщин с распущенными волосами, закрывающими лица. Они всё так же стояли молчаливыми статуями. Ждали. Я вздохнула и приблизилась к могильной плите под кустарником. Там значилось, что некто Мария Хазина родилась девятнадцатого, ноль пятого, тысяча девятьсот восемьдесят второго. А умерла двенадцатого июня две тысячи третьего года, в двадцать один год. Я непонимающе покачала головой. Мария Хазина...

Стас, кажется, что-то говорил, что он, Романтик, выбирает жертв, у которых матери родились именно в эту дату. Я по очереди посмотрела на безмолвных жертв Романтика, которые все также неподвижно стояли полукругом.

— Кто это такая? — спросила я дрогнувшим голосом. — Она мать кого-то из вас?

Я не ждала, что они ответят. Растерянность и волнение усиливались, возрастали. Я не понимала, чего они от меня хотят?! Зачем воспоминания этих женщин привели меня на кладбище посреди ночи?! К могиле какой-то Марии Хазиной! Что я должна понять?!

И тут меня осенило... Я подняла взгляд на раскидистый кустарник. Его листва зашелестела от порывов ветра. Шелест листвы напоминал злобное шипение.

Мария Хазина, подумала я, мать... Его мать. Мать Романтика.

Едва эта мысль осела в моей голове, как резкий, злобный порыв ветра набросился на куст роз. Я отвернулась и сжалась, закрываясь от налетевшего мощного дуновения внезапно расвирепевшего ветра. Ураганный ветер прижал траву к земле и сорвал с куста роз десятки листьев. Они закружились в стремительно вращающемся вихре, который ринулся на стоящих возле меня женщин. Вихрь ветра и сорванных листьев словно смыл или стёр призрачные воспоминание, явившиеся в виде безликих женщин. Вихрь как будто бы вобрал их в себя и поглотил. Он несколько мгновений неистово вился вокруг могилы Марии Хазиной.

Я, по-прежнему жмурясь, прикрывалась руками. Неожиданно в усиливающемся ураганном вихре я различила голоса. Точнее один голос — злой, яростный, взбешенный. Видение ворвалось в мое сознание с ослепляющей вспышкой. В спину словно что-то резко, с силой, ударило.

Мои легкие выдавили воздух, и я увидела...

Я увидела всё те же старые, обглоданные временем стены его квартиры. Все тот же тусклый серо-желтый свет с полумраком. Я увидела его силуэт, в неистовстве мечущийся по квартире. Он в порыве злого безумства рвал цветы, рвал розы и кромсал, резал и давил их. Я видела, какая бесконечная злость одолевала его, и фактически могла осязать её.

Видение резко сменилось. Как всегда. Длинный коридор, сине-белые стены. Я прохожу мимо закрытого электрощитка и ящика с огнетушителем, подхожу к светлой двери с белой табличкой и отчетливо вижу номер квартиры: двести восемьдесят четыре. Я достаю ключи и открываю дверь квартиры. Я захожу внутрь, тихо закрываю за собой дверь и ставлю на пол две больших сумки.

Я оглядываюсь, в квартире темно, сейчас царит поздняя ночь. Я крадусь в полумраке и захожу в комнату.

Это спальня. Я подхожу к широкой двуспальной кровати. Несколько мгновений я смотрю на спящую женщину. Я знаю эту женщину... я следила за ней...

Он следил, Романтик. Это его воспоминание. Я в его воспоминании. И я вижу... сейчас увижу, кого он собирается убить на этот раз!

Убийца осторожно, чтобы не разбудить спящую женщину, садится на край кровати. Романтик гладит её по плечу, женщина вздрагивает и просыпается.

— Боря? — сонно пробормотала она.

Убийца молча качает головой, а затем резко наклоняется вперед и зажимает рот женщине. Она начинает сопротивляться, пытается ударить его, но он быстрым и ловким движением вонзает шприц ей куда-то возле шеи. Женщина вздрогнула, судорожно вдохнула и обмякла. Романтик подождал несколько мгновений, поглаживая её по руке, по животу и по груди.

Затем, когда женщина потеряла сознание, он осторожно поднял её и понёс в зал. Он вернулся в коридор, вошел в следующую комнату. Тут спала полная пожилая женщина. Она не успела даже понять, что произошло. Романтик не поднимал её. Вколыв ей такой же укол, он просто, как мешок, выволок её из комнаты и тоже положил в зале. Когда он вышел в коридор, открылась дверь четвертой комнаты.

— Мама?

Меня охватила паническая дрожь, когда я узнала голос этой малышки. Это была та девочка Ирина. Это ей я подарила голландских куколок!

Воспоминание испарилось. Я приподнялась и с недоумением осмотрелась. Я лежала на влажной густой траве, а надо мной возвышался раскидистый куст роз. Сияющий лунный свет пробивался сквозь его листья и ветви. Куст казался чёрным на фоне яркого света луны. Он зашелестел листвой, шумно и агрессивно. Он, словно, прогонял меня, не желая, чтобы я была здесь.

Я, слегка пошатываясь, встала с травы. Меня тошнило и знобило. Это ощущение часто возникало после того, как мой мозг был измучен видениями, но мне некогда приходит в себя.

Я набрала Стаса.

— Да? — через мгновение раздался его голос.

— Стас, — выдохнула я и горько всхлипнула. — Что вы наделали...

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Среда, 18 июня. Поздняя ночь.

Слёзное восклицание Ники и её печальный голос поставили Стаса в тупик и заставили напрячься. Их группа, усиленная нарядами полиции и затаившегося подразделения специального назначения, уже четыре часа ожидала в засаде.

— Ника, ты о чём? — проговорил Стас.

Сидевший вместе с ним в фургоне Николай Домбровский обернулся, но Стас, тут же повелительно щелкнув пальцами, указал ему на мониторы камер наблюдения, чтоб не отвлекался. Тот кивнул и отпил из термочашки кофе.

— Ника? — повторил Стас.

Тревожное чувство шустрым волчком завертелось в его сознание. У Корнилова возникло неприятное ощущение студеного ветра, подувшего в спину.

— Я о вашей дурацкой идее... — Ника явно была очень расстроена. Стас давно не слышал у неё такого голоса, слёзного, сердитого и измотанного. Он снова услышал, как она всхлипнула.

— Ника, где ты сейчас? — спросил он.

— На кладбище, — опять всхлипнув, ответила девушка.

— Что? — Стас не сдержал удивление. — Какого черта ты там забыла посреди ночи?!!

— Я... сюда приехала... не сама, — Лазовская вздохнула в трубку.

Стас понял, о чём она говорила. За время, что Вероника помогает ему, он уже успел ко многому привыкнуть.

— Я приеду за тобой, — решительно заявил он.

— Хорошо, спасибо, — робко поблагодарила девушка, — Но сначала отправь, пожалуйста, людей на Твардовского.

Стас на мгновение затаил дыхание.

— Он... там?

— По крайней мере, он был там.

— Чёрт...

— Вы его разозлили Стас, — с сожалением и грустью произнесла Ника. — Очень разозлили. Прости, но идея была дурацкая.

Стас и сам это уже понял. Он понял, что Романтик не придёт, и даже не собирался приходить. Он давно это понял, но не хотел признавать. Надеялся...

— На каком ты кладбище?

Сидевшие в фургоне офицеры обернулись с недоумением на лицах.

— На Алексеевском, — вздохнув, ответила Ника.

— Не бойся, я постараюсь побыстрее...

— Я не боюсь, — устало ответила Ника. — Я у сторожей, меня тут угостили чаем и вареньем.

Стас усмехнулся.

— Ладно, давай.

— Пока.

Корнилов опустил телефон. Домбровский снова обернулся, вопросительно кивнул.

— Ну, что у неё?

— Сворачиваемся, — приказал Стас. — Две машины отправь на Твардовского. Спецназ держи наготове.

Стас вышел из фургона и быстрым шагом направился к своему внедорожнику, припаркованному на соседней улице.

— А ты куда?!

— На кладбище, — буркнул Стас, — куда же ещё?

Он забрался в автомобиль, завел двигатель, выкатил на дорогу и надавил на газ. Гнать по полупустым улицам было одно удовольствие. Это в центре, даже глубокой ночью, можно умудриться попасть в небольшие пробки. А здесь в это время ежедневная и перманентная проблема с пробками не действует.

До Алексеевского кладбища Корнилов добрался не так скоро, как ему хотелось. Ника вышла ему навстречу из одноэтажного кирпичного домика, стоявшего возле металлических ворот. Девушка помахала ему рукой. Стас усмехнулся, глядя на неё издалека. Её пышные волосы отливали белым, лучистым серебром под светом необычайно яркой луны.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Среда, 18 июня.

Я села в автомобиль к Стасу.

— Привет, — произнёс он. Мы сразу поехали.

— Привет, — я пристегнулась и откинулась на сиденье.

Он посмотрел на меня заботливо и обеспокоенно. Впереди, видимая в свете фар, тянулась пустая дорога, над которой нависали ветки деревьев. Я пересказала Стасу свои видения, в том числе и про маленькую Иру с её мамой.

Услышав про последнее, Стас не сдержал ругательства.

— Ты знаешь точный адрес их проживания?

Я сокрушенно покачала головой.

— Знаю только номер квартиры и то, что они иногда гуляют по улице Твардовского, — я пожалала плечами. — Полагаю, они должны жить где-нибудь неподалёку.

— А эти женщины, которых ты видела... Думаешь, они его жертвы?

Я уверенно кивнула.

— Скорее всего.

Корнилов досадливо скривился. Он, наверное, подумал о том, о чем и я, что Романтик начал не сейчас, не два месяца назад, а достаточно давно.

Во всяком случае, он точно успел убить ещё четверых, прежде чем добрался до Богуславы Мартыновой, официально первой жертвы.

Я увидела, что Стас помрачнел. Пересказ моего видения сильно ухудшил его настроение, а оно у него и так было мрачным из-за провалившейся засады.

— А что ты скажешь своему дяде? — спросил внезапно Стас. — Его не мучают вопросы, почему его племянница шатается по ночам, чёрт знает где?

— А ему сейчас не до меня, — усмехнулась я. — У дядюшки появилась женщина, и ещё он сейчас увяз в делах со своими клиентами. С Воскресенья дома не ночевал.

Я вздохнула.

— А потом ещё опять собирается лететь в Японию.

Корнилов на это хмыкнул.

— И ты всё это время одна...

— Его друзья помогают мне присматривать за мастерской, — я пожалала плечами.

— А ты? — спросил Стас. — Как ты сама? Одна... без дяди... без отца...

Я невесело усмехнулась, покачала головой.

— А что я?

— Ника, извини, что лезу, но... — Стас подобрал слова. — Тебя не смущает отношение

твоего дяди к тебе?

Я внимательно посмотрела на Стаса.

— Когда я сбежала из Польши и оказалась на пороге его дома, он пустил меня к себе. Более того, специально оборудовал для меня помещение, переделал жилой этаж, сделал мне комнату. Дал мне дом и даёт мне карманные деньги. Я пожала плечами и скромно улыбнулась.

— Я живу за его счёт под его крышей, — я пожала плечами. — И я благодарна ему за это. А если ты говоришь об уровне семейственности... Мы семья, Стас. Он — моя семья. Но... он понимает это по-своему.

Я очень старалась, чтобы мой голос не звучал обиженно, грустно или жалобно. Да я и не чувствовала всего этого. Я никогда не требовала от дяди Сигизмунда родственной теплоты и ласки, домашнего уюта и семейственности. Дядя Сигизмунд, как по мне, так просто олицетворяет собой противоположность примерного семьянина. Проще говоря, он для этого не создан. Знаете, как он жил до моего появления? Работа, женщины, выпивка в любимом баре, покер по пятницам и вторникам с друзьями, опять работа, снова женщины и так далее... Я ему и так до крайности благодарна, что ради меня он иногда пытается измениться, иногда пытается быть заботливым родителем, но он никогда мне не заменит отца. Да он и не пытается и, наверное, это к лучшему.

— К тому же, — заметила я, — я даже рада, что он иногда уезжает.

— Что? — удивился Стас. — Почему?

— Потому что родительский и воспитательский долг, большей частью, мой дядя понимает только в осуществлении контроля и пенитенциарных действий в отношении подопечного лица, то есть меня.

Стас усмехнулся, кивнул. Он знал характер моего дяди.

А я сменила тему:

— Слушай, а правда, что у Богуславы, Яны и всех остальных, матери родились в восемьдесят втором? — спросила я настороженно и удивленно.

Корнилов вдруг довольно ухмыльнулся.

— Ты чего? — не поняла я.

— Я знал, что ты рано или поздно задашь мне этот вопрос и именно с такой интонацией, — пояснил он.

— Ну, просто...Кхм, — я прочистила горло. — Их матерям сейчас лет по тридцать шесть, значит... Мать Богуславы родила дочку где-то в двадцать один... Мать Яны, в девятнадцать, а Диану Егорову мама что... в тринадцать родила?!

Мне было тяжело усвоить такие факты. Разумеется, я знаю о том, что нравственность в наше время не ценится и валяется где-то на дне сознания современного общества. Не у всех, конечно, но у многих. То же самое касается воспитания, даже элементарного, но ёлки-палки, зачем бежать кому-то отдаваться в двенадцать лет, а в тринадцать уже... А потом отдавать дочку в детдом! Как будто ребенок виноват в твоей глупости!

— Такое впечатление, — пробормотала я, — Что там, где они живут, вообще делать больше нечего и заняться тоже нечем.

Стас понимающе ухмыльнулся.

Через минут тридцать на горизонте показались знакомые дома улицы Твардовского. Мы заехали во двор возле дома Оли Сливко. Вокруг чернела ночь, свет уличных фонарей и вывесок круглосуточных заведений освещал пустынные, тихие улицы. Стас заглушил

двигатель, я первой выбралась из автомобиля и ринулась на детскую площадку. Под рыжим светом уличных фонарей пустая детская площадка, где я встретила Ирину, выглядела жутковато и безжизненно. В листве растущих во дворе деревьев заворочался, зашуршал ночной ветер. Я перемахнула через забор площадки, не спеша, медленно прошла по ней. Сердце отбивало настойчивый и частый монотонный ритм. Меня подгоняла вновь разросшаяся и разбухшая внутри тревога. Она гнала меня вперёд и требовала, чтобы я мчалась сломя голову, неизвестно куда и неизвестно зачем. Хотелось просто что-то предпринять, что-то сделать, чтобы спасти Ирку и её семью от Романтика! Тревога толкала меня, хлестала мои мысли, пугала страшными предположениями!

Я обошла площадку по кругу. Стас стоял за забором детской площадки и молча ждал. Он знал, что меня нельзя отвлекать и дёргать.

— Ну, давай же... — процедила я отчаянно.

Я покрутилась по сторонам, нашла то место, где я передала маленькой Ире коробку с куклами. Воспоминание накатило уже привычной захлестывающей и утягивающей волной.

Сначала я увидела, как какие-то дети играют в песочнице, затем как ругаются две молодые женщины, потом я стала свидетельницей того, как целая команда бабушек напустилась на мужика, что сидел на детской площадке и пил пиво из горла полулитровой бутылки. Я пережила несколько дней, несколько десятков воспоминаний и вот наткнулась на воспоминание Ирки. Мне удалось увидеть, где они живут.

Видение исчезло не сразу. Я увидела ещё несколько эпизодов из чужой жизни. А когда я вернулась в реальность, Стас, стоя перед четырьмя полицейскими, раздавал указания. Экипажи полицейских машин заняли позиции, которые им указал Стас.

— И вызовите подкрепление, — услышала я одно из распоряжений Корнилова, — район нужно оцепить, а в соседних усилить патрулирование. Выполнять!

— Есть! — почти единодушным хором негромко ответили сотрудники патрульно-постовой службы.

Стас повернулся ко мне.

— Нашла что-то?

Я молча кивнула, и мы поспешили к дому, на который я указала. Ирка и её мама жили совсем неподалёку от дома Оли Сливко. Мы зашли в подъезд, Стас спросил у консьержки, заходил ли кто-то или выходил в последние несколько часов. Консьержка, низенькая и пугливая бабушка, честно призналась, что то и дело отлучалась присмотреть за своей кошкой и поэтому точно ничего сказать не может.

— Понятно, — с недовольством кивнул Стас.

Мы поднялись на четвёртый этаж, именно здесь находилась квартира Ирки и её мамы. Узнав коридор, который я видела в воспоминании Романтика, я поторопилась вперёд, но Стас удержал меня и протестующе качнул головой. Я увидела, как он достал своё оружие — жуткого вида револьвер. Как по мне, с таким только на слона ходить, но Стас неразлучен со своим «Удавом», или как там его.

Он осторожно прошёл вперед, я бесшумно следовала за ним. У меня в такт сердцебиению ощутимо пульсировали глазные яблоки. Я боялась того, что мы можем увидеть в квартире Иры и её мамы, я боялась, что мы опоздали. Меня раздирала бурная тревога, от накатывающего ужаса стыла кожа, внутренности судорожно сжимались. Паника брала верх, хотелось сорваться и помчаться вперёд и просто оказаться там, просто увидеть и узнать. Неизвестность была невыносима!

Мы осторожно подкрались к двери квартиры номер двести шестьдесят четыре. Стас коснулся двери и легонько толкнул. Дверь, бесшумно качнувшись, приоткрылась. Из квартиры смотрела темнота... зловещая, затаившаяся. Стас достал фонарик, включил его и запустил луч света в квартиру. Я обошла Корнилова и, встав у двери, вопросительно взглянула на него. Он кивнул, я толкнула дверь и быстро отскочила назад, а Стас порывисто вошел внутрь квартиры и проворно обернулся в обе стороны. Луч света его фонаря заметался по стенам и потолку квартиры. Свет вырвал из темноты мебель прихожей, обувь на полу, зеркало, одежду в незакрытом шкафу. Затем мы услышали шаги в комнате. Я оторопела от нахлынувшего кошмара, попятилась. Скрипнув, открылась дверь зала.

— Вы кто?! — выдавил светловолосый мужчина в рубашке и брюках.

Он был вооружен хоккейной клюшкой. Лицо у него было свирепое.

— Майор Корнилов, Уголовный розыск, — ответил Стас.

— Документы! — мужчина ничуть не испугался направленного ему в лицо револьвера.

Стас недовольно выдохнул, обе руки у него были заняты револьвером и фонариком. Я подступила к нему, сунула руку во внутренний карман его куртки и достала удостоверение в мягкой кожаной корочке. Я развернула и показала документ Стаса мужчине в рубашке и брюках.

— Станислав Корнилов? — удивился мужчина и опустил клюшку. — Начальник особой оперативно-следственной группы... Вы тот, кто отвечает за поимку этого серийного убийцы...

— Да, — сухо зато ответил Стас. — А вы кто? Представьтесь.

Мужчина вздохнул, свирепый вид уступил бессильной печали.

— Я хозяин... ну, муж Елены... И отец моей дочери...

— Вы отец Ирины? — уточнила я.

— Да, — кивнул мужчина.

Взгляд его заметался между мной и Стасом.

— Где они? Вы знаете? Я приехал час назад... буквально с самолёта... А их никого дома нет... Ни жены, ни дочери, ни моей матери... Я нашел только это...

К моему ужасу он показал нам три розы. Моё тело словно обдали горячим душным и сырым паром. А затем повеяло щекотным леденящим воздухом. Дыхание застряло в моем горле, в висках резкими и частыми толчками билась кровь. Панический шок словно подхватил меня, подбросил и снова резко опустил.

Корнилов медленно опустил пистолет и спрятал оружие в кобуру.

— Как вас зовут?

— Борис... — ответил мужчина. — Борис Зорин.

Мужчина показал Стасу свой паспорт.

— Хорошо, — кивнул Корнилов, взглянув на удостоверение личности мужчины, — Гражданин Зорин, вы много вещей успели потрогать? Что-то переставляли?

Борис Зорин лишь пожал плечами.

— Я не помню... Я... я искал их... бегал по квартире... Я точно не помню.

— А до того, как приехать сюда, вы связывались со своей семьёй?

— Да...

— В котором часу?

Зорин задумался. Стас сверлил его нетерпеливым взглядом.

— До того, как сесть в самолёт... Я летел из Новосибирска... Звонил перед посадкой.

Потом... уже нет. Поздно было...

— Понятно. В таком случае, я вынужден вас попросить выйти из квартиры. Скорее всего, вам придется переночевать где-то в другом месте. Ваша квартира — место преступления и подлежит исследованию криминалистов. Вам есть куда поехать?

Зорин растеряно и глупо моргал после каждого слова Стаса. Казалось, его ошеломила напор Корнилова, и он явно не сразу усвоил услышанную информацию.

— А позвольте... А моя... — он развел руками. — А как же моя семья?

— Мы будем их искать.

— А я...

— А я вы будете ждать, — тоном, не допускающим возражений, ответил Корнилов.

— Но я могу... — запротестовал было отец Иры.

— Гражданин Зорин, — жестко проговорил Стас, — каждая секунда, которую вы у нас отнимаете, может стоить жизни вашим близким. Уезжайте немедленно, а ключи от квартиры оставьте мне.

— Хорошо... — кивнул Зорин и, вздохнув, прижал руки к лицу.

Он ненадолго ушел куда-то в комнаты, а через десять минут, когда вернулся, отдал ключи Стасу и вышел из своей квартиры.

Мы с Корниловым остались одни. Я нашла выключатель и включила свет, затем взяла в руки розы.

— Дай-ка, — сказал Стас.

Я отдала цветы ему.

— Одна роза ещё не распустилась, — заметила я. — А вот эта уже увядает...

— Дочка, бабушка и мать, — кивнул Стас и посмотрел на меня.

В его глазах я прочла горькое и злое разочарование.

— Я облажался, — с досадой проговорил он.

— Мы ещё можем успеть, — ответила я и осторожно прошла по комнате.

Я окинула взглядом гладкие, кобальтового цвета, обои на стенах и полки, где стояли фотографии в белых рамках, какие-то шкатулки, коробочки и книжки.

Широкий белый диван занимал одну шестую зала, он был забросан пёстрыми полосатыми подушками. Ворсистый, густой ковёр тоже был белым. Стас немедленно присел возле тех мест, где ворс был примят, осторожно потрогал и поднес пальцы к лицу.

Я подошла к плазменному телевизору, на его гладкой зеркальной поверхности я разглядела собственное тусклое отражение. И там же, в его бликах, я увидела движение... Воспоминание резко ворвалось в сознание.

Сначала я услышала крик, истошный и пронзительный. Затем он резко умолк. Я шагнула вперед, вышла из темноты и открыла дверь. Зал освещался единственным источником света — лежащим на низком столике ручным фонарём. Мужчина в кофте худи с капюшоном на голове заклеивал Иринке рот. Девочка уже была связана по ручкам и ножкам. Я посмотрела на неё, взглянула в её глаза. Там был ужас, непонимание и блестящие слёзы. Я подавила в себе яростное желание, подскочить к Романтику и ударить его ногой, сорвать с него капюшон, расцарапать ему лицо. Ведь я знала, что это тщетно, это только воспоминание — уже минувшее событие из чужой жизни. И я в нем, здесь и сейчас, лишь бестелесный фантом.

Мать Бориса и его жена были без сознания и обе связаны. Они лежали на том самом диване с множеством полосатых подушек.

Романтик не стал делать укол Иринке. Девочка, сидя на полу у стенки, то и дело беспокойно ёрзала и пыталась освободиться. Я видела, как эта смелая кроха повалилась набок от усилия высвободиться. Видела, как Романтик подошел к ней, поднял, снова посадил и тут же отвесил хлесткую, беспощадную пощечину. Девочка вздрогнула, скривилась и заплакала.

— Будешь так себя вести, я сделаю больно и твоей маме, и твоей бабушке, — угрожающе проговорил Романтик, грозя пальцем Иринке.

Та зажмурилась и вся сжалась, как испуганный зверёк. Я наблюдала это со стороны, и я вздрогнула всем телом, когда он ударил её.

— Подонок! — яростно прошептала я. — Какой же ты... проклятый, жестокий ублюдок!

Разумеется, он меня не слышал, как и Иринка. А во мне стыла тихая ненависть к Романтику и слёзная жалость к малышке. Я увидела, как убийца встал и подошел к матери Иры. Он поднял её на плечо и вышел из квартиры. Я с трудом оставила Иру и ринулась за ним. Ведь, как я чувствовала, я была именно в его воспоминании, в репродукции его памяти и его сознания.

Я пошла следом. Романтик как ни в чем не бывало поднялся по лестнице на самый последний этаж. Там он открыл квартиру в конце коридора, зашел внутрь и положил тело матери Ирины на пол. Это повергло меня в неистовый шок! Я попыталась вырваться из его воспоминания, я должна была сообщить Стасу. Он здесь! Романтик сейчас здесь! Над нами! На последнем этаже!

Но тщетно... я не властна над своими видениями и не могу освободиться от них, пока не закончится эпизод. Я мысленно гневно ругалась.

Романтик тем временем вернулся и точно так же переместил в квартиру на последнем этаже бабушку Иры, но её он не нёс на себе. Романтик, хоть и был немного коренастым, все же был недостаточно силён, чтобы поднять её.

Он завернул пожилую женщину в одеяло и потащил по лестнице, точно какой-то тюк или мешок с овощами. Всё это время я пыталась разглядеть его лицо.

Когда он возвращался за Ирой, он повернулся ко мне так, что я, наконец-то, сумела увидеть его лицо. Точнее сумела бы, если бы оно не было скрыто белой пластиковой маской. Маска была с золотыми глазницами и красными клыками под губами.

Романтик взял Иру и так же перенес в квартиру на шестнадцатом этаже. Девочка отчаянно пыталась брыкаться.

«Почему, почему никто из соседей не вышел ночью на площадку?» — думала я с бессильным негодованием. — «Почему никто в это время не возвращался домой? Почему?!» Они бы могли увидеть его!.. Однако, как бы сильно я ни была разочарована, что никому из соседей не пришло в голову в это время выйти на лестничную клетку, я осознавала, что они бы не пережили встречу с Романтиком.

Воспоминание исчезло, растворилось. Я порывисто обернулась и с колотящимся сердцем крикнула Стасу:

— Стас, он здесь!

— Что?! — Корнилов опешил.

— Он здесь! — теряя контроль над собой, буквально проорала я и метнулась в прихожую. — Здесь, на последнем этаже! У него там квартира! Он держит их там!..

Я выскочила из квартиры, Стас выбежал за мной.

— Ника, подожди!

Но я не останавливалась, я бежала вверх по лестнице, не оглядываясь на Стаса. Впрочем, Корнилов не отставал и довольно быстро нагнал меня. На последнем этаже он удержал меня за плечо и снова достал пистолет.

— Держись позади, — шепнул он.

Я молча кивнула, мне не терпелось оказаться в той квартире, увидеть его, увидеть Романтика, помочь Ирке и её семье. Я стремилась туда всем своим сознанием. Вся моя идеалистическая натура рвалась к ним, подталкивала меня сорваться и броситься к ним на помощь. Я конечно же сдержалась. Я умею держать себя в руках и контролировать эмоции. Иногда.

Стас ринулся вперёд, взгляд его был решителен и сосредоточен. Дыхание Корнилова звучало тихо, ровно, спокойно. Он вошел в коридор шестнадцатого этажа. Этаж встретил нас всё той же равнодушной тишиной и густым полумраком. В желто-серой полутьме угадывались очертания дверей квартир.

— Какая? — спросил Стас.

— Последняя в торце, — ответила я шепотом.

В этот момент за спиной раздались шаги, я порывисто обернулась. Стас быстро дернул меня за шиворот, спрятал за себя, выставил вперед пистолет. По лестнице поднялись Арцеулов и Домбровский.

— Спокойно, — Николай поднял руки.

В правой руке у него темнел пистолет. У Сени в руках было массивное помповое ружье.

— Район оцепили? — спросил Стас.

— Полностью, — кивнул Николай. — Где он?

Стас обернулся, молча показал вперёд.

— Там в конце.

Мы двигались в полутьме. Темно-зеленая дверь в торце маячила перед нами.

Во мне росло напряжение. Оно давило, изматывало и истощало.

Стас и его опера дошли до двери, на которую я указала. Корнилов попробовал повернуть ручку двери, и дверь подалась.

Я ринулась вперёд, схватила Стаса за руку, сжала его широкое запястье. Он вопросительно взглянул на меня.

— Очень... медленно, — сказала я, глядя ему в глаза.

Он не задавал вопросов, только коротко и быстро кивнул. Стас открыл дверь медленно и с осторожностью. Дыхание прыгало в моей груди, я не отводила напряженного взгляда от дверного проёма.

В полумраке что-то тихо звякнуло. Стас замер. И тут мы услышали:

— Входите, господа полицейские. Я уже вас больше двух часов жду. И не я один.

Корнилов открыл дверь полностью и застыл на пороге. Я выплянула из-за его плеча. Мы вчетвером в немом изумлении смотрели в просторный широкий коридор. Слабо освещенный, он был расчерчен и перечеркнут десятками, сотнями красных линий. Я пригляделась и смогла рассмотреть, что это были толстые и крепкие шерстяные нити. На каждой из них блестело по несколько миниатюрных золотистых колокольчиков. А в конце коридора за распахнутыми дверями находился просторный зал. Там среди накрытой клеенкой мебели развалился на стуле Он.

Он был во всё в той же чёрной кофте худи с капюшоном на голове и в белой маске,

закрывающей его лицо. Романтик покачивался на стуле, сложив ноги на стол. Перед ним в странном подвешенном состоянии замерли три человеческих фигуры. Они как будто остановились в падении. Их ноги касались пола, а верхняя часть туловища висела, неестественно наклонившись.

Одна фигура была худощавой и стройной, вторая — плотная, округлая, и ещё здесь была третья — совсем крошечная. Ира, её мать и бабушка.

Все трое были связаны, их руки отведены назад, а рты заклеены скотчем. Они что-то глухо мычали и слабо дергались.

У меня жгло сердце от звука их испуганных молящих и мычащих голосов.

Я увидела, что перед ними на трех металлических держателях закреплены три длинных металлических полосы. Они отливали слабыми, тусклыми бликами. Верхние грани металлических пластов были зубчатыми. Это были три пилы, обращенные режущей поверхностью к потолку. А точнее к нависшим над ними телам двух женщин и маленькой девочки. От спин трёх пленниц вверх тянулись веревки, а точнее тросы.

Я увидела, что Романтик держит руку на рукояти стоящей подле него громоздкой лебедки. Я видела, что стоит хотя бы одной пленнице упасть лицом вниз, она напорется горлом и головой прямо на выставленные перед ними пилы. И единственное, что удерживает всех троих от падения на лезвия пил, это трос лебедки, рукоять которой держит Романтик.

Их жизни буквально были в Его руках. Мы замерли, пораженные увиденным.

Меня парализовал шок, я слабо втягивала воздух, мои плечи и губы подрагивали в такт вдохам. Я не могла отвести взгляды от лиц пленниц. Они плакали. Они молили. А он... Он качался на стуле и с игривой издёвкой показательно нюхал букет из трёх роз.

— Если хоть один колокольчик звякнет, они умрут, — объявил Романтик.

Я услышала, как за моей спиной глухо прорычал Арцеулов. Я с презрением уничтожающим взглядом смотрела на Романтика. Через красные полосы нитей, прямо на его белую маску в прорези для глаз.

— Чтобы у вас не было желания делать глупости, прошу обратить внимание на потолок. Видите, да?

Мы все подняли взгляд. Я почти без удивления обнаружила прикрепленные на потолке металлические коробки, опутанные цветными проводками. На них мигали красные огоньки.

— Думаю, вам всё должно быть ясно, — сказал он.

— Чего ты хочешь? — спросил Стас.

— Поиграть, — хмыкнул Романтик. — вы ведь этого хотели, господа полицейские?

Он чуть склонил голову.

— Вы ведь ради забавы придумали для меня эту идиотскую ловушку с выставкой цветов Арманда?

Стас не ответил ему, но я почувствовала, как Корнилов исходит желанием пристрелить этого мерзавца.

— Я подумал, что с моей стороны будет невежливо не поддержать заданную вами манеру. И я, в свою очередь, предлагаю вам свой вариант развлечения.

Я прожигала его взглядом. Что взбрело ему в голову? Какая очередная больная фантазия поразила его воспаленное, извращенное воображение?!

Кровь шумела в моих висках, напряжение комкало и стискивало мышцы тела. Догадка о замысле Романтика вспыхнула в моей голове прежде, чем тот её озвучил. У меня вырвался

слабый, всхлипывающий, сдавленный вздох.

Я почувствовала чью-то руку на своём плече.

— Правила простые, — проговорил Романтик, — один из вас остаётся, а остальные выходят за дверь и больше не заходят. Оставшийся из вас герой-одиночка, разумеется, без всякого оружия должен пробраться к нам сюда через тернии, которые вы видите перед собой. Герой не должен задеть ни одной нити, ни один колокольчик не должен зазвучать даже случайно. В противном случае... Всё закончится печально.

— А если герой проберется? — спросил Стас. — Что дальше? — А вы нетерпеливы господин майор! — Романтик чуть запрокинул голову и весело хохотнул. — Что ж... если герою это удастся, он сможет забрать с собой любую из этих пленниц. Но... только одну.

— Большой урод! — шепнул Арцеулов с ненавистью.

Я ткнула его локтем. Не хватало ещё, чтобы он разозлил Романтика, и тот убил всех пленниц на наших глазах.

— Не очень честные правила, — заметил Стас. — Тебе не кажется?

— Ах, нет, не кажется, — явно издеваясь, ответил тот. — Вы можете спасти любую из этих трёх пленниц. Этого вполне достаточно, чтобы вы не чувствовали себя слишком уязвленными. Что думаете? Времени раздумывать я вам не дам. Или принимаете правила, или... игра завершится, не начавшись.

Корнилов окинул взглядом коридор. Красные нити ломанными треугольниками заполняли пространство коридора. Они слишком плотно прилегали друг к другу. Их было слишком много, и между ними были очень маленькие проёмы. Эта игра не рассчитана на взрослого человека, поняла я.

У меня затрепетало сердце, но я уже поняла, что должна сделать.

— Уходите все, — сказал Стас, не оборачиваясь.

— Стас, но... — начал было Домбровский.

— Я сказал, уходите! — процедил Корнилов.

Я, закусив губу, посмотрела ему в спину на его затылок.

— Нет, — тихо ответила я.

Корнилов обернулся и взглянул на меня сверху вниз.

— Ника... — проговорил он и выдавил, — пожалуйста...

— Нет, — повторила я и кивнула на коридор, перетянутый сотнями нитей, — ни один из вас тут не пройдёт, и ты в том числе.

Стас молча, мерно дыша, чуть сузил глаза.

— Тебя я не пущу, — проговорил он жестко и категорично.

— Тогда все трое пленниц погибнут, — ответила я, не отводя взгляда от его глаз.

Стальные глаза Стаса жгли, резали и давили.

— Ника... нет! — он процедил последнее слово.

— Знаешь, Стас, — ответила я, и мой голос слегка охрип, — я не хочу, чтобы к моим частым кошмарам добавился ещё и тот, в котором мы допустили гибель людей, из которых хотя бы одного могли спасти...

— Ника, этот псих — просто конченный ублюдок! — Домбровский схватил меня за плечо. — Неизвестно, что он выкинет, даже если кто-то сумеет пересечь эти линии.

— Может быть, пристрелим его как-нибудь... аккуратно? — предложил Арсений.

— Рехнулся? — спросил Стас. — Всё, хватит, уходите...

— Стас! — протестующе воскликнула я.

— Вдвоём, — закончил Корнилов.

Домбровский и Арцеулов замялись, но подчинились и вышли, закрыв за собой дверь.

Стас стоял передо мной и смотрел на меня с угрюмой тяжестью во взгляде. Он принимал решение, он знал, что я права.

— Ника... — он вздохнул, — я никогда себе этого не прощу...

Я взяла его за руку и, глядя в глаза, проговорила тихо:

— Здесь могу пройти только я, — я кивнула ему за спину. — Он не знал, что с вами будет четырнадцатилетняя девчонка... Не рассчитал.

— Не рассчитал, — кивнув, повторил Стас, глядя на меня.

Я видела, что он понимает мою правоту, но не может решиться и позволить мне сделать это.

Я крепче сжала его руку.

— Уходи, — шепчущим голосом попросила я. — Пожалуйста! Уходи...

Он шумно вдохнул, отвернулся и, сцепив зубы, качнул головой.

— Если с тобой что-то случится... — он не смог закончить, не сумел, просто не мог.

— Я знаю, Стас. Знаю.

Он кивнул и с довлеющей на сердце тяжестью нехотя вышел из квартиры.

Дверь за моей спиной с тихим щелчком закрылась. Я осталась одна наедине с убийцей. Одна против угнетающей и кровожадной воли человекообразного монстра. Одинока и беззащитна перед болезненной прихотью самовлюбленного подонка.

Я вздохнула, чуть склонила голову вперёд. Чувство одиночества оказалось куда острее, чем я полагала. Оно навалилось со свирепой тяжестью, стремясь удавить храбрость, задушить стойкость и пошатнуть веру в собственные силы.

Я шагнула вперёд, глядя на убийцу.

Романтик не двигался, он с явным интересом наблюдал за мной. Букет в его левой руке чуть покачивался из стороны в сторону, как своеобразный метроном.

— Я не ожидал увидеть среди полицейских столь юную особу, — насмешливо бросил он. — Кто ты?

— Это важно? — я остановилась перед красными нитями.

Я могла детально рассмотреть топорщащиеся на нитях кривые волоски. Я видела свое искаженное, миниатюрное отражение на округлых поверхностях позолоченных колокольчиков.

— Не особо, — подумав, ответил Романтик. — Уверена, что справишься, детка? Я ведь не шучу, ты знаешь. И жизнь этих трёх женщин, взрослой, старой и маленькой, сейчас в твоих нежных, хрупких ладошках.

Он на мгновение замолчал, а затем закончил голосом, полным язвительной злости:

— Смотри, не урони.

Я смерила его презрительным взглядом и постаралась унять внутренний трепет. Я должна была не подчиняться страху, не думать о том, что будет, если я задену хоть одну нить. Я завязала волосы в пучок, как можно туже, и проверила, чтобы он хорошо держался. Всё. Вперёд.

Я сделала вдох, как перед прыжком в воду, затем нагнулась и пролезла под первой нитью.

Романтик наблюдал, радовался, наслаждался. Он придумал игру и заставил нас в неё играть. Он был доволен собой.

Я перебралась через очередную нить и здесь замерла. Нужно было осмотреться. Пульсирующее в груди напряжение сковывало дыхание. Прядь волос упала мне на лицо. Я взглянула вперед, встретилась взглядом с матерью Иры. В её глазах таяла печальная надежда, на ресницах женщины застыли слёзы. Она была переполнена бессильным и мучительным страхом, но она боялась не за себя. Я увидела, как её зрачки сдвинулись налево, в сторону её единственной дочери. У меня на миг подпрыгнуло сердце. Мать Иры подсказала мне будущий выбор, если я сумею «выиграть». Если я справлюсь и сумею выиграть в жестокую игру, устроенную этим больным изувером, я должна выбрать Иру. Об этом умоляли глаза её матери.

Мать Иры не думала ни о себе, ни о матери своего мужа. Она слышала слова Романтика и понимала, что он не даст спасти больше одной жертвы. Она готова была остаться с ним, стать его розой и принести себя в жертву. Лишь бы только он не забрал в свой букет её маленькую дочь.

Ирка смотрел вниз, на хищные зубья трёх пил под ними. Опутанная и связанная, как мать и бабушка, она дрожала всем своим маленьким телом. Мне казалось, я слышу, как истово стучит её маленькое сердечко. Меня начали захлёстывать негодующие эмоции.

Я усилием воли отогнала их прочь. Сейчас они могут меня погубить! И не только меня. Я нагнулась, чуть вывернулась вбок и поставила руку на пол.

Плавно перевернувшись, я осторожно переместила левую ногу и, прогнувшись назад, перебралась между двумя скрещающимися нитями. Я замерла, когда одна из них оказалась в сантиметре от моего лица. Несколько мгновений я рассматривала алую нить и висящий чуть выше золотистый колокольчик. Это был обыкновенный, дешёвый колокольчик с такой же дешевой позолотой. Такие безделушки навалом продаются в различных сувенирных магазинах.

И сейчас, в эти доли секунд, моя жизнь и жизнь ещё трёх людей зависит от этой дешевой игрушки.

Я перевела дыхание и глубоко вздохнула. В теле подрагивали мышцы, то и дело, руки, ноги и спину поражали спонтанные импульсы пугливой дрожи. Я ощущала внутри себя скачки сердечного ритма.

Затаив дыхание, чтобы случайное дуновение воздуха с моих уст не шевельнуло натянутую у моего лица нить, я перебралась дальше.

Я встала на левое колено, правую ногу пришлось чуть выдвинуть назад и спину прогнуть.

— А у тебя отличная пластика и гимнастические данные, детка, — с издёвкой прокомментировал Романтик. — Чем ты занимаешься? Ты гимнастка?.. Нет? Может быть, просто занимаешься скалолазанием, и тебе не привыкать? Тоже нет? Хм...

Я старалась не слушать его и пробиралась дальше.

— Может быть, ты учишься в каком-нибудь цирковом училище? Хотя нет, вряд ли со своей внешностью ты бы пошла в циркачи. Может быть, фигурное катание? Или танцы?

Он продолжал рассуждать вслух, насмехаясь и злорадствуя. Я не слушала его и продолжала двигаться вперёд.

Медленно и осторожно, выверяя каждое движение, подавляя дрожь в теле и слишком сильное дыхание.

Когда я встала почти в полный рост, оказавшись между четырьмя натянутыми нитями, мне пришлось согнуть левую ногу в колене, чтобы пробраться дальше. Я на мгновение

застыла, стоя на носке правой ноги.

Взвизгнул металлический трос. Тела трёх пленниц качнулись вниз, их резко встряхнуло. Они истошно, через силу замычали и заворочались в ужасе. Я вздрогнула, пошатнулась и потеряла равновесие, затем быстро взмахнула руками, балансируя на месте. Я едва не задела тянущиеся вокруг меня нити.

Лицо покрыл жар, а тело пронзила судорога ужаса. Мои плечи поднимались и опускались с ритмом учатившегося дыхания.

Я уставилась на Романтика, он игриво и издевательски пожал плечами.

— Ой... Извини, — он что-то нажал на пульте управления лебедкой.

Я услышала, как зажужжал электрический мотор лебедки.

— Я не хотел, — Романтик поднёс к своей маске цветы. — Надо быть внимательнее. Ты согласна, детка?

Я устояла на месте. Да, подумала я, нужно быть внимательнее. Он дождался, когда я оказалась в наименее устойчивой позиции, и постарался напугать меня.

Точнее он напугал меня: у меня на мгновение сердце подскочило до горла, живот скрутили нервные спазмы, и предательски дрогнули икры и колени.

Я едва не упала. Едва... Я чуть не проиграла собственную жизнь и жизнь трёх пленниц. Но я устояла, всё-таки устояла. Я перевела дух.

— Поторопись, детка, — скучающим голосом, с наигранной капризностью произнёс Романтик. — Я начинаю уставать. И... мало ли, что может случиться. В следующий раз я могу не успеть нажать на кнопку, и тогда...

Он поднял вверх розы в своей руке.

— Эти прекрасные цветы будут не единственным красным акцентом в этой комнате. Сечёшь, о чём я, детка?

«Да, подонок, секу,» — мрачно подумала я, — «хорошо бы и тебя высечь, как следует! А потом отправить в тюрьму строго режима, лишив любой надежды на освобождение».

И я хотела, чтобы Романтик не страдал, а чтобы каждый день просыпался с тяжелой виной на сердце за то, что он совершил. Чтобы все его жертвы каждую ночь приходили к нему во сне. Чтобы он просыпался в ужасе и слезах, чтобы, скотина, ощущал всю ядовитую горечь о того, что сделал. От того, сколько жизней он погубил, скольких родителей навсегда лишил душевного покоя и радости в жизни. Навсегда...

Но это всё грёзы и глупые мечты. У них, таких, как Романтик, не бывает чувства вины. Равно как и сочувствия или свойственных человеку эмоций.

Я продвинулась дальше, пролезла между тремя линиями нитей, вывернулась всем телом, подобрала ноги и перелезла через следующую, натянутую струной, алую нить.

Через ворот моей футболки плавно вывалилась цепочка, крестик упал вниз, едва не задев колокольчик подо мной. Я успел поднять голову, но тут же застыла, онемев от сжимающего тело страха. Я ощутила, как одна из нитей натянулась на моей голове.

Я слегка уперлась макушкой в одну из них и с настороженным взглядом впилась в колокольчики впереди, выше, что висели на этой нитке. Страх сдавливал грудь, пугал мысли, высасывал силы и истощал. Я плавно, с величайшей аккуратностью, опустилась ниже.

Оставалось уже немного, но сейчас, встав на левое колено и низко нагибаясь к полу, я видела перед собой шесть нитей. И они, практически полностью перекрывали проход внизу, оставляя, относительно свободным, только пространство вверху. И наверх мне тоже никак не добраться.

— Ну что? — Романтик вздохнул и склонил голову набок. — Незадача, да? Что ты теперь будешь делать, маленькая, глупая, одинокая девочка с красивыми глазами?

Я его не слушала.

— Тик-так, — проговорил Романтик. — Тик-так. Время идёт, детка. Внизу уже, наверное, целая армия полицейских, а в подъезде ждут крутые парни в масках, шлемах и с автоматами в руках. Но никто из них ни тебе, ни моим гостям не поможет. Но ты же это и так знаешь, да?

Он усмехнулся, хихикнул.

Я не отвечала. Я внимательно рассматривала пересекающиеся красные нити.

— Тик-так. — снова хихикнул Романтик. — Не забывай... тик-так...

Он вздохнул. Он специально торопит меня. Рассчитывает на мою ошибку.

Я не дала себя обмануть его насмешливому голосу и шутливым, злым издевкам. Я знала, что Романтик удивлен и зол. Он даже был растерян, когда увидел меня. Да, благодаря маске и умению владеть собой, он прекрасно это скрывал. Точнее, скрыл бы от большинства. Но я, как бы это пафосно ни прозвучало, не большинство.

Но сейчас я стояла перед препятствием и не знала, как его преодолеть. Я настойчиво искала выход, искала решение. Но я не видела, не понимала, как мне пролезать между этими линиями. Я понимала, что он сделал это специально. Романтик изначально затеял эту игру, только чтобы развлечься.

А что за развлечение, если ты можешь проиграть? О, нет. Он не собирался, не хотел проигрывать. Ни за что... И всё же он психопат. А пораженные психопатией люди самодовольны и себялюбивы. Они нарциссы по природе.

А ещё они обладают изворотливым и изощренным умом.

И вполне возможно, подумала я, для того, чтобы потешить собственное безразмерное эго, одержимый манией величия психопат мог бы нарочно допустить в своей ловушке небольшую оплошность. Дать шанс обыграть себя. Крохотный, незаметный, незначительный, но всё-таки шанс. Потом бы это позволило ему с гораздо большей степенью презирать остальных людей.

Как же! Такие тупицы! Он дал им шанс, снизошел до позволения обыграть себя, а они даже не смогли этим воспользоваться. Это укрепило бы его в мысли о собственном совершенстве и уникальности. А ещё это могло помочь мне.

Я решила проверить свою теорию. Тем более, что другого выхода у меня не было. Меня терзали сомнения. Я тратила время. И я с дрожью опасалась, что могла потратить его зря. Тут мой взгляд зацепился за нечто, что было явно лишним во всей этой безумной паутинной композиции растянутых нитей.

Нечто, чему здесь было совсем не место. Я увидела шанс. Возможность. Допущенную оплошность.

Узелок. Одна из нитей был связана из двух поменьше. Она не была цельной.

Я чуть приблизилась к этой нити, окинула её взглядом. Я только сейчас обратила внимание, что на ней нет колокольчиков, ни одного. Я протянула руки к крошечному узелку. Он был тугой, но затянут явно не на максимум. Его можно было развязать, трудно, но можно. Никогда не думала, что маникюр пригодится мне ещё и для такого!

А Романтика, кажется, позабавила моя находчивость.

— Bravo! — засмеялся он. — Умница!

Кажется, он и вправду рад. Только смысл и мотив его радости другой.

Я сосредоточенно вытягивала петельку из узла и пыталась вытянуть другую, которая слабела из-за первой.

— Знаешь, я почему-то думаю, что будь на твоём месте мужчина, ну или парнишка твоего возраста, он бы не заметил этого миниатюрного узелка.

Мне удалось развязать узел. Я аккуратно опустила оба конца, чтобы они не задели другие нити с колокольчиками.

— Я не считаю вас умнее, — продолжал философствовать Романтик. — Но вынужден отдать должное. Нередко вы способны видеть те решения проблем и бед, которые мужчины заметить не могут и не способны.

И что он пытается этим сказать? Это была миниатюрная ода феминизму?

Нельзя его слушать. Нельзя! Он отвлекает! Специально отвлекает. Я пробралась дальше. Оставалось уже немного. Здесь мне пришлось лечь на пол и проползти на спине. Затем пришлось сделать нечто похожее на пресловутое упражнение «мостик».

Романтик не удержался.

— А ты знаешь, детка... должен признать, на тебя нельзя смотреть без любования.

Я перелезла через три пересекающихся линий. Я была близко. Я чувствовала на себе взгляды пленниц. В их глазах трепетала отчаянная, несмелая надежда.

В моем сознании гирей повисла тягостная мысль, что я не имею права их подвести, не имею права на ошибку, не имею права допустить... оплошность.

Я не могу ошибиться. Я не могу сделать неверное движение. Я должна...

Осталось совсем немного. Я продвигаюсь дальше. Мне приходится совершать невообразимые гимнастические трюки. Я не выбилась из сил, но почувствовала, что начинаю уставать. Это была не физическая усталость. Меня изматывало напряжение — перманентное, истощающее эмоциональное и моральное напряжение.

А при следующем движении живот внезапно отозвался предательской резкой болью. Я охнула, качнулась, чуть не упала вперед. Каким-то чудом устояла. Я осторожно присела. Передо мной, надо мной и позади тянулись нити. Они перечеркивали, рассекали пространство вокруг меня. Приоткрыв рот, тяжело дыша, я с тревогой коснулась пальцами живота. Я закрыла глаза. Я чувствовала, как боль в животе ворчит, ворочается и вздрагивает. Боль, точно беспокойный зверь, которого только что разбудили. И этот зверь недоволен. Он зол и агрессивен. Он кусается и рычит. Боль. Волнами пульсирующая боль и животе, на месте удара. Подарок от фотографа.

Тело в месте удара начало сжиматься, стягиваться и скручиваться. Я скривилась, поморщилась, Ввыдохнула.

Романтик молча наблюдал за тем, как я корчилась от боли. Думаю, ему это нравилось. Он явно был бы непротив, чтобы моя боль не прекращалась.

— Тик-так. — в который раз повторил Романтик. — Тик-так...

Он что-то нажал. Трос лебедки коротко взвизгнул. Пленницы глухо замычали, глядя вниз на лезвия пил. Я выпрямилась. Живот всё ещё стягивало болью. Я хотела выждать, перетерпеть её. Но он ясно дал понять, что ждать не намерен. Осталось немного. Ещё пара метров. Господи... Целых два с лишним метра!

И нити здесь протянуты друг к другу теснее, чем в начале и середине длинного коридора.

— Поторапливайся, детка. — Романтик вдруг достал телефон. — Давай немного изменим правила.

Я остановилась, разгоряченно и глубоко дыша. Я ощущала, как воздух квартиры гладит мою покрывшуюся легкой испариной кожу. Я смогу, подумала я. Я точно смогу, я успею.

— Вот, — Романтик положил свой телефон на стол. — Я поставил будильник. Как только он зазвонит, одна из тех, ради кого вы сюда заявились, умрёт. Разумеется, кто это будет, ты знать не будешь. Как и время, которое тебе отпущено. Торопись.

Урод, подумала я с гневом. Живот болел. Мысли в голове порхали беспокойными, каркающими воронами. Он не шутит. Он вполне серьёзен. Если я не успею, кто-то из троих связанных, подвешенных над пилами пленниц умрёт. Одна из них умрёт у меня на глазах... из-за меня. Чёртов Романтик! Гребаные нити! И гребаная его больная фантазия!

Я готова была зареветь от злой обиды. Я ощущала, как тиски гнева сдавливают и душат меня. Эмоции рвались наружу, но я держалась.

Я снова двинулась вперёд, нужно торопиться. Я знала, что он этого и добивается. Конечно же, ему хочется, чтобы я задела нить, и чтобы звякнул колокольчик. Конечно же, ему хочется убить всех троих. Он считает, это будет эффектно и восхитительно. Он считает, что так проучит полицию, которая посмела охотиться на него и устраивать ловушки.

Я пролезла между двумя нитями, переставила ноги. Осторожно, стоя на четвереньках, пролезла дальше. Мне пришлось почти лечь на пол и повернуть голову набок, чтобы не задеть красные нити. Задержав дыхание, я пролезла под низко скрещенными нитями. Я поднялась вверх, чуть выгнув спину, аккуратно перевернулась набок. Сердце било тревожным гонгом. Ритм пульсатяжелел и ускорялся. От локтей до пальцев рук скользила нервная щекотка, мне казалось, у меня по коже рук и спины пробегает нервный трепет.

Впереди четыре перекрещенных, пересекающихся нити. За ними ещё две просто крест-накрест, затем пять нитей под острыми углами, и всё. Я почти смогла. Я почти добралась! Я почти выиграла!

Уверенность в этом подхлестнула меня, погнала вперёд. Я преодолела этап с четырьмя нитями, миновала косой крест из двух и добралась до пяти последних нитей. Здесь было сложно.

Испытывая напряжение мышц, я привстала на носки, прижалась к стене, выгнулась грудью вперед, осторожно пролезла, медленно, по очереди перебрасывая ноги через высоко натянутую нить.

На столе Романтика заиграла ритмичная, задорная джазовая музыка.

Он, сидя на стуле, отложил розы и начал прищелкивать пальцами в ритм.

— О-о... Рэй Чарльз... — томным голосом проговорил Романтик. — Hit the road Jack
Слышала?

Он хохотнул, дослушал припев, тихо подпевая. Я замерла, глядя на него с опасливым непониманием.

Музыка смолкла. Смолк будильник. Я тяжело сглотнула, глядя на него.

— Не надо, — шепнула я, понимая, что это тщетно.

Белая маска, издеваясь, склонилась влево.

— Время вышло. — хихикнул он.

— Нет, стой... Не смей!

— Он что-то нажал на управлении лебедкой.

Раздался тихий щелчок. Бабушка Иры истошно в ужасе замычала. Её тело ринулось на лезвия пил. На моих глазах связанное тело пожилой женщины тяжело рухнуло вниз. Раздался короткий, влажный звук, сдавленный хлюпающий хрип. В стороны тугими струями брызнула

кровь. Стены зала покрылись багровыми пятнами.

Голова старой женщины застряла на пилах. Шея неестественно выгнулась вниз, хрустнула. Её пухлое, связанное тело затряслось в конвульсиях. Она ещё слабо шевелила ногами по полу. Я прижала руку ко рту. Вжала голову в плечи. Монстр свирепого ужаса двумя лапами вцепился в горло, с остервенением сдавливая дыхание и отнимая голос. Внутренности моего живота подскочили вверх. К горлу рванулся рвотный позыв. Я замерла, застыла без возможности шевельнуться. Я могла только смотреть. И я смотрела. Смотрела на умершую на моих глазах женщину.

Ира и её мать глухо, с надрывом, сдавленно мычали в ужасе, глядя на неподвижное тело бабушки и матери.

Старая женщина ещё несколько раз едва заметно вздрогнула и застыла, затихла, словно обессилен и устав. Я видела, как из-под её головы по лезвию пилы стекают обильные, торопливые струи крови. Тёмно-алые и багровые капли застучали по полу. Кровавая лужа под телом умершей женщины стремительно растягивалась, увеличивалась.

— Я ставлю новый будильник, — объявил Романтик.

Я с трудом оторвала взгляд от погибшей пожилой женщины. Взглянула на него с яростным презрением. Я бы сожгла его взглядом, если бы могла... Мне пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы сдвинуться с места. Я пролезла дальше. Пробралась через пять скрещенных нитей и выпрямилась во весь рост, стоя перед телом умершей женщины. Лужа крови под ней всё ещё растекалась. Я видела в ней скользящие, тусклые отражения.

— Поздравляю! — Романтик достал нож и, положив на стол, толкнул вперед. — Забирай любую.

Он хохотнул и встал со стула.

— И не вздумай жульничать, девочка, или творить какие-то ещё глупости. Я верю, что в твоей прекрасной головке наверняка бушует праведный гнев и таятся идиотские представления о справедливости. Так вот, не вздумай поддаться ни тому, ни другому.

Он встал надо мной, подошел ближе. В его руке появился длинный массивный нож с хищно загнутым лезвием.

— Поняла? — произнёс он, глядя на меня.

— Поняла, — проговорила я холодно, глядя в темные прорези его белой маски.

— Вот и умница, — он кивнул на пленниц. — Освобождай ту, которая тебе больше симпатична, и можешь убираться.

Он обошел меня и начал срезать своим ножом красные линии. Они лопались, как струны. То и дело тренькали, несчастно звенели миниатюрные колокольчики.

Я оглянулась на стол. Там всё ещё лежал короткий нож, который он мне оставил. Я подошла к столу. Взяла нож...

Глаза ослепил яркий свет — свет солнца, но его лучи были холодными. Я стояла посреди просторного, заросшего травой и полевыми цветами обширного поля. Надо мной висело угрюмое, грифельно-серое небо.

— Догоняй нас! Давай! — звучал какой-то девчоночий голос.

— Я не могу... — услышала я. — Стойте... мне тяжело дышать... я не могу...

— Слабак! Ты просто слабый мальчишка! Слабак! Я увидела, как светловолосая девочка с хвостиком, одетая в красное платье, тычет пальцем в мальчишку. Тот, тяжело дыша, склонился, уперев руки в колени. Он дышал, с присвистом втягивая воздух.

— Я не могу... — простонал он.

Одна из девочек, с длинной каштановой косой, подняла с земли камешек и бросила в него.

— Ай! — он закрылся руками. — Не надо... Нина!

Девочка с косой в желтом платье с черным горошком снова бросила в него камешком.

— Давай догоняй нас!

— Догоняй! — светловолосая девочка в красном платье тоже швырнула в него камень.

— Ай!

— Слабак!

— Догоняй!

Девичье хихиканье... Воспоминание сникло, изменилось.

— Клёвые часы, — плотный, краснощекий парнишка с пустыми бледными глазами склонился над сидящим за столом мальчиком.

Тот поднял меланхоличный взгляд. С тревогой взглянул на толстого здоровяка.

— Это отцовские.

У сидящего мальчишки были тёмно-русые волосы, фисташкового цвета глаза с карими вкраплениями и болезненно-бледная кожа на лице.

Я опустила взгляд на его часы. Настоящие, массивные мужские часы. Слишком большие для тонкой детской руки. У них был коричневый ремешок, а циферблат отливал глубоким, темно-синим цветом. Цифры были римские, а стрелки на концах имели миниатюрные короны.

— Давай сюда.

— Что? Почему?

Толстяк отвесил ему подзатыльник.

— Давай, падла, а то нос сломаю!

— Иди к чёрту!

— Ах ты...

Между двумя мальчишками завязалась потасовка. Они упали на пол. Вокруг них тут же столпилась гурьба других мальчишек. Они кричали, болели, поддерживали и твердили:

— Бей слабака!

— Бей слабака!

— Бей его! Мочи! Мочи!

— Сломай ему нос, Миха! Давай! Да!

— Разбей лицо! Разфигачь!

— Зубы! Зубы ему повыбивай!

Воспоминание растворилось, исчезло. Рвущееся из груди взволнованное дыхание поднимало мою грудь. В ушах ещё звучали остатки голосов тех мальчишек. Я не двигалась. Я стояла на месте, не шелохнувшись, затем опустила взгляд на нож в моей руке. Тяжесть его рукояти вселяла волнительную уверенность.

Я оглянулась на Романтика. Мои глаза сузились, я сверлила взглядом его спину. Он всё ещё срезал нити и отшвыривал их к стене. Я могла бы успеть... Наверное... Если очень быстро... Я опустила взгляд на тело мёртвой женщины.

Она замерла, выгнувшись животом и грудью вниз. Её свисающие руки касались пола, а шея и голова повисли на пилах. Из-за этого она выглядела, как будто бы надломленной.

Я подняла прожигающий взгляд на Романтика. Я с тяжким трудом отвернулась от него, подошла к пленницам. Я посмотрела в их мокрые от слёз глаза.

В перепуганных, растерянных небесно-голубых глазах маленькой Иры я увидела всю гнетущую тяжесть увиденного и пережитого ею кошмара. Я увидела в её глазах крик. Она кричала от ужаса. Кричала глазами, потому что кричать устами не могла. Она не могла поверить в происходящее. Этот ребенок никогда не знал, не задумывался, что так бывает.

Она смотрела на меня, она просила, кричала и просила, слёзно просила помочь, исправить, прекратить. Она смотрела на меня с ожиданием и всё той же кроткой надеждой.

Я перевела взгляд на её мать. Здесь я увидела горечь, печаль и... смирение.

Она смирилась. Она приняла. Она уже знала, что её ждёт, и она тоже просила.

Она снова просила меня сделать выбор, использовать шанс. Я прочла в её взгляде даже нечто большее, чем просьбу. Требование. Настойчивое требование, последнее желание... Она знала это. Последнее желание — выбрать Иру, спасти её, унести её отсюда, подальше от него...

Вдыхая горький воздух, я закрыла глаза, тяжело, насильно проглотила жесткий, твёрдый комок в горле. Меня поразила странная, ватная слабость в теле. Я подошла к Ире, отцепила от неё крюк троса лебедки, аккуратно поставила девочку на пол. Присела возле неё, поднесла нож и осторожно, бережно разрешила опутывающие её полоски скотча. Затем перерезала скотч на её затылке, и так же ласково, нежно отклеила скотч от её личика.

Ирка всхлипнула, когда смогла дышать ртом. Ринулась ко мне, споткнулась, я едва успела её подхватить. Она обхватила меня своими тонкими ручками, крепко сжала, обняла. Я поднялась с колена, вместе с ней, держа её на руках.

Мы встали возле её матери.

— Мама... — тихо прорыдала Ирка, скривив личико. — Мама...

Она судорожно вздохнула и тихо заплакала. Кривясь горькой, слёзной гримасой, она протянула дрожащую руку к лицу женщины. Нежно коснулась её щеки. Со всей той лаской и искренней любовью, на которую был способен ребенок.

— Мамочка... — плача, горестно всхлипнула Ира.

Женщина в ответ крепко зажмурила глаза. По её щекам скатились две струйки слёз. Я ощутила, как увлажнились мои ресницы. Под веками стало тепло.

У меня задрожали губы и что-то слабо вздрогнуло в груди. Мать Иры смотрела на дочь, её плачущие глаза неожиданно сузились, как при грустной улыбке.

Ирка плакала у меня на руках, облизывала губы. Её мать посмотрела на меня. Она благодарила, благодарила взглядом. И затем кивнула: «Спасибо». Я коротко кивнула в ответ.

За моей спиной послышался странный перезвон. Я повернулась с Ирой на руках. Романтик освободил коридор от нитей и сейчас сыпал на пол битое стекло. Весь пол коридора переливался тусклыми бликами на заостренных осколках стекла. Романтик скомкал в руках мешок из-под цемента, отбросил в сторону.

— Снимайте обе свою обувь. — сказал он холодно и раздраженно. — И можете уходить.

Ира отвернулась, уткнулась личиком мне в шею. Я ощутила на своей коже её слёзы.

— Что это значит? — спросила я его. — Ты же сказал...

— Я помню, что я сказал, — перебил он меня жестко. — Снимай обувь, я сказал. Или... можешь не снимать. Но тогда уйдешь одна.

Его переполняло злоба. Он проиграл и был зол. Он не рассчитывал, что я пройду эти нити. Он не рассчитывал, что колокольчики не дрогнут. Он долго сохранял самообладание, пытался шутить, издеваться. Но он взбешен, это было заметно. Я не могла рисковать, дразня его.

Сжигая Романтика уничтожающим, ненавидящим взглядом, я опустила Ирку на пол. Девочка со страхом жалась ко мне. Я сняла кеды, затем разула Иру, отставила в сторону её миниатюрные тапочки с мышками. Посмотрела Ирке в глаза, провела тыльной стороной ладони по её нежной щеке. Она смотрела на меня. В её лучистых глазках подрагивали блики слёз.

— Не бойся, — прошептала я и изобразила ободряющую улыбку.

Я снова взяла Иру на руки, прижала к себе.

— Молодец, — с издёвкой похвалил Романтик и посторонился. — Иди... Вы свободны.

Он изобразил издевательский приглашающий жест. Я с девочкой на руках шагнула вперед и остановилась. Передо мной тянулся коридор. Коридор, который я с таким трудом пересекла, пробираясь через нити, боясь зацепить чертовы колокольчики. Теперь нитей не было, но пол коридора был сплошь устлан серебрящимися осколками стекла. Холодный пол жег мои голые ноги.

Я вздохнула, посмотрела на дверь в конце. Крепче прижала к себе Иру и со страхом ступила вперед. Стекло хрустнуло под моей ногой.

— Ай... — не удержалась я и скривилась от режущей, прокалывающей боли.

Боль вцепилась в мою ногу, впиалась в мою плоть режущими осколками стекла.

Я закусила губу, заставила себя шагнуть дальше, медленно, боязливо опустила на стекла вторую ногу. Я зажмурилась, чувствуя, как стекло медленно разрезает, а потом вдавливается в подошву моей ступни.

Колени толчком пронзила предательская слабость. Ира жалась ко мне. Я чувствовала её сердцебиение. Я хотела идти на носках, чтобы не наступать на стекло всей поверхностью ног, но не могла. Я боялась упасть и уронить Ирку.

Я пыталась делать шаги пошире, попыталась сократить расстояние. Снова ступила на стекла.

Я яростно зашипела от пожирающей мою ступню дикой, режущей и жгучей боли. Мучительно жмурясь, хватая пересохшими, дрожащими губами воздух, я ступила дальше. По ступням и до колен то и дело взбиралась трепещущая дрожь. Она как будто бы хотела, чтобы я упала на колени. Упала и больше не поднималась.

Стекла при каждом робком шаге глухо звенели и шуршали под моими ступнями. Моё дыхание давно стало прерывистым, сбивчивым, затрудненным. Мне не хватало воздуха. Воздух отнимала боль.

Я, пересиливая себя, стараясь не думать о боли, сделала новый шаг. Морщась, снова плавно, медленно, пугливо опустила ногу на стекла.

— Господи... — выдохнула я тонким голосом и стиснула зубы. — А-ай...

Я не смогу, поняла я. Боль становилась невыносимой. Она подчиняла и поработала меня. Мне нечего было ей противопоставить. Я не могу.

Боже, как больно... Р-р-р... Фак! Кур-рва... Я не знала, что так бывает... Господи... Я с усилием жмурила глаза. Я пыталась пережить, стерпеть разрывающую мои ступни бешеную боль. Вязко и глухо стучало сердце. Вместе с болью тело наполнял иссушающий жар. При каждом шаге с моих уст срывался дрожащий вздох. Мои ноги были в огне, в пламени бесконечной неистовой боли. Боль торжествовала в моей плоти, в моей крови, в моих ногах.

А до двери было ещё слишком далеко. Я не смогу... Господи. Я не могу!

Я всхлипнула, сжала губы. Закусив нижнюю губу зубами, я шагнула вперед.

Резко возросшая боль выдавила из меня вдох. Я закричала, запрокинув голову.

Я чувствовала, что мои ступни увлажнились, промокли и стали липкими от крови. С трудом дыша, ощущая, как взбешенно галопирует пульс в венах, я сделала очередной шаг дрожащей ногой.

— А-а-ай! — кривясь, простонала я.

Горячие слёзы боли застилали взор. Я несколько раз поморгала глазами.

Осталось немного... Я смогу. Я смогу... Я смогу! Я шагнула вперёд. Я опустила израненную ногу на стекло. Осколки вошли на всю глубину, они были внутри моих ног. Они жгли, резали, разрывали мои ноги. Я тихо рыдала. Боль когтями взбиралась по ногам, глубже вгрызалась в плоть. Живот и грудь вздрагивали, когда я втягивала воздух. Я ступила дальше и глухо, стиснув зубы, зарычала, втянула воздух, задохнулась от накатывающего, пульсирующего мучительного ощущения в ногах. Мои ноги снова вздрогнули, колени подогнулись. Боль жгла и рвала мои ноги. Я не могла это терпеть, не могла. Не могу, я больше не могу.

Ощущая холодок на вспотевшей коже лба и морозную щекотку на вспотевшей шее, я, пересиливая себя, надрывая волю, сделала следующий шаг. Я вскрикнула. Не сжимаясь, не стараясь скрыть боль. Я закричала от проникающей, глубоко прожигающей, бесконечной и сумасшедшей боли.

Боль лишала меня сил, храбрости и воли. Я не могла... Я заставляла себя идти дальше. Боже... Боже, я не знала, что так бывает... Господи... Шаг... ещё шаг... А, Боже... Ещё... Ещё чуть — чуть... Я справлюсь... Я смогу... Мое тело содрогалось от накатывающего, сотрясающего болевого шока.

В воспоминании вспыхнул эпизод из детства. Я тогда была уже одна.

Отца только что посадили. Мать ушла за месяц до этого. Я была одна. Одна среди родственников, близки и дальних, которые презирали моих родителей и ненавидели меня. Я вспомнила, как тётка Барбара наказала меня и сказала, что я не буду есть до понедельника.

Я украла еду. Я помню, как она остервенело била меня ремнем. Я помнила, как металлическая пряжка стегала мою спину. Эти кровоподтеки и синяки ещё два месяца оставались на мне. А на поясице, где пряжка ремня рассекла мне кожу, у меня навсегда остался длинный, похожий на волос, узкий белёсый шрам. Тогда я слёзно молила, чтобы она перестала меня бить. Но она так разошлась... Она мстила мне за моего отца, за мою мать. Она мстила за свою ненависть. Её остановил наш дворецкий Дональд — единственный из слуг, не боявшийся перечить моим родственникам и любящий моего отца.

Сейчас меня поражала боль куда более свирепая, чем от хлестких ударов ремнем. Я ступила правой ногой. Почувствовала, как стекло в ноге глубоко вдавливается в мышцы, казалось хищные осколки стекла уже достигли костей...

Стекло отзывалось звонким шорохом, на каждый мой шаг, меня шатало. Ступни горели, пылали приступом режущей боли. Я шла прихрамывая, едва перебирая изрезанными ногами.

Дверь... Главное — дойти до входной двери. Господи... Да что ж так... Так больно... Боже... А-ай...

С моих губ сорвался новый стон. Руки дрожали, дрожь трясла за плечи, толкала в ноги. Я боялась уронить Иру. Я ослабела. Боль истощила меня, высосала жизнь, выжрала силы... Я больше не могла идти.

Эпизод шестой

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Среда, 18 июня

Когда он вышел, оставив Нику одну, в нём окрепла устойчивая мысль, что если с ней что-то случится, он застрелится. Стас знал, что будет не в силах это вынести. Да. Вот так. И сейчас он корил себя за то, что оставил её. Он гнал от себя поганые мысли. Мысленно проклинал Романтика. И ещё ругал себя последними словами. Он был виновен в неудачной засаде. Он был полностью виновен, что Романтик обозлился. Стас знал это.

Домбровский и Арцеулов молчали. Молчание было мрачным, тяжелым, удрученным. Коля владел собой хуже всех. Он мерил площадку подъезда широкими, быстрыми шагами, два раза наорал на людей, что выглянули из квартир и спросили, в чем дело. Арцеулов молча курил. Уже восьмую сигарету.

Всех изводила мысль, что они могут только ждать. И затаившийся этажом ниже отряд специального назначения, прибывший несколько минут назад, тоже вынужден ждать. Ждать... Ожидание изматывало, нервировало и мучило.

Корнилов последние десять минут стискивал руками деревянные перила лестницы, пытаясь справиться с накатывающими волнами опасений.

Майор пытался быстро понять, что он может сделать и что предпринять.

Самое просто решение — отдать приказ о штурме. Да, может показаться со стороны, что так было бы проще. Только это нужно было делать сразу, а не теперь, когда там Ника.

Стас в который раз глухо рыкнул, коря себя за то, что позволил Нике остаться и сыграть в опасную игру. Единственное, что его немного успокаивало, так это то, что несмотря на свой крайне нежный возраст, Ника психологически куда взрослее своих сверстников, а о таких подонках, как Романтик, знает, наверное, побольше большинства знакомых ему следователей.

Почему? Да потому что они — профессионалы, опирающиеся на опыт и знания, а она в прямом смысле слова может заглянуть убийце в душу. Стас бы в жизни не оставил Нику, если бы не помнил, как ей удавалось уже в похожих ситуациях воздействовать на убийцу. В конце концов, именно Ника убедила Московского живоде́ра отпустить последнюю жертву. И до этого именно эта девочка с сияющими платиновыми волосами и искристо синим взглядом проникновенных глаз убедила семью садистов из Подмоскovie сдать полицию.

Невероятно? Бред?! Чушь?.. Нет, это факт. Правда, факт, о котором знает крайне ограниченное количество людей.

Стас прикинул, что принесет ему приказ о штурме. Выходило, что ничего, кроме гибели и Романтика, и заложниц, и Ники. И не факт, что сами бойцы не пострадают. От Романтика, Стас теперь это осознал окончательно, можно ожидать чего угодно.

Помимо бессильного беспокойства за Нику, Стасу не давала покоя навязчивая мысль о том, как Романтик собирается сбежать. И собирается ли.

Когда из-за закрытой двери квартиры, где засел Романтик с заложницами, раздался внезапный девичий крик, Корнилов чуть не оторвал перила, за которые держался, стоя возле лестницы. Он бросился к двери, его догнал Коля, схватил за локоть.

— Стас, стой! Вломишься, и им всем крышка! Он же сказал!

— Хрена мы вообще стали играть по его правилам! — рыкнул Корнилов, с ненавистью глядя на закрытую дверь.

— А что мы должны были делать?! — повысил голос Коля. — Переговорщиков вызывать? Он бы убил заложниц! Всех троих. Даже маленькую кроху в пижамке. Он бы не стал ждать, Стас.

Корнилов услышал неспешную поступь Арцеулова, обернулся. Бородач, глядя на Стаса,

с печальным взглядом кивнул.

— Он прав, Стас. Даже я с этим согласен, — вздохнул Сеня. — И снайперы ничего не видят, он об этом позаботился.

Корнилов оглянулся на дверь. Он чувствовал, как на виске нервно бьется жилка артерии. Стас, волнуясь, потер ладонью подбородок.

Из квартиры донесся новый крик.

— Чтоб тебя! — выругался Стас и дёрнул за ручку двери.

Дверь не подалась. Корнилов дёрнул ещё раз. Тщетно!

— Дерьмо! — выругался Стас.

Его сотрясала неудержимая почти паническая тревога. Он проклинал себя за глупость и беспечность! Из-за того, что Ника слишком часто ему помогала, слишком часто брала на себя ношу, которая не по силам большинству взрослых, он забыл, что она сама ещё всего лишь ребёнок.

В двери квартиры что-то щелкнуло. Стас и его опера отскочили, схватились за оружие. Стас увидел, как повернулась изогнутая ручка двери. Затем тяжелая входная дверь медленно приоткрылась, и в коридор вышла Ника.

— Господи... — вырвалось у Коли.

Стас увидел заплаканное лицо Ники, увидел перепуганную, дрожащую девочку у неё на руках. А затем опустил взгляд на босые ноги Ники. Они были перемазаны кровью. Нику била дрожь, у неё тряслись плечи, а взгляд был отстранённый, рассеянный. Она шла с трудом, прихрамывая и тихо плача.

Корнилов ринулся к ней, жестом отдал Арцеулову команду, тот вернулся в коридор, помахал руками спецназу.

Бойцы поднялись на этаж, ринулись к квартире.

Стас осторожно взял у Ники ребенка, передал Коле, а сам быстро подхватил Нику на руки. Лазовская с благодарностью прижалась к нему. Корнилов в ужасе снова посмотрела на израненные ноги девушки. Он видел застрявшие в её ногах куски стекла. Часть из них со звоном посыпалась на пол. Его охватила ярость. Он желал растерзать Романтика, оторвать ему голову, расстрелять на месте и сжечь. Он не стал ничего спрашивать у Ники. Он видел, что девушка не была способна что-то объяснить.

— Вы скорую вызвали?! — спросил он Домбровского.

— Так точно.

— Отлично.

Они посторонились, пропуская Арцеулова во главе отряда спецназа. Внизу, на улице, Корнилов сам положил Лазовскую в карету скорой помощи. Девушка спрятала лицо в ладонях и тихо, горько заплакала. В её слезах были пережитая боль, ужас, чувство вины и облегчение. Стас сидел рядом, держал её маленькую узкую ладошку, с отеческой заботой гладил по светловолосой голове.

Ника хотела рассказать Стасу о том, что происходило за закрытой дверью, но Корнилов остановил её. Они были не одни. Рядом сидел врач скорой помощи и, цокая языком, осматривал ноги девушки.

— Нужна операция, — безапелляционно заявил он. — У девушки глубокие травмы мышечных тканей и кровопотеря.

— Тогда поехали, — рыкнул на него Стас и постучал в окно водителя.

Скорая тронулась с места. Корнилов подумал, что, возможно, ему следовало бы остаться

с Арцеуловым, проследить за результатом действия спецгруппы, увидеть своими глазами место преступления. Но он не смог оставить Нику.

Тем более, в этом Корнилов не сомневался, она расскажет ему гораздо больше, чем он мог бы найти в той квартире.

Скорая выехала со двора дома. Водитель включил мигалку и сирену. Автомобиль разогнался, набирая скорость. Ника посмотрела в глаза Стаса.

— Вы отдали девочку её отцу?

Корнилов усмехнулся — Ника оставалась верна себе. Сама изранена, напугана, истощена и измучена, а переживает за чужого, малознакомого ребенка совершенно чужих людей, при этом будучи сама ребенком. Кто-то мог бы обвинить эту белокурую девушку в бездумном, глупом и восторженном альтруизме или позёрстве. Но Стас знал её, и знал, что Лазовская искренна в своих действиях, поступках и словах. Она одна из немногих людей, кто ещё не утратил чувство сострадания. Одна из тех, в ком, как бы это сейчас пафосно и глупо ни прозвучало, просто живёт настоящее, обыкновенное и ничем не мотивированное добро.

Добрая девочка с печальными задумчивыми глазами, думал о ней Стас.

Стремится помочь другим, хотя обычно, мало кто готов прийти на помощь к ней самой. Корнилов крепче сжал её горячую ладошку.

Врач, сидевший у ног Ники, спешно и осторожно вынимал осколки и обрабатывал раны. Лазовская то и дело морщилась, шипела от боли.

Корнилов бросил взгляд на окровавленные осколки стекла. Он так стиснул зубы, что едва не раскрошил их.

Врач уже вынул десяток вымазанных в крови Ники стеклянных осколков.

И это только те, что на поверхности.

Машина ускорила.

АРСЕНИЙ АРЦЕУЛОВ

Среда, 18 июня

Бойцы спецподразделения ворвались внутрь квартиры. Их встретила вызывающая тишина. Они аккуратно, но быстро прошли вперед. Стекло в коридоре звонко захрустело под их ботинками.

Сеня остановился, глядя себе под ноги. На осколках стекла краснели отдельные кровавые пятна — следы от ног Ники, её кровь. Арсений представил, как девчонка шла с малышкой на руках через весь коридор...

босиком... по стеклу, ощущая дичайшую боль. Арцеулов продолжительно, изошренно и грязно выругался. Последние слова он буквально прорычал.

Спецназ обыскивал квартиру быстро, четко и профессионально. Из ванной комнаты вышли двое бойцов, направились дальше. А из кухни вышел ещё один спецназовец и, пройдя по коридору, встал под минами на потолке. Задрал голову, внимательно осмотрел. Он посмотрел на Сеню.

— Поможешь? — он кивнул на стоящий у стены шкаф.

Арцеулов оглянулся на старый шкаф, стоящий возле двери одной из комнат.

Его полки были пусты.

— Без проблем.

Сеня помог ему перевернуть этот шкаф. Взрывотехник взобрался на перевернутую мебель, осветил фонариком устройства, хмыкнул.

— Чёртовы самоучки... Хоть бы делали качественно, — он с досадой покачал

головой. — Сам мог подорваться, идиота кусок.

— Я был бы не против, — ответил Сеня. — А где он мог узнать, как создавать мины?

— У тебя что, интернет отключили? — усмехнулся сапёр, аккуратно раскручивая корпус мины. — В сети сейчас можно найти информацию, как реактивный двигатель собрать и ядерную реакцию синтезировать в домашних условиях, а не то что самопальные мины сварганить...

Арцеулов посмотрел, как остальная группа разбегается по квартире, проверяет комнаты.

— В интернете можно прочитать, как сделать самодельные, полноценные мины? — скептически спросил Сеня.

— Не только прочитать, но и увидеть, — заметил сапёр.

Сеня негодуя фыркнул.

— YOUTUBE? — ворчливо спросил Сеня.

— YOUTUBE, — вздохнул сапёр.

Арцеулов согласно кивнул. Видеохостинги он лично презирал и ненавидел.

Кроме тех, что дают возможность смотреть бесплатные сериалы и фильмы.

Но большинство таких ресурсов несколько миллионов человек используют для демонстрации последствий дурного воспитания и отсутствия интеллекта.

Арсений прошел в комнату, в зал, где они видели восседающего на стуле Романтика.

Пол в помещении был залит двумя огромными лужами крови. Кровью были обильно забрызганы стены вокруг. Кровавые струйки, точно щупальца, проворно ползли вниз от сохнувших, влажных, багровых пятен на стенах.

Арсений смотрел на два неподвижных женских тела. Головы и шеи обеих женщин были буквально насажены на лезвия пил. А тела, выгнувшись вниз, полулежали на полу. Руки жертв безвольно свисали вниз. Со стороны могло показаться, что обе женщины застыли в нелепой, странной и жуткой позе, упершись головами в лезвия трёх пил. На столе Арсений обнаружил две розы.

Две вместо трёх. Только две... Не хватает одной, самой юной. Той, что на своих руках вынесла Ника.

Арцеулов покивал головой, вспомнил Нику с окровавленными ногами и запуганную кроху у неё на руках. Она вынесла её, она обыграла Романтика в его же игру. Арцеулов зло усмехнулся.

Ублюдок не ожидал увидеть среди полицейских маленькую худощавую школьницу. И не ожидал, что она справится там, где по задумке не должны были справиться взрослые.

К Сене подошел командир спецгруппы.

— Всё чисто. Квартира пуста.

Сеня с кислой миной кивнул. Он даже не сомневался, что Романтик уйдёт. Он всегда уходит. Арцеулову было интересно, как именно он ушел в этот раз.

— Товарищ майор! — крикнули из маленькой спальни. — Есть!

Арцеулов ринулся в комнату впереди майора спецназа. Забежав внутрь, он уткнулся взглядом в распахнутое окно. Ночной ветер вскидывал и качал занавески, шуршал клеенкой, которой была накрыта мебель в комнате.

Арцеулов подошёл ближе к распахнутому окну. Он обескураженно уставился на металлические крепления на подоконнике и под ним. От них, огибая нижнюю часть оконной рамы, тянулся тугий металлический трос. Арсений с яростным лицом высунулся из окна. Трос тянулся вдаль и терялся во мраке ночной улицы.

— Бинокль! — рявкнул он.

Ему вручили бинокль. Он поднёс его к глазам, включил режим ночного видения. В зелено-черных тонах Сеня внимательно проследил указывающую вдаль идеально ровную линию троса. Она упиралась в дом, через две улицы.

— Твою мать! — выругался Арцеулов и схватился за рацию.

Спустя пару минут Арцеулов, бойцы спецназа и полиция ринулись в соседний двор. За несколько минут они полностью окружили его по периметру.

Из окон высовывались сонные, испуганные жильцы дома. Некоторые выглядывали из квартир, удивленно глядели на бегущих по лестнице их дома полицейских.

Он нашли нужную квартиру, в окно которой уходил трос. Спецназ вскрыл её тактическим тараном. Внутри было темно. Бойцы ворвались внутрь, восемь лучей света заметались в стенах квартиры.

— Чисто!

— Чисто!

— Чисто!

Быстро, одно за другим, раздались сообщения из разных комнат. Арсений лично обшарил все комнаты, кухню и ванную. Квартира была пуста. Он словно издевался над ними. У Сени даже сложилось неприятное, гадкое ощущение, что Романтик сидит где-то, наблюдает за ними и смеется. Пораженный этой абсурдной мыслью Арсений даже обвел взглядом помещение, в котором находился.

Они вышли на улицу. Во дворе собралась толпа народу. Арцеулов увидел даже нескольких людей, что снимали происходящее на телефоны. Он отвернулся, его дико бесили эти «народные операторы». Внутри Арцеулова клокотала дребезжащая злость. Если бы его мысли и эмоции были абсолютно материальны, вокруг бы, скорее всего, всё пылало ярким пламенем.

Они вернулись к дому, где Романтик организовал свою дикую игру и заставил их всех следовать его правилам. Во дворе он увидел двух мужчин в защитных костюмах инженерно-саперного отдела полиции. Они собирались заходить в дом. Вокруг гомонили люди, во дворе их собралась целая толпа.

Арсения посетило неприятное предчувствие и подозрительная мысль.

Он подозвал командира спецгруппы, которая уже грузилась в свой автомобиль.

— Вы решили вызвать подкрепление своему саперу? — спросил Арсений, указав на двух мужчин в громоздких взрывозащитных костюмах.

Майор спецназа в ответ покачал головой.

— Мы заходили без сапера, товарищ старший лейтенант.

Арцеулов секунду рассматривал его. Затем бегом рванул к подъезду. Он оттолкнул поднимающихся сапёров, стремительно ринулся вверх по лестнице.

Когда запыхавшийся Сеня уже снова был в квартире, откуда Ника вынесла маленькую девочку, мин на потолке в коридоре не было. Как и не было того сапера, которому он помог перевернуть шкаф. Арцеулов с гневным разочарованием врезал ногой по стене и яростно выкрикнул ругательство.

— И что, ты даже лица его не разглядел? — спросил Стас, выслушав рассказ Арсения.

— Он в маске был, — пробурчал Арцеулов. — А потом ещё этот трос **анный...

Стас устало усмехнулся.

— Идиотский развод.

— Спасибо.

— Ты знаешь, что это так.

— Знаю, — проворчал Арцеулов и повторил, не тая злости. — Знаю.

— Тела отдали на экспертизу?

— Да, но... этот... Борис Зорин... Он запретил проводить вскрытие.

— Оно нам и не нужно. — покачал головой Стас.

— А если...

Сеня, у тебя есть сомнения, от чего умерли Лидия и Аделаида Зорины?

Арцеулов пожал плечами.

— Романтик нанизал их головы и шеи на лезвие пилы... От их шей почти ничего и не осталось... Стас, а как же препарат, который Романтик вводил своим жертвам?

— Ящер уже сказал, что это нейротоксин на основе алкалоида ликоподиума.

— Коля вроде что-то искал по этому следу.

— Искал, — кивнул Стас. — И ничего не нашел. Ящер тоже не смог назвать источники.

Потому как они выписываются и поставляются исключительно в медицинских целях и только в медицинские или научно-исследовательские учреждения. И никаких хищений зарегистрировано не было. А если и было... То официальных фактов по этому поводу нет. И тратить ресурсы на проработку этого неперспективного следа, я считаю, глупо. Поэтому Зорин пусть получает обратно тела своей жены и матери.

Стас подумал и добавил.

— После того, как Ящер исследует их на наличие следов.

— Думаешь, найдёт?

Корнилов неопределенно качнул головой.

— Ноготь то он нашёл.

— Нам это не сильно помогло.

— Мы точно знаем, что Романтик имеет опыт в садоводстве.

— А раньше...

— А раньше мы только подозревали, — перебил его Стас. — Чувствуешь разницу?

Арсений вздохнул, фыркнул и кивнул.

— Да.

Они сидели в коридоре больницы возле операционной. Мимо метался персонал больницы, иногда санитары прокатывали тележки и больничные койки. Несмотря на то, что скоро уже рассвет, в больнице сегодня было беспокойно. Как оказалось, как раз сегодня в полдень должен состояться матч между «Спартак» и «Анжи». Но фанаты обоих клубов решили не дожидаться матча и решить исход игры по-своему. Как результат, в сто восьмидесятой больнице Москвы сегодня аншлаг в самом дурном смысле этого слова.

Палаты заполнены окровавленными, избитыми и стонущими парнями как русской, так и кавказской внешности. Переломы рёбер, ссадины, поломанные руки, выбитые суставы, разбитые носы, а иногда и травмы, сулящие определенную степень инвалидности.

Стас никогда не понимал драки футбольных фанатов. В его бытность молодым лейтенантом ему нередко приходилось или стоять в усилении во время футбольных матчей, или же разбираться в последствиях стычек футбольных фанатов. Корнилов сколько ни говорил с крепкими, вроде бы даже умными и талантливыми парнями, не мог понять их ненависти к фанатам противоположной команды. Какой смысл бить человека за то, что он

болеет за другой клуб? Можно подумать, игроки клуба или сборной, за которую ты болеешь, будут от этого лучше играть. Ещё меньше смысла есть в том, чтобы стать калекой из-за противоречий в предпочтениях тех или иных футбольных команд.

Двери операционной открылись, между ними выглянул упитанный мужчина с кучерявой каштановой бородой. Он помахал рукой. Выглядел он бодрым и жизнерадостным. Стас незаметно для Сени облегченно перевел дух. Он успел изрядно переволноваться за Нику.

Её выкатили на медицинской каталке два санитары. Увидев Стаса, она улыбнулась. Она улыбнулась для него и для Сени, чтобы успокоить. Но Стас успел заметить и различить измученную усталость на её лице и в её взгляде.

Видимо, операция происходила не совсем безболезненно. К тому же наркоз был исключительно местный. А он не всегда до конца исключает чувствительность в пораженной области.

— Ну, как ты? — Стас пошел рядом с каталкой Ники.

— Нормально, — кивнула девушка.

Он бросил взгляд на её перебинтованные ноги. Корнилов ощутил жалящие укусы совести, его пробрало ещё большее сочувствие к девушке. Ей пришлось нести ношу неподъемную даже для взрослого человека. И она вынесла, пока они, трое полицейских, вынуждены были стоять под дверью и ждать, не смея войти в квартиру!

Корнилов вспомнил, как видел Нику на льду. Как она кружилась со своим партнёром. Как они вместе совершали синхронные прыжки и неслись по льду так, что зрители замирали в восхищении. А теперь она лежит на каталке с перевязанными, израненными ногами.

— Стас, — Ника взяла его за руку.

— Да? Что? — рассеяно проговорил Корнилов.

— Перестань винить себя, — попросила Лазовская. — Там ничего такого серьезного. Это не угрожает моей возможности ходить или заниматься спортом.

Она вздохнула, отвела взор.

— Правда, мне придется отложить тренировки, и мой тренер будет в шоке, от которого ей будет трудно оправиться, но... — Лазовская слабо улыбнулась и пожалала плечами, — она сильная женщина, справится.

Санитары завезли Нику в её палату. Стас позаботился, чтобы Лазовской дали одиночную больничную палату. Санитары аккуратно переложили девушку на кровать. Ника с блаженством понежилась, укладываясь на подушке и накрываясь одеялом.

Стас не сдержал улыбки, глядя на неё. Арцеулов уселся на один из свободных стульев у стены. Бородатый хирург, оперировавший ноги Лазовской, встал с другой стороны от кровати Ники.

— Мы изъяли из твоих прекрасных ножек все осколки, — сказал он с добродушной улыбкой.

Ника ответила такой же приятной, доброжелательной усмешкой.

— Рада это слышать. Большое спасибо вам.

— Не стоит, — хирург слегка развел руками, бросил взгляд на Стаса, затем снова посмотрел на Нику. — Но залечивать раны придется долго. Какое-то время тебе нельзя будет ходить. Иначе могут разойтись швы, а их у тебя немало.

Он хмыкнул.

— Не буду спрашивать, как тебя угораздило, почему- то я думаю, ты не захочешь

рассказывать, — он усмехнулся.

И Стас понял, что хирург лукавил. Он рассчитывал на обратный эффект.

Ника пожала плечами.

— Некоторые обстоятельства сложились для меня не совсем удачно, — деликатно и сдержанно проговорила Лазовская.

— В следующий раз тебе стоит быть поаккуратнее, — усмехнулся доктор.

— А сколько времени может пройти до полного выздоровления? — спросила Ника, глядя на свои ноги.

Хирург коротко развел руками.

— Ходить без риска для здоровья ты сможешь через два-три дня. Тут всё зависит от скорости заживления. А вот снять швы мы сможем не раньше, чем через неделю. До этого времени вам следует категорически воздержаться от любых нагрузок. Даже от быстрой ходьбы или поднятия тяжестей. Первые сутки, разумеется, лучше вообще не ходить.

Он метнул на Стаса любопытствующий взгляд.

— Господин майор... Можем ли мы переговорить наедине?

Стас чуть вскинул брови, опустил взгляд на Нику. Та задумчиво слегка нахмурилась, посмотрела на обоих мужчин.

— Конечно, — Стас кивнул Нике. — Я быстро.

Она кивнула в ответ. Корнилов чувствовала её обеспокоенный взгляд на своей спине.

Арцеулов остался в палате. Стас услышал, как он спросил Нику:

— Ну как ты, вообще?

Стас следом за доктором вышел из палаты. Тот закрыл за собой дверь и, бросив взгляд на Нику, спросил:

— Я так понимаю, вы не родственник этой девушки?

— Нет, — качнул головой Стас. — Но здесь, в Москве, у нее из родственников только один человек, и сейчас ему нет дела до своей племянницы.

— Понятно, — вздохнул врач. — Но тем не менее, я вижу, что вы достаточно близки с этой милой, юной особой.

Доктор прокашлялся.

— Проблема в том, что медсестры, когда переодевали мою пациентку в больничную одежду, увидели на её теле обширную, сочную гематому. Уже достаточно давнюю.

Хирург несколько секунд смотрел на Стаса.

— Это след от удара, — проговорил он похолодевшим тоном.

Корнилов смотрел в лицо доктора. Затем перевел взгляд на Нику.

— Она мне ничего не говорила, — проговорил Стас скорее для себя, чем для доктора.

— В таком случае, вам стоит поговорить с ней об этом, — настоятельно рекомендовал доктор. — Это может иметь плохие последствия. Особенно, если повторится.

Стасу показалось, что в голосе доктора прозвучал угрожающий намёк.

— Ты рехнулся, док? — спросил Стас. — У меня дочка её возраста.

Хирург пару секунд изучал его лицо.

— Верю, — кивнул он. — Тогда майор, пожалуйста, поговори с ней. Потому что, если я правильно понял, после её дяди, которому сейчас не до её проблем, ты её самый близкий человек. Во всяком случае, из взрослых.

Стас не сдержал странной, доброй улыбки. Словами доктора до него внезапно дошла и так очевидная, но постоянно неуловимо ускользавшая истина.

Да. У Ники есть её дядя, который больше занят своими проблемами, её подруга, которая бывает нестабильна и не всегда надежна, и он, Станислав Корнилов. А самое главное, Стас понял, что в общем-то для него Ника, пожалуй, стала самым дорогим человеком после жены и дочери. Пожалуй, даже дороже Арцеулова и Домбровского, каким бы циничным не было такое сравнение.

— Я поговорю с ней.

— Очень на это надеюсь.

— Валерий Климович, — к доктору подбежала суетливая медсестра и плаксиво сообщила, — там у Колобова давление упало, он сознание теряет.

— Прощу меня извинить, — Валерий Климович быстро кивнул Стасу. — Увидимся.

— Пока, — бросил Стас и посмотрел на Нику через внутреннее окно палаты.

Арцеулов что-то рассказывал ей, активно жестикулируя, а Ника то и дело посмеивалась. Стас несколько секунд понаблюдал за Никой. За тем, как она улыбалась и смеялась. Он подумал, что в последнее время нечасто видел, как она смеётся. А ещё понял, что её улыбка вселяет и укрепляет в нём необъяснимую веру во что-то хорошее, светлое и уютное.

Корнилов вошел в палату. Ника и Арцеулов взглянули на него.

— Стас, — произнесла девушка. — Я так и не рассказала тебе.... Я кое-что увидела в той квартире... Это были воспоминания Романтика...

— Господи, Ника. — Арцеулов покачал головой. — Ты едва осталась жива... Мы там за дверь все извелись... Ты можешь хоть дух перевести?

Он усмехнулся. Ника внимательно посмотрела на Арсения.

— Мне кажется, у нас нет на это времени, — девушка чуть качнула головой. — Романтик взбешен... и, возможно, будет искать мести.

Стас уже успел об этом подумать. Возле палаты Ники он поставит охрану.

И возглавлять её будет, например, тот же Арцеулов. Но сначала нужно было прояснить один тревожный момент.

— Ника, — Стас обошел кровать девушки.

Она взглянула на него. Кажется, почувствовала, что его что-то гнетет

— Что случилось? — спросила она чуть настороженно.

— Это я хотел спросить у тебя, — Стас постарался, чтобы его голос звучал помягче.

Девушка пару раз моргнула. Уставилась на него своими эффектными сапфировыми глазами.

— Я не понимаю, Стас... — пролепетала она.

— Откуда у тебя синяк, Ника? — спросил Стас.

Девушка бросила быстрый взгляд на Сеню. Бородач смотрел обеспокоенно.

Ника опустила взор, подтянула колени, обхватила их руками.

— Это...

— Это удар, я знаю, — холодно зато заметил Стас.

Ника закрыла глаза.

— Я не понял, — проговорил Сеня ошарашенно. — Ника... кто посмел?!!

— Тише, Сень, — попросил Стас.

— Если я вам скажу, вы обещаете, что не будете его бить? — спросила Ника.

— Обещаем.

— Обещаем, — рыкнул Сеня.

Они успели обменяться взглядами. Стас понял, что Сеня не намерен сдерживать это

обещание. Равно, как и он сам.

— Это фотограф, — вздохнула Ника. — Ну тот, который фотостудию содержал...

— Игорь этот? — глаза Стаса чуть сузились.

Ника взглянула на него, затем на вставшего со стула Сеню.

— Вы обещали его не трогать... — тревожно, слегка заикаясь, проговорила девушка.

— Обещали, — кивнул Стас.

Для Корнилова было загадкой, почему Ника иногда не хотела, чтобы какой-то негодяй получил по ребрам, чтобы пойманный серийный насильник или убийца детей был случайно убит во время задержания или в застенках СИЗО.

Многие люди сказали бы, что это было бы правильно, детоубийца другого не заслуживает. Но Стас замечал, что Лазовская принципиально против того, чтобы кому-то причинять боль. Даже тем, кто заслуживает этого больше всех в мире.

Кого другого, Стас презрительно бы назвал восторженным и глупым идеалистом. Только вот Лазовской двигали далеко не поверхностные представления о добре и справедливости. Что-то другое, что-то недоступное пониманию большинства. Это не была жалость или сострадание. Нет. Стас не знал, что это, и почему она так себя ведёт. Хотя, возможно, из-за этого они, другие, такие, как Романтик, ей верят, прислушиваются. Они не чувствуют в ней ненависти. Скорее, сожаление и даже сострадание, смешанное со снисходительным, обвиняющим презрением. И это их частично подкупает. Лазовская другая, во взглядах, принципах, отношении. Другая...

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 19 июня

Так и знала, что медсёстры, которые помогали мне переодеться в больничную пижаму, доложат о синяке. И я не сомневалась, что придётся объясняться перед Стасом. Хорошо ещё, дяди Сигизмунда тут нет. Он прислал мне SMS, что ему всё таки придется смотаться в Токио, Осаку и Йокогаму. А это означало, что его не будет, минимум, недели две. Ладно. Не привыкать. В конце концов, у меня есть Федя и друзья дяди Сигизмунда, похожие на стареющих викингов. С мастерской я как-нибудь справлюсь.

Я рассказала Стасу и Сене, как Игорь подловил меня, как угрожал и как ударил.

— Ника, а почему ты сразу мне не сказала? — в голосе Стаса проскользнуло недовольство и суровый металлический оттенок.

Я подтянула к себе одеяло, опустила взор, грустно и виновато вздохнула.

— Я боялась, что вы его покалечите, — призналась я.

— Этот урод твою подругу и других девчонок голыми снимал и продавал снимки за границу, а тебе угрожал и ударил, — Стас чуть склонил голову к плечу. — Почему ты его жалеешь?

— Я его не жалею. Я просто не хочу, чтобы вы его били...

— А если его в тюрьме ээки на перо посадят?! — не удержался Сеня.

Я взглянула на него, затем отвела взор.

— Есть разница, Сеня, позволить судьбе и року самому вершить суд над виновным человеком... в соответствующих условиях, или же мстить за обиды, которые ты не в состоянии вынести.

Я увидела, как глаза Стаса чуть сузились. Он силился меня понять. И я была благодарна ему за это, за эти попытки. Он был одним из немногих, кто на это способен.

— Я не понимаю, Ника... — признался Арцеулов. — Честно... То есть, если какой-то

урод тебя, не дай Бог, обесчестит... Ты что? Тоже никому не скажешь? Или, допустим, родители жертв Романтика... Если им представится случай, они не должны убивать его, только потому, что... Я не понимаю!

Он, и правда, не понимал и бесился из-за этого.

— Родители жертв Романтика вольны делать всё, что пожелают, — ответила я. — У них есть на это определенное моральное право. Многие их не осудят и даже поддержат, если они найдут его и убьют... или сначала будут долго, по садистки, мучить, а потом убьют более изощренным способом...

Я отвела взор, взглянула в окно. Начинался рассвет. Новое утро нового дня.

— Они могут сделать это ради мести, — сказала я, глядя в окно. — Но месть — это попытка унять гнетущую душевную боль от поражения, потери близкого человека, унижения или неудачи.

Стас и Арсений переглянулись. Они думали, я не заметила. Я знала, как выгляжу в глазах других людей, когда пытаюсь донести свои мысли, отличные от их взглядов.

— В порыве злости люди часто забывают, что месть не приносит облегчения, — я покачала головой. — Лишь временное моральное удовлетворение. Мечь не повернёт время вспять, не вернёт вам утраченное, потерянное, не вернёт убитых близких людей. Мечь — это как дешевое обезболивающее.

Я пожала плечами.

— Действует частично, недолго и некачественно.

Губы Стаса чуть исказила странная полуулыбка.

— Считаешь, люди не должны мстить?

— Считаю, что люди не должны искать в этом утешение, — ответила я.

Арцеулов всё ещё не был удовлетворён.

— Отец, чью дочь, например, жестоко изнасиловали и сожгли заживо, что должен делать?! Особенно если знает, что виновник остается на свободе?! Так тоже бывает... Нет улик, нет доказательств... — Арцеулов разгоряченно, яростно взмахивал рукой. — Что, просто простить? Потому что мстить — это плохо?

Я смерила его мирным, снисходительным взглядом.

— В данном случае, Сеня, отец жертвы, конечно, может мстить... Но в этом нет смысла. Никакого.

— А в чём есть?! — хмыкнув, спросил Арцеулов. — Что? Стерпеть? Забыть? И...

— В справедливости, — проговорила я всё тем же спокойным голосом. — И правосудии. И то и другое имеет самый весомый смысл в нашей жизни просто потому, что должно регулировать человеческое существование, Сеня. Именно справедливость и правосудие, Сеня, должны торжествовать, а не озлобленная месть.

Я чуть пожала плечами.

— Если человек виновен, он должен понести наказание. Соответствующее.

— Угу, — буркнул Сеня. — И как его узнать, это соответствующее наказание?! Кто измеряет, насколько оно будет честным и правильным?

— Законодательная система, — ответила я. — Не говори, что ты впервые слышишь о ней.

Кажется, мой ответ во всех смыслах вызвал у Сени глубочайший шок.

— А если... — Арсений, не находя слов, эмоционально всплеснул руками. — А если отец этой девочки считает, что... ну...

— Что законодательная система и правосудие несправедливы, недостаточно суровы и совершенны? — я позволила себе снисходительную ухмылку. — Знаешь, Сень, если мы все начнем вершить правосудие по собственному разумению, мы очень быстро погрузимся в совершенный и бесконечный хаос. Представь, если все люди будут мстить друг-другу, так как они считают, что суд, в который они обратились, был несправедлив. Что будет в итоге?

— Ты слишком всё обобщаешь, Ника. — покачал головой Сеня.

Я чуть пожала плечами.

— Но ведь большинство людей мстят даже не за гибель близких или покушение на их жизнь. Большинство людей мстят друг другу за обиды и оскорбления. За неудачи, за унижения, за то, что одни использовали шанс, который, по мнению мстителей, предназначался для них.

— Но это же всё не одно и то же! — снова воскликнул Сеня.

Я не сдержала улыбки. Когда он злился и не понимал, он напоминал мне ребенка — большого и бородатого.

— Это уже всё относительно, Сеня. Кто-то готов убить только за то, что другой приехал раньше и занял его место на парковке. И он, действительно, способен на это. И мотив у него, по его мнению, будет такой же весомый, как у отца изнасилованной дочери.

— Ты пытаешься смотреть на всё это глазами общества, — вздохнул Сеня.

— Социума, — кивнула я и, обернувшись, поправила свою подушку. — А с точки зрения социума, то, что происходит в жизни отдельно взятых людей, чертовски ничтожно и незаметно.

— Ника, — тут в нашу с Сеней полемику всё-таки влез Стас, — но ведь сравнивать убийство родной дочери и занятую парковку... это ведь не одно и то же.

— Да, — согласилась я. — Только если сегодня мы начнём оправдывать месть за убийство близких, завтра мы начнём оправдывать месть за занятое место на парковке.

— И каков вывод? — усмехнулся Корнилов.

— А таков, — вздохнула я. — Что если человек в отношении вас нарушил закон, он должен понести предусмотренное законом для социума наказание. И это будет правильно. И если честно, для многих убийц, Стас, жизнь за решеткой, бесславная и рутинная, куда хуже смерти и мучений. А уж для насильника...

Тут я деликатно прокашлялась.

— Все мы слышаны, что помимо назначенного судом наказания, они часто сами становятся жертвами своей же... практики.

Стас и Сеня ухмыльнулись. Арцеулов довольно ощерился.

— То есть тут ты согласна, что он этого заслуживает? — спросил Арцеулов.

— Судом назначен срок, — я кивнула. — Созданы самые благоприятные условия для наказания судьбой и роком. А всё, что с ним случится после — торжество справедливости.

Корнилов хмыкнул.

— Что ж, на этом и закончим ваш диспут.

— У меня, Ника, в который раз складывается впечатление, — проговорил Сеня двинув бровями. — Что мозг у тебя работает... не так, как должен работать в твоём возрасте.

— Если ты пытался сделать мне комплимент, — я улыбнулась себе под нос, — то принято.

Арцеулов лишь хохотнул и кивнул на дверь.

— Я пойду покурю, — сказал он Стасу и бросил взгляд на меня. — Мне нужно...

переварить услышанное.

— Иди, — кивнул Корнилов.

Сеня вышел, закрыл за собой дверь. Я взглянула на Стаса.

— Я его перегрузила?

Стас засмеялся.

— Сеня не привык... к глубокомысленным философским рассуждениям.

— Досадно.

— С возрастом тебе будет ещё досаднее, — Стас взял стул и сел возле моей кровати.

— Почему это? — с легким подозрением спросила я.

— Потому что людей, которые способны воспринять то, что ты пытаешься донести, мало

— Бери выше, — хохотнула я. — Единицы.

— А ты заносчива, — протянул он с шутливой интонацией в голосе.

— Ни капельки, — мотнула я головой. — Всего лишь констатирую факты.

Следующие полтора часа я пересказывала Стасу все, что произошло между мной и Романтиком. Я в деталях описала ему увиденные мною воспоминания.

— Он воспитывался в детдоме, — сказала я уверенно. — Этот подонок вырос и возможно стал тем, кем стал, именно там.

— А что за детдом? Номер, название? — спросил Корнилов и задумчиво потёр подбородок.

Я досадливо дернула головой.

— Я... я не смогла увидеть... Прости...

— Перестань каждый раз извиняться, — попросил Стас. — Ты запомнила лица детей? Тех девочек и парня, с которым он дрался? Ты смогла бы узнать их, если бы увидела их взрослыми?

Я задумалась, отвела взгляд.

— Да... наверное. Многие черты лица люди сохраняют на протяжении всего своего существования.

— Хорошо. Можешь мне описать этих детей?

Стас подробно записал в блокнот характеристики внешности детей из воспоминания Романтика. Затем, к моему удивлению, он достал из пакета, который всё это время был у него в руках, коробку с новеньким планшетом.

— Это тебе, — сказал Стас.

— Спасибо... — проговорила я, принимая подарок из его рук. — А в честь чего это?..

Я испытала робкую неловкость от всего происходящего. Стас усмехнувшись, неопределенно качнул головой.

— Просто чтобы скрасить твою скуку, пока будешь торчать тут.

— Спасибо, — повторила я и посмотрела на него. — Но не стоило... это же...

— Ника, — мягко перебил меня Корнилов. — Самое последнее, что ты обязана делать, это благодарить меня.

Я перевела на него свой удивленный взгляд. Слова Корнилова прозвучали с какой-то невысказанной, совестливой горечью.

— Не забывай, что это я разозлил Романтика и я оставил тебя там... — взгляд Стаса метнулся к моим ногам.

— Стас не надо, — попросила я очень серьёзно, проникновенно. — Я не хочу видеть

тебя, убивающимся собственной виной и совестью. Твои сожаления не позволят тебе не только поймать Романтика, но и... просто оставаться тем, кем ты есть.

Я нервно сглотнула и упрямо качнула головой.

— Я не буду тебя утешать, но просто скажу, что в первом случае ты всего лишь делал свою работу. А во втором, будем откровенны, по задумке Романтика, в нитях должен был оказаться ты....

— Я, — чуть севшим голосом отозвался Стас. Я увидела, как дрогнули мышцы на его скулах.

— Да пойми ты, — взмолилась я, — он задумал эту игру ради заранее продуманного финала!

— А ты ему всё испортила, — вздохнул Стас и усмехнулся, глядя на меня.

— Меня могло не оказаться там, Стас... — заметила я. — И что дальше? Ты бы полез? Мы оба знаем, что ни один взрослый, здоровый и широкоплечий мужик там бы не пролез, не задев эти колокольчики. Романтик бы убил и тебя, и всех своих жертв. И кому бы от этого стало легче, Стас? Тебе? Ты бы нашел спасение от ответственности в собственной гибели?! Серьезно?! А дальше-то что...

— Полагаю, Романтика бы ловил уже кто-то другой, — грустно усмехнулся Корнилов.

Я несколько секунд молчала, глядя ему в глаза. Я пыталась найти в его серо-стальных, серебристых глазах привычное мне невозмутимое спокойствие, уверенность и мрачный, холодный расчёт. Я хотела видеть глаза того Станислава Корнилова, к которому я пришла два года назад со своими видениями, которому доверила свою тайну. Он был первым в моей жизни человеком, которому я решилась рассказать её, да и по сути единственным.

Коле и Сене уже он сам рассказал потом. А я только продемонстрировала свои сверхъестественные навыки.

— Ты прекрасно знаешь, Стас, — сказала я ровным, без эмоциональным и уверенным голосом, — что, кроме тебя, его никто не поймают.

— И тебя, — добавил он.

Я криво усмехнулась, опустила взгляд на коробку с планшетом.

— И меня, — согласилась я со вздохом.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 19 июня

— Мне за эту ночь изнасиловали телефон беспокойными звонками, мне, к хренам, выдолбили мозг и несколько раз угрожали понижением по службе.

Аспирин говорил размеренно, отчеканивая каждое слово. Но Корнилов знал своего начальника и командира достаточно долго и хорошо, чтобы определять его настроение просто по взгляду. Сейчас Аспирин в ярости. Это когда он стучит ладонью по столу, он всего-то раздражен и разочарован. А сейчас он зол. Но злость генерала Савельева всегда, абсолютно всегда, потрясает его собеседников ледяной, несокрушимой сдержанностью. Чем большая ярость бушует внутри Аспирина, тем более спокойным он остаётся внешне.

Стаса не пугала ярость Аспирина, как и, вообще, чья либо. Есть немногие вещи, которых боится майор Корнилов, но страх перед чьей-то личностью или неудача в карьере точно к ним не относятся.

— Почему не была задействована группа специального назначения? — спросил Аспирин и чуть прикрыл глаза.

Стас выждал пару секунд.

— Потому что не позволяли обстоятельства.

— Какие? — генерал, закрыв глаза, поставил локти на стол и сплел пальцы рук.

— Он заминировал коридор.

— Можно было вызвать сапёров.

— Да, но я не знал, как убедить Романтика их подождать, — произнёс с ироничной улыбкой Стас.

Генерал открыл глаза, смерил Корнилова мрачным, давящим и угрюмым взглядом.

— Когда мы вошли, у нас не было выбора. Кто-то должен был остаться в квартире... и играть.

— Ты не имел права так рисковать.

— Знаю.

— Почему ты позволил решать судьбу заложников какой-то малолетней с- с*кухе?

Корнилов перестал улыбаться, перевёл взгляд на генерала.

— Не надо её так называть. Пожалуйста.

Несколько секунд они смотрели друг в друга глаза. Несколько секунд лёд пытался сломить сталь.

Аспирин вздохнул.

— Кто она такая?

Стас вскинул брови.

— Девчонка, которую ты таскаешь с собой, — проговорил генерал и, откинувшись в кресле, сложил руки на груди. — Кто она, Стас? Почему ты позволяешь ей бывать на местах преступлений? Что ты смотришь? Её уже несколько раз видели с тобой. Я знаю, что иногда она даже говорит со свидетелями, а иногда и... с подозреваемыми. Сколько ей лет? Пятнадцать?

— Четырнадцать.

Генерал уперся взглядом в Стаса, пару мгновений разглядывал его лицо.

— То есть вчера ты доверил судьбу заложниц... четырнадцатилетней девчонке?

— Товарищ генерал...

— Что?

— Она... Она очень необычная четырнадцатилетняя девчонка, — проговорил Стас.

— Да ну? Любопытно. Ну, удиви меня.

Корнилов задумался, вздохнул, быстро обдумал ситуацию и возможные последствия и решился.

— Она медиум.

— Чего?! — скривился Аспирин. — Стас, ты... ты опытный, толковый, знающий и очень крутой, если верить статистике, следовательно особой оперативно — следственной группы УГРО...

— Да, — кивнул Стас.

— И ты, — продолжил генерал, делая выразительные паузы в словах. — Ты... Ты веришь в...

Генерал, не находя слова, заикаясь, кивнул головой на дверь.

— Веришь в это... этих... В медиумов? Серьёзно, Корнилов?! Ты что, сериалов пересмотрел?! Какой твой любимый? Икс — файл? Сверхъестественное?! Или, может, ты Дневники вампира смотришь там втихаря?!

— Товарищ генерал, — Стас не смог сдержать улыбки. — У вас потрясающее познание

в сериалах...

— Угу, — проворчал генерал. — Внуки у меня помешались на этих... вампирах, оборотнях и прочей лабуде... И причем тут это?

Генерал поморщился, раздраженно помотал головой.

— Я сейчас о твоей этой школьнице... С чего ты решил, что она медиум? Я лично за жизнь ни разу живого и настоящего не видел. Разве что в фильмах или идиотских шоу. И готов поспорить, что большинство живущих вокруг нас людей тоже относятся к этому, мягко говоря, скептически.

Стас ожидал подобной реакции и был готов к ней.

— А если я вам её приведу? И она... продемонстрирует свои... способности? — спросил Корнилов.

Генерал испытующе, с прищуром посмотрел на него.

— Ты сейчас серьёзно?

— Да, — пожал плечами Стас.

Он помнил, что Ника не всегда видела воспоминания. Но он должен был убедить Аспирина. Иначе... Иначе события могли начать развиваться совсем не в выгодном направлении как для него, так и для Ники. Вообще, думал Стас, стоило рассказать генералу раньше. Глупо было думать, что Аспирин ничего не узнает.

— И что... — генерал судя по всему впал в некоторое замешательство. — Я прямо могу задать ей любой вопрос и...

Стас с улыбкой покачал головой.

— Товарищ генерал, это... это всё не так происходит... Будет лучше, если она сама вам... расскажет и... если у неё получится, покажет...

— А у нее может не получиться?

— Она это плохо контролирует.

— Ну да, ну да, — кивнул Савельев, в его словах вновь послышалась скептическая желчь. — Не сомневаюсь... Ладно.

Он легонько стукнул ладонью по столу.

— Приведешь — посмотрим. Теперь о делах насущных и... более... материальных.

Стас пропустил последнее колкое замечание мимо ушей. Аспирин заметил недовольство Корнилова, откашлялся, чтобы скрыть неловкость.

— Новости у меня неприятные, — без предисловий сообщил генерал. — Делом Романтика теперь будет заниматься следственный комитет.

Стас отреагировал спокойно. Гораздо спокойнее, чем сам мог бы предположить. Наверное, он этого ожидал.

— Они его не поймают, — безразличным тоном произнёс он.

— А ты...

— А я иду по его следу, — уверенно сообщил Стас и, посмотрев в упор на генерала, добавил. — Я и... четырнадцатилетняя школьница со способностями медиума или экстрасенса.

— Тогда посмотрим, кто справится, десяток опытных следователей с командой криминалистов, или всякая эзотерика на службе Уголовного розыска, — с долей сердитой язвительности проговорил генерал.

Стас равнодушно шевельнул бровями.

— Это ведь не всё? — спросил он.

— Верно, — Аспирин снова прокашлялся.

На этот раз куда более недовольно и сердито.

— В связи с последними событиями будет внутреннее расследование.

Корнилов кивнул. Этого он тоже ожидал. За ним слишком пристально наблюдали, чтобы прощать ему ошибки.

— Как долго?

— Не знаю, — категорично качнул головой генерал. — Как пойдёт. Советую тебе быть открытым и честным, кхм-кхм... В разумных пределах, конечно.

Он многозначительно посмотрел на Стаса.

— Да, Стас, и будь добр оказывать всякое содействие следователям. Передашь им материалы и всё, что у тебя есть.

Стас посмотрел на генерала. Тот застыл внимательно, пристально глядя на Корнилова. В глазах Аспирина был намёк.

Губы Стаса тронула понятливая улыбка.

— Я передам им все материалы, — заверил его Стас.

— И ничего не упусти, — ухмыльнулся генерал.

— Есть.

Аспирин вздохнул.

— Когда ты можешь привести эту свою девчонку?

— Дней через семь-десять. Не раньше.

— Она всё это время будет в больнице?

— Скорее всего.

— Хм, — видимо Аспирина это положение дел не устраивало. — Тогда вот что... я сам к ней приеду в больницу. Разумеется, в штатском.

Стас не был уверен, что это хорошая идея.

— Я бы не хотел привлекать к Нике лишнее внимание. Вы слишком известная фигура, товарищ генерал. Пресса вас часто преследует. И не хватало, чтобы они...

— Стас, не у тебя одного есть представление о конспирации, — поморщился в ответ Аспирин. — Я под прикрытием работал и наблюдение осуществлял, когда ты ещё во дворе с палками в войнушку играл.

Корнилов вернулся в свой кабинет не в самом лучшем расположении духа.

Когда он вошел, Коля и Сеня что-то оживленно обсуждали. Похоже, Домбровский за что-то отчитывал Арцеулова. Когда Стас открыл дверь, оба офицера тут же смолкли. Домбровский сел за свой стол. Вид у него был хмурый, недовольный. Стас с подозрением посмотрел на него, затем на Арцеулова. Тот тоже сел за свой стол и уткнулся в монитор.

— Как всё прошло, Стас? — поинтересовался Домбровский.

Он старался выглядеть как обычно, но его выдавал взгляд и мимика.

— Нормально, — нарочито спокойным голосом ответил Стас. — В ближайшую неделю мы с вами отстранены от расследования. А меня ждут нелёгкие часы объяснения перед следственной комиссией внутреннего расследования.

Арцеулов оторвался от монитора, уставился на Стаса. Вид у бородача был одновременно ошалевший и агрессивный.

— А кто будет вести следствие? — спросил Коля.

— Следственный комитет, — Стас подмигнул ему. — Аспирин о-очень просил

передать им все-все-все материалы по делу.

— Конечно-конечно, — Домбровский шутливо покивал головой.

Сеня лишь недовольно хмыкнул.

— И долго будет идти расследование? — ворчливо спросил он.

— Не знаю, — Стас беспечно пожал плечами. — Меня больше волнует, Сеня, что у тебя с правой рукой.

Коля метнул в Арцеулова упрекающий взгляд, сердито покачал головой. Стас неспешно приблизился к Сене и кивнул.

— Показывай.

Арцеулов нехотя поднёс к Стасу свою ладонь.

— Покажи костяшки, — сказал он.

Арсений со вздохом перевернул руку тыльной стороной.

— Что это такое? — спросил Стас указав на кровавые ссадины на руке Сени.

Арцеулов поджал губы.

— Подрался.

— Да ладно, — Стас издевательски удивился. — С кем? Случайно не с Игорем Неклюевым?

Арцеулов не ответил.

— Понятно, — протянул Стас. — Ну и что? Ты ему только лицо разбил или всё-таки что-то новое узнал?

Сеня взглянул на Стаса, затем достал из стола пару листов с распечатанной информацией.

— Это контакты и координаты тех, кто распространяет сейчас фотки девчонок...

Стас взял у него листы. Прочитал.

— Что ж... Хорошо, — он кивнул. — Ты там уже был?

— Нет, — качнул головой бородач. — Я сначала хотел тебе рассказать...

— Неклюев хоть не в реанимации? — спросил Стас, перевернув лист.

— Нет, — пожал плечами Арсений. — А чё с ним будет-то?

— А что ты ему сделал?

— Ну-у... — протянул Сеня. — Так... врезал пару раз... ну, может, больше... Но он сам ушёл, на своих двоих...

— Это уже радует, — хмыкнул Стас.

Домбровский тоже фыркнул.

— Возьми пару ребят из патруля и съездите по адресам, — Стас положил листы на стол Арсения. — А у нас с тобой, Коля, очень много работы.

Домбровский пребывал в замешательстве.

— Стас, так нас же...

— Ну и что? — Стас открыл включил свой компьютер. — Пусть себе герои из СК расследуют. Им же не обязательно всё знать. Верно?

— Совсем не обязательно, — ухмыльнулся Коля.

— Вообще, вредно, — добавил Арцеулов перед уходом.

Они обменялись одобрительными смешками.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 19 июня

Я отчаянно мчалась вперёд. Страх, как хищный, злобный зверь, щелкал челюстями за

спиной. Сырой холод скользил по коже, просачивался внутрь.

Отчаянная жажда спасения придавала мне сил, гнала вперёд. Заливаясь слезами, рыдая от ужаса, я продолжала бежать. Я знала, если остановлюсь — погибну. Он настигнет меня. Он идёт за мной. Он совсем рядом.

Сверху, с мрачно-серого неба, тонкими, блеклыми спицами водяных струй колотил бесконечный дождь. Он лил давно, без остановки, упорно и целеустремлённо. Вода мешала грунт с грязью. Дождь незаметно перерос в бурный ливень.

Я бежала, я боролась, я надеялась... Я так хотела спастись. Я забыла обо всех своих давних мечтах и желаниях. Я желала теперь только одного — жить, просто жить. Убежать, уцелеть и просто жить.

Мамочка... Пожалуйста... Я... Господи, пожалуйста! Только жить! Только... Бежать, я должна бежать! У меня сбивалось дыхание, я вся промокла. Мое сырое летнее платье липло к телу, мокрые волосы падали на лицо. Я прорывалась через густые заросли, выставив руки вперёд. Влажные, холодные листья били по лицу, гибкие, мокрые стебли хлестали по плечам и груди. Земля под ногами была мягкая, вязкая, мои босоножки тонули во влажной почве.

Надо мной и вокруг меня, шелестели листья. Мне казалось, я слышу насмешливый и громкий шепот в их шелесте.

Что-то больно ударило по ноге, я споткнулась, упала на четвереньки. Руки испачкались в мокрой, липкой земле. По спине и по голове монотонно, но яростно, в злом торжестве, стучали капли дождя. Дождь словно пытался прибить, прижать меня к земле. Дождь не хотел, чтобы я поднималась, не хотел, чтобы я боролась. Ледяная вода попадала за шиворот, стекала по спине, частично попадала на грудь.

Я, плача, оглянулась назад, на темнеющие позади густые заросли. Я отбросила с лица тяжелые, мокрые пряди волос. Давясь слезами, содрогаясь от ужаса, я смотрела в заросли позади меня.

Он был там. Он гнался за мной. Он был рядом. Он где-то там... Я поднялась и, не разбирая дороги, бросилась бежать снова. Я прорывалась и в панике ломилась через бесконечные, тесные заросли качающихся стеблей.

Что-то больно укололо мою руку, царапнуло и обожгло лицо. Я споткнулась, едва снова не упала. Я остановилась, замерла и с удивлением поднесла ладонь к лицу. Между пальцев по ладони шустро стекали две ярко-алые струйки крови. Я медленно подняла взгляд, меня сковали озноб и дрожь. Я находилась в кругу роз, я была окружена, оцеплена ими. Они обступали меня со всех сторон. Они качали красными бутонами, как люди головами! Их было так много! Десятки, сотни темно-красных, кровавых бутонов. Они слегка покачивались на своих шипастых стеблях. Они походили на толпу наблюдателей со своими качающимися бутонами, или на азартную публику...

Я услышала чавкающие шаги по земле и застыла, поражённая оцепенением довлеющего страха. Медленно, боязливо обернулась.

— Не надо... Пожалуйста, — взмолилась я со слезами. — Прошу тебя... Пожалуйста. Не надо...

Он стоял передо мной. В своих старых, потёртых зелёных джинсах и желтом джемпере. У него были длинные, тёмно-русые волосы до плеч и светлые льдисто-голубые глаза. Обычно наполненные меланхолическим равнодушием, сейчас они излучали уничтожающую ненависть. Он хрипло дышал через оскаленные, стиснутые зубы. Он шагнул ко мне, сжимая в руках какой-то продолговатый, поблескивающий предмет.

Нож... Это был большой кухонный нож для разделки мяса. Мокрое лезвие сверкало тусклыми бликами.

Я попятилась. Сзади словно кто-то резко подсек мне ноги. Я опрокинулась, упала набок. Он шагал ко мне, он спешил. Он знал, что мне некуда бежать. Я была в его власти.

— Не надо, не надо, не надо... — я попыталась отползти от него по скользкой, грязной земле.

Он внезапно истошно закричал злым, ломающимся фальцетом и бросился на меня. Я вскрикнула, сжалась в комок, закрылась руками. Я ощутила удары... Я почувствовала, как обжигающее лезвие ножа проникает в меня. Мёрзлое лезвие ножа врывалось в меня, раздирая плоть, я закричала. Он навалился сверху, зажал мне рот рукой и продолжал бить, яростно, часто, с ненавистью и безумием.

Теперь я наблюдала это со стороны... Я стояла возле них и видела, как он с остервенением, с торжественным упоением на лице убивает её.

Её кровь забрызгала его лицо и одежду. Её кровь растекалась по сырой земле и впитывалась в почву, растворялась в воде.

Он продолжал неистово бить, кромсать её, он совершенно обезумел, полностью потерял рассудок и даже человеческий облик. Он убивал её, одну из тех самых девочек, что бросались в него камнями.

Я не могла пошевелинуться, не могла отвести взгляд. Я была поражена той дикой жестокостью, с которой он бил её ножом. Он рычал, кричал на неё. Обзывал грязными словами и продолжал без остановки бить уже мёртвую девчонку. Её кровь перекрасила землю вокруг. Побагровели лужицы дождевой воды. Её кровь блестела на широких, влажных листьях роз.

Он остановился, тяжело, свирепо дыша, поднялся. На его лице была усталость и самое настоящее удовлетворение.

Я была преисполнена ужаса и отвращения к нему. Он... Он же животное. Он же просто мерзкое, жестокое животное! Тут Он резко обернулся, уставился на меня. Посмотрел прямо мне в глаза...

Я проснулась, подхватила и резко приподнялась на локтях. Шумно, взволнованно дыша, я оглядела помещение. Из коридора в темную палату просачивался тусклый, желтовато-белый свет. Он таял в густом полумраке моей палаты. Я на мгновение закрыла глаза. Сон был реалистичным, слишком реалистичным, чтобы быть просто сном. Это было очередное воспоминание — его воспоминание, воспоминание Романтика.

За окном, как и в явившемся во сне воспоминании, шумел бурный ливень. Иногда сверкала молния. Белесые вспышки врывались в помещение. Они были похожи на ритмичное мелькание света в ночном клубе. Дождь монотонно стучал по оконному стеклу. Как будто кто-то нервно, нетерпеливо колотил пальцами.

Я почувствовала нарастающую, вздымающуюся пульсирующую боль в ногах.

Ну понятно, действие обезболивающего наконец-то завершилось.

— А-а... — я откинула голову назад, зажмурила глаза.

Боль усиливалась. Она совсем не хотела покидать меня.

— Чёрт возьми, — скривившись, прошептала я в полумраке.

Я скомкала в кулаках простыню. Нет, я так не могу! Я нажала на кнопку вызова медсестры, но никто не пришел ни через пять минут, ни через десять. Я нажала снова. Болезненное ощущение в моих ступнях возрастало. Я терпела, отчаянно, старательно. Я

старалась не думать о ранах в ногах.

Да где эта медсестра?! Хоть кто-нибудь! Для чего в больнице кнопки вызова медперсонала?!

Я откинула одеяло, села на кровати. В этот миг за окном особенно ярко и зловеще сверкнула вспышка молнии. Я порывисто оглянулась на окно.

Кажется, ливень усилился, во всяком случае, дождь звучал громче, капли стучали чаще. Гроза неистовствовала над Москвой.

В этот миг открылась дверь в мою палату.

— Что случилось? — голос у медсестры был сонный, чуть раздражённый и уставший.

— У меня очень болят ноги, — пожаловалась я. — Можно мне какое-нибудь обезболивающее?

Медсестра цокнула языком, вздохнула.

— Сейчас принесу. Подожди.

— Спасибо.

Она ушла. Я снова уставилась в окно. Не знаю, почему, но какое-то странное наитие побуждало меня взглянуть туда. Я посмотрела на свои забинтованные ноги. Казалось, в них то и дело вонзаются мелкие иголки. Они впиваются в плоть и вылезают обратно, и снова пронзают ногу.

Новая вспышка грозы озарила палату, на мгновение стало светло, как при включенных лампах. За окном возрос вой ветра. Я с опаской взглянула на окно.

Ветер крепчал, давил и рвал, он как будто бы даже злился...

Резко распахнулось окно. Холодный, влажный ветер ворвался в палату. Мои волосы подкинуло, отбросило назад. Я быстро укуталась в одеяльце. Ветер качнул опущенные жалюзи на втором окне, взметнул края простыни на кровати, шевельнул пакет с ягодами на тумбочке.

Я, кутаясь в одеяло, осторожно встала с кровати, поморщилась, скривилась от толчков боли в ногах. Аккуратно ступая, я подошла к окну. Ветер дул в лицо. На щеках и на лбу оседали мелкие, холодные брызги дождя.

В свете уличных фонарей были видны росчерки падающих капель яростного ливня. Туманная завеса дождевых струй заслоняла вид на улицу. Расплывчатыми пятнами горели уличные фонари вдали. Дождевые струи шкворчали и шипели в лужах, точно брошенный на сковородку кусок масла. На моих глазах в который раз засияла мерцающая бело-голубая вспышка молнии.

Она подсветила широкую грозовую тучу.

Возможно, у меня разыгралось воображение, но громадная туча показалась мне похожей на розу. Я подступила ближе к окну. Во мне поселилось тревожное предчувствие. Холодный ветер с каплями дождя обдувал лицо, норовил сорвать с меня одеяло. Капли дождя забрызгали подоконник. Я опустила взгляд вниз.

Ночные улицы пустовали, мокрый асфальт блестел под желто-оранжевым светом многочисленных уличных фонарей. На опустевшей парковке, чуть дальше, собралась громадная лужа.

Я представила, каково бы это было сейчас ночью попасть под такой ливень.

Я поёжилась, сильнее укуталась в уютное, греющее одеяло. Что-то заставило меня переместить взгляд на густеющую темноту внизу под деревьями во дворе перед больницей.

Я чуть прищурилась, настойчиво глядя в густой мрак под раскидистыми кленами. У

меня сложилось стойкое ощущение, что кто-то смотрит на меня оттуда, из ночной темноты. Я не отводила пристального взгляда. Неприятное предчувствие переросло в настойчивое беспокойство.

Тьма внизу шевельнулась. Я вздрогнула, приблизилась, взялась руками за подоконник, чуть наклонилась вперёд.

Как вспышка фотоаппарата, сверкнул свет молнии, ударил гром. Где-то истошно запиликала автомобильная сигнализация. Я увидела неспешно удаляющийся силуэт под деревьями внизу.

В этот миг мощный порыв воющего ветра сорвал с меня одеяло, взметнул мои волосы, отбросил назад. Ветер окутал меня влажным, промозглым выующимся потоком. Меня обуял страх. Я отшатнулась от окна, таращась в след черному силуэту. Мгновенно участился пульс, в висках застучала кровь, по спине, по позвонкам маршем прошла нервная дрожь.

Открылась дверь в палату.

— Ты что делаешь?! — накинулась на меня медсестра. — Зачем ты окно открыла?! И кто тебе разрешил вставать?!

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 19 июня

— Дёрнул его чёрт забраться в такую дыру, — проворчал Домбровский окидывая взглядом дворы за окном автомобиля.

— Когда человек бежит от прошлого, он способен забраться ещё дальше, — заметил Стас, глядя на группу бандитского вида подростков, что играли в баскетбол на старой площадке.

Чёрный Дефендер Стаса неспешно катился мимо серых, скучных дворов.

Дальние окраины столицы разительно отличалась от блистательного центра и дорогих, фешенебельных районов. Здесь слабо пахло европейской роскошью, что была свойственна центральным районам. Совсем новыми были только дороги и часть инфраструктуры. На улицах стояли серые, старые, порой и грязные дома. Приземистые, многолетние хрущевки или обшарпанные девятиэтажки восьмидесятых возвышались над пустынными, голыми дворами.

Впереди, сверкая свежей новизной, поднимались редкие новостройки.

Они резко контрастировали со старыми домами.

Но главное значение имел почти осязаемый здешний климат. В нём чувствовалось апатичное уныние. Здешние улицы, несмотря на то, что некоторые из них уже начали облагораживать и ремонтировать, всё равно внушали печальный и пессимистичный настрой.

— Вот его дом, — Домбровский указал на одну из хрущевок.

Стас свернул на повороте, они плавно поехали вдоль дома. Люди на улице оборачивались на них. Пожилые женщины на лавочках смотрели презрительно, скривив сморщенные лица в сердитом осуждении.

Корнилов заглушил мотор. Они выбрались из машины. Коля задрал голову, рассматривая дом, встретился взглядом с мужчиной в белой майке, что курил, выглянув с балкона. Взгляд у местного жителя был примерно такой же, как и у старушек на лавках.

— Пойдём, — сказал Стас.

Они вошли в один из подъездов, поднялись на второй этаж. Стас нажал кнопку звонка. Через минуту женский голос из-за двери крикнул:

— Кто там?

— Уголовный розыск, — Стас показал документ в глазок двери.

Щелкнули замки. Им открыла полноватая женщина в приторно-розовой майке и темных спортивных штанах. За её ногу цеплялся мальчишка лет трёх-четырёх.

— Что случилось? — взгляд у женщины был слегка напуганный.

— Майор Корнилов, капитан Домбровский, — Стас представил их обоим. — Мы ищем Викентия Хазина.

Взгляд у женщины изменился, она выглядела удивленной и растерянной.

— Так это... Он же умер, — она выразительно пожала плечами, глядя по очереди на Стаса и Колю.

Домбровский и Корнилов переглянулись.

— Мы войдём? — спросил Стас.

Спустя несколько минут они разговаривали, сидя в маленькой комнате.

Здесь было душновато и пахло чем-то кислым. Они сидели на скрипучей софе. На стене перед ними висел узорчатый ковёр, он мозолил Стасу глаза. Родители Корнилова никогда не вешали ковры на стены, в отличие от большинства их знакомых. Стас тоже не понимал идиотского, по его мнению, обычая вешать на стены ковровые пылесборники.

— ...Он купил здесь квартиру в две тысячи пятном, переехал из Донского района. — Глафира Машкина, именно так звали женщину в розовой майке, пожала округлыми плечами. — Наши все удивлялись тогда... Ну кто же из Донского на окраину попрется...

— Простите, а кем вы приходились Хазину?

— Ну-у... — она потупила взор. — Мы жили вместе...

— Но вы не были замужем, — Стас поднял взгляд от безымянного пальца на правой руке женщины.

Следа от кольца на коже не было.

— Нет, — она помотала головой и вдруг плаксиво шмыгнула. — Кеша он... не хотел жениться после... ну, после того, как его жена... Маша эта...

Она снова пожала плечами.

— Убили её, я слышала.

Стас и Коля снова обменялись взглядами.

— А когда они развелись, не помните?

— Ой... — Глафира задумчиво нахмурилась. — Кеша вроде рассказывал... В марте две тысячи третьего года, вроде как... У него сын остался. Он рассказывал... Демид, кажется... Демид Хазин.

Стас кивнул, это они уже выяснили. Проследить жизненный путь Марии Хазиной оказалось не так уж сложно.

Родилась в Белоречке в семье сотрудника ЖКХ и водительницы троллейбуса.

Вела разгульный образ жизни. Была откровенно трудным подростком, имела два привода в милицию. В тринадцать лет умудрилась забеременеть. В четырнадцать родила, хотя всячески старалась избавиться от беременности.

Но мать строго настояла, чтобы дочь рожала во что бы то ни стало. Маша недолго нянчилась с ребенком. Через четыре года, она сбежала от родителей, приехала в Москву из Белоречка. Тут она поначалу вела себя тихо и скромно. Не лезла на рожон, не искала неприятностей и с готовностью бралась за любую работу. Была тихой, провинциальной девочкой, которая разительно и быстро преобразилась до неузнаваемости, менее чем за полгода жизни в столице.

Она не поступила в педагогический, куда так хотела. Зато смогла получить место на заочном отделении строительного. А через два года была отчислена за неуспеваемость. Мария привыкла вести разгульный образ жизни.

Пустилась во все тяжкие. Забеременела во второй раз. Вышла замуж за Викентия Хазина, сына достаточно состоятельных родителей, владевших небольшим кафе. Причем, Викентий знал, что у Марии есть ребенок, и согласился усыновить его. Брак оказался неблагополучным с первого же года.

И дело даже не в том, что у Марии произошел выкидыш, и их с Хазиным ребенок умер. Викентий требовал, чтобы жена перестала общаться с мужчинами из её прошлой жизни, та отказывалась. Семейные ссоры становились чаще, перерастали в скандалы с драками, руганью и милицией.

В таких условиях рос Демид Хазин, которого Викентий признал своим и наградил своей же фамилией.

След Демида потерялся после внезапной кончины его матери. Стас пробовал выяснить, куда потом делся мальчишка, но не нашел по этому вопросу никакой информации.

— Скажите, — проговорил Стас. — А вы знаете, куда потом пропал мальчик? Где он жил?

Глафира лишь печально покачала головой.

— Я знаю, что он... Кеша иногда ездил к нему, навещал его... Но потом перестал... И больше мы никогда о нём не говорили, и...

Она осеклась замолчала.

— И? — Стас не дал ей уйти в себя и замкнуться. — Договаривайте, Машкина. Будьте добры.

Стас умел говорить с людьми тем ледяным вежливым тоном, который одновременно звучит мягко, но угрожающе.

— Он только однажды сказал, что его сын... Он больше не называет его отцом.

Она поджала губы, опустила взор, словно пожалела о том, что рассказала.

Стас внимательно следил за её лицом, пристально глядел в её глаза. Но там была только пугливая растерянность.

— Может быть, у вас остались его вещи? — спросил Корнилов. — Нас интересуют блокноты, органайзеры, ноутбук, телефон... фотоальбомы.

Глафира кивнула.

— Да, есть блокнот, телефон и пара фотоальбомов. А компьютер... ноутбук был, но...

Она горестно вздохнула.

— Я как-то залила его кофе, так что...

— Очень жаль, — сухо ответил Стас. — Покажите, пожалуйста, нам его вещи.

— Конечно.

Глафира отдала им всё, что потребовал Стас. Ему показалось, что она даже рада расстаться с вещами Викентия Хазина. Возможно, они тяготили её, напоминали о нём, но она не могла сама решиться избавиться от них.

В стареньком ещё кнопочном телефоне Стас и Коля обнаружили несколько номеров. Корнилов велел Домбровскому прозвониться по ним и, возможно, навестить их обладателей. Они могли рассказать о семье Хазиных больше, чем Глафира Машкина. А сам Корнилов, оставшись в своей машине, взялся изучать блокнот и фотоальбом.

Он припарковался неподалеку от ресторана быстрого питания и принялся изучать

снимки и содержимое блокнотов. На фотографиях большей частью была семья Хазиных, их родственники и друзья. Органайзер был в старом потёртом кожаном переплете. Когда-то такие штуки были очень модными и говорили о солидности. Стас перелистал его. Из страниц неожиданно выпала фотография. Она упала на пол салона. Стас наклонился, поднял её, встряхнул от пыли.

Снимок был изрядно помят. Такое впечатление, что кто-то в ярости сначала смял его, скомкал и выбросил, но потом передумал, разгладил и положил обратно. На выцветшей фотографии были трое. Сам Викентий, он был пухлым, усатым мужчиной с глуповатым взглядом. Возле него стоял мальчишка с темно-русыми волосами. Взгляд у мальчишки был недобрый, недовольный, агрессивный. И его заостренное лицо вместе с тонкими, сжатыми в линию губами только усугубляли ощущение враждебности. И еще рядом с Хазиными стоял мужчина в кожаной куртке, джинсах и слегка грязных ботинках.

Стас присмотрелся к его голубой рубашке, виднеющейся из-под чёрной кожаной куртки. Справа был отчетливо заметен фрагмент ремня. И это был ремень от кобуры.

Полицейский? Викентий Хазин дружил с полицейским или с кем-то, кто имел право носить оружие.

Стас отвел в сторону задумчивый взгляд. Хазины развелись из-за постоянных скандалов. Их сын Демид остался с матерью. Через пару месяцев после развода Мария была убита.

«...Он больше не называет его отцом...» Стас вспомнил слова Глафиры, которые та, в свою очередь, слышала от Викентия Хазина. Мог ли лучший друг забрать ребенка своего друга к себе? Особенно... Особенно когда тот только что потерял свою мать. Мог. Стас грустно усмехнулся. Особенно, если лучший друг был влюблен в Марию.

Стас взял из семейного альбома Хазиных одну из фотографий. М-да, в Марию можно было влюбиться, даже очень. Стройная, с красивым лицом и правильными чертами, она носила буйные тёмно-русые локоны и обладала потрясающими ясно-голубыми глазами. Эта красotka могла бы многого добиться в жизни. Вместо этого она предпочла гулять и спать с состоятельными мужчинами за определенное вознаграждение.

Стас снова посмотрел на снимок с Хазиным, его сыном и стоящим рядом другом. Полицейский, этот светловолосый мужчина с сильным взглядом и уверенной осанкой, явно мог заинтересоваться Марией. Возможно, даже... Он, в принципе, мог бы быть отцом Демиды. Ведь о биологическом отце Демиды никакой информации нет. Известно только, что он встретил тогда ещё тринадцатилетнюю оторву Марию (в девичестве Лыкову), и вместе они зачали ребенка. Но что, если этот улыбающийся мужчина и есть настоящий отец Демиды? Что ему мешало найти Машу и возобновить их отношения тайком от Викентия?

Эту версию надо проверить. Нужно узнать, как зовут этого полицейского, или кто он там. Очень странно, кстати, что его нет ни на одной семейной фотографии.

Стас ещё раз перелистал альбомы. Затем взглянул на смятый снимок и снова на альбомы. Эти семейные альбомы были у Хазина после гибели Марии.

Сейчас в них есть пустые страницы и... Стас ещё раз более придирчиво оглядел мятую фотографию. Он уделил внимание выражению лиц Викентия и этого полицейского. Они не друзья, понял Стас. И вообще, Викентий его не любил.

Поэтому он держит руки на плечах сына, поэтом у него такое выражение. Поэтому и так агрессивен сам Демид...

— Любовник, — проговорил Стас, уже не сомневаясь, и ухмыльнулся.

Не факт, что он отец Демиды, но почти несомненно этот самоуверенный блондин —

любовник и «друг» Марии Хазиной. Не исключено, кстати, что он мог сам потом вести дело о гибели Марии, если, конечно, работал в соответствующем отделе.

Корнилов понял, что ему нужен архив уголовных дел. Вот только, если он сделает официальный запрос, об этом узнают в УВД и УГРО, узнают, что он занимается делом, от которого отстранен, и тогда будут неприятности. Стас задумался, затем ухмыльнулся и завёл автомобиль. Ему в голову пришла потрясающая идея. Стоит поговорить с соседями дома, где жили Хазины. Глафира дала ему старый адрес Викентия. Семья Хазиных до развода проживала на Орджоникидзе.

Корнилов завёл двигатель.

Эпизод седьмой

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 19 июня

После увиденного я не спала уже до самого рассвета. Я пыталась, но это было невозможно. Да и как, простите, я должна была уснуть, если только что видела под окном Романтика — серийного убийцу, который теперь имел личные счета к моей персоне?!

Я даже не сомневалась, что это был он. Он не собирался пробираться в больницу и убивать меня. Нет. Он хотел именно напугать, показать, что он рядом, что он наблюдает за мной. Он хочет, чтобы я боялась, чтобы подсакивала от каждого шороха. Чтобы бесплотный ужас его призрачного присутствия сводил меня с ума и доводил до панических истерик. А потом, когда он будет удовлетворен моим подавленным состоянием перманентной депрессии от невыносимого ожидания его появления, он придёт за мной...

Тут у меня не было никаких сомнений.

Запугать меня, долго и старательно изводить периодическими появлениями, посылками, письмами, звонками. А потом, когда я буду задавлена и запугана, когда страх настолько подчинит меня, что помутит мой рассудок, вот тогда он и явится во всей красе. Во всяком случае, несомненно нечто подобное этот извращенец себе и представляет!

Я сообщила об увиденном двум полицейским, которых Стас оставил дежурить у моей двери. Они крайне скептически отнеслись к моему рассказу и убеждали, что мне это привиделось. Психологическая травма и так далее, и тому подобное. Мне потребовалось приложить усилия, чтобы убедить их в отсутствии у меня галлюцинаций и истерики. В конце концов, я прибегла к банальному шантажу: пригрозила позвонить Стасу. Некоторых людей по-другому мотивировать трудно.

Разумеется, эти лентяи никого не обнаружили и, вернувшись, с кислыми минами и злым укором сообщили, чтобы я улеглась и не выдумывала себе страшилки. Вот это нормально?!

Дяденьки, от тех... «страшилок», свидетелем которых мне пришлось быть, вы бы, пардон, освободили свой желудок и кишечник, выпачкав при этом свое нижнее белье и брюки.

Сердитая, я легла спать. Но ничего не вышло до самого рассвета. К этому времени, чуть успокоенная светом подступающего нового дня, я все-таки смогла уснуть. Но сновидения быстро превратились в воспоминания. Эти воспоминания опять вернули меня в его квартиру с осыпающимися обоями.

Его квартира вся, абсолютно вся, была сплошь заполнена цветами — розами. Сотни роз! Они были повсюду, самые разные. Великое разнообразие сортов!

Я увидела кровать, застеленную цветастым покрывалом. Я запомнила стол, захламленный банками, грязными тарелкам и скомканными салфетками.

Ещё я видела ванную, ту самую, из которой, в моем видении, он достал Яну Долгобродову.

Видение было четким, ясным, запоминающимся, но, самое главное, я увидела его окно, одно из его окон. Я увидела вид из окна и запомнила его — здания, улицы, прохожие. Я запомнила несколько значимых элементов. А также почему-то в моем сознании прочно сохранился образ улыбающегося ковбоя в белой шляпе и с красным платком на шее. Что примечательно, ковбой был нарисованным.

Точно так же в мою память глубоко проник странный образ черно-бело-рыжей кошки. Она сидела у окна и внимательно следила за прохожими внизу. Взгляд у животного был угрюмый и презрительный.

Я отлично запомнила последние три эпизода и эти три элемента: вид из окна, нарисованный ковбой и эта кошка на окне. Они снились мне до того самого момента, как меня разбудил дикий звон бьющихся об пол медицинских биксов.

Я порывисто, обеспокоенно подхватила на кровати, быстро оглянулась. В палате было светло. Из окон проливался миролюбивый солнечный свет. На улице стояла жизнерадостная погода. Я откинула одеяло, снова осторожно опустила ноги на пол. Просунула в выданные мне тапки забинтованные ноги. Это было нелегко.

Когда я ковыляющей походкой вышла в коридор, сидевший у дверей в мою палату полицейский отвлекся от игры на телефоне.

— Тебе нельзя ходить!

— Кроме тех случаев, когда у меня нет выбора, — вздохнув, ответила я.

— Слушай, девочка, у тебя травмированы ноги, и я слышал, что тебе даже наступать на них нельзя.

— Господин полицейский, у меня есть необходимость, которую я никак не могу игнорировать, — произнесла я, не скрывая намёка в голосе и взгляде.

До не него дошло, он неуверенно оглянулся. Женский туалет был в самом конце коридора.

— Слушай... давай это... — он подошел ко мне. — Давай я тебя отнесу. Ладно?

— Хорошо, но только до двери, — предупредила я. — Внутри я сама справлюсь.

— Как скажешь, — он пожал плечами.

Переборов неловкость, я обняла его за шею. Он поднял меня на руки и понёс.

От него приятно пахло мужским дезодорантом и чем-то ещё. Наверное, кремом для бритья.

Я усмехнулась себе под нос. Чтобы меня, наконец, мужчины (кроме Стаса) начали носить на руках, мне нужно было попасть в больницу с изрезанными в мясо ногами. Круто.

Когда он принес меня обратно, одна из медсестёр как раз поставила на прикроватную тумбочку пластиковый поднос с завтраком. Я перекусила и взялась за блокнот. Я выпросила его у медперсонала, а также ручку. Я любила рисовать ручкой. Не карандашом, а именно ручкой, простой, шариковой ручкой, желательнее, чёрной.

Я старательно воспроизводила на листе бумаги все виденное и запомнившееся из последнего воспоминания. Рисованного ковбоя пришлось перерисовывать. Он не сразу у меня получился таким, каким был в видении.

Когда я уже заканчивала рисовать, дверь в палату открылась, и медсестра с каштановыми кучеряшками сообщила:

— Лазовская, к тебе посетитель.

Я обрадовалась, решив, что это Стас. Но вошедший в палату мужчина не был Корниловым. Это был среднего роста крепко сложенный мужчина. У него были короткие, седые волосы, поблескивающие очки с узкими линзами и испытующий, ледяной, недобрый взгляд. Он был весьма немолод, но при этом двигался непринужденно. Годы не заставили его согнуться под своей тяжестью. Он сохранил военную выправку и такую же воинственную осанку.

— Добрый день, — произнес он сочным баритоном.

— Добрый, — слегка настороженно ответила я.

Он чуть заметно улыбнулся.

— Я полагаю, вы Вероника Лазовская?

— Да, — кивнула я.

Кто это такой? Что ему нужно? Откуда он меня знает? Эти вопросы, как резиновые мячики, беспокойно прыгали и метались у меня в голове.

— Позвольте представиться, — он подошел ближе.

Я внутренне инстинктивно напряглась.

— Генерал Антон Савельев. Можно просто Антон Спиридонович. По глазам вижу, что ты слышала обо мне.

Я молча кивнула. До сих пор мне не доводилось видеть в глаза начальника Стаса.

— Нам нужно поговорить, Вероника, — Савельев произнес это с нажимом и долей сожаления в голосе.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 19 июня

— Да проститутка она была! Тьфу! Смотреть противно было!

— Да-да!... Я помню... Как Кеша из дома, так к ней сразу приходили всякие мордovorоты...

— А ещё такой... высокий такой блондин часто заходил...

— Подождите, — Стас прервал негодующий поток речей местных старушек из дома, где раньше жила семья Хазиных.

Он достал ту самую смятую фотографию с Викентием Хазиным, Демидом и неизвестным блондином, у которого на рубашке заметен ремень пистолетной кобуры.

— Посмотрите, пожалуйста, — Стас показал пожилым матронам из подъезда Хазиных старую фотографию. — Этот человек, вот справа, он приходил к Марии Хазиной в отсутствие мужа?

Старушки, все четверо, шурясь, цепкими, жадными взглядами всматривались в снимок. Одна надела очки и посмотрела снова.

— Он! — убежденно воскликнула одна из них, в старомодном костюме. — Точно он!

— Он, он, — закивали остальные.

— Захаживал сюда, как только Кеша уходил. Машка, подстилка развратная, говорила, что он её друг.

— Как же! Как придёт, так весь дом слышал, как они там дружили! Тьфу! Стыдоба!

— Ага, хорош дружок!

— Большое спасибо, вы очень помогли следствию, — сообщил им Стас.

Пожилые дамы аж просияли. Они наперебой бросились докладывать Стасу, вообще, все сведения и новости, которые им были известны. Причем по уровню резонанса, сплетни варьировались от наркоманского притона на первом этаже аж до событий в кулуарах

правительственных чертогов.

Стас ещё раз поблагодарил местных надзирательниц за поведением соседей и поспешил избавиться от болтливых старушек.

У него было имя. Старушки в один голос сказали, как звали блондина со старой, мятой фотографии. Ипполит Збруев. Капитан Ипполит Збруев. Ему даже сказали, на чём тот приезжал. Судя по торопливым описаниям бабушек, это был серый Мерседес. А если так, то господин Збруев вряд ли был добропорядочным и честным полицейским. Обычному капитану в 90-х и в начале двухтысячных даже на колесо от немецкого седана заработать было нелегко.

Впрочем, Стас никогда не судил тех, кто в прошлые годы не гнушался брать деньги. Время было такое. Люди выживали, пытались выжить в новой стране, которая разительно отличалась от той, в которой они родились, выучились и выросли. Тогда ещё никто не знал, как сильно обманут их надежды те, кто умеет лишь разрушать и брать. К счастью, страна успела опомниться, зализала раны, запомнила уроки и сейчас успешно реабилитируется.

Теперь нужно было выяснить где и в каком ОВД работал Ипполит Збруев. Мог ли он вести дело убийства Марии Хазиной? Мог ли он... Забрать к себе её сына? И был ли этот сын его тоже?

Но тут опять возникала трудность, связанная с отстранением Стаса от дела Романтика. Он не может делать запросы и искать информацию о Збруеве.

Идеальным было бы найти место его проживания, поговорить с родственниками.

Сидя в машине, Корнилов думал, как ему это сделать. Зазвонил мобильник, Стас взглянул на звонивший контакт, хмыкнул, принял вызов.

— Как успехи, Сеня?

— Взяли мы их! — обрадованно объявил Арцеулов, не скрывая злорадства. — Прямо в квартире! И компы изъяли.

— Хорошая работа, Сень. — похвалил Стас. — Свяжись с Колей, ему возможно понадобится твоя помощь.

— Да, понял.

— Давай, до встречи.

— Пока.

Стас проверил почту на телефоне. На всякий случай просмотрел мессенджер. Коля сторонник новшеств и старается идти в ногу со временем. Он очень долго и настоятельно рекомендовал Стасу установить себе современные приложения для общения. Корнилов, в конце концов, сдался, но сейчас ни в Телеграмме ни в WhatsApp новых сообщений от Домбровского не поступало.

Стас снова занялся пересмотром снимков. Мог ли кто-то из других друзей и близких семьи Хазиных знать Ипполита Збруева. Теоретически, вполне...

Снова зазвонил телефон. Стас взглянул на дисплей, звонила Рита.

Корнилов вздохнул, взял трубку.

— Да, любимая...

— Корнилов, если ты таким образом пытаешься загладить свои прошлые грехи, то нужно было прислать больше! — без предисловий начала Рита.

Она говорила слегка сердито, не скрывая ехидной издёвки.

— Что это за тщедушная, одинокая роза под дверью? Тебе сколько лет?

Стасу показалось, что в один момент из него выкачали весь воздух. Он на мгновение

или два потерял всякую возможность дышать и говорить.

— Рита... — выдавил он. — Я не присылал тебе розы!

— Да? — тихо переспросила Рита. — А кто... Боже... Стас...

— Запри дверь на все замки и не выходи никуда! Найди мой травматический пистолет и держи поблизости. — Стас быстро завел автомобиль. — Поняла меня?!

— Д- да, да...поняла... — голос Риты задрожал. — Но Стас...

— Что?! — Корнилов быстро выехал со двора, чуть не зацепив стоящий на углу хэтчбек.

— Алина...

— Она дома?

— На репетиции... Она написала, что тоже получила... — Рита поперхнулась и охрипнув, закончила. — Стас, она получила розу! Таковую же...

Стас стиснул зубы, в голове толчками застучала кровь, беспокойство возрастало. Страх за Алину отравлял мысли, поражал сознание. Стас надавил на педаль. Его внедорожник начал стремительно набирать скорость. Быстрее! Быстрее! Быстрее! Слова стучали в голове под ритм учатившегося пульса.

Корнилов почувствовал вспышку ярости по отношению к Романтику и волну злости на собственную беспечность. Он недооценил уровень мстительности Романтика. Он просчитался.

Движение на дорогах было неторопливым, неспешным. Разгар рабочего дня. То и дело плотные заторы преграждали путь. Стас злился. Злость снала его, а возрастающая тревога сдавливала, стискивала в крепнувших тисках. Он умел держать себя в руках даже в тех случаях, когда под угрозой оказывались самые дорогие ему люди, но он боялся. Он ничего не мог с собой поделать. Его безумно страшила мысль, что Романтик может добраться до Алины... Он гнал из головы мерзкие картины того, что может случиться. Он не хотел об этом думать, не хотел даже представлять.

Он свернул налево, переключил скорость. Мотор гудел под капотом, внедорожник летел вперед. На перекрестке он проскочил на красный.

Стас понял, что быстро добраться до музыкальной школы, где Алинка училась играть на виолончели, он просто не успеет. Он набрал Аспирина.

— Товарищ генерал...

— Да?

— Кажется, он нашел мою семью.

Молчание.

— Где они? — сухо спросил Савельев.

— Жена дома, а дочь на занятиях. Это музыкальная школа на Шмитовском. Номер улицы тридцать два.

— Понял, — быстро ответил он. — Я сейчас подниму, кого могу. А ты дуй к жене.

— Да, спасибо.

Стас дал отбой и все-таки поехал в школу. Рита может о себе позаботиться. В конце концов, она знает, чья она жена. К тому же в доме есть оружие, и Рита умеет им пользоваться. Стас её научил.

Впереди показались яркие знаки дорожных работ. Путь вновь был прегражден.

— Да вашу ж мать! — прорычал Корнилов.

Он оглянулся. Сзади кто-то агрессивно просигналил. Корнилов резко развернулся и, переехав тротуар, рванулся в жилой двор. Он старался не спешить, не хватало кого-нибудь

сбить по пути. Но Стас вряд ли бы остановился, случись такое. Сейчас никто и ничто не имело значения, только Алина. Только его дочь, её жизнь.

Он гнал вперёд, петлял по дворам. Автомобиль пугал людей, вслед неслись ругательства. Корнилову было всё равно, он просто торопился успеть. Его поглощал неистовый ужас при одной только мысли...

Нет! Нет! Он успеет! Он обязан успеть! Отчасти он, конечно же, надеялся на людей Аспирина. Возможно, кто-то из них ближе, кто-то сможет прибыть намного раньше. Стас пытался дозвониться до Алины. Тщетно, дочь не брала трубку.

Ядовитые зубы тревоги и страха впились в душу Стаса. Стас гнал прочь пугающие мысли, но они непрестанно одолевали, тяготили, страшили его, внушали ужас, смятение, растерянность.

Когда впереди показался тупик, Стас рыкнул ругательство, круто развернул внедорожник и сшиб хлипкий металлический забор из проволоки. Люди неподалеку бросились врассыпную. Стас переехал широкий, большой стадион, рванул в другой двор, выскочил на проезжую часть.

Зеленая маршрутка резко затормозила, возмущенно просигналила. Корнилову всё это было побоку. Он всей своей сущностью неистово рвался вперёд, его подстёгивал страх за Алину. Он не мог допустить этого... не мог допустить того, чтобы кто-то отнял самый главный смысл его жизни... Не мог... Не допустит.

Едва оказавшись во дворе музыкальной школы, он стремительно выскочил из машины, ворвался в здание, взлетел по лестнице, распугивая встретившихся людей. Вслед ему кто-то крикнул нелестное определение. К чёрту, это не важно. Ничего не важно. Никто не важен. Только Алина. Только её жизнь.

Он остановился на третьем этаже, лихорадочно вспоминая, какой был номер кабинета, где занималась Алина. Вспомнил, бросился на следующий этаж.

Здесь он подскочил к кабинету, из которого звучала скрипка, резко распахнул дверь.

Алина и стройная женщина в длинном темном платье обернулись к Стасу.

— Станислав Леонидович... — удивленно проговорила преподавательница уроков по виолончели.

Она поправила очки, шокировано глядя на Стаса. Алинка тоже выглядела смущенно и глазела на отца с легкой опаской. Стас, тяжело, свирепо дыша, смотрел на них несколько секунд, затем опустил взгляд, закрыл глаза. Он чувствовал охвативший кожу лица неприятный жар и шальной стук сердца в груди.

— Пап? — Алина встала со стула, подошла к нему. — Пап, ты чего?

Стас взглянул на неё, улыбнулся устало и вымученно, а затем прижал дочь к себе, крепко, с чувством, надолго.

Полицейские, которых послал Аспирин, приехали позже, как обычно, но Стас был им благодарен. Он приказал экипажам ППС оцепить район.

Когда приехал сам генерал Савельев, на месте уже было несколько десятков полицейских машин. Сотрудники МВД спешно оцепляли сразу несколько кварталов. Прохожих разгоняли, убедительно просили покинуть территорию или зайти, вернуться в помещение. Всех очень тщательно проверяли.

Подтянулся спецназ. Вызвали не абы кого — два подразделения СОБРа.

Сверкали полицейские мигалки, нарастало всеобщее напряжение и тревога.

Полицейские прочесывали улицы.

И конечно же, через некоторое время подтянулись репортёры. Приехали сразу несколько автомобилей. Несколько кварталов сосредоточили на себе внимание всего города, а через некоторое время и всей страны.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 19 июня

Я читала новости. Планшет, который мне подарил Стас, оказался очень кстати.

Интернет бурлил от сообщения, что лица, размещавшие фотографии обнаженных девочек в открытом доступе, были задержаны сегодня днём. Я попыталась найти детали этой новости. На одной из ссылок неожиданно наткнулась на лицо Сени Арцеулова.

— Ну понятно, — вздохнула я. — Всё-таки выбили из Неклюева сведения.

Мне не было жаль засранца Неклюева, да и Сеню осуждать не хотелось. Но... выводы я сделала. Хотя... Можно подумать, я этого не предполагала.

— Тихо! Сделай еще погромче! — раздался из коридора оживленный голос.

— Тихо все!

— Да замолчите там... Романтика ловят...

Романтика?! Это было немыслимо. Он сейчас должен был забиться поглубже и сидеть в тишине после вчерашнего! Он, конечно, психопат, но не идиот и не кретин. Не будет он такую глупость делать! Но, когда имеешь дело с такими, как Романтик, до конца нельзя быть уверенным ни в чем.

Я просмотрела новости в гугле. Перешла по первым ссылкам. Мне открылось видео.

— Мы находимся в самом центре событий! — быстро и как-то восторженно заговорила рослого вида журналистка с соломенным цветом волос. — Несколько кварталов Пресненского района плотно оцеплены полицией! Задействованы несколько десятков полицейских экипажей! На месте присутствует спецназ, медики и аварийно-спасательные службы. Сейчас мне сообщают, что полиция не поскупилась поднять вертолёт. Назревает что-то серьёзное! Неужели сегодня мы увидим, как наконец будет задержан Романтик?!

Видео закончилось. Рядом была ссылка на стримы в прямом эфире. Но я не стала переходить туда. В моей голове металась противоречивые мысли и мнения. Какого черта он делает?! Если Романтик, действительно, настолько сбрендил, что решил вообще не останавливаться, то... Странно. Это никак не вяжется с его стремлением собрать свой букет.

Если его поймают... Чёрт, не понимаю я его! Неужто он так взбесился, что мы не дали ему убить всех трех пленниц?! Неужели из-за этого задумал новое убийство! Быть того не может! Меня одновременно обуревали тревога, возмущение и раздраженная растерянность. Кажется, я переоценила себя, думая, что могу понимать Романтика, хотя кое-какие основания для этого у меня есть, как ни крути.

Я всё-таки перешла на ссылку со стримом. На экране появились полицейские автомобили, перегоревшие дороги. Сами полицейские разгоняли прохожих и кому-то что-то объясняли. Я видела прохожих, которые снимают происходящее на телефоны. Люди, несмотря на убедительные просьбы полиции, кучковались поблизости, переговаривались, обсуждали. Человеческое любопытство — источник бед и прогресса одновременно, но в данном случае, жажда подробностей, новостей и сплетен.

Репортёров не пускали дальше границы области оцепления. Я вздохнула.

Поэтому все, что я могла видеть на стриме — это полицейские автомобили, кучки любопытных зевак и мечущиеся вдалеке фигурки сотрудников МВД.

Я отложила планшет, позвонила Стасу. Корнилов не сразу взял трубку.

— Ника, я перезвоню попозже, — ответил он.

— Эм... ладно, — проговорила я, когда он уже положил трубку.

Что у них там происходит? Неосведомленность вызывала у меня опасения и тревожные предположения. В голове испуганной стаей метались мысли. Беспокойство рвалось из груди, распирало ребра и давило на позвонки.

Дверь в палату открылась, заглянул полицейский. Я подняла на него взгляд.

— Здесь сейчас будут убирать... — сообщил он. — Тебе бы побыть где-нибудь в другом месте. Ты не против?

Я слегка приподняла брови.

— А где тот полицейский, что сидел здесь до вас?

— Так мы поменялись, — он пожал плечами. — Не всё же Пашке сидеть под твоей дверью.

Он усмехнулся. Усмешка, наверное, должна была выглядеть дружелюбной и шутливой. Но вместо этого, выглядела натянутой, неуверенной.

— Я не могу ходить, — ответила я. — Мне нельзя.

Я смотрела в его глаза. Я видела, как заметались его зрачки.

— Ну, слушай... — он пожал плечами, снова выдавил улыбку. — Тут ща будет вонь такая... все эти средства чистящие... Тебе ж вредно этим дышать...

— Как мило, что вы печетесь о моем здоровье, — ответила я с ироничной улыбочкой. — Но мне, правда, нельзя вставать. Швы.

— А — а... — полицейский слегка растерялся, но быстро нашелся. — Так, может, я тебя отнесу?

Я пристально, с подозрением взглянула на него.

— Возможно... А могу я увидеть ваше удостоверение?

— Так, пожалуйста, — он пожал плечами и подошел ко мне.

Внутренне я напряглась, подобралась, приготовилась, но внешне я стремилась оставаться спокойной.

— Вот, смотри, — полицейский развернул передо мной документ.

Лейтенант Александр Демидов.

— А предыдущий полицейский, вроде, был сержантом, — сказала я.

Я в этом не была уверена. В этих всех полосочках и звездочках я совершенно не разбираюсь. Зато я знаю, что, вроде бы, офицеру не пристало караулить у двери какую-то там девчонку, даже если это приказ из УГРО. Странно, необычно, настораживает. Может, у меня развилась паранойя, но... что мешает этому лейтенанту Демидову быть Романтиком?

К сожалению, ношение погон, жетона и удостоверения, равно как и формы, не дает стопроцентной гарантии того, что перед вами человек с чистой совестью, или хотя бы не замешанный в серьезных преступлениях. Увы.

Я окинула лейтенанта Демидова придирчивым, недоверчивым взглядом.

— Младшему составу приходится патрулировать и заниматься всякого рода беспорядками или же бытовыми проблемами граждан, — лейтенант Демидов снова натянуто улыбнулся. — А я... Ну, скажем так, у меня, своеобразный испытательный срок.

— Что вы наделали? — удивилась я.

— Допустил ошибку в деле.

Показалось, или его голос странно дрогнул, когда он ответил. Дверь палаты снова открылась.

— Так, давайте освобождайте помещение, — командным голосом произнесла дородного вида уборщица. — Мне тут помыть нужно и еще сейчас придет сестра постель вам заменить.

— Постель? — переспросила я. — Зачем?

— Затем, что надо. — безапелляционно заявила уборщица.

Что за дичь тут происходит? Зачем они хотят выставить меня из палаты?

С другой стороны, чего я тут права качаю? Может, и правда, такие правила.

Я всё-таки выбралась из постели и осторожно, чуть шаркающей походкой вышла из палаты.

Взять себя на руки этому лейтенанту я не позволила, не нравится он мне. Не знаю почему, но что-то в нём меня настораживает. Заходить с ним в другую палату, при том, что единственная свободная была аж в конце безлюдного коридора, я не хотела.

— Я подожду в коридоре, — заявила я ему и уселась на лавку.

— Как хочешь, — он вздохнул и развел руками, — но тебе, наверное, было бы лучше всё-таки прилечь.

— Я и так почти все время валяюсь в постели. — возразила я.

— Как хочешь, — повторил полицейский.

Он старался изобразить равнодушие, но не выходило. Тут в коридор вышел Валерий Климович, хирург, который доставал у меня стекла из ног. Увидев меня, он достаточно сердито отчитал меня, что я сижу в коридоре, когда мне нужно лежать. И настоял, чтобы я полежала в свободной палате, пока у меня идёт уборка. Он сам меня отнёс и положил на одну из свободных кроватей.

— Вот, — сказал он, — полежишь тут, пока там убирают. Нечего в коридорах зависать...

С этими словами он вышел и оставил меня один на один с Демидовым. Я уставилась на него с опаской. Чёрт возьми, что-то с ним не так. Я не знаю, что именно, я не знаю, откуда у меня такая уверенность, просто... знаю.

Почему я не сказала Валерию Климовичу? Почему?! А чем бы я это аргументировала?!

«Знаете, я боюсь этого полицейского, потому что он может оказаться убийцей!» Так что ли?! Блин! Он бы мне не поверил. Делать ему больше нечего, только слушать опасения всяких малолеток! Я ведь и сама не уверена, что он в чем-то виноват и что он может представлять угрозу. Но, когда хирург ушел, оставив нас вдвоем, я почувствовала себя одинокой, брошенной и беззащитной.

— Строго тут у вас, — опять попытался пошутить лейтенант Демидов.

Я посмотрела ему в глаза. На этот раз у меня не было сомнений. Его губы насильно растягивались в болезненной улыбке. А вот глаза сверлили пристальным, режущим взглядом.

— Кто вы такой? — не выдержала я.

Он перестал улыбаться, вдруг рывком повернулся к двери, закрыл её на задвижку. Меня встряхнула дрожь, я замерла на месте, затаив дыхание.

Поспешно пульсировала кровь в венах. В теле становилось неприятно горячо и холодно одновременно.

Он обернулся ко мне, вынул из кобуры пистолет, направил на меня. Под тревожный марш сердцебиения я уставилась на темно-серебристое дуло пистолета. К стволу был прикручен глушитель.

— Могу я хотя бы узнать, за что? — тихо спросила я.

Я уже понимала, что передо мной не он, не Романтик. Но взгляд у лейтенанта Демидова, или как его там на самом деле, был искренне ненавидящий и безумный. Он нервно, тяжело сглотнул. Его глаза лихорадочно сверкнули, подернулись влагой. Я увидела, как дрогнули уголки его губ.

— За всё...

Он несколько раз дернул указательным пальцем на спусковом крючке пистолета. Пистолет чуть заметно подрагивал в его руке.

Я не кричала, не звала на помощь. Я не сомневалась, что стоит мне закричать, и он выстрелит. Я уже видела такие взгляды и людей похожих на него. Людей в отчаянии. Их душит злость, обида и страх, всеподавляющий страх перед неотвратимым наказанием за то, что они делают или собираются сделать.

Они не могут отступить, не могут сдаться и не могут уже повернуть время вспять. Их поражает жалость к себе и ненависть к виновникам (по их мнению) их несчастий. И в данный момент таким виновником была я. Или...

— Ты хочешь... отомстить майору Корнилову, — поняла я и чуть дёрнула плечами. — За что?

— За что?! — вскричал Демидов. — За что?! Ты еще смеешь спрашивать...

Его губы задрожали, по щекам вдруг потекли злые слезы.

Я смотрела в его глаза. Я их уже видела. Такие же глаза, как у него. Такие же глаза просили меня сделать выбор. Именно такие нежно-голубые, василькового цвета глаза были у Иры и её мамы.

— Вы её брат... — я не спрашивала.

Это было ясно без слов.

— Майор Корнилов... — он со злостью стиснул зубы.

Пистолет в его руке дрожал сильнее.

— Он должен был спасти её... Спасти всех... Всех! Он был обязан...

Он несколько раз нервно, коротко всхлипывая, втянул в себя воздух. Тяжело сглотнул. Его губы и челюсть подрагивали, как от холода. Лейтенант Демидов пребывал в состоянии, близком к помешательству. А на меня тяжелым, гигантским катком накатывал давящий ужас. От него немели руки и ноги, чувствовалась дрожащая слабость в плечах. Тяжело было думать, когда единственная мысль, вращающаяся в голове, была о стволе пистолета, направленного мне в лицо.

Демидов шагнул ко мне. Я не двигалась.

— Я хочу сделать ему больно, — проговорил лейтенант. — Я заставил его бояться. А теперь хочу, чтобы он испытал боль...

Заставил бояться?! О чем это он...

— Я прислал розы, — он нервно усмехнулся и быстро облизнул губы, несколько раз моргнув. — Я прислал розы его жене и милой доченьке... Узнать о них не составило труда... Корнилов...

Он презрительно скривился.

— Он же... он... все им так восхищаются... Как же! Герой города! Лучший сыщик!.. Но я знаю, в чём его секрет... знаю...

Он снова нервно сглотнул. И тут произнёс слова, от которых у меня шевельнулись волосы на затылке.

— Его секрет — ты. Ты, маленькая, красивая девочка с необычными глазами... Я не знаю... не знаю, что в тебе... такого... Но я знаю, что это ты... Точно ты... Я слышал о тебе... Слышал...

Его лихорадило и трясло, на лице блестела испарина, взгляд и гримасы оставались безумными.

А я вдруг ощутила странное, умиротворяющее спокойствие. И сама не знаю почему, вдруг блаженно, миролюбиво улыбнулась ему. Наверное, я знала, а может, и чувствовала терзавшее его душевное страдание от потери и бессильной ненависти.

— Не хочешь рассказать мне о ней? — спросила я.

Он застыл, несколько раз глупо, растерянно моргнул глазами. Он буквально остолбенел от моих слов.

— Что? — почти шепотом переспросил Демидов. — Что ты... что сказала?..

— Расскажи мне о своей сестре, — повторила я тихо, сочувственно и ласково. — Пожалуйста.

Выражение лица у него было такое, словно я попросила его отрастить крылья и полетать вокруг комнаты.

— 3-зачем?.. — с усилием спросил он.

Пистолет он не отпустил. Я смотрела на него, в его глаза.

— Она ведь была хорошим человеком.

Он нервно сглотнул.

— И ты любил её... Она многое для тебя сделала. Так ведь?

Об этом несложно было догадаться. Люди совершают безумные и опасные поступки только и исключительно ради тех, кого они любят или любили сильнее жизни. Он в который раз шмыгнул носом, шагнул вперёд. Я только сейчас увидела насколько сильно он страшится. Он старается быть сильным, злым, старается ненавидеть. Но при этом он не может скрыть плаксивую инфантильность, свойственную ему.

Я почувствовала знакомое головокружение. Я словно медленно тонула в вялом, густом и вязком, затягивающем водовороте.

... — Это всё ты виноват! Ты!

Крикливый голос женщины доносился из прихожей.

— Заткнись, — рыкнул на неё мужчина. — Я не заставлял его лезть на рожон! Он поступил, как болван!

Девушка с русыми волосами устало закрыла дверь ванной комнаты. В ванне, в воде, сидел худощавый парнишка. У него было уже знакомое плаксивое выражение лица. К его телу липла намокшая темно-фиолетовая футболка.

Он сидел с голыми ногами. Его ноги были покрыты синяками и кровавыми ссадинами. По его лицу стекали струйки крови. У него была сильно рассечена бровь, разбиты губы, а левый глаз он не мог открыть. Вокруг ран на коже расплывалась отвратительная синева.

Я ужаснулась, глядя на него. Что же должен был сделать человек, чтобы с ним так обошлись? За что?!

Русоволосая девушка присела возле него, успокаивающе улыбнулась, провела ладонью по его волосам. Они были почти такие же, как у неё, только темнее.

— Не слушай их, — она пренебрежительно скривилась. — Их волнует лишь то, как друг друга в чем-то обвинить.

Парень в ванной дернул головой.

— Они ссорятся из-за меня.

— Нет, — его сестра на миг закрыла глаза, качнула головой. — Они ссорятся, потому что ненавидят друг друга.

— Ненавидят? — переспросил он. — Они же наши родители... За что?

Девушка вздохнула.

— Каждый из них винит другого в своих ошибках. Потому что каждый из них не оправдал ожиданий другого.

Она пожала плечами.

— Вот и всё.

С этими словами девушка присела на край ванны, взяла с полочки пачку с ватными дисками, вынула два, чуть скомкала и намочила теплой водой.

— Повернись ко мне, — попросила она.

Он повернул к ней лицо. Она чуть наклонилась вперёд, аккуратно провела смоченными дисками по его лицу. Осторожными, нежными движениями она смывала кровь с его лица. Каждый её жест, движение и взгляд были преисполнены чистой, искренней родственной любовью. Она была не намного его старше, всего-то на четыре года. Но она любила его, а он обожал её и восхищался ею.

— Зачем ты к ним полез? — она с грустью покачала головой. — Из-за той девчонки? Как её? Оля?

— Даша, — молящим голосом попросил он. — Пожалуйста... Не надо.

Он закрыл глаза, глубоко, судорожно вздохнул. Его губы подрагивали, когда он говорил.

— Я больше не мог видеть... — прошептал он. — не хотел... Я не хочу, чтобы она общалась с этим подонком! Он её ни во что не ставит! Унижает и позорит! А она... Она бежит за ним! Почему?!

Он с совершенно растерянным видом и детской, горькой обидой на лице шлепнул рукой по воде.

— Почему?!

Даша с грустным пониманием в глазах несколько раз кивнула.

— Знаю, о чём ты говоришь, — вздохнула она. — Но видишь ли, Саш... Когда люди влюблены, они... они почти безумны...

Он резко поднял взгляд, уставился на неё, несколько секунд взирал на неё, не отводя взгляда и не моргая.

— Даша... она любит этого... этого?!

— Любит, Саш, любит, — вздохнула Даша. — Тебе будет тяжело признать это, но чем скорее ты это сделаешь, тем легче тебе будет справиться...

Изображение искривилось, дрогнуло. Меня швырнуло куда-то вниз. Вокруг меня с тошнотворной, головокружительной скоростью завертелся водоворот блестящих линий, смазанных изображений и сливающихся голосов. Цветастый, пёстрый калейдоскоп поглотил меня, втянул в свои глубины. В теле распространилось странное тянущее ощущение, словно меня пытались разорвать и растянуть в обе стороны.

Но вот я ударилась ногами о землю, точнее это был пол, обычный паркетный пол... Я подняла взгляд и поняла, что это пол школьного коридора. Я находилась в школьном коридоре с серо-белыми стенами. Он был пуст. Вдоль закрытых классных дверей распространялась почти идеальная тишина. Её нарушало только мелкое щелканье больших настенных часов на стене возле досок для объявлений.

Я огляделась, прошла вперёд, настороженно взглянула на запертые двери классов. Из-за них доносились голоса учителей: властные, командные, мягкие, добрые, усталые.

Резко, пронзительно зазвонил звонок. Визгливый, дребезжащий перезвон разлетелся по пустым коридорам. Я услышала, как ученики в классах начали собираться. Послышался смех, чей-то возмущенный крик. Затем, как по команде, резко, одна за другой, открылись синие двери классов. Ученики вывалились в коридор шумной, говорливой толпой. Поток человеческих тел захлестнул и поглотил меня.

Я стояла посреди коридора и в совершенном смятении вертела головой из стороны в сторону. Где Демидов? Где его сестра? Что мне делать и куда идти?

Но вот я увидела, как четверо парней затолкали худощавого подростка в мужской туалет. Я направилась туда. С очень большей вероятностью, тем подростком был именно Александр Демидов. Я прошла прямо через толпу школьников. Для них я лишь невидимая, бестелесная наблюдательница. А они для меня и того меньше — репродукция пережитого события из чужого сознания.

Я подошла к мужскому туалету, тут меня неожиданно сковала внезапная стеснительность. Я никогда раньше в мужские туалеты не заходила, как-то не было необходимости. Я поднесла руку к двери и замерла. Чёрт возьми... Я же не могу её открыть, равно как и пройти через нее.

Это странно, но в своих воспоминаниях я чаще всего бестелесна только для одушевленных и живых существ, а для всего остального я очень даже реальна.

Правда, только в одну сторону. То есть я с предметами взаимодействовать почти не могу, а вот они со мной — без проблем!

В этот миг дверь мужского туалета резко распахнулась, я едва успела отскочить. В коридор вышел длинный, худой парень в очках с папкой под мышкой. Я юркнула внутрь туалета. Борясь с внутренней неловкостью, я прошла дальше. Вдруг услышала чью-то бурную ругань и звук удара, затем, кто-то заплакал.

— Когда деньги принесёшь, чмо?! — спросил чей-то грубый и злой голос с фальшивым басом.

И снова глухой звук удара. Кто-то сдавленно вскрикнул и жалобно, пугливо произнёс:

— Не надо! Не надо! Не бей меня!

Я узнала голос Демидова. Дверь в туалет резко распахнулась. Я обернулась.

Первой яростной походкой, с развевающимися волосами влетела Даша Демидова, за ней более степенно вошли двое мужчин в возрасте и одна женщина в массивных очках на носу.

— Вот! — объявила Даша. — Посмотрите! Что я и говорила! Они избивают моего брата и уже не в первый раз!

Я, наконец-то, тоже прошла дальше в туалет и увидела избитого Александра и четверых парней вокруг. Все четверо выглядят, как настоящие громы. Причем без намека даже на крупницу интеллекта.

— И что это здесь происходит? — спросил один из мужчин, одетый в коричневый пиджак и светлые брюки.

Воспоминание исчезло. Откуда-то издали доносился настойчивый, требовательный стук, слышны были голоса. Воспоминание Александра Демидова извергло меня обратно в реальность. Я приподнялась на локтях.

— Откройте дверь! Что у вас там происходит?!

Дверь в палату сотрясалась от ударов. За ней топтались сотрудники больницы.

— Лейтенант! Что за фокусы?! — гневно восклицал Валерий Климович. — Откройте дверь... Мы слышали выстрел! Зачем вы стреляли?!

— Свалите к чертям собачьим! — проорал взбешенный и напуганный Демидов.

Я осторожно села на кровати. Он обратил взгляд на меня, наставил пистолет.

Выглядел он ужасно. Оскаленные зубы, выпученные глаза, на раскрасневшейся коже лица поблескивает пот. Его полицейская фуражка валяется на полу, сальные волосы облепили голову.

— Лежать! — рывкнул он на меня и взмахнул пистолетом. — Лежать! Лежать! Не смей двигаться!

Последние слова он процедил с маниакальной злостью на лице, брызжа и захлебываясь слюной.

Дверь палаты резко распахнулась.

— Стой! — крикнул кто-то.

Внутри ворвался мужчина в медицинской одежде, ринулся к Демидову. Лейтенант обернулся, вскинул руку с пистолетом. Я успела понять, что будет, и громко закричала... Я не услышала выстрел. Только ворвавшийся в палату тучный санитар вдруг странно вздрогнул и удивленно моргнул. За его спиной стену оросила кровь, а сам мужчина пошатнулся, охнул, отступил назад. В следующую секунду ноги его подкосились, и он рухнул на пол.

— Ва-а-а-ня! — закричала какая-то женщина.

Несколько человек медперсонала замерли в дверях. Я перехватила взгляд Валерия Климовича.

— Назад! Назад! — голос полицейского сорвался на лихорадочный, чавкающий злобный шепот. — Назад! Мрази! Мрази! Подонки! Ненавижу! Назад! Грязные твари!.. Все назад! Пристрелю мразей!

Тут он бросился ко мне. Я отпрянула в ужасе, он вцепился рукой в мои волосы.

— Отошли от дверей!

— Ай! — закричала я, скривившись.

Он буквально стащил меня с кровати. Я ударилась об пол бедром, ребрами и спиной. Удар об пол выбил из меня воздух, заставил задыхаться. Ломящая боль давила на ребра, раны на ногах словно пылали. Я охнула, застонала. Он дёрнул меня за волосы, потащил за собой. Я беспомощно кричала, а он подтащил меня к себе, намотал мои волосы на кулак.

— Назад! — проорал медперсоналу Демидов, таща меня за собой.

Я скребла ногами пол в тщетной попытке подняться. Я вцепилась руками в его рукав. Он грубо, рывками волок меня за собой. Мне казалось, что он сейчас сорвет мой скальп! В глазах искрились звёзды, я шипела и стискивала зубы. Тянувшая, мучительная боль рвала кожу на голове.

— Пусти! — простонала я, не в силах терпеть. — Пожалуйста! Пусти! Пусти! Стой...

— Заткнись!!! — он резко встряхнул меня за волосы.

Я ахнула, задохнулась от рвущей, пульсирующей боли на коже головы. Под дулом пистолета Демидов заставил всех отойти. Врачи, медсестры и санитары — все стояли с поднятыми руками.

— Не двигаться! Не двигаться! — повторял Демидов с неистовой одержимостью.

Он ногой открыл один из кабинетов, затащил меня, зашел сам и быстро закрыл дверь.

Он отшвырнул меня, я плача сжалась на полу. Боль поглощала меня, саднящая боль обжигала всю кожу головы и проникала глубже. Болели ушибленные ребра и бедро,

болевыми схватками пульсировали ступни ног. Я держалась руками за голову. Крепко зажмурив глаза, я тихо, почти бесшумно плакала, пытаюсь справиться с бесконечной болью. Похоже, боль вместе с ужасом, страхом и омерзением становится моим спутником и наиболее частым противником.

Демидов придвинул к тяжелой двери процедурного кабинета шкаф с биксами, лекарствами и прочим медицинским инвентарём. Сам устало прислонился к стене и медленно сполз по ней. Он, удерживая в одной руке пистолет, прижал тыльные стороны ладоней к лицу.

— Всё должно было пойти не так, — простонал он. — Не так... Чёрт! Чёрт! Вашу мать. Всё должно было быть не так!

Он с ненавистью выкрикнул ещё несколько ругательств. Я тихо, медленно приподнялась, взглянула на него. Он был доведен до крайней степени отчаяния. Я опасливо, со страхом наблюдала за ним и боялась дышать и шевелиться. Он, этот запуганный, в конце спятивший от горя полицейский, сейчас опаснее Романтика. Он совершенно не контролирует свои эмоции.

Сомневаюсь, что его поведение сейчас может быть хотя бы наполовину осмысленным. Он в панике и в данный момент почти невменяем.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 19 июня

— Всё хорошо, мам... Да, папа рядом. Я тебя тоже...

Алина улыбнулась, держа мобильный телефон возле уха. Стас сидел рядом, сложив руки на груди, глядя вперёд на возвышающиеся дома и уличные дороги. Корнилов ждал. Он ожидал результатов облавы, хотя, откровенно говоря, Стас не верил. Обдумывая сейчас всё происходящее, он осознавал, что кто бы ни прислал розы его жене и дочери, это был не Романтик. Ему сейчас не до этого. После того, как Ника сорвала ему запланированное торжество и уменьшила масштаб его мести, вряд ли Романтик пребывает в душевной гармонии. Очень вероятно, что он страдает, злится и пытается достать зубами до локтей. А вдруг случится чудо, и он застрелится...

В стекло дверцы постучали, Стас поднял взгляд, увидел Аспирина. Взгляд у генерала был раздраженный и угрюмый. Стас вышел из автомобиля.

— Задержали несколько человек, — сообщил Аспирин. — Думаю, тебе стоит взглянуть на них.

— Хорошо, но... — Стас оглянулся на дочку, сидевшую в автомобиле.

Он открыл дверцу, Алинка выглядела обеспокоенной.

— Олененок, мне нужно отлучиться, но ты не бойся, я буду недалеко.

— Папа... — жалобно проговорила Алина.

Стас смотрел в её глаза. Его грызла совесть и сострадание к дочери, к её страхам.

— Товарищ генерал, могу я попросить какую-то охрану?.. она запугана...

Аспирин жестом подозвал двух бойцов СОБРа, что стояли возле своего автомобиля.

Те неспешно подошли, держа в руках автоматы.

— Эта девочка — возможный объект покушения. — сказал он, указав на Алину. — Мы отойдём, а ваша задача и близко никого, кроме майора Корнилова или меня, не подпускать. Ясно?

— Так точно, — отозвался один из бойцов.

Стас снова взглянул на дочь, показал пять пальцев на правой руке и два на левой. Семь

минут. Алинка коротко кивнула. Стас окинул взглядом спецназовцев. Те нерушимыми, грозными статуями замерли по обе стороны от машины.

Ощущая, как сжимается сердце, Стас вместе с Аспирином направился к автозаку, стоявшему в полусотне метров через дорогу. Передвижной СИЗО сторожили двое вооруженных автоматами полицейских. Аспирин пропустил Стаса вперед. Они поднялись внутрь, остановились у дверей.

— Посмотри, — велел Савельев. — Это может быть кто-то из них.

Стас обвёл взглядом восьмерых задержанных. Видок у всех был более, чем подозрительный.

Первый — полноватый мужчина в старом, поношенном спортивном костюме синего цвета. На щеках трёхдневная щетина, взгляд пустой, равнодушный и отсутствующий.

Второй — лысый крепыш с татуированными плечами и колючим дерзким взглядом, на его губах застыла самодовольная ухмылка.

Третий — мужчина в клетчатой рубашке с взъерошенными темными волосами, сутулый, взгляд жалобный, боязливый.

Четвёртый — длинноволосый парень с бледным лицом и запавшими глазами. На шее поблескивает цепь с каким-то амулетом.

Другие тоже выглядели неприятно, отталкивающе и даже пугающе, но никто, Стас был в этом уверен, никто из них не был Романтиком.

— Ладони кверху, — приказал он им.

Задержанные нехотя выставили ладони вверх. Стас прошелся мимо каждого из них, внимательно осмотрел их руки. Вернулся к Аспирину.

— Его здесь нет, — сухо сообщил он, когда они вышли на улицу и немного отошли от автозака.

— Почему ты так уверен? — Савельев остановился и посмотрел на Корнилова.

Взгляд его был чуть прищуренным, сосредоточенным.

— Не беря в расчёт, что никто из них не подходит по комплекции, которая мне известна, — ответил Стас. — у них руки не садоводов.

— Интересно, Стас, — хмыкнул генерал Савельев. — Просто ради любопытства... какие же должны быть руки у садовода?

— Порезы, царапины, опрелости на коже и прочие дефекты и поражения, связанный с практикой садоводства. — устало ответил Стас.

— Тебя не смущает, что большинство людей работает в перчатках? — сердито спросил генерал.

— Не смущает. — ответил Стас. — Перчатки не гарантируют перманентную защиту от всего, выше перечисленного.

— Уверен?

— Я видел руки Фабиана Армана, на них полным-полно и царапин, и мозолей, следов уколов от шипов роз и тому подобных отметин.

— Это всё?

Стас пожал плечами.

— Если принимать во внимание модус операнди Романтика... То он эстет, художник и ценитель. А эти...

Он с пренебрежением кивнул головой на автозак.

— Алконавты, головорезы, неудачники — шпана.

— Стас, — вздохнул Аспирин, — я привык тебе верить, но... Романтик пока что тебя обыгрывает. Ты уверен, что правильно его себе представляешь?

Корнилов взглянул на генерала флегматичным, безрадостным взором.

— Когда мы его поймаем, я вам его покажу, вы сможете убедиться.

Корнилов говорил это со спокойной, совершенно равнодушной уверенностью.

Он знал, что прав.

— Мы, это ты и твои опера? Или ты и Ника? — усмехнулся генерал.

В ответ на вопросительный взгляд Стаса, Аспирин пожала плечами.

— Я её навестил.

— Нику?

— Да, я же тебе говорил, что поговорю с ней.

Корнилов не знал, как ему на это реагировать.

— И... что? — спросил Стас.

— Хорошая девочка, — кивнул Аспирин. — Умная не по годам.

Он прокашлялся.

— Даже слишком.

Стас чуть улыбнулся. Наверняка Ника сумела впечатлить старого, матёрого, опытного сыщика, каковым был Савельев.

— Суждения... — продолжал Антон Спиридонович. — Прямо скажем, у неё недетские.

— Ей пришлось рано повзрослеть, — с некоторой грустью произнёс Стас. — Ника продемонстрировала вам свой дар?

— Да, — веско произнёс Аспирин, отведя взгляд в сторону и задумчиво уставившись вдаль. — Ещё как...

Он прокашлялся, оглянулся и понизив голос проговорил:

— Тридцать четыре года назад, когда я был примерно, как ты... Я спешил на вызов, ловили опасных дезертиров из армии. Четырнадцать человек сбежали, прихватив столько же стволов, гранаты, мины и даже гранатомёты... Эти с**и захватили заложников в детском саду...

Он замолчал. Стас видел, что генералу неприятно об этом вспоминать.

— Подтянулись ребята из Альфы, обложили детсад. Начались переговоры... Потом кто-то, какой-то умник из наших верхов, отдал приказ о штурме...

Аспирин замолчал, глядя в сторону, ему понадобилась пауза, чтобы продолжить.

Корнилов удивился, услышав горькую, болезненную досаду в голосе Аспирина.

— Командир Альфы, я помню, отговаривал руководство МВД начинать штурм, говорил, что это идиотизм, они не готовы, но...

Савельев резко качнул головой.

— Эти тупицы настояли.

Он вздохнул.

— Начался штурм.

Аспирин снова сделала паузу, затем упёр руки в бока и опустил взгляд. В его голубых глазах тлела горькая и злая печаль.

— Что-то там пошло не так... Раздались взрывы, сразу несколько... Помню, как стекла в здании детсада повышибало... А потом начались крики, пальба... В том штурме две трети отряда Альфа погибло. А дезертиры рванули прочь в рассыпную. Кто-то с автоматом по дворам, кто-то попытался уйти с заложниками, часть решила выехать на грузовике, который

они удачно захватили во дворе детского сада.

Аспирин снова вздохнул.

— Нагрузили полную машину детей и сами сели.

Он пожал плечами.

— А мы все стояли... И сделать ничего не могли. Там такое творилось... Весь город на ухах стоял!

Он прокашлялся.

— Я и несколько моих коллег вместе с омовцами бросились за ублюдками, что убежали под шумок, пока все внимание было приковано к грузовику, с перепуганными детишками.

Стас слушал, не перебивая. Он явственно ощущал гнетущую боль в словах Аспирина.

— А мы ... Тех бандюг, удиравших по дворам, преследовали... как умели...

Стас опустил взгляд.

Он уже догадывался, что из этого вышло.

— Я и мой лучший друг, он тоже опером был, преследовали одного из сбежавших дезертиров, — продолжал Аспирин. — Он оказался не один, с заложницей... С воспитательницей...

Он замолчал, и, казалось, впал в некую прострацию.

— Вы случайно застрелили её? — спросил Стас, рискнув нарушить тишину.

— Нет, — неожиданно мягким, слабым голосом ответил Аспирин. — Я попал в своего друга, с которым мы со школы дружили и в армии вместе служили, в Афгане были... Там же и оба ранения получили.

У Савельева чуть дрогнул голос. Стас никогда раньше не видел Аспирина расчувствовавшимся и угнетенным.

— Я, — проговорил он, не глядя на Стаса, — прострелил голову своему другу детства. Он скончался на месте. Мне потом устроили разбирательство, чуть со службы не выгнали. Его жена прокляла меня, его старший сын потом пытался меня убить.

Аспирин потёр правой рукой шею.

Стас был впечатлен услышанным.

— Ника всё это рассказала? — спросил он.

Савельев кивнул.

— Как будто была там... — произнёс он чуть охрипшим голосом и вопрошающе посмотрел на Стаса. — Как она это делает, Стас?!

Он чуть скривился, дернул плечами.

— Она же мне... Вообще, всё, от начала до конца, в подробностях пересказала.

Савельев сделал правой рукой неопределенный жест.

— До мелочей... А это...

Он покачал головой.

— Никто не знал всей правды до конца.

— Какой правды?

Аспирин снова ответил не сразу. Подумал, отведя взгляд, затем опустил взор. Горько ухмыльнулся.

— Я стрелял специально, — проговорил Савельев.

Стас уставился на Аспирина с настороженным удивлением.

— Я стрелял специально, — повторил Савельев и посмотрел на него. — Я хотел его

только ранить. Я не хотел убивать.

Стас молчал и ждал. Он надеялся, что у Аспирина были причины, веские причины. И дождался.

— Ты помнишь Нину? Мою жену?

— Да, — кивнул Стас.

— За неделю до этих событий она была изнасилована, — Аспирин вздохнул. — Как раз в тот день, в день захвата заложников, я узнал, что это сделал Олег... мой лучший друг.

Корнилов не знал, что сказать, потому что слов не было.

— Я хотел его ранить, — проговорил Савельев, — чтобы он больше не смог служить.

Он покачал головой.

— Но он сместился, и я промахнулся, попал точно в висок.

Савельев опустил взгляд.

— И вот это всё знаю только я, теперь ещё и ты... и Ника. Она не могла этого знать или где-то услышать... Аспирин дернул головой.

— Я никому не говорил о причинах, никто не знал, что я сделал это специально, что я хотел отомстить. Понимаешь?

Стас пару секунд смотрел в его глаза.

— Понимаю, — проговорил он тихо.

Он понимал. За Риту он бы тоже убил, специально, даже лучшего друга.

У Стаса вздрогнул и ожил мобильник. Корнилов взял трубку, звонил Сеня.

— Да?

— Стас! — голос Арцеулова был громким, встревоженным. — Стас, в больнице, где лежит Ника, какой-то полицейский устроил стрельбу! Он убил санитаря и кого-то там ранил...

— А что с Никой?! — быстро спросил Стас и шагнул вперёд.

Он почувствовал, как возросшее напряжение сдавливает рёбра, сжимает мышцы спины и разгоняет жар по венам.

— Я ещё не знаю, но... Сказали, что он взял в заложницы девчонку. У неё забинтованы ноги, и она беленькая... с косичкой...

Стас широким быстрым шагом ринулся к своей машине.

— Я сейчас буду, — сказал Корнилов и дал отбой.

Аспирин спешил следом.

— Стас, что случилось?

Корнилов не останавливался.

— Какой-то полицейский взял Нику в заложницы. Он уже убил человека.

— Твою мать... — выдохнул Аспирин. — Ты думаешь...

Стас дернул головой. Он был преисполнен холодного гнева.

— Не знаю, — дёрнул головой Стас. — Не знаю, товарищ генерал.

— Ника же не получала розу?..

— Нет.

Стас подошел к машине, открыл её.

— Олененок, — он мягко обратился к дочери. — Мне нужно ехать.

— Мне с тобой нельзя, да? — спросила она.

— Тебя отвезут домой, — Стас улыбнулся дочке. — Вы с мамой будете в безопасности.

— А ты? — спросила Алинка тихо, грустно и опасно.

— А я... — Стас чуть скривил губы. — Постараюсь быть осторожным.

— Обещаешь?

— Обещаю, — вздохнул он.

При этом Корнилов не сомневался, что дочка твёрдо знает — обещание он не сдержит.

Пока Стас мчался к сто восьмидесятой больнице, он думал о том, что забыл.

Забыл, что помимо ответственности за свою семью, у него есть, как ни крути, ответственность за Нику. Да, эта светловолосая девочка с искристо-синими глазами ему не родная... Но она же, чёрт возьми, дороже и ближе ему всех его друзей и почти всех родственников. Стас подумал, что Ника о нём лично знает больше, чем... даже больше, чем Рита. А потом подумал, сколько раз Ника была в опасности из-за него. Добровольно.

Сколько же ещё его совести нужно грызть его душу, чтобы до него наконец дошла простая и очевидная мысль: он должен её оберегать, защищать и... быть с ней. Возможно, иногда даже больше, чем с семьей, потому что... Ника всё это для него делает, и даже больше. Стас ненавидел себя в эти мгновения. Когда повеяло реальной опасностью, он бросился спасать жену и дочь. Но забыл про ту, что за последнее время больше всех разделяла с ним все опасности и трудности самых тяжелых уголовных дел.

Корнилов успел подумать, что он был бы не против... удочерить её. И Рита, наверное, даже согласилась бы, особенно узнав всю правду. Вот только Ника никогда не согласится на это. Хотя бы потому, что любит и своего дядю, и... отца, который вряд ли когда-то выйдет на свободу.

Впереди показалось здание больницы. Стас прибавил скорости, на правила ему сейчас было так же плевать. Здание больницы опустело. Народ выгнали на улицу и оттеснили за пределы больничного двора. Вокруг столпилась масса любопытствующего народа.

Стас ринулся ко входу. Оказавшись внутри, быстро поднялся по лестнице.

На третьем этаже было четверо полицейских, обычные патрульные.

Увидев Стаса, они обернулись.

— Сюда нельзя, — сказал толстый, уже седеющий мужик с погонами прапорщика.

Стас молча показал ему удостоверение.

— Проваливайте, — беззлобно бросил он.

— У нас приказ и... — начал было толстяк.

Стас оглянулся, внимательно посмотрел на него. Тот опустил взгляд, приложил руку к бейсболке со значком.

— Есть, — нехотя проговорил он.

Все четверо полицейских направились прочь. Стас услышал, как они спускаются по лестнице. А потом стало тихо. Тишина на этаже воцарилась почти идеальная, монолитная, нерушимая. Только через открытые окна сдуновениями ветра влетали звуки города и людских голосов. Стас без труда обнаружил дверь, за которой прятался тот самый полицейский, или кем он там был на самом деле.

Корнилов остановился у двери, прислушался. Затем осторожно постучал.

— Кто там?! — вскрикнул из-за двери срывающийся голос.

— Уголовный розыск, — ответил Стас. — Майор Корнилов. Я полагаю, у тебя есть, что мне сказать.

Молчание. Стас ждал. Тревожное наитие требует, чтобы он спросил про Нику.

Стас этого не делает. Если он покажет, что она ему дорога, ей конец. Этот псих убьет её, даже зная, что сам за это сядет на всю жизнь.

Стас не сомневался, что это не Романтик. Он прикинул, кто мог бы желать отомстить ему. Выходило, что потенциальных врагов немало. Вряд ли это был кто-то из родственников преступников. Большинство тех, кого Стас посадил, или не имеют родственников вообще, или же прокляты этими родственниками до конца своих дней.

Вторыми в этом списке идут родственники жертв. Конечно, это мог быть кто-то из тех, кто потерял близких от рук убийц, которых оперативно-следственная группа Стаса не поймала быстро и сразу. Это могли быть родственники Яны Долгобродовой, Богуславы Мартыновой и других жертв. Но более вероятной выглядела версия с кем-то из родных Зориных. В частности, Дарьи Зориной, жены и матери Бориса и Ирины Зориных.

Стас сперва подумал о самом Борисе. Но муж Даши, по словам того же Домбровского, был так счастлив увидеть дочурку Иру и так рассыпался в словах благодарности... Вряд ли он. Ему больно, он пережил трагедию, которую вряд ли когда-то забудет полностью, но он бы не стал, ему не до этого. У него есть Ира. Маленькая дочка, которая теперь в большей степени, чем раньше, занимает все его время, мысли и всю его жизнь. Нет, это не он. Значит, близкий родственник: отец, дядя... или брат.

Стас вздохнул. Постучал ещё раз.

— Ты слышал меня? Как тебя зовут, парень?

— Тебе лучше помнить, как звали мою сестру! — провыл злой, страдальческий голос из-за двери.

Корнилов тихо выругался. Парень помешался на почве гибели сестры, нашел виноватого, и преобразил свои душевные страдания в ненависть и месть.

Он обязательно должен отомстить за свою боль, за свои бесконечные, душевные страдания, за свою горечь, за свое... разочарование?

Кажется, Ника была права, когда объясняла причину мести людей, подумал Стас. Они ищут утешения, и делают это ради себя, а совсем не для тех, ради кого, по их мнению, они мстят.

— Послушай, — попросил Стас. — Я вряд ли когда-нибудь забуду Дашу Зорину. Она, как и другие жертвы, всегда останется со мной. Понимаешь? Ты хотел это услышать? Ты думал, я не запоминаю тех, кто умирает от рук преступников? Ты ошибаешься...

Удар в стену.

— Это вы все ошибаетесь! — Снова удар, и ещё один. — Вы! Вы! Вы-ы-ы!!!

Через секунду звучных тупых ударов в стену.

Стас выждал. Затем спокойно, мягко и участливо спросил:

— И чего ты собираешься добиться? А? Справедливости? Какой ты её видишь?

Молчание. Стас прислушался. Кажется, он слышал протяжные всхлипы.

— Ты думаешь, если ты причинишь боль мне или тем, кто мне дорог, ты почувствуешь себя лучше? Спешу тебя огорчить...

— Я хочу, чтобы ты тоже страдал! — прорычал голос из-за закрытой двери. — Как я!

— Не получится. — засмеялся Стас. — Ты думаешь, ты один такой? Мститель...

— Что ты хочешь сказать? Что тебе тяжелее, чем мне?! Да?!

— Нет, — пожал плечами Корнилов. — Только то, что твои страдания и мучения, в сравнении с тем, что переживает кто-то другой, могут оказаться куда менее тяжелыми.

— Я потерял сестру!

— А мог ещё потерять и племянницу! — повысил голос Стас. — А девочка, которую ты взял в заложницы, рискуя жизнью, спасла её! Слышишь! Знаешь, что Романтик сделал?!

Нет?! Он заставил её идти по битому стеклу! Её и твою шестилетнюю племянку. И она её вынесла. Слышишь?! Вынесла оттуда твою племянницу. И так ты хочешь отблагодарить её за спасение? Ты уверен, что это правильно?!

— А что тогда правильно, майор?! Терпеть? Забыть? — проговорил из-за стены брат Дарьи Зориной. — Ты предлагаешь мне простить тебя?!

— Меня? — Стас пожал плечами. — Можешь не прощать. Но если ты убьешь человека, что спас дочь твоей сестры... Сомневаюсь, что она была бы этому рада. И ты знаешь, что это так.

Молчание. Стас снова подождал, прислушался.

— Как тебя зовут? — спросил Корнилов.

— Какая разница?!

— Хочешь, чтобы я разговаривал с безымянным человеком, который представляется братом Дарьи Зориной? Откуда мне знать, что ты её брат?

— Потому что это я! — вскричали из-за стены. — Меня зовут Александр! Александр! Понятно?! Александр Демидов! Я брат Даши Демидовой... Она Демидова! Ясно тебе?!

— Хорошо, — ответил Стас. — Теперь я верю. Что ты собираешься делать дальше?!

Молчание.

— Назови мне всех жертв Романтика.

— Что?

— Ты сказал, что помнишь всех жертв, которых убили преступники, за которыми ты охотился...

Стас вздохнул и перечислил. Всех, начиная с первой, известной ему жертвы Романтика, Хотя он уже знал, что Романтик начал убивать раньше, и его жертв куда больше. Минимум в два раза.

— Ты доволен? — спросил Стас. — Если у тебя есть ко мне вопросы, открывай дверь и поговорим. А нет... Сам знаешь, чем это закончится.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 19 июня

Когда я услышала голос Стаса, я почувствовала робкое прикосновение надежды. Я понимала, что Корнилов не способен решить проблему щелчком пальца, но затеплившаяся во мне надежда вызывала успокаивающие мысли.

Возможно, он справится. Возможно, он сможет его убедить. Возможно, Демидов не пристрелит меня, а может, и вовсе сдастся... Тем более, что вариантов у него уже немного.

Сама я говорить не отваживалась. У меня всё еще кровит губа от размашистой пощечины Демидова. Сам Демидов сидел в углу процедурной, поджав колени и склонив голову. Он не выпускал пистолет из руки и то и дело всхлипывал.

Выглядел он жалким, беспомощным, но от этого ещё более опасным и совершенно непредсказуемым.

— Послушай. Я вряд ли когда-нибудь забуду Дашу Зорину. Она, как и другие жертвы, всегда останется со мной. Понимаешь? Ты хотел это услышать? Ты думал, я не запоминаю тех, кто умирает от рук преступников? Ты ошибаешься...

Размеренным голосом степенно вещал из-за двери Стас.

— Это вы все ошибаетесь! — внезапно вскричал Демидов.

Я вздрогнула, когда он закричал. Инстинктивно отползла подальше.

— Это вы! Вы! Вы! Вы! — каждый свой выкрик Александр сопровождал ударом пс

стене. — Это всё вы! Вы все!

Он замолчал и уже себе под нос, всхлипнув, громко прошептал:

— Ненавижу!

Стас снова заговорил. Их беседа шла с переменными паузами. Стас говорил. Демидов кричал. Потом тишина. И опять. Спокойная речь Стаса. Нервные выкрики Демидова в ответ.

Я всё это время внимательно следила за лицом и реакцией Александра. Когда я увидела, что он замешкался, что он в нерешительности, я решила попробовать поговорить с ним снова.

— Твоя сестра не для этого спасала тебя в школе и потом, когда ты...

— Заткнись! — выкрикнул он и направил на меня пистолет. — Заткнись! Я замолчала, я смотрела в его глаза.

— А то что? — спросила я, чуть сузив глаза. — Убьешь меня?!

— А ты... сомневаешься, дрянь?! — процедил он. — Ты могла спасти мою сестру! Могла и не стала! Вместо этого ты... ты...

Он задохнулся страдальческим вздохом.

— Вместо этого ты вынесла эту маленькую паскуду...

Я была поражена таким поведением. Он ненавидит свою племянницу. Ненавидит... И похоже, ещё больше ненавидит её отца, мужа своей сестры.

Поэтому слова Стаса о моем поступке не произвели на него впечатления. Скорее наоборот, усугубили мое положение.

— Твоя сестра сама об этом попросила, — проговорила я тихо.

— Врёшь!

— Нет, — тут же возразила я. — Не вру. Она готова была пожертвовать собой. Так же, как она всегда была готова прийти тебе на помощь. Помнишь? В школе тогда, из-за проигранных тобою денег? Потом ещё раз, из-за того, что запал не на ту девчонку? Потом перед родителями... Даша всегда была сильной и храброй старшей сестрой. Она защищала тебя. А знаешь почему?

— Почему? — выдавил он.

Возможно, он знал ответ. Но он хотел, жаждал, чтобы ему ответил кто-то другой. Не его голосом. Чтобы кто-то другой сказал то, что ему так приятно слышать.

— Потому что она любила тебя, — мягко и проникновенно сказала я.

Он снова всхлипнул, кивнул, вытер нос.

— Любила, — Демидов покивал головой и снова прошептал. — Любила... И я... Я...

Он запнулся, сделал трудный глоток, с его губы сорвалось страдальческое, дрожащее дыхание.

— Я тоже любил... Я любил её... Любил... Боже... Боже, я... я так её любил!.. Я...

Я уже поняла, что хотя его любовь была искренней и честной, он любил Дашу по-другому, не так, как положено брату. И именно поэтому он ненавидит её мужа и её дочь. И именно поэтому он так взбесился, что мы не спасли её.

Я выждала несколько мгновений.

— Если ты так любил её, — проговорила я осторожно, ласково, — почему ты не хочешь любить память о ней?

Он взглянул на меня. Кожа вокруг его глаз покраснела, глаза были влажными, безумными. Он смотрел растерянно с некой надеждой.

— Память? — шепнул он с дрожью. — Что ты... Что ты имеешь в виду?

Я нервно сглотнула и проговорила:

— Ты не хочешь ценить её жертвы... ради той, кто для неё была дороже всего в жизни.

Почему? Ты же любишь её не как брат сестру, ты... Ты желал её... Так ведь?

Его лицо отвердело.

— Да, — проговорил он жестко. — Желал. Да. Желал. Да.

Он несколько секунд сидел, цедил слова с паузами. И едва заметно покачивался из стороны в сторону.

— Она знала об этом, догадывалась. Но я никогда... Только раз...

Он зло усмехнулся.

— Я попробовал... Я... Я поцеловал её... Я...

— Она отвергла тебя? — спросила я сочувственно.

Он нервно кивнул, снова вытер глаза, вздохнул и вдруг встал. Спрятав пистолет за пояс, он отодвинул шкаф в сторону и, прислонившись к двери, сказал:

— Эй... Корнилов!

— Да?

— Я выхожу... — тут он навел пистолет на меня. — Мы выходим.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 19 июня

Стас отошел от двери. Свой револьвер он положил на пол, на самое видное место. И когда дверь начала открываться, поднял ладони и сделал три больших шага назад.

— Давай, — услышал он. — Иди...

— Я не могу! Мне больно! — Стас услышал голос Ники.

— Шевелись!

Он вытолкнул её первой. Стас встретился с ней взглядом, чуть улыбнулся. Затем увидел кровь в уголке её рта. Корнилов почувствовал прилив злости, но тут же подавил его. Он ободряюще подмигнул Нике. Лазовская выглядела раздраженной, но запуганной. Её одновременно бесила, злила и пугала вся происходящая ситуация, но девчонка держалась хорошо, даром что совсем дитя. В конце концов, подумал Стас, пистолетом в неё тычут тоже не в первый раз.

Следом за Никой вышел он, брат Даши Зориной, Александр. Глядя на его покрасневшие глаза, трясущиеся губы и поддрагивающие руки, Стас понял, что ситуация куда хуже, чем обычно. Брат Зориной в данный момент лишь частично сохранял вменяемость.

Стало понятно, почему Ника и зла, и напугана. Она может видеть его воспоминания, но не знает, как их использовать. Обычно ей требовалось обсудить приятные моменты из жизни преступника (или свидетеля) с ним самим и проявить сочувствие, и человек готов был выложить все, что знал или сдать полиции. Не всегда, но достаточно часто.

А тут Ника, видимо, попробовала его уговорить, но получила по зубам. Стас успел подумать, что, возможно, именно это её и разозлило. Лазовская добрая, правда, очень добрая, жалостливая и искренняя девочка. Но она не терпит, когда её унижают или задевают её гордость. Близким она простит почти всё, но чужаки, посмеявшие её ударить, могут дорого за это заплатить.

— Спокойно, — сказал Стас, глядя в глаза Александра. — Я без оружия. Вот, видишь?

— Ага, — кивнул в ответ брат Даши. — А теперь подними-ка свой револьвер. Давай!

Он приставил пистолет к затылку Ники.

— Взял! Быстро!

Эхо голоса разлеталось по пустым коридорам больницы.

— Хорошо, хорошо, — Корнилов неспешно приблизился к револьверу.

У него мелькнула мысль застрелить Александра сейчас. Но Ника была почти на линии огня. Стас не хотел и не мог ею рисковать. Он медленно присел на колени, взял револьвер.

— А теперь, — прошептал Александр, лихорадочно сверкнув глазами. — Теперь достань все пули, кроме одной.

Эпизод восьмой

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 19 июня

Стас застыл, услышав требование Демидова. Я с трепещущим сердцем, испытывая нервирующую тревогу, наблюдала за ним. Что задумал Александр? Чёрт! Нельзя позволять ему брать инициативу в свои руки! А что я могу сделать? Дёрнусь — он меня пристрелит!

— Доставай! — снова прикрикнул Демидов. — Давай!

Стас успел перехватить мой взгляд и быстро подмигнул мне. Он открыл барабан револьвера. Осторожно вынул одну пулю, затем другую. Он скидывал их на пол. Они бились об пол с гулким звоном и отскакивали прочь. Я смотрела на него и сосредоточенно гадала, что он задумал. Я не ощущала прикосновения пистолета к моей голове, но я чувствовала странное и неприятное давление в той части затылка, куда он целился. Как будто кто-то с усердием давил туда указательным пальцем. Я слышала его свирепое, злое и подрагивающее дыхание. В стопах моих ног беспокойно вздрагивала боль. По спине стелился неприятный, сковывающий жар. Вместе с ним меня наполняло угрожающее ощущение зависимости моей жизни и судьбы от прихоти взбалмошного, частично свихнувшегося Демидова.

Крайне неприятное чувство, когда твоя жизнь похожа на хрупкий волосок, зажатый в дрожащих пальцах неадекватного типа. Я старалась держать себя в руках, но паника и электризирующее напряжение брали своё.

Стас выпрямился, держа револьвер в руках. Взгляд у него был решительный, но смиренный.

— Что дальше? — спросил он с кривой полуухмылкой.

— А дальше мы поиграем, — прошипел за моей спиной Демидов.

От его слов меня охватила предательская дрожь.

— И во что, интересно? — спросил Стас.

— В русскую рулетку. Ты по очереди целишься в себя и в неё.

Он ткнул мне пистолетом в затылок, тычок был болезненный.

Что такое русская рулетка? Я где-то уже слышала это выражение... Я с опаской посмотрела на Стаса. Он отвечал мне спокойным, ничего не выражающим взглядом.

Тем, кто лично не был знаком с майором Станиславом Корниловым, могло показаться, что он действительно преисполнен флегматичного спокойствия.

Но я знала его достаточно хорошо, чтобы видеть его истинное настроение и эмоции.

Корнилов стоял с опущенным револьвером.

— Слушай, тебе ведь совсем не... — начал он.

— Давай! — с нажимом, истерично произнёс Демидов. — Или она сдохнет у тебя на глазах!

Стас вздохнул. Затем, к моему ужасу, приставил дуло револьвера к своему виску.

О, Боже... Что он делает?!

— Нет... — прошептала я дрогнувшим, слабым голосом.

Меня охватило совершенное замешательство, страх обвился вокруг моего тела, подобно хищному питону и что было сил сдавил конечности, плечи, грудь, живот и горло. Интенсивные удары сердца отмеряли мгновения. Я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Я не могла шевельнуться. Я даже не могла моргнуть.

Я только могла испугано таращиться на Стаса, не зная, выстрелит револьвер или нет.

Стас снова подмигнул мне.

— Нет! — вскричала я в истерике.

Он нажал на курок, и в этот миг моё сердце подскочило до горла, у меня дрогнули колени, я пошатнулась, грудную клетку сдавило, стиснуло. Я схватила ртом воздух.

— Отлично, — протянул за моей спиной Демидов. — А теперь в неё... Давай!

Корнилов мешкал. Стас посмотрел на меня, мне в глаза. Я прочла сообщение в его взгляде, он просил доверять. Я чуть заметно кивнула. Стас поднял свой длинный, переливающийся серебром револьвер. Ствол с чёрным отверстием смотрел мне в лицо. Я затаила дыхание. Я старалась задушить в себе все эмоции и чувства усиливающейся, разрастающейся паники.

Стас нажал на спусковой крючок. Сухо, с металлическим звоном щелкнул курок. Я нервно сглотнула. Демидов за моей спиной по-идиотски захихикал.

Кажется, и я, и Стас, мы оба — два магнита, которые буквально притягивают психопатов и людей с тяжелыми психическими расстройствами. Ну или же мы просто сами слишком часто оказываемся у них на пути.

Я коротко вздохнула, глотнула воздух. Он забрался в легкие и с тяжестью застыл там. На щеках и на лбу я чувствовала прохладные прикосновения витающих в коридоре сквозняков.

— Теперь в себя! — потребовал Демидов.

Я чуть скосила глаза назад. У меня мелькнула отчаянная, храбрая мысль.

Я пыталась понять, как Демидов стоит относительно меня. И могу ли я что-то сделать. Я взглянула на Стаса. Мы достаточно давно уже знаем друг друга и умеем читать мысли по глазам. Я увидела, как Корнилов качнул головой.

Наверное, он прав. У меня всё равно ничего не получится, кроме как получить пулю и подставить Стаса.

Корнилов нажал на крючок. Я зажмурила глаза, ощущая, как от ударов пульса трепещут разгоряченные страхом вены. Я увидела, как с готовностью дёрнулся похожий на длинный язык выгнутый курок револьвера. От плеч до пальцев рук пробежала торопливая дрожь, я с трудом её поборолла. Не хватало ещё дернуться, стоя на прицеле у психически неуравновешенного человека! Стас теперь поднимал револьвер в мою сторону. На мгновение во мне замерли дыхание, пульс и мысли. Я вся застыла, обратившись в изваяние. Напряжение словно заключило на несколько секунд меня внутри застывающего цемента.

Мгновение. Просящий прощения взгляд Стаса. Блеснувшее со случайным бликом в его глазах горькое сожаление. Его палец давит на спусковой крючок. Я не выдержала, трусливо зажмурила глаза. Но вместо выстрела лишь снова склизко хрустнул курок. Я не выдержала, подалась назад.

— Не двигаться! — проорал за моей спиной Александр.

Я чуть втянула голову в плечи. Мне психологически всегда тяжело выносить, когда на меня орут.

— В себя! — приказал Стасу Демидов. — Давай!

Корнилов с показательной беспечностью вновь приставил дуло к виску и спустил курок.

Я почувствовала неприятный, вдавливающийся толчок в груди.

— Не дёргайся! — Демидов ещё раз ткнул дулом пистолета в мой затылок.

Корнилов спокойно проговорил:

— Не сотрясай воздух, Саша.

— Заткнись и стреляй в свою мелкую с***у! — голос Демидова подскочил до высоких, визгливых нот.

Стас с неизменным выражением лица вновь прицелился в меня.

Я считала холостые выстрелы, уже было пять. Если бы револьвер Стаса был полон патронов, должно было быть пять выстрелов. Почти весь барабан револьвера использован. Остался один роковой «выстрел».

Я пыталась быть смелой, храброй. Я пыталась держаться. Но, когда в тебя тычут из двух стволов, тяжело, чёрт возьми, оставаться смелой или храброй. Я стояла между двумя направленными в меня стальными стволами. В каждом из них лежала пуля, готовая ворваться в моё тело, разорвать мою плоть, вырвать мою жизнь. Я пыталась держаться, но страх перед гибелью неожиданно оказался непобедим.

— Не тyani, Корнилов! Давай! Давай!

Стас ждал.

— Я застрелю её! Застрелю! Слышишь! ***ть! Я вынесу ей мозги! Давай! Или это сделаю я!..

Я содрогалась от ужаса.

— Корнилов, или ты...

Ударил мощный выстрел. Что-то всколыхнуло мои волосы справа. Я ахнула, вскрикнула. А за моей спиной что-то упало с глухим, сильным ударом об пол.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 19 июня

Он выстрелил, когда Демидов начал кричать и злиться, теряя контроль над собой. Демидов не заметил, как сместился. Линия огня была свободна. Стас чуть отвлёл ствол револьвера и спустил курок. Грянул гулкий, раскатистый выстрел. Питон плюнул свинцовым снарядом. Тело Демидова швырнуло назад, он ударился об пол. Пистолет выпал из его рук, отлетел к стене.

Ника глубоко, судорожно вздохнула. Стас быстро ринулся к ней, прижал к груди. Она с готовностью прислонилась к нему. Он обнял её за хрупкие плечи, почувствовал, как она задрожала от сотрясающих её рыданий.

— Тише, тише, — Стас, подавшись порыву чувств, коснулся губами её густых и мягких платиновых волос.

Она не отвечала, только плакала, тихо, горько, отчаянно. Сейчас, именно сейчас, из неё выплеснулись все пережитые кошмары, эмоции, ужасы и боль.

Всё то, что она вынуждена так часто терпеть. Чужие страхи. Чужие эмоции. Чужая боль И... чужие, ненужные ей, но болезненные и навязчивые воспоминания. А случай с Демидовым стал тем самым спусковым крючком, который заставил её сорваться.

Ника хотела обернуться, но Стас удержал её возле себя.

— Нет, нет... не нужно. — попросил он.

Нике совсем не обязательно видеть, что может сделать с человек пуля патрона 357 Magnum.

Выстрел Питона разорвал, разворотил грудь Демидова. Тот лежал на полу, раскинув

руки и ноги, с открытыми в удивлении глазами и застывшим в немом крике раскрытым ртом. Его полицейскую униформу забрызгала, залила кровь.

— Пойдём, — Стас взял Нику на руки. — Здесь тебе больше оставаться не нужно.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 19 июня

— Вы его не поймали? — Рита была рассержена и встревожена. — Почему?!

— Потому что это был не он, — Стас стоял в красивом широком коридоре отеля.

Где-то рядом тихо звучала музыка. А ещё дальше едва слышно кто-то ругался.

— Столько полиции подняли... спецназ, скорая, аварийки... Весь ваш УГРО на ушах стоит... — Рита вздохнула. — И всё оказалось пустышкой.

— Мы должны были проверить.

Рита в ответ лишь фыркнула.

— Как Алина? — спросил Стас.

Он беспокоился за неё и хотел сменить тему. Рита явно пребывала в том настроении, когда ей хотелось долго и бесцельно выразить своё недовольство.

Стас обычно или терпел это, или пытался сменить тему. В этот раз ему повезло.

— Спит, — вздохнула Рита. — Я дала ей успокоительное, она уснула. Перед этим мы лежали вместе и говорили о тебе.

Рита помолчала. Стас ждал.

— Она боится за тебя, — Рита цокнула языком. — Боится, когда ты не рядом. Когда она не знает, что с тобой происходит или может происходить.

— Я скоро приеду...

— Не говори так! — внезапно выпалила Рита.

Стас удивленно замолчал.

— Каждый раз, когда ты так говоришь, — объяснила Рита, переводя дух. — Ты никогда... никогда скоро не приезжаешь. Никогда.

Каждое произнесенное ею слово «никогда» было похоже на толстую, длинную иглу, которую она, каждый раз повторяя это слово, вонзала в его душу до самого основания. Корнилов терпел.

— Короче, — высказавшись, утомленно добавила Рита. — Будешь ехать... позвони! Нам нужно поговорить, Стас...

Она дала отбой, не прощаясь. Стас убрал телефон от уха, опустил взгляд на дисплей. Несколько секунд он смотрел на него, пока тот не погас.

В этом обыденном для гаджета действии, Стас увидел мрачное предзнаменование в грядущих событиях своей жизни.

Дверь за его спиной открылась. Стас обернулся. На пороге стоял Николай Домбровский. Он посмотрел в конец коридора и пожаловался Стасу:

— Сервис у них тут конечно... Я заказал кофе и круассаны с джемом. Пол часа уже ждем.

— Ты не забыл, что мы сняли номер для Ники? — усмехнулся Стас.

— Нет, — пожал плечами Коля и вышел в коридор. — Это же не запрещает нам пользоваться приятными услугами отеля.

Корнилов лишь усмехнулся.

— Я схожу и посмотрю в чем проблема, — сказал Коля. — Ты же не против? Если что, Ника тоже хочет круассаны...

— Она их не употребляет, — вздохнул Стас.

Домбровский на секунду замер, поняв, что попался.

— Ну ... значит, у нее будет шанс передумать.

Корнилов понимающе усмехнулся, затем достал кошелек.

— Возьми ребенку парфе.

— Так здесь вроде не подают, — пожал плечами Домбровский.

— Зато во французской лавке через дорогу наверняка делают.

— Хорошо, — Коля пожала плечами.

— Деньги-то возьми.

— Нет, я возьму за свои, — Коля развел руками.

— Ладно, иди, — хмыкнул Корнилов.

Он сам зашел в номер. Ника лежала на широкой двуспальной кровати. Номер был небольшим, но довольно уютным и приятным. Хотя, на взгляд Стаса, хай-тек и минимализм интерьера внушали некоторую холодность.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 19 июня

Когда Стас вернулся в номер, я как раз дописывала оправдательное сообщение дяде Сигизмунду. Он задерживается в Йокогаме, в мастерской сейчас отдувается Федя. Чтобы он меня не доставал, я сказала, что поживу у подруги немного, чтобы хоть какое-то время не приходилось ездить к месту отбывания моего наказания через пол города. Подействовало.

Но сегодня дядя гневно поинтересовался, почему это я не явилась в «Городскую мечту» — кафе, где я должна отработать не меньше месяца в рядах официантов. И мне снова пришлось врать. Хорошо, что дядя любит пользоваться мессенджерами, а не звонить и выяснять отношения по телефону.

Если бы я говорила вслух, он бы быстро понял, что я вру. Я кое-как отмазалась, придумав более-менее правдивое объяснение.

— Пишешь дяде? — спросил Стас, остановившись возле моей кровати.

— Как ты узнал? — я отложила трубку.

— У тебя всегда слегка обеспокоенное лицо, когда ты общаешься с ним, — он чуть улыбнулся, а затем произнёс с чувством. — Прости... прости, что стрелял. Но это был шанс.

— И ты его использовал, — я пожала плечами. — Было страшно... и я нескоро забуду вспышку в стволе твоего револьвера.

Я позволила себе усмехнуться.

— Но так бы он, скорее всего, нас убил.

Неожиданный выстрел Стаса конечно же до жути напугал меня. Пуля рассекла воздух буквально в миллиметрах от моей щеки. Да, я осознавала, что если бы Стас промахнулся, я... Впрочем, Стас стреляет хорошо, и не должен был с такого расстояния промахнуться.

— Да, — проговорил Стас, явно ощущая неловкость.

— Давай о деле, — предложила я. — Я кое-что увидела, пока была в больнице.

Я открыла блокнот, который одолжила в больнице, и показала Стасу рисунки.

— Вот это вид из его окна, — сказала я.

— Из окна его жилья? — удивленно спросил Стас, присев рядом.

— Судя по тому, что я видела в той квартире, да, — кивнула я. — Вот это... не знаю, но в его воспоминании очень часто и ярко фигурировал вот этот ковбой.

Стас взглянул на второй рисунок, одобрительно усмехнулся.

— С каждым разом у тебя получается всё лучше.

— Спасибо, — поблагодарила я, чувствуя легкую неловкость.

Мне всегда казалось, что мои рисунки очень далеки от идеала.

— Я не знаю, где он его видел, — честно ответила я. — Но, похоже, он встречается его каждый день.

Стас задумчиво смотрел на рисунок ковбоя.

— Ладно, — кивнул он, чуть нахмурившись. — Я поищу. А что это за кошка?

— Просто кошка из подъезда, — вздохнула я.

Стас улыбнулся, глядя на меня.

— Очень натурально.

— Спасибо.

Мне было совестно, что я ничего кроме этого, не могла предложить Стасу. Три запомнившихся мне элемента, из воспоминаний Романтика, и все какие-то нелепые, туманные, непонятные.

Но, Стас кажется был доволен.

— Думаю, что нарисованный ковбой или реклама, или часть какой-то вывески. А кошка... Наверняка обитает в том же подъезде, что и он.

Я пожала плечами.

— Да, скорее всего.

— Я могу их вырвать? — спросил он с доброй улыбкой, показывая на рисунки.

— Да, конечно, — с готовностью кивнула.

Стас сложил мои рисунки в карман своей рубашки, затем посмотрел на меня. Я опустила взор.

— Как там Алина и Рита? — робко поинтересовалась я.

— В принципе, в порядке, — ответил Стас.

Я видела, что он что-то не договаривает. К тому же я отчасти слышала его разговор с женой, но допытываться я не имею права.

Я окинула взглядом апартаменты номера.

— Кто за всё это платит? — усмехнулась я.

— УГРО, — кивнул Стас с усмешкой. — Побудешь тут недельку. У тебя будет хорошая охрана, все из наших. Во главе поставлю Сеню.

— Он будет очень рад, — хмыкнула я.

— Он сам вызвался.

— Стас, — протянула я скептически, с насмешкой. — Мы оба знаем, что Арцеулов ненавидит сидячую работу.

— Коля мне нужен в другом месте, — качнул головой Стас. — А другим я тебя доверить не могу.

— Ладно, — кивнула я. — Но есть вероятность, что я узнаю о нём гораздо больше, чем он хотел бы. Если ты понимаешь, о чем я.

Стас хохотнул, кивнул головой.

— Если узнаешь какой-то компромат, дай мне знать.

— Договорились! — повеселела я и тут же спросила уже менее радостно. — А что... м-м... Что тебе будет за... Демидова?..

Корнилов на мгновение прикрыл глаза, качнул головой.

— Угроза жизни ценному свидетелю и следователю особой оперативной группы

уголовного розыска.

Он снова посмотрел на меня, тая в глазах странную тоску.

— Всё было по протоколу, на законных основаниях, — Корнилов говорил это без торжества или бахвальства.

— А... — я снова опустила взор, несколько раз кивнула. — Понятно...

— Ты меня осуждаешь? — спросил вдруг Стас.

Я не сразу ответила.

— А это важно?

— Да.

Я посмотрела на него, в его глаза. Он не шутил.

— Нет, — ответила я. — Я не рада, что ты убил его. Я не могу себя заставить радоваться этому. Но тебя вынудило отсутствие выбора.

Я чуть поджала губы, покачала головой.

— Я тебя не осуждаю, Стас.

— Спасибо.

В этой его короткой благодарности было заключено гораздо больше, чем казалось на первый взгляд. Мне показалось, что Корнилов произнёс это с облегчением. Неужели он испытывал чувство вины? Ведь... Я доподлинно знаю, что Стасу приходилось... устранять людей. Иной раз лицо откровенно девиантного поведения просто не оставляет выбора полиции. Как не оставил его Александр Демидов. И, как я подозреваю, не оставит его Романтик.

— Ника, — голос Стаса прозвучал с некой угрюмой совестливостью. — Я знаю, сколько ты пережила за последние сорок восемь часов... Но...

— Но тебе по-прежнему нужна моя помощь, — подсказала я.

Понимала, почему он мнется. Стас в отношении меня постоянно испытывает едкое и ядовитое, жгущее чувство вины. Он считает, что использует меня. Ну в чем-то он прав, но ведь я сама этого хочу. У меня иногда просто нет выбора, и он об этом прекрасно знает. Ну не пойду я к нему? И что? Буду бесконечно мучиться от навеянных чужими воспоминаниями кошмаров? А если меня даже не настигнут воспоминания Романтика или другого убийцы то, как я уже говорила, я буду видеть что-то другое. Другие кошмары. Пусть это будут не серийные убийства, уверяю вас, наблюдать за тем, как даже обычные, вроде бы, нормальные люди, теряя контроль над собой в той или иной ситуации, совершают непоправимые поступки, не намного легче, чем лицезреть дело рук ожесточенного убийцы с маниакальными, извращенными идеями. Если тут, вообще, допустимы какие-то сравнения. И потом, если уж на то пошло, я ведь тоже в каком-то смысле использую Стаса. Мои видения прекращаются, как только преступления, с которыми они связаны, раскрыты, и виновные наказаны.

— Рассказывай, — сказала я и, вздохнув, ободряюще ему улыбнулась.

Он пару секунд смотрел на меня, изучающе и с легким беспокойством, затем отвел досадливый взгляд.

— Ты понимаешь, что не обязана...

— Стас, — попросила я и, чуть приподнявшись в постели, наклонившись вперед, коснулась его большой руки.

Он обратил взгляд на меня. Я смотрела в его серебристые глаза. Я видела безмолвный, терзающий его груз внутренних упреков.

— Перестань вести себя так, будто я... будто я совершаю тебе лично какое-то невообразимо огромное и значительное одолжение.

Я дернула плечами и с утешающей улыбкой покачала головой.

— Это совсем не так.

Я старалась донести до него эту истину, чтобы он наконец понял и осознал, что он не должен тяготиться каким бы то ни было чувством вины на мой счёт.

Мне нужна его помощь, а не сожаление и грустный, просящий прощения взгляд. Мне нужен Станислав Корнилов, майор особой оперативно-следственной группы уголовного розыска города Москвы, а не страдающий навязчивыми мыслями о своей вине растерянный человек со скорбным взглядом.

— Хорошо, — Стас прокашлялся и протянул мне какую-то фотографию. — Взгляни пожалуйста.

Я бросила на него взгляд, осторожно взяла из его рук снимок. Он был порядочно измят. Изображение было покрыто желто-белыми изломанными линиями от грубых сгибов. Эти линии напомнили мне вены человека.

Я положила фотографию себе на колени, бережно разгладила.

Со снимка на меня смотрели трое: двое мужчин и один мальчик. Мужчина слева, полноватый с усами-щеткой и немного отсутствующим, но недовольным, хмурым взглядом. Его обнимал стоящий рядом молодцеватого телосложения улыбающийся блондин. Улыбка у него была открытая, яркая, сверкающая.

Самоуверенный, наглый, нахальный и коварный. Но обладает достаточно высоким интеллектом.

Перед мужчиной с усами стоял парнишка с темно русыми волосами и странным заостренным лицом. У него была бледноватая кожа и недобрый, даже угрожающий взгляд.

— Это он, — сказала я, глядя на снимок. — Романтик.

— Демид Хазин. — вздохнул Стас.

Демид, повторила я про себя. Даже, беря во внимание его взгляд и очевидную агрессию, трудно представить, что будет делать этот мальчик, когда вырастет.

— Его мать...

— Она была ещё жива, может быть, она и сделала этот снимок.

— Ты узнал, когда он родился? — спросила я, не отрывая сосредоточенного взгляда от лица будущего Романтика.

— Здесь ему почти семь.

Семь, подумала я, всматриваясь в лицо мальчишки. Как в таком ещё совсем маленьком мальчике уже могла зародиться такая всепокрушающая злобная агрессия. Что же с ним стало...

Я вдруг ощутила жалость к нему. Я знаю, что люди, пораженные психопатией, с ней рождаются, но эта патология в десятки раз усугубляется как раз из-за неблагоприятных социально-бытовых условий. Я читала об этом, кое-что знаю.

От фотографии исходили ощутимые для меня эманации связанных с ней воспоминаний. Я держала ее руками, я смотрела на лица людей, запечатленных на ней. Я позволила витавшим над ней воспоминаниям поглотить меня.

...За окном уже почти час как непрерывно лил дождь. Он монотонно гремел каплями по окнам и жестяным подоконникам. Угрюмые и зловещие серо-синие тучи нависали над улицами столицы. Дымчато-туманная плотная пелена дождя размывала и растворяла

очертания города.

В комнате горел яркий свет, в дальних углах просторного зала густели тени полумрака. Мальчик в зеленом вязаном свитере увлеченно рисует что-то фломастерами.

Я стояла у него за спиной. За стенкой тихо играла музыка. Я слышала голоса. Ребенок тоже их слышал, беспокойно оглянулся, заерзал на табуретке.

— Я просил тебя прекратить! — возмущенный мужской голос. — Неужели ты не понимаешь, что позоришь меня, Маша?!

— Ой, да ты себя в зеркале видел, чмо усатое?! — презрительный женский голос.

Женщина, кажется, пьяна и очень сильно.

— Господи... — причитал мужчина. — Тебя наверняка видели соседи...

— Нашел кого бояться, — засмеялась дурным голосом Хазина.

— Посмотри на себя! — голос её мужа дрогнул. — Ты похожа на...

Он не договорил.

Я прислушалась.

— На кого же я похожа, Кеша? — зло прошипела Мария. — Договаривай. Давай... Что ты хотел сказать?

Демид слез со своей табуретки, оставив рисунок, приблизился к двери, с трудом повернул металлическую ручку и вышел из комнаты.

Я последовала за ним. Вместе мы прошли коридор со светлыми обоями.

— Договаривай! — яростно прошипела Мария. — Давай! Или ты настолько боишься сказать то, что думаешь, что даже в лицо пьяной женщине не способен это произнести?!

Она залилась издевательским тонким, высоким смехом.

— Ах ты!.. — прорычал Викентий.

Я слышала крик Маши. Раздался гулкий, мощный грохот, звон бьющегося стекла, задрезало что-то металлическое. Маша снова закричала. Я слышала, как что-то с силой, тяжело проскребло по полу. Как будто что-то протащили по нему.

Демид встревоженно ахнул и бросился к двери на кухню. Мальчик что было сил толкнул её. Я поспешила следом.

Моему взору предстала просторная кухня в сине-белых тонах. Мария лежала на полу, по ее глазам растекалась тушь, на губах была смазана не то помада, не то кровь. Вульгарного вида платье было разорвано. Над ней, сжимая кулаки, застыл Викентий. Он был напуган и зол одновременно, но больше напуган.

— Мама! — вскрикнул Викентий.

— Сынок, нет! Уйди! — закричала Мария.

Но Демид бросился к ней. Однако его за шиворот поймал Викентий. Демид закричал.

— Не-ет! Не трогай его, скотина! — срывающимся, звонко сипящим голосом, проорала Мария.

Викентий молча, краснея от нарастающей злости, выволок мальчишку из кухни и бросил в коридор.

— Не смей ходить на кухню!

— Оставь его! — Маша, шатаясь, поднялась с пола.

Но её ноги тут же подкосились, она упала на четвереньки и одурманенно покачала головой. Демид попытался пробежать мимо Викентия, но тот снова отбросил его. Мальчик упал.

Поддавшись праведному порыву и чувству жалости, я, забывшись, попыталась встать

между Викентием и Демидом.

— Я сказал! — повторил Викентий, чуть наклонившись к мальчику. — Не смей ходить на кухню! Взрослые разговаривают! Ты должен слушаться!

— Не трогай маму! — в слезах с горестной, бессильной и злой обидой закричал мальчик. — Я тебя убью! Убью! Убью! Ты... ты... ты просто говно!..

Викентий на миг замер, раскрыв рот. Затем лицо его потемнело, в глазах залегли тени злости.

— Что ты сказал су**нок?! Кого ты собрался убивать?! Да я тебя сейчас самого...

Викентий схватил Демида за волосы, дернул к себе. Ноги мальчишки на миг оторвались от пола, он пронзительно закричал от боли.

— Да я тебе сейчас зубы выбью, паршивец! — давясь слюной, прорычал Викентий.

Он замахнулся. Мальчишка сжался.

— Нет!!! Я и Мария закричали вместе.

В дверь позвонили. Викентий остановился, замер, уставился на дверь. Его густые брови изогнулись, придав лицу выражение хмурого недоумения.

Он оставил Демида.

— Тихо, — пригрозил он и подошел к двери.

Посмотрел в глазок, затем раздраженно фыркнул.

— Чего тебе надо?! — спросил он через дверь.

В ответ раздался сильно приглушенный голос.

— Я пришел к Маше.

Я увидела, как на лице Викентия дрогнули мышцы.

— Маша сейчас занята.

— Интересно, чем? — спросили из-за двери.

— Не твоё дело! — вскричал Кеша. — Убирайся! Проваливай на хрен! Чтобы я тебя здесь не видел! Всё!

Он отвернулся от двери и направился на кухню.

Там, прислонившись к стене, слабо дыша полулежала на полу его жена. К Марии жался её сын Демид. Оба встревоженно взглянули на приближающегося Викентия. На их лицах застыл страх перед расправой.

Викентий тяжелой поступью приближался к ним. Выглядел он решительно и озлобленно. Его покрытые тёмным курчавым волосом руки сжались в кулаки.

И в это мгновение открылась входная дверь их квартиры. Викентий обернулся и ошарашенно уставился на вошедшего в квартиру светловолосого мужчину в чёрной кожаной куртке.

Тот остановился на пороге кухни, посмотрел на Викентия, затем на Марию и её маленького сына. Крутанул в руке звонкую связку ключей.

— Всё-таки хорошо, что ты дала мне ключи от квартиры, — сказал светловолосый.

Викентий обернулся к Марии. Его лицо неожиданно обрело растерянное и обиженное выражение.

— Мария... — произнёс он. — Ты... дала ему... ключи...

— И не только ключи, — плоско пошутил блондин.

Тут Викентий не выдержал, он заорал дурным голосом и бросился на блондина.

— Ипполит! — вскричала в страхе Мария.

Блондин ловко увернулся от неуклюжего удара Викентия, пригнулся и ударил в ответ.

Одного удара хватило, чтобы Викентий рухнул на пол. Но он был в сознании.

— Скотина... — он сплюнул кровью. — Ненавижу тебя, Збруев! Чтоб ты...

Он не успел договорить, блондин прервал его речь ударом ботинка в лицо.

— Ипполит! Не надо!

Видение лопнуло, испарилось. Но тут же перед моими глазами возникло новое.

Играла приятная музыка с намеком на классику. Кажется, это был саундтрек из какого-то фильма. Я только спустя мгновение узнала ноты из песни Адель.

— За что выпьем?

Я оглянулась. Они сидели друг напротив друга за круглым столиком в уютном летнем ресторанчике. Ипполит таинственно улыбнулся, его веки чуть дрогнули, сузились. Он немного наклонился вперёд и с нескрываемым влюбленным восхищением рассматривал лицо сидящей перед ним Марии Хазиной.

Мария тоже улыбнулась, с лукавой робостью опустила взгляд.

— Я, наверное, должен был бы сказать, «выпьем за нас», — проговорил он приятным, обворожительным, чуточку рокоочущим, но мягким басом.

Мария подняла на него взгляд. На её красивых губах блуждала неоднозначная улыбка, взгляд был выжидающий.

Они смотрели друг на друга, и было заметно, что для этих двоих остальной мир, сидящие кроме них в ресторане люди, снующие официанты, проплывающие по реке рядом суда и гуляющие по набережной люди, не существует. Весь мир становится незначительной, бесполезной феерией для двоих людей, когда им не хватает времени, чтобы насмотреться друг на друга.

И именно в таком состоянии пребывали и Хазина, и Збруев.

Наблюдая за ними, я подумала, что Ипполит, красивый, статный и чуточку заносчивый блондин, подходит Марии куда лучше, чем полноватый, неуверенный и капризный Викентий Хазин. Да и Мария, если честно, слишком красива для него, как по мне. И я бы поняла, если бы она его хотя бы любила. Можно было бы уважать её выбор. Но ведь это не так.

В семье Хазиных любовь не просто не живёт, такое впечатление, что она там не рождалась.

— Но я хочу выпить за своего напарника из убойного отдела.

Мария Хазина чуть подняла брови.

— Вот как?

— Да, — Ипполит улыбнулся чуть шире, сверкнул уже знакомой голливудской улыбкой.

Вообще, он был очень мил, красив и обаятелен. Я полностью понимала Марию, если она потеряла от него голову. Збруев похож на девичью мечту.

— Если бы в тот день он не предложил мне поменяться... — он на мгновение скрыл улыбку, чуть погрустнел. — Я, страшно подумать, никогда бы не встретил тебя.

— Так уж и никогда? — спросила Мария. — Всё-таки в одном городе живём.

— В котором только официально пятнадцать лямов человек изо дня в день дышат одним общим воздухом, — усмехнулся Ипполит.

Мария хихикнула.

— Мечтаешь перебраться в какой-нибудь менее шумный и уютный городок? — шутливо спросила Мария.

Ипполит ответил не сразу. Отпил из бокала, многозначительно и чуть самодовольно ухмыльнулся.

— Только если ты поедешь со мной, — проговорил томно, чуть растягивая слова.

И хотя эти слова предназначались совсем не мне, я неожиданно почувствовала просачивающееся в меня благоговейное и трепетное чувство тревожной надежды и блаженствующего волнения. Ипполиту хотелось верить, его голос хотелось слушать. Просто с упоением слушать его слова и смущенно наслаждаться его обожанием и страстной одержимостью тобою одной. От его глаз не хотелось отводить взгляд.

Его взгляд и голос, и, должно быть, его прикосновения тоже вызывали крадущуюся по коже щекотную и сладостную дрожь в теле. Это было похоже на какую-то магию.

Я закрыла глаза, выдохнула, ощущая, как мне стало удивительно жарко. А в голове словно таяла сахарная вата, что готова была впитывать любые слова из его уст. Я ощутила стыдливую неловкость. Я была крайне рада, что никто не в состоянии заметить, как быстро я сомлела от слов Ипполита, которые к тому же звучали не для меня.

О-ох... М-да, обаяния и чувственности господину Збруеву не занимать.

Воспоминание из ресторана перенеслось в уютную, довольно просторную спальню. Интерьер здесь был милым, но простым и безнадежно устаревшим.

Они лежали в широкой кровати с бордовым постельным бельем. Мария, прижавшись к нему, лежа головой на его груди, ногтем указательного пальца легонько водила по его коже. Он с блаженной улыбкой и закрытыми глазами обнимал её за плечо и вдыхал запах её волос.

— Я не хочу возвращаться, — проговорила она вдруг и, приподнявшись, заглянула в его глаза. — Давай уедем? Я возьму Демида, напишу Кеше записку, что уйду и...

— Маша, — Ипполит открыл глаза, внимательно глядя на неё из-под полуприкрытых век. — Я готов посвятить тебе всю свою жизнь. И готов скрепить наши отношения кольцами, свадьбой и штампом в паспорте.

Он вздохнул. Она ждала с некоторой опаской.

— Но только, — продолжил он, подняв взгляд к потолку. — Если ты согласишься начать жизнь полностью с чистого листа.

Он вздохнул и снова погладил её по плечу.

— С чистого листа? — переспросила Мария. — Ты... Подожди... Ты о моем сыне?

— Он только твой сын, — проговорил Збруев. — Моим он никогда не станет.

Мария несколько секунд рассматривала его глаза. Она словно искала в его взгляде намека на шутку. Она с тревогой ждала, что сейчас он улыбнется, поцелует её и сообщит, что это была шутка. И они вместе посмеются над этим.

Но Збруев не улыбнулся. И она поняла, что он говорит серьезно, абсолютно серьезно и безжалостно.

Видение померкло. Туманным облаком подступило следующее видение.

Хлопнула дверь подъезда. Со спинки деревянной лавки сорвались и разлетелись воробьи. Мария Хазина скорой, яростной походкой шагала прочь.

Лицо её выражало гнев и возмущение. Дверь подъезда открылась. В расстегнутой рубашке, в брюках и в тапках выскочил Збруев.

— Да ну стой ты!

Голос его порхающим эхом разлетелся по двору.

— Стой! Маша!

Он догнал её.

— Что?! — вскрикнув обернулась она.

Её необыкновенные лазурные глаза сверкнули, как два заостренных куска льда.

— Чего тебе?! — спросила она, прожигая Ипполита взглядом.

— Ну чего ты завелась? — он подошел ближе, взял её лицо в свои ладони.

Она закрыла глаза.

— Ну родишь другого сына, — словно заклиная её, внушительно проговорил Ипполит. — От меня! А может, и двух сыновей! И будем жить с тобой... Этот твой Демид — всего лишь ошибка... Ты же тогда девчонкой была...

Тут она резко оттолкнула его. Он отшатнулся, взглянул на неё с недоумением и настороженностью.

— Не приближайся ко мне больше! — прошипела Маша со свирепым взглядом. — И к моему сыну! И к моему мужу! Понял, меня?!

— Маш, да ты... — пробубнил Ипполит.

— Пошёл на ***! — выкрикнула она выразительно, зло и откровенно.

Она отвернулась и, чуть ссутулившись, быстро зашагала к арке, ведущей со двора. Ипполит пару мгновений смотрел ей вслед. Выражение лица у него было странное, не то скептическое, не то растерянное.

— Да и... — он махнул рукой. — Проваливай. Овца безмозглая...

Он повернулся и, сунув руки в карманы брюк, направился к запахнутой двери своего подъезда.

Я стояла за его спиной и смотрела ему вслед, пока он не скрылся за дверью подъезда. Я перевела взгляд на синюю табличку на стене дома. Новогеоргиевская улица тридцать два, прочитала я.

Видение вздрогнуло, смялось и осыпалось тлеющими осколками.

— Ника? — Стас осторожно коснулся меня.

Я лежала в просторной кровати уютного номера в отеле. Сердце разгоняясь, монотонными ударами пробивало грудь. Мое лицо покрылось потом. У меня дрожали плечи, и ощутимо поднялась температура.

— Ника, — Стас держал меня за руку.

Я сама тоже сжимала его ладонь.

— Всё хорошо, — он чуть наклонился ко мне и ласково провел пальцами по щеке.

Я подняла на него взгляд.

— Новогеоргиевская улица т-тридцать два, — проговорила я, чуть заикаясь.

— Что? — не понял Стас. — Что это за адрес?

— Адрес Ипполита Збруева... — всё ещё нервно дрожа, ответила я.

Стас перевёл взгляд на снимок, лежащий на моих коленях.

— Маша приезжала к нему туда, по этому адресу, — уже более спокойным голосом ответила я.

Дальше я в деталях рассказала ему всё, что видела.

— Значит, Мария всё-таки была его любовницей, — проговорил Стас, глядя на футуристичный орнамент на стене гостиничного номера.

— Он не прочь был жениться на ней.... — сказала я и поправила подушки за спиной. — Но он требовал, чтобы она оставила своего сына.

— И что Мария? — после секундной заминки спросил Стас.

Я посмотрела в глаза Корнилова.

— Послала его.

— Вижу, ты рада, что она так поступила, — усмехнулся Корнилов.

— На мой исключительно субъективный взгляд, она поступила как нельзя правильно, — ответила я с тенью заносчивого холодка. — Нельзя требовать от женщины бросить своего ребенка. Это бесчеловечно и подло!

— Некоторые женщины бросают своих детей сами, — заметил Стас.

Слова Стаса болезненным толчком ударили куда-то в очень глубокую, болезненную и кровавую рану.

— Ника... — Стас уже понял, что его замечание касалось и моей матери. — Прости... Я... не об этом... Я...

— Всё нормально, Стас, — опустив взгляд проговорила я.

Я старалась пореже вспоминать свою мать. Я давно её простила и не питала к ней ни ненависти, ни прочих негативных чувств. И я бы с радостью просто обняла её при встрече и была бы невероятно рада, если бы она звонила хотя бы раз в год.

— Всё нормально, — проговорила я чужим, механическим голосом.

Я закрыла глаза, упрямо качнула головой.

— Кстати, Викентий бил Машу, и, видимо, нередко.

Я коротко вздохнула.

— И именно поэтому она дала Ипполиту ключи от квартиры...

— Мария, видимо, нередко приходила пьяная, позорила Хазина и злила его, — произнёс в ответ Стас. — Его отчасти можно понять...

Я уставилась на него.

— Это не повод бить свою жену.

Стас чуть усмехнулся.

— Согласен. Но поведение жены, как минимум, было неподобающим.

— Я не спорю, — ответила я. — Но... Можно было наказать её по-другому.

— Интересно, — прокомментировал он и взял у меня мятый снимок. — И как же?

— Забрать ребенка и уехать на время, — ответила я.

Почему-то мой ответ показался Стасу смешным и нелепым.

— Почему ты смеешься? — нахмурилась я. — Это лучше, чем распускать руки!

— Особенно учитывая, что Демид не родной сын Викентия. Мария могла бы и в суд подать.

— Не могла, — отрезала я. — Викентий к тому времени усыновил Демида, и по закону он имеет на него такие же права, как и мать. Которая, и на это можно было бы сразу обратить внимание любого суда, действительно часто напивалась до невменяемого состояния. И к тому же вела аморальный образ жизни, изменяя своему мужу, а в прошлом занималась тем, что... м-м... развлекала мужчин за деньги.

Стас не удержался, хмыкнул со смешком. Я пожала плечами.

— При таком раскладе её бы, вообще, лишили прав.

Стас несколько секунд задумчиво созерцал меня. Я на мгновение отвела неуверенный, настороженный взгляд.

— Что? Почему ты так смотришь?

— Думаю... насколько коварной ты, оказывается, можешь быть, — с усмешкой ответил он.

— Это не коварство! — обиженно и расстроено воскликнула я. — Это... это забота о будущем ребенка, в конце концов.

Я смотрела в глаза Стаса, я силилась донести до него свою мысль. Ну это же очевидно!

Как он не понимает!

— Мария была безответственной матерью и скверной женой, — ответила я. — К тому же она изменяла Викентию и, думаю, их же соседи это могут подтвердить.

— Уже подтвердили, — с коротким вздохом сказал Стас.

— Ну вот! — всплеснула я руками. — Так что...

— Но бить её всё равно нельзя? — с издевательской вкрадчивостью спросил Стас.

— Стас, честно сказать, ты меня пугаешь, — я неодобрительно покачала головой.

— Прости, — попросил он и со слегка смущенной улыбкой качнул головой... — Просто мне безумно нравится слушать твои аргументы и твою точку зрения.

— Почему? — осторожно спросила я.

— Они обоснованы.

Я усмехнулась.

— Тебя окружают люди, которые не способны приводить аргументы и обосновывать свою точку зрения?

— Боюсь, ты удивишься, как мало даже взрослых людей на это способны, — хмыкнув, ответил Стас.

Я равнодушно качнула головой.

— Возможно, большинство считает, что их представления, идеи и взгляды не нуждаются в аргументах или объяснении. Что это и так очевидно.

— И почему такое происходит? Как думаешь? Людям просто лень?

— О, нет... — усмехнулась я. — Просто есть разряд мнений, идей и представлений, которые превалируют в обществе или среди большинства населения. Вот поэтому люди из такой части социума не считают нужным объяснять очевидное, с их точки зрения, положение вещей. Это, как... ну не знаю... Например, если в двадцать пять или двадцать шесть девушка не замужем, и детей нет, всё — апокалипсис!

— Ты считаешь, это не так критично, когда девушка в этом возрасте остается без мужа и детей? — подумав, спросил Стас.

— Я искренне считаю, что это личное дело каждого, — ответила я. — Хотя... Наверное, своеобразный культ семьи в определенной степени должен рекламироваться ещё с детства.

Я пожала плечами и тут же дернула головой.

— Но мы говорим об обществе и его представителях, которые не стремятся объяснять сформированные в массах те или иные точки зрения.

— У такого общества может не быть будущего. Как считаешь?

— Тебе, правда, интересно, что об этом думает четырнадцатилетняя девочка? — ухмыльнулась я.

— Эта четырнадцатилетняя девочка будет поумнее многих моих знакомых, — он криво усмехнулся, рассматривая меня.

Я хмыкнула, смущенно улыбнулась.

— О-о-о... Майор Корнилов, вы дошли до прямолинейной лести, — с усмешкой проговорила я. — Но приятно, не буду спорить.

— Так что ты думаешь?

— О том, что у общества неспособного отстаивать свои позиции и взгляды с помощью аргументов нет будущего? — я задумалась. — Понимаешь, тут... смотря о чем говорить и с какой стороны смотреть. В любой социальной группе, от семьи до государства, как мне кажется, роли должны быть четко распределены. Если этого не будет, государство просто не

будет функционировать. Поэтому, например, роль формирования глобальных для государства идей, представлений и мнений, должна быть строго зарезервирована за определенными лицами.

— Ты сейчас пытаешься свести к тому, что общество должно быть послушным тем глобальным и государственным взглядам, которые им навязывают? — спросил Стас. — Тебе не кажется это тиранией или диктатурой?

— Тирания и диктатура не просто навязывают мнение, они категорически исключают инакомыслие, — я отрицательно качнула головой. — А общество в большинстве своем должно быть скреплено едиными национальными и государственными взглядами, интересами или идеями. А если все многомиллионное общество начнет спорить, отрицать и обсуждать... Государство просто рано или поздно начнёт разваливаться и разделяться на отдельные, независимые карликовые страны, которые, каким бы абсурдом это ни казалось, и сами могут потом распастись на отдельные миниатюрные республики... типа Сан-Марино или Андорра.

— То же самое тогда может случиться с крупной корпорацией или фирмой, — согласился Стас.

— Разумеется, — кивнула я

— Ладно, — кивнул Корнилов. — Но это если смотреть в глобальном смысле. А в более индивидуальном?

Он явно увлекся. Я была не против. Мы не так часто можем поговорить на темы, не связанные с очередным расследованием. Я задумчиво скривила губы.

— А в индивидуальном, думаю, что люди должны уметь формировать свои взгляды, вкусы и предпочтения, но преимущественно на бытовом уровне. Ну, то есть люди могут и должны, наверное, дискутировать об отношении к тем или иным событиям, философским направлениям, искусству, поступкам других людей и так далее. Иначе, неспособное мыслить и рассуждать общество быстро деградирует.

— Хм. — хмыкнул Стас. — Тебе не кажется, что ты сама себе противоречишь?

Я кивнула, села поудобнее.

— Сейчас объясню. Смотри. Во-первых, не должно быть крайности. То есть ужасно плохо, когда социум разрознен и разбит разными взглядами и идеями. Но ещё хуже, когда народ непроходимо туп, дремуч, необразован и категорически не в состоянии друг перед другом отстаивать свое мнение аргументами и контраргументами. Мне кажется, тут должна быть золотая середина, Стас. Люди должны быть умными, просвещенными и могут быть разносторонне развитыми. Но прежде всего, они должны быть эрудированы в своей сфере непосредственной деятельности.

— А в своей сфере они могут отстаивать свои позиции и точку зрения?

Я задумалась.

— Не каждый и не перед всеми. Большинство только перед равными себе...

— Поясни, будь добра.

— Ну-у... — протянула я и продолжила, — не думаю, что будет хорошо, если каждый рядовой сотрудник и рабочий, в какой-нибудь компании будет высказывать свое мнение относительно тех или иных распоряжений. Ни к чему хорошему это не приведет. Кроме, разве что, исключительных случаев. И лишь некоторые, высококвалифицированные специалисты, должны на законном основании иметь определенную свободу и возможность аргументированно отрицать те идеи, касающиеся их профессиональной области, с которыми

они не согласны.

— И конечно же, рабочие и рядовые сотрудники не должны задумываться о различных иных политических идеях, — Стас, кажется, готов был тут поспорить.

Я вздохнула.

— Ну сам подумай. Зачем, например, человеку, работающему на заводе, беречь свой разум раздумьями о чем-то сложнее своей непосредственной работы или просмотренного вчера художественного фильма, или прочтенной фантастики? Всякие политические идеи будут только отвлекать его, и он не сможет качественно исполнять свою функцию.

— А вдруг он просто не хочет больше исполнять эту функцию? Ведь он имеет на это право? — вскинул брови Стас. — И если добьется большего, сможет получить право отстаивать свою точку зрения перед руководством или представителем правительства. Разве не так? Человек должен иметь право добиться более значимой роли.

Я была готова к подобному вопросу.

— Должен, конечно, но... А если таких будут сотни, Стас? Если в один прекрасный день они решат, что по их мнению они все достойны чего-то большего? Что тогда? Кто должен будет работать вместо них? Я не отрицаю возможность человека на самоопределение, все имеют право передумать и сменить профессию. Каждый сам должен решать, кем ему быть. Это неоспоримо.

Я снова дернула плечами.

— Просто таких, которые хотят управлять и руководить, не должно быть слишком много. И это входит в обязанность правительства, люди, простые рабочие на тех же заводах, должны осознавать и точно знать, насколько важен их тяжелый труд. Что они, именно они, нужны стране здесь, сейчас и... больше никому. Что это их роли, и они не менее важны. А посторонние идеи, сформированные на почве вольнодумства, могут увести их в погоню за бесполезными и неисполнимыми мечтами.

— Многие бы с тобой поспорили, — заметил Стас, записывая названный мною адрес Ипполита Збруева.

— Да, наверное, многие сказали бы, что это жестоко, — кивнула я и продолжила. — Но жестоким будет разочарование, когда сорвавшиеся с устойчивого жизненного пути люди потратят свою жизнь и силы на то, что им в итоге совершенно не нужно.

— То есть, если ты работаешь на заводе, мечтать не стоит? — мягко спросил Стас.

— Конечно, стоит! — возразила я. — Мечта — одна из самых сильных мотиваций. И каждый должен осознавать, что ради её исполнения нужно положить изрядное количество сил и времени. И их количество напрямую зависит от амбиций мечтателя. Ну, представь, какой будет идиотизм, если тысячи рядовых сотрудников завода решат, что могут легко быть учеными, ведущими конструкторами и директорами этих самых заводов.

— А вдруг? — усмехнулся Стас.

Но я категорично качнула головой.

— Среди них, конечно же, могут быть будущие гениальные руководители и конструкторы, но... лишь единицы, Стас. Такова природа. Гений, способности и талант — штучный и редкий материал. А уж трудолюбие, необходимое для его реализации, и вовсе уникально. А многие мечтатели отказываются об этом задумываться.

— Грубо говоря, амбиции не должны превышать способности и размер трудолюбия мечтателя, — заключил Стас.

— В принципе, верно, — согласилась я.

— Хорошо, а что же с более просвещенной частью населения?

Я перевела дух и продолжила.

Прошу прощения за утомительные рассуждения, но иногда мы со Стасом ударяемся в подобную философскую полемику.

И только не надо кривить рожи и говорить, что я тут сильно умничаю, и не должна быть на это способна. Судите, пожалуйста, по себе. Спасибо.

— Вернемся к точкам зрения, позициям и взглядам, — проговорила я. — будет ужасно, если у нас специалисты в области, например, медицины, компьютерных технологий, архитектуры, транспортной системы, военной сферы и прочих областей перестанут размышлять и отстаивать свои позиции друг против друга, а иногда и против государства. Если они не будут этого делать, страна может упустить возможность разработать и получить новые технологии, учения, подходы и методики.

— А как же их мечты? — напомнил Стас.

Я несколько раз легонько стукнула кулаками друг о друга.

— Такие специалисты просто обязаны стараться воплотить свои мечты, настаивать на их реализации. То же самое касается деятелей культуры.

— Почему ты думаешь, что у них может хватить сил воплотить свою мечту, а у менее квалифицированных рабочих нет?

— Потому что они все получали свою квалификацию как раз, чтобы исполнить и реализовать свою мечту. А остальные, большей частью, решили, что им это не слишком нужно.

— Ты забываешь о финансовой стороне. У родителей могло просто не хватить денег на обучение своего ребенка той или иной специальности.

— Весомый аргумент, — согласилась я. — Но это уже можно считать естественным отбором.

— А вот это жестокое суждение, Ника, — покачал головой Стас.

— От этого оно не перестаёт быть закономерным, — возразила я.

Корнилов явно был не согласен, но затевать спор не стал.

— Хм, хорошо, — качнул головой Стас. — Но ты не упомянула людей, которые работают в сфере бизнеса. Менеджеры, экономисты, маркетологи.

— Они точно так же, Стас, воплощают свои идеи и мечты под эгидой той или иной компании. И на их реализацию тратят огромное количество сил и времени. Тем самым влияют на её успешность, а чем больше успешных компаний в стране, тем лучше. Разве нет?

— Да, думаю, скорее всего, ты права, — кивнул Корнилов.

— Ну вот... — вздохнула я и проговорила дальше. — А над всеми выше упомянутыми специалистами, в том числе и над директорами, уже стоят министерства и правительство со своими правами и уникальными полномочиями государственного масштаба.

— То есть, если я правильно понял, — проговорил Стас, — правительственные органы имеют нерушимое и единоличное право выдвигать глобальные национальные идеи, направления и доктрины, в том числе в различных сферах деятельности человека. И специалисты, топ-менеджеры и директора этих сфер, могут или соглашаться с ними, или же отстаивать свои взгляды, доказывая их полезность друг перед другом или перед представителями власти. А, скажем так, класс рабочих или обычный офисный планктон этой привилегии должен быть лишен? Так?

— Кроме исключительных случаев, да, — кивнула я. — Иначе будет нарушена

монолитность общества, которая может повлечь расщепление и развал предприятия или даже государства.

Я щелкнула пальцами и выдала:

— Гармония, каким бы злом она ни казалась, должна быть нерушима.

Стас расхохотался так, что, наверное, услышали все соседние номера и этажи.

— Подожди, — проговорил Стас. — А как же... как же политические оппозиции? Они ведь выдвигают иные, противоречащие правительству идеи.

— Общество должно быть уверено, что его не лишают возможности выбора, — заметила я.

— Так, значит? — усмехнулся Стас.

— Да, и думаю, ты согласен.

— Грустно, но правдиво, — кивнул Стас.

— Нет, всего лишь правильно, Стас, — качнула я головой. — Свобода должна быть относительной. Иначе она рискует стать анархией.

Корнилов кажется был шокирован моими суждениями. Да, всё, что я высказала, сугубо личное мнение, и может быть триста раз оспорено. Но на сегодняшний день и текущий момент я убеждена в этих взглядах. Общество в пределах государства должно сохранять баланс и гармонию в плане исполняемых населением функций. Да и в пределах фирм, компаний и корпораций тоже.

Кажется, меня занесло. Но зато интеллектуальная деятельность помогает мне не сходить с ума от видений и воспоминаний. А сейчас помогло легче пережить стресс после встречи с Александром Демидовым.

Стас пару минут думал над моими словами.

— Есть вещи, о которых я бы с тобой поспорил, — произнёс он. — Но в другой раз.

— С радостью с тобой подискутирую, — кивнула я.

Корнилов в ответ самодовольно усмехнулся.

— Вернемся к делу, — хмыкнул он. — Скажи, в своем видении ты не видела у Ипполита полицейское удостоверение или... что-то другое, указывающее на его деятельность?

Я отрицательно мотнула головой.

— Увы, Стас.

— Досадно.

— Но, ты знаешь... — я сложила руки на груди и задумчиво поджала губы. — Я думаю, что ты прав, и он, скорее всего, служит в полиции.

— Скорее всего, служил, — поправил меня Стас.

— Скорее всего, — кивнула я.

— А с чего ты это взяла?

Я немного злорадно улыбнулась. Стас вопросительно изогнул брови. Я засмеялась.

— Он... ты только не обижайся, но он двигается примерно, как ты или Коля, или даже Сеня...

— Мне казалось, мы разные.

— У вас у всех уверенная, властная и даже грозная походка, а ещё равнодушный, холодный и беспристрастный взгляд.

— Какая развернутая характеристика, — прокашлялся Стас.

Я игриво усмехнулась.

— Основанная на моих личных наблюдениях, — ответила я с легким оттенком превосходства.

В дверь постучали, и вошел Николай Домбровский. Он нёс на руках широкий поднос с вазочками, блюдцами и двумя чашками горячего напитка.

— Et voici le dessert tant attendu! (Фр. А вот и долгожданный десерт!)

Я засмеялась, радостно и оживленно зааплодировала.

— Très opportun! — ответила я.

Корнилов вскинув брови, перевел взгляд с меня на Николая и обратно.

— Я смотрю, вам вдвоем очень даже есть, о чем поговорить, — заметил он.

— Особенно, когда речь идёт о французских десертиках, — заметила я.

Я хихикнула и поправила себе подушки. Коля поставил возле кровати предназначавшийся мне парфе в глубокой хрустальной вазочке.

М-м-м!

Стас встал с моей кровати.

— Мне нужно ехать, Ника, — сказал он и похлопал себя по нагрудном карману. — Ты мне очень помогла и дала крайне важные свидетельства, я должен сегодня же их проверить. Займусь личностью Ипполита.

— Стас, — меланхолично вздохнула я, аккуратно перекладывая ягоду в десерте. — Прости, что лезу не в своё дело... Но мне кажется, сегодня тебе лучше побыть с семьёй. Правда.

Я подняла на него пристальный, чуть печальный взгляд. Мне было жаль его. Стас полностью погружается в дела и работу, отдает все силы без преувеличения и никогда ни с кем не обсуждает личное. Вот только он постоянно забывает, что мне не нужно рассказывать. Я многое могу увидеть и услышать сама. И я видела. Видела, что Рита, его жена, недовольна им, что Алина, его дочь, обижается на него.

Стас не может этого не замечать. Но тем не менее старательно делает вид, что его семейное счастье не начало медленно рваться, как лист бумаги, на две части.

— Пожалуйста, — попросила я его. — Побудь с ними, Стас.

— А как же Романтик?

— Старик, — вмешался Коля. — Наша оракул права...

— Коля, — скривившись хмыкнула я.

— Что?

— Оракулы были предсказателями, — заметила я.

— Ты своего рода, тоже предсказатель, — возразил Домбровский и снова посмотрел на Стаса, отпив кофе из чашки. — Реально, Стас, Ника права. Романтик никуда не убежит, сейчас, небось, сидит где-то и радуется, что у него хватило ума не действовать нам на нервы.

Корнилов недовольно поджал губы. Я увидела его колебания.

— Личное не должно мешать работе, — наконец сказал он веско, уверенно и немного жестоко. — Ты, кстати, что-то выяснил с контактами из трубки Хазина?

— Почти все номера в его телефоне уже не актуальны, — Домбровский чуть наклонил голов к плечу, скептически скривился. — Люди уже давно поменяли номера. Я «проехался» по родственникам, но оказалось, что почти все они перестали общаться с Викентием Хазиным, когда он женился на Марии.

— Понятно... — недовольно кивнул Стас. — Ладно, сегодня отдыхай, хорошо бы, чтобы ты побыл с Никой, пока не приедет Сеня. А завтра мне нужно, чтобы ты смотался к Ящеру и

посмотрел, что он там нарыл на фотках Яны Долгобродовой. Чем раньше, тем лучше. Потом созвонимся. До завтра.

— Пока, — бросил Коля. — Ника, а дашь попробовать своего парфе?

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 19 июня

День выдался донельзя тяжелым, утомительным и напряженным. Только оказавшись в своей машине, Стас понял, насколько он устал. Случай с Демидовым, страхи за Алину и Риту, а потом паническое переживание за Нику измотали и истожили его. Стас спрятал лицо в ладонях, протяжно вздохнул.

Перед лицом возник Демидов с развороченной, кровавой дырой в груди.

Зорин ещё не в курсе, что Стас убил его шурина. Хотя если то, что Ника рассказала о чувствах Александра к своей сестре Дарье правда, то Борис Зорин вряд ли будет расстраиваться слишком сильно. Можно не сомневаться, что он или знал, или подозревал о нездоровом влечении Александра к своей старшей сестре.

Стас завёл мотор, положил руку на джойстик коробки передач, затем замер, задумался. Он вспомнил слова Ники. Стас сжал зубы так, что челюстные суставы свело болью. Он знал, что Ника права. Он и сам понимал, что ему нужно, что он обязан провести сегодня время с семьёй. Он откинулся на спинку сидения, запустил руки в волосы. В памяти всплыли слова Риты: «Будешь ехать... Позвони! Нам нужно поговорить!»

Корнилов никогда и ни за что на свете никому бы не признался, но сейчас, наверное, он больше всего опасался именно серьёзного разговора с Ритой.

— Боже, — проговорил Стас и покачал головой. — Да ты совсем спятил, приятель. Ты боишься серьёзного и неприятного разговора с женщиной, как будто тебе лет двадцать!

К чёрту, подумал Стас. Как будто от этого можно убежать. Разговор всё равно должен состояться, не бегать же ему от этого, как пугливому школьнику. Чушь!

Но ему всё-таки пришлось приложить волевые усилия, чтобы принять решение.

Он набрал Риту.

— Да? — ответил её голос в телефоне. — Ты едешь?

— Да, я...

— Отлично, — голос Риты звучал сухо и довольно резко. — Я жду.

Она дала отбой. Корнилов фыркнул, посмотрел на дисплей телефона. Время разговора 00:03. Дисплей телефона медленно погас. Таких коротких диалогов у них ещё не было. Стас разочарованно сложил руки на руль. С безысходной безмятежностью во взгляде посмотрел вдаль, затем повернул ключ в замке зажигания.

Мотор Лэнд Ровера ожил, утробно заурчал. Стас выехал с территории отеля.

Глядя на серо-сиреневое в лучах солнца асфальтовое полотно дороги, Стас размышлял о Рите, о том, есть ли у них будущее. Он не сомневался, что дома его ждёт ток-шоу «Что тебе важнее: мы или работа?». Только в этот раз ему, скорее всего, не удастся отделаться какими бы то ни было обещаниями, что дальше все будет по-другому. Потому что до сегодняшнего дня работа Стаса не угрожала жизни Риты или Алины. Кроме некоторых отдельных случаев, где Рита просто перестраховывалась.

Но сегодня Стас сам ощутил, в каком постоянном риске из-за него находятся его близкие. Ведь тот же Демидов мог приехать не к Нике, а к Алине в музыкальную школу. И чем бы всё закончилось, если бы Александр просто пришел бы туда и... спустил курок? Просто пришел и исполнил бы свою месть? Удовлетворил бы свою боль и ненависть за счёт

безвинной жизни Алинки?

Эта трагедия убила бы Риту и вырвала бы когтистой лапой душу из Стаса, лишив его желания и возможности существовать в этом мире, обесмыслив его жизнь до бесконечной, убийственной скорби. И Стас знал, это реальность, которой ему посчастливилось избежать.

По пути Стас притормозил возле супермаркета. Он решил купить чего-нибудь сладкого для Алинки. Он знал, какие вкусняшки она любит. А для Риты он подумывал взять вино, но потом решил, что она сегодня вряд ли будет с ним его пить. Она считает его виноватым и зла на него. Не за себя, а за то, что по его вине под ударом оказалась Алина. Рита многое может простить в отношении себя, но даже призрачную угрозу в сторону их дочери она не стерпит.

И у Стаса чем дальше, тем больше складывалось крепнущее чувство того, что сегодня он пересёк границу допустимого. Он подверг опасности жизнь дочери, жизнь самого дорогого для него и для Риты человечка, жизнь своего маленького олененка.

Он припарковался на стоянке супермаркета. Включил сигнализацию, забежал внутрь магазина. Людей было немного. Он быстро прошел несколько отделов с продуктами и остановился в отделе всяких сладостей. Тут Стас не спеша прошелся в поисках любимых сладостей дочери. Он миновал стеллажи с конфетами, леденцами, желе, добрался до печений. Вдруг его взгляд выхватил из пёстрой череды поблескивающих упаковок сладостей нечто такое, от чего в его теле подскочил и учащенно забился пульс.

Стас повернулся, сделала пару шагов назад, замер. Он стоял напротив упаковок какого-то нового печенья из Испании. В красно-синей упаковке содержались пять больших круглых печений с орехово-шоколадной начинкой.

«Кабальеро Сэм» гласило название из толстых букв желтого цвета. А сам «Кабальеро» слева от логотипа, сохраняя самоуверенную ухмылку на лице, лихо закручивал лассо.

Стас взял упаковку с печеньем, поднёс к глазам. Затем сунул руку во внутренний карман и вынул рисунки Ники. Корнилов сравнил ковбоя из видения Ники и нахально усмехающегося «Кабальеро Сэм». Они были абсолютно идентичны. Корнилов стоял так несколько секунд.

Сзади послышались шаги.

— Опять Европа наши магазины всяким дерьмом захламляет, — произнёс чей-то сердитый, поскрипывающий голос.

Стас обернулся. Возле него стоял неряшливый мужчина с кудлатыми, седеющими волосами и такой же седеющей щетиной на щеках. Он смотрел на упаковку в руках Стаса.

— Мой вам совет, не травите своих детей европейскими химикатами, — он презрительно показал пальцем на печенье в руках Стаса.

Корнилов промолчал. Небритый ворчун поплелся дальше шаркающей, чуть пошатывающейся походкой. А Стас почувствовал накатывающее, нервирующее волнение. То подстёгивающее чувство, когда ты приблизился к возможному решению задачи. Или когда ты увидел полосу финиша вдалеке. Свет в конце тоннеля, выражаясь более банально и прямолинейно.

Стас набрал телефон Сени.

— Привет, Стас. Я уже еду к Нике...

— Ты ещё дома? — спросил Стас, глядя на улыбающееся лицо кабальеро.

— Да-а... — опасливо протянул Арцеулов.

— Сеня, кто это? — раздался женский голос.

— Соня, это по работе.

— Ты хоть штаны надень...

— Да тихо ты! — рыкнул Сеня.

Стас ухмыльнулся.

— Стас, я... — заговорил Арцеулов.

— Потом, — перебил его Стас. — Я тебе сейчас скину фотографию, можешь мне оперативно поискать билборды, вывески и прочую рекламу в городе с таким же изображением?

— Ты хочешь, чтобы я погуглил? — недоуменно спросил Сеня. — Знаешь, Стас, Колян вроде в этом лучше разбирается...

— Коля сейчас с Никой, — возразил Стас. — Поэтому придется тебе. Поищи. Напиши мне адреса рекламных носителей.

— Понял. Сделаю.

— Давай.

Затем Стас набрал Якова Щербакова.

— Служба моральной поддержки обездоленных ментов и заблудших сыщиков. — с радостной издевкой объявил в трубке Ящер.

Стас поднял глаза к потолку.

— Тебе за твой юмор язык когда-нибудь укоротят, — посулил Стас.

— Ничего, буду пользоваться мессенджерами, — беспечно отозвался Ящер. — Слушаю тебя.

— Я тебе сейчас сброшу фото рисунка...

— Рисунок твоей маленькой чародейки? — глумливо спросил Ящер.

— Да. — вздохнул Стас.

До того, как Аспирин узнал, кто такая Ника, и почему Стас посвящает её в самые сложные уголовные дела, об этом похожим образом узнал и Щербаков.

— Как поживают её прелестные ножки? — спросил Ящер. — Я слышал, им крепко досталось.

Стас не злился на вальяжную, нахально-шутливую манеру Ящера. Иногда, как сейчас, Щербаков таким образом скрывал вполне искреннюю заботу и беспокойство за кого-то. Например, за Нику.

Белокурая девчонка с ласковой, робкой улыбкой и задумчивым серьезным взглядом сияющих синих глаз давно стала для них всех не просто полезной помощницей, а близкой и даже родной. И все невольно ощущали ответственность за неё. Стас видел, как беспокоятся о ней и Домбровский, и Арцеулов, и даже язвительный холерик Ящер.

— Ника идет на поправку, — заверил Яшу Стас. — Куда тебе скинуть фотографию?

— В WhatsApp.

— Готово, — Стас отправил снимок Яше. — Сделай анализ на сравнение с улицами и постройками в нашем городе.

— Получил... — задумчиво проговорил Яша. — А что это за пейзаж?

— Это вид из окна.

Ящер насмешливо хмыкнул.

— Вид из окна логова Романтика? Нике удалось увидеть его воспоминания?

— Да, видимо, удалось, — ответил Корнилов.

— Стас, а ты уверен, что это в Москве? Ну, ведь... Как мы уже знаем, он начал убивать не здесь, не в этом городе.

Корнилов задумался. Вопрос и подозрение Щербакова не были лишены смысла.

— Думаю, это свежие...

Рядом прошли люди. Стас осекся.

— Воспоминания, — со смешком подсказал в трубке Яша. — Ладно, я проверю.

— Сколько тебе нужно времени?

— Не менее часа, может быть, два. А может и... побольше. Как пойдёт.

— Хорошо, давай. Я надеюсь на тебя.

— Все только и делают, что надеются на меня, — проворчал в трубке Ящер.

— Не преувеличивай, — чуть скривился Стас. — Давай, я жду.

Он спрятал телефон. Ещё раз посмотрел на рисунки.

Его посетила внезапная мысль о том, что чувствует Ника, когда погружается в пережитые эпизоды чужой жизни. Как это происходит? Насколько реалистичны её видения? И сможет ли она когда-нибудь управлять ими. Она бы стала неоценимым помощником в любых запутанных делах. Но вместе с вдохновенным восторгом подступила и отрезвляющая и удручающая мысль о том, что дар Ники в полной мере станет её проклятием, если о нём узнают в руководстве МВД, ФСБ, ГРУ или Следственном комитете. Её же лиша возможности жить своей, независимой и свободной жизнью. Она надолго или даже навсегда станет ручной и подневольной ищейкой на службе интересов тех или иных структур. И можно не сомневаться, что её будут беспощадно, беспорядочно и перманентно эксплуатировать в любом мало-мальски запутанном деле.

Стас закрыл глаза. Нику оградят от общества. Она будет под контролем днём и ночью. У нее никогда не будет своей жизни, мужа, семьи, детей. Ей не дадут возможности общаться с родными или друзьями. Из её жизни постараются по максимуму исключить все обыкновенные радости, присущие обыденному существованию человека, потому что в них будет таиться опасность. И не столько для неё, сколько для тех, кто подчинит её жизнь собственным, сверхважным целям и задачам. Спецслужбы будут чахнуть над ней, как над сокровищем. Ещё бы! Девочка с паранормальными способностями! Девчонка способная находить ответы на вопросы, над которыми годами может биться несколько десятков профильных специалистов! Решение многих проблем, связанных с госбезопасностью, военной разведкой и следственными мероприятиями. Она будет инструментом, удобным и комфортным.

Корнилов впервые подумал, что такое развитие событий имеет все основания обернуться неприятной, жесткой и мрачной реальностью. Вряд ли Ника хотела бы себе такого будущего. Вот только никто не будет её спрашивать.

Эпизод девятый

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Четверг, 19 июня

Когда Стас уехал, а мы с Колей приговорили наши десерты и успели в подробностях обсудить сегодняшний случай с Демидовым, мне позвонил Станислав Владимирович, наш школьный директор.

— Ника, здравствуй, — степенно и сдержанно произнес директор.

Я внутренне напряглась, потому что, судя по интонации, эти слова были прологом к длинному и осуждающему монологу.

— Здравствуйте, Станислав Владимирович, — произнесла я, чуточку обмерев от опасения.

— Ника, послушай, я думал, мы с тобой договорились, — я слышала, что директор довольно сердит. — Павел Валентинович очень тебя ждал...

Да вы что! Я едва не воскликнула это вслух со всем тем ядовитым сарказмом, который хотелось вложить в эту фразу.

— ... Я думал, ты более ответственна, — продолжал тем временем Станислав Владимирович. — И не склонна обманывать, когда тебе доверяют серьезное поручение. Объясни, будь добра, почему ты, до сих пор не сделала то, о чем мы с тобой договорились?

Потому, что мы не договаривались, подумала я, вы просто навязали мне это «поручение», а я не обладаю достаточной смелостью и дерзостью, чтобы вам возразить или отказать.

— Станислав Владимирович, — я постаралась говорить вежливо и чуть-чуть жалобно. — У меня произошли небольшие трудности... личного характера.

Я не могла сказать ему о травме ног хотя бы потому, что он стал бы расспрашивать об этом дядю Сигизмунда.

Есть разница между «небольшими трудностями», которые могут быть всем, от банальной подростковой депрессии до личных проблем в семье, и тяжелым веским словом «травма». Первое директор точно проигнорирует, не станет звонить дяде Сигизмунду. Но есть и обратная сторона.

— И какие же такие трудности могли тебе помешать? — спросил Станислав Владимирович.

— Тренировки, — быстро соврала я. — У меня очень много тренировок.

— Ника, я звонил твоему тренеру.

Я чуть язык не проглотила вместе с челюстью. Дура! Дура! Дура... Идиотка! Безмозглая, тупая, идиотка! Только что я полностью оправдала распространенное мнение относительно сочетания светлых волос и интеллекта! Гениально! То есть моему дяде директор может позвонить, а моему тренеру нет! Господи, что подумает Мег?!

Меня сковал ужас от раскрытого глупого вранья, и вслед за этим унылое, боязливое чувство стыда.

— Станислав Владимирович, я просто...

— Не нужно оправданий, Ника, — сухо перебил меня директор. — Но я был о тебе лучшего мнения. Кстати, я нашел для тебя замену, так что в следующем месяце тебе предстоит написать восемь пропущенных тобою контрольных работ. А сейчас посиди и подумай над своим поведением!

Он дал отбой. Я сидела с абсолютным poker-фейсом и смотрела на свое тусклое отражение в темном экране плазменного телевизора. Ну хорошо хоть не приказали встать в угол. Я слышала, раньше еще провинившихся детей иногда заставляли на коленях на гречке стоять в углу. Впрочем, то, что меня ждёт, не намного лучше.

Я устало откинулась на подушку, прижала ладони к лицу. Как всё задолбалось!

Словно почувствовав моё настроение, в ногах снова заворочалась беспокойная боль. Из-за слетевшего с катушек Александра Демидова мои раны будут заживать ещё медленнее, а боль на протяжении всего периода исцеления будет донимать намного чаще.

Коля куда-то вышел. Я заметила, что он положил глаз на горничную, которая приходила в мой номер убираться. Кажется, между ними возникла искорка. И, возможно, скоро может случиться «Дзинь». Я вздохнула. Домбровский — интеллигент, и говорить с ним всегда есть о чем, но бабник... Этот ловелас уже успел взять номера телефонов у восьми женщин в

отеле! У восьми, Карл! Есть ли предел его аппетитам?

Я взяла пульт, включила телевизор, сложила подушки за спиной и взяла чашку с остывшим кофе. Вообще, этот напиток я не жалую, почти совсем.

Так как продукт достаточно вредный. Но иногда я себе позволяю.

По телевизору шел один из фильмов позапрошлого года. Тема супергероев. Ну, и отлично. Новых Мстителей я так не посмотрела.

Звякнул мобильник, я посмотрела. Сообщение в WhatsApp. Федя прислал фотку — он и морда Леопольда. Пёс выглядел счастливым, но его тело ещё было забинтованным. Внизу была подпись: «Идём на поправку после боевого ранения!».

Я усмехнулась — красавцы оба. Я быстро написала ответ, добавила стикеры.

Тут телефон задрожал у меня в руках, заиграла композиция OneRepublic. На дисплее появился номер и имя звонившего контакта. Я впала в легкий ступор, так как мне звонила мама Леры. Во мне мгновенно надулся шар беспокойства. Его распирало от тревожных предположений о причинах звонка Беатрисы Константиновны. Я подняла трубку.

— Добрый день, Беатриса Константиновна, — поздоровалась я.

— Ника!

Я вздрогнула от её крика.

— Скажи, Лера у тебя?! У тебя?! Пожалуйста, скажи, что ты знаешь, где она!

Она говорила очень быстро и испуганно, голос был слёзный.

На фоне бубнил какой-то мужской голос, я узнала отчима Леры, Антона.

— Беатриса Константиновна, подождите... — попросила я.

Говорить «успокойтесь» я не стала. В таких случаях это слово имеет обратный эффект.

— Почему Лера должна быть у меня? — спросила я.

В ответ Беатриса Константиновна лишь заплакала. Я ощущала прилив вибрирующего напряжения. Я ожидала её ответа. Лера уже один раз убегала из дома... Тогда все могло закончиться очень печально.

— Она ушла, — плача сообщила мне Беатриса. — Собрала некоторые свои вещи и сбежала.

— И гитару тоже забрала? — спросила я.

Мое уточнение вызвало новый приступ плача в трубке. Да, чёрт возьми! Что у них там опять случилось? Лера, Лера... Что ты творишь!

— Ника... — Беатриса Константиновна лишь горько всхлипнула, в трубке послышалось её прерывистое, нервное дыхание. — Я... Понимаешь... Мы... Они поругались... Антон и Лера... Опять...

Господи, подумала я, закрывая глаза. В прошлый раз Лера тоже убегала из-за Антона. Интересно, что он натворил в этот раз? Отношения у моей подруги с её отчимом решительно не складываются.

— Он сломал её гитару, — проплакала в трубку Беатриса Константиновна.

Я с сожалением скривилась. Мне было жаль бедную женщину, и я тревожилась за Лерку. Она очень импульсивная, может в период эмоционального срыва натворить дел. А тут отчим сломал её гитару, её мечту... за которую она слишком многое отдала.

Антон, отчим Леры, совсем не понимает, что значит для его падчерицы её музыка. Это же не просто звуки и мелодии... Это... Господи, да для Леры это смысл самого существования! Единственно возможный способ выражения и олицетворения отчаянно рвущихся из её души неистовых чувств! Музыкой Лерка говорит с этим миром! При помощи

музыки она ощущает реальность, жизнь и все сущее. Только музыкой она может донести все те мощные и бурные или нежные и ласковые сплетения эмоциональных порывов, которые непрестанно циркулируют в её дикой и яростной душе. В музыке она открывала душу, а у неё отняли ключ. И я очень страшилась того, что дверь туда может закрыться очень надолго. И только небеса могут знать, к чему это приведет.

Я села на кровати. Я сосредоточенно пыталась понять, что делать и где искать Лерку. Ритмичные тычки пульса били по вискам.

Рёбра, грудь, живот и шею стянуло, сдавило тревожным напряжением.

В сознании как будто метались беспокойные светлячки и взрывались искры.

— Беатриса Константиновна, а когда Лера ушла? — приложив пальцы ко лбу спросила я.

— Да вот... утром... ну, ночью... рано совсем... Ника, она трубку не берет, я не знаю, что думать! Может ты знаешь, ну... где она может быть? Вы же общаетесь!..

В голосе матери Леры трепетала напористая, но хрупкая надежда. Я не знала наверняка, где может быть Лерка, но у меня были подозрения. Другое дело, что Лера, похоже, вообще, своей матери о наших отношениях не говорит. Как и о том, что она со мной не разговаривает. Вот только просвещать сейчас на этот счет Беатрису Константиновну совсем не стоит. Её эта новость ещё больше напугает.

Она продолжала бессвязно, нервно тараторить в трубку, то и дело плаксиво вздыхая.

— Она убежала... На звонки не отвечает... Такое уже было! Помнишь, Ника? Ты тогда смогла найти её... и переубедить... Помнишь?

Я помнила. Конечно же. Это было чуть меньше года назад. Лерка, как и сейчас, психанула и сбежала из дома. Как и сейчас, Беатриса Константиновна тогда пребывала в совершеннейшей слёзной истерике.

— Ника, я очень переживаю за неё! — прошептала в трубку мать Леры. — Господи... Я... я не знаю, что с ней... Может... Господи... Куда она могла пойти?

Некоторым поведение Беатрисы Константиновны, наверное, может показаться странным. Она звонит четырнадцатилетней подруге своей дочери и просит помощи, убиваясь в рыданиях.

Ну, во-первых, не дай вам Бог оказаться на месте Беатрисы Константиновны, когда ваш ребенок сбежал и находится чёрте где.

А, во-вторых, Беатриса Константиновна знает, что Лерка доверяет... доверяла мне почти все (а может и все) свои секреты, страхи, опасения и мечты. Мы были куда ближе, чем просто школьные подруги. И я очень надеюсь, что Лерка сможет меня простить, и это время вернётся.

— Беатриса Константиновна, — проговорила я миролюбиво и успокаивающе, — я сейчас постараюсь позвонить нашим друзьям и знакомым... Они что-то могут знать.

— Спасибо, Ника! — горячо прошептала в трубку испуганная женщина. — Ты же мне перезвонишь? Расскажешь?

— Конечно, — я даже удивленно пожала плечами. — Если я что-то узнаю, я вас сразу наберу.

— Хорошо. Спасибо.

— До свидания, — произнесла я. — И, пожалуйста, не нервничайте так, очень вас прошу.

— Хорошо... — Беатриса Константиновна ещё раз страдальчески вздохнула и прервала

СВЯЗЬ.

Я опустила телефон. Глядя на дисплей я сосредоточенно и быстро пыталась понять, куда Лерка могла податься в порыве бешенства и злой обиды от унижения и оскорбления, которым её подверг своим поступком отчим. Мест у неё не так много. К нашим школьным друзьям она не пойдёт. Никому из них она не сможет излить душу и как следует прореветься. Лера просто не решится открыться кому-то, кроме самых доверенных и ближайших людей из её окружения. Болезненно царапнула шустрая мысль, что раньше таким человеком для Леры была я. Мда.

Я открыла контакты в телефоне, нашла номер, записанный у меня как «Бывший Тимоха».

У Лерки в её пятнадцать было несколько бывших, и она успела познакомить меня с каждым парнем, с которым повстречалась хотя бы две-три недели.

Чаще всего её отношения не длились больше двух-трёх месяцев. А их смысл, как я поняла, сводился к совместным походам в кино, кафе, парки, моллы и так далее. И все это сопровождалось беспорядочными, и на мой субъективный взгляд, неумелыми поцелуями. Завидовала ли я Лерке? Да, наверное... Да, конечно. Но я завидовала не наличию отношений. А тому, что Лерка может себе позволить целовать любого, кто ей хоть как-то понравился, и вести достаточно долгие отношения с парнями, которых она почти не знает. И уж тем более меня шокировало, что некоторым из них она позволяет, пардон, распускать руки, даже в людных местах.

Я её не осуждаю, нет. У Лерки не все в порядке в семье, нет достаточного уровня взаимопонимания с матерью, она постоянно грызется с отчимом и до сих пор не уверена, любит ли она, вообще, свою младшую сестру. Поэтому она так рьяно ищет любовь и ласку на стороне. Вот только она её там такими темпами и способами никогда не найдёт. Но это сугубо мое мнение.

Бывший Тимоха был как раз тем парнем, с которым Лерка встречалась осенью прошлого года. И именно к нему она тогда убежала. Он на четыре года старше её. Тоже гитарист. Может быть, именно поэтому они с Лерой встречались почти четыре месяца даже после того, как она узнала, что он увлекается спайсом.

Я задумчиво провела большим пальцем по корпусу смартфона. Во мне, колеблясь, покачивались весы раздумий. Могла ли Лерка к нему пойти? Он ведь... Он ведь посадил её, вернее, попытался. Я и Беатриса Константиновна с большим трудом открыли Лерке глаза на истинную сущность Тимохи. Особенно резко она прозрела, когда я ткнула её лицом в тот факт, что Тимоха внаглую присвоил её собственные композиции. Более того, успел спеть их в одном из ночных клубов столицы (или это был какой-то бар?).

И вот вопрос: могла ли Логинова после всего, что ей сделал Тимоха, вернуться к нему? По всем канонам логики ввиду совершенной низменной, корыстной и донельзя возмутительной подлости Тимохи Логинова должна была забыть о его существовании. Но... Но весь парадокс состоит в том, что когда нам настолько паршиво, что мы не в состоянии в одиночестве выдержать удущье мучительной обиды, мы настолько сильно жаждем сочувствия и понимания, что готовы на очень многое, почти на всё. Ради того, чтобы кто-то, кого мы знаем, просто прижал нас к груди, ласково погладил по голове и успокаивающе прошептал, что всё будет хорошо, мы готовы простить даже предательство и подлость. Лишь бы нас пожалели и согрели теплом своего сочувствия. И я знала, что Тимоха, несмотря на его поступки и опасное увлечение, далеко не такой подонок, каким мог бы показаться. Он

тщеславен и беспечен, но он способен на сострадание. И если к кому бы и побежала Лера, кроме меня, то к нему.

Я набрала его номер, приложила телефон к уху. С каждым ударом сердца меня одолевали противоречивые мысли. Он не возьмёт трубку. Леры там может не быть. Он просто пошлёт тебя на три известных буквы. А может, ты вообще зря во всё это ввязываешься? Она же тебя толкнула, оскорбила!

Но я умела контролировать внутренние противоречия по крайней мере, смею надеяться, лучше, чем большинство людей.

— Алло? — нехотя протянул в трубке мужской голос.

— Тимоха?

— Нет, ***ть, это его укуренная совесть.

Он заржал, довольный собственной шуткой. Я подождала, пока она отсмеется.

— Она у тебя?

— Кто «она»? Твоя личная жизнь? — он снова неприятно засмеялся.

Да, блин! Очень смешно!

— Тебе бы с таким чувством юмора тоже бы бабушкой переодеться, и выступить на сцене, смешить публику, которая знает, где и когда смеяться.

— Ха! — повеселел Тимоха. — Зачетно! Молодца...

— Я, вообще-то, спрашивала о Лере.

— Да, она тут, — легко признала Тимоха. — Пришла вся в слезах и соплях. Под дождь попала дура.

— Ясно, — вздохнула я. — Я так понимаю, просить тебя уговорить её вернуться домой бесполезно?

— Не, киса, это давай без меня, лады? — вальяжно и брезгливо протянул Тимоха. — Все рамсы с родоками без моего участия. Я ток пожалеть и отшпилить могу. Поняла, нет? Хех...

Он вновь издал издевательский, чуть гнусавый хохот.

— Да, я поняла, что ты организм с ограниченным жизненным функционалом, — холодно отозвалась я.

— Ч-чего? — заикаясь, спросил он.

— Неважно. Пока, — я дала отбой.

Меня охватило клоочущее раздражение. Этот Леркин Тимоха за то время, что я его не видела, ничуть не поменялся! Как был наглым, чванливым эгоистом, так и остался! Бесят такие! Я негодуяще встряхнула головой. Засранец! Самодовольный, чванливый, наглый, нахальный, дурной и невоспитанный засранец!

Так, хорошо. Своим возмущением я проблему не решу. А решать, походу, во всяком случае на данном этапе, придется мне. И вот в чем дилемма: с одной стороны есть Беатриса Константиновна, которая боится за свою дочь, а с другой — мое обещание Лерке не рассказывать о Тимохе и тем более, где он обитает.

И дело даже не в том, что Лерка на меня уже зла, а если я выдам место жительства её бывшего её матери, она ещё больше меня возненавидит.

А в том, что и папа, и дедушка, и дядя Сигизмунд, и даже моя бабушка Эрика, всегда были и остаются людьми слова. Так уж меня воспитали.

Знаю, знаю, знаю. Я девочка, и потому держать слово, равно, как и обещание, в принципе, не так сильно обязана, как мужчины. Вот только тут дело даже не в том, что

нужно. А в уважении к своему слову и своему обещанию

Не знаю, как вы, а лично я совсем не хочу, чтобы мое слово или обещание стоило дешевле прошлогоднего снега. Нет уж. Может, я и старомодна, зато у меня есть уважение к себе и понятие о чести, которое человечество теряет с головокружительной скоростью. А человек, лишенный чести, — слабый, духовно нищий, аморальный и трусливый человек. Может, кого-то это и устраивает, меня — нет.

Но и сама я к Лере поехать не могу. В последний раз она горела желанием выцарапать мне глаза. Во всяком случае, в её воспоминании я тогда увидела и услышала именно это. Хм. Думай, думай, думай, твердила я себе. Импульсы сердечных ударов отмеряли процесс формирования возможных вариантов поступков.

Я нашла номер Оли Сливко. Выбора нет, нужно звонить этой стрекозе.

Хотя... Олька — нормальная девчонка. В принципе, то, что она поддержала Лерку, даже хорошо. Я помешкала в нерешительности и набрала номер Сливки, вздохнула, поднесла телефон к уху. Я уже приготовилась выслушать в свой адрес солидную порцию язвительных, издевательских и желчных замечаний.

Оля ответила после пятого гудка.

— Ну и что тебе нужно? — с претензией, заносчиво спросила она.

— Привет, — тихо и робко поздоровалась я.

— Я спросила: «Что тебе нужно? — ответила Сливко. — Чего ты звонишь?»

Я закрыла глаза, вздохнула. Поражающее душу горькое чувство слезоточивой обиды комком застряло в горле, стянуло грудь, живот и отняло возможность говорить. Я даже дышала с трудом.

— Оль... — попросила я. — Выслушай меня... Пожалуйста.

— Слушай, если ты собралась извиняться, — ядовито проговорила Сливко. — То стоит сделать это перед Лерой! Поняла?! Всё, давай...

— Да подожди ты! — воскликнула я. — Пожалуйста! У Леры проблемы!

Оля замолчала, но трубку не бросила. Я слышала её дыхание.

— А что у неё случилось? — с подозрением спросила она. — В ВК и на ФБ у неё профиль не поменялся.

— Лера в ВК давно только музыку слушает, — ответила я. — А в ФБ у неё для общения с приятелями из Штатов и Британии.

Оля снова на мгновение замолкла.

— Я такого не знала.

Я усмехнулась.

— Она давно общается только в мессенджерах и фотки с видосами выкладывает в инст.

— А-а... — протянула Сливко. — Так, а что у неё...

Я по-быстрому описала Оле проблему Лерки.

— Ну хорошо, — медленно проговорила Оля. — А от меня то... чего ты хочешь? — Чтобы ты поговорила с ней, — кусая губы, проговорила я несмело.

Оля шумно вздохнула, замолчала на пару секунд.

— Слушай... ну блин... Ника, это как бы... её проблемы и... Тут как бы... Что я должна ей сказать?

— Оль, — я попыталась подобрать слова, чтобы убедить её. — Тебе просто нужно уговорить её вернуться домой.

— К этому дебилу, который разбил её гитару?! — ахнула Оля. — Как, по-твоему, я

должна её убедить? Ты же знаешь, что для неё гитара...

— Знаю, — неделикатно перебила я её и повторила. — Знаю. А ещё я знаю, что в компании этого укурка она пропадёт. Он опять посадит её на эту дрянь, и если Лерка там увязнет, последствия для неё могут быть самые отвратные. Понимаешь?!

Я замерла, прислушиваясь к ответу Оли, но та снова молчала.

— Понимаю, — с внезапным ехидством протянула она. — Можно было и раньше понять... Ты ей просто завидуешь.

— Что? — растерянно нахмурилась я. — Ты что...

— Ну, а что? Что у тебя есть? Ты же мотаешься по оси школа — лёд — дом. Сама подумай. Какая у тебя жизнь? Ты забитая учебной и тренировками зубрилка и заучка.

Оля постаралась вложить в последние два определения максимум ядовитой насмешки. Она даже хихикнула в трубку.

— И ты бесишься, что у нормальных девчонок есть личная жизнь, а ты можешь только со стороны смотреть, ну или, максимум, в сериалах и фильмах про романтические сопли.

Я не могла найти слов. Дикий шок и вздымающееся возмущение захлестнули меня. Что она несёт?! Какая зависть?! Я завидую Лерке? Разве только её голосу и таланту петь! Кто для неё «нормальные девчонки»?! И почему это я заучка?! И уж совсем глупо и лицемерно было с её стороны обвинять меня в том, что моя личная жизнь ограничивается сериалами и фильмами. Во всяком случае, я не пускаю слюни на каждую банальную, сопливую дрянь, как это делает сама Оля. И не вычитываю с лихорадочной жадностью все сплетни об актрисах или актёрах!

Ох, сколько всего мне сейчас хотелось высказать Оле! Я даже не знаю, каким невероятным чудом я сдержалась! Ярость от её слов буквально рвалась наружу взаимными, большими и режущими обвинениями. На язык так и просились самые низменные издевки! Начиная от того, что кое-кто сама себе на восьмое марта цветы заказала, и сама же себе от левых аккаунтов лайки и комменты под видосами в инсте пишет! И помимо этого, сохнет по каждому второму парню с гитарой! А ещё эта кое-кто поставила у себя в комнате ростовую фигуру Энсела Элгорта и втихаря, тайком от всех, лобызает её или постит с ней сахарно-тошнотворные и идиотские фотки!

Боже, как же хотелось вылить всё это дерьмо на Олю в ответ на её нелепые, кретинские обвинения в мой адрес!

Но вместо этого я лишь сдержанно произнесла:

— Я так понимаю, ты отказываешься помочь Лере?

Сливко в ответ лишь хмыкнула.

— Это её жизнь, пусть сама разбирается. Я не хочу... не хочу во всём этом участвовать.

Я не выдержала.

— Она же твоя подруга!

— Ну и что?! — воскликнула в ответ Сливко. — Что я теперь должна из-за неё мотаться по всяким вонючим притонам и её вытаскивать?! На хрен мне это нужно, а?!

— Оля ты...

— Сама вляпалась, сама пусть и выпутывается! — громко и агрессивно проговорила она в трубку.

Я сдавленно рыкнула и быстро дала отбой, в сердитом расстройстве швырнула трубку на подушки. Сжав кулаки сдавленно рыкнула.

— Фак! — выдохнула я. — Głupia krowa! Infantile s*ka z mózgiem kurczaka!

Я выдохнула, сомкнула ладони, прижала к губам. Что делать, что делать, что делать?! Эти два слова повторялись в голове по кругу.

Выбора нет. Я всплеснула руками, как ни крути, а придётся мне вмешиваться лично. Я в который раз вздохнула, перевела взгляд на свои забинтованные ноги, затем набрала номер Коли Домбровского.

— Как же я иногда жалею, — старательно сдерживая эмоции, проговорил Домбровский, — что не могу выписать штраф на несколько десятков тысяч, а лучше сотен подобным му...

Он осекся, скосил глаза на меня. Мы остановились перед въездом во двор, который был наглухо перегорожен кое-как припаркованным внедорожником.

Владелец красной Тойоты HiLux, видимо, искренне полагал, что до его отъезда никому не понадобится проезжать в этом переулке. А если и понадобится, то они вполне могут воспользоваться велосипедом или, отдав дань ЗОЖ, пройти пешком. Но, скорее всего, обладателю внедорожника было просто начхать на окружающих людей.

— Ничего, Коль, — я отстегнула ремень безопасности. — Тут недалеко идти.

— Тебе нельзя ходить.

— Придётся, — ответила я.

— Может быть, я тебя...

— Нет, Коля, — категорично ответила я. — Я буду аккуратна. Но позволить тебе носить себя по улице, я точно не могу.

— Как скажешь, — похоже, Домбровский не слишком расстроился, да и, вообще, надеялся на то, что я откажусь.

Хорошо, что я его не разочаровала.

— Может быть, мне пойти с тобой? — спросил он. — А то мало ли...

— Нет, — я качнула головой.

Я открыла дверцу автомобиля, выбралась наружу. Едва я ступила на ногу, как подошву ступни лизнула скользкая боль. Я шикнула, чуть скривилась. Из-за бинтов в обуви было крайне неудобно и тесно. Мои кросы мне очень жали.

Но, в принципе, терпимо, жить можно, если не думать о ранах в ногах и, вообще, стараться не думать о боли и не обращать на неё внимание.

Я прошла в переулок, обошла красный внедорожник и оказалась на просторной, безлюдной улице. Я подняла голову, взглянула на второй этаж небольшого двухэтажного здания промышленного типа. Кажется, раньше это был не то гараж для служебных автомобилей, не то даже ангар. Здание порядком обветшало, кирпичные стены первого этажа сбоку были покрыты размашистыми граффити. Старые автоматические ворота с полосами строительного скотча были приоткрыты. Под ними по щербатому асфальту ветер катал обугленные окурки и смятые фантики из-под жвачек.

Я прошла в приоткрытую дверь слева. На ней красовался старый, порядком изношенный плакат с Канье Уэстом. Рядом с ним были ещё мелкие наклейки с обнаженными девушками в крайне неприличных позах. А чуть ниже, в двух солидных вмятинах с расплзающимися кривыми лучами трещин, поблескивали самые настоящие пули. М-м, креативненько.

Я толкнула дверь, вошла в просторное помещение с высоким потолком.

Стены здесь были обиты листами гофрированного металла. В воздухе горчил запах какого-то зловонного табака или какой-то наркоманской травы. От этой вони у меня сразу

слегка закружилась голова.

В помещении гремел однообразный бит и звучал мерзкий голос одного из русских рэперов, чье имя прочно и давно ассоциируется с дурацким казино.

Под слова с примитивной рифмой и матерными репликами не спеша трудились шестеро парней. На цементном полу перед ними стоял громоздкий холодильник и какие-то прожекторы. Бывший парень Леры вместе с друзьями занимается ремонтом и реставрацией бытовой и разной другой техники. Дело благое, тем более, что пацаны действительно толковые и рукастые. И деньги тратят на аренду студии, где репетируют, а так же на музыкальные инструменты и необходимое для этого оборудование. Но судя по тому запаху, что походил на вонь от гари сгоревших листьев, в том числе и на запрещенные к употреблению курительные продукты, и хорошо, если только курительные. Парни бодро покачивали головами под бит и даже подпевали гнусавому голосу из сабвуферов.

Я подошла к ноутбуку, стоявшему на деревянном столе среди коробок, винтов, гаек и прочего ремонтного хлама. Бросив взгляд на плейлист, я протянула руку и нажала на клавишу пробела. Раздражающий голос рэпера стих. Господи, аж дышать стало легче!

Парни обернулись в мою сторону. Рослый детина в джинсовом комбинезоне без верха снял с лица маску сварщика, другой рукой вытер пот с лица.

— Ника? — худощавый парень в полосатой футболке и с прической в стиле афро ухмыльнулся, вынул из зубов узкую папиросу и ощерившись развел руками. — Какая прелесть, что ты к нам заглянула? Соскучилась? Остальные парни довольно загоготали.

А парень в джинсовом комбинезоне встал с табурета, вытирая руки тряпкой, подошел ко мне. Он был рослым, чуть полноватым, но на его руках и груди выступал четкий рельеф накаченных мышц. Если бы ещё его грудь не была покрыта курчавыми волосами, его тело, наверное, можно было бы назвать красивым.

Он встал передо мной. Широкоплечий, массивный и чем-то действительно похожий на шкаф.

— Привет, — поздоровался он.

Голос его слегка дрогнул. Его светло-карие глаза смотрели с каким — то пытливым беспокойством.

Он снял металлическую маску сварщика, провел рукой по ежику темных волос на голове.

— А ты как здесь? — спросил он, неловко комкая в руках тряпку с грязными пятнами.

Я старалась не замечать исходящий от него кислый запах пота.

— Мне нужно поговорить с Лерой, — сказала я.

— А-а... — он прокашлялся, оглянулся на металлическую лестницу, ведущую на второй этаж. — Она там. Но-о...

— Спасибо, — кивнула я ему и направилась к лестнице.

Но он тут же преградил мне дорогу.

— В чем дело? — я чуть нахмурилась.

— Э-э... — здоровяк в комбинезоне замялся, подыскивая слова.

Глаза выдавали его внутреннюю тревогу.

— Они там заняты... немного.

Его слова почему-то рассмешили остальных парней. Я с неприязнью оглянулась на них. Они продолжали корчиться с ехидными смешками.

Я, вскинув брови, снова посмотрела на парня в комбинезоне.

— Отойди, пожалуйста, с дороги, — попросила я его.

Он застыл, чуть задрал свой широкий подбородок. На его лице отразилась пугливая нерешительность.

— Ник, ты только это... ну... того... не начинай там... кипишить... Ладно?

— Что? — вкрадчиво переспросила я. — Бизон, отойди с дороги!

Я теряла терпение. Мне нужно было срочно поговорить с Леркой. А эта гора мышц из белков стоит тут мнется и бубнит что-то не вразумительное!

— Ника, постой, постой... — он отошел назад, выставил вперед свои массивные ладони. — Пообещай только, что не будешь... кричать.

А вот это уже совсем странно! Во-первых, я не имею привычки на кого-то кричать, а во-вторых, что ж там такого должно быть, что может так сильно выбесить меня?

— Бизон, что происходит? — чуть сузив глаза, уже строго с холодком, спросила я.

В ответ парень в комбинезоне лишь поджал губы. В его глазах отражались душевные метания и смятения.

— Они там... там делают то, что... тебе может не понравиться!

Вместо ответа я быстро юркнула мимо него и направилась вверх по лестнице.

Я оглянулась и увидела, что Бизон достал телефон и быстро что-то набирает.

Я бы ускорила шаг, если бы могла, но мне и так идти было довольно больно.

Я прошла по металлической галерее к двустворчатым пластиковым дверям на втором этаже. Стекла дверей были покрашены черной краской. Я дернула за ручку и отодвинула правую створку в сторону.

И первым, кого я увидела, был парень с зелеными волосами до плеч в джинсовой жилетке. Его худые руки были до пальцев забиты черными рисунками тату. Он сидел на краю широкой, незастеленной кровати с пёстрой, узорчатой постелью и татуированными руками старательно выводил рисунок на спине темноволосой девушки.

Рядом, сидя в офисном кресле, крутился из стороны в сторону парень в чёрной майке и распахнутой зеленой рубашке в клетку. Штанов на нём не было, только большие семейные трусы и черные носки.

Увидев меня, он вынул косяк из зубов и помахал рукой.

— Здорово, принцесса, — глумливо крикнул он.

Девушка на постели дёрнулась. Мастер тату тут же отпрянул. Лера поспешно застегнула лифчик и приподнялась, встретилась со мной взглядом. Её малахитовые глаза уставились на меня со смесью удивления и сердитого недоумения. Она убрала с лица прядь волос.

— Ну и чего ты притащилась?

Я не сразу ответила. Я сверлила её пристальным, осуждающим взглядом.

— Нужно поговорить, — сказала я.

— Она позвонила тебе?! — Лерка не могла поверить, что её мать мне звонила. — Охренеть!.. Что ты ей сказала?!

Она, сложив руки на груди, негодуя металась по комнате. Её тёмные волосы то и дело качались из стороны в сторону.

— Ничего, — ответила я сдержанно. — Но она очень за тебя волнуется!

— Ага, — кивнула Логинова, меряя комнату нервными шагами. — Как же! Ага! Волнуется! Конечно!

— Лер...

— Если бы она за меня реально волновалась, давно бы уже выгнала это конченное у**ище!

— Лер, но...

— Что?! Вот, что?! — вскричала она.

— Не кричи, — попросила я.

Она закрыла глаза, свирепо вздохнула.

— Антон...

— Не смей произносить его имя! — процедила она сквозь зубы с ненавистной яростью в глазах. — Поняла?! — Ладно, отец твоей младшей сестры, — сказала я, — совершил ошибку...

Лера сложила руки на груди.

— Ошибку?! Серьезно?! — злилась Лерка. — Он разбил об пол мою гитару! Взял и не глядя у меня разхе**чил об пол! Вот так!

Она агрессивно топнула ногой.

— Я ведь его просила! Кричала...

Тут Лерка внезапно запнулась, поперхнулась и, прижав ладонь ко рту, плаксиво шмыгнула носом.

— Лера... — степенно проговорила я с теплой кроткой улыбкой. — Но ведь он сделал это не просто... на ровном месте. Так ведь?

Логинова метнула в меня опасливый взгляд. Я похлопала ладонью по постели рядом с собой.

— Расскажи мне, — мягко попросила я. — Пожалуйста.

Лера сложила руки на груди, упрямо отвернулась, снова шмыгнула носом, заносчиво вздёрнула голову. Я увидела, как она нервно сглотнула.

— Лер, — усмехнулась я. — Я знаю, тебе хочется рассказать свою версию событий. Расскажи мне, я донесу это до твоей мамы. И возможно... возможно, мне удастся убедить твоего отчима извиниться перед тобой.

— Это не вернет мне гитару, — угрюмо проворчала Лерка.

— Да, — кивнула я. — Но, возможно, его загрызет совесть, и он решит исправить свой проступок. У тебя в сердце должно будет найтись место, чтобы простить его.

Лера невесело и громко хмыкнула.

— Ага! Ща! Размечталась!.. Чтобы Антоша мне гитару новую купил... Конечно! Да Пряма помчался с языком на плече... Он же меня терпеть не может!

— Ну тут бы я поспорила, — заметила я.

— В смысле?! — воскликнула Лера, уставившись на меня.

— Он купил тебе новый телефон. Он же свозил тебя прошлым летом в Англию. И он же дал тебе денег на те сапоги, которые ты так хотела. Помнишь?

Я перечислила самые крупные траты отчима Леры на свою падчерицу. Но Логинова лишь презрительно усмехнулась.

— Он всё это сделал не из-за любви ко мне, а потому что мама его попросила.

— Да, — кивнула я. — Но это, как минимум, означает, что он любит твою маму и ради неё готов даже терпеть тебя и радовать подарками.

Я ухмыльнулась. Лерка в ответ тоже криво усмехнулась. В нерешительности потоптавшись, она всё-таки уселась на кровать рядом со мной. Пару секунд она молчала, явно собираясь с духом.

— Ну, короче... — начала она в свойственной ей манере. — Я там объявление одно нашла... У нас в городе скоро будет рок-фест... И вот... Короче, там можно поучаствовать...

Она искоса взглянула на меня. Я знала, что она боится моего вопроса.

Почему она ничего не рассказала мне? Но я не задала его.

— Дай угадаю, — вздохнула я. — Ты отправила туда запись одной из своих песен. Её приняли, но для участия нужно было внести определенную сумму. И ты...

Я вздохнула, перевела чуть насмешливый взгляд на Лерку.

— ... Одолжила эту сумму у Антона.

Логинова буквально остолбенела.

— Ты... ты чё... Роджеровна, ты чё, гребаный экстрасенс?! Откуда ты... я ж предкам так ничё и не объяснила...

— Я догадалась, — качнула я головой с ухмылкой. — Это было несложно.

— Да? — Лерка сложила руки на груди и вздернула подбородок. — И что, по твоему, я собралась обворовать Антошу?

— Нет, — я игриво прикрыла глаза и чуть покачала головой. — Конечно, нет.

Я вздохнула, отвела взор.

— Ты просто взяла займы... А потом рассчитывала выиграть приз на конкурсе и вернуть Антону занятые деньги. Но он увидел пропажу раньше, чем ты успела осуществить все задуманное.

Я поджала губы, перевела взгляд на Лерку. Логинова пару мгновений рассматривала меня, вскинув брови и чуть приоткрыв рот. Затем отвернулась, насупилась.

— У меня бы всё получилось! — упрямо и гневно ответила она.

— Я не сомневаюсь, — кивнула я. — Но, видимо, у Антона были свои планы на эти деньги.

На это Лера ничего не ответила, только раздраженно цокнула языком и угрюмо покивала.

— Лер, — осторожно позвала я. — Если... Если Антон извинится... Ты вернёшься домой?

Логинова опустила взгляд, мельком взглянула на меня. Поджав губы и сдвинув брови, она сосредоточенно рассматривала серый пол.

— Только если он купит мне новую гитару, — сделав над собой усилие, проговорила она и качнула головой. — Я слишком многое за неё отдала. Ты-то должна это понимать.

— Я понимаю, — вновь почувствовав солено-горький привкус вины, ответила я.

— Ну и хорошо, — проворчала Лера.

Я коротко, тихо вздохнула, опустила взгляд. Логинова красноречиво, в своем репертуаре, дала понять, что наш разговор завершен.

— Хорошо, — сказала я. — Рада, что с тобой всё в порядке.

Я встала с кровати, ноги обожгла боль. Я непроизвольно вскрикнула, скривилась и, пошатнувшись, чуть не упала. Лера вовремя подхватила меня и удержала.

— ***ть, Роджеровна! — воскликнула она. — Что с тобой... Подожди...

Она уставилась на мои ноги.

— А чего у тебя с ногами?

— Да ничего, — я мягко отстранилась.

Но Логинова меня не отпустила.

— Да в смысле ничего! У тебя бинты на ногах! Что случилось?! — Небольшой

несчастный случай, — вымученно улыбнулась я.

Боль танцевала и приплясывала в моих ступнях.

— Мне нужно идти...

— Роджеровна, да блин!.. Что с тобой случилось? — Лерка присела возле меня и бесцеремонно закатала мне левую штанину джинсов.

— Лер... Всё в порядке...

Логинова поднялась, ошарашенно глядя мне в глаза.

— Тебе же больно ходить, — её глаза чуть сузились. — Какого чёрта, Роджеровна?! В её глазах неожиданно блеснули слёзы.

— Я же... — она качнула головой. — Я же тебя толкнула тогда! Ты же упала там при всех! Я же... Блин! Я же тебе таких гадостей тогда наговорила! И ты... и ты с такими ногами... Фаак! Роджеровна! Только чтобы не говорить моей маме, где я?! Да?! Серьёзно?! Ты... блин, ну ты конченная...

— Я переживала, — ответила я. — Особенно когда узнала, что ты вернулась к Тимохе.

— Я к нему не возвращалась, — пробурчала Лерка. — Попросила убежище на время.

— Прости, но я хорошо помню, что с тобой было, когда ты с ним встречалась, — призналась я.

Лерка вдруг ринулась ко мне и заключила в объятия.

— Дура ты белобрысая, — грустно пробубнила она мне на ухо. — Ты чё, реально боялась, что я опять на дурь подсяду? Серьёзно?!

— Ну-у... — я счастливо улыбнулась, обнимая её в ответ. — Я... опасалась... Гитара для тебя слишком много значила и...

— И ты думала, что я опять буду искать утешение в спайсе? Ох и дура же ты, Роджеровна.

Я усмехнулась, закрыла глаза.

— Лера...

— Что?

— Прости меня... за то, что твои фотографии...

— Да забей. Я слышала, их там всех повязали, ну-у... тех, кто распространял фотки...

Она вздохнула, сжала меня крепче.

— Ты тоже меня прости, я... я тогда тебе слишком много всякой дряни наговорила... А ты вон...

Она, расчувствовавшись, тяжело сглотнула, с придыханием глотнула воздух.

— А ты вон с болью в ногах приковыляла меня уговаривать...

Она мягко отстранилась.

— Я ведь забыла, что ты идеалистка с комплексами борца за справедливость, — она покачала головой, держа руки на моих плечах.

Я посмотрела в её глаза.

— Да... — проговорила я, скривив губы. — Пожалуй, в этом моя главная беда.

— Это точно, — вскинув брови, выразительно кивнула Лерка.

Мы одновременно расплылись в смущенных, но довольных улыбках. Я чувствовала теплые слёзы в своих глазах и видела, как блестели от слёз подобревшие глаза Лерки. Логинова всё-таки согласилась вернуться домой сегодня же.

— А как же татуха? — разочарованно спросил татуировщик. — Я же не закончил!

— Закончим в другой раз, — объявила Лерка, собирая свои нехитрые пожитки. —

Например, в следующие выходные. Договорились? Ну и отлично. Мы вышли из комнаты Тимохи, спустились вниз по металлическим ступеням.

Лера заботливо придерживала меня и позволяла опираться на свою руку.

— До встречи, парни! — Логинова попрощалась с командой Тимохи.

— Пока, Лерчик.

— До встречи.

— Пока! Заходи на выходных!

— Пока... — пробасил нам вслед растерянный и погрустневший Бизон.

Лерка хихикнула, когда мы вышли из их мастерской.

— Бизон, кстати, очень живо тобой интересуется.

— Я знаю, — отозвалась я с хмурым видом. — Но он не в моём вкусе.

— Вот интересно, — с издевкой и неким ехидством произнесла Лерка. — А как должен выглядеть парень, который будет, наконец, в твоём вкусе, а?

Мы шли по узкому тротуару вдоль гаражей и других промышленных зданий.

По правую руку от нас тянулась дорога с односторонним движением и редкие, но ветвистые и раскидистые деревья.

— Не знаю, — честно ответила я на вопрос Лерки. — Ну-у... Наверно, он должен быть достаточно высоким, но не гигантом... Мускулистый, но стройный...

— А волосы и цвет глаз?

Я на пару мгновений задумалась.

— Темно-рыжие или каштановые, — ответила я слегка мечтательным тоном. — Глаза... ореховые, карие... Или зеленые... Главное, чтобы взгляд был глубокий, серьёзный... задумчивый и... понимающий...

— Как насчёт бороды? — хихикнула Лерка.

— Ни в коем случае, — скривилась я.

— Ты не любишь бородатых? А как же вот это: «У меня есть борода и ты скажешь...»

— Нет! — выдохнув, категорически ответила я. — Господи... Тысячу раз нет!

Лерка в ответ глупо загоготала, я тоже хихикнула. Мы засмеялись, дико, продолжительно и глупо.

— Подожди! — Лера на мгновение посерьезнела, взглянула на меня и выдала. — Ты знаешь, что это можно приравнять к расизму?

Я фыркнула и снова засмеялась. Логинова тоже разразилась громким хохотом.

Это было так глупо! Но мы не могли остановиться... Мы снова вместе восторженно рассмеялись. Наш звонкий смех разносился по улице во все стороны. Мимо нас прошла понурого вида женщина с сумками. Она окинула нас подозрительным, недобрый взглядом бледных глаз. Мы с Леркой замолчали, но, как только женщина прошла дальше, мы обменялись взглядами, и нас снова прорвало на дикий смех. Лерка была для меня тем человеком, с которым не нужен был повод, чтобы хохотать без причины, просто обменявшись взглядами.

— Хорошо, — отсмеявшись сказала Логинова. — А что насчет татуировки? А?

— Эмм... — я пожалала плечами. — Ну, может быть, пару штук...

— На каких местах? — Лерка игриво сверкнула глазами.

— Перестань! — скривилась я, поняв намёк её взгляда.

Логинова довольно хихикнула, но затем смолкнув, спросила уже без веселости в голосе.

— Ты не расскажешь, что все-таки приключилось с тобой?

Она кивнула на мои ноги.

— Босиком прыгнула на битое стекло, — надеясь отшутиться, ответила я.

— Зачем? Ну ты же не делаешь ничего просто так. Поэтому я и спрашиваю, зачем?

— Очень смешно, — хмыкнула я. — Между прочим, у меня до фига швов там.

— Так, а как так вышло-то? Ты же вроде не пьешь, не дуешь ничего?

Лерка была в искреннем недоумении. Она серьезно полагала, что я априори, совсем, абсолютно не могу стать жертвой каких-либо непредвиденных обстоятельств. Всё, что со мной происходит, по убеждению Лерки, либо было мною задумано, либо предусмотрено, как неизбежное. Исключения составляют только редкие падения на льду и случай в прошлом году, когда я на сноуборде врезалась в киоск с горячими напитками (я два месяца провалялась со сломанной рукой и левой ключицей).

— А если серьезно? — с заботой спросила Лерка. — Как тебя так угораздило?

Пока мы шли, я успела придумать оправдательную историю средней паршивости. Врать Лерке не хотелось. И вообще, это было мне поперек души, но не могу же я ей, в самом деле, правду рассказать! В итоге пришлось врать, что Федя в ванной разбил плафон лампы, никому не сказал, а я, дура этакая, наступила.

— Что сразу двумя ногами? — задала резонный вопрос Лерка, когда я закончила рассказывать.

— Нет... второй я наступила случайно, — скомкано, отчаянно выкручиваясь, ответила я.

Лера вряд ли бы отступилась от дальнейших расспросов, но впереди возникли обстоятельства, которые самым решительным образом завладели нашим вниманием. Это были трое парней и одна девушка. Они встали в ряд и преградили нам путь. Не оставалось сомнений, что сделали они это специально, и намерения у них далеко не благие.

Парни на вид были стремные. На лицах у всех издевательские улыбки и враждебно-изучающие взгляды. Нет, даже хуже. Взгляды у них были не столько враждебные, сколько... оценивающие. Наглые. Похабные. Сальные.

Взгляды, в которых сочетался животный голод и злое торжество.

Как я понимала, бить нас не собирались. Во всяком случае, не только это.

— Роджеровна, это за тобой или за мной? — с обманчивым спокойствием спросила Лерка, когда мы остановились.

— Похоже, что за мной, — ответила я задумчиво, оценивая ситуацию. Я узнала девчонку, что была с парнями. Дана, та самая девушка, которая дала мне информацию о фотографе и о его работе, его «моделях» и клиентах. И, судя по её выражению лица, она явилась мстить.

Она что-то сказала своей свите, те остались стоять, а сама Дана неспешной, вальяжной походкой направлялась к нам. Я оглянулась назад и почти не удивилась тому, что за нашей спиной тоже остановились четверо бандитского вида парней. Странно. В таких случаях человека должна одолевать паника, у него должны, по идее, трястись колени, дрожать плечи. Взгляд мечется по сторонам в поисках путей спасения, а губы трясутся от предчувствия неизбежной расправы. Но, видимо, за последнее время мне так часто приходилось испытывать подавляющий волю страх, панику беспомощности и гнетущий, порабощающий ужас, что мои негативные эмоции и чувства просто истощились, иссякли, исчерпались.

В этом случае, можно применить банальную аллегория с временно высохшим

водоемом. Сейчас во мне не было страха, я не чувствовала ужаса. Я с удивлением обнаружила, что просто с сухим равнодушием констатирую факты происходящего и так же без эмоций, без чувств, холодно прикидываю варианты разрешения данной ситуации. Вариантов я не видела. Как не видела и путей спасения, во всяком случае, для себя.

— Лер... — сказала я. — Они пришли ко мне, это... моя проблема. Тебе незачем отхватывать из-за меня.

— Да пошла ты, Роджеровна, — беззлобно бросила Лерка. — Ты забыла, как нас с тобой уже не раз, кстати, пытались от***дить? А пару раз даже от**еть?

— Вот, боюсь, сейчасбудет нечто похожее, — вздохнула я. — И со мной ты не убежишь.

— Я и не собираюсь, — ответила Лерка, прожигая взглядом подходящую к нам Дану. — Я сегодня поняла одну очень важную вещь, Роджеровна.

— Какую?

— У меня в этом мире есть мама, младшая сестра, кое-какой отчим и ты. И всё. И, пожалуй, в настоящий момент ты мне даже ближе, чем вся моя небольшая семья.

Она перевела на меня взгляд, заметила выражение моего лица.

— Спасибо, Лер, — с чувством произнесла я.

— Забей. Это правда, — она дернула плечом. — Я давно должна была это понять. Зря что ли мы друг друга столько раз выручали.

— Действительно...

— Вот-вот. Кто эта курица?

— Та, кто рассказала мне о фотографе.

— А- а... — шепнула Лерка и зло ощерилась. — Тоже решила подзаработать?

— Хуже. Она с ним спала.

— Вот мразь, — выдохнула Логинова.

— Слышь! — Дана остановилась в пяти шагах от нас. — Я не знаю, кто ты там нахрен такая, но можешь валить...

Она качнула головой в сторону.

— У меня дело только к этой белобрысой овце!

— Детка, овцу ты могла видеть только в трех случаях, — отозвалась в такой же манере Логинова. — По телику, в деревне или в зеркале!

— Да пошла ты, коза крысомордая!

— Сама пошла, свиноматка складчатая!

— Ладно, — гадко усмехнулась Дана. — Есть два варианта пути, вы ща идете со мной, потом раздеваетесь обе, я вас фоткаю и выкладываю всё это в сеть. Она улыбалась, но её слова буквально сочились ядовитой, мстительной злобой.

— Или я скажу своим парням, и они вам обеим ноги переломают. Хах... А может, и ещё чего сделают, это уж как пойдёт. Так, что?

— Ну, и что ты думаешь? — шепотом спросила я Лерку.

Логинова оглянулась назад, снова посмотрела вперёд.

— Оба варианта говно.

— Согласна.

— Но раздеваться перед этой стервой, чтобы она удовлетворила свою тупую, ничтожную месть я тоже не буду, — воинственно и гневно проговорила Лерка.

Взгляд её зловеще сверкнул. Логинова сейчас пребывала в том взвинченном и агрессивном состоянии, когда готова буквально в горло вцепиться любому, кто проявит

неосторожность приблизится к ней.

— Ну и что вы решили? — насмешливо спросил Дана. — Слушайте, кобылы вонючие, лучше сделайте все по-хорошему. Уверяю, ваши позорные фотки в интернете — это хотя бы не больно. А вот что с вами сделают парни...

Тут она показательно, злорадно улыбнулась, точно гиена, почувствовавшая превосходство и безнаказанность. Её свита тем временем неспешной походкой приближалась к нам.

— Так, ясно... — Лерка быстро подвела меня к дощатому забору по левую руку от нас.

Я с надеждой осмотрела улицу. Чтоб его! Ни одного прохожего, ни одной машины! Как будто сговорились все!

Лерка подобрала с земли кусок ржавой арматуры. Парни, которых привела Дана, обступали нас полукольцом. Я быстро набрала номер Домбровского.

И, конечно же, тот даже не подумал взять трубку. Я мысленно выругалась. Звонить Сене или Стасу сейчас бессмысленно, они слишком далеко. И, конечно, потом, если мы останемся живы, я им всё расскажу, и Дану вместе с её головорезами Стас обязательно достанет, но...

Лично мне бы хотелось избежать участи жертвы подобного преступления, потому, как даже поимка и наказание этих подонков, вряд ли принесет мне и Лере достаточное моральное удовлетворение. И уж точно, их приговор не заставит ни меня, ни Леру забыть то, что они могут с нами сейчас сотворить.

— Девочки, — крикнул один из парней. — Вы знаете, что надо делать в таких случаях? Нет? Расслабиться и получать удовольствие...

Компания этих бугаев радостно заржала. Я чуть скривилась, с презрением глядя на их лица. Они были точно шакалы под предводительством гиены, хорошая компания.

Лера вертела головой по сторонам, сжимая в руках металлическую арматуру.

Я тоже вооружилась было хлипкой палкой. Но затем мой взгляд упал на припаркованный на противоположной стороне зеленый внедорожник с желтыми полосками на корпусе. У меня созрела идея.

— Зайка, ну брось палочку... — протянул один из амбалов, что обступали нас.

Они гоготали, ухмылялись и рассказывали, что будут с нами делать. Я отбросила палку. Подняла с земли камень, не слишком тяжелый, но увесистый и, не долго думая, со всей возможной силой швырнула его в зеленый автомобиль. На мгновение у меня екнуло сердце, я решила, что промазала.

Но тут раздался гулкий металлический стук. Камень попал точно в крыло автомобиля. Мгновенно заорала сигнализация. Автомобиль возмущенно сверкал всеми огнями.

Окружавшие нас молодые представители криминалитета сразу же потеряли уверенность. Наглые ухмылки были стерты с их лиц. Они начали переглядываться и бросать пугливые взгляды по сторонам.

Из дома рядом с нами внезапно выскочил пузатый, бородатый мужик в растянутой футболке и спортивных штанах. В руках он держал ружье.

— А ну пошли на *** отсюда, ублюдки! Мозги на *** вынесу всем, су**ры!

— Атас! Валим, пацаны! — бросил самый крепкий из парней с угольно-чёрными волосами.

И сам рванул прочь. Его последователи, не долго думая, рванули следом. Дана застыла на месте, открыв рот и выпучив глаза. Растерянно хлопая ресницами, совершенно

обескураженная она глядела вслед парням. В этот миг Лера, издав свирепое рычание, бросилась на неё и занесла арматуру для удара.

— Нет! Не надо! — вскрикнула Дана и, присев на колени, закрыла голову руками. — Не надо! Не надо!

— Я тебе с**а сейчас покажу ***ть! — рычала Лера.

— Лера, стой! — крикнула я.

Логинова замерла, обернулась. Я, тяжело дыша, упираясь рукой в забор, произнесла:

— Отпусти её... Пусть уходит.

Лера разочарованно посмотрела на меня.

— Ты серьёзно?!

— Да, — кивнула я. — Пожалуйста... Не трогай её.

Дана открыла глаза, посмотрела на меня, на Лерку и снова на меня.

— Проваливай, овца, — бросила ей Лера и указала в сторону убегающих парней. — Догоняй своих трусливых клопов.

Дану не пришлось просить дважды. Она так бежала, что два раза споткнулась и два раза упала. Оба раза я кривилась, как будто могла почувствовать её боль.

Орущая сигнализация смолкла. Мы с Лерой, не сговариваясь, уставились на подходящего к нам бородача с ружьем.

— А вы что здесь забыли? — гаркнул он. — А ну проваливайтесь! А то солью в жопу как заряду!

— Тьфу! — разочарованно и зло сплюнула Лерка. — Так у вас соль в ружье?! Ёханный бабай... Она обернулась на меня.

— Хорошо, что эти кони не раздупились...

— Ты чё, хочешь попробовать?! — прорычал нам бородач. — Думаешь, я вас пожалею?! Пошли вон отседа! Живо!

— Тише, тише, — произнесла я миролюбиво. — Мы уходим. Не кричите, пожалуйста. Всё хорошо...

Всё действительно закончилось благополучнее, чем могло бы. Уже через несколько минут, мы обе сидели в Ауди Домбровского и ехали к дому Леры.

Наконец Коля остановил машину, прямо у дома Лерки.

Она посмотрела на меня.

— Спасибо, что вразумила Роджеровна, — проговорила она искренне, и голос её чуть дрогнул. — Я... могла наделать глупостей.

— Я рада, что смогла тебе помешать в этом, — призналась я.

Логинова в ответ понимающе усмехнулась, затем обняла меня, крепко, сильно, выражая переполняющие её искренние, сильные и светлые чувства.

— Удачи, — шепнула я ей.

— Спасибо, — ещё раз сказала она и вышла из автомобиля.

Коля посмотрел ей вслед, затем переключил скорость и сдал назад. Мы выехали со двора.

— В какой раз ты выручаешь свою непутевую подругу? — спросил он, когда мы ехали по шоссе.

— Разве это важно? — спросила я в свою очередь, глядя в окно на городской пейзаж Москвы.

— Большинство людей после череды добрых поступков, начинают считать, что им

обязаны, — выждав небольшую паузу, как бы невзначай заметил Коля.

Я отвлеклась от созерцания городского пейзажа, посмотрела на Домбровского в зеркало заднего вида.

— Неужели? — с вежливым любопытством и доброй улыбкой спросила я.

— Да, — Коля чуть смущенно прокашлялся. — Я знал таких людей. Создавалось впечатление, что они совершают добрые дела, скорее для себя, а не для других.

— Да, — согласилась я. — Так и есть.

— А ты? — спросил Коля, снова выждав паузу.

Я задумалась. Действительно. Что мною движет в действительности, когда я хочу кому-то помочь?

— Отчасти... Я тоже отношусь к таким людям, — сказала я задумчиво. — Я не превозношу собственные поступки, потому что считаю их нормой, а не чем-то выдающимся. Но... Я не буду отрицать, что делаю это, в том числе, и чтобы меня не грызла совесть. Так что, в каком-то смысле, я тоже если и делаю добро, то отчасти ради себя.

Домбровский со мной не согласился.

— Совесть и собственное самомнение не одно и то же, Ника.

— Конечно, — я пожала плечами. — Но это только причины, Коля. А суть то всё равно одна и та же.

Домбровский хотел было мне возразить, но передумал.

— Чёрт возьми, Ника, — хмыкнул он. — Чем старше ты становишься, тем сложнее становится с тобой спорить. Иногда в разговоре мне кажется, что тебе не четырнадцать, а все... двадцать или даже двадцать пять.

Я лишь скупой усмехнулась. Кое-какие психологические тесты, которые я проходила в интернете, показали мне, что мой так называемый психологический возраст варьируется от двадцати до двадцати трёх лет. Как-то так. Но Коле я об этом говорить не стала. Это выглядело бы, как хвастовство, и притом нелепое. И это просто дурацкие тесты, а результаты, вообще, могут быть какие-то случайные. Я просто тихо радовалась, что, возможно, мне удалось предотвратить семейную катастрофу Логиновых. Я не обольщалась на свой счёт и понимала, что мне дико повезло, что Лерка хоть и вспыльчивая, и заводится с пол-оборота, на деле очень отходчивая, совестливая и жалостливая. Надеюсь, Лера и её отчим найдут в себе силы извиниться друг перед другом.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Четверг, 19 июня

Он разрывался между желанием скорее выехать по адресу, где живёт или жил Ипполит Збруев, и необходимостью трудного разговора с женой. И сейчас Корнилов буквально находился на своеобразном распутье. Ему уже в который раз предстояло сделать мучительный выбор между семьёй и работой, между ответственностью и долгом. И, вроде бы, ничего фатального не произойдёт, если он откажется от первого в пользу второго, или наоборот. Но...

Если он сейчас не поедет по адресу Збруева, следствие потеряет время. Он потеряет время. А ведь Романтик вряд ли сидит, сложа руки. Можно с уверенностью сказать, что он, как минимум, замышляет новое убийство. А возможно, всерьёз, размышляет над местию. И тут даже не день или час, а важна каждая минута, пока он на свободе и пока способен представлять опасность.

Корнилов очень явно ощущал мощное, неудержимое стремление идти по следу, идти за

Романтиком, не останавливаться, искать, приближаться, преследовать, догонять... Затягивать петлю поиска и следствия, готовиться к решительному рывку. Это похоже на охоту? Да. Ещё как! Это опасная, трудоемкая и кропотливая охота на изворотливого, коварного и крайне опасного хищника — на человека. Хотя... Стас не раз задавался вопросом, а остается ли что-то человеческое в таких существах, как Романтик? Наверное, его бы осудили за такое жесткое мышление.

Корнилов усмехнулся. Он уже стоял в очереди на кассу, наблюдая за кассиром, Корнилов размышлял и прикидывал. Дома его ждёт Рита. Сегодняшний день, видимо, заставил её задуматься о, возможно, тяжелых, но кажущихся ей правильными решениях. Корнилов вспомнил о трещинах в их взаимоотношениях. Кажется, сегодня появились новые, только более глубокие и широкие.

Стас, наверное, никому и никогда не признался бы в этом, но он давно ощущал некое призрачное, неосознанное присутствие надвигающегося домашнего скандала. И уж точно Корнилов никому и никогда не признался бы, что, как мальчишка, как первоклассник, прогулявший свой первый урок, страшится скандала с женой, который может привести к разводу.

Корнилов прекрасно осознавал, как выглядит со стороны для Риты и Алины, его постоянное отсутствие, его увлечение каждым делом, его чрезмерное старание достать, найти и поймать тех, кто не способен существовать в этом мире в рамках закона и морально — этических общественных норм. И Стас знал, что Рита имеет полное право злиться и обижаться на него. Но он до сих пор не мог решить и понять, как ему поступать, когда ему необходимо сделать очевидный, но такой сложный выбор.

Он расплатился за купленный товар и вышел на улицу. Первое, что он увидел, подходя к парковке супермаркета, это двух людей, что стояли возле его машины. Парень и девушка. Девушка спокойно ждала, сложив руки на груди.

Парень, пригнувшись, приложив ладонь ко лбу, заглядывал внутрь его внедорожника. Шагая к ним, Стас быстро перебрал в голове варианты, кто это может быть. Судя по самоуверенным взглядам, жестам и движениям, а также по наглому поведению, и парень и девчонка — представители правоохранительных структур. Оба в одинакового цвета деловых костюмах, даже фасон один и тот же. Оба в очках, и у обоих одинаковый цвет волос.

Когда Стас подошел ближе, парень обернулся. Корнилов не без удивления понял, что перед ним- близнецы.

— Майор Корнилов? — властным голосом осведомилась девушка, держа руки на груди.

— Да, это я, — неторопливо ответил Стас. — А вы?

Девушка достала документ, подошла к Стасу.

— Капитан Датская, а это капитан Датский. Мы из главного управления собственной безопасности.

Парень тоже показал Стасу свое удостоверение.

— Вам придется проехать с нами, — объявил он.

— Как скажете, — выдержав паузу, ответил Стас.

Он не знал, что его больше раздражало, несвоевременно появление офицеров ГУСБ или то, что они, скорее всего, являются родственниками майора Датского.

Одна из ярко горящих ламп на потолке противно гудела. Стас опустил взгляд на сидевшего перед ним капитана Максима Датского. Тот был молод, по меркам Стаса, и вовсе

сопляк. Не старше двадцати трёх-двадцати четырёх лет, но крайне самоуверенный, с нахальным взглядом и дерзкими манерами.

Стройный, высокий и худощавый, с зачесанными набок пышными, светло-русыми волосами. Как и его сестра-близнец, обладал глубоко посаженными, миндалевидными глазами фисташкового цвета.

Максим Датский вот уже почти десять минут лениво, не спеша листал папку с делом Стаса. С того мгновения, как Корнилов переступил порог комнаты для допросов в здании УВД ЦАО, капитан Датский не произнёс ни слова. Они просто сидели в одной комнате и молчали. Молчал Максим Датский. Стас тоже хранил молчание. Он знал эту игру и отчасти веселился, пристально наблюдая за лицом Датского. Тот старательно делал вид, что не замечает взгляда Стаса.

Открылась дверь в допросную. Стас лениво оглянулся. В комнату, мелодично и почти изысканно постукивая каблуками, неспешно вошла капитан Ольга Датская. Такая же высокая и худощавая, но пониже брата и гораздо более субтильная. Стас окинул её пренебрежительным, равнодушным взглядом, не скрывая ухмылки превосходства на лице.

Ольга прошла к зеленому столу, села рядом с братом напротив Стаса, посмотрела на Корнилова.

— Для человека, пребывающего в вашем положении, вы сохраняете поразительное самообладание, — отметила она с легкой, одобрительной улыбкой. — Должна признать, что слухи о вас не слишком преувеличены.

Стас не отводил взгляда от её глаз.

— Рад, что не разочаровал вас, — ответил он ровным голосом. — Вы очень вовремя пришли, боюсь ваш брат не знает, с чего начать.

Максим Датский оторвал взгляд от папки с делом и исподлобья, пристально, неприязненно посмотрел на Стаса.

— Вам всё же стоит вести себя поаккуратнее, — с долей угрожающей елейности, проговорила Ольга Датская. — Вы ведь понимаете, что виноваты?

— В чем, например? — хмыкнул Стас.

— Например, в том, что организовали несанкционированную засаду на серийного убийцу, чем спровоцировали его на новое преступление, — Максим Датский положил папку на Стол.

— Романтик убил ещё двух женщин, — продолжила Ольга Датская. — И чуть было не убил шестилетнюю девочку, которая чудом спаслась.

Корнилов ухмыльнулся, дешевый трюк. Они в самом деле рассчитывали, что он сейчас начнет с криком доказывать, что это было не чудо, и что там была четырнадцатилетняя школьница, которая и вынесла шестилетнюю Ирину Зорину?

— Стало быть, всё не так уж плохо, — качнул головой Стас. — Но что касается санкционирования засады, то вы, видимо, плохо изучили мое дело.

— Вы имеете ввиду ваши расширенные полномочия, как руководителя особой оперативно-следственной группы? — не скрывая ноток пренебрежения спросил Максим Датский.

— Совершенно верно, — ответил Стас.

Свои права и полномочия он знал отлично.

— Тем не менее, засада была неудачной, — проговорила Ольга. — А организация выставки незаконной.

— Выставка была организована в интересах следствия, с одобрения вышестоящего руководства.

— Да, но вы фактически присвоили себе имущество задержанного по подозрению в убийстве и изнасиловании Фабиана Арманда, — ответил Максим и чуть наклонился вперёд.

Ему было трудно скрывать свою агрессию к Стасу, но он наслаждался своей ролью.

— Нет, Арманд дал письменное одобрение на использование своей продукции.

— А в замен, вы обещали ему более мягкие условия содержания в тюрьме общего, а не строго режима, — едко заметил Максим Датский.

— Да, — Стас не видел повода скрывать этого.

— Насколько я знаю, — Ольга Датская чуть повысила голоса и добавила звенящего, осуждающего холода в свои слова, — Фабиан Арманд задержан за убийство Кунке Есимовой, так же он фактически признался в изнасиловании другой девушки и, с большей долей вероятности, является заказчиком её убийства и соучастником, не менее жестокого убийства третьей девушки.

— Фактически, — не дав Стасу ответить, проговорил Максим Датский. — Фабиан Арманд причастен к гибели трёх девушек с отягчающими обстоятельствами. К тому же две из них были несовершеннолетними

— А, следовательно, вы не имели никакого права предлагать Арманду какие либо поблажки в уголовном судопроизводстве и последующих условиях наказания, — назидательно проговорила Ольга. — Иначе говоря, господин Корнилов, вы вступили в преступный сговор с убийцей, фактически пообещав лоббировать его интересы в следствии.

— И всё это, — плохо скрывая торжество, произнес Максим, — ради того, чтобы обманом заполучить товар Фабиана Арманда, а вырученные от выставки роз Арманда средства вы и ваши подчиненные намеревались разделить между собой.

— А кроме ваших фантазий, есть иные доказательства того, в чём вы пытаетесь меня обвинить? — вскинув брови, равнодушно спросил Стас.

— О, разумеется, — с обманчивой мягкостью произнес Максим Датский.

Он извлек из желтой папки лист бумаги и, положив на стол, развернул.

— Прочтите, — сказал он.

Стас чуть наклонился вперёд, подтянул к себе лист. Это была копия рукописного текста. Почерк был не очень. В некоторые слова приходилось вчитываться по нескольку раз. Но не было сомнений, что это письмо было написано от лица Арманда.

«Я, Фабиан Арманд, одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения, признаюсь, что подвергся давлению и шантажу со стороны майора уголовного розыска Корнилова Станислава. Корнилов, угрожая моей жизни, вынудил меня согласиться на передачу моего товара, на сумму в три миллиона двести тысяч рублей в его ведение. Взамен мне обещали меньший срок и более комфортные условия содержания».

Стас продекларировал последнее предложение.

— О каких комфортных условиях содержания можно говорить в тюремной камере? — спросил Корнилов глядя на близнецов.

Те, сохраняя каменные лица, отвечали ему пытливыми взглядами.

— Вам виднее, — туманно ответила Ольга Датская.

— Ах, вот оно что... — ухмыльнулся Стас и отодвинул от себя лист с копией текста. — У меня тоже есть подобный текст, написанный лично Армандом.

Стас сделал ударение на слове «лично». Потому, что стилистика текста только что

увиденного «признания» резко контрастировала с той, которой придерживался Арманд, когда писал для Стаса письменное разрешение на временное использование своего товара в целях помощи следствию.

— То, что Фабиан Арманд написал под вашим давлением, не может приниматься во внимание... — проговорил Максим.

— Если бы оно было написано под давлением, то возможно, — перебил его Стас. — Но все было совершено на добровольной основе...

— Господин майор! — повысила голос Ольга Датская.

— ... О чём может свидетельствовать видеозапись допроса и разговора на эту тему с подозреваемым Фабианом Армандом, — продолжал Стас, сделав нажим на слове «подозреваемым». — Но, как я понимаю, вам не пришло в голову посмотреть эту запись... Или же...

Он сделал красноречивую паузу.

Ольга Датская не выдержала, с досадой поджав губы, посмотрела на брата. Тот ответил свирепым, раздраженным взглядом.

— Или же, — Стас победно усмехнулся. — Спеша предъявить мне обвинения, вы забыли о том, что допросная, где проводилась беседа с подозреваемым Фабианом Армандом, снабжена камерами видеонаблюдения.

Датские выглядели разочарованными и сердитыми. Но, надо отдать им должное, близнецы умели держать удар.

— А как насчет самого товара? — сложив руки на стол и прищурился глазами, вкрадчиво произнесла Ольга Датская. — Цветы ведь исчезли?

Стас ощутил неприятный, тревожный толчок где-то в глубине своего сознания.

Разумеется, после неудачной засады, он вернул все цветы на место, где взял — в оранжерею Арманда. Но он не был так предусмотрителен, чтобы предположить, что их могут украсть, а ГУСБ, потом, сможет обвинить в краже его.

Вроде бы глупость... Какие-то цветы... Вот только вся вместе коллекция роз Арманда стоит, примерно, одиннадцать миллионов рублей.

— После неудачной засады, — ответил Стас. — Все до единого цветы были перемещены в розарий в поместье Арманда. Это задокументировано.

— Да, вот только солидной части цветов не хватает, — сверкнув глазами ядовито проговорила Ольга Датская. — Что вы на это скажете?

Стас пару мгновений смотрел ей в глаза. Её покрашенные чуточку ярковатой помадой губы немного скривились. Это была едва заметная, но злорадная ухмылка.

— Я скажу, что вы хорошо подготовились.

— Не пора ли вам, перейти от бесполезных обвинений в адрес следователей ГУСБ к признанию? — спросил Максим Датский.

— В чем я был виновен, я уже признался, — ответил Стас, удостоив Максима давящим, ледяным взглядом. — А в том, в чем бы вам хотелось, я признаваться не намерен.

— Но цветы исчезли, — настаивала Ольга Датская. — Они пропали... По приблизительным оценкам суммированная стоимость пропавших экземпляров может колебаться от шестисот до шестисот пятидесяти тысяч рублей.

— Охотно верю, — Стас пожал плечами. — Вот только с того момента, как цветы Арманда оказались вновь в его розарии, ни я, ни мои подчиненные, ни УГРО уже не несет за них ответственность.

Но тут Максим Датский пренебрежительно хмыкнул и достал ещё один листок.

— Это расписанное количество экземпляров каждой популяции роз Арманда, — сказал он. — По свидетельствам садовников и слуг Фабиана Арманда, количество цветов, которые вы изъяли для засады и которые вернули, категорически не совпадает.

Стас мысленно выругался. Попался. Он знал, что не виноват, как не виноваты и Сеня с Колей. Но он был виноват в том, что не учёл вероятность развития такой ситуации. Хотя как он должен был её учесть?

— Я так понимаю, господину майору Корнилову нечего сказать в своё оправдание? — проворковала Ольга Датская.

— Думаю, у меня найдутся свидетели...

— Это хорошо, они вам понадобятся, — заметил Максим. — Давайте теперь поговорим о том, что произошло вчера ночью в квартире, где были обнаружены тела Лидии и Аделаиды Зориных.

Ещё около полутора часов его мучили расспросами о случившемся.

— Почему он не вызвал спецназ? Почему не доложил обстановку выше стоящему начальству? Почему позволил убийце диктовать свои условия? Почему он не дождался приезда профессиональных переговорщиков? Почему...

Этих «почему» были сотни. Вопросы наваливались монолитной лавиной. Многие из них были совершенно глупыми и нелепыми, а некоторые и провокационными. Например, рассчитывали ли вы на большой резонанс дела Романтика, если вы позволите ему убить этих женщин и маленькую девочку? Думали ли вы, что поймав его после этого, сможете снискать большую славу?

И, конечно же, они очень интересовались Никой.

— С вами видели светловолосую девушку, — говорил Максим Датский. — Кто она?

— Не представляю, о чем вы говорите, — покачал головой Стас.

— Корнилов, — скривилась Ольга. — Вас видели... Есть свидетельства очевидцев, в том числе из рядов правоохранительных органов.

— Вас видели с белокурой девчонкой на руках, — жестко проговорил Максим Датский. — И вам стоит ответить, что делала эта юная особа на месте преступления? Кто она такая? Как её зовут? Как она оказалась в том доме?

Корнилову пришлось серьёзно изворачиваться, чтобы отвести внимание ГУСБ от Ники и не дать им возможности выйти на неё.

Его промучили до глубокого вечера. Его заставили пройти тест на полиграфе и повторили заново все вопросы, плюс задали новые. Спрашивали про отдел, про прошлые дела, про «белокурую девушку», про его оперов, про прошлые убийства Романтика и про прошлые уголовные дела, которые он вёл. В конце концов, у него изъяли оружие и удостоверение, временно. Взяв подписку о невыезде, его наконец отпустили домой.

Выходя из здания УВД ЦАО, Корнилов не чувствовал подавленности или злости. Только упрямую, чуть угрюмую решительность. Когда он приехал домой, было близко к полуночи. Квартира была погружена в темноту и тишину. В том показательном, равнодушном покое, который выражали эти обе стихии, явственно ощущалась оскорбленная обида и агрессивное возмущение.

Стас почти физически ощущал те искорки большого пожара, который готов был разгореться от единого неправильного поступка.

Он тихо разулся, прошел на кухню. Первым, что он увидел на столе, были два бокала с

янтарно-охристой жидкостью на дне и маленькая открытая бутылочка бренди. Стас взял бутылку в руки. Вряд ли это купила Рита. На одном из бокалов краснел след от помады. Также на столе возле испачканного помадой бокала лежала забытая кем-то электронная сигарета.

Стас придирчиво осмотрел оба бокала. Затем обратил внимание на две невымытые ещё стеклянные вазочки в мойке. Обе были вымазаны остатками засохшего мороженого. Корнилов протяжно вздохнул. Похоже, Рита была не в состоянии самостоятельно пережить случившееся сегодня, поэтому позвала свою подругу, соседку с четвёртого этажа, Ульяну.

Стас достаточно хорошо знал эту любительницу электронных сигар. Он покрутил её аппарат в руках и с насмешливым презрением отложил обратно. Взял другой бокал и плеснул туда немного бренди, попробовал, скривился и вылил остатки в раковину.

— Бабское пойло, — проворчал он.

Корнилов достал бутылку коньяка, что осталась с того вечера, когда они с Ритой отмечали день рождения Алины. Там ещё немного оставалось, как раз на пару бокалов. Стас, вообще, не сторонник заливать проблемы спиртосодержащими средствами, но сегодня даже не повод, а, скорее, некая необходимость.

После глотка Корнилов закрыл глаза, голова гудела. Все, что он пережил за последние шестнадцать-восемнадцать часов, отзвуками слов, криков, звуков и обрывками отдельных событий вращалось в голове. Он сделал ещё глоток, почувствовал, как у него ожил и завибрировал телефон. Корнилов взглянул на дисплей смартфона. Шестнадцать пропущенных от Арцеулова и пять от Ящера.

Они оба прислали ему по SMS. Но Стас чувствовал, что сейчас просто не в состоянии адекватно воспринимать информацию. Он заметил так же непринятый вызов от неизвестного номера. Корнилов пару секунд рассматривал его, пытаясь вспомнить, кому он мог принадлежать.

Внезапно смартфон чуть заметно вздрогнул в его руке. На дисплее появилось изображение звонка и тот же самый незнакомый номер. Стас, помешкав, принял вызов. Молча, без приветствия поднёс к уху. Тишина.

Но он отчетливо слыша взволнованное дыхание неизвестного абонента. Стас отставил бокал на стол, вздохнул.

— Так и будешь молчать? — спросил он наконец. — Или ты просто хотел услышать мой голос?

Молчание. Только все тоже частое, глубокое дыхание возбужденно и с усилием звучало в трубке.

— Как... ты узнал?..

У него был такой же голос, как и вчера в той квартире. Только лишенный прежнего злорадного торжества и ехидства. Сейчас голос Романтика был нервным, звенящим. Он словно задерживал дыхание перед каждым словом.

Стас равнодушным взглядом окинул помещение кухни.

— Это было ожидаемо.

— Ожидаемо? — прошипел Романтик. — По-твоему, я предсказуемый?

Корнилов закрыл глаза, вздохнул.

— Да, — ответил Стас. — И одинокий.

Романтик сдавленно рыкнул. Стас знал, что злит его, он делал это осознанно.

Сейчас, если удастся вывести из себя Романтика, тот, очень вероятно, в кратчайший

срок решится на новое убийство. Корнилов надолго запомнит вчерашний день. И по логике, ему сейчас стоило быть с Романтиком повежливее, не злить его. Вот только независимо от вежливости или грубости Стаса Романтик будет желать убивать снова и снова. То, что случилось вчера, с таким же успехом могло случиться и позже.

— Я... не... одинок... — по очереди выдавил из себя слова Романтик.

— О, ты о своих молчаливых зрителях? — не скрывая насмешки, спросил Стас. — Твое общество — обычные, бессловесные и лишённые рассудка растения.

— Не смей так говорить... — прошептала Романтик злым, но трагичным голосом.

— Они не могут заменить тебе людей.

— Они куда лучше людей.

— Потому что не могут противиться тебе и не способны иметь разум или собственное мнение? — Корнилов снова взял бокал и отпил коньяк.

Романтик издал странный звук, похожий не то на мычание, не то на сдавленное рычание сквозь сомкнутые зубы. Он замолчал, но трубку не бросил. Стас ждал.

Горячительный напиток плавящимся теплом, растекался по телу, растворялся в крови. Стас знал, что главная его вина была не в том, что он спровоцировал Романтика, а в том, что недооценил его и неправильно просчитал. Корнилов отчасти догадывался, что даже если Романтик не попадётся в ловушку с выставкой роз Арманда, то из-за свойственного ему чувства заносчивого нарциссизма он захочет отомстить за попытку обдурить его. Вот только Корнилов не рассчитывал на такую скоропалительную и хорошо спланированную месть Романтика. Он никак не ожидал, что Романтик отреагирует в первый же день или ночь, когда они организовали эту дурацкую выставку. Стас рассчитывал, что Романтику понадобится время. И он никак не мог предположить, что жертв будет сразу три. И в этом Корнилов потерпел серьёзное поражение, он его недооценил. И за это заплатились жизнью две женщины. И их участь едва не разделили шестилетняя Ира Зорина и Ника. Его Ника.

И вот этого Корнилов долго ещё себе не сможет простить. А убивать... убивать Романтик не перестанет в любом случае. Он бы всё равно убил. Позже, в другом месте, при других обстоятельствах, но убил бы, в этом не было сомнений, как бы с ним не разговаривали и как бы не пытались задобрить.

В конце концов, вчерашнее отчасти было и поражением Романтика. Он переиграл их, переиграл Стаса, но он серьёзно рисковал. Он так или иначе вошел в стадию бездумного азарта, и он едва не совершил ошибку. А может, и совершил, только Стас её ещё не увидел.

И сейчас могло показаться, что, со стороны Корнилова, снова намеренно злить и провоцировать Романтика было и цинично, и жестоко и очень глупо.

Цинично и жестоко раздражать его, задевая его чувства, зная, что за это могут заплатить жизнью другие люди. Глупо, потому что вчера он уже проиграл Романтику.

Но Корнилов знал, что сейчас Романтик, что называется, доведён до нужной кондиции психологического состояния — взвинчен, взволнован, нетерпелив и встревожен. Он звонит, чтобы насладится поражением Стаса, узнать, что тот чувствует, посмаковать свое превосходство. И Стас это знал. Как знал и то, что издевательский и насмешливый тон взбесит Романтика. Взбесит настолько, что тот может решиться на ещё более дикий поступок.

Да. Да, возможно, Романтик выдумает нечто хуже, чем было вчера. Даже, скорее всего, так и будет. Но что помешает ему сделать то же самое несколько позже? А вот поймать его, когда он будет уравновешен, сдержан и, как следствие, расчетлив и осторожен, куда

сложнее. И его поимка, которая сейчас может состояться из-за допущенной оплошности, может снова отложиться на неопределенный срок. И за это время он успеет убить куда больше, чем сможет сейчас.

Стас выбирал между малым злом и большим. Хотя само определение малого и большего зла, в его понимании, было донельзя циничным, мерзким и лицемерным.

— Долго будешь молчать? — спросил Корнилов. — Ты хоть жив там?

Романтик не отвечал. Стас поймал себя на мысли, что ему нравится бесить Романтика. Он с удивлением отметил, что получает некое извращенное моральное удовлетворение, издеваясь над ним. Он как бы берёт реванш за вчерашнее поражение. Стас сейчас с некоторым внутренним замиранием осознал, что относится к противостоянию с Романтиком, как к... к спорту, как к партии в шахматы. Хотя нет, шахматы слишком размеренны и неторопливы. Скорее, их взаимные ходы напоминают биатлон. Там тоже нужна и скорость, и осторожность, и точность, и расчетливость.

Стас дико испугался сегодня за жизнь своей дочери и едва ли не больше испугался за Нику. Но... свои отношения с Романтиком он почему-то воспринимал, как своего рода соревнование. Только здесь нет победителей. Это соревнование проигравших. Он проиграл, когда Романтик начал убивать. Романтик проиграет, когда он его поймает. И Стас сейчас пытался приблизить этот момент.

Была ещё одна причина, которой он руководствовался, но о ней могла узнать разве что Ника. Хотя Стас искренне надеялся, что синеглазая девочка никогда не сможет это узнать. Он боялся её презрения. Презрения из-за того, что сейчас Стас думал и представлял, как обгадятся умники из СКР, когда Романтик, которого они сейчас должны поймать, шокирует общественность новым зверским убийством. Цинично? Жестоко?.. Мерзко? Да, Стас это понимал. Но отстранение от дела жгло его куда сильнее, чем он рассчитывал.

— Ты не боишься, что сейчас я могу быть рядом? — вдруг спросил Романтик.

— Разве что ты настолько туп? — немедленно отозвался Стас беспечным голосом.

— Да-а... — едко протянул Романтик. — Ты прав... Я не тупой... Не-ет... Я вижу... два... три, нет уже четыре... пять, шесть... Целый взвод полицейских... Они дежурят вокруг твоего дома, майор. Как думаешь, они смогут спасти от меня твою женушку и прелестную дочурку?

Стас криво усмехнулся. Романтик предпринял нелепую попытку вывести его.

Достать. Уколоть. Ужалить... Заставить бояться. Заставить злиться или умолять не трогать родных. Он бы получил от этого едва ли меньшее удовольствие, чем от убийства очередной жертвы.

— Риски, — предложил Стас. — Узнаешь.

Романтик в ответ то ли зло, то ли радостно рывкнул, сплюнул и прервал связь.

Стас по-идиотски, самодовольно усмехнулся, отложил телефон на стол, отпил из бокала.

— Ничего... — протянул он с едва заметно проскользнувшей хрипотцой. — Поиграем.

Эпизод десятый

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 20 июня

Небо было прекрасным. В бездонном, чистом летнем небосводе гармонично сливались все мыслимые оттенки лазурного, бирюзового и синего. Небо дышало, манило и как будто самостоятельно, без солнца, сияло изнутри. А по нему не спеша, как будто сонно, в

совершенной ленивой безмятежности плыли кисейные, зыбкие, полупрозрачные облака. Некоторые из них были словно размазаны по небу, а другие походили на неаккуратные капли и застывшие сероватые, бело-голубые пятна.

Мы лежали на траве и вдыхали запах лета. Запах ласкового тепла, приправленного стойким ароматом цветов и влажной после дождя травы.

— О чем ты думаешь, когда смотришь на небо?

Я не отвечаю, безмолвно улыбаюсь.

— Дёма...

Я на мгновение прикрываю глаза. Боже... Как же мне приятно слышать своё имя из её уст.

— Дёма, почему ты молчишь?

Лежащая рядом со мной на траве девушка приподнялась, полулежа оперлась на левую согнутую в локте руку. Я смотрю на неё с блаженной улыбкой. Она чуть склонилась надо мной, убрала прядь своих тёмных волос за ухо. Я смотрю на неё. Какая она красавица! Она сочетает в себе неповторимое соцветие красоты, нежности и хрупкости. Она... Она как редкий, но очень красивый цветок. Как редкая, изысканная роза...

— Дёма, — она коснулась меня.

Легонько. Робко. Осторожно.

— Почему ты молчишь?

Она улыбнулась.

— Ты опять замечтался?

— Да.

— Хм, — она слегка самодовольно ухмыльнулась и чуть вздёрнула нос.

На мгновение небо сверкнуло в её светло-карих глазах. Я застываю от восхищения.

— И о чём же ты мечтаешь? — спросила она.

Я не сразу решаюсь сказать то, что хочу. То, что так рвётся из души, пробивается через уста. Но я делаю над собой усилие.

— О тебе, — шепчу я.

Её золотистые глаза расширяются, рот мило округляется. Она изумленно хлопает своими выразительными ресницами. Я приподнимаюсь на локтях, несколько мгновений смотрю на неё. Она чуть пугливо, взволнованно смотрит в ответ. Я протягиваю руку, бережным, чуть боязливым, но очень нежным движением убираю прядь волос с её правой щеки. Она быстро моргает, но не отстраняется, у меня замирает сердце. Я вижу свое отражение в её глазах.

Я смотрю на её алые, чуть приоткрытые губы. Сердце в груди бьется ритмичными ударами, словно подгоняя меня. Но я нарочито медленно наклоняюсь к ней, она не отстраняется. Я боюсь и чувствую, что она тоже.

— Что ты делаешь?.. — шепчет она с легкой дрожью в голосе.

— Собираюсь тебя поцеловать, — каким-то другим, чужим, глухим голосом отвечаю я.

Я чувствую неприятное давление в груди. Мне кажется, у меня заканчивается воздух.

— Тогда... я... я жду... — шепчет она в ответ.

Я шумно сглатываю, меня переполняет затопившее душу волнение. Я наклоняюсь к ней и припадаю губами к её губам...

Меня выбросило из его тела. Просто мгновение — и я уже наблюдаю за их поцелуем издалека. Они целовались долго, открыто, с необыкновенной для их возраста страстью.

Наконец девушка отстранилась от Демида Хазина.

— Слушай... — услышала я её робкий голос.

— Что? — быстро и оживленно спросил он.

Он сделал попытку приблизиться к ней, но она опустила взгляд и, поджав губы, посмотрела в сторону.

— Ты же говорил, что... мы друзья, — проговорила она.

Я увидела, как у Демида Хазина опустились плечи.

— Но... — проговорил он с трудом.

Он не смог больше ничего произнести.

— Но «что»? — спросила девушка с лучистыми, светло-кариими глазами и снова взглянула на него.

И снова магические блики света, точно искорки золота, сверкнули в её глазах.

— Я... — проговорил он и глубоко вздохнул, словно собираясь с силами. — Я не знал, что... что люблю тебя... так сильно...

Её губы медленно расплылись в довольной, счастливой улыбке.

Стремительно нарастающий яркий, белый свет затмил это воспоминание и переместил меня в другое. Сначала я услышала странный скрипучий звук металлического лязганья. Он звучал с переменной периодичностью.

Скрип — скрип — скрип — скрип. Пауза. Снова скрип — скрип — скрип — скрип — скрип...

Когда белый свет выцвел и испарился, я увидела, что нахожусь в пустом помещении школьного кабинета. Через шторы внутрь сочился рассеянный, бледный свет солнца. На стене, выкрашенной голубой краской, я увидела портреты писателей русской литературы. В торце класса всю стену от окна до угла занимал огромный книжный шкаф. Только книг в нём было немного, всего-то две полки. Остальные были заставлены каким-то хламом и картонными коробками.

На буро-коричневой школьной доске с царапинами белели разводы мела. А за второй партой первого от окон ряда сидел Демид. Сегодня он был в тёмной футболке и потёртых, изношенных брюках. Одежда на нём была явно с чужого плеча. И футболка, и брюки были на пару размеров больше, и висели на нём мешком. Он, ссутулившись и наклонившись к столу, что-то старательно резал ножницами.

Я осторожно приблизилась сзади, ступая между рядов парт. Демид остригал ножницами листья и стебли небольшой цветочной композиции. Я невольно залюбовалась его работой. Из-под его худых, костлявых рук и длинных пальцев выходила впечатляющая своей гармоничностью и эффектностью изящная флористическая композиция. В основе всего, конечно же, были розы.

К стыду своему, должна сказать, что не имею представления, как они называются, но он точно использовал несколько видов красных, алых, розовых, карминовых и бордовых роз. Они отличались размерами, формой и количеством лепестков. Оттенки отдельных бутонов сливались, сплетались в единой расплывающейся, сочной и насыщенной жизнью красно-алой гамме.

Некоторые бутоны почти лежали, а некоторые, словно нехотя, приподнимались на своих тонких стеблях.

Присмотревшись, я поняла, что закрепленные на проволочном каркасе розы представляли собой образ своеобразной короны. У меня против воли вырвался

восторженный вздох. Но Демид, конечно же, этого не услышал.

«Корону» из роз дополняли вкрапления ягод ежевики, шелковицы, черники и совсем немного малины. Демид Хазин покрыл их обычным лаком для волос.

Помимо этого, в сложную цветочную композицию он добавил несколько более простых цветов — бутоны фиалок и герани. Обрамляли всю эту красоту три ряда остроконечных зеленых листьев.

Я была поражена, наблюдая за тем, как его бледные пальцы прямо у меня на глазах ловко мастерят настоящее чудо флористической мысли.

— Каким бы гениальным творцом искусства ты мог бы стать... — прошептала я.

При этом я ощутила всю тяжесть поразившего меня горького разочарования и сожаления.

Но Демид ещё не закончил удивлять меня. После того, как он закончил с цветами, он достал серую коробку из картона, снял крышку и извлек на свет миниатюрные глиняные фигурки. Они были окрашены в белые и золотые цвета. Это были фигурки цветов, фей и сатиров. И пусть феи выглядели немного гротескными и чуточку уродливыми, это их ни капельки не портило! Но зато его работа приобрела некую ауру волшебства и интригующей таинственности. Да, его работа была прекрасна без преувеличений.

Я простояла рядом с ним ещё около сорока минут, пока, наконец, он завершил свое творение. Когда Демид, в конце концов, был удовлетворён качеством работы, он поместил своё творение в специальную, подарочную коробку и с предвкушением во взгляде завернул в красивую упаковочную обёртку, перевязал лентой. У него не сразу получился бант. Но в итоге он все же завязал пышный, пусть и кривоватый, бант. Окончив, он откинулся спиной на стул, устало вздохнул, глядя на упакованный подарок.

Я видела, что он волнуется. Переживания и страхи очень явно выражались на его лице. Я вспомнила девочку, которую он зверски зарезал в зарослях роз.

Интересно, тогда он тоже волновался?

Он откинул со лба свои длинные, темно-русые волосы, снова шумно, продолжительно вздохнул. Затем поднялся со стула, взял коробку с подарком.

Перед тем, как выйти из класса, он остановился у двери и посмотрел на себя в зеркало. Судя по унылому выражению лица, собственный вид ему не нравился.

Он считал себя некрасивым, неприятным и не... недостойным, наверное. Набравшись смелости, он вышел из класса.

Длинный коридор был пуст и погружен в легкий серовато-голубой сумрак.

Демид с осторожностью прошел по коридору. Мне показалось, он намеренно старается идти осторожно, тихо. Словно опасается, что его может услышать кто-то, кто представляет для него серьезнейшую опасность.

Впрочем, возможно, я недалеко от истины. Я вспомнила того крепкого, полноватого парня с рыжеватыми, кучерявыми волосами, который хотел отнять часы Демиды.

Сын Марии Хазиной поднялся по лестнице. Здесь был почти такой же коридор, как и внизу, с той только разницей, что стены были не серо-голубыми, а розовато-белыми. Как я поняла, здесь жили девочки.

Одна из дверей комнат приоткрылась. В коридор выскочили две девочки лет пятнадцати. Они направились навстречу Демиду. Тот нервно сглотнул, быстро опустил взгляд.

— Эй, Хазин! — крикнула ему одна из девочек в белой футболке с зайцами. — Что у

тебя в коробке? Случайно не порнушка?

Они захохотали. Их смех скачущим эхом разлетелся по коридору.

Демид остановился, обернулся им вслед. Он несколько секунд прожигал девчонок ненавидящим взглядом.

— С**и, — выдохнул он. — Грязные с**и!

Его лицо слегка покрылось розоватыми пятнами, а на лбу выступили крохотные капельки испарины. Он прошел мимо закрытых дверей. Из-за них доносились разные голоса, женские выкрики, смех, визг, монотонный говор и иногда ругательства. Демид остановился возле одной из дверей и занёс руку, чтобы постучать, но внезапно оттуда раздался громогласный хор мужского смеха. Хазин вздрогнул, отшатнулся, словно его толкнули в грудь. Несколько раз глупо моргнул глазами, на лице его застыла растерянность.

Дверь комнаты перед ним внезапно открылась. Демид затаил дыхание и застыл. На пороге над ним возвышался тот самый кучерявый, хамоватый громила, что желал отобрать у него отцовские часы. И судя по тому, что часов у Демида на руке не было, кучерявый все-таки своего добился.

— И кто это тут у нас? — протянул здоровяк с издёвкой.

Он спрятал руки в карманах своих шорт, оглянулся.

— Эй, пацаны, глядите. Чмошник явился. А чё у тебя коробке?

Подошедшие сзади парни в количестве четырёх человек вышли в коридор и обступили Демида.

— Опять во всякое с**нью вырядился, — глумливо бросил один из них, долговязый и с широким жабьим ртом.

Они беспощадно засмеялись. Демид снова нервно, тяжело слотнул, исподлобья оглядел смеющихся парней.

На мгновение мне стало его жаль.

— Дай-ка сюда... — кучерявый здоровяк протянул руки к коробке в руках Демида.

Я увидела сверкнувшие на его левом запястье часы Демида. Хазин прижал коробку к груди, отступил назад, но его тут же толкнули в спину. Он качнулся вперед, споткнулся. Стоявший слева коренастый парнишка с неприятным взглядом тёмных глаз ловко выхватил у него коробку. А кучерявый громила кулаком ударил Демида в живот.

Я вздрогнула, на мгновение закрыла глаза.

Демид скрючился, присел, морщась от боли.

— Что это за х**ня такая? — коренастый вертел в руках коробку.

— Дай сюда! — кучерявый забрал у него коробку.

Двумя резкими движениями он сорвал с неё ленту, бросил на пол. Демид смотрел на него, скаля зубы и щуря слезящиеся глаза.

— Ух ты ё*ана... — воскликнул кучерявый здоровяк и достал из коробки композицию Демида. — И чё это? А? Чмошник?

Парни вокруг Демида со злой издёвкой загоготали.

— Чё это за п**арство? Кому ты это нёс, урод? Ты чё? Место своё забыл?!

Демид в ответ лишь процедил.

— Отдай!

— Отдать?.. — переспросил кучерявый. — Да на!

Он подбросил шикарную композицию Демида в воздух и ударил коленом. Корона из цветов рухнула на пол, глиняные фигурки разлетелись в стороны, разбились на куски.

— На, забирай! — кучерявый с ожесточением и ухмылкой на лице беспощадно растоптал композицию из роз, которую так старательно создавал Демид. — Забирай!..

Кучерявый здоровяк хохотнул и чуть наклонился вперед.

— И чего мы не плачем, чмошник? А? Че ты вылупился-то на меня?

Хазин не выдержал. Подскочил и с диким рычанием рванулся к кучерявому.

Тот не успел среагировать. Демид левой рукой вцепился в ворот его рубашки, а правой кулаком ударил точно в нос. Здоровяк пошатнулся, его группа поддержки растерялась. Демид ударил второй раз, его кулак обагрила кровь.

Кучерявый оттолкнул его. Кровь заливала его лицо, губы и подбородок, капала на одежду.

Долговязый парень с широкими губами ударил Демиду в спину. Тот вскрикнул и упал. Стоявший рядом черноволосый парень со смуглым лицом ударил его ногой в живот.

Я вскрикнула.

В коридоре начали открываться двери. Из комнат выглядывали любопытные и испуганные лица девчонок. Иногда рядом с ними стояли парни.

А из комнаты, откуда появились кучерявый огр, со своими прихлебателями, появилась она. Та сама девочка с глазами-солнцами. Она робко прислонилась к двери, её широко открытые от ужаса глаза смотрели на Демиду. Тот на мгновение встретился с ней взглядом.

Тут на него с громкими, грязными ругательствами налетел кучерявый громила.

Он ударил Демиду ногой в живот, затем ещё раз.

— Миша стой! Не надо! Не бей его! — девушка с золотисто-кариими глазами бросилась к кучерявому, вцепилась в рукав его рубашки. — Оставь его! Не надо!

— Отвали! — рыкнул тот и оттолкнул её.

Девушка упала на пол. К ней подбежали две девочки, присели рядом.

— Аня... — простонал Демид влажным от крови ртом.

Багровая кровь густо заливала его лицо, на него сыпались удары. Его нещадно пинали и били четверо парней. Он слабо стонал, вскрикивал, закрывал ребра и живот руками. Его тело сотрясалось от пинков.

— Миша прекрати! — со слезами кричала Аня. — Стой!

Она с трудом поднялась. На пару мгновений парни перестали бить Хазина.

Михаил схватил Демиду за волосы, приподнял с пола. Тот безвольно, потеряв силы, изможденный и окровавленный повис в его руках. Взгляд его был туманным, как будто сонным. Миша обернулся на плачущую Аню.

— Тебе жалко это дерьмо? Серьёзно?!

— Что бы ты сдох... — сплюнув кровью выдавил Демид.

Михаил медленно оглянулся на него, зло ощерился и, резко вскинув колено, остервенело ударил Демиду в лицо.

— Нет! — вскричала Аня с ужасом и слезами.

Я, не в силах вынести этого, отшатнулась, прижала руки ко рту. Я была поражена жестокостью этих детей. Да что с ними не так, Господи!! Почему они такие?! Откуда в них столько ненависти и злости?! Откуда... Откуда столько жажды чужого унижения?! Откуда столько... откуда столько дерьма! Я готова была прокричать это прямо здесь, в коридоре, в лицо этим воспоминаниям.

Они не останавливались. Все пятеро мальчишек с гримасами злости били, топтали Демиду Хазина.

— Остановитесь... — прошептала я. — Пожалуйста... Господи... Перестаньте! Перестаньте! Стойте! Стойте, чёрт бы вас всех побрал! Уроды! Оставьте его! Стойте! Я давно забыла, что это воспоминания. Я должна была быть равнодушной, хотя бы потому, что это уже давно случилось, это произошло. И это все прошедшее время... И все мои крики были бесполезны. Эти люди лишь воспоминания, нематериальные, несуществующие в сущем. Их нет. Они уже случились. Они уже пережиты. Но я не могла перестать кричать.

Они били его. Боже, с какой злостью, с каким кровожадным рвением они наносили ему удары. Они как будто даже соревновались друг с другом!

Воспоминание прервалось очередной вспышкой света. Чувствуя слёзы на глазах, дрожа от пережитого шока, я с удивлением обнаружила, что нахожусь на улице. Я огляделась. Что это за место?

Уже смеркалось, и вдоль улиц зажглись фонари. Ветер зашелестел в ветках деревьев. Вьющиеся облачка пыли, лениво перекатывались через перекресток.

Ветер пригоршнями подкидывал на асфальте хвойные иголки и опавшие лепестки. Такие же хвоинки и лепестки усеяли крыши и капоты стоящих возле домов автомобилей.

Я растерянно огляделась по сторонам. По противоположной стороне улицы неспешным шагом шел мужчина в белой футболке и красной бейсболке. В руках он нёс коробку с изображением мускулистого строителя, орудующего бензопилой. Чуть дальше две женщины, переговариваясь, неспешно прогуливались. Они катили перед собой бело-голубую коляску с бантиками и цветочками.

Позади меня внезапно и громко гавкнула собака. Я чуть вздрогнула, обернулась. Прямо на меня шла полноватая, седеющая женщина в спортивном костюме, на поводке она вела добермана с шипастым ошейником. А за её спиной я увидела его. Это был Демид. Только, кажется, прошло несколько лет.

Он изменился, вырос, окреп и остриг волосы. Его челюсть покрывала редкая ещё совсем юношеская щетина.

Я с подозрением чуть сузила глаза, затем торопливо приблизилась к нему.

Он не видел меня, как и остальные прохожие на лице. Он стоял и глазел в окно двухэтажного дома с голубым сайдингом и темно-серой крышей. На нём была светло-синяя рубашка в бледную клетку и потёртые джинсы. На ногах белели изношенные кроссовки.

Я подошла ближе. Демид держал в руках коробку, и она тоже была перевязана подарочной лентой. Глядя на его лицо, я заметила у него на лбу и на подбородке несколько покрасневших прыщиков. Такие же я нередко видела у своих сверстников и одноклассников. Хотя никогда не понимала, почему им так трудно ухаживать за своей кожей.

Разглядывая лицо Демида, я с удивлением обнаружила, что оно было нечетким, незапоминающимся. Казалось, черты его лица незаметно меняются при каждом движении. Я такое уже видела и знала, что это бывает, когда тот, в чьем воспоминании я сейчас пребываю, пытается это воспоминание стереть из своей памяти. А я сейчас, очевидно, вижу воспоминание Демида. Хм. Почему он хотел забыть сегодняшнее воспоминание? В предыдущих эпизодах такого не было.

Я довольно хорошо и отчетливо видела лицо Демида, когда ему было лет четырнадцать. А сейчас не могла точно запомнить и потом воспроизвести его лицо, чтобы описать или нарисовать. Это обстоятельство вызывало у меня досаду. Чтоб его!

Демид потоптался на месте, оглянулся по сторонам и ринулся к голубому дому.

Однако стоило ему подойти на пару шагов к калитке ворот, как дверь дома открылась.

Демид тут же пугливо нырнул за изгородь вокруг голубого дома.

Прохожих вокруг в данный момент почти не было, и темнота наступала быстро.

Поэтому его странное поведение для всех осталось незамеченным.

Из голубого дома вышла его возлюбленная Аня. Она очень похорошела, вытянулась, подросла, превратилась в настоящую красавицу! Только сейчас она выглядела ещё более нежной и женственной. Но следом за ней из голубого дома вышел очень рослый и плотного телосложения парень. У него было широкое лицо, мощная челюсть, раскаченные плечи, руки и грудь. И всё те же светлые, кучерявые волосы. Михаил. Тот самый. Они с Аней помахали руками в открытую дверь дома. Затем Михаил обнял Анну, и они неспешной походкой направились по цементной дорожке к калитке ворот.

Демид, тихо пригнувшись, обежал забор, притаился справа, между заборами двух домов и оттуда наблюдал, как Аня и Миша вышли со двора голубого дома и, о чём-то переговариваясь, пошли по улице. Демид видел, как Миша обнимал девушку за талию. А та сама льнула к нему и то и дело звонко хихикала. Лицо Хазина потемнело. Он, поджав губы, исподлобья наблюдал за ними. Он пожирал глазами Аню. В его взгляде было желание, жажда, злоба и уничтожающая, кровожадная ненависть. Это был тот самый лихорадочный, ожесточенный взгляд убийцы... взгляд зверя.

Я догадывалась, что случится дальше.

Но перед этим Демид швырнул свою коробку на землю и занёс над ней ногу... Но затем передумал, вдруг странно всхлипнул и обессиленно упал на колени.

Несколько мгновений он дрожал в беззвучных рыданиях. А затем поспешно, торопливо и нетерпеливо распутал бант, скинул ленту с коробки и открыл её.

Из его груди вырвался вздох восхищения. В коробке была ещё одна цветочная композиция. Он с маниакальным трепетом дрожащей рукой коснулся лепестков роз, любовно провел по ним пальцем.

— Вы не виноваты... — проговорил он тихо. — Нет, нет, нет... Вы не при чём... Вы... Вы слишком прекрасны... Вы самое прекрасное, что есть в этом мире...

Его губы странно дрогнули, он улыбнулся.

Его улыбка удивила меня. Я не догадывалась, что он способен улыбаться кому-то с такой искренней, почти отеческой любовью во взгляде.

— Вы самое дорогое, что у меня есть... — прошептал он и подняв взгляд, посмотрел в пустоту. — Я больше никого не могу так же любить... Никто больше не достоин такой же любви...

С этими словами он наклонился к флористической композиции и бережно, едва касаясь пальцами бутона одной из роз, прильнул губами к её лепесткам.

Я стояла в том переулке и смотрела на него со смесью ужаса и сожаления. В том переулке, именно в тот злополучный вечер Демид Хазин окончательно умер, исчез, растворился. А вместо него появился... Романтик.

Вспышка света поглотила это воспоминание и вышвырнула меня в следующее.

Сначала было очень темно, но постепенно мои глаза привыкли к густому, плотному полумраку. Я стояла посреди просторной гостиной на первом этаже и наблюдала за тем, как он входит в дом.

Чернеющая темнота затмевала всё и на улице, и в доме. Через приоткрытые жалюзи решетка из полос света от уличного фонаря рассекала мебель, стол, ковёр и книжный шкаф гостиной. В комнате пахло горелым деревом из остывающего камина. А так же витал

слабеющий фруктовый аромат.

Я огляделась. Дышала я тихо, меня сковывало опасливое ощущение и нарастающее предчувствие чего-то неотвратимого и кошмарного. Как часто я стала испытывать это ощущение...

В открывшуюся дверь почти бесшумно проскользнул темный силуэт. Я, затаившись, внимательно и пристально наблюдала за ним. Я знала, что это Демид, более того, я знала, зачем он пришел. Вернее, за кем... Он прикрыл за собой дверь, снял с головы капюшон толстовки и устремил взгляд на лестницу.

Его глаза зловеще сверкнули в полумраке мистическими, холодными бликами.

Бесстрастный, решительный взгляд убийцы. Он прошел на середину гостиной, остановился, прислушался.

Сверху по ступеням вниз ниспадали приглушенные звуки голосов — женский и мужской, точнее девичий и юношеский. Девушка то и дело посмеивалась. Я слышала, как парень басовито что-то ворковал ей.

Демид шумно засопел. Я как будто ощутила исходящие от него плотные, удушающие и густые волны гнетущих эмоций ненависти и злобы. Этот исторгаемый Демидом стусток эманаций походил на невидимое, неосязаемое облако душного, горячего пара. Это облако наваливалось, накрывало и поглощало. Мне стало трудно дышать. Тяжелеющее осознание того, что сейчас случится страшное, и что я могу только наблюдать происходящее, удручало и вгоняло в безнадежную депрессию.

Демид медленно, стараясь не издавать ни звука, поднялся по узкой, застеленной ковром лестнице. Оказавшись на втором этаже, он взглянул на фотографии, висевшие на стене. Я увидела на них Аню и Михаила. Оказывается, с момента предыдущего воспоминания, уже прошло где-то года полтора-два.

Михаил заметно преобразился, возмужал и отрастил небольшую бороду.

Аня же почти не изменилась, оставшись всё той же красивой, милой девчонкой. На фотографиях, кроме всего прочего, был снимок со свадьбы.

Я оглянулась на Демида, он смотрел на этот снимок. Он, не отводя взгляда, заморожено глядел на Аню и Мишу.

Они оба застыли с улыбками на лицах. Михаил держал невесту на руках. За спиной стоял свадебный лимузин. Под этой фоткой ещё были снимки пары на берегу моря, в отеле, за рулем кабриолета и даже на палубе шикарного лайнера. На других фотографиях, висевших рядом, я не без удивления заметила фотографии Михаила на боксёрском ринге! Что ж, кажется, парень взялся за ум, и, судя по фоткам с наградными поясами, явно добился успехов в своём спорте. Теперь понятно, откуда у него деньги на дом, на машину и свадебное путешествие.

Демид прошел дальше. Он и я увидели вырезки из газет, которые в рамках, под стеклом, висели на стенах рядом с семейными фотографиями.

Мда. Все-таки Михаил не слишком изменился по характеру. Остался заносчивым, самодовольным и, главное, тщеславным. Впрочем, последнее я не могу отнести к минусам, поскольку отчасти сама страдаю этим «недугом».

Разумеется, в пределах фигурного катания.

На вырезках из газет и спортивных журналов Михаил позировал с поясами титулов, кубками и медалями. Вырезки из газет гласили о его сенсационных победах.

«Михаил Трегубов уничтожил своего английского соперника»

«Русский Носорог растоптал итальянскую кобру!»

«Трегубов — фаворит встречи в Чикаго!»

«Роберт Фокс требует реванша за поражение от Михаила Трегубова! Состоится ли повторная встреча?» И дальше в том же духе.

Демид внезапно глухо зарычал, ринулся к газетным вырезкам и в припадке ярости сорвал их со стены. Я пугливо отступила назад. Пластиковые рамки с грохотом посыпались на пол, жалобно зазвенело стекло. Демид неистово взревел нечеловеческим голосом.

Я услышала испуганный крик Ани, затем быстрый топот ног. В конце коридора распахнулась дверь, и в прямоугольник света на полу выскочил Михаил с битой в руках. Он с рёвом бросился на Демиду, с разбегу перескочил груды разбитых рам на полу и ринулся на него. Тот, к моему удивлению, ловко увернулся, отпрыгнул. Бита в руках Михаила рассекла воздух, опустилась сверху. Демид двигался быстро, ловко и даже отчасти грациозно.

В коридор выскочила Аня, замерла на пороге комнаты, зажав рот, прижалась к дверному косяку.

— Тварь! — вскричал Трегубов, размахивая битой.

Он никак не мог попасть по Демиду. Тот, наконец, перехватил его руку, ловко ушёл вправо, в его руке сверкнул массивный нож. Короткий взмах, и Михаил, вздрогнув, замер, несколько раз медленно моргнул глазами. Его губы и горло дернулись, дрогнули, как будто он собирался закашлять и подавился. Его пальцы разжались, бита со стуком упала на пол, откатилась к стене. А Михаил с искренним непониманием прижал руки к животу. Между его пальцев обильно хлынула кровь. Аня дико закричала, упала на колени, зарыдала от ужаса.

Михаил рухнул набок, тщетно зажимая рану пальцами, он поджал ноги и затрясся в судорогах.

— Миша! — истошно, срывающимся голосом прокричала Аня. — Господи! Нет! Миша! Нет! Нет...

Она поднялась, спотыкаясь, бросилась к истекающему кровью мужу. Демид обернулся. Аня увидела его лицо и застыла, вздрогнула, попятилась.

— Ты... ты... — прошептала она.

— Я, — уронил он и двинулся на неё.

Она снова отступила.

— За что?..

— Ты предала меня, — проговорил угрюмо.

— Я не... — Аня всхлипнула. — Не надо... Демид... Пожалуйста, не надо...

Он подошел ближе.

— Я любил тебя, — проговорил он и тяжело сплотнул. — Я бы целый мир к твоим ногам положил... А ты...

Он оскалил зубы.

— А ты предпочла мне этого ущербного истукана...

— Я не... Демид, я... Это всё не так...

Бледная, запуганная, она с ужасом смотрела на него молящим взглядом. Он ринулся к ней. Я вздрогнула, прижала руки ко рту. Хазин схватил её за волосы, она сдавленно вскрикнула. Он дёрнул её вниз, заставил упасть к своим ногам и навалился сверху.

— Демид, я... М-м-м...

Он зажал ей рот рукой и заставил полностью лечь на пол. Сам был сверху, удерживая её.

— Тс... — прошипел он, наклонившись к её лицу. — Не бойся, Аня, я не собираюсь тебя убивать, но я накажу тебя. Ты должна быть наказана.

Её глаза мгновенно округлились, она, кажется, даже перестала дышать.

— Только... не дергайся, — он с обманчивой лаской провёл кончиком ножа по её лицу.

Она замерла, глядя на него беспомощным, перепуганным взглядом.

Я видела, как дрожат её руки, я хотела помочь ей. Я стояла совсем рядом, но ничего не могла сделать! Ничего! С моих уст против воли срывалось судорожное дыхание, я крепко сжала кулаки, сцепила зубы, набрала воздуха в грудь. Страх от происходящего вибрировал внутри меня, сотрясал мое сознание и сердце.

— Вот так, — шепнул он и ухмыльнулся.

Он резко полоснул её ножом по лицу. Она замычала от боли, вздрогнула, попыталась освободиться от него, но Демид крепко прижимал, придавливал её к полу. Он с ожесточением надавил на лезвие и повернул его. Кровь из лопнувшей кожи хлынула на лицо Ани. Она стремительно и обильно растекалась по щеке и скуле, заливала нос, глаза и губы.

Я стояла, чувствуя подступающий от ног вверх по телу леденящий холод. Я не могла на это смотреть. Я зажмурилась, отвернулась и тихо заплакала. Я желала, чтобы это прекратилось, я больше не могла на это смотреть, не могла быть свидетелем происходящего кошмара. Боже! Пожалуйста! Не надо! Хватит! Не надо! Я, зажмурившись и отвернувшись плакала и мысленно молилась, но все равно слышала лихорадочный шепот Демиды и его злые насмешки, слышала сдавленный, слабый вой и надрывное, пронзительное мычание Ани.

Вспышка света, точно взрыв звезды в глубоком космосе... Я подхватила на кровати и закричала в непроницаемую темноту, заполнявшую мой номер.

Осознав, что нахожусь в реальности, я быстро зажала себе рот обеими ладонями, испуганно вжала голову в плечи. В теле от плеч до рук и от шеи до колен пружинисто пульсировали нервные судороги. Лицо горело, на разгоряченной коже чувствовалась испарина.

За стеной в соседнем номере кто-то протяжно и долго выругался.

— Простите, — прошептала я сдавленно.

Я откинула простыню, которой укрывалась, слезла с кровати. Аккуратно ступая подошла к стене, включила свет. Опираясь на стену ладонями, я добралась до ванной. Меня всё ещё сотрясала безумная дрожь. Тело, по ощущениям, словно резко перетягивали из стороны в сторону, подобно канату. Я закрылась в ванной, хромая, подошла к умывальнику, упёрлась в него ладонями, он был холодный. Я посмотрела на себя в зеркало. Мои светлые, взъерошенные со сна волосы рассыпались по плечам, свисали на лицо. Я смахнула упавшие на лицо пряди, включила тёплую воду, сложила ладони ковшиком и умылась. Тёплая вода подействовала, как успокоительное, чуть-чуть щипало в глазах, но это быстро прошло.

Я снова посмотрела на себя. Выглядела я не очень — блеклая, бледная, перепуганная и истощенная. Влажные ресницы усугубляли впечатление измождения.

В дверь номера деликатно постучали. Я обернулась, отошла от раковины, выглянула из ванной. Стук повторился.

— Кто там? — спросила я.

— Девушка, это администратор отеля. У вас всё в порядке?

— Да. Всё... всё хорошо, — ответила я и пошла было обратно в ванную, но админ сдаваться не собирался.

— Простите, вы не могли бы открыть мне?

— Зачем? — не поняла я.

— Мне хотелось бы лично убедиться, что вы в безопасности.

— Послушайте, — вздохнула я устало. — У меня всё в порядке. Честное слово...

— Девушка, руководство отеля дало на ваш счёт особые указания. Пожалуйста...

— В чём дело? Чё ты ломишься?

Это был голос Арцеулова.

— Простите, господин старший лейтенант, но из этого номера слышали крик.

— Крик? — переспросил Сеня.

Я возвела глаза к потолку. Сеня тяжело постучал в дверь.

— Ника, открывай, — велел Арцеулов.

Ну понятно!.. Тут бесполезно отнекиваться. Сеня упёртый и упрямый, как табун горных туров, родившихся под созвездием Козерога!

— Сейчас! Мне надо одеться.

Я вернулась к постели, нашла резинку, завязала волосы в хвост, затем начала надевать джинсы.

— Ника! Открой дверь!

Я, чертыхаясь себе под нос, оделась и прошла обратно к двери номера.

Открыла замки и распахнула дверь. Передо мной стоял Сеня в красной мешковатой футболке с эмблемой ЦСКА. Рядом с ним высокий и стройный, как звезда балета администратор в изумрудном пиджаке с позолоченным гербом отеля на нагрудном кармане слева. А за ними, ещё позевывая, с всклокоченными волосами стояло несколько постояльцев отеля и с любопытством поглядывали в мою сторону.

— Добрый вечер, — поздоровался администратор с дежурной дурацкой улыбкой.

— Скорее, доброе утро, — вздохнула я.

— Ника, сказали, что ты кричала, — проговорил Сеня.

Я взглянула на него и посторонилась.

— Заходи.

Сеня, не задавая вопросов, прошел в мой номер. Администратор было двинулся за ним, но я вежливо его остановила.

— Я прошу прощения, что кричала. Мне приснился кошмар, но я обещаю, что больше такого не повторится. Спасибо.

Не дав администратору ответить, я закрыла перед ним дверь. Закрыв замок двери, я обернулась к Арцеулову. Тот кивнул мне.

— Что случилось?

— У него была девушка, в которую он был влюблен, — ответила я.

Сеня, пряча руки в карманах джинсов, сдвинув густые брови, задумчиво смотрел на меня. Глаза его чуть сузились.

— Она... Я так понимаю, ты увидела, как Романтик её убил? — спросил Сеня.

Я качнула головой.

— Только её мужа. Он, как и эта девушка, судя по всему, жили в одном детдоме с Демидом Хазиным.

— Что за детдом, ты смогла узнать?

— Нет. Сень, эту девушку нужно найти, и как можно быстрее. Я не знаю её фамилии, но думаю, в детдоме, где жил Демид, можно найти информацию о ней.

— Ты же не знаешь, что это был за детдом... — со свойственной ему непосредственностью заметил Арцеулов.

— Значит, нужно узнать! — меня захлёстывало волнение от возможности выйти на прямой след Романтика, приблизиться к нему. — Возможно, Ипполит Збруев, если он жив, сможет что-то рассказать о дальнейшей судьбе Демида Хазина.

— Стас его ещё не нашел...

— Значит, нужно торопиться!

— Почему? Ты думаешь, что...

— Я думаю, что эта девушка Аня, которую любил Романтик, возможно единственная, кто могла видеть его лицо и остаться в живых! — я выпалила это предложение на едином выдохе.

До сегодняшнего момента мы располагали только тем детским снимком Демида Хазина. И отчасти я видела его подростковое обличье, но это было давно, ему там и шестнадцати нет! А лицо взрослого Демида Хазина мы не видели и не знали, как он выглядит. А в этом воспоминании я не могла точно увидеть и запомнить его лицо, потому что это событие Хазин почему-то пытался забыть. А вот эта девушка, если она жива, могла нам описать внешность уже повзрослевшего Демида. И это был шанс.

— Почему ты уверена, что она жива? — поразмыслив, спросил Сеня.

— Потому что не видела, как она умерла, — ответила я.

— Это не доказывает...

— Я знаю, знаю, знаю! — нетерпеливо и бестактно перебив Сеню, я взволнованно запищала и замахала руками. — Я в курсе! Но если каким-то чудом ей удалось, Сеня... Мы можем постараться найти её. Она видела его, а значит, сможет описать...

— Ника, ты тогда его тоже должна была видеть.

— Да... — вздохнула я. — Я его видела... ребенком, потом подростком и в последнем видении уже совершеннолетним юношей...

Сеня мгновенно оживился.

— Ника, так ведь...

— Но мои видения не позволили мне разглядеть его детально и внимательно. Понимаешь? Его лицо... Оно... Оно все время было неточным, расплывчатым...

Я на мгновение задумалась.

— Он как будто с усилием пытается забыть всё это... И потом, сначала там были сумерки, а позже, вообще, темно и всё происходило очень быстро... А потом...

Я судорожно вздохнула, отвела взор.

— Потом я не могла больше смотреть на... происходящее.

Сеня понимающе кивнул.

— Понимаю...

Я лишь грустно усмехнулась. Это вряд ли, подумала я, но вслух добавила:

— Если эта девушка жива, она может дать более точное описание Романтика. А также, возможно, обладает какими-то сведениями относительно его жизни после детдома! Возможно... Чёрт возьми, я не знаю! Но, как минимум, она сталкивалась с ним лицом к лицу! А я могу о нём рассказать не так и много! И вообще, Сень, он мог свою внешность менять, а она может что-то знать... Может, даже что-то личное, может быть, какие-то приметы, которые мы упустили...

— Мы знаем, что у него клеймо на руке, но это пока не слишком нам помогло, —

заметил Сеня.

— Знаю, — сокрушенно вздохнула я. — Но это не то... Такую приметку можно обычным пластырем залепить или как-то загрировать.

— Возможно, он так и поступил, — кивнул Сеня.

— Даже не сомневаюсь, — ответила я, качнув головой.

Я ещё тогда, когда увидела то выжженное клеймо на запястье Романтика, подумала, что при желании он мог бы достаточно легко его скрыть.

Следующие пару часов я рассказывала Сене об увиденном, а он строчил сообщения Стасу и задавал мне редкие вопросы. В эту ночь я больше не спала. Сеня, за что я ему была очень благодарна, остался со мной до самого утра. Мы смотрели телик, и даже поугарали над одним идиотским шоу.

Когда рассвело, я настояла, чтобы Сеня позвонил Стасу. Он набрал его, но Корнилов несколько раз сбрасывал вызов. Сеня сдался после восьмого звонка и сообщения Стаса: «Я не могу говорить. Сообщение видел. Займусь позже.»

— А что за сообщение? — любопытствовала я.

— Стас вчера звонил мне, он прислал мне фотки какого-то нарисованного ковбоя и сказал, чтобы я поискал вывески и билборды...

Арцеулов пожал широкими плечами.

— Я нашел несколько таких в Москве и отправил ему, но он мне так ничего и не ответил пока, кроме вот этого SMS.

Я поняла, что речь идёт о моем рисунке с ковбоем из воспоминаний Романтика.

— Ты можешь съездить без него, — заметила я.

— Не могу, — Сеня расплылся в извиняющейся улыбке. — Увы, но я обязан тебя сторожить.

— Сень, — я чуть склонила голову к плечу. — Стас наверняка не может говорить или куда-то ехать, потому что в данный момент у него происходит трудный разговор с женой.

— Ты-то откуда знаешь? — криво усмехнулся Арсений.

— Можно было догадаться, — я пожала плечами. — Что ещё его может отвлечь от работы?

Я многозначительно посмотрела на Арцеулова. Тот ответил мне задумчивым взглядом. Я видела, что внутри у него сейчас происходит серьёзная борьба между обязанностью выполнять приказ Стаса и желанием проверить информацию с билбордами, которая может привести к месту проживания Романтика.

— Сеня, — с нажимом проговорила я.

Он снова посмотрел на меня. Я видела, насколько сильны его метания. Чаша весов между двумя решениями клонилась в одну сторону...

— Сеня, время играет против нас, — напомнила я.

— Ладно! — воскликнул он громогласно. — Хрен с ним... Смотаюсь. Но...

Он поднял указательный палец правой руки и указал на меня.

— Ты сидишь здесь. И никуда не выходишь за пределы номера...

— Конечно, хорошо, — с готовностью заверила я его. — Только...

— Внизу сидят четверо парней из наших, двоих я попрошу подняться к тебе.

— Ладно, — я пожала плечами.

— Вот и отлично.

— Может, хоть одного возьмёшь с собой? — я пожала плечами. — Не думаю, что

Романтик рискнёт нападать на троих полицейских...

— Мы не знаем, на что он способен, Ника. — вздохнул Сеня.

Да. Тут он был прав.

— Ладно, но будь, пожалуйста, осторожен, — попросила я.

В ответ Арцеулов довольно улыбнулся.

— Так мило, что ты волнуешься обо мне.

— Ой, Сеня... — я поморщилась. — Езжай, пожалуйста.

Он издал короткий, довольный смешок и направился к двери, у порога обернулся.

— Только ты же помнишь...

— Что? — чуть настороженно спросила я.

— Никуда из номера не выходить, на звонки незнакомых номеров не отвечать... ну и так далее. Чего ты улыбаешься?

— Так мило, что ты волнуешься обо мне, — я с кокетливой улыбкой склонила голову к плечу.

Арцеулов фыркнул, усмехнулся и, покачав головой, открыл дверь. Когда он ушёл, я взяла телефон и написала Корнилову: «Перезвони, пожалуйста, как только сможешь. Это важно. Надеюсь, у вас всё образуется». Я отложила телефон, прижала руки ко рту и вздохнула. Я сосредоточилась на увиденном во сне воспоминании и попыталась вспомнить лицо Романтика. С неприятным для себя удивлением обнаружила, что не могу толком назвать ни одной заметной черты. Я даже пробовала накидать его примерный портрет в блокноте. Чёрта с два! Выходили какие-то совершенно обычные лица, каких миллионы в толпе!

В расстройстве я отложила блокнот.

Я была убеждена, что нужно найти эту Аню, фамилию которой я так и не узнала, и поговорить с ней, если она ещё жива. Почему я думаю, что она всё-таки смогла избежать смерти от рук Романтика? Честно... Не знаю. Но во мне укоренилось стойкое и необъяснимое убеждение, что она жива.

В дверь номера постучали. Я оглянулась на дверь, встала с кровати, осторожно ступая, подошла к двери.

— Да? Кто там?

— Вероника, это администратор отеля. У нас тут посетитель к вам...

Посетитель? Какой ещё посетитель? Я с подозрением нахмурила брови. Какой ещё посетитель? Кто это может быть? Мелькнула мысль о Беатрисе Константиновне, но это вряд ли... Кто там ещё может быть? Федя что ли меня нашёл? В одно мгновение по телу прошла парализующая волна ужасающей догадки, что это мог быть дядя Сигизмунд, но я тут же отбросила эту мысль, как несостоятельную. Нет, дядя Сигизмунд любит Японию с её культурой саке, японскую еду, японских женщин и просто обожает японские тачки (в чем я с ним полностью солидарна). Так что у него аж три веских причины не спешить обратно даже ради меня. Я открыла дверь администратору.

— Добрый день, — поздоровалась я

Он кивнул мне и тут же снова улыбнулся той механической, отработанной улыбкой.

— Вероника, внизу в фойе ждёт мужчина. Он представился, как Борис Зорин. Утверждает, что у него к вам серьёзный разговор.

Я замешкалась в недоумении.

— Что ж... ладно. А вы не могли бы попросить его подняться сюда?

— Я бы с радостью, — кивнул администратор. — Но четверо полицейских, что

отвечают за вашу безопасность, этому категорически воспротивились. А вот, кстати, и они...

Он взглянул в сторону. Я выглянула из номера и увидела четырёх мужчин, боевитого и даже чуточку угрожающего вида. Все четверо — крепкие, среднего роста, со спокойными, обманчиво равнодушными лицами. У одного, одетого в светлые брюки и синюю майку, на губах блуждает чуть насмешливая улыбка, как будто его забавляет всё происходящее.

— Добрый день, — произнёс один из них, когда они подошли ко мне.

— Добрый, — осторожно произнесла я, обводя их всех изучающим взглядом.

— Я капитан Лаптев, это старшие лейтенанты Комаров, Громов и Корнев. По поручению майора Корнилова мы должны осуществлять вашу охрану.

— З-здорово, — чуть заикаясь ответила я.

— Старший лейтенант Арцеулов сказал, что будет лучше, если мы будем находиться у вас в номере.

— Сеня... То есть, старший лейтенант Арцеулов, говорил только о двоих, — заметила я.

— Девушка, — сказал светловолосый мужчина в синей футболке (кажется Корнев?). — Уверяю, мы вас не потесним.

Я вздохнула. Ну понятно, Сеня решил перестраховаться. Ладно, фиг с ним, может оно и к лучшему.

— Хорошо, но с человеком, который ко мне пришёл, мне нужно переговорить.

Капитан Лаптев недовольно вздохнул, прокашлялся и кивнул.

— Мы будем присутствовать.

— Как вам угодно, — ответила я.

Спорить было бессмысленно.

Борис Зорин явился через несколько минут. Меня терзало неумемное любопытство по поводу причины его прихода. С чего это он вдруг? Я очень волновалась за его дочку, Ирку. Может, что-то случилось? Но... Чем же я, в таком случае, могу помочь? Хотя, может, и могу... Знать бы, чем...

Он зашёл в мой номер. Сперва, увидев, кроме меня, ещё четырёх мужчин, он замер на пороге.

— Добрый день, — поздоровалась я и добродушно улыбнулась. — Проходите.

Зорин неуверенно зашел, закрыл за собой дверь.

— Добрый день, — ответил он медленно. — Мм... Вероника...

Но тут ему навстречу поднялся капитан Лаптев.

— Капитан Лаптев, — представился он и показал удостоверение. — Извините, вынужден вас обыскать.

— Конечно, — растерянно моргнув глазами, произнёс Лаптев и поднял руки.

После того, как Лаптев его обыскал, Зорин подошел к моей кровати.

Он был слегка обескуражен.

— Я прошу прощения за дискомфорт, который вам пришлось испытать, — искренне произнесла я, видя его неловкость. — Присаживайтесь.

— Ничего... — он кивнул, задержал взгляд на моих забинтованных ногах.

Я стыдливо накрыла их краешком одеяла. Зорин поднял на меня взгляд.

— Простите... я просто... слышал, что у вас очень серьёзные раны...

— Не очень, — мягко усмехнулась я. — Вполне терпимо.

Зорин понимающе кивнул, он знал, что я говорю неправду.

— Вероника... я пришел поблагодарить вас, ведь тогда так и не удалось...

— Поблагодарить? — удивилась я. — Борис, вы могли спросить у капитана Домбровского мой номер, я бы ни капли не расстроилась, если бы вы поблагодарили меня по телефону. Хотя...

Я чуть пожала плечами и смущенно пробормотала.

— Это совсем не обязательно.

— Обязательно, — Зорин чуть сдвинул брови и утвердительно кивнул.

Он открыл сумку, с которой пришел, и извлёк оттуда плотный конверт. Краем глаза я успела заметить, как старший лейтенант Корнев плавно убрал руку с рукояти пистолета в кобуре. Перехватив мой взгляд, он игриво подмигнул мне.

— Вот... — Борис вздохнул. — Это вам, Вероника...

— Борис, — я отстранилась и категорично замотала головой. — Я не могу это взять, вы что! Я не буду. Простите, но вы не должны...

Я не знала, как объяснить этому мужчине, что он ничего, совсем ничего, абсолютно ничего не должен мне за спасение своей дочери. Я просто оказалась рядом, я всего лишь... всего лишь поступила, как человек... ничего такого... Я не хотела опошлять обычный человеческий поступок денежно-товарными отношениями, которые в таком смысле искренне презираю.

— Вероника, вы...

— Нет, нет, нет! — я взволнованно затараторила, выставив ладони вперед. — Борис не нужно! Пожалуйста, я... мне это не нужно...

Последние четыре слова я произнесла слегка испуганно и бессильно, с волнением глядя на него.

— Вероника, — Борис прижал конверт к груди. — Послушайте пожалуйста... Это... Я ведь... Я ведь вам по гроб обязан... Подождите, пожалуйста, не перебивайте.

Он вздохнул.

— Вы же...

Он поджал губы, и тут я увидела, как в глазах этого мужчины дрогнули влажные блики слёз.

— Вы же мне дочь от верной гибели спасли..

Он сделал трудный глоток. Неожиданно его лицо дрогнуло, черты исказились. Оно приобрело страдальческое выражение.

— Я потерял женщину, которую любил больше жизни. Я потерял мать, которая жизнь на меня положила... на двух работах пахала, когда я в детстве болел, а отец нас бросил... Я...

Он снова тяжело сглотнул, выдохнул, облизнул губы.

Я с сожалением и горьким сочувствием смотрела на него, не смея прервать его.

— И я знаю, что только благодаря вам... — он помял конверт в руках. — Только вы избавили меня от... необходимости вместе с матерью и женой хоронить ещё и дочь.

Он замолчал. Я увидела, как сидящие вокруг полицейские опустили взгляды.

Корнев даже быстро-быстро заморгал ресницами. Лаптев украдкой тяжело вздохнул. У них тоже есть жены, есть матери и, возможно, есть дочери.

— Я прошу вас, Вероника... — Зорин положил конверт на кровать. — Хотите, можете отдать кому-то... я уверен, вы найдете, кому... Но я не могу по-другому выразить свою благодарность, да и это лишь толика того, чего вы заслуживаете...

— Борис, вы... — я качнула головой, чувствуя, как у меня горит лицо и печет глаза от

подступающих слёз.

— Я просто оставлю, — попросил он глядя мне в глаза. — А вы... вы делайте, что хотите. Спасибо.

Он встал с кровати, неловко, дерганными движениями поправил сумку.

— До свидания... спасибо ещё раз.

— Хорошего дня, — попрощалась я.

Борис Зорин ушел, оставив в задумчивом и грустном смятении не только меня, но и всех четверых полицейских.

В конверте, который принёс Зорин, оказались деньги. Но это не было неожиданностью. Другое дело, что там была такая значительная сумма, что я едва не бросилась за Борисом вдогонку, чтобы вернуть ему конверт с купюрами. Единственное, что меня остановило, это то, что быстро бежать я не могла, а ноги до сих пор всё ещё болели. Но, если быть до конца честной, то было ещё кое-что. Я подумала... Мне ужасно стыдно за эту мысль, но она с каждой секундой одолевала меня всё сильнее.

Эти деньги... Я ведь могла бы... Я могла бы купить на них новую гитару для Леры. А учитывая сумму, хватило бы ещё и на новую «голову» — усилитель, о котором Лера тоже много раз упоминала.

Подумав, я набрала номер Беатрисы Константиновны. Только что мне в руки попал реальный шанс восстановить мир в семье Логиновых, помирить Леру с её отчимом, вернуть покой её матери.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 20 июня

— Ты же понимаешь, что так больше продолжаться не может.

От этих слов Риты в груди Стаса зародилось и разрослось неприятное, высасывающее воздух чувство. Оно вызывало ощущение болезненного стягивания и сжимания в области солнечного сплетения. Стасу вдруг отчаянно захотелось бросить всё к чертям собачьим, взять семью (а может и Нику) и махнуть куда-нибудь отдохнуть. Может, даже в Италию, куда он уже год обещал свозить Риту и Алину. Можно использовать деньги, что он копил на учёбу для Алины и на подарок для неё, который собирался подарить после выпуска.

— Стас? — Рита не дала Корнилову окунуться в мечтания.

— Да? — ответил он, глядя в стол.

— Что мы будем делать?

— А какие варианты ты можешь предложить?

— То есть, это я должна искать варианты?! — повысила голос Рита.

— Рита...

— Нет, подожди, — Рита решительно вскинула ладони и запальчиво воскликнула. — Ты подвергаешь опасности нашу дочь! Тебя постоянно нет дома! Мы две долбаные недели сидели без возможности пользоваться раковиной на кухне!

— Рита...

— Ты совсем не участвуешь в жизни своей дочери, в прошлом году ты пропустил её день рождения!

— Я уже извинился за это!

— И что?! — вскричала Рита. — Ты думаешь, Алина это забыла? Ты пропустил так же её новогодний концерт в школе! А она там была звездой! В самом центре внимания! И самое главное, ты бы даже и не вспомнил об этом, если бы я тебе не напомнила несколько раз за

неделю! Тебе же на всё нас**ть, Стас! Ты...

Она нервно, агрессивно всплеснула руками, растопырив пальцы, вскинула голову, глядя куда-то вверх.

— Ты носишься за своими маньяками, убийцами, грабителями... Ты их ненавидишь, я знаю, но ты... Твою мать, Стас, ты же им времени уделяешь больше, чем родной дочери!!! Ты... Ты фактически всю свою жизнь им посвящаешь! Ты двадцать часов в сутки посвящаешь отборным подонкам, извращенцам и конченным, больным ублюдкам!

Она опустила руки, перевела дыхание и обессиленно покачала головой.

— Но что для тебя твоя дочь, Корнилов?

Рита едко, насмешливо и зло улыбнулась.

— Алина переживёт, в следующий раз я буду рядом, это работа, я обязан, я должен бла-бла-бла... и так далее. Вот какие мысли посещают твою дурную голову, Корнилов.

Стас не отвечал. Поигрывая зажигалкой, он смотрел на стол. В его кармане дрогнул мобильник. Он достал его, прочитал сообщение от Ящера, Арсения и от Ники.

— Убери телефон, когда я с тобой говорю! — сложив руки на груди потребовала Рита.

— Мне надо ехать, — Стас поднялся из-за стола.

— Корнилов, ты никуда не поедешь, пока мы не закончим...

— Знаешь, — он обернулся у двери кухни. — Мне кажется, тебе совсем не нужен собеседник, поорать ты можешь и на стены.

— Пошёл ты! — выкрикнула Рита и схватила со стола чашку.

Стас поймал брошенную посуду и поставил на стол. Раскрасневшаяся от злости Рита, тяжело дыша, свирепо глядела на него.

— Поговорим, когда я вернусь, — тихо и спокойно ответил Стас.

Её крик настиг его, когда он уже выходил из квартиры.

— Можешь, вообще, не возвращаться!

Она добавила ещё несколько ругательств. Стас только скрипнул зубами, но отвечать, разумеется, не стал. Неожиданно скрипнула дверь комнаты Алины.

Стас оглянулся. Дочка смотрела на него большими, такими же, как у него, серебристо-серыми, лучистыми глазами.

— Папа... — жалобно и тонко произнесла Алина. — Ты... Ты опять уезжаешь?..

Дочка робко вышла вперёд.

— Вы опять поссорились?

Стас нашел в себе силы ободряюще улыбнуться ей.

— Нет-нет, Оленёнок, ты что, конечно, нет... Просто...

Он подыскал подходящее слово.

— Просто у нас с мамой иногда случаются... разногласия...

Алина кивнула, опустила взгляд.

— Папа...

— Алинка, я должен ехать.

— Я знаю, только...

— Что?

— Пожалуйста, обязательно возвращайся. Хорошо? Не слушай маму, она тебя любит, и я тоже...

— Я знаю, — улыбнулся Стас. — Я вас тоже люблю.

Голос его дрогнул, чуть исказился. Алинка мило, грустно улыбнулась, кивнула.

— Удачи, папа.

— Спасибо, оленёнок.

Он вышел из квартиры. Совесть шептала в уши гадости, услышанные от Риты слова угнетали душу. Корнилов спустился во двор, открыл машину, сел за руль, но ему понадобилось несколько секунд, чтобы вернуть себе душевное равновесие. После чего он повернул ключ в замке зажигания. По дороге он набрал Ящера.

— Наконец-то! — воскликнул в трубку Яша. — Я уж думал, ты забил на всё и свалил на хрен в отпуск.

— Нет, — хмыкнул Стас. — Я...

— Ну и дурак, — беззлобно бросил Ящер. — Ты видел мои сообщения?

— Да. Ты уверен в результатах?

— На все двести процентов.

— Хорошо. А сузить круг поиска никак нельзя?

— Стас, там всего четыре адреса, которые подходят под описание рисунка Ники.

— Это много Яша. Если полиция вломится не туда, Романтик узнает и заляжет на дно.

— Понимаю. Но Романтик мог видеть из окна то, что нарисовала Ника, как раз проживая по всем этим четырём адресам.

Стас скривил губы.

— Дерьмово. Но придётся рисковать. Коля рядом?

— Да.

— Дай его.

— Держи, — услышал Стас.

— Здорово, Стас, — раздался голос Коли. — По фоткам Яны Долгобродовой мы, если честно, ничего так и не нашли, только намёки...

— К чёрту фотографии, — ответил Стас. — Мне нужно, чтобы вы с Сеней проверили адреса и, если обнаружите там Романтика, провели задержание.

— Что значит, мы с Сеней? — спросил Коля. — А ты?

Стас вздохнул.

— У меня вчера был милый разговор с представителями ГУСБ.

Домбровский на секунду замолчал.

— И чем всё закончилось? — настороженно спросил он.

— У меня временно забрали удостоверение и оружие.

Николай не сдержал поток ругательств в сторону работников ГУСБ. Стас не стал рассказывать, что ему ещё предъявили обвинение в хищении цветов Фабиана Арманда.

— Аспирин уже знает?

— Да. Коля, нет времени, бери Сеню, он должен был в интернете погуглить билборды и вывески с одним рекламным персонажем.

— Да, он вчера скинул мне их. Я правильно понимаю, что нам прежде всего нужны те адреса, где совпадает вид из окна Романтика и есть рядом билборд с этим ковбоем?

— Да. Но прежде всего ориентируйтесь на местность, соответствующую виду из окна, даже если самого билборда нет рядом. Ника не знает, где точно он видел этого ковбоя.

— Понял тебя, — сказал Николай. — Сеня мне только что звонил, он... Стас, ты только не злись...

— Говори.

Домбровский прокашлялся, говорить ему явно не хотелось.

— Сеня уехал, он оставил с Никой четырёх офицеров из наших, а сам уехал...

— Куда? — быстро спросил Стас, чувствуя нарастающую тревогу и раздражение.

Порывистость и чрезмерная импульсивность Арцеулова иногда бесили его.

Коля замялся, но всё-таки ответил.

— Он решил установить наблюдение на тех улицах, где есть билборды печенья Кабальеро Сэм.

Стас выругался.

— И за кем он там собрался следить?

— За людьми, похожими на Демида Хазина по внешности, комплекции и силуэту, который нарисовала Ника, — со вздохом ответил Коля.

— Замечательно, — проворчал Стас.

Со стороны Арцеулова это была глупость. Если Романтик заметит слежку, он забьется в какую-нибудь щель или решит, вообще, смыться из города. Зароется где-нибудь в российской глуши, и, не имея точных данных о его внешности на текущее время, они его могут годами искать. Можно, конечно, будет попытаться составить портрет на основании свидетельств Ники и старой фотографии, но вряд ли это принесет хоть какую-то пользу. Романтику сейчас двадцать три. Он мог отрастить волосы, бороду, покрасить волосы или ту же бороду, носить цветные линзы, парик, усы или вовсе сделать пластическую операцию.

— Наверное, мне лучше отозвать Сеню? — неуверенно предложил Коля.

— Нет, подожди, — Стас перестроился в другой ряд, поближе к повороту впереди.

— Нет, — повторил он. — Людей не дёргайте, пусть уже сидят и смотрят. Но ты сопоставь факты и прикинь, какой из четырех вариантов, предложенных Яшей, наиболее вероятный, в котором из них может укрываться Романтик.

— Понял тебя, — вздохнул Коля.

— Пока я не при делах, официально ты за старшего, — сказал Стас. — Но если до вас докопаются кретины из ГУСБ, вали все на меня. Понял?

— Стас, я...

— Коля, ты понял?

— Да, — вынужденно ответил Домбровский. — Понял. Ты будешь огребать за мои и Сенины ошибки.

Стас чуть усмехнулся обиженному и недовольному голосу Коли. У Домбровского, на самом деле, в отдельных случаях гораздо более обостренное чувство справедливости, чем даже у Арцеулова.

— Это входит в список моих служебных обязанностей. Давай. Держи меня в курсе. Я сметаюсь по адресу, где должны жить Збруевы.

— Хорошо. Только... Стас, будь аккуратен.

— Как получится. Давай.

Стас дал отбой, отбросил телефон на сиденье рядом. Волнующие, тревожные предположения, точно стая мрачных, чёрных ворон, врывались в сознание и сеяли неуверенность, переживания, тревогу. Стас очень надеялся, что Домбровский и Арцеулов не наломают дров. Больше всего он боялся не ответственности за возможный провал операции, а за то, что Хазин и, вправду, может ускользнуть. И тогда всё придется начинать сначала. А самое главное — ему придётся просить Нику о помощи, хотя это-то как раз наименьшая проблема. Стас даже не сомневался, что Ника с готовностью согласится.

Он не сдержал блаженной, доброй улыбки, вспоминая о синеглазой девчонке.

Новогеоргиевскую улицу тридцать два Стас нашел не сразу, поскольку нумерация домов в данном районе была не совсем логичной. Каким-то чудом дом с чётным числом затесался в ряды домов с нечётными.

Припарковаться было негде, Стасу пришлось оставить машину в соседнем дворе. Он не знал квартиру Збруевых. Зато её знали люди во дворе. И когда Стас показал им своё старое (ещё капитанское) удостоверение, они с готовностью указали номер квартиры Збруевых.

Когда Стас позвонил в черную, бронированную дверь указанной квартиры и в ответ на вопрос хозяйки представился офицером УГРО, ему открыла среднего роста женщина с темными волосами до плеч. Она была облачена в желтую, порядком поношенную футболку, обрезанные шорты и цветастый фартук. У неё были по-детски большие, круглые глаза цвета летнего неба, очень длинные, словно нарисованные, ресницы и выражение лица озабоченно-взволнованное, доброе. Такое лицо часто бывает у людей от природы добродушных и отзывчивых.

— А что случилось? — с некоторой грустной инфантильностью спросила женщина.

— Простите, — произнёс Стас. — Мне нужен Ипполит Збруев. Он здесь проживает?

Выражение лица женщины изменилось, она как-то странно вздохнула и несколько раз быстро кивнула.

— Да... проходите.

Стас прошел в квартиру.

— Мащ, а ты мой лифон не видела? — раздалось из глубины квартиры.

— Это я его взяла!

— Жанна! Овца, отдавай! — Ещё чего! Он мне под эти трусы подходит...

— Да пошла ты на хрен...

— Девочки! — покраснев прикрикнула женщина в фартуке. — У нас... гости. Пожалуйста, потише.

Обернувшись на Стаса, она смущенно прошептала:

— Простите. Они очень взволнованы. У них сегодня свидание у всех трех... так уж вышло...

— У трех? — переспросил Стас слегка удивленно. — Это ваши дочери?

Девушки, прикрываясь одеждой в руках, по очереди выглянули из своих комнат.

— Нет, нет, — улыбнулась женщина и потупила взор. — У меня нет детей... Это племянницы, дочери моего брата... Ипполита.

Стасу показалось, что сестра Збруева говорит с тщательно скрываемой и болезненной грустью в голосе. Она опустила взгляд и пробормотала.

— Пойдемте, я провожу вас к нему. Только...

Она замешкалась, украдкой взглянула на Стаса.

— Только мой брат может быть... грубым, особенно с вами.

— Со мной?

— С полицией, — вздохнула женщина и скупно улыбнулась. — Он вас не любит.

Это было странно, но не очень удивительно, особенно если Збруева за что-то уволили из органов.

Женщина представилась Александрой Збруевой и провела Стаса в одну из комнат. Квартира у Збруевых оказалась большой, просторной, с четырьмя комнатами. В одну из них, самую дальнюю, Александра Збруева провела Стаса.

Она остановилась перед закрытой дверью, робко постучала.

Стас тем временем услышал приглушенное перешептывание у себя за спиной и медленно обернулся. Выглядывающие из комнат девчонки тут же спрятались. Стас услышал их довольные, игривые смешки.

— Ипполит... — произнесла Александра. — Можно к тебе?

— Чего тебе? — голос, донесшийся из комнаты, был похож на скрежет проржавевшего металла.

— Ипполит... к тебе пришли... — несмело ответила Александра.

— И кого там принесло?! — не скрывая злого пренебрежения спросил Збруев.

— Позвольте, — деликатно, но уверенно произнёс Стас.

Александра посторонилась. Стас открыл дверь, и его взору предстала погруженная в полумрак комната с зашторенными окнами. С правой стороны находилась кровать с неряшливо скомканной постелью. Перед кроватью стоял на столике старый проигрыватель. Возле него почти идеально ровные стопки пластинок. По левую сторону возвышался шкаф, заклеенный стикерами и постерами на разную тематику. За шкафом от пола до потолка вытянулась шведская стенка. Но, судя по тому, что на её перекладинах висело несколько вещей, она давно не использовалась по назначению. За спортивным снаряжением стоял ещё один стол, за которым сидел мужчина с осунувшимся, заросшим светлой щетиной лицом. Его жирные, спутанные волосы были завязаны в хвост.

На нём была мешковатая, мятая сине-серая рубашка и джинсы. На столе перед ним стоял открытый ноутбук, рядом бутылка пива и полуочищенная вяленая рыба. В комнате ощущался густой, стойкий рыбно-пивной запах.

Стас заметил еще несколько бутылок внизу под столом. Они должны были бы мешать любому человеку, сидящему за этим столом, потому что там некуда было поставить ноги. Вот только у Ипполита Збруева ног не было.

И вместо привычного кресла, он восседал в обычной инвалидной коляске.

Пока Стас изучал взглядом Збруева, тот в свою очередь, осматривал Стаса. И он безошибочно узнал род деятельности Стаса.

— Полиция? — озлобленно ухмыльнулся он.

— Да, — не стал отрицать очевидное Стас.

— По делу? — едко спросил Збруев.

— Конечно, — не стал отрицать Стас.

Пару секунд Збруев смотрел на него с презрительной улыбкой, а затем кивнул.

— Саша, оставь нас.

— Хорошо, — кротко ответила женщина и тихо прикрыла за собой дверь.

Стас остался наедине с Ипполитом Збруевым. Корнилов решил представиться и достал удостоверение.

— Капитан Корнилов...

— Да мне на**ть, — пожал плечами Ипполит. — Чем обязан?

Стас был привычен к такому тону в общении с людьми. В особенности с теми, у кого есть повод злиться на МВД и другие органы.

— Как скажете, — Стас сохранял ледяной беспристрастный тон. — Меня интересует ваше прошлое, господин Збруев.

— Моё прошлое? — левый уголок рта Ипполита потянулся в сторону, обнажая пожелтевшие зубы в кривой усмешке.

— В частности, меня интересуют обстоятельства гибели Марии Хазиной и судьба её

сына, Демида Хазина.

Ипполит перестал усмехаться. Он смотрел на Стаса со странным выражением лица, не то опасливо и настороженно, не то недоверчиво и агрессивно.

— Какое вам дело до Марии и Демида? — неприязненно спросил он.

— Такое, что это может иметь отношение к следствию, — ответил Стас.

— К какому ещё следствию? — презрительно бросил Ипполит.

В этот миг из глубины квартиры разнеслась громкая, ритмичная музыка, а затем раздался агрессивный речитатив басовитого и заносчивого голоса.

— Детали вас не касаются, — без грубости, равнодушно ответил Стас.

Он не хотел даже поверхностно посвящать Збруева в то, чем занимается.

Ипполиту это знать совершенно ни к чему.

— Не касаются, значит? — он фыркнул и, взяв бутылку с пивом, вольготно откинулся на спинку инвалидного кресла. — Может, хоть скажете, что случилось? Вы ведь не можете не знать...

Музыка начала звучать громче, от ритмичных битов, казалось, вздрагивали стены.

— Твою мать! — вскричал Збруев. — Саша!!! Скажи этим коровам, чтобы вырубili на хрен свою гребаную музыку!!! Иначе расх**чу к х**м их компьютеры!!!

Через несколько секунд музыка стихла. Стас услышал недовольные голоса девушек. Збруев хмыкнул, отпил из бутылки, затем шумно отрыгнул.

— Чего вам нужно знать? — спросил он.

Стас сдержанно ответил:

— Известны ли вам обстоятельства гибели Марии.

— Её убили.

— Вам известно, кто?

Какое-то время Ипполит с вызывающим, злым пренебрежением разглядывал Стаса.

— Ты пришел поиздеваться, капитан?

— Почему вы так решили?

— Потому что ты не можешь не знать, что...

Он осёкся. Выражение его лица и взгляд изменились, уголки губ и скулы чуть дрогнули. В его глазах промелькнуло чувство отравляющей горечи.

И Стас мгновенно всё понял.

— Это вы её убили.

Он не спрашивал. Збруев ответил не сразу.

— Да, — голос его чуть сипел.

— За что?

— За что?! — прошипел Ипполит и ожег Стаса свирепым взглядом. — За что?! Я... Я её любил! Любил эту с**у больше жизни! Понимаешь?! Любил!!! Я... Я бы не посмел... Я...

И тут он опустил взгляд, голова его упала на грудь, плечи вздрогнули. Он тяжело, со свистом, словно астматик в приступе, втянул ртом воздух.

— Я не хотел этого делать. Она бросилась на меня в драку... А я... Я её просто оттолкнул...

— Просто оттолкнул? — отозвался эхом Стас.

— Да, — прорычал Ипполит и, вскинув голову, уставился на Стаса прожигающим, яростным взглядом.

Стас не сразу ответил, он смотрел в глаза Ипполита. Глаза, по убеждению Корнилова,

наравне с незначительными жестами, тембром голоса, малозаметными неврозамии, привычками и прочими мелочами, могут сказать гораздо больше, чем слова. Слова могут лгать, а человек и его тело нет.

Про большинство психопатов в связи с этим говорят, «что они знают слова, но не знаю мелодию». Говорят правильные вещи, которые от них хотят услышать, но не с теми эмоциями, не с тем выражением, с другими взглядами... Это их часто выдаёт. И Корнилову это известно не понаслышке.

Но Збруев говорил сейчас искренне, с настоящей злой, досадливой, терзающей душу болью.

— Почему она бросилась на вас в драку? — спросил он.

Ипполит снова отпил пиво.

— Я заставил её мужа подать на развод.

— И Марии это не понравилось

— Просто взбесилась, — фыркнул Ипполит. — Не могу взять в толк, почему она топталась вокруг него...

Он качнул головой, лицо его приобрело ожесточенное выражение.

— Он же её не ставил ни во что, бил регулярно... Чёрт их поймёт этих баб.

Тут он кивнул на правую руку Стаса, где поблескивало обручальное кольцо.

— Ты вот свою хоть раз бил? — спросил Ипполит.

— Нет, — ровным голосом ответил Стас. — И в мыслях не было.

— Вот и я тоже, — хмыкнул Збруев и качнул головой. — А этот... Как Маша что сделает не по его, сразу кулаки распускал... И главное, капитан, ты не понимаешь! Она же... Она же каждый раз ко мне плакать прибегала! Каждый раз! И...

Он досадливо махнул рукой.

— И каждый раз она потом к нему возвращалась.

Он негодуя дёрнул головой.

— Как загнипнотизированная какая-то... Чтоб её...

— А как вам удалось избежать наказания за убийство Марии?

Вместо ответа Ипполит вздохнул, отставил на стол бутылку и расстегнул спортивную куртку, в которой сидел.

— Вот как...

На левом плече Ипполита Збруева темнела самодельная, набитая явно в антисанитарных условиях, зловещая татуировка. Насколько Стас мог судить, согласно своим познанием в тюремных наколках, эту набивают убийцам и отсидевшим «десятку».

— Я своё уже отсидел... — проговорил он с вызывающей претензией в голосе. — Понял? Начальник...

Последнее слово он произнёс кривляясь, со злой издёвкой. Стас лишь слегка поджал губы. В какой-то мере ему было даже жаль опустившегося, побитого жизнью коллегу из полиции. В какой-то незначительной мере.

— А что с пацаном? — спросил Корнилов.

Ипполит дёрнул плечами.

— Я хотел его сперва к себе забрать... Ну что ты вылупился, капитан? Что мне надо было его с этим Хазиным оставлять? Он его хлестал ремнем по любому поводу. Ты не видел спину мальчишки, когда он ко мне попал...

Стас не перебивал его.

— У меня прожил... два года. Но...

Ипполит прикусил зубами нижнюю губу и с задумчивым взглядом покивал головой.

— Не прижился он у меня, капитан, отдал я его.

Он посмотрел в глаза Корнилова. В его глазах промелькнуло сожаление, но это была жалость не к сыну Марии, а к себе за то, что не смог искупить вину перед самим собой. Жалость к себе и злость на Демида.

— В каком он жил детдоме? — спросил Стас.

— Сто двенадцатый, это в Ясенево.

— Зачем так далеко? — спросил Корнилов, записывая данные.

— Для спокойствия, — осклабился Збруев. — Мне хотелось, чтобы он был как можно дальше от меня... Но так, чтобы я мог навещать его.

— Ты же его ненавидишь.

Стасу казалось это очевидным.

— Нет. Скорее меня раздражает сам факт его существования.

— Почему?

— Почему? — хмыкнул Збруев. — Потому что, если бы не этот маленький поганец, Мария уже бы давно была со мной, и всего, что случилось...

Он поперхнулся, закашлялся и тут же глотнул пиво. Выдохнул.

— Всего бы этого просто не было, — процедил он с пламенной яростью.

Стас пристально посмотрел на него, на его глаза, оскаленные зубы, судорожно застывшие мышцы лица и рук, сжимающих подлокотники инвалидной коляски.

— Что случилось с твоими ногами?

— А вот это не твоё дело, — рыкнул Збруев. — Всё, капитан. Я ответил на вопросы, теперь проваливай. Хочешь задавать новые вопросы, гони официальный вызов на допрос.

С этими словами Ипполит отвернулся к экрану ноутбука и запустил поставленный на паузу фильм. Стасу нечем было крыть. Возможности вызвать Збруева на официальный допрос у него не было.

Он вышел из комнаты Ипполита, в коридоре его ждала Александра.

Женщина выглядела встревоженной и расстроенной.

— Как он? — спросила она заботливо. — Вы не слишком его разозлили? Ему нельзя нервничать...

— Он в порядке, — заверил её Стас.

В коридоре он увидел одну из дочерей Збруева. У неё были пшеничного цвета волосы, такие же, как у Ипполита. Она была одета в короткое летнее платье и босоножки на каблуке. Просто, скромно и изящно. Девушка слегка напомнила Стасу Нику. Корнилов чуть улыбнулся.

Девушка, расчесывая перед зеркалом волосы, оглянулась на подходящего Стаса.

— Уже уходите? — кокетливо спросила она и улыбнулась.

— Да, — коротко ответил Стас.

— Жаль, — таинственно, с игривым лукавством проговорила она.

Корнилов счёл за лучшее не продолжать этот ненужный диалог. Он подошел к входной двери и хотел было открыть замок, как раздался пронзительный звонок в дверь.

— Блин! — вскричала девушка за спиной Стаса и бросилась к двери.

Встав перед ним, она, привстав на цыпочки, заглянула в глазок, обернулась на Стаса и быстро прошептала:

— Как я выгляжу?

— Потрясающе, — проговорил Стас с полуулыбкой.

Она просияла, довольно усмехнулась и повернувшись к двери быстро открыла оба замка.

— Привет!

— Привет, зая! — дочка Ипполита повисла на шее у вошедшего в квартиру парня.

Стас чуть нахмурил брови, этого юношу он где-то видел. Тот взглянул на Стаса, удивленно вскинул брови.

— А я вас помню, — вдруг сказал он. — Вы полицейский... Вы были у Арманда, когда мы с Надей приезжали снимать фильм про этого старикана. Так ведь?

— Да, — кивнул Стас. — Вы ещё просили подержать вашу камеру.

Парень кивнул с улыбкой.

— А что... — он оглянулся и по очереди посмотрел на девушку и на Стаса. — Что, у вас какие-то проблемы с полицией?

— Нет, — отмахнулась дочка Ипполита. — Это господин полицейский приходил к папе... И уже уходит.

Она обернулась, окинув Стаса многозначительным взглядом.

— Ухожу, — согласился Стас. — Но перед этим, молодой человек, разрешите взглянуть на вашу левую руку?

Вопрос заставил остолбенеть и дочку Ипполита, и юношу.

— Мою... левую руку? — переспросил в ответ тот. — Что ж...

— Слушайте, если у вас дела с отцом, то причем тут мой парень? — возмутилась дочка Збруева.

— Так нужно, — проговорил Стас, рассматривая ухажера дочери Ипполита.

Тот почему-то не нравился ему. Потому что... он почти идеально подходил по комплекции под описание Романтика. Равно, как подходили глаза и цвет волос, под внешность маленького Демиды Хазина. Конечно вряд ли судьба могла подсунуть ему такой приятный сюрприз, но... Почему бы и нет?

— Ладно, кис, пусть господин полицейский посмотрит, — юноша пожал плечами и неловким движением протянул Стасу свою левую руку. — Пожалуйста.

Корнилов взял её одной рукой, повернул запястьем вверх. Второй рукой внимательно и придирчиво ощупал. Дочка Ипполита, сложив руки на груди, стояла рядом и возмущенно взирала на Стаса. Корнилову было плевать, как это выглядит со стороны. Но запястье этого парня было в абсолютном порядке. И второе тоже.

— Ну? — с вызовом спросила девушка. — Всё? Вы успокоились?

— Как вас зовут? — не слушая её, спросил Корнилов.

Парень, явно волнуясь, открыл было рот, но вместо него ответила девушку.

— Виталий его зовут! — воскликнула она сердито.

Парень кивнул Стасу.

— Виталий Доронин. Я оператор на телеканале...

— А ваши родители?

— Мои родители? — молодой человек несколько раз моргнул глазами.

— Они живы? — спросил Стас.

— Д-да... — заикаясь, ответил парень. — Очень на это надеюсь.

— Давайте им позвоним, — предложил Стас, не отводя взгляда от лица парня.

— Слушайте, что вы здесь устроили?! — всерьез рассердилась девушка.

В коридоре появилась Александра Збруева.

— Что происходит? — протирая полотенцем тарелку, спросила сестра Ипполита.

— Ничего! — возмущенно и сердито воскликнула дочь Ипполита. — Просто господин полицейский страдает паранойей!

— Инга! — обеспокоенно и обескураженно проговорила Александра.

— Инга, я действую в интересах следствия, которое веду, — не отводя взгляда от лица Виталия, проговорил Стас. — И если я попрошу вашего молодого человека позвонить своим родителям, не думаю, что это сильно его затруднит. Не так ли?

Виталий несколько раз моргнул и быстро, трусовато кивнул.

— Конечно.

Он набрал на телефоне номер.

— Громкую включи, — сказал Стас.

Доронин послушно включил динамик. Саша подошла к ним, встала неподалеку. Все четверо прислушались к мерным, длинным гудкам дозвона.

— Да, сынок? — раздался женский голос.

— Привет, мам, — сказал Виталий. — Как дела?

— Всё хорошо, — ответила женщина. — А как у тебя?

— Всё в порядке.

— Хорошо. Ты поел?

— Да, мам, — Виталий заметно смутился и быстро проговорил. — Прости, я перезвоню тебе.

— Хорошо. Пока.

— Пока, — произнес Доронин и быстро нажал отбой.

Затем растерянно, с неуверенностью во взгляде, посмотрел на Стаса.

— Ну что? — язвительно спросила Инга. — Убедились, господин крутой полицейский? Всё?! Теперь, может быть, вы оставите нас в покое? — Инга! — снова, слегка испуганно проговорила Александра.

— Всё хорошо, Александра, — Стас посмотрел на Ингу, затем снова на Виталия.

У него закрадывались смутные сомнения на счёт того, что разговор у Виталия и его матери был какой-то... не такой, каким должен быть. Но Стас не мог объяснить толком, что его смущало. Впрочем, вполне возможно, что он слишком подозрителен. Во всяком случае, у этого молодого человека есть мать, и, скорее всего, есть и отец. И он это доказал. Это... не он. Не Демид Хазин. Стас внутренне даже выдохнул. Накатившее было напряжение медленно спадало.

— Всего доброго, — попрощался он с семьёй Збруевых.

— И вам того же, — грубо ответила Инга и закрыла за ним дверь.

Уже в машине Стас мысленно отругал себя за излишнюю подозрительность.

Если он так будет цепляться ко всем людям, его рано или поздно арестуют и, чего доброго, засунут в психушку. Стас усмехнулся. Станет тем, кого сам постоянно ловит, какая ирония.

Эпизод одиннадцатый

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 20 июня

— Я не знаю, как тебе это удалось, Роджеровна! — Логинова явно была вне себя от

счастья и удивления.

— Да я... я тут не при чем, Лер, — смущенно ответила я. — Просто... Тебя любят. И Беатриса Константиновна, и Антон. Вот и всё...

Лера в трубке вздохнула.

— Может, ты и права, — проговорила она задумчиво. — Но я до сих пор поверить не могу! Он взял и принёс мне гитару буквально сорок минут назад! Ты понимаешь?! Просто взял, принёс и отдал мне! Новенькую Gibson Standart Blood Orange!

— Она лучше, чем та, которая была у тебя? — улыбнулась я.

— Ещё бы! — восторженно выпалила Лерка. — Я о ней не то что не мечтала... Я даже не смела...

Я закрыла глаза, слушая её голос. Лерка буквально была на седьмом небе от переполнявшего её счастья. А я... я чувствовала себя, словно согретой после прогулки по холодной улице, под дождём и снегом.

— Я очень рада за тебя, — с чувством произнесла я. — Сыграешь мне потом что-то новое из своих песен?

— Без базара, — ответила Логинова.

— Лера! — послышался в трубке голос Беатрисы Константиновны. — За стол! Торт уже порезан!

— Слушай! — быстро затараторила Лерка. — Ты прости... У нас тут примирительный стол... в общем...

— Беги, — сказала я, тепло улыбаясь. — Не забудь сказать Антону приятный тост.

— О-о-о... — устало протянула Лерка. — Ладно. Придётся, наверное... Да иду я, иду Сейчас, мам... Всё, Роджеровна, мне реально пора...

— Пока, — попрощалась я.

— Пока.

Лерка отключилась, я убрала трубку от уха, посмотрела в зеркало ванной комнаты. На губах у меня блуждала безмятежная, счастливая улыбка. Я была рада, что Логинова помирилась с родителями. Не так много людей на этой планете, чьи проблемы я переживаю труднее, чем собственные. И я сейчас, зная, что в семье Логиновых почти восстановлена семейная идиллия (хотя бы относительная), чувствовала переполняющее меня блаженное умиротворение и смутное, необъяснимое и непередаваемое чувство уюта, уверенность, что всё будет хорошо. Обязательно и всенепреренно.

Я выключила воду в кране. Я включала её, чтобы полицейские в моём номере не слышали мой с Леркой разговор. Зато я сейчас услышала их.

— ...Да чё ты прицепился!

— А чего ты ей глазки строишь?

— Какое тебе дело?

— Корнев, ей четырнадцать! — Я помню... но через пару лет будет шестнадцать... Я умею быть терпеливым...

— Ты идиот что ли? Ты знаешь, что с тобой Корнилов сделает, если ты её...

Я поспешила выйти из ванной, нарочито громко открыв дверь. Я старалась держать себя в руках. Когда я вышла, взгляды всех четырех мужчин были направлены в разные стороны. Показательно и демонстративно.

— Всё в порядке? — поинтересовалась я невинным голосом.

— Да, — голос капитана Лаптева звучал настолько обыденно, что аж неестественно.

А старший лейтенант Корнев смотрел в окно, чуть вздёрнув подбородок.

— А твоя подруга... получила твой подарок? — спросил капитан Лаптев, явно пытаясь завязать разговор для отвлечения.

Между полицейскими чувствовала неловкая напряженность.

— Не мой, — поправила я с хитроватой улыбкой. — Отчима.

— Конечно, — с ударением и ухмылкой произнёс Лаптев. — А тебе не жалко?

— Чего? — вскинула я брови. — Денег?

— Ну... пойми меня правильно, но большинство людей оставили бы бабки себе... А ты...

— Не нужно меня хвалить или идеализировать мой поступок, — ответила я слегка холодно и строго. — Мне грустно от того, что вас это удивляет. Скоро люди начнут удивляться, когда беременной женщине кто-то уступит место в общественном транспорте. А перевести слепого через дорогу, вообще, станет подвигом.

От моих слов им явно стало не по себе.

— Слушай, — с толикой ехидства спросил Корнев. — Девочка, тебе точно четырнадцать?

— Да, — поправляя свою постель ответила я. — Могу паспорт показать.

— Да ладно, я верю...

— Я счастлива, — вздохнула я и взяла пульт управления от телевизора. — У кого-то есть предпочтения?

Я покачала пультом в руке. Полицейские переглянулись, некоторые ухмыльнулись.

— Главное, чтобы не Дом 2, — пошутил Корнев.

— А что, он ещё идёт? — удивилась я.

— Да, мне кажется, мы все сдохнем, а его всё будут по ящику показывать, — проговорил Корнев.

Они засмеялись, я тоже хихикнула. В итоге мы выбрали кое-какой фильм, то ли триллер, то ли детектив, не понятно.

Но чем там всё закончится, мне узнать сегодня было не суждено, потому что через минут пятнадцать явился Стас. Он был серьезен и задумчив. Он попросил меня о помощи, разумеется, я согласилась. Нужно было съездить с ним в детдом номер сто двенадцать. Именно там, по слова Ипполита Збруева, рос и жил до шестнадцати лет сын Марии Хазиной Стас по дороге рассказал мне о своём визите к Ипполиту.

— Он... Он убил Марию? — я была порядком шокирована. — За... За что?! Он же любил её... Зачем он...

— Нечаянно, — глядя на дорогу, пробубнил Стас.

Мне тяжело было это принять. Нечаянно...

— Ты ему веришь? — спросила я, глядя в окно автомобиля.

Корнилов неопределенно пожал плечами.

— Кажется, он, и правда, сожалеет о содеянном, но...

— Но что? — обернувшись, я внимательно посмотрела на Стаса.

Стас вздохнул.

— Знаешь, это как... — он помешкал, подбирая слова. — Это, как просмотр фильма или театра... Вроде, все натурально, но ты понимаешь, что это всё-таки игра и, вроде, всё нормально, так и должно быть, но...

— Короче, он реально огорчен её гибелью, — констатировала я. — Но ты... ты не

уверен, что он тебе рассказал всю правду?

— Да, — признался Стас. — Не могу объяснить, почему я так думаю.

— Может быть... — осторожно начала я. — Мне стоит с ним пообщаться?

Но Стас только скривился.

— Поверь, лучше не стоит, — сказал он. — А вот с Виталием Дорониным... возможно.

— А кто это?

— Один из ухажеров дочерей Ипполита.

— А что с ним с не так?

— У него цвет глаз, волос и комплекция подходят под описание Романтика, — ответил

Стас.

— Так, — кивнула я. — И почему ты его отпустил?

— У него есть родители. И... Ника, он не похож на убийцу.

— Это ещё не значит, что...

— Я знаю, — перебил меня Стас. — Но вёл себя... по-другому.

— Стас, — вздохнула я. — Ты же знаешь, такие, как он, невероятно ловкие обманщики

и прекрасные актёры!

— Да. И я уверяю тебя, я умею отличать их игру, — сухо зато ответил Стас.

Я внимательно посмотрела на него и, опустив взор, чуть скривила губы.

— Я не об этом говорила.

Я покачала головой и отвернулась к окну. Тут я почувствовала руку Стаса на своей руке и удивленно посмотрела на него.

— Извини, — попросил он, глядя мне в глаза. — Просто... Я не хотел быть грубым.

— Всё нормально, — кивнула я. — Я понимаю.

Это прозвучало со слишком прозрачным намёком, и Корнилов всё понял. Он настороженно взглянул на меня.

— Ты видела мои воспоминания? Видела мой разговор с Ритой?

— Пришлось, — хитровато улыбнулась я.

— И что ты думаешь? — помолчав, с улыбкой спросил Корнилов.

— Возможно, когда мы поймаем Романтика, тебе стоит взять отпуск...

— Ты считаешь?

— Уверена, — заявила я.

— Вот как? — Стас мечтательно улыбнулся, глядя на дорогу впереди.

Мы мчались по мосту через широко раскинувшуюся реку. Вода внизу выглядела так, словно в неё вылили тонны жидкого золота, и оно неспешно растекалось по поверхности. Над городом светлело ясное василькового цвета небо. На его фоне торчали коробки многоэтажек и перья остроконечных тополей вдали. Стас чуть надавил на педаль газа, мы поехали быстрее.

— И куда, думаешь, нам следует рвануть? — шутливо спросил Стас. — В Турцию?

— Ой, — я поморщилась. — Лучше уж подкопить, собрать и смотаться в Италию или на юг Франции, или в Испанию... Ну или в Грецию, на худой конец...

— Ты не признаешь курорты Ближнего Востока? — усмехнулся Стас.

— Я не признаю курорты, где есть риск сорванного отдыха, — немного чванливо и заносчиво ответила я.

— Турция к таким относится?

— Слетай — узнаешь. А! Помнишь, ты рассказывал, что в Египте всякие арабы к Рите

приставали?

— Да... — неуверенно протянул Стас.

— Тут всё будет хуже.

— Насколько? — подумав, спросил Стас.

— Думаю, ты не удержишься и кого-нибудь покалечишь, — вздохнув, ответила я.

— Ну, а в Европе нас в последнее время не слишком любят.

— Глупости, — скривилась я. — Лишь бы у тебя были деньги.

Стас фыркнул, согласно кивнул.

— Сама-то куда хочешь?

— Я? — я потянулась с мечтательной улыбкой. — В Аргентину и в Бразилию.

Стас присвистнул.

— Хочешь на карнавал?

— Не только, — пожалала я плечами. — Я бы ещё на Гавайи слетала...

— А вот это уже непатриотично, — заметил Стас.

— Летать в Турцию, вместо Крыма или Сочи, тоже не показатель любви к Родине.

Стас засмеялся громко и весело. Я тоже присоединилась к нему. Со стороны, наверное, казалось, что мы два идиота. Вроде, у нас серьёзное дело, вроде, мы ищем опасного серийного убийцу и, скорее всего, лично мне в скором времени предстоит увидеть кучу неприятных, страшных и отвратительных воспоминаний. Но мне тем более необходим был смех, радость и веселье, хотя бы чуть-чуть.

Впереди, упираясь в горизонт, тянулась дорога, чёрный капот внедорожника поглощал полотно асфальта. Я представляла, что меня ждёт в том детдоме. Пыталась представить. Мы приехали туда примерно минут через тридцать.

— Это детский дом? — удивленно спросила, когда мы еще подъезжали.

— По всей видимости, да, — чуть рассеянно отвечал Стас.

Он, похоже, тоже был впечатлен увиденным. Я, по правде, ожидала увидеть старое здание советской эпохи, обветшалое от времени и срочно требующее капитального ремонта. К сожалению, такой треш в России я уже наблюдала не раз. Но здание детского дома номер сто двенадцать по улице Вильнюсская выглядело очень даже презентабельно. Оно слегка напоминало Воспитательный дом Карла Бланка. Чувствовался яркий намёк на британский классицизм в архитектуре, только здание поменьше, и стиль не такой вычурный.

Это было Н-образной формы здание с широким центральным входом, над которым прямо на фронте красовались объемные буквы — Детский дом «Калейдоскоп». Возле высоких окон выступали белые, выпуклые пилястры.

Над окнами последнего этажа, на фасаде под треугольником крыши, красовались квадратные часы. В похожем на сквер дворе гуляли дети. Они разбились на шумные компании и пары. Некоторые предпочитали одиночество. Дети играли, бегали, читали на скамейках, что-то обсуждали.

Неподалеку несколько мальчишек лет, наверное, семи-восьми играли яркими машинками на радиоуправлении. Конечно, судя по виду машинок, игрушки были подержанными, но малыши были несказанно счастливы и преисполнены восторга.

Стас припарковался прямо у центрального входа. К нам немедленно подошел мужчина в пятнистой униформе с дубинкой на поясе. Он был в возрасте, но коренастый и очень широкий, чем немного смахивал на первобытного питекантропа. Стас вышел из автомобиля первым, показал ему удостоверение и что-то сказал. Я выбралась следом.

Дуновение теплого воздуха скользнуло по лицу. Ветерок был с влажным, горьковато-пресным привкусом. Время было далеко за полдень, и солнце изрядно припекало.

Охранник-питекантроп проводил нас внутрь здания детского дома. По пути к широким, почти помпезным ступеням главного входа я ловила на себе любопытные взгляды детей и персонала детдома. Один щуплый мужчина в массивных очках смотрел на меня пристально и неприязненно.

Мы вошли внутрь детского дома. Внутри, кстати, всё было довольно обычно, спартанская такая обстановка: высокие потолки, темно-зеленые стены, на окнах тяжелые, плотные бордовые портьеры. Двери почти везде двустворчатые, старые, деревянные, со стеклянными вставками. На полу серые ковры и немало вазонов с цветами или пальмами. Стены обильно украшали детские рисунки, некоторые очень неплохие, между прочим.

Что меня, кстати, приятно удивляло в русских, это, действительно, настоящее изобилие разных талантов. Начиная от пацанов во дворе, которые иной раз такое вытворяли с мячом, что только стоишь и смотришь, разинув рот, и заканчивая людьми с удивительными певучими голосами. Конечно, столько, сколько в России, я нигде раньше не жила, но в прежние времена я часто проводила летние каникулы во Франции, Испании и Италии, пару раз в Швеции и один раз в Штатах. И как-то подобного там не замечала, хотя, конечно, может быть, я просто не туда смотрела. Всё может быть.

Нас со Стасом проводили в кабинет директора детдома. Он находился в самом конце левого крыла, на втором этаже, почти в конце коридора. Интерьер в коридорах и увиденных мельком комнатах был довольно уютный и приятный. Но вместе с тем в нём чувствовалась некая гнетущая мрачность. Наверное, из-за сочетания темных оттенков зеленых стен, портьер на окнах и ковров. Она усугублялась необычайной тишиной в здании. То есть иногда слышались голоса, смешки, но, что меня удивило, никто не носился по коридорам, никто громко не разговаривал, не дурачился и не веселился, звуки доносились с улицы. И только сейчас, бросив взгляд в окно, я увидела, что настроение у детишек далеко не самое радужное. Оно и понятно, радоваться-то им особо нечему. В шестнадцать лет их выгонят из детдома, и они должны будут поступить в училища, техникумы, и, возможно, кому-то удастся попасть в хорошую школу-интернат. Это я о тех, кому не повезёт найти родителей. А таких, наверное, всё-таки большинство.

Охранник остановился перед дверью кабинета директора детдома и, указав на него рукой, проговорил несколько скомкано:

— Вам сюда. Директрису зовут Анжела Антоновна.

— Я вижу, — Стас кивнул на бронзовую табличку, украшавшую дверь из темного дерева.

Он подошел к двери и постучал гулко и властно, затем вошел внутрь. Я вошла следом, закрыла за нами дверь.

Анжела Антоновна оказалась черноволосой, худой, довольно высокой женщиной, с длинным горбатым носом и тонкими чёрными бровями.

Когда она говорила, они так странно двигались, что были похожи на лапки какого-то насекомого.

Она была одета в горчичный пиджак, брюки цвета бистр и чёрные туфли.

— Понятия не имею, чем мы могли заинтересовать уголовный розыск, — проговорила Анжела Антоновна низковатым меццо-сопрано.

Она почему-то волновалось, и это было заметно. У неё бегали глаза, она не знала, что делать с руками, а её улыбка, кажется, работала отдельно от всей лицевой мимики.

— Я вам подсказу, — Стас бесцеремонно сел в одно из обитых зеленым бархатом кресел и взглядом показал мне на второе.

Я послушно проковыляла ко второму креслу и, опустившись в него, поняла, что долго мне сегодня пешком ходить не придётся. Ноги пульсировали дерганой, саднящей болью.

— Нас интересует один из ваших бывших воспитанников.

— Бывших? — проговорила Анжела Антоновна. — Видите ли, я здесь не слишком давно...

— Думаю достаточно давно, чтобы помнить Демида Хазина, — с металлическим звоном в голосе перебил её Стас.

Я метнула взгляд в директрису. Стас попал в яблочко. Он как будто знал, какотреагирует Анжела Антоновна, знал, что она должна была о-очень хорошо запомнить Демида Хазина.

Лицо у директрисы заметно побледнело, она вцепилась руками в край стола и несколько раз размеренно вздохнула.

— Да, — проговорила она, — такой... воспитанник был у нас.

— Думаю, будет лучше, если вы расскажете о нём всё, что знаете, — ответил Стас.

Анжела Антоновна крепко, плотно сжала губы. Я видела, что она очень не хочет даже вспоминать Демида Хазина, не то что говорить о нём.

— Он попал к нам в восемь лет, — начала она. — Примерно года два был исключительно замкнутым и молчаливым ребёнком.

Она пару мгновений помолчала, глядя в окно.

— С ним работали наши психологи. Отмечали, что у мальчика скрытая агрессия внутри. Они говорили, что она вызвана тяжелой психологической травмой, скорее всего, вызванной убийством его матери.

После короткой паузы директриса продолжила.

— Один из врачей... обратил внимание, что у мальчишки странная тяга к цветам... В особенности... к...

— К розам, — закончил за неё Стас.

Анжела Антоновна закрыла глаза, шумно вздохнула.

— Да. К розам.

Она нервно, тяжело сглотнула.

— Он мог целый день провести в обществе цветов, — она вздохнула. — Он мог провозиться с ними с раннего утра до самого вечера. К слову сказать, он уделял внимание не только розам. Наши садовники нарадоваться на него не могли.

Она пожала плечами.

— Демид помогал ухаживать за всеми растениями парка вокруг детдома. Он делал это с неподдельной заботой и любовью. Со стороны посмотришь — образцовый ребёнок, только неразговорчивый и замкнутый. С садовниками иногда говорил. Но...

Она вздохнула.

— Так... «да, нет, хорошо». Неохотно рот открывал.

Мы со Стасом обменялись взглядами. Анжела Антоновна этого не заметила.

— Как он учился? — спросил Стас.

— Был одним из лучших, — немедленно ответила директриса. — И быстро завоевал

любовь учителей. Особенно ему нравились биология, математика, география и литература. Правда, он всегда отказывался читать вслух или рассказывать стихи.

Она пожала плечами.

— На него даже кричали и двойки за это ставили. Бесполезно.

— Когда начались проблемы? — спросил Стас.

— Когда его начали цеплять другие дети, — устало вздохнула Анжела Антоновна.

— Они его не любили?

— Мягко сказано. Этот странный, молчаливый мальчишка с неприятным взглядом внушал детям одновременно и опасение, и неприязнь. К тому же, как я сказала, учился он очень хорошо и был любимчиком учителей. Многие из наших учителей проявляли к нему безграничное сострадание. Он...

Она снова с трудом сглотнула, скривила губы.

— Демид некоторым из них делал композиции из цветов, да такие, что впору на выставку... Мы все думали, мальчик вырастет и станет флористом. Радовались за него, думали, что уж этот ребенок точно знает свой путь и понимает, чем хочет заняться в жизни...

— Больше, чем вы думали, — пробормотал Стас.

— Что? — спросила директриса.

— Забудьте, — отрезал Стас. — Что было дальше?

— Как я говорила, многие учителя души в нём не чаяли, — она с сожалением цокнула языком и качнула головой. — Вот учительница биологии, Марта Львовна, у нас такая была...

При слове «была» мы со Стасом снова обменялись встревоженными взглядами.

— Взяла его к себе, думала усыновить.

Тут директриса детдома сделала более длинную паузу. Стасу пришлось спросить её.

— Что ей помешало?

Анжела Антоновна взглянула на него светло-кариими глазами.

— Ей помешали шестнадцать ножевых ранений на лице, на груди и на спине, — проговорила она медленно, и голос её хрустнул звонкой хрипотцой.

От её слов у меня по спине прокралась торопливая дрожь. Жгущий, вкрадчивый холодок лизнул спину и шею.

— Она погибла? — уточнил Стас.

— Разумеется, — выразительно проговорила Анжела Антоновна. — Скончалась на месте. В полиции потом сообщили, что половина ножевых ранений были нанесены уже... после смерти.

Она вздохнула, приоткрыла рот, губы её дрогнули.

— Демид... Демид в слезах рассказал всем, что в квартиру проник «страшный дядя» и убил Марту Львовну. Он всё видел, но вылезти побоялся...

— И вы допускаете, что он мог говорить правду? — спросил Стас.

Я с интересом посмотрела на него.

— Сначала допускала, — степенно ответила директриса. — Полиция, вроде бы, даже арестовала там одного — сосед со второго этажа... У него уже были случаи участия в драках с поножовщиной.

Она сложила руки на груди, ладонями взялась за локти.

— Через какое-то время, что он провёл в СИЗО, он во всём признался.

— Не сомневаюсь, — вздохнул Стас.

— Я потом узнала, что показания из него выбили, — глядя куда-то в сторону, проговорила Анжела Антоновна. — И что он даже в следственных экспериментах не участвовал... Так оформили.

Она осуждающе поджала губы, сглотнула.

— Вы тогда начали подозревать?

— Нет, гораздо раньше, ещё до его признания... Понимаете... Я уже говорила, что Демид питал почти противоестественную страсть к цветам, особенно к розам. Но-о...

Она чуть прокашлялась.

— Дело в том, что в день убийства Марта Львовна имела неосторожность сломать растущие на её балконе розы... Не все, всего пару... Видимо, этого было достаточно.

— Вы тогда уже не сомневались, что это Демид убил свою учительницу.

— Меня ещё мучили сомнения... Всё-таки... десятилетний мальчик... Она закрыла глаза, выразительно подняла брови, шокировано покачала головой.

— Кто в такое поверит? — она пожала плечами. — Разве что сама Марта Львовна... незадолго до того, как умерла от руки любимого ученика.

В словах директрисы проскользнула злая горечь.

— Наш директор Василий Леонидович, который был до меня, пытался организовать перевод Хазина в другой детдом.

Анжела Антоновна с досадой цокнула языком.

— Это было бесполезно. Никто не хотел брать ребенка, как-то связанного со столь зверским убийством. А дело-то получило невероятно широкий резонанс тогда. Намучились мы. В итоге оставили эти тщетные попытки.

Директриса вздохнула.

— Когда я стала директором, Демиду уже было почти тринадцать.

Она опустила взор. Я наблюдала за ней, за выражением её лица.

— С этого момента началось... самое страшное.

— Что именно? — спросил Стас.

Она подняла на него взгляд, её губы дрогнули от нервной улыбки.

— У нас начали пропадать дети... Один, затем ещё один ребёнок исчез... Затем пропали сразу две девочки. А через какое-то время ещё одна. Потом исчез преподаватель...

— Вы обращались в полицию?

— Конечно! — фыркнула директриса. — Толку-то! У них под носом исчез ещё один ребёнок.

— Сколько всего детей пропало?

Анжела Антоновна закрыла глаза, вздохнула.

— Двенадцать. И еще двое преподавателей.

— За три года?

— Да.

— Как вас не уволили?

— Я сама хотела уйти, — она покачала головой. — Я не знала, что делать, и понимала, что справиться не смогу... Вот только никто не хотел быть даже заместителем...

— Почему?

Анжела Антоновна вдруг заплакала, затем встала из-за стола, подошла к шкафу с папками и документами. Достала одну из папок и со вздохом протянула Стасу.

— Вот.

Стас взял у неё папку. Я в соседнем кресле чуть приподнялась и наклонилась вперёд, желая увидеть содержимое папки. Когда Стас её открыл, стало видно, что внутри лежат письма и лепестки — засохшие, потемневшие лепестки роз.

— Я получала розы и письма после каждого убийства, — проговорила Анжела Антоновна не скрывая слёз. — И никто не хотел быть на моём месте. А потом я, вообще, поняла, что если... если я уйду, он убьёт меня...

Стас вздохнул.

— Считаете, что это всё мог сделать мальчик-подросток?

— Это не обычный мальчик! — с внезапной яростью прошептала директриса. — Это чудовище! Как-то один из детей, драчливый такой и буйный парнишка, отобрал у Демида розы и растоптал их... Знаете, что с ним случилось? Кто-то ночью выколол ему глаза и засунул туда бутоны роз. Как вам? Какой ребенок на такое способен?

— Я так понимаю, — Стас закрыл папку и положил на директорский стол, — прямых доказательств причастности Демида к этим убийствам у вас не было?

— Нет, — Анжела Антоновна снова опустилась в своё кресло. — Только личные убеждения.

— Дети, которые исчезали... — Стас на мгновение задумался. — Они получали розы?

Директриса вновь шевельнула своими странными, красноречивыми бровями.

— Так вы думаете, что наш Демид — это ваш Романтик?

Её пренебрежительный и даже насмешливый тон заставил меня задуматься и насторожиться. Стас тоже, по-видимому, пребывал в легком замешательстве.

— Согласитесь, что сходство в убийствах есть, — произнёс Стас, пристально глядя на директрису.

— Соглашусь, — кивнула та. — Тем более, что...

Она с дрожью вздохнула.

— Все пропавшие дети, по слухам, сперва, действительно, получали розу...

Стас выразительно вскинул брови.

— Но я вас разочарую, господин капитан Уголовного розыска. Демид Хазин не может быть Романтиком.

— Почему? — тихо спросил Стас.

Анжела Антоновна посмотрела на Стаса, внезапно одарила взглядом и меня.

А затем, снова взглянув на Корнилова, с внезапным безразличием произнесла:

— Потому что Демид Хазин умер.

Мне показалось, что моим сердцем словно выстрелили из рогатки. Сердцебиение участилось интенсивными скачками, по коже сошел сухой жар и жгучий холод. Я втянула в себя воздух, застыла и перевела обескураженный взгляд на Стаса. Тот смотрел на директрису, пристально и выжидающе, словно надеялся, что Анжела Антоновна сейчас засмеется и воскликнет, что это была шутка.

— Откуда у вас информация? — спросил Стас.

Вместо ответа Анжела Антоновна открыла ящик стола. Примерно пол минуты она что-то сосредоточенно искала среди бумаг, а затем положила на стол газету.

— Прошу, — проговорила она суховато.

Стас привстал из кресла, дотянулся до газеты и сел обратно, развернул, начал читать, затем перевернул. Я следила за его лицом. Анжела Антоновна смотрела в сторону, в окно.

Стас закончил читать и, встав с кресла, подошел ко мне, дал мне газету. Я взяла её и,

раскрыв, начала читать.

«Убит Михаил Трегубов! Кто виноват в смерти «Русского носорога»?

Вчера примерно в три часа ночи по московскому времени в собственном доме был зарезан молодой боксёр, обладатель многих наград и чемпионского пояса WBC, Михаил Трегубов! В это трудно поверить, но ещё два дня назад одержавший блистательную победу над своим французским противником Михаил скончался от смертельной раны в живот.

По сообщениям первоисточника, нападавшим был некто Демид Хазин. Он, как и Михаил, был воспитанником детского дома номер сто двенадцать, как и супруга Михаила Анна Трегубова. Девушка тоже пострадала от руки убийцы. Подробности не сообщаются, но известно, что убийца сразу после убийства Михаила совершил суицид буквально на глазах шокированной Анны Трегубовой.

Тела Михаила Трегубова и Демиды Хазина были опознаны близкими обоих молодых людей и теми, кто их знал.

Пока это вся информация, которой располагает наше издательство. Москва и вся страна следят за дальнейшими новостями по этой теме.»

— Ты не могла ошибиться? — тихо спросил меня Стас, когда я дочитала.

— Нет, — так же тихо, но категорично ответила я. — Я уверена в том, что говорила.

— Хорошо, — медленно проговорил Стас. — Почитай внимательнее, может, что-то... увидишь.

Я кивнула. Я знала, что от меня требуется, но я не видела воспоминаний. Точнее не видела тех, что мне нужны, только короткие и бесполезные эпизоды из жизни тех, кто держал эту газету в руках.

Анжела Антоновна непонимающе нахмурилась, слушая наш диалог, но ничего не сказала. Я взглянула на Стаса и перевела взгляд на директрису.

— Вы лично видели тело Демиды Хазина? — спросила я.

— Да, — ответила директриса. — Я была на опознании.

— И как он умер? — спросил Стас. — Что он сделал?

Анжела Антоновна скривилась, поджала губы и промолвила.

— Разрезал себе живот и выпустил кишки.

Я снова опустила взгляд на газету.

«Подробности не сообщаются, но известно, что убийца сразу после убийства Михаила совершил суицид буквально на глазах шокированной Анны Трегубовой.»

Я задумалась.

— Мне нужно увидеть комнаты, где жил Хазин, Трегубов и... эта девушка Анна, — сообщила я.

— Нравится?

Демид Хазин несмело взглянул на стоявшую рядом Аню. Девушка восторженно улыбалась.

— Шутишь?! Это восхитительно!

Демид буквально просиял.

— Ты сам их вырастил? Их все, Дёма?

— Ага... — Хазину была невероятно приятна её похвала и восторг.

Если бы я не видела этого воспоминания, я бы, наверное, никогда в жизни не поверила, что безжалостный убийца может так краснеть. Я внимательно следила за ним. Они с Аней

стояли в небольшом садике из роз. Он был огорожен самодельным белым забором из выкрашенных в белый цвет досок.

Заборчик получился живописным, как и сам сад с разнообразными розами. Весь сад буквально изобиловал десятками сортов роз разного цвета и вида.

Зрелище и впрямь было великолепное.

— Как ты только умудрился? — улыбаясь проговорила Аня, ступая вдоль раскидистых кустарников. — Это же...

Она остановилась возле стройных стеблей багрово-алых роз. Ласково коснулась кончиками пальцев лепестков.

— Сколько же тебе понадобилось времени?

— Почти четыре года, — Демид поправил свои темно русые волосы и самодовольно усмехнулся.

— Ничего себе... — проговорила она.

А Хазин тем временем подступал к ней, встал ближе. Аня обернулась.

— Ты чего? — спросила она с беспокойством.

Он стоял напротив неё, по его щекам разливался румянец. Его дыхание было шумным, взволнованным.

— Дёма... — настороженно проговорила Аня. — С тобой всё в порядке?

— Д-да... — заикаясь, ответил он. — Да... я... я хочу... я собираюсь...

— Что ты собираешься? — спросила Аня, не отводя от него взгляда.

Я заметила, что Демид, стоящий перед Аней, на пол головы её ниже. Значит, то, что сейчас происходит, случилось куда раньше, чем та сцена на траве, когда они целовались.

— Я хочу... поцеловать... тебя... — прошептал он. — Можно?!

Аня несколько раз моргнула, затем неуверенно улыбнулась.

— А ты умеешь? — игриво спросила она.

— Не знаю... — выдохнул Демид. — Я попробую...

— Хорошо, — тихо шепнула Аня.

Демид нервно сглотнул, подступил ближе. Она смотрела на него, их взгляды соприкасались. Он приблизился, она подалась к нему.

— О, пацаны, смотри, какая роцца! Фига се сколько роз!

Резкий выкрик заставил Аню и Демида вздрогнуть. Девушка поспешно, боязливо отступила назад, попятилась за Демида. Тот застыв, свирепым взглядом смотрел в сторону голосов. Он узнал их.

Заросли кустарника зашелестели, закачались ветки и стебли. Послышалось несколько грязных ругательств.

— Я ***ть порезался, похоже, об эти с**ные розы! С**а!

Послышался хлесткий удар, затем ещё один. На глазах у Демида несколько стеблей роз согнулись пополам, надломались и упали. Хазин внезапно издал сдавленный, ревуший звук, сквозь сомкнутые зубы. Аня за его спиной с удивлением, испуганно взглянула на него. Демид подхватил с земли камень и бросился в сторону приближающихся голосов.

— Дёма, стой! — крикнула Аня.

Но он её не послушал и стремительно ринулся на шум голосов. Аня прижала руки ко рту, испуганно замотала головой. Её косички качнулись из стороны в сторону.

Окружающий мир вздрогнул, резко вытянулся, затуманился и словно растекся, размылся до нейтральной серости. Слепящая вспышка света.

— Не надо! — я услышала голос Ани, прежде чем белый свет исчез и возникло новое видение. — Не надо! Стойте! Оставьте его! Пожалуйста!!

— Да отвали ты, овца! Закрыла рот! Быстро!

Затем я увидела, как пятеро мальчишек лет четырнадцати-пятнадцати неистово, с ожесточением лупят ногами валяющегося на земле Демида. Они пинали, били и с ненавистью топтали его ногами. Они избивали его так, словно он был виновен во всех их бедах. Словно это он сломал их судьбы, как будто это его вина, что их родители оставили их, забыв об их существовании.

Демид, поджав колени, закрывая голову руками, сцепив зубы, терпел удары.

Я увидела, что его лицо, руки, локти уже кровоточат и покрылись бесчисленными ссадинами.

— С**ное е**ное дерьмое! — выплевывая брызги слюны орал на него Михаил Трегубов.

Он избивал его сильнее и свирепее своих товарищей. Казалось, он всерьёз вознамерился убить его. Тело Демида вздрагивало от ударов. Он по-прежнему, сжавшись, согнувшись, сносил удары. Один из парней держал вырывающуюся Аню. Она со слезами кричала, срывая голос:

— Пожалуйста! Перестаньте! Прошу вас! Пожалуйста! Миша, не надо! Не надо! Хватит! Ну пожалуйста! Вы же убьете его! Не надо!...

Тут Трегубов, действительно, остановился и расставил руки в стороны, отгоняя своих друзей.

— Всё, всё, пацаны, — запыхавшись проговорил он. — Хорош...

Тяжело дыша он обернулся к Ане и подошел к ней. Заплаканная девушка с дрожащими губами смотрела на него.

— Будешь с ним гулять, — тяжело дыша, медленно проговорил он, глядя на неё сверху вниз, — мы его...

Трегубов качнул головой в сторону лежащего на земле Демида.

— Так покалечим, что ты его с ложки кормить будешь... Поняла?!

Аня быстро кивнула и пролепетала тонким голосом.

— Поняла... Н-не надо его т-трогать, Миша... Пожалуйста.

Трегубов в ответ только ухмыльнулся, затем протянул руку и, к моему дикому возмущению, положил ладонь на левую грудь Ани, сжал её.

Девушка вздрогнула, быстро втянула воздух, застыла, в немом ужасе глядя на Михаила. А тот ухмылялся.

— Моя будешь, — сказал он. — Всё равно будешь моя.

Я увидела, как за его спиной Демид чуть приподнялся. Его трудно было узнать. Его лицо было залито кровью, разбиты губы, нос и скулы, левый глаз не открывался, руки до локтей были в ссадинах и ранах. И я была уверена, что под одеждой его тело буквально залито расплзающимися багрово-фиолетовыми пятнами многочисленных гематом.

Можете ругать меня, но в эти секунды мне было искренне жаль его. Я знала, кто он, знала, на что способен. Но сейчас было тяжело заставить себя ненавидеть его. Я видела не убийцу. Я смотрела на избитого до полусмерти худощавого мальчишку, влюбленного в девушку и свои цветы. А ещё видела наглых, аморальных и жестоких подонков, толпой избивающих одного! И уже не в первый раз!

Воспоминание растворилось в белой вспышке. Из сияющего белого света нарастал звук странного шипения, словно кто-то бесконечно долго льёт холодную воду на раскаленный

докрасна металл.

Когда белый свет иссяк, я увидела перед собой ночной лес. Нет, это был ночной парк. Тот самый парк вокруг детского дома номер сто двенадцать.

Только сейчас он был куда больше и выглядел более диким, запущенным.

Ночной лес заливал шумный дождь. Капли били по листьями, месили грунт, превращая его в вязкую, липкую жижу. Дождевая вода юркими ручьями стекала по шерботой коре деревьев. Ночное небо сотрясилось от залпов громовых раскатов. На фоне электрических разрядов молний зловеще темнели силуэты туч.

— Быстрее! — раздался голос среди шума ливня.

Мимо меня гурьбой пробежали четверо парней. Они были в куртках с капюшонами, все вооружены дубинами. Один даже с бейсбольной битой, а у другого на кулаке сверкнул кастет. Шлепая ногами по влажной земле, они промчались вперёд между растущими у дороги деревьями. Точнее дороги там уже не было, дождевая вода все смешала в грязь.

— Быстрее!

Я узнала голос Михаила.

— Куда мы торопимся, Миха? — недовольно воскликнул один из парней с широкими губами. — Он же никуда не денется!

— Х*ли ты знаешь?! — рявкнул в ответ Михаил. — Он там один! Вдруг передумает!

— Думаешь свалит?

— Если опоздаем, то наверняка! Он же сс**ло, б**ть!

Они загоготали, несмотря на ненастный ливень. Я, недолго думая, припустила следом. Угнаться за ними было несложно. Возглавляемые Трегубовым парни пробежали несколько десятков метров и взбежали на пригорок. Внизу, под ними на приличном расстоянии, вытянулось небольшое поле.

Посреди него, прямо в центре, стояла одинокая человеческая фигура.

Она казалась бледной и призрачной во мраке штормовой ночи.

— Вон он! — вскричал Михаил. — Внизу!

Фигура внизу шевельнулась и обернулась, но никуда не убежала. Это был Демид. Он стоял в светло-синей куртке и темных штанах и неподвижно мок под дождём. Он увидел приближающихся парней, но никуда не убежал, даже не шелохнулся.

Я спустилась следом за парнями. Они с увлечением, едва ли не вприпрыжку, сбежали по тропинке вниз.

— Ну чё, придурок, не хватило мозгов свалить?! — заносчиво крикнул ему Михаил и, поигрывая битой, не спеша направился в сторону Демида.

Верная свита Михаила чуть поодаль следовала за ним. Они глумливо, самодовольно усмехались, скалились злыми усмешками и демонстративно упражнялись со своими палками и кастетами. Они показывали Демиду, что это для него. Тот оглядел их медленным взором, затем поднял руку и снял капюшон. Трегубов перестал улыбаться. На лице Демида расплывались и вздувались две больших гематомы. До сих пор не зажила рассеченная левая бровь и разбитый нос. Во мраке под непрерывным дождём он выглядел жутко и внушал странное, необъяснимое опасение.

Похоже, именно это сейчас почувствовали и Трегубов со своей компанией.

Маленькая свора гиен больше не улыбалась, им уже было не до веселья.

Волосы Демида намокли под дождём, по его лицу стекала вода. А он внезапно медленно, плотоядно и сыто улыбнулся.

Михаил смотрел на него настороженно и непонимающе.

— Чё... Чё ты лыбишься... даун? — проговорил Трегубов.

— Я знал, что ты придёшь не один, — проговорил Демид.

— И... и чё?

Вместо ответа Хазин только шире улыбнулся. Странный импульс заставил меня обернуться. Я оглянулась и застыла на месте, я буквально вросла в землю, глядя на высокий, черный силуэт человека. Он стремительно приближался к парням со спины. Они не видели, не замечали его и не могли услышать его шагов из-за дождя. От силуэта веяло уничтожающей, кошмарной и пугающей угрозой. Похожий на сгусток мрака, безликий и бесшумный, он вселял в душу бесконечный ужас. Хотелось бежать, просто мчаться подальше от него

Он миновал меня, в его руке блеснул огромный охотничий нож. Парни всё ещё не оборачивались. На моих глазах он подлетел сзади к парню в желтой куртке и с коротким замахом вонзил нож ему в спину.

У меня вырвался вздох, крик ужаса был безмолвным, беззвучным. Остальные трое парней, обернувшись, шарахнулись в стороны и заорали испуганными, срывающимися голосами. Михаил Трегубов тоже быстро обернулся.

Демид внезапно оскалился и с особенным остервенением нанёс ему жестокий удар толстой, короткой палкой по затылку. Михаил вздрогнул, пошатнулся и упал на колени, затем на четвереньки.

Человек в чёрном поднял несчастного парня на лезвии ножа. Подрагивающие ноги парнишки висели над землей. Его тело содрогалось в агонии, а из раны в груди и изо рта на одежду стекала кровь. Он давился кровью, выплевывая багровые струи.

Сверкнула молния. Она озарила обагрённую рукоять ножа, торчащего из груди парня. Двое его ещё живых приятелей попятнулись, спотыкаясь. Они хотели бежать, но не могли. Страх и ужас не пускали их. Ужас овладел ими, их разумом, телом и сознанием. Он полностью подчинил их себе. Один из них тихо плакал, второй просто судорожно дышал.

Человек в чёрном опустил руку и тело парня. Соскользнув с клинка ножа, оно упало в грязь. Человек из темноты с окровавленным ножом ринулся к другому парню. Тот вспомнил, что умеет бегать, и припустил прочь.

Мужчина резко вскинул руку, и парень, вздрогнув, упал в грязь и больше не поднялся. Третий заревел в голос, упал на колени и, давясь слезами, смотрел то на тела убитых на его глазах друзей, то на подходящего к нему мужчину в черном. Неизвестный приблизился к нему неторопливой походкой, присел рядом, ласково погладил по голове. Затем аккуратно пальцами в перчатках вытер слёзы, ещё раз погладил.

— Пожалуйста... — всхлипнул мальчик. — Не н- надо... пожалуйста.

Убийца пару секунд смотрел на него, затем чуть склонил голову набок, словно любясь его перепуганным, заплаканным лицом. Резко встал, схватил мальчишку за голову и повернул. Шум дождя не скрыл тошнотворного хруста позвонков ломающейся шеи. Третий мальчишка был мёртв и с открытыми глазами упал в мокрую грязь. Мужчина неторопливой, прогуливающейся походкой подошел к Демиду, и стоящему на четвереньках Михаилу. Достал второй нож.

— Нет! — вскричал Демид и встал между Михаилом и убийцей. — Этого не трогай... Я хочу, чтобы он жил. Пока.

Убийца несколько секунд смотрел на него сверху вниз, затем внезапно положил руку на

голову и потрепал по волосам. Он обошел его и, все той же небрежной, прогуливающейся походкой направился в лес — во мрак. Для него это была просто забава.

Очередная вспышка молнии и белый свет оборвали видение. Я очнулась, сидя на кровати. Мои пальцы комкали одеяло, которым была заправлена кровать.

Глубоко дыша, я смотрела на узорчатый ковер на полу. Затем увидела ботинки Стаса. Подняла взгляд. Он сидел напротив меня на другой кровати и, сплетя пальцы рук, ждал.

— Что там случилось? — спросил он. Я закрыла глаза. Я ощущала угнетающую слабость во всём теле. В сознании ещё звучали голоса Демида, Трегубова и его компании.

— Ника? — Стас встал с кровати, она чуть слышно скрипнула.

Он присел рядом со мной и легонько приобнял.

— Что ты видела?

— П-похоже... — заикаясь начала я. — Детей в этом детдоме... убивал кто-то другой. Не Демид Хазин. И...

Я несмело взглянула на Стаса.

— Теперь я... я не знаю, Стас... Я же... я видела... Видела, как он убил Михаила Трегубова... И... это... клеймо на руке... Его у него не было...

— Что?

— У Демида не было клейма на руках! — громко и взволнованно воскликнула я.

— Тише, тише, — Стас легко погладил меня по плечу. — Оно могло появиться после...

— Откуда?! — все так же громко спросила я и опустила взор.

Я ошиблась. Я совершила ошибку. Я... Я... Я указала не на того!

Я... Я подвела Стаса и... И увела следствие не в ту сторону!

— Стас прости я... Я не знала... Я же думала, что права... Но...

— Тихо, тихо, тихо, — Корнилов прижал меня к себе и вторую руку положил на голову.

У него была приятная, теплая ладонь. Я мельком подумала, что меня давно никто так не обнимал. А мне этого не хватало. И порой очень сильно.

— Там был мужчина, — пробормотала я.

— Мужчина? Ты видела лицо?

— Нет, — закрыв глаза прошептала я. — Он в капюшоне и, кажется, в чёрной маске и он... Он убил троих парней, а потом... Стас он подошел к Демиду и хотел убить Михала Трегубова...

— А что ему помешало?

— Демид сказал, что хочет, чтобы тот жил. Пока.

— Пока?

— Он, видимо, хотел убить его сам, но... Дело не в этом... — я нахмурилась. Мне в голове неожиданно влетела вкрадчивая мысль.

— Стас, а что нам известно о... об отце Демида?

— Он умер, — Стас вздохнул Стас. — Я тебе рассказывал...

— Нет, я не про Викентия Хазина! — я покачала головой. — Я про того, от которого он родился.

Я увидела, как отвердело лицо Стаса.

— Почему ты спрашиваешь?

— Тот мужчина перед тем, как уйти, он... — я задумалась, пытаюсь правильнее описать тот жест неизвестного убийцы. — Он потрепал Демида по голове... Ну, знаешь, так шутливо взъерошил его волосы, погладил и ушел. Так обычно поступают... старшие братья, дяди,

дедушки или...

— Отцы, — кивнул Стас.

Я закусила губу, бросила быстрый взгляд на Стаса. Затем окинула изучающим взглядом помещение. Комната была на четырёх человек. Сейчас здесь жили другие дети. Их воспоминания короткими, рваными эпизодами влетали в мое сознание, словно назойливые мухи, и стремились втянуть меня в связанные с ними видения. Я сопротивлялась, это была совершенно не нужная мне информация.

— Нужно, наверное, спросить у Анжелы Антоновны... Не приезжал ли кто-то к Демиду за все эти годы, — предложила я.

— Да, — кивнул Стас, тоже думая о чем-то. — Нужно.

Я постаралась увидеть ещё какие-то нужные воспоминания, живших тут тринадцать-пятнадцать лет назад мальчишек, но только вновь увидела избиение Демида, их издёвки над ним и... то, чем это для них в итоге кончилось.

Образ мужчины с ножом, одетого во всё черное, прочно закрепился в моём сознании. Однако, когда мы спросили Анжелу Антоновну о каких-либо посетителях Демида Хазина, она вспомнила только одного.

— Приезжал пару раз один такой... светловолосый, статный... Но Демид его не любил, не разговаривал, даже драться пытался... А последний раз и вовсе не вышел к нему. Потом этот мужчина больше не приезжал.

Стас вздохнул, достал фотографию из портмоне и показал директрисе детского дома.

— Вот этот? — спросил Стас, указывая пальцем на Ипполита Збруева.

— Да, — присмотревшись, кивнула директриса.

Мы со Стасом обменялись взглядами. Я была встревожена, а взгляд Корнилова стал задумчивым и озабоченным. Из приюта мы вышли, пребывая в размышлениях и смятении. Я старательно вспоминала все свои видения, где появлялся Романтик. Пыталась сопоставить их с видениями, где был Ипполит Збруев. Пыталась найти сходство того убийцы в чёрном и Ипполита Збруева.

А ещё меня мучил вопрос: почему Михаил Трегубов молчал? Почему не рассказал о том, что видел? Он же остался жив... Хотя... А что, если его просто потом забрали из детдома? Возможно, его взял какой-то спортивный интернат или... Не знаю. Я теряюсь в догадках.

Пока мы шли по коридорам обратно к выходу, я успела увидеть около полусотни различных обрывистых воспоминаний. Это были воспоминания живущих тут детей. И среди эпизодов с личными переживаниями, незначительными событиями и какими-то случаями всегда выделялось одно воспоминание на всех. Одно, хранимое глубоко в душе, запечатанное в сердцах и тщательно оберегаемое — трепетное и теплое воспоминание о родителях, о матерях.

Я начала ускорять шаг. Я не могла этого выносить, у меня вновь потекли слёзы.

В груди стыла горькая печаль, меня беспощадно терзала жалость к оставленным здесь детям. Многие из них живут мечтой о том, что покинув стены детдома, попытаются найти своих родителей. А некоторые хотят сначала достичь чего-то, добиться успеха, достижений, стать известными и богатыми.

А потом... потом найти их и... И просто посмотреть им в глаза.

— Ника? — Стас обернулся и увидел мое лицо. — Ты чего? Что случилось?

— Ничего, — я аккуратно вытерла слёзы и поспешно помахала себе ладонями на лицо. — Ничего... всё... всё в порядке.

— Почему тогда ты плачешь?

— Так... просто... — прошептала я в ответ.

Это было тяжело выносить. Вместе с воспоминаниями детей я чувствовала то же, что и они. Тем более, что мне это было не так уж и трудно. На воздухе мне стало легче. Я была рада, что двор к тому времени опустел. Дети ушли в столовую на обед.

Внезапно обезлюдившая территория парка была погружена в идеальную тишину, нарушаемую только шепотом ветра да шорохом листьев. Мы почти подошли к машине Стаса, когда я увидела, что не все дети ушли на обед. Я увидела стоящих вдалеке между деревьями девочек. Их было три, они стояли неподвижно и смотрели на меня. Я не сразу обратила внимание, что ветер вокруг качает стебли трав и ветки деревьев. А их волосы и одежда остаются неподвижными.

— Стас, — сказала я. — Подожди меня, пожалуйста, мне нужно пройтись...

Говоря это, я не отводила взгляда от тех трёх девчонок. Я узнала одну из них. Именно её тогда в моём воспоминании зверски, с ожесточением зарезал Демид.

Корнилов проследил за моим взглядом. Сам он, разумеется, ничего не увидел, но, закрыв дверцу машины, сказал:

— Я должен тебя видеть.

— Хорошо... Но иди на максимально доступном удалении, — я направилась к ним.

Они были неподвижны, стояли ровно, не шелохнувшись, и пристально смотрели на меня. Подойдя поближе, я увидела кровь на их одежде, волосах и на лице. Я приблизилась. Мир вокруг начал меняться, неожиданно все посерело, небо стало темным, пасмурным. Я почувствовала нарастающий холод. Девочки, как по команде, повернулись и направилась в сторону скверика, в глубь зарослей, в чащу. Я шла следом. Они не торопились, и я могла идти спокойно. Я чувствовала обеспокоенный взгляд Стаса на своей спине.

Девочки не оборачивались, ступая совершенно бесшумно, они шли по тропе, сохраняя безмолвие.

Ветер крепчал, воздух стал влажным и промозглым. Я поёжилась, чуть втянула голову в плечи, обхватила себя за локти. Девочки завели меня в непролазные, густые дебри. Я шла за ними по узкой, петляющей тропе и смотрела на спину ближайшей ко мне девочки. Её спина была сплошь покрыта темными, багровыми пятнами.

Они довели меня до небольшого оврага и встали на его краю. Я тоже подошла к краю, взглянула вниз, и на мгновение у меня перехватило дыхание. Розы. Торчащие вверх, стройные, высокие и прямые, похожие на прутья стебли роз.

Бутоны роз слабо сияли заволаживающим, сиренево-голубым светом. Но не это заставило моё сердце стучать громче и чаще. Не это сорвало с моих губ вздох ужаса.

Роз было четырнадцать, ровно четырнадцать. И кроме этого, стебли роз не касались земли. Нет. Основания стеблей были зажаты в мертвенно-бледных пальцах рук, торчащих из влажной, слоистой земли.

— Он всем нам подарил розы... — услышала я шепот.

Я порывисто, резко обернулась. Кровь зашумела в ушах, пульс настойчиво бил по вискам. Я стояла одна, и только ветер вокруг меня качал ветки деревьев и стебли трав. Девочки исчезли, а по дороге неторопливо и опасно ко мне подходил Стас.

— Ника? — спросил он осторожно. — Что ты увидела?

— Я их нашла... — проговорила я и нервно сглотнула.

— Кого?

— Тех... четырнадцать исчезнувших... Они здесь...

Стас подошел ко мне. Мы оба посмотрели вниз, в овраг. Сейчас розы торчали в земле, их стебли уходили в грунт, но я знала, что или кто их держит в земле.

— Четырнадцать роз, — проговорил Стас, окидывая взглядом овраг. — Интересный цвет.

Его голос звучал разочарованно и с досадой. Я молча кивнула. Несмотря на то, что уже снова светило солнце, и было тепло, я ощущала накрывающий меня леденящий холод.

Их тоже было четырнадцать. Когда их раскопали, я стояла чуть поодаль от оврага на небольшом пригорке и на расстоянии наблюдала, как сотрудники УГРО и судмедэксперты извлекают из под земли четырнадцать тел.

От них мало что осталось. Почитай, скелеты, ошметки кожи, волос и истлевшая одежда. Их выкладывали в один ряд на краю оврага. Возле каждого тела ставили желтую табличку с номером. Криминалисты внимательно исследовали тела и место захоронения. Один из них, начальственного вида мужчина, стоял возле тел и документировал процесс извлечения, описывал останки на листах в синей папке. Криминалисты и судмедэксперты в белых комбинезонах и латексных перчатках, фотографировали, обследовали и изучали останки.

Несколько полицейских стояли чуть поодаль и курили. Я видела их взгляды и то, как они переговаривались. Люди, без преувеличения, были потрясены увиденным. Очень явно ощущалось витавшее между людьми в овраге и вокруг всеобщее мрачное, гнетущее настроение. Всех этих людей мучил настырный мысленный вопрос: Кто? Кто на такое способен? Кем нужно быть?! Чей извращенный разум способен воплотить такое?!... За что?

...

Из четырнадцати убитых двое были преподавателями, остальные двенадцать — дети. Судя по скелетам, подростки.

Я стояла на пригорке рядом, ветер играл моими волосами. Я смотрела на тела, на грязные желтые кости в остатках одежды. Я слышала их голоса, их смех. Я закрывала глаза и видела их всех. Как они бегали, смеялись, радовались, кричали, дрались, плакали, обижались, снова радовались, снова смеялись.

Они были разные — грустные, счастливые, унылые, преисполненные восторга, довольные и сердитые, громкие, тихие, сонные и бодрые и... живые. Я тяжело, протяжно вздохнула.

— Ника?

Я обернулась. Стас подходил ко мне вместе с приехавшим Антоном Спиридоновичем.

— Здравствуй, Ника, — степенно произнёс Антон Спиридонович.

— Здравствуйте, — ответила я, глядя на обоих мужчин.

— Стас мне рассказал, что ты видела, — он бросил взгляд на Корнилова. — Но если ты не возражаешь, я бы хотел всё услышать из твоих уст.

— Как скажете, — я чуть пожала плечами.

Вкратце, но не упуская подробностей, я пересказала генералу Савельеву всё, что видела в своём видении, где появился неизвестный убийца.

— А потом он просто ушёл? — спросил Антон Спиридонович.

— Да, — кивнула я. — Потрепал его по волосам и ушёл.

— И вы с Корниловым думаете, что это мог быть его физиологический отец?

— Он как будто... заступался за него, — ответила я. — Убил его обидчиков, и потом...

так попрощался. Поскольку об отце Демиде Хазине не особо много известно... это вполне мог быть он.

— Это очень вероятно, — кивнул Стас. — И Нике я верю.

— Я тоже, — немедленно отозвался Аспирин. — Вот только почему отец так поздно решил навестить сына? Где он был все эти годы? И что получается? Кто из них Романтик? Демид? Или же его безымянный отец?

— Может быть... и оба, — предположил Стас.

— Я думаю... — медленно сказала я, — что на этот вопрос нам могла бы ответить Анна Шмелина.

— Это ещё кто? — чуть скривился Аспирин.

— Девочка, в которую был влюблен Демид Хазин, — ответил Стас. — Она тоже воспитанница этого дома.

— А ты уверен, что она жива? — спросил Антон Спиридонович.

— Она жива, — сказала я.

Они оба перевели взгляд на меня. Я утвердительно кивнула.

— Она жива, и нам нужно поговорить с ней. Она может знать настоящего Романтика.

Аспирин вздохнул, поджав губы, помассировал правой рукой широкую шею.

— Адрес у вас есть? — спросил он.

— Так точно, — ответил Стас.

— Тогда поезжайте, — кивнул он и посмотрел на меня. — Что ж у тебя за жизнь-то, кроха? Вместо того, чтобы со своими тусоваться, в кино-кафе ходить, на свидания бегать и мультики смотреть, ты вон с ментами лазишь, трупы находишь и в... такое дерьмо влезаешь, что не каждый пережить это может... Сколько раз в своей жизни ты уже видела воспоминания убийц? Пять? Десять? Двадцать?.. Не представляю, как ты живешь с этим, детка... В твоём-то возрасте...

Стас прокашлялся.

— Антон Спиридонович, вы...

— Всё нормально, Стас, — ровным голосом ответила я, не отводя взгляда от лица генерала Савельева.

Я смотрела в его бледно-васильковые глаза. Они выражали любопытство, интерес, удивление и горькое сочувствие. Мне этот взгляд был не очень приятен, но и неприязни не вызывал.

— Со всем этим, — я чуть качнула головой в сторону оврага, — мне пришлось привыкнуть. Уверю вас, я пробовала жить обычной жизнью и игнорировать... всякое. Я дернула плечами и быстро покачала головой.

— Не вышло. И никогда не выйдет. Поэтому пришлось смириться и... обратить свой недуг в пользу обществу.

Последние слова я произнесла с толикой ехидной иронии. Аспирин оценил. Понимающе усмехнулся.

— Кошмары? — спросил он.

— Случаются, — вздохнула я. — Чаще, чем хотелось бы.

— А депрессия?

— Только если преступник долго остаётся на свободе, и воспоминания его жертв учащаются, — ответила я.

— Можно сказать, ты лично мотивирована, — хмыкнул Аспирин.

— Больше, чем вы думаете, — проговорила я выразительно.

— Я думаю, нам пора ехать, — вмешался Стас.

— Если господину генералу больше нечего мне сказать, — проговорила я чуть с холодком ровным голосом, глядя на него снизу вверх.

— Нет... — едва слышно севшим голосом ответил тот.

Я кивнула.

— Всего доброго.

Я обошла его и не спеша направилась в сторону выхода из сквера. Стас пошел следом.

— Ника!

Мы остановились. Я обернулась.

— Да, господин генерал?

— Во-первых, перестань меня так называть, — проговорил он недовольно. — А во-вторых...

Он посмотрел на Стаса, вздохнул, прокашлялся.

— Спасибо.

Я коротко кивнула.

— Не за что, — ответила я. — Я мотивирована и здесь больше ради себя. Извините.

— До свидания, товарищ генерал, — ответил Стас.

Тот молча кивнул.

Мы пошли к машине Стаса, Корнилов положил руку мне на плечо.

— Ты сразила его, — шепнул он.

— Милый дедушка, — усмехнулась я.

Стас тоже хмыкнул, улыбнулся.

НИКОЛАЙ ДОМБРОВСКИЙ

Пятница, 20 июня

Яркий, слепящий солнечный свет спустился ниже по лобовому стеклу автомобиля. Николай, не отводя взгляд от подъезда дома, за которым они следили, поднял руку и раздраженно опустил козырек. Рядом с ним сидел капитан Лаптев, сзади старшие лейтенанты Комаров и Корнев.

— Коль, а мы точно в правильном месте ждём? — спросил, наконец, Корнев.

Домбровский утвердительно промычал.

— Просто... — Корнев взглянул на телефон. — Мы тут часов пять уже торчим, не меньше...

— И что?

— За это время хоть кто-то похожий на Романтика должен был тут появиться, — проговорил Корнев.

Домбровский вздохнул. Дверь подъезда, за которым они наблюдали, открылась. Вышел какой-то высокий мужчина в серой рубашке и джинсах. Следом за ним выбежал пухлый мальчишка с рюкзаком на спине. Они оба сели в бронзового цвета Инфинити и уехали со стоянки.

— Это место одно из двух, которое подходит по всем описаниям, — ответил Коля.

— А если описания неточны?

Домбровский пренебрежительно хмыкнул.

— Сомневаюсь.

— Источник ваших сведений мог и ошибиться, — вздохнул Корнев.

— Этот источник не ошибается, — ответил Домбровский.

Лаптев предупреждающе взглянул на него через зеркало заднего вида. Но Корнев не внял безмолвному предупреждению.

— Всё иногда случается...

— Корнев, будь добр, напомни сколько у тебя на счету задержанных особо опасных преступников, и сколько раз ты участвовал в наблюдении?

Корнев недовольно скривился, но ничего не ответил.

— Поэтому давай ты воздержись от советов, — предложил Коля.

Старший лейтенант Корнев, глядя в сторону, в окно, раздраженно покачал головой.

— Я просто хотел сказать, что...

— Эд, заткнись, будь другом, — обернувшись назад, рыкнул Лаптев.

Корнев пожал плечами и больше не произнёс ни звука.

Дверь подъезда открылась, вышла девушка в коротком летнем платье.

Неспешной походкой она продефилировала прямо перед капотом серебристой Ауди Николая. Мужчины синхронно повернули голову в её сторону.

— Хороша, — ехидно хмыкнул сзади Корнев.

— Я бы свою дочь в таком платье никуда не пустил, — проворчал Лаптев. — Чуть ветер дунет, и трусы видно будет.

Коля пожал плечами.

— Очевидно, девушка после свидания не собирается возвращаться домой.

Корнев тихо засмеялся сзади, а Лаптев бросил на Колю недовольный взгляд.

— Всё равно, девушка так выглядеть не должна.

— Не занудствуй, Лапоть, — Корнев с заднего сидения похлопал его по плечу.

Лаптев в ответ лишь недовольно поджал губы, чуть опустил голову, его взгляд стал угрюмым.

Коля вновь посмотрел на подъезд, затем поднял взгляд на стоящий на противоположной улице большой билборд. Там красовалась яркая реклама печенья «Кабальеро Сэм». Потом он взглянул на возвышающиеся вдалеке новостройки. Два новых бизнес центра и жилой дом. Оба построены по стандартам современных небоскребов — обильно застекленные, отливающие сине-серыми оттенками и покрыты отражением небосвода с облаками. Окна красиво сверкают под солнцем.

К подъезду, за которыми они наблюдали, подошла согбенная старушка в старом пиджаке и юбке.

Она опиралась на трость, у нее что-то было с левым бедром. Она шла переваливаясь, тяжело и неуклюже. Каждый шаг давался ей с явным трудом.

Домбровский увидел, как она приложила магнитный ключ к двери подъезда. Затем открыла его и тут, взглянув в сторону, улыбнулась.

Коля не слышал, но увидел, как она со всё той же доброй улыбкой чуть наклонилась и кого-то позвала. Он чуть приподнялся с сиденья, но обзор закрывали растущие вдалеке кустарники и клумбы под окнами дома. Наконец увидел, как старушка подзывает к себе кошку. Домбровский чуть сузил глаза, приглядываясь к животному. Затем быстро достал телефон, открыл присланные Стасом фотки рисунков Ники, перелистал. Нашел рисунок кошки из видения Ники. Поднял взгляд на животное, которое подошло к старушке.

Это была большая, пушистая трехцветная кошка. Коля сравнил её с рисунком. Он достал рацию, ещё раз взглянул на кошку, на билборд.

Страх ошибиться вызывал в нём нервное сомнение. Если он совершит промах, то Романтик сбежит и крепко, глубоко заляжет на дно. Но Коля решил, что действие лучше бездействия.

— Работаем, — произнёс он в рацию.

— Принято, — отозвался командир группы спецназа.

— Пошли, — Коля спрятал рацию в чехол на поясе и достал пистолет.

Все четверо полицейских, одетые в черные бронежилеты, с пистолетами в руках ринулись к подъезду. Территорию быстро оцепили. Вместе с Домбровским и его группой к подъезду подбежали семь человек в тёмной униформе спецназа. Облаченные в шлемы с автоматами в руках, они взлетели на шестой этаж. Предположительно, квартира Романтика должна была быть тут.

Оказавшись на этом этаже, Коля увидел ту самую кошку. Она шипела и жалась к окну. Её шерсть вздыбилась, взъерошилась. Животное приготовилось драться насмерть. Коля посмотрел в обе стороны лестничной клетки. Предполагаемую квартиру они тоже вычислили заранее. Он указал на неё.

— Пошли! — скомандовал командир группы СОБРа.

Они гурьбой пробежали в самый конец коридора и здесь остановились. Достали тактический таран. Притаились по обе стороны от дверей. Один из бойцов коротко размахнулся и ударил тараном по замку входной двери.

Звякнул металл, что-то скрипнуло. Дверь качнулась, распахнулась, спецназ ворвался внутрь квартиры. Коля с полицейскими из УГРО ринулся следом.

— Чисто!

— Чисто!

— Чисто!

Голоса спецназовцев звучали из разных комнат квартиры. Домбровский переступил порог квартиры и оглядел её. Легкий сквозняк шевелил обрывки старых обоев на оголенных стенах. Воздух в квартире был перенасыщен смешанным, сладковато-приторным запахом цветов, от него у Коли слегка закружилась голова. Он медленно прошел по квартире, взглянул на пол. Кругом валялись листочки роз, завядшие лепестки. Повсеместно на полу темнела рассыпанная земля, кое-где на ней были следы обуви.

Коля вошел в комнату, где стояла ванна. Было необычно видеть саму ванну в обычной комнате. Особенно, когда рядом стоят предметы мебели — старый, провалившийся диван, не менее старые стулья, кресло и пустые книжные полки. Домбровский приблизился к ванне. Он остановился и уставился на лежащие на полу возле ванны волосы.

Их было много: тёмные, чёрные, русые, каштановые, рыжие и светлые пряди волос. Некоторых он остригал прямо здесь, в ванне, здесь же он их мыл. Готовил...

Домбровский хотел коснуться ванны, но странное, глубокое чувство отвращения заставило его отдернуть руку. Он неспешно прошелся по комнате, половицы поскрипывали под его ногами. Коля осматривал комнату и пытался представить находящегося здесь Романтика. Как тот вынашивает очередное убийство, как лихорадочно мечется по комнате, представляя, как будет убивать.

На старом столе Домбровский обнаружил несколько порнографических журналов. Поверх них валялись женские трусы и лифчики. На некоторых из них Домбровский с отвращением обнаружил засохшие, белесые пятна.

— Большой урод... — проворчал он.

В комнату вошел Корнев. Николай обернулся.

Корнев, хватая ртом воздух, покачал головой. Он был чем-то до глубины души потрясен и шокирован.

— Тебе надо это увидеть, — сказал он.

Вместе они вышли из комнаты. Коля шел за старшим лейтенантом в полной уверенности, что сейчас увидит нечто, что действительно поразит его и заставит потерять дар речи. Так и случилось.

Почти все собрались в большой комнате — в зале. И все молчали. Тишина здесь была угнетающей, прижатой, придавленной, словно, притаившейся.

Ощущая, как подпрыгивает сердце в груди, Коля прошел вперед. Спецназовцы расступились.

Длинную стену зала занимала деревянная сетка. Она была склеена из тонких деревянных досочек. Коле она живо напомнила ячейки винотеки в каком-нибудь погребе богатого загородного дома. Только здесь не было самих ячеек. Лишь ромбовидные отверстия, которые занимали розы. Много роз.

Коля приоткрыл рот, считая их. Двенадцать... шестнадцать... Двадцать.... Двадцать семь... Тридцать. Тридцать пять... Сорок. Сорок семь. Сорок семь!

Кровь застучала в висках, чавкающими басами пульс отдавался в ушах. Сковывающее напряжение вибрировало в черепе и шее. Коля ощутил жар, дыхание стало затрудненным. Он подступил ближе, затем еще ближе. Он стоял на расстоянии вытянутой руки от торчащих в сетке роз.

Поднеся руку, Домбровский коснулся висевшего на одной из роз браслета. Он был сплетен из ярких кубиков мятного цвета и розовых, цвета Барби. На них были выгравированы буквы. Коля повернул браслет и прочитал — «Удачи Яна!». Домбровский поднял взгляд, оглядел другие розы. Они были искусственными, чтобы не увядали. И на каждом стебле блестела серьга или браслет, или цепочка, иногда колечко или бусы.

Коля, действительно, лишился дара речи. Они ведь ловили жестоко серийного убийцу, а должны были искать самого настоящего монстра, весь смысл существования которого — убивать.

Эпизод двенадцатый

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 20 июня

— Ясно, я понял, — сухо проговорил Стас.

Я следила за его лицом. Корнилов оставался невозмутим, почти. Его выдавал только взгляд и минимальные мимические жесты.

— Хорошо, Коль... — сказал Корнилов. — Доложите всё Аспирину, и пусть эксперты там всё проверят и перепроверят несколько раз. Должны быть улики. Судя по всему, наш приход был для него неожиданностью... Это неважно. Возможно, он собирался сегодня покинуть столицу, а может и страну. Поэтому и забрал всю электронику. Да, она рядом со мной.

Он посмотрел на меня, усмехнулся. Я ответила скромной улыбкой.

— Нет, я думаю, можно обойтись без этого, — пожал плечами Стас. — Я, вообще, не уверен, что по этому адресу ещё кто-то живёт. Столько времени прошло... Но, знаешь, на всякий случай пусть будут готовы. Да, всё. Давай.

Он закончил говорить, положил телефон между сидений.

— Коля нашёл квартиру Романтика, они вскрыли её.

— И что там? — спросила я с любопытством и опасением.

Стас ответил не сразу.

— Они нашли розы... Я так понял, что это была своеобразная коллекция. На каждой розе... были браслеты, серьги, цепочки... Ну, ты поняла...

— Трофеи, — проговорила я тихо.

— Да, — мрачно отозвался Стас.

— И сколько их? — спросила я, чувствуя, что не хочу знать ответ на этот вопрос.

Стас, похоже, тоже это почувствовал.

— Уверена, что хочешь это знать? — спросил он.

— Да, — вздохнула я.

Стас критично скривил губы.

— Сорок семь, — голос его прозвучал странно, словно механически.

Я закрыла глаза, сделала трудный плоток. Голова слегка кружилась, чувствовалось неприятное давление на уши, как будто я в море нырнула слишком глубоко. Сорок семь. Сорок семь роз. Сорок семь жизней отнял Романтик. И, наверное, это без учёта ещё тех четырнадцати человек, что нашли сегодня. Вот же... *Drań! Zwierzęta!*

Предполагаемое место проживания Анны Шмелиной располагалось в Коньково, точнее там должны были проживать приемные родители Ани —

Фёдор и Валентина Елагины.

Мы получили сведения о личностях и местах работы этих людей. Следуя метке на навигаторе мы относительно быстро добрались до указанного адреса. И сейчас ехали по улице между домов и растущих по обе стороны деревьев.

Местность здесь была глухая, безжизненная и крайне малолюдная, и плотность домов, чем дальше, тем больше снижалась. Постройки встречались всё реже и реже.

Улица как бы постепенно тонула и растворялась в густой лесополосе. Наверное, это был парк, но он напоминал более-менее ухоженный лес. По существу, от леса его отличало только наличие редких фонарей наасфальтированных дорожках и таблички с указателями.

Сейчас мы ехали по дороге, и вокруг нас были только деревья. Но вот мы проехали ещё один дом, из-за запущенной лужайки и грязных окон он казался нежилым. Но рядом с ним стоял старый пикап, и было видно, что приехал он недавно. Далее вдоль дороги густели заросли леса. Через пару-тройку сотен метров появился ещё один дом. Здесь мы проехали мимо пожилого мужчины в спортивных штанах и очках, он вёл на поводке ротвейлера. Прохожий неприязненно покосился на автомобиль Стаса.

Корнилов сбросил скорость, когда из-за густых дебрей деревьев и кустарников, появилось очередное строение.

— Вот её дом, — Стас кивнул на один из домов за низкой металлической изгородью.

Это был двухэтажный дом с серым сайдингом и большой пристройкой сбоку, где, по-видимому, был гараж. Стас остановил автомобиль, заглушил мотор. Я посмотрела на дом, где должна была жить Аня Шмелина. Он возвышался над дорогой, бросая тень на тротуар. Было в этом строении что-то высокомерное, предвзятое и в то же время отстраненное, отталкивающее. От дома как будто исходила неприязненная аура. Она как будто говорила: «Пошли все прочь! Не смейте сюда входить! Здешние жильцы не хотят с вами общаться!».

Мы выбрались из автомобиля, подошли к калитке ворот. Она почему-то была приоткрыта. И дело было вовсе не в беспечности хозяев. Едва Стас скрипнул старой

металлической дверцей, как из будки выскочил массивный, крепкий питбультерьер и с злобным лаем бросился на нас. Стас было выхватил пистолет, но я схватила его за руку и ринулась вперёд.

— Ника, ты... — Стас схватил меня за плечо.

Я присела на колени и протянула к псу руку. Собака остановилась, на её морде читалось явное недоумение. Пёс осторожно приблизился, чуть наклонил вперёд голову и коснулся влажным, холодным носом кончика моего пальца.

Затем животное заскулило жалобно, как будто извиняясь. Я улыбнулась ему только губами, пряча зубы. Не нужно, чтобы животное решило, будто я оскалилась. Пёс завилял хвостом, дал себя погладить.

— Как ты... Как тебе это удалось? — удивленно спросил стоявший надо мной Корнилов.

— Он не злой, — ответила я. — Просто его научили гавкать на всех чужаков. Но... характер вечного щенка ведь не скроешь. Да, малыш?

Я почесала собаку за ухом. На его зелёном ошейнике качалась позолоченная медалька в виде косточки. На ней было выгравировано имя питбультерьера.

— Да, — хмыкнула я, прочитав имя. — Тебе идёт, Эдди. Очень даже...

Услышав собственное имя, пёс прилег на землю, вывалил язык, подставил пузико.

— Скажи, а с людьми ты так тоже можешь? — спросил Стас с ухмылкой.

— Люди сложнее, — качнула я головой. — И куда недоверчивее.

Дверь дома открылась. Мы со Стасом уставились в тёмный проём приоткрытой двери. Я различала смутный, тёмный силуэт внутри.

— Что вам надо? — услышала я гневный женский голос. — Убирайтесь! И оставьте мою собаку! Я вызову полицию!

— Не стоит, — Стас медленно приблизился, доставая удостоверение. — Мы уже тут.

Несколько секунд женщина молчала. Видимо пыталась прочесть удостоверение Стаса.

— Уголовный розыск? — кажется, она была удивлена. — Что вы здесь забыли?

— Вы Анна? Нам нужно поговорить.

— О чём?

— О многом, — суховато произнёс Стас.

Снова перед ответом была длинная пауза.

— Чёрт с вами, входите, — проворчала хозяйка дома.

Стас оглянулся на меня. Я кивнула и, погладив Эдди на прощанье, последовала за Стасом.

Внутри дома было темно, повсюду были зашторены и плотно завешаны окна.

Везде властвовал густой сине-серый сумрак. Очертания предметов, стен, потолка и мебели скрадывались, размывались тенями таинственного полумрака. Очень остро чувствовался стойкий, сухой запах чего-то залежавшегося и застарелого с прогорклым привкусом.

— Проходите сюда, — услышали мы голос хозяйки дома.

Она говорила почти шепотом, но от её голоса по комнате разлеталось жутковатое эхо. Казалось, когда она говорила, тени из полумрака таким же шуршащим шепотом повторяли её слова. Я почувствовала давящее чувство какого-то бесконечного, зачерствевшего уныния. В этом доме не было места счастью, радости и любым положительным эмоциям. Здесь властвовали печаль, злость и страх. А хозяйка этого дома, кажется, живет в каком-то

своеобразном и добровольном заточении.

Мы со Стасом прошли за ней на кухню. Она стояла возле кухонного стола и наливала себе то ли чай, то ли кофе из прозрачного чайника. Нам она ничего не предложила. Да я, лично, всё равно бы отказалась, как и Стас, наверное.

— Говорите, — буркнула женщина, не поворачиваясь к нам.

Она была одета в халат, по её плечам спускались тёмные, спутанные волосы. Часть их скрывала её лицо, вернее, только половину.

Окинув кухню взглядом, я заметила составленные вдоль стены пустые бутылки из-под пива и других спиртных напитков. Бутылок было много, несколько десятков.

— Анна, — Стас чуть приблизился к женщине. — Нам нужно поговорить с вами о Демиде Хазине.

Я увидела, как при звуке имени Демида, женщина в халате застыла на мгновение. Затем то ли подавилась и закашлялась, то ли засмеялась. Вот только смех не был весёлым. В нём слышались горечь, пережитая боль и презрение.

— О Демиде... — повторила она. — Демид умер, а перед этим... сломал мою жизнь.

— Как это произошло? — спросил Стас.

Женщина отпила из чашки. Она пила редкими глотками, с паузами. Стас терпеливо ждал. Я поморщилась от боли в ногах.

— Вы не против, если я присяду? — спросила я вежливо.

— На здоровье, — недружелюбно бросила женщина.

Стас любезно отодвинул мне стул, и я осторожно присела. Ступни ног вновь отозвались толчком боли, пронзившим плоть и, казалось, доставшим до костей.

Мысленно я в который раз выругала извращенную фантазию Романтика.

Стас ждал ответа на свой вопрос, но Анна Шмелина не торопилась с ответом.

— Демид... — Анна не поворачивалась к нам со Стасом. — Мы... мы дружили с ним... Мы росли в детдоме...

Я вздохнула.

— Анна, — проговорила я осторожно, с состраданием к одинокой и явно отчаявшейся женщине. — Мы знаем, что вы с Демидом вместе росли в сто двенадцатом детдоме, мы так же знаем, что Демида били из-за вас, и знаем, что потом вы вышли замуж за Михаила Трегубова.

Тут я ощутила на плече руку Стаса, это был предупреждающий жест, но я не могла остановиться, времени не было. Я знала, что Романтик скоро убьет снова. Он ведь до сих пор страшно зол на полицию, на УГРО, на Стаса, на меня.

Он должен взять реванш. Я в этом нисколько не сомневалась, да и Корнилов тоже.

— Мы знаем, — уже мягче проговорила я. — Что в один из вечеров Демид пришел к вам в дом и...

Я замолчала, вздохнула. Говорить о том, что произошло потом, было жестоко. Я не знала, как отреагирует Анна.

— А потом он убил Мишу, моего мужа.

Я слышала, что голос Анны подрагивает от сдерживаемых чувств. Ей было слишком трудно вспоминать то, что случилось тогда. Это означало мысленно вернуться в ту ночь, когда произошли те события. В каком-то смысле, ей пришлось бы заново пережить тот кошмар, когда её муж умер у неё на глазах.

И те мгновения, те секунды на которые она оказалась в полной и безграничной власти

Демида. Демида, который пришёл мстить за неразделённую любовь.

— Почему вы... не остались с ним? — спросила я.

— Что? — не поняла Анна.

— Почему вы предпочли Трегубова? — уточнила я.

Анна как-то странно фыркнула, покачала головой.

— А сами не догадываетесь? Если вы копаете это дело, должны были уже знать, что...

Демида был чудовищем! Монстром! А я... Я не сразу это увидела.

— Но его чувства к вам были искренними, — заметила я.

— Вам — то откуда знать?! — с внезапной злостью воскликнула Шмелина.

— Потому что именно вам первой он показал свои розы, — проговорила я тихо.

Тут Шмелина вздрогнула и медленно обернулась. Я увидела, как из-под спутанных волос на лице блеснул её левый глаз. Она чуть шагнула к нам, пошатнулась, ухватилась руками за стол и осторожно опустилась на стул возле меня.

— Вы стояли в его саду, среди роз, которые он вырастил, и он приближался к вам, — продолжала я ровным, тихим, мягким голосом. — Вы спросили его, что он делает, а он сказал вам тогда, что собирается вас поцеловать.

Это воспоминание снова начало захлёстывать меня, утягивать в видение. Я сопротивлялась. Голова кружилась всё сильнее, я поморщилась. Головокружение становилось невыносимым, и видение напирало, давило, пыталось проглотить меня.

— Вам тогда помешали... — сказала я, кривясь от ломящей боли в висках. — Там был Михаил Трегубов и его парни... Они избивали Демида... Вы тогда кричали, чтобы они перестали...

— Вы не можете этого знать, — внезапно с дрожью в голосе прошептала Анна. — Вы не должны... Из всех, кто там был, в живых осталась только я! А я... Я никому... Я никогда ничего не говорила о Демиде! Я старалась забыть о нём!

— Почему? — в который раз повторила я.

Стас не мешал, не вмешивался в наш диалог. Он видел, что Анна пошла со мной на контакт.

— Почему вы начали его бояться? Когда? — спрашивала я.

— Откуда вы знаете о том, что случилось в саду? — с внезапным лихорадочным оживлением проговорила Анна.

— Это не имеет значения, — этой многозначительной и категоричной фразе я научилась у Стаса. — Почему вы стали бояться Демида?

Анна ответила не сразу. Она чуть наклонилась ко мне. Я ощутила исходящий от неё кислотовато-влажный запах пота, но я не шелохнулась.

— Вы были... в детдоме? — прошептала она.

— Да, — ответила я.

— Значит, вы знаете о том, что со временем в детдоме начали пропадать люди: другие дети и преподаватели.

Я смотрела в её лицо, я пыталась увидеть её глаза, но под свисающими на лицо густыми, темными прядями волос в полумраке кухни это было затруднительно.

— Знаем, — ответила я. — Но почему вы думаете, что это Демида?

— А не думаю, — Анна встряхнула головой и на мгновение я снова увидела блеск её левого глаза. — Я знаю.

От последних её слов у меня по позвонкам словно провели чем-то металлическим и

холодным. Неприятное, внушающее опасение, чувство охватило меня.

— Демид... — было заметно, что имя Хазина женщине очень трудно даже произносить. — Он, и правда, казался мне очень милым, а его подарки и неуклюжие попытки ухаживать за мной выглядели так трогательно... Он мне нравился, и довольно долго. И да, парни избивали его регулярно.

— Из-за вас? — спросила я осторожно.

— Из-за меня тоже, — нехотя призналась Анна. — Но... большей частью из — за того, что он был... другим. Другим во всех смыслах.

— Молчаливым, тихим, скромным, — перечислила я.

Анна снова замолчала и снова взглянула на меня, не скрывая удивления.

— Вы... Вы слишком молоды, чтобы знать его... — проговорила она недоуменно и с толикой страха. — Но у меня такое впечатление, будто он вам, и правда, известен.

Да, подумала я, к сожалению, в какой-то мере ты права, и даже не догадываешься насколько.

— Мы собрали достаточно информации, — ответила я туманно.

— Чушь, — прошипела Анна, чуть опустив голову. — Никто не знал о том, что происходило, когда Демид собирался меня поцеловать.

Я поняла, что, наверное, зря заговорила про тот случай. Я пыталась таким образом разговорить её, но было бы странно, если бы у Ани не возникло вопросов.

— Давайте лучше поговорим о том, почему вы считаете, что именно Демид причастен к исчезновению тех детей, — в разговор включился Стас.

Я была безмерно благодарна ему, так как порядком растерялась, не зная, что и как дальше говорить Ане. Шмелина вздохнула, затем шумно всхлипнула.

— Вы ведь знаете, что он любил цветы?

— Да, — кивнул Стас.

— Так вот, все пропавшие дети и те двое преподавателей, они... они перед своим исчезновением получили розу. Розу, понимаете?! Одну из тех, что он сам вырастил! И что, по-вашему, это может означать?

— Вы сами видели эти розы? — спросил Стас.

Анна ответила не сразу, помолчав, она призналась.

— Только однажды, когда один из парней, что бил его, шумно интересовался у всех, кто и зачем подсунил ему под подушку колючую розу.

Она помолчала и добавила.

— Это был последний день, когда его видели. Его и... ещё троих парней.

Я увидела, как у Шмелиной вздрогнули плечи.

— Сколько ни искали... их так и не нашли.

С её уст сорвалось дрожащее, зловещее дыхание.

— А что же Михали Трегубов? — кротко спросила я.

Анин силуэт темнел на фоне окутанных расплывчатым сумраком светлых стен кухни.

— Миша... Миша внезапно стал очень тихим и скрытным, — ответила она. — Однажды... Однажды мы узнали, что он сбежал, оставил записку и сбежал.

Она странно усмехнулась.

— Уже через полгода мы увидели его по телевизору.

Она снова всхлипнула.

— Мишка был засранцем, но потом круто изменился... Стал боксёром, мы за него

болели, помню... А Демид злился. Он ещё пытался ухаживать за мной, но с тех пор я обходила его десятой дорогой... Он преследовал меня, он постоянно был рядом, я всё время чувствовала его взгляд на себе... Постоянно. Мне всё время казалось, что он вот-вот возьмёт меня за руку.

Она шептала эти слова с искренним ужасом пережитых моментов. То и дело её голос дрожал и срывался на безголосый хрип.

— Я больше не могла так, — сказала она. — Я решила сбежать.

— Сбежать? — переспросил Стас. — Куда? К кому?

Я обернулась, бросила на него предупреждающий взгляд. Он замолчал. Совсем не стоит говорить Ане, что раз она живет в детдоме, то ей не к кому или некуда идти.

— Знаю... — проговорила Шмелина и покачала головой. — Вы наверняка думаете, что мне и податься было некуда... Ошибаетесь...

Последнее слово она протянула с какой — то злорадной язвительностью.

— Я сбежала к отчиму.

— Почему же вы... — начал было Стас, я, не отводя взгляда от Ани, протянула руку и легко коснулась его левого запястья.

Стас замолчал.

— Почему я жила в детдоме и не сбежала к нему раньше? — спросила она. — Вы это хотели спросить? Да? Потому что он пил, как свинья! И бил и меня, и маму! А потом... потом она ушла, а я...

Шмелина замолчала, сипло всхлипнула, втянула воздух и опустила голову.

— Меня у него потом забрали. Он в очередной раз напился до белки... И... И набросился на меня... Я кричала, и соседи вызвали полицию... В итоге, меня у него забрали. Я до четырнадцати лет прожила в детдоме, пока... пока не познакомилась с Демидом...

Её слова звучали с безразличной тоскливой грустью. Голос женщины, отчаявшейся надеяться хоть на какое-то счастье в жизни.

— Потом я встретила Мишу, он начал ухаживать за мной. Потом сделал мне предложение, и я... Я почти сразу согласилась. Но...

— Но вы его не любили, — закрыв глаза на мгновение, проговорила я. — Просто ухватились за него, как за шанс начать новую жизнь без отчима, без Демиды.

Шмелина фыркнула.

— Вы бы на моём месте по-другому бы поступили?

Я вздохнула.

— Демид нашёл вас.

— Да.

— Расскажите про тот вечер... — попросила я.

— Я... Он... — голос её сорвался, она уже зарыдала в открытую. — Он... он пришел... Я видела... как Миша бросился к нему... И...

Она подавилась рыданиями и прижала ладони к лицу.

— Я не могу... я не могу... не могу! Не могу!

— Тише... — Стас протянул руку к ней, но я его остановила.

Осторожно, морщась от боли, встала из — за стола, обошла его и положила руку на плечо Ани Шмелиной. Женщина внезапно накрыла мою руку своей ладонью. Она у неё была шершавая и холодная. Она крепко, с нескрываемой благодарностью, сжала мою ладонь. Я поняла, насколько одинока и запугана эта женщина. Уже несколько лет ей совсем некому

рассказать о том, что гложет и пугает её, о том, что болезненно тяготит её. Ей некому поведать свои страхи и переживания. Она одна — одинока и беззащитна. И обречена чахнуть наедине с призраками своего прошлого.

Я знала и верила, что она не сможет рассказать, правда, не сможет. Она старалась держаться первые минуты нашего общения. Но, те эмоции, те чувства, которые она испытала, помноженные на гнетущее одиночество... они прорвались наружу и выплеснулись единым потоком сдавленных рыданий. А для меня её выплеснувшиеся наружу чувства стали проводником в её воспоминания.

...Пол давит на затылок, в голове разливается вязкая, тянущая боль. А он нависал надо мной. И я видела своё отражение в его лихорадочно блестящих глазах. Он дышал мне в лицо и шептал:

— Я любил тебя! Любил! Любил больше себя! Больше жизни! Больше, чем кого бы ты ни было! Даже... Даже больше матери!

С этими словами он сделал порез на моём лице. Я вздрогнула, ощутив, как острая, обжигающая боль стянула мою правую скулу. Я почувствовала, как по щеке медленно поползла щекотная струйка крови.

— Не бойся... Не бойся, любовь моя, — сверкая безумными глазами, шептал Демид. — Не бойся... Я не буду убивать тебя... Обещаю...

— Демид... Я... — я всхлипывая, лепечу что-то плачущим голосом.

Но он торопливо прижимает свои пальцы к моим губам.

— Нет-нет, — с обманчивой жалостью шепчет Демид. — Нет... Ничего не говори. Не нужно ничего говорить...

И я молчу. Страх полностью парализует меня, отнимает даже возможность издать хотя бы звук. Я лишена голоса. Я не могу говорить. Я вся замерла, застыла, сжалась, напряглась и закрыла глаза.

— Во-от так... — протянул он.

Я пискнула от боли, когда он снова порезал меня. Лезвие его ножа жгло и вспарывало кожу на моем лице. Я лежала, прижатая им к полу, и беззвучно рыдала от боли и безграничного, бесконечного проникающего в душу, просачивающегося в само мое сознание, опустошительного ужаса.

Слезы на моем лице смешивались с кровью.

— Только не дёргайся... — шептал Демид. — Только не дёргайся, любовь моя...

Я не дергалась, я боялась шевельнуться. Я сжала кулаки и просто лежала.

Лицо горело, жгло и пекло. Боль нарастала, становилась невыносимой. Я не издавала звуков и не двигалась. Я только терпела и ждала. Ждала, когда он перестанет. У меня дрожало тело, судороги боли рвали мое лицо. Я чувствовала прикосновение его холодного, влажного ножа.

Я почувствовала, когда он слез с меня и встал. В легкие ворвался кислород, я вдохнула полной грудью и заорала, выгибаясь на полу, схватилась рукой за лицо, но тут же отдернула руку, испытывая разрывающую, жгучую боль. Я перевернулась на бок, поджала ноги, меня сотрясали рыдания. Я жмурилась от боли и чувствовала, как моя кровь растекается по лицу. Правая сторона моего лица как будто лежала на раскаленной сковороде. Мне казалось, что невидимый огонь, пламя или раскаленный докрасна металл обжигает мое лицо. Я скребла ногами по полу и билась в истерике ужаса и мучительного страдания.

Демид стоял надо мной и улыбался — грустно и спокойно.

— Теперь ты будешь одна, — произнёс он. — Всегда, до конца своих дней.

Он покивал головой и улыбнулся. Самодовольно, гадко, мерзко. Что-то происходило с его лицом. Оно... оно как будто менялось. Подрагивало, будто отражение в воде, и то и дело менялось, искажалось. Я знала, в чём дело.

Аня хотела забыть Демида. Пережить то, что случилось, и выбросить Демида из памяти. Её мозг отказывался воспроизводить его личность.

Я мысленно выругалась... А Хазин, стоя надо мной, внезапно с силой вонзил нож себе в живот. Я заорала громче, истощнее. Он упал на колени, с тугим, сдавленным свистом втянул носом воздух, наклонился вперёд, глядя в одну точку. По его нижней губе выползла струйка крови и потекла по подбородку.

Его начало лихорадочно трясти. Я увидела, как у него на шее и на лбу вздулись прожилки вен. Затем вдруг резким движением он вспорол свой живот и завалился на бок. Он слабо улыбнулся мне перед тем, как замереть и затихнуть. Его глаза сомкнулись, он неподвижно лежал в луже растекающейся крови.

Я, слабо передвигаясь, с усилием отползла от него подальше. И мне казалось, что он вот-вот встанет и бросится на меня...

Видение оборвалось. Я очнулась на руках у Стаса.

— Что с ней такое?

— Отвали! — прорычал Стас. — Дай лучше воды!

— Она... — Аня стояла чуть дальше и глядела на меня через спутанные волосы. — Она повторяла слова...

— Дай воды, твою мать! — выругался Стас, потеряв контроль, и затем ласково провел ладонью по моей щеке. — Ника... Ника, всё хорошо...

Я услышала, как льется вода. Аня подошла к Стасу протянула стакан с водой. Я медленно села на полу и взяла стакан из рук Стаса. Вода живительной силой потекла изо рта в горло и разлилась по телу приятной прохладой.

— Она... — снова повторила Анна и, подняв руку, указала на меня. — Она повторяла мои слова... Все то, что я тогда говорила, когда...

Я допила воду и, опустив стакан, подняла взгляд на Аню.

— Когда Демид резал твоё лицо, — проговорила я.

Стас, присевший возле меня на колени, медленно перевёл взгляд на Аню. Та пару секунд стояла, а затем двумя руками отбросила волосы с лица. Она взяла со стола спички, подошла к нам и присела возле меня. Стас напрягся. Я, не отводя взгляда от Анны, коснулась его руки. Стас остался на месте.

Шмелина присела напротив меня, чиркнула спичкой. Запахло серой. Танцующий, дрожащий рыжий огонек пламени на конце спички озарил лицо Анны Шmeliной. Боже, подумала я, глядя на неё. Правая часть лица Анны была покрыта уродливыми, бугристыми шрамами. Казалось, кто-то нанёс на ее лицо тесто и неряшливо набросал комками у виска и до скулы и столь же небрежно размазал на щеке и возле правого краешка губ. Правый глаз у неё не открывался, точнее открывался не полностью. Женщина не могла его открыть из-за того, что верхнее веко представляло собой слившийся с надбровной дугой одутловатый, полусдувшийся пузырь.

— Видите? — прошептала Анна. — Видите, да?.. Вот что сделал Демид Хазин... Он стал моим проклятием... Он отнял у меня последний шанс на новую жизнь и даже возможность мечтать о чем-то...

Она поджала губы и зарыдала. Горько, громко и отчаянно. Я поднялась, опираясь на руку Стаса, слабо ступая, подошла к рыдающей женщине. Затем присела возле неё, и она тут же прильнула ко мне, уткнулась лицом в плечо и шею. Она была тяжелее, существенно больше меня, и мне было неудобно держать на себе её вес, но я удерживала. Этой несчастной, запуганной и одинокой женщине, как воздух, нужно было сострадание. Я погладила её по жидким, жирным и спутанным волосам, которые она, видимо, давно не мыла.

Я ничего не говорила, не нужно было ничего говорить. Ей просто нужно было сочувствие. Я невесело, тихо усмехнулась, подумав, что было бы здорово, если бы люди иногда просто проявляли молчаливое сострадание друг к другу.

Слова не так важны. Гораздо важнее просто молча поддержать и пожалеть. Это, кстати, на заметку нашей любимой, сильной половине человечества.

Из гостиной по квартире разнесся пиликающий звонок телефона. Анна содрогнулась всем телом и немедленно подхватилась.

— Боже... — выдохнула она и стремглав бросилась к телефону.

Я осталась на полу, удивленно и настороженно глядя ей вслед. Стас тоже был впечатлен излишней, казалось бы, спешкой Анны.

Шмелина подлетела к телефону. Я услышала, как она говорит.

— Алло? Что? Н-нет... Н- нет, не надо. Не надо... Не надо, я прошу тебя. Слушай, ну.. Ладно. Да, я... Я всё поняла... Я всё поняла, мой... мой господин. Да. Я знаю. Я помню...

Она протяжно вздохнула и с видимым усилием произнесла.

— Я принадлежу только вам. Да, мой господин.

Мы со Стасом переглянулись. Корнилов выразительно вскинул правую бровь. Я дернула плечами. Мы услышали, как Анна с громким клацаньем положила трубку. Стас помог мне встать и направился в гостиную. Я видела светлый силуэт Шмелиной, застывшей возле полки с телефоном.

— Анна, — осторожно произнёс Стас. — Кто это звонил.

— А то вы не знаете, — процедила внезапно Шмелина. — Тот... за кем вы все так безуспешно гоняетесь.

Она вздохнула.

— Уходите.

— Анна...

Она повернулась к Стасу и процедила с маниакальной страстью.

— Да уходите же вы! — прорычала она. — Он убьёт меня! И вас заодно! Вы понимаете?!

— Анна, подождите, не кричите...

— Убирайтесь! — вскричала Шмелина, она подскочила к старому камину и откуда-то вынула пистолет.

Она направила его в грудь Стаса.

— Убирайтесь из моего дома, господин полицейский! Сейчас же!!!

— Ладно, — Стас поднял ладони. — Как скажете, Анна... Ника, иди ко мне. Мы уходим...

— Нет, — неожиданно сказала Шмелина. — Только вы. Он сказал, что только вы должны уйти. Она, — Шмелина качнула ствол пистолета в мою сторону. — Она остаётся со мной.

Стас посмотрел на меня, я ответила ему беспомощным, встревоженным взглядом.

— Уходи! — в который раз повторила Анна, тыча пистолетом в Стаса. — Проваливай, мать твою!.. Давай! Чего ты ждёшь?!

Последнюю фразу она истерично прокричала. Я видела, что она сама напугана, растеряна и одновременно преисполнена бессильного гнева. Стас, подняв ладони, медленно попятился.

— Анна, мы можем вам помочь...

— Конечно! — выплюнула она. — Вы даже себе помочь не можете! Полиция, чёрт бы вас побрал! Где вы все были, когда Демид убивал в детдоме?! А где вы были, когда он пришел ко мне?! Где?!!

Она выстрелила. У меня дрогнуло сердце, я застыла на месте. Выстрел Анны разбил стоящую возле зеркала вазу с цветами. Сейчас на полу белели треугольные осколки и упавшие цветы в луже воды.

— Анна, — Стас не оставлял попыток урезонить Шмелину. — Вы сейчас совершаете ошибку. Вы же понимаете, что мой уход не решит вашей проблемы...

— Моей проблемы?! — со злостью воскликнула Анна. — Да что вы знаете о моих проблемах?! Вы... Вы припёрлись сюда... В надежде, что я вам всё выложу, приведу вас к вашему... Романтику!

И это слово она выплюнула с отвращением и злостью.

Я подошла к порогу кухни. Во мне, словно струна, натягивалось чувство нарастающего напряжения. Анна стояла возле камина. Увидев меня, она навела на меня пистолет. Наши взгляды внезапно соприкоснулись, и я увидела...

Сначала был крик. Пронзительный, громкий, истошный крик. Кричала женщина. Её надрывающийся голос был переполнен невыносимой, мучительной болью. Затем я увидела подрагивающий свет. Женщина, часто и напряженно дыша, снова закричала. Я опустила взгляд и увидела...

Анна лежала на полу в каком-то подвале среди ящиков и стеллажей с коробками. Расстеленное под ней одеяло пропиталось растекающейся кровью.

Я ужасом осознала, что она рождает! Господи! Анна Шмелина рождает, лежа фактически на полу какого-то подвала! Да ещё одна! Без врачей! Без медсестёр! Без... Одна! Как... Как... Господи... Зачем?! А если...

Тут Анна резко приподнялась и, скривившись от мучительных болевых спазмов, снова заорала сквозь сомкнутые зубы. Крови становилось больше. Шмелина кричала, боролась... сражалась за жизнь своего ребенка. Что было сил она напрягалась, чтобы дать жизнь своему ребенку...

Я стояла над ней и совершенно не знала, что мне делать. В который гребаный раз я забываю, что вижу только воспоминания, а не события настоящего.

Часто-часто дыша, Анна как будто старательно дула ртом, затем прерывалась на истошный крик. Роды были крайне трудными. Я, застыв на месте, могла только с тревогой наблюдать за её родовыми потугами. И наконец... я увидела, как она разрешилась. Младенец вылез из неё, выталкиваемый мышцами её тела. Окровавленный и тихий он лежал между её ног...

Воспоминание резко сникло. Я снова стояла в доме Анны на пороге её кухни.

— Ты что оглохла?! — кричала мне Шмелина. — Подойди сюда!

— Хорошо, — тихо ответила я.

— Ника... — взволнованно произнёс Стас.

— Всё хорошо, Стас, — обернувшись сказала я и посмотрела на Аню. — У неё, и правда, нет выбора.

— О чём ты?!

— У неё был ребёнок, — глядя на Аню, произнесла я.

Шмелина удивленно ахнула, но пистолет не опустила.

— И судя по тому, что его здесь нет...

Шмелина зло фыркнула.

— Он не умер, — сказала я. — Но он может умереть. Я права, Аня?

Женщина часто, затрудненно дыша, лишь покачала головой.

— Кто ты, мать твою, такая?! Откуда ты... Не важно! Иди сюда! Сюда, я сказала! Живо!

Вот так...

Я послушно подошла к тому месту, на которое она указала.

— Анна, — вздохнула я. — Так ты не спасёшь своего ребёнка.

— Заткнись! — рявкнула она.

— Анна, да послушай! Он же всё равно убьёт его! Твоего ребёнка! — Стас уже понял в чём дело. — Он ведь тебя шантажирует, да?! Да?! Я прав?

— Проваливай, — глаза Анны поблёскивали в полумраке.

Я видела, что её лицо покрылось легкой испариной. Я слышала, как встревоженно и зло она дышит.

— Пожалуйста! — со злой мольбой в голосе воскликнула она. — Если ты не выйдешь! Он убьёт нас всех! И... и мою дочь! Пожалуйста!.. Уйди! Уйди! Умоляю тебя!!!

Я обернулась на Стаса. Корнилов не отводил досадливого, холодного взгляда от лица Анны.

— Стас, — тихо произнесла я.

Он взглянул на меня.

— Пожалуйста, — попросила я.

Он несколько мгновений пытливо, с опасливым сомнением глядел на меня. Он не мог решиться оставить меня.

— Стас, — повторила я. — Прошу тебя... сделай, как она просит.

Корнилов недовольно, шумно вздохнул, медленно отошел к двери дома, вышел на улицу. Когда дверь за ним закрылась, я перевела взгляд на Анну.

— Что дальше? — спросила я.

— Иди туда, — она указала пистолетом направо.

Я послушно поплелась в указанном направлении.

— Ты можешь идти быстрее?

— Нет, прости, — сказала я.

— Что с твоими ногами? — она шла за мной.

Голос её дрожал от страха и раздражения.

— Последствия неудачной встречи.

— С кем?

— Сама знаешь, — вздохнула я.

Анна замолчала. Она проводила меня в маленькую комнату, располагавшуюся за гостиной. Собственно, это было что-вроде подсобки. Здесь располагалась стиральная

машина, полки заставлены моющими средствами. Из-за них тут висел стойкий химический запах.

— Подойди к двери, — велела Анна.

Я послушно подошла к узкой, серой двери.

— Открывай.

Я открыла. Передо мной открылась длинная, узкая лестница вниз и коридор с кирпичными стенами.

— Шагай! — прикрикнула Анна

Я вздохнула. В какой раз я оказываюсь под дулом пистолета в руках невменяемого человека? И какой из них станет для меня последним? Может быть, и этот...

— Анна, — устало и тихо произнесла я. — Сколько ещё ты хочешь жить в страхе и ужасе? Он ведь подчинил тебя себе? Он издевается над тобой, как хочет... Ему нравится держать тебя в ужасе и измываться. Понимаешь? Этот дом стал твоей тюрьмой.

— Какое тебе дело?! — озлобленно крикнула Анна. — Это моя жизнь!..

— Вряд ли ты мечтала о такой жизни.

— Ты знаешь, что у меня забрали шанс на счастливую жизнь, — с болью в голосе отозвалась Шмелина. — А у него, этого больного ублюдка, моя... моя единственная дочь...

— Я знаю.

— Да ни хрена ты, не знаешь! — внезапно вскричала она и толкнула меня в спину.

Я едва удержалась на лестнице, не скатившись кубарем вниз по ступеням.

— Анна, — терпеливо произнесла я, поднимаясь с колен.

— Заткнись!

— Как долго ты живешь в его власти?

— Я сказала заткнись! — Ладно, тебе не жаль себя, — я сменила тактику. — А что насчёт твоей дочери? Как ты видишь её жизнь, без... без тебя?!

Анна не ответила. Я спускалась по лестнице.

— Он всё равно убьёт её рано или поздно. — убеждала я её. — Пойми ты это! Ты не задобришь его своей покорностью. Ты... Ты только позволяешь ему думать, что он может вытворять с тобой всё, что пожелает!

— А разве это не так? — тихо с безысходностью и грустью отозвалась Шмелина. — Знаешь, сколько я так живу?!

Я не знала, но могла предположить.

— Наверное, с тех пор, как он появился в твоей жизни, — не оборачиваясь на Аню, ответила я.

Шмелина за моей спиной со слезами обиженно фыркнула.

— Ты хотя бы видела его лицо? — спросила я. — Можешь описать его?

— Тебе-то это уже зачем? — нервно всхлипнув, спросила Аня. — Ты что... ты что, не понимаешь?.. Ты отсюда уже не уйдешь!

Я остановилась и обернулась, встретилась взглядом с её заплаканными, красными глазами.

Она немедленно выпрямила руку с пистолетом и угрожающе произнесла:

— Даже не думай!.. Я... мне жаль, но... лучше ты, чем моя дочь... Прости...

— Ничего, — я качнула головой. — Мне будет отрадно, что если я умру, то хотя бы ради того, чтобы жил кто-то другой.

— Что?.. — поморщилась Анна. — Да что ты такое несешь, дура ты безмозглая?! Ты...

ты сейчас серьёзно?! Ты готова погибнуть, ради... ради совершенно незнакомого тебе человека?

Я на удивление оставалась спокойной. Страх смерти... Нет, он не ушел. Я живая, а всему живому свойственно бояться гибели. Это инстинкт. Скорее, я устала бояться каждый раз и давно смирилась. В конце концов, как бы жестоко и мрачно это ни звучало, все там будем рано или поздно.

— Я просто считаю, — отвечая на вопрос Ани, проговорила я спокойно, — что это всё-таки куда лучше, чем бессмысленно прожигать свою жизнь в бесконечной погоне за удовольствиями и финансовыми ценностями. Может быть. Я точно не знаю... Но это лучше, чем погибнуть в результате собственной нелепой ошибки или просто попасть под машину. Моя жизнь в обмен на жизнь твоей дочери.

Я вздохнула и пожала плечами.

— Не такой уж плохой расклад, если подумать.

Шмелина ничего не отвечала. Мы продолжали спускаться.

— А где твои родители? — спросила она. — Это полицейский... Стас... Он ведь тебе не отец.

— Нет, — качнула я головой. — Генетически мы не состоим ни в каком родстве, если тебя это интересует.

— Тогда я не понимаю... Ты же так молода... Сколько тебе хоть?

— Будем считать, что восемнадцать.

— Выглядишь ты младше.

— Пожалуй, это можно счесть комплиментом, — ухмыльнулась я.

— Ты очень странная, — шумно сглотнув, проговорила Аня. — У меня от твоих слов... странное чувство.

— Какое? — с любопытством спросила я.

— Не знаю... — честно ответила Аня и её голос вздрогнул. — Но странное...

— Почему?

— Потому что я должна опасаться, что ты попытаешься сбежать, спастись или напасть на меня, а вместо этого... Ты внушаешь странное умиротворение... Но тебе это не поможет.

— Не сомневаюсь, — вздохнула я, гадая о каком умиротворении она сейчас говорила.

На Лерку вон я так воздействовать не могу, к сожалению.

Мы спустились с лестницы и пошли по длинному, узкому коридору. Здесь было довольно яркое освещение. В углу под потолком тянулись две трубы и какие-то провода.

— Ты не ответила про своих родителей, — вдруг напомнила мне Аня.

— А что ты хочешь знать? — спросила я.

— Например, как они допускают, что их дочь подвергает себя риску... быть убитой, — сбивчиво, заикаясь проговорила Шмелина.

— Они не знают, — просто ответила я.

Впереди в конце коридора маячила темно-зеленая дверь с узким окошком. Я шла вперед, думая, что мне делать и что меня может ожидать за той дверью.

— Беспечные они у тебя, — сказала мне Аня, когда мы подошли к самой двери.

— Возможно, — не стала спорить я.

Мысли о родителях были сродни болезненным щипкам или острым, глубоким уколам в самую душу. Но я старалась держаться, у меня другого выхода не было. А поплакать я всегда успею, надеюсь.

— Открывай дверь, — сказала мне Анна. — Давай. Живо...

Я мешкала.

— Аня...

— Открывай дверь! Не вынуждай меня вышибать тебе мозги!

— Аня, мы можем тебе помочь! — я повысила голос.

— Мы уже это обсуждали, — рыкнула Анна. — Думаешь, я не задумывалась о побеге?

Только ведь он всё равно меня найдёт. И прежде, чем прийти за мной, будет слать мне фрагменты тела моей дочери.

Я взялась за ручку двери. Почему-то сейчас, когда в моей ладони была обжигающе холодная дверная ручка, мне стало страшно. Страх навалился на меня, окутал моё тело, душу, липкой паутиной охватил сознание и попытался поглотить меня. Ему тяжело было сопротивляться, потому что он отравлял сознание паникой.

Я вздохнула и нажала на ручку двери, открыла её. Внутри был подвал, из него сильно тянуло сыростью и чем-то кисловатым.

— Заходи, — велела Шмелина.

— Анна, ты выбираешь путь безысходности.

Грянул выстрел. Я вздрогнула, инстинктивно закрыла голову руками, отшатнулась от неё, чуть присела и испуганно обернулась. Она стояла передо мной, её лицо не выражало ничего. Оно было каменным, бесстрастным, безразличным.

— Пожалуйста, — произнесла она. — Не вынуждай меня... Ты уже знаешь, у меня нет выбора. Я принадлежу ему, потому что у него единственное, ради чего я еще хочу жить в этом мире. Понимаешь? Заходи... прошу... Мне жаль тебя, девочка с красивыми глазами, но я не могу тебя отпустить. Прости.

— Ничего, — ответила я и зашла в подвал. — Я понимаю.

Она завела меня внутрь, закрыла за нами дверь. Я окинула помещение взглядом. Кирпичные стены, деревянные балки по периметру, четыре лампы освещения. Пластиковые цистерны в углу, груда картонных коробок. В торце что-то похожее на печь. Рядом с ней стояли разного вида ухваты и кочерга. Мне стало не по себе.

— Иди сюда, — велела Анна.

Я обернулась. С помощью электрического ворота она спустила сверху на цепи металлический стул. Тот, качаясь, опустился, звеня цепями на подлокотниках и под днищем. Болтающиеся цепи с наручами были похожи на жутких змей или червей из фильма ужасов.

— Садись, — Анна подняла пистолет и указала на стул.

Я оглянулась на печь, присмотрелась к её маленькой дверце. Я пристально смотрела на эту печную дверцу. Мне казалось, из-под нее дрожал желто-оранжевый свет огня, видны были мечущиеся тени. Затем я услышала дикий, наполненный ужасом и болью, страдальческий голос женщины. Голоса менялись, они были разными, как и жертвы...

— Я сказала, садись! — прикрикнула Анна.

— Он будет медленно убивать меня, а потом сожжет в той печи, да? — спросила я, с обманчивым спокойствием.

— Ты знаешь ответ, девочка, — отозвалась Анна. — И знаешь, что выбора у меня нет.

— Ошибаешься.

— Не начинай!.. Садись на стул!

Я посмотрела на неё.

— Ты упускаешь шанс жить обычной, нормальной жизнью со своей дочерью, Анна.

— У меня давно его нет!

— Нет! — воскликнула я яростно. — Это он тебя в этом убедил!

— Да что ты...

— Романтик явился к тебе в дом, забрал твою дочь, и шантажировал тебя, угрожая ей!

Что он заставлял тебя делать Анна? Я ведь явно не первая в этом подвале! Он заставляет тебя помогать ему, да?! Ему явно не хватало тех, что он убивал среди роз, да? Некоторых он просто мучил здесь? Так ведь? Да? Я права, Анна? Скольких девушек он тут замучил?! Скольких, Анна? Как часто их голоса снятся тебе по ночам?! Как часто тебе кажется, что ты слышишь, как они кричат и молят о пощаде?! И как долго ещё ты сможешь всё это выносить?!

— Замолчи! — прошептала Анна. — Ты ни черта не знаешь об этом звере!

— Я знаю больше, чем ты думаешь! — проговорила я яростно. — Например, как вы целовались с Демидом тогда, лежа на траве под солнцем, и я помню, как он принёс тебе подарок, а у тебя в комнате оказался Трегубов со своими парнями, и помню, как ты кричала, когда его били. Что ещё я знаю? Я знаю, как ты лежала здесь на полу, вот в этом самом вонючем подвале и рожала. А Романтик стоял рядом и смотрел. Смотрел, как ты корчишься от боли, как пытаешься произвести на свет своё дитя... И я всё это знаю, Анна. И я уверена, что меньше всего на свете ты бы хотела прожить оставшуюся в жизнь, раболепствуя перед тем, кто отнял у тебя ребенка. И самое большое, горькое разочарование, которое тебя постигнет, случится тогда, когда ты поймёшь, что сколько бы ты не унижалась перед ним, сколько бы ты не старалась задобрить его, он все равно убьёт твою дочку. И тебя. Хотя... тебя, возможно, и оставит в живых. Ему было бы приятно видеть, как ты страдаешь.

Я выговорила и замолчала, глядя в глаза Анны.

Её изуродованное лицо выражало крайнюю степень глубочайшего изумления.

Она была потрясена услышанным. Особенно, понимая и зная, что всё это правда.

— Не понимаю... — прошептала она.

— Знаю, — быстро заговорила я и чуть подступила к ней. — Это долго рассказывать, Анна. Просто поверь, я смогу найти твою дочь. Мы сможем тебе помочь. Романтика мы арестуем, но только с твоей помощью. Ты понимаешь? На сколько ещё ты обречешь себя влачить в этом доме такое жалкое, рабское существование? Он ведь... он же не разрешает тебе даже выходить из этого дома? Я права, Анна?

— Только иногда, — выдавила через силу женщина. — Ты же понимаешь...

— Понимаю, — быстро сказала я. — Малейшее неповиновение и он угрожает твоей малышке. Но... Анна, представь, что ты получишь шанс, наконец-то, обнять свою дочь, увидеть её глаза, её улыбку, прижать её к себе. Только, пожалуйста, прошу тебя. Наберись храбрости! Как тогда, когда ты осмелилась сбежать из детдома, от Демида...

— Он же все равно меня нашел, — она горько усмехнулась. — Сначала один психопат преследовал меня, теперь другой.

— Не будь дурой, — нахмурилась я. — Романтик мстит тебе за сына.

Её лицо изменилось.

— За сына? — переспросила она медленно. — Подожди, ты что... Ты что говоришь... За...

Она ахнула, её рука с пистолетом опустилась.

— Так... Так все эти годы... всё это время... Это месть? Месть за Демида?!

— Да, — кивнула я. — И тех четырнадцать человек в детдоме убил не Демид... Ну,

точнее, не всех. Помнишь, когда сбежал Трегубов? Он сбежал после того, как пропали его друзья...

— Да, — протянула Анна. — А откуда ты...

— Так вот, его друзей убил отец Демида. Его настоящий... физиологический отец, если тебе угодно.

Анна была ошарашена. Её невидящий, ошеломленный взгляд был устремлен в пустоту. Я видела, как её зрачки мечутся из стороны в сторону в вытаращенных глазах.

— Мстить... мстить за сына. Один больной подонок... мстит за другого?

— Да... верно, — вздохнула я. — И ты... никогда... никогда не получишь его прощения, Анна, уверяю тебя. Ты просто угрозишь оставшуюся жизнь и жизнь своей дочурки. Вот и всё, что будет.

Я тяжело сглотнула и сделала ещё шаг к Анне. Она взглянула на меня, но пистолет не подняла.

— А теперь ответь мне, Аня, ты готова пожертвовать своей и дочкиной жизнью в тщетной и бесполезной попытке спастись от Романтика?

Но ответить Шмелина не успела. Мы услышали приближающиеся шаги, а через секунду дверь в подвал открылась. Мы с Анной застыли на месте.

На пороге стоял мужчина, облаченный в чёрную футболку с оскалившимся волком, темные джинсы, кеды и черные короткие перчатки. На голове у него была черная шапка и маска. Уже знакомая мне зловещая, пусть и пафосная, маска с золотыми глазницами. Во второй раз в свой жизни я оказываюсь лицом к лицу с Романтиком.

Он вошел в подвал неспешной, неторопливой и даже вальяжной поступью.

Каждый звук его шагов отзывался резким толчком сердца в моей груди. Никто из нас не проронил ни слова. Тишину нарушали только его шаги. Неспешные, с легким зловещим шорохом подошв по полу.

Анна, дрожа всем телом, смотрела на него беспомощным, растерянным и испуганным взглядом. Она побледнела, её рот приоткрылся. Она вжалась спиной в кирпичную стену так, словно хотела протиснуться сквозь неё.

Романтик окинул её изучающим взглядом, пренебрежительно хмыкнул и подошел ко мне.

Я нервно сглотнула, вздёрнула подбородок, заставила себя взглянуть прямо в глазные прорези его маски. От колен вверх по телу взбиралось стягивающее чувство нарастающего напряжения. И одновременно по телу разливалось ватное, вязкое, неприятное тепло, иссушающий жар, словно от палящего солнца.

Он поднял руку легко провел пальцами в перчатках по коже моей левой щеки.

Чуть склонил голову на бок, как будто любясь моим видом.

— Я тебя... — начала я, но не успела закончить.

Я хотела заносчиво и презрительно бросить ему в лицо: «Я тебя не боюсь, урод!» Но тут перед моими глазами буквально выстрелило воспоминание — его воспоминание.

Громко гремит, ревет музыка. Это какой-то панк рок.

— Пусти меня! Нет! Не Смей!

Я обернулась. В комнате, сплошь заклеенной постерами панк-рок групп, на кровати лежали двое. Парень и девушка. Точнее парнишка лет пятнадцати и девочка лет тринадцати, наверное.

— Пусти! — девочка пытался вырваться из-под навалившегося на неё парня.

— Да чё ты кобенишься! — он прижал её руки к кровати. — Сама же пришла! Знала, что будет!

— Пусти, козёл! — вскричала она.

Он попытался закрыть её губы поцелуем, но, кажется, она укусила его. Он вскрикнул, отпрянул, а девочка под ним зарыдала и дернулась, пытаясь вырваться.

Испытывая парализующий шок, я узнала в этой школьнице Марию Хазину — мать Демида.

— Ах ты тварь, — прорычал черноволосый парень на ней. — Я ж тебя...

Он отвесил ей пощечину. Она тонко вскрикнула, зажмурила глаза.

— Не надо... — пропищала она жалобно. — Пожалуйста, Коля... Не надо.

— Лежи спокойно, — прошипел он ей в лицо злобно.

Его руки шарили по её телу, срывали с неё одежду. Мария не сопротивлялась. Она слишком сильно боялась, что он ударит снова. Она не смела противиться.

А этот ублюдок с лихорадочным возбуждением, шепча ей пошлые мерзости, начал расстёгивать ремень своих джинсов. Музыка орала, вокалист неизвестной группы надрывался из колонок музыкального центра. Парень приподнялся над Марией, приспустил штаны и резко качнул бедрами. Вряд ли кто-то услышал, как со слезами, срывающимся голосом, закричала Мария, приподняв голову и с силой зажмурив глаза. Её лицо исказила мучительная боль. Ее тело сотрясалось от резких толчков. Она плакала и выла под ним.

Вряд ли кто-то услышал, как она сквозь слезы слабым шепотом молила его перестать.

Воспоминание оборвалось, лопнуло и рассыпалось, вернув меня в реальность.

— Что с ней такое? — рычал лающий мужской голос.

— Я... Я н-не знаю... — лепетала Анна.

Я открыла глаза. Я полулежала на полу, опираясь на руки. От только что увиденного у меня на несколько мгновений затмило разум, я была лишена возможности говорить и мыслить. Я вспоминала, как плакала Мария. Я всё ещё видела, как беззащитная тринадцатилетняя девочка молит о пощаде своего насильника. Я подняла взгляд на Романтика, теперь я знала, кто передо мной.

Отец Демида — насильник, человек, однажды сломавший жизнь тринадцатилетней Марии Хазиной. Убийца, психопат и насильник. Но я даже не знаю, с какой стороны на него посмотреть, чтобы хотя бы с натяжкой можно было назвать человеком. Господи... Как же он живёт-то в этом мире? Как ест и спит после всего того, что совершил?! Как он умудрился собрать в себе все самые отвратительные человеческие пороки?

Он услышал, как я поднимаюсь, и обернулся.

— А, — он игриво развел руками. — Очнулась! Прекрасно, девочка. А то я уже расстроился. Предвкушал себе наше с тобой развлечение, а ты тут отключилась...

Он направился ко мне.

— Зачем ты это делаешь... Коля? — спросила я.

Он замер. Он явно не ожидал, что я назову его по имени.

— Или... — проговорила я. — Может быть, мне стоит называть тебя... Захаром? Как правильнее?

Он с хрустом сжал кулаки, резко ринулся на меня. Я не успела испугаться, он схватил меня и с силой ударил о стену. Боль вцепилась в спину, легкие выдавили воздух. Я слабо открыла рот, пытаясь вдохнуть, но тут его пальцы тисками сдавили моё горло. Я беспомощно заскребла ногами, вцепилась в его запястье. Я ощущала, как его пальцы сильнее

сжимают мое горло. Я била его по руке, в тщетной попытке освободиться. Я жаждала глотнуть воздуха, легкие наливались тяжелеющей болью. Я давилась спазматическими попытками сделать вдох. Я цеплялась за жизнь, старалась... пыталась... и чувствовала, как слабею...

Но тут он отпустил меня. Я бессильно сползла по стене, упала к его ногам, жадно, часто глотая сухой воздух подвала. Легкие и гортань жгло огнём. Я смотрела на его ботинки у моего лица.

Внезапно хрустнул странный, металлический щелчок. Я подняла взгляд.

Николай (или Захар) Ковальчук обернулся. В дальнем конце подвала, вжимаясь спиной в кирпичную стену, застыла Анна Шмелина. Она в вытянутых руках держала пистолет.

Её ненавидящий и в то же время испуганный взгляд был устремлён на Захара.

— А-а... — лениво протянул тот. — Даже так... Что, Анечка? Хочешь застрелить меня? Серьёзно?

Он обернулся и неторопливым шагом двинулся к ней.

— Ты уверена в этом? А?

Он говорил с обманчивой, издевательской участливостью.

— Сдохни!!! — истошно и зло проорала Анна и что было силы несколько раз нажала на спусковой крючок.

Но пистолет в её руках отзывался лишь пустыми, робкими щелчками. Захар, смеясь, подошел к ней. Он рывком выхватил у её пистолет, повернул к себе, засмеялся.

— Солнышко... ты забыла снять предохранитель. Надо же... Я думал, такое бывает только в кино.

Я обернулась. Ошибка таких самоуверенных психопатов, как Захар, в том, что они иной раз думают, что полностью контролируют ситуацию. Мой взгляд скользнул по стоящим у стены ухватам. Если бы я успела... Стрельнув глазами в спину разглагольствующего Романтика, я подкралась к стене, где темнела печная дверца. Стараясь быть тихой, я сделала шаг в сторону стоящих у стены печных ухватов. Я не слишком представляла, что я буду делать, когда доберусь до них. В конце концов, в руках у Захара был заряженный пистолет.

— Ты хотела застрелить меня, Аня? — Ковальчук тем временем подошел к Шmeliной вплотную.

Я не видела, что он с ней делал, но слышала его голос.

— После стольких лет... Спустила столько времени, что мы с тобой были вместе... Как ты могла...

Он не скрывал злой издевки в голосе.

— Разве... Разве так поступают с друзьями?

— Да... Будь ты проклят!

Я услышала глухой звук удара и обернулась. Аня скрючилась, держась за живот. Романтик взял её за волосы, резко поднял. Лицо женщины исказили страдальческие муки.

— Ты что, ***дь уродливая, место своё забыла? — прошипел стоящий над ней Захар. — Ты забыла, кто твой хозяин? Ты думала, я не вернусь? Думала, если я не появлялся несколько дней, можно перестать бояться? А? Что ты молчишь?

Он встряхнул её, и Аня вскрикнула, замычала от боли.

— Ты посмела перестать бояться! — прошипел он злобно.

И было заметно, что это обстоятельство по-настоящему взбесило его. Непокорность. Непослушание. Неподчинение тирану, диктатору и... хозяину.

Я дотянулась до печного ухвата и обернулась к Романтику. Он стоял ко мне спиной и одной рукой удерживал Аню за волосы. Она стояла перед ним на коленях. Свободной рукой он водил пистолетом по её лицу.

Я вспомнила ночь со среды на четверг. Я вспомнила Зориных... взгляд Иры, её слёзы и лицо её матери. И его, раскинувшегося на стуле в торжествующей, ликующей, наглой позе. Это придало мне сил, я ринулась вперед. Ступая осторожно, тихо, бесшумно, я подкралась к нему.

— Ты что, уродина, решила, что... — Романтик вдруг замер быстро обернулся, увидел меня.

Я зарычала и ударила по руке с пистолетом. Он вскрикнул, когда металлический конец ухвата хлестнул его по кисти. Пистолет выпал из его разжавшихся пальцев, пролетел по полу в сторону. Я с ожесточением ударила второй раз. Он успел закрыться плечом. А третий удар получился слабым, и он перехватил его без труда и вырвал нехитрое оружие у меня из рук.

— А ты не сдаёшься! Да? — захохотал он безумным смехом. — Смелая... Мне такие нравятся! Не сомневайся, мы с тобой хорошо развлечемся...

Он резко взмахнул ухватом, удар пришелся по ногам. Я закричала от ломящей боли в голених и свалилась на бок как подкошенная. Он навис надо мной. Жуткая, белая маска с золотыми прорезями усмехаясь, глядела на меня. Он занёс ухват. Металлическая клешня ухвата ринулась вниз, мне в лицо, я едва успела выставить перед собой скрещенные руки. Он зарычал, стоя подле меня, надавил на ухват. Металлический конец ухвата приблизился к моему лицу.

Захар рычал и казалось даже стонал от удовольствия. Я не могла сопротивляться его силе, запястья рук болели от давящей на них металлической скобы ухвата.

Тут звякнула цепь. Я увидела, как Аня быстро приблизилась к Захару. Он не успел даже обернуться. Она с силой хлестнула его сложенной пополам цепью по голове. Он пошатнулся, потерял равновесие, выпустил ухват. Я быстро перевернулась на четвереньки и поднялась.

Аня, неистово рыча, бросилась на Захара с цепью в руке. А я бросила взгляд на пистолет, отлетевший к стене подвала, и ринулась к нему. Я слышала звуки ударов цепи и ругательства Анны.

Я, не оборачиваясь, ковыляя, хромая на левую ногу, добралась до пистолет, схватил его. Трясущимися руками развернула, нашла долбаный «флажок» предохранителя, повернула его и направила на Захара.

И вовремя, тот как раз сбил Аню с ног и занес руку для удара. Я нажала на спусковой крючок, грянул выстрел. Я промазала. Пуля высекла искру из стены, грохочущее эхо выстрела взорвалось в стенах подвала и заметалось под низким потолком.

Захар Ковальчук, отец Демида Хазина и дворецкий Фабиана Арманда, замер.

— Стой! — предупредила я и нервно сглотнула.

Пистолет был объёмным, большим и тяжелым. Мне было неудобно держать его, зато он предавал мне уверенности, отчасти. Дрожащими руками я сжимала рукоять пистолета. Ствол подрагивал в моих руках. Держать его, вытянув перед собой, было нелегко, мышцы рук начинало неприятно стягивать.

Но я всё-таки спортсменка и выносливость у меня была повыше, чем у моих сверстниц.

— Отойди от неё! — приказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно и грозно. — Сейчас же!

Он не двигался. Замер, застыл, глядя на меня. Аня лежала возле него, не смея подняться.

Её взгляд метался между мной и Романтиком.

Он быстро сунул руку в карман и вынул какое-то устройство.

— Брось! — велела я.

Голос меня подвёл, дрогнул, и мое слово прозвучало скорее жалобно, чем угрожающе.

— Брось, сейчас же! — повторила я, повышая голос.

— Думаешь, пристрелишь меня, и вы свалите отсюда? — спросил Романтик насмешливым, злым голосом.

— Думаю, что стоит попытаться, — мрачно ответила я.

Но, на деле, мой голос и слова были куда смелее меня самой. Начнем с того, что я была совершенно не уверена, что смогу выстрелить в человека. Думаете, страх перед убийцей и ненависть к нему должны были придать мне уверенности и лишить сомнений? Я тоже в это верила до сего момента...

— Ты ведь не будешь стрелять, блондиночка, — протянул он и, обернувшись к Ане, бросил, — Скажи ей бросить пистолет, Анечка. Она знает, что твоя милая дочурка у меня? Нет? А она знает, что с ней сделают мои люди, если я не вернусь?

— Аня, он врёт! — быстро сказала я.

Шмелина не отводила затравленного, испуганного, но при этом испепеляющего, гневного взгляда от убийцы.

— Это можно проверить, — Романтик игриво покачал маленьким пультом управления в руке.

— Что это? — нахмурилась я.

— Убей меня и узнаешь, синеглазая, — он хихикнул.

— Думаешь, я не смогу?! — спросила я сердито.

— Думаю, нет, — он зло засмеялся. — Ты не убийца... Ты слишком слабая, чтобы убить... Даже защищаясь или защищая. Ты не сможешь, Вероника. Я знаю таких людей, как ты. С*анные, блаженные идеалисты.

Он покачал головой.

— Вы скорее дадите убить себя, чем посмеет отнять жизнь у своего врага.

— Аня, поднимайся и иди ко мне, — сказала я, не отводя взгляда от Романтика.

— Если она хоть с места сдвинется, — предупредил Романтик. — Я нажму на кнопку. Знаешь, что тогда случится с её дочкой?

Я не знала, что делать! Я была одна. Мне никто не мог подсказать, что предпринять, как себя вести. Я ощутила нарастающую панику и растерянность.

Аня не двигалась. Боялась.

— Аня, включи мозг! — потребовала я. — Чтобы он мог что-то сделать этим пультом твоей дочери, она должна находиться совсем недалеко. Думаешь, он, правда, держит её где-то по близости?

Тут в глазах Шmeliной появилось сомнение, а следом надежда, затем мрачная решимость.

— А ты молодец... — протянул Романтик, выждав пару мгновений. — Голову не теряешь... Только тебе это не поможет!

Он с щелканьем нажал кнопку. Мгновение, раздался мощный гул, и потолок над моей головой вздрогнул. На меня посыпалась пыль и каменная крошка.

Аня закричала. Свет в подвале моргнул, погас. Я попятилась, обо что-то споткнулась и упала, но пистолет остался в моих руках. Над нами грохотало, стучало, рушилось и

рушилось. Слышно было, как по потолку звучат глухие, мощные удары.

Я ничего не видела, и не слышала! Темнота обступала меня. Страх и ужас накатывали удушающими волнами. Заведя руку за спину, я пыталась достать из наружного кармана мини-рюкзака свой мобильник. Через силу мне это удалось. Я лихорадочно нащупала кнопку блокировки и что было силы несколько раз нажала, повернув дисплеем от себя. Над нами продолжали звучать гулкие удары, тянуло сильным, плотным запахом гари. Телефон вспыхнул ярким светом.

Из мрака на меня с ножом в руке бросился Романтик. Он подкрался так близко, что я увидела его глаза в прорези маски. Я заорала от страха и выстрелила, затем снова. Ещё раз, ещё. Ещё. Романтика отшвырнуло назад, он упал на пол, застонал.

Хватая ртом воздух, я ошалело глядела на тело стонущего убийцы.

— Аня? — я повела телефоном из стороны в сторону, освещая подвал.

Я нашла её, она испуганно жалась к опорному столбу подвала. Я поднялась, поморщилась от боли в ступнях. В подвале уже вовсю воняло горелым. И к своему ужасу я увидела, как внутри подвала просачиваются извивающиеся щупальца туманного дыма. Я подошла к Ане, тронула за плечо.

— Вставай, — попросила я. — Нужно уходить... Быстрее.

Я навела свет телефона на Романтика. Он валялся на полу и всё ещё кряхтел, стонал, шипел от боли. Я не знала, насколько серьезно он ранен. На мгновение мелькнула соблазнительная мысль подбежать и сорвать с него маску, но я не рискнула.

— Вставай же! Аня! — я уже сильнее дернула женщину за рукав. — Нужно уходить!

Наконец Шмелина смогла взять себя в руки. Она встала, пошатнулась, но устояла. Мы двинулись к выходу, Аня открыла дверь, мы пересекли порог, и я обернулась... Мне показалось, что меня обдали водой из ледяной проруби — он поднимался, медленно, молча, с неумолимым, злым стремлением.

— Закрывай дверь! — истерично заорала я.

Он закричал, зарычал, рванулся к нам. Аня начала закрывать дверь. Я подскочила, помогла ей. Мы вдвоем навалились на дверь и захлопнули её.

Шмелина быстро повернула ручку замка, звякнула щеколда. Дверь немедленно вздрогнула и затряслась от неистовых ударов. Мы услышали его свирепый крик.

— У него есть ключи? — взбудораженным, испуганным голосом спросила я.

— Не знаю... — качнула головой Аня.

— Идём, — я обернулась, мы ринулись обратно, по узкому коридору.

Коридор заволакивало дымом, вместе с дымом растекалась горькая вонь гари.

Мы ещё не дошли до кладовой в доме, но я уже увидела, как из-под двери, ведущей в коридор, вываливаются густые, серые клубы расплывающегося дыма.

— Cholera! — выругалась я. — Аня, в доме есть огнетушители?!

— Д-да... — заикаясь, отозвалась Шмелина.

— Где?

— На кухне.

Я вспомнила расстояние от кладовой до кухни и поняла, что мы не добежим.

Мой взгляд упал на трубы, что тянулись под потолком и на полу.

— Это водяные трубы?

— Да. А что?

— Ничего. Отойди.

— Ты что делаешь?!

— Отвали! — рыкнула я и навела пистолет на трубу. — Возьми вон то тряпье! Быстрее!

Я кивнула на скомканные, грязные тряпки, что валялись в коридоре на полу. Это оказалась грязная, использованная ветошь. Она была вымазана каким-то дерьмом. Возможно, это был мазут или какое-то масло, или что-то ещё.

Не важно! Сейчас это не имело значения!

Я выстрелила из пистолета в трубу. Пуля звякнула. Мгновение было тихо, и тут из трубы под напором ударила мощная, длинная и тугая струя холодной воды.

— Давай сюда! — крикнула я.

Мы подставили ветошь под струю, ткань быстро намокала. В конце коридора, со стороны подвала, что-то зашуршало. Мы почти намочили ткань. Я взяла одну из них, накинула на Аню, затем ещё одну. Она помогла закутаться в сырую ветошь мне.

Мокрая насквозь ветошь плотно облегла тело, пропитывала влагой одежду. Я ощутила, как влажный холод обволакивает тело, просачивается внутрь. Ничего... сейчас нам это будет на руку.

Дверь подвала издала странный звук, и вдруг что-то гулко щелкнуло. Мы с Аней, замерев, уставились на неё. Дверь медленно отворилась. Он стоял на пороге. В его правой руке зловеще, угрожающе блестел нож.

— Беги!!! — заорала я истошно.

Он зарычал на весь коридор! Его рычание пронеслось вдоль стен и достигло нас. Мы что было сил припустили к кладовой. Бежать было трудно, ступни рвала и жгла боль. Мое движение стесняла отяжелевшая, сырая ветошь. Мы добежали до двери кладовой. Я обернулась, Романтик двигался за нами. Я вскинула пистолет и нажала на курок — и меня обескуражил сухой, похожий на тихий хлопок, щелкающий звук опустевшего магазина. Я выбросила бесполезный ствол и ринулась за Аней.

Мы выбежали из кладовой, здесь всё было в дыму. Мы закрыли дверь и завалили всем, что попало под руку. Я подперла её найденной пластиковой шваброй. За порогом кладовой нас встретил лютей, масштабный пожар и осыпавшиеся руины дома.

Обвалившийся второй этаж дома перекрывал путь. Обломки стен и потолка, навалились друг на друга. Повсюду был огонь. Пламя пожирало стены и пол. Оно охватило перевернутую мебель и оставшуюся часть лестницы. Огонь с жадностью и торжеством захватывал, заполнял собою все пространство. Жар от него обжигал лицо, серо-черный дым заползал в нос, ел глаза. Дышать было нечем, бежать было некуда. А за нашими спинами в дверь с грохотом врзался преследующий нас убийца.

Эпизод тринадцатый

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 20 июня, сразу после того, как Стас вышел из дома Анны Шmeliной.

Он опять это сделал, опять подвёл её, опять оставил в опасности. Стас с досадой отступил от двери дома, оглядел его. Он сосредоточенно думал, как снова проникнуть в дом, чтобы Шмелина этого не увидела. Думать и решать нужно было быстро. Времени у Ники наверняка немного.

Корнилов догадался, что Анне звонил Романтик. Он догадался, что тот, видимо, наблюдал за её домом и... И, скорее всего, знал, что они приедут. А значит, он знал, что они были в детдоме, где он рос... или где рос его сын, если Ника права в своей версии. И Корнилов ещё обязательно выяснит, кто за этим стоит.

В кармане джинсов заиграла музыка рингтона. Стас достал телефон, взглянул на номер. Он его узнал, тот самый номер, что звонил ему вчера вечером, когда он приехал из УВД ЦАО. Стас поднял взгляд на закрытую дверь дома Анны Шмелиной. Телефон продолжал звонить в руке. Корнилов, не отводя взгляда от двери дома, принял вызов и поднёс телефон к уху.

— Соскучился? — спросил он с издёвкой.

— Заткнись и садись в машину.

Стас нахмурился, прислушиваясь к голосу, он был другой. В этом Корнилов несколько не сомневался. Он обернулся на свою машину, неспешным шагом пошел к Лэнд Роверу.

— Зачем тебе Анна Шмелина?

— Не твоё дело, — отозвался всё тот же голос.

Стасу он показался знакомым, он точно слышал его где — то и, вроде бы, не так давно.

— Садись за руль, — велел голос в трубке.

— Что будет с Анной и девушкой, которая с ней?

— Садись за гребаный руль! — прикрикнул на него Романтик в трубке. — Живо! Или я взорву хренов дом вместе с Анной и твоей маленькой полячкой!

— Ладно, ладно, — миролюбиво ответил Стас. — Видишь? Я подхожу к машине...

— И без фокусов, — угрожающе произнес в трубку Романтик.

Корнилов открыл дверцу автомобиля, сел за руль. Поднёс телефон к уху.

— Что дальше?

Но в телефоне была тишина, вызов был прерван. За его спиной что-то шелохнулось. Стас инстинктивно опустил руку к револьверу, но не успел.

— Закрой дверь, — проговорил сзади тот самый голос, что только что отдавал ему приказы по телефону.

Стас, недовольно скривив губы, подчинился.

— Закрыл... — ответил он.

— Медленно достань револьвер и брось назад.

Корнилов достал свой Кольт «Питон» и протянул назад.

— Не потеряй.

Он почувствовал, как у него забрали револьвер. Его забрали справа... правой, свободной рукой, скорее всего. Значит целятся в него из пистолета в левой.

— Заводи и поехали, — велел мужчина сзади.

— Не хочешь хотя бы представиться? — усмехнулся Стас.

— Я сказал, заводи и поехали! — прикрикнул на него Романтик. — Быстро!

— Хорошо... А куда едем? — Стас изображал равнодушие и отзывчивость.

— Прямо, — рыкнул мужчина сзади.

Стас кивнул.

— Ладно, — он бросил взгляд на дом Шмелиной.

Что там сейчас происходит? Что сейчас переживает Ника? Как она там? Что Анна будет с ней делать? Эти вопросы гулко гремели в его голове, сотрясали его сознание. Перебарывая терзающую тревогу за судьбу Ники, Стас завел автомобиль. Ему стоило огромных усилий сохранять спокойствие и невозмутимость, когда они отъезжали от дома Шмелиной.

— Прибавь, — велел Романтик сзади.

Стас молча переключил скорость и надавил на педаль акселератора.

— Ты же понимаешь, что далеко не уйдешь. Уголовный розыск уже у тебя на хвосте.

— Чёрта с два, — со злым смехом отозвался Романтик. — След взяли только ты и твоя странная девчонка. Без тебя и без неё УГРО и Следственный комитет ещё месяцы будут топтаться на месте. Ты и сам это знаешь, Корнилов.

— Ты преувеличиваешь, — тихо отозвался Стас.

Они ехали по шоссе мимо лесополосы и редких домов. Стас чуть прибавил скорости. Стрелка на спидометре плавно поползла по отметкам. Корнилов ощущал медленное возрастание давящей на его тело силы сопротивления. Он позволил нарастающей скорости медленно прижать себя к сиденью.

Мимо них по встречной полосе одна за другой проносились автомобили. Они мчались все быстрее. Скорость росла.

— Эй! Ты что-то слишком... — начал Романтик.

Впереди показался серо-синий Шевроле Экспресс.

— Сбавь скорость! — вскричал сзади Романтик.

Его крик чуть дрогнул.

— Как скажешь, — буркнул Стас и круто повернул руль.

Они вылетели навстречу поперек дороги. В воздухе повис возмущенный сигнал, приближающегося фургона. Водитель попытался объехать внедорожник Стаса. Фургон летел на ни, Стас успел приготовиться к удару.

— Твою мать! — выругался Романтик с заднего сиденья.

Визг покрышек, пронзительный автомобильный сигнал. Сверкнули блики на лобовом стекле Шевроле. Резкий, мощный, свирепый удар. Лязг, скрип, грохот. Звон бьющегося стекла.

Стас закрыл глаза, сгруппировался. Он ощутил, как автомобиль мощно встряхнуло. Его швырнуло вперед, вбок, болезненно натянулся на груди ремень безопасности. Стас почувствовал, как машина опрокидывается. Романтик истошно орал за спиной.

Их перевернуло, ударило об асфальт, подбросило и ударило снова. У Стаса клацнули зубы. Лопнули стекла боковых дверей, осыпались звенящим дождем. Внедорожник, высекая искры, несколько метров проехал по асфальту.

Когда Стас ощутил, что автомобиль остановился, он открыл глаза. Первое, что он увидел, было разбитое, перетянутое паутиной трещин лобовое стекло его Лэнд Ровера.

Машина лежала на боку. Стас осторожно отстегнул ремень безопасности.

Держась за руль, он открыл дверцу слева. Дверь, на удивление, легко открылась. Корнилов выбрался наружу. Поток воздуха полоснул по лицу, взъерошил волосы, ожег саднящие ранки на лбу от осколков стекла. Стас увидел фургон, тот тоже лежал на боку метрах в двадцати от них. Из него на четвереньках выбирался мужчина в ярко-красных шортах.

Стас добрался до задней, боковой двери своего внедорожника, открыл её.

Романтик был без сознания. Он лежал спиной на правой боковой двери. Его согнутые в коленях ноги застыли в странной позе. Стас достал свое запасное оружие — большой штык нож, доставшийся ещё от прадеда со времен самой страшной войны.

Романтик внезапно пришел в себя. Со свирепым, диким рычанием он лягнул Корнилова ногой, Стас увернулся, взмахнул клинком. Романтик вскрикнул, на клинке Стаса осталась кровь. Но тут убийца вскинул пистолет и выстрелил.

Корнилов отшатнулся, шустро выбрался из автомобиля. Романтик довольно проворно выбрался наружу. Стас не успел ничего предпринять.

— Стоять! — прорычал он, выбравшись из перевернутого автомобиля и наставив на Стаса свой пистолет. — Стоять, с**а!!! Пристрелю, падаль!

Стас перехватил нож поудобнее.

— Брось нож, Корнилов! — вскричал Романтик

Стас увидел, что его белая маска с золотыми глазницами, треснула в двух местах, а из-под черного капюшона кофты-худи показались волосы.

— Может уже снимешь маску? — предложил Стас. — Думаешь, я тебя не узнал?

— Заткнись! — рыкнул Романтик, он спустился на асфальт.

Стас заметил, что он прихрамывает на левую ногу.

— Брось нож! — велел Романтик.

— Хочешь стрелять — стреляй, — предложил Стас.

Они стояли возле перевернутого внедорожника. По правой стороне, за отбойником, тянувшимся вдоль шоссе, растянулся глубокий обрыв, упирающийся в широкое озеро далеко внизу. Слева от дороги, за спиной Стаса, поднимались заросшие травой и полевыми цветами высокие холмы. Ветер гулял над дорогой, гонял пыль по асфальту.

Корнилов прикидывал, куда лучше метнуть нож — в плечо, в кисть, в ногу. Метать клинок он умел отлично, равно, как и драться на ножах. Благо было, где поучиться.

— Ты сдохнешь не здесь и не так! — вскричал Романтик. — Даже не мечтай...

Слева раздался нарастающий шум автомобилей. Романтик инстинктивно мотнул головой в сторону звука автомобильных моторов. Корнилов резко вскинул руку. Короткий свист. Романтик заметил, успел увернуться, и нож попал в плечо, вместо горла. Он пошатнулся, Стас кинулся к нему. Убийца вскинул руку, выстрелил, промазал. Корнилов ногой выбил пистолет из его руки, ударил Романтика кулаком. Тот отлетел к автомобилю, кусок маски откололся от его лица. Он зарычал, закричал со злостью, рывком вырвал нож из раны и с удивительной прытью бросился на Корнилова.

Убийца оказался сильным, проворным и опытным. Стас быстро признал в нём серьезного противника, как минимум, прошедшего срочную службу в элитных войсках.

Он нанёс удар ножом, Корнилов увернулся, дал ему по руке, врезал в раненное плечо. Тот зарычал, снова полоснул ножом. Стас ощутил, как обожгло левую руку. Кровь медленно выступила на руке Стаса, но он этого не замечал.

Они кружили друг перед другом, пытались достать друг друга, нанести удар, сбить с ног, опрокинуть, одолеть, убить.

Романтик хромал, но это не слишком сильно влияло на его скорость и точность ударов. Он сделал резкий выпад ножом. Корнилов перехватил руку, врезал ему локтем в зубы. Тот отшатнулся. Стас выбил нож из его руки, но Романтик неожиданно выхватил шокер. Стас не успел среагировать. Четыре узких проводка, точно четыре шустрых змейки, выскочили из ствола шокера и впились в его тело.

Стаса сковала боль, он вскрикнул от жгучего удара электрического разряда. Его затрясло, он упал на колени. Романтик поднял с земли большой заостренный камень, тяжело, устало и свирепо дыша, навалился на Стаса. Корнилов с трудом поставил блок, не дав разбить себе голову. Романтик нависал, кровь из его раны в плече капала Стасу на лицо. Он удерживал занесенную руку Романтика с камнем в руке. Тот пытался вырвать её и ударить.

Стас услышал приближающийся автомобиль. Они лежали на левой полосе, возле его внедорожника. Нарастающий звук мотора приближался. Водителя, похоже, не смущали

перевернутые машины на дороге, он собирался их объехать. Автомобиль был совсем рядом, его водитель их не видел. Их скрывал внедорожник Корнилова.

Романтик вырвал руку с камнем из пальцев Стаса, снова занес для удара.

— Сдохни! — выплюнул он.

— После тебя, — рыкнул Стас.

Он уперся коленом в грудь Романтика, быстро ударил в кадык, тот выпучил глаза, схватил ртом воздух, захрипел. Стас схватил его за шиворот и кинул над головой, толкнув ногой, через себя. Романтик вскрикнул в нелепом кувырке.

Его подлетевшее от броска Стаса тело на полной скорости сбил пронесшийся рядом автомобиль. Стас увидел, как тело Романтика безжизненной, изломанной грудой, глухо ударилось об асфальт. Романтик не двигался. Ветер шевелил складки его одежды и светлые волосы, вывалившиеся из-под капюшона. Сбивший романтика спортсмен и не подумал остановиться, стремительно уезжая прочь.

Стас медленно поднялся, скривился, с остервенением вырвал из тела проводки шокера, пошатываясь направился к Романтику.

Тело немилосердно сдавливали болезненные судороги. Боль от электрического заряда терзала, жевала мышцы. Стас ощущал мерзкую слабость во всем теле. Шаркая по асфальту, он подошел к неподвижному телу Романтика.

Его красивая, но жуткая маска почти раскололась пополам. Стас тяжело припал на колено рядом, снял с него маску, точнее её осколки, отбросил в сторону, взял Романтика за шиворот и перевернул на спину.

— Ну кто бы сомневался, — проворчал он со вздохом.

Перед ним в чёрной толстовке, закрыв навсегда глаза, неподвижно лежал Ипполит Збруев. Стасу потребовалось несколько секунд, чтобы принять и осознать факт случившегося, но от поспешных выводов он пока воздержался.

Первым делом проверил его левое запястье. Корнилов вздохнул, оно было чистым. Стас потрогал его, потёр пальцами — ничего. Запястье Ипполита Збруева не было отмечено тем клеймом, что видела в видении Ника.

Корнилов на мгновение все-так допустил мысль, что Ника могла ошибиться. Или... Или, возможно, это было не клеймо, а просто реалистичная татуировка.

Ладно, сейчас было не до этого, нужно возвращаться к Нике. Нужно спешить.

Стас бросил усталый взгляд в сторону застывших у своих машин водителей.

Движение остановилось с обеих сторон. Люди, замерев, ошарашенно глядели на происходящее. Некоторые, кто, видимо, посмелее, решили выяснить, в чем дело. Но у Корнилова не было ни времени, ни желания что-то кому-то объяснять.

— Всё в порядке, — угрюмо проговорил он подошедшей четверке мужчин.

Он показал удостоверение.

— Уголовный розыск.

Стас кивнул на Ипполита Збруева.

— Скорую вызовите. Пусть заберут тело.

Мужчины остановились, неуверенно переглянулись.

— А что он сделал-то?.. — недоуменно проговорил один из подошедших мужчин, бородач в красной футболке с бейсболистом.

— Это подозреваемый в серии убийств, — Стас считал, что иной раз полуправда или недосказанная правда лучше, чем ложь или истина.

Сейчас был как раз такой случай. Лица у подошедших мужчин стали неуверенными, во взглядах отражалось опасение, недоверчивость и шок.

Стас поднялся с колена, рыкнул от сковывающих тело отзвонков боли. Казалось, что кожу в нескольких местах сразу безжалостно обожгло прикосновением раскаленного металла. Последствия от удара электрошокером вызывали ощущение того, будто под кожей, в месте, куда ужалили провода шокера, притаились какие-то инородные острые предметы. Хотя, учитывая всё, что происходило в последние несколько минут, не исключено, что в его теле застряли несколько осколков стекла из разбитых окон его автомобиля.

Стас посмотрела на свой перевернутый внедорожник, бросил взгляд на мужчин.

— Аварийку тоже вызовите? Ладно?

— Без базара, — отозвался всё тот же бородач, — может, вас подвезти?

Стас на мгновение задумался, оценивающе взглянул на бородача.

— Ехать нужно будет быстро.

— Тогда это ко мне, — один из мужчин браво подкинул ключи в руке. — У меня Ауди Q5 в максималке. Идём, капитан, подвезу, куда нужно. Мне торопиться некуда.

— Спасибо, — ответил Корнилов.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 20 июня

Жар плотным, удушающим слоем облепил лицо, я чувствовала горячую испарину на лбу, щеках и на шее. Становилось всё труднее дышать, глаза слезились. Горящий дом стремительно заволакивало дымом.

Мы с Аней, обмотанные в мокрые ткани, замерли, охваченные паникой и растерянностью. А сзади, яростно воя и ругаясь, ломился в дверь кладовой Романтик.

— Аня, вон туда можно пробраться! — крикнула я, рассмотрев среди обломков узкую брешь.

— Я не пролезу...

— Пролезешь! — убежденно крикнула я. — Давай.

— Господи... — процедила Шмелина.

Накрывшись мокрой ветошью с головой, мы устремились в полыхающие объятия пожара. Двигаться было тяжело, приходилось пробираться по развалинам и обломкам. Огонь подстерегал повсюду, пламя норовило уцепиться за ткань ветоши, достать нас, укусить, поглотить. Опаляющий жар накачивал со всех сторон. Я чувствовала, как к моему вспотевшему телу липнет одежда. Я слышала, как Аня кашляет от горького дыма.

Мы добрались до узкой брешы. Я заглянула вперед, там виднелась относительно уцелевшая часть гостиной и вход на кухню. Мое сердце радостно, с надеждой, подпрыгнуло, когда я заметила приоткрытое окно на кухне. Оно, как и все другие, было плотно закрыто жалюзи, но само не было заперто...

Нужно было спешить. Если огонь доберется до кухни, там может образоваться долбаная тяга, и шанс на спасение будет утерян!

— Можем выбраться через кухню! — крикнула я назад.

— Хорошо! — крикнула сзади Шмелина и снова закашлялась.

В просвет между обломками пришлось пробираться на четвереньках. Я пролезла первой. На пару мгновений я оказалась под огромным, упавшим под наклоном, куском стены со второго этажа. Эти несколько мгновений моя жизнь полностью зависела от бездушного куска бетона и цемента. Я поспешила, времени было мало. Мы слышали, как со

второго этажа с грохотом сыплются новые обломки.

Дом рушился, сгорал в неистовом пламени, погибал в разгорающемся пожаре.

Я пролезла в проем под широким обломком стены. В этот миг с охваченной огнём, но ещё устоявшей стены дома, сорвался кусок облицовки и разбился об пол, подняв тучу ярких точек оседающих искр.

— Давай, скорее! — крикнула я Ане.

Шмелина двинулась следом. Я услышала, как в кладовой грохнула дверь. Аня испуганно обернулась.

— Он ещё далеко! — крикнула я. — Не останавливайся! Пожалуйста! Быстрее...

Кусок стены, нависающей над полом, вздрогнул и с гулким скрипом сполз вниз. Шмелина испуганно вскрикнула, сжалась, прикрывая голову руками.

— Ты от меня никуда не денешься! — проорал из кладовой озлобленный Николай Ковальчук. — Ты моя! Ты принадлежишь мне! Поняла с**а??! Ты моя! Моя! Моя!

Я услышала, как он с силой во что-то ударил. За моей спиной послышался странный надламывающийся скрип. Я отвернулась, затем несмело, с опаской, подняла взгляд на второй этаж. У меня замерло дыхание, и остановился пульс.

В разломе потолка на втором этаже показалась массивная кровать. Она неторопливо, словно нехотя, сползала по накренившемуся обломку пола.

На моих глазах кровать сдвинулась вниз. Надломившейся под ней пол захрустел, скрипнул.

— Аня быстрее! — процедила я. — Быстрее! Прошу тебя!..

Шмелина, отчаянно карабкаясь, работая коленями и локтями, пробиралась ко мне. Обломок стены над ней снова скрипнул, спустился вниз. Аня уже не останавливалась.

Сзади показался Романтик, увидел нас, яростно, зло и бессильно закричал. Ринулся к нам. Но тут перед ним упал горящий обломок со второго этажа.

По нему, конечно, не попало, но зато это его притормозило.

Я помогла Ане выбраться из проема между обломками. Мы бросились к кухне. Я обежала обломки камина и мебели, пригнулась, пролезла под горящим куском деревянной обшивки гостиной. Аня пролезла следом. Я обернулась к ней и увидела, как вниз, на пол, тяжело и грузно падает та самая кровать.

Грохот был, как от разрыва бомбы! Под моими ногами вздрогнул пол. В кухне хором звякнула посуда, с шумом развалилась перевернутая кухонная мебель.

Я ухватила рукой за стену, почувствовав, что теряю равновесие. Мы ринулись к окну.

— Анна!!! — донесся до нас истошный, полный бессильной злобы рёв Романтика. — Ты моя!!! Моя!!! Ты принадлежишь мне, грязная ты с**а!!! Ты моя!!! Ты всегда будешь моей!! Дрянь!..

Шмелина испуганно обернулась, всхлипнула. Её изуродованное лицо выражало страх и злость.

— Аня... — позвала я её. — Окно!.. Быстрее!

Мы сорвали с окна перекошенные жалюзи. Я услышала шквальный грохот разламывающейся стены за спиной.

— Чёрт! — вскрикнула я в панике.

Я буквально спиной почувствовала надвигающееся, режущее пламя. Огонь словно был зол, что мы пытаемся сбежать от него. Ведь он считал нас своей добычей, вместе с этим домом.

Мы распахнули окно, Повеяло животворящей прохладой уличного воздуха.

— Ты первая, — крикнула мне Аня.

— Но... — попыталась возразить я.

— Да быстрее ты! — заорала она на меня.

Я быстро кивнула, поняв, что спорить не время. Я забралась на подоконник. Это было нелегко, он был довольно высоко. Я спешила, но на ноги прыгать опасалась, боялась боли, поэтому медлила, пыталась слезть осторожно. Внизу был газон и кусок асфальтированной дорожки. Впереди по всей лужайке перед домом дымились изуродованные обломки горящего дома, мебели, осколки стекол и фрагменты различной утвари. Я выбралась наружу, спрыгнула, осторожно приземлилась на ноги и упала на четвереньки. Следом, перекинув ногу через подоконник, выбралась Аня. Я поднялась, отряхнула руки. Мы отбежали от сгорающего дома, обернулись, взглянули на него.

Зрелище нам предстало пугающее, удручающее и шокирующее. Разваленный взрывом почти на две половины дом словно лопнул изнутри. Обе половины его крыши кренились в разные стороны. Левая часть дома, казалось, вот-вот просто обрушится на землю. В огромной брешии разлома между половинами дома полыхало высокое пламя, горели края обломков двух половин дома. Сгорали стены, потолок, лестница, осколки бытовой техники, мебель, двери и все, до чего мог дотянуться ненасытный огонь.

Вверх от дома к ясному небу, точно победный штандарт, поднималась толстая, похожая на трубу, колонна черно-серого дыма. На наших глазах обломилась ещё одна часть второго этажа. Я увидела падающие в огонь шкаф, стулья, разлетающуюся цветными тряпками одежду и какие-то листы бумаги. А перед домом на лужайке в луже крови лежала пронзенная двумя осколками досок собака Ани — питбуль Эдди.

Аня стояла рядом со мной и, прикрыв левой ладонью рот, молча, тихо плакала.

Я взяла её за руку, она не сопротивлялась, напротив крепко, с чувством сжала мою ладонь. Я ощутила её накатывающие воспоминания, но я сопротивлялась новым видениям. Сейчас совсем неподходящее время для них.

Я посмотрела по сторонам. Место здесь было глухое, кругом заросли подступающего к городу густого леса. И соседних домов даже не видно.

Ни Стаса, ни его машины я тоже не видела. Куда он делся? Почему уехал? Что с ним случилось?

Я понимала, что Стас не мог меня бросить. Значит, что-то случилось, что-то произошло. В голове мгновенно закружился порывистый вихрь, смешанный из опасений и страхов. Где же Стас? Жив ли он? Кто заставил его уехать? А если ему нужна помощь? Что мне делать?..

Вместе с тем росло понимание того, что нужно уходить, нельзя здесь оставаться. Я должна увести Аню как можно дальше...

И тут, к своему ужасу, я увидела, как из окна кухни, из того самого, через которое выбирались мы, вылез Романтик. Аня ахнула, пошатнулась, качнулась назад.

— Я же говорил, что ты моя!.. — хохоча безумным смехом, прокричал он.

Мы с Аней, не сговариваясь, развернулись и что было сил рванули прочь, в сторону лесной чащи. Мы слышали крики Романтика, слышали его угрозы и обещания расправиться с нами. Он обещал, что снимет с нас шкуры, что будет пытаться нас и насиловать обеих по очереди. Он орал нам вслед, как будет отрезать нам конечности и ломать кости. Он много чего обещал.

И ни я, ни Аня ни на йоту не сомневались, что свои обещания он непременно выполнит.

И это придавало нам сил.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 20 июня

Дорога стремительно выползала из-за поворота, а поворот все не заканчивался. Длинный поворот словно издевался над Стасом, не желая открывать вид на улицу, где располагался дом Анны Шмелиной.

Стас чувствовал импульсивное нетерпение, подстегивающее его. Он знал и понимал, насколько опасны для Ники те секунды, что его нет рядом. Страх за её жизнь рисовал в его воображении страшные картины. Корнилов не желал верить своим опасениям. Он успеет, он должен успеть.

Водитель Ауди и так гнал с серьёзным превышением.

Поворот закончился. Ровная, как линейка, дорога протянулась далеко вперед. Её обступали плотные заросли леса с редкими уличными фонарями. И тут Стас увидел ползущий по небосводу, похожий на гигантского змея чёрный дым.

Дым от пожара. И Стас ни мгновения не сомневался, что там впереди может гореть. Он несколько не сомневался, что его опасения оправдаются.

— Гони! — крикнул он водителю.

Тот молча кивнул, переключил скорость. Кроссовер рыкнул, ускоряясь, ринулся вперёд. Стас ощутил давление скорости. Держась за ручку над дверцей он пылливо, с тревогой всматривался вдаль. Из-за зарослей кустарников и древесных ветвей замелькали рыжеватогненные, яркие пятна. По мере приближения они становились ярче. Пятна пламени увеличивались, росли, расширялись. Вместе с тем Стас все отчетливее видел очертания горящего здания. Когда склоняющиеся над дорогой ветки перестали скрывать пожар от глаз, Стас шумно, гневно и нервно выдохнул. А водитель Ауди был более красноречив.

— ***нный ты пылесос... — протянул он. — Капитан... Тут пожарные нужны!

Корнилов кивнул.

— Гениальная мысль.

Он смотрел на горящий дом Анны Шмелиной. Дом разворотило и разорвало на две половины. Стас не сомневался, что произошел взрыв, и очень мощный.

Огонь в злом ликовании полыхал из широкого разлома. Он охватывал, оплетал дом своими жгучими, рыжими щупальцами. Он был там повсюду, выглядывал из окон, сочился через стены дома.

На глазах у Стаса внезапно вздрогнула, лопнула и осыпалась крыша левой части дома.

— *б твою мать! — снова не удержался от восклицания шокированный водитель Ауди.

— Тормози! — быстро сказал Стас.

Как только кроссовер остановился, Стас порывисто выскочил из автомобиля и бросился к дому. Он сам не знал, что собирается делать. Он прекрасно осознавал, что в таком взрыве никто не мог выжить. Но он не мог допустить даже мысли, что она... что Ника... Что её не стало... Эта мысль болезненно сдавила его грудь и погнала вперед.

Стас взбежал по лужайке. Она была забросана тлеющими и горящими обломками дома, частями мебели, обрывками книг, осколками почерневшего стекла и обгорелыми досками. Чуть дальше лежала мертвая собака Ани, убитая двумя деревянными осколками.

— Капитан! — закричал водитель Ауди. — Ты что, рехнулся?! Там не мог никто выжить! Стой, дурак! Погибнешь!..

Но Стас не мог стоять, не мог вынести этой тягостной, пугающей мысли. Он не мог

стоять и ждать, смотреть, думать. Он должен был узнать. И если да... То увидеть... Может быть, она спаслась, может быть... Ника — умненькая девочка, она могла что — то предпринять... Но разум с холодной и безжалостной рассудительностью твердил, что она всего лишь ребенок, и выжить при таком взрыве не могла. Как и Анна Шмелина.

Стас подбежал к сторающему дому, застыл возле него, глядя в огонь. Его лица коснулся плотный, душный и опаляющий воздух, на языке ощущался горький привкус дыма. Он шагнул было к дому, но пламя внутри внезапно агрессивно полыхнуло, словно угрожающе огрызаясь на его попытку войти в дом. В воздух брызнули искры. Стас прикрыл лицо ладонью и чуть шагнул назад. На его глазах обвалился кусок горячей лестницы и грудой хлама рухнул в плещущееся пламя. Стас с бессилием, не отводя взора, смотрел в огонь, затем отошел от дома, искал глазами возможный вариант относительно безопасного входа — бесполезно. Пожар уже всю властвовал в доме, огонь завладел своей добычей и с алчностью, поспешно, пожирал её.

К нему подбежал водитель Ауди.

— Слушай, я вызвал пожарных... И вот... — он протянул Стас маленький огнетушитель.

Стас взял его, перевернул, прочитал инструкцию. Объем пламя-гасящего содержимого был невелик, даже, скорее, миниатюрен для такого огня. Но ничего другого у Стаса под рукой не было.

— Спасибо.

Он обежал дом, нашел открытое окно со стороны кухни и тут заметил кое-что, поселившее в нем надежду. А именно, отпечаток протектора обуви на подоконнике и еще один на оконной раме. Стас приложил свою ладонь к следу от ботинка, усмехнулся и вздохнул. Анне Шмелиной не мог принадлежать такой миниатюрный размер ножки. А вот маленькой фигуристке очень даже...

И как будто в подтверждение догадки Стаса над лесом раздались несколько быстрых, раскатистых выстрелов. Стас посмотрел в сторону, откуда они прозвучали.

— Ты слышал? — крикнул ему водитель маршрутки. — Это что? Выстрелы?

— Нет, — бросил Стас. — Салют в чаще...

Корнилов швырнул ему огнетушитель.

— Спасибо. Вызови пожарных и уезжай.

— А как же...

Но Стас его уже не слушал, он что было сил рванул в лес. Корнилов буквально ворвался в чащу, проламываясь через ветки, оббегая деревья, перескакивая ямы. Корнилов бежал вперед. Он, примерно, представлял направление, откуда раздались выстрелы.

Когда он добежал до узкой, мелкой речки, то услышал новые — один, другой, третий. Затем чей-то крик — мужской крик, и не боли или страха, а крик ненависти и злобы. Кровожадный крик озлобленного разочарования.

— Чтоб тебя... — выдохнул Стас. — Не может быть...

У него в голове мгновенно затрепетала догадка, но, пока не было времени её обдумывать. Он должен спешить. Стас даже не сомневался, что неизвестный мужчина стрелял в Нику, в его Нику, в девочку с синими глазами, которую он должен беречь, пожалуй, больше собственной жизни.

Стас мчался вперед, надрывая силы, стремясь преодолеть как можно большее расстояние как можно скорее. Если бы силой воли можно было телепортироваться, Стас бы уже был рядом с Никой.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 20 июня

Аня вскрикнула, когда её нога поскользнулась, и она поехала вниз по склону холма, по которому мы быстро спускались. Я молча ухватилась за её руку, чуть присела, пытаюсь удержать её от падения. Шмелина не скатилась вниз кубарем, но распласталась, упав на бок.

— Вставай, вставай! — поторопила я её. — Ты не ушиблась? Всё нормально?

— Да-а... — протянула Аня.

— Тогда бежим.

Я опасно оглянулась. Мой взгляд метался между черными стволами деревьев. Я в панике искала глазами фигуру Романтика. Я знала, что он рядом, пару минут назад он догнал нас и стрелял в нашу сторону. Нам пришлось спуститься сюда. Мы двинулись вниз по очень узкой тропе, стремясь убраться как можно дальше. Ужас быть пойманными подхлестывал нас, разум был отравлен паникой. Каждый куст, каждое кривое дерево казались нам человеческим силуэтом. Я слышала, как с уст Ани рвется придавленное, шумное и присвистывающее дыхание. Я мысленно выругалась. Неподготовленная к таким нагрузкам, слабая Анна Шмелина явно выбивалась из сил. А мы ведь пробежали всего ничего, в лучшем случае, метров шестьсот-семьсот, не больше. Я, конечно, тоже не терминатор, но пока оставалась при силах.

— Аня, поторопись, прошу тебя, — тихо сказала я. — Не отставай.

— Да бегу я!.. — выдохнула она.

Мы двинулись вдоль холма. Я оглянулась назад. С ветки на ветку перелетела лесная птица. Я услышала её взволнованный, потрескивающий клёкот. Мы побежали дальше мимо толстых стволов раскидистых деревьев. Их толстые корни прочно впивались с рыхлую, мягкую почву леса. Они тянули друг к другу длинные, узловатые и раскидистые ветви. Они возмущенно и шумно шелестели листвой над нашими головами.

Где-то треснула ветка, Аня порывисто обернулась с искаженным от ужаса лицом и в следующее мгновение упала, зацепившись ногой за торчащий из земли корень.

— Ай! — вскрикнула она. — Твою мать...

Она скривилась, держась за ушибленное колено. Я бросилась к ней.

— Что с коленом? — быстро спросила я.

— Не знаю... — морщась от боли процедила Аня и завертела головой по сторонам.

Её затравленный, мечущийся взгляд выражал бессильную панику, а черты лица дрожали, кривились в слезном ужасе. Она боялась, она как будто думала, что он откуда-то следит за нами, наблюдает, ждёт.

Я потрогала её колено, Аня тут же замычала от боли. Я выругалась, Аня подняла на меня растерянный взгляд.

— Ты что... не русская? Чешка что ли?..

— Полячка, — ответила я, осторожно трогая её колено.

— Ничего себе... А я думаю, почему ты иногда так странно говоришь...

— Да. Произношение в русском мне давалось не очень легко, — кивнув, ответила я. — Ты можешь встать? Стой...

Я метнулась в сторону, подняла с земли длинную, толстую палку, бросилась обратно к Ане.

— Вот... Попробуй.

Анна взяла импровизированный посох. С моей помощью осторожно поднялась,

попробовала наступить на раненную ногу, но тут же сдавленно вскрикнула. По её лицу я поняла, что дальше мы не пойдём.

Моё вниманием привлекла шустрая, пёстро раскрашенная птица, что порхнула на ветку вниз. Я подняла на неё взгляд и невольно восхитилась её окрасом.

Это была сизоворонка, причем, невероятно красивая! Бирюзового цвета оперение, а крылья — черные на концах, спина и верхняя часть крыльев — кирпичного окраса.

Тут рядом с ней села ещё одна сизоворонка, а чуть выше — ещё одна.

Мы с Аней задрали головы и застыли в изумлении. Их становилось всё больше. Они.. они окружали нас. Сизоворонки во множестве слетались сюда с разных сторон и садились на ветки стоящих вокруг нас деревьев. И все время прилетали новые. Я слышала хлопанье их быстрых крыльев. Они хором клекотали, гомонили. Их голоса становились громче, их становилось все больше.

Мы с Аней замороженно смотрели, как ветки деревьев вокруг нас на многие метры в высоту стремительно заполнялись яркими, пёстрыми бирюзовыми пятнышками.

Одна из птиц спорхнула совсем низко и села на ветку кустарника буквально сантиметрах в двадцати от моего лица. Птица открыла клюв, шумно и, кажется, приветственно заклекотала. Она явно была настроена дружелюбно и проявляла удивительное любопытство.

— Что с ними такое? — прошептала мне Аня.

— Понятия не имею, — глядя в блестящие глазки сидящей рядом сизоворонки, проговорила я. — Но, кажется, они нам рады...

— Не нам, — поправила Аня и оглянулась, — тебе.

Я не успела ей ответить. За спиной вдруг раздался шорох чьих-то шагов.

Мы с Аней синхронно стремительно обернулись. Он стоял недалеко, шагах в десяти от нас, в его вытянутой руке тускло поблескивал ствол пистолета.

— Ну что... — зло выдохнул Романтик. — Набегались?!

По голосу я слышала, что он ухмыляется и довольно, плотоядно улыбается.

Под его разорванной футболкой я увидела темный бронежилет со следами пуль.

— Я же говорил... — произнёс он. — Ты моя. Куда ты собралась бежать, Анечка? А?

Он шагнул к нам. Мы, боясь пошевелиться, настороженно, с опасением глядели на него.

— Тебя все равно скоро или поймают, или... убьют, — я проговорила это куда более спокойным и тихим голосом, чем собиралась.

Я и не чувствовала сейчас никакой ненависти к Романтику. Я боялась, да, но я знала, что сказала правду. Его дни на свободе сочтены, а в худшем случае, и дни его жизни. Такие, как он, редко сдаются добровольно.

— В таком случае, — он снова усмехнулся, — почему бы мне перед этим не забрать вас с собой?

Он поводит пистолетом из стороны в сторону

— Кого первой? А? Кого? Может, тебя, Анечка? Или все-таки тебя, маленькая блондиночка?

Он усмехнулся.

— Ты вместе с этим м**аком Корниловым... Вы, как две пиявки... Присосались и никак не отлипните.

Он глухо рыкнул.

— Всё вам нужно- везде копать, рыть, разнюхивать, искать!

Он зло покачал головой.

— Пожалуй, я начну с тебя, белокурая, — прошипел он.

— Не трогай её! — вскричала Аня, она подняла было свою палку.

Грянул выстрел, Шмелина рвущимся голосом закричала от дикой боли, схватилась за руку. Палка выпала у неё из рук. Я присела возле неё. Растекающаяся из раны кровь быстро пропитывала рукав её одежды.

— Николай, — быстро заговорила я, отводя взгляд от руки Анны. — Послушай... ты ведь ещё можешь спасти себя и своего сына, просто...

— Мой сын мёртв, — процедил Ковальчук, и голос его скрежетнул болезненными нотами. — Ты должна была об этом уже знать, синеглазая.

Похоже, он не врал. Но...

Он подошел ближе, направил пистолет мне в лицо.

— Передашь моему сыну лично свои сожаления, белокурая.

Я коротко вдохнула, глядя в черное отверстие ствола пистолета, и замерла на выдохе. Над моей головой раздался мощный, единый крик десятков птиц. Я подняла голову, Романтик тоже недоуменно уставился вверх.

Над ветвями деревьев послышались шуршащие хлопки птичьих крыльев. На моих глазах громогласная стая птиц единой тучей слетела с веток и яростно упала на Романтика. Я, закрыв голову руками, обескураженно наблюдала, как стая сизоворонок неистово атакует Романтика. Он пытался отмахиваться, пару раз стрелял из пистолета, но это не помогало. Сизоворонки, словно обезумев, бросались на него, цеплялись за одежду, били крыльями по лицу, клевали его голову, били клювами в шею, в руки. Все это сопровождалось воинственным хором птичьего клекота и крика. Я видела, что руки, шея и лицо Романтика уже покрылись кровавыми штрихами царапин и ран. Птицы вились, кружили над нами, их тень густо накрывала лесную землю, шумное хлопанье крыльев сливалось в единую монотонную волну порывистых звуков.

Казалось, кто-то развернул над нами с Аней гигантское покрывало и старательно, продолжительно его вытряхивал. Их было так много, что небо над ними почти не было видно.

Романтик, вжимая голову в плечи, бежал, а стая сизоворонок преследовала его, летела за ним. Они вихрем завивались вокруг него. Их стая напоминала бирюзовый смерч, стремительно вращающийся над головой перепуганного Романтика. Он пригибался, стараясь защититься от их ударов, тщетно размахивал руками. Он кричал — истошно, пронзительно и хрипло. Его сипнувший голос был едва слышен в шуме криков разгневанной стаи. Но я слышала, как он закричал с внезапным страхом, а затем от неподдельной боли.

Я взволнованно смотрела ему вслед, не веря в происходящее. Часть меня порывалась броситься ему на помощь, я опасалась, что птицы просто заклюют, забьют его насмерть. Я бы никогда не поверила, что стая сизоворонок может быть на это способна, если бы не увидела собственными глазами. Разумеется, я не побежала ему на помощь, рядом была Аня, и у нее была прострелена рука.

С трудом мы вдвоем оторвали часть ткани от её одежды (у меня отрывать было не от чего, только футболка и джинсы). Я начала заматывать ей рану на руке.

Гневный, бесконечный птичий крик разносился по всему лесу. Я никогда ничего подобного не видела. И судя по шокированному, вытянувшемуся лицу Ани, она тоже.

Стая сизоворонок гнала Романтика прочь. Прочь от нас, от меня... Они прогоняли его.

Они... как будто защищали нас? Или меня? Вместе с удивлением от происходящего я почувствовала легкие, щекочущие мурашки, взобравшиеся по коже моего тела. Я вздрогнула и опасно оглядела лес.

Сквозь ветви и листья деревьев струился ободряющий свет солнца. Может быть, здешние птицы просто дико не любят людей с оружием? Может быть, ненавидят охотников... Ай, какой бред! Не может такого быть! Появление охотников не вызвало бы такую реакцию! Но что... Что тогда заставило их броситься на Романтика? Да ещё так вовремя.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 20 июня

Он остановился, когда услышал разносившееся издали хорое клокотание птиц. Корнилов размышлял недолго. Он даже не сомневался, что если причиной возмущения птиц стала не Ника, то она, очень вероятно, где-то совсем близко. Он побежал на птичий крик, бежать пришлось недолго.

Он увидел их и остановился пораженный той картиной, что предстала его взору.

Стремительно вращающаяся чашеобразная воронка из кружащей стаи птиц атаковала убегающего от них человека. Стас со своего места прекрасно разглядел его маску, точно такую же, как была на лице у только что убитого им Ипполита Збруева. Стас прикинул версии в голове и подумал, что, возможно, Никины подозрения, в связи с увиденными в детдоме воспоминаниями, были правильными. Стас не знал, что ему предпринять. Помогать Романтику он не собирался, но он не мог дать ему уйти. Поэтому Корнилов поднял свой револьвер, прицелился.

Расстояние было приличное, да еще мечущиеся вокруг Романтика (или очередного двойника) птицы затрудняли точное прицеливание. Стас затаил дыхание, взял положенное упреждение и спустил курок. Револьвер приятно чуть-чуть вздрогнул в руке. Стас ощутил удовлетворительную отдачу в ладонь. Бахнул гулкий выстрел. Его эхо лениво растеклось по лесу между стволов деревьев и взмыло к их верхушкам, растворяясь там.

Романтик упал. Неизвестные Стасу бирюзовые птицы поспешно разлетелись.

Романтик лежал на земле, ворочался и стонал. Корнилов слышал его грязные ругательства. Стас поспешил к нему, под его ногами хрустнула какая-то ветка.

Раненый Романтик тут же обернулся. Стас встретился с ним взглядом. И откуда-то он узнал, что сейчас произойдет, странное наитие шепнуло Стасу, что сейчас предпримет Романтик. Единственное, что ему оставалось, на самом деле.

Скрывающийся под белой маской мужчина пару мгновений смотрел на Стаса через прорези маски.

— Уголовный розыск, — объявил Стас. — Брось оружие, всё кончено.

Корнилов видел результат своего попадания. Кровь из простреленного, а скорее всего, разбитого пулей колена заливала ногу лежащего на земле убийцы.

— Брось оружие, — угрожающе проговорил Стас. — Быстро!

— Пошел на *** майор! Чтоб ты сдох, гнида, вместе с твоей белобрысой с***ой!

И прежде чем Стас успел что-то предпринять, Романтик быстро приставил ствол пистолета к голове и выстрелил. Стас увидел, как брызнула кровь из его головы. Романтик выронил пистолет. Стас, пару мгновений, смотрел на его неподвижное тело, затем коротко, но смачно выругался.

— Стас?

Корнилов быстро обернулся и увидел её. Она стояла метрах в тридцати от него, уставшая, взволнованная, запыхавшаяся. Корнилов быстро подошел к ней и остановился. Она подняла на него глубокий взгляд своих ясных, чистых синих глаз. Они ничего друг другу не сказали, Стас просто подошел к ней и, обняв, крепко прижал к себе. Ника с готовностью обняла его в ответ. Он почувствовал, как она с явным облегчением вздохнула, и улыбнулся, ласково погладил её по прекрасным, мягким, светлым волосам.

Ника мягко отстранилась, выглянула из-за плеча Стаса. Корнилов проследил за её взглядом.

— Он мёртв? Да? — спросила она с явным сожалением.

— Да. Застрелился, — вздохнул Стас.

— Стас, там Аня...

— Она с тобой?! — удивился Корнилов. — Она вооружена?

— Стас, подожди, — поспешно заговорила Ника. — Она не виновата... Николай шантажировал её.

— Кто? — недоуменно спросил Стас.

Ника чуть нахмурилась, снова посмотрела на мёртвого Романтика.

— Николай... Ковальчук.

Стас отвёл взгляд от Ники и тоже взглянул на тело застрелившегося мужчины.

Ковальчук? Тот самый краснолицый дворецкий Фабиана Армана? Стас успел подумать о нём, когда Ника заподозрила, что убийства в детском лагере совершал не Демид Хазин, а его биологический отец. Но прямых улик, указывающих на Ковальчука, у них нет, только косвенные, связанные с тем, что Николай — такой же безжалостный убийца.

— Я могу ошибаться... — неуверенно проговорила Ника. — Но...

— Ты редко ошибаешься, — заметил Стас и усмехнулся. — Почти что никогда.

— Ты преувеличиваешь, — мягко и скромно отозвалась Ника.

Они помогли раненной Анне. Стас принёс её сюда, к телу Романтика. Затем они с Никой подошли к телу, Стас присел возле бездыханного Романтика и осторожно снял с него маску. Корнилов вздохнул, когда увидел лицо самоубийцы, поднял взгляд на Нику.

Девочка стояла, прижав тыльную сторону левой ладони к губам и с задумчивой серьёзностью смотрела на лицо мужчины.

— Как ты догадалась? — спросил Стас.

— Просто... предположила, — слабо, неуверенно проговорила Ника, не отрывая взгляда от лица мёртвого Николая Ковальчука. — Он был похож на человека из моего воспоминания...

Она чуть пожала плечами, нервно сглотнула, с её уст сорвался странный вздох.

— И двигался он так же, как тот убийца, что зарезал друзей Михаила Трегубова.

Ника снова двинула плечами.

— Вот я и подумала...

Стас усмехнулся. Синеглазая девочка похоже сама не ожидала, что её догадка окажется верной. А вот он — идиот. Ковальчука сразу нужно было проверить. Как только он узнал, что тот сам является жестоким убийцей, но Стас слишком увлекся погоней за Романтиком. Неужели они совершали убийства вместе? Збруев и Ковальчук? Что могло объединить двух столь непохожих, категорически отличающихся друг от друга мужчин? Тем более всю жизнь находившихся по разную сторону закона. Неужели любовь к Марии Хазиной? Роковая женщина сплотила двух убийц? Вполне реально...

— А почему он, вообще, здесь? Он же должен был сидеть... Если он сбежал, то почему нас никто не предупредил, что он сбежал? — робко поинтересовалась Ника. — Ведь... должен был кто-то знать об этом.

— Это я выясню, — мрачно пообещал Стас. — Мне гораздо больше интересно, кто из них настоящий Романтик... И есть ли ещё?

Ника с нескрываемым удивлением взглянула на него и опасно спросила.

— Из «них»?

Стас кивнул.

— Их тут было двое.

Он поднялся, глядя на тело Николая Ковальчука.

— И я почти не сомневаюсь, что может быть и третий.

Ника выглядела ошарашенной, впечатленной и напуганной.

— И кто был вторым? — помолчав спросила Ника.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 20 июня

Когда Стас рассказал мне про Збруева, это вызвало у меня неоднозначную реакцию. Первым впечатлением, конечно, было удивление. И первые эмоции были соответствующими. Разумеется, главным вопросом было: «Стас, а как же его ноги? Ты же говорил, что он инвалид!...»

Корнилов тоже пребывал в замешательстве, но потом с грустью и явной злой досадой сообщил, что Збруев (Стас назвал его другим словом) похоже, его провёл, когда он был у него. Видно было, что появление Збруева на сцене происходящих событий в новом амплуа порядком впечатлило Корнилова. Я тоже испытала небольшое потрясение, потому что, честно, Ипполита все-таки не подозревала. Ну, во всяком случае, не в роли убийцы.

Но, потом, когда мы со Стасом и Аней ехали в ближайшую больницу, нас добродушно согласился подвезти владелец Ауди Q5, я подумала, что чего-то подобного всё-таки ожидала. Гораздо больше меня удивили обстоятельства, связанные с Николаем Ковальчуком.

Мы до сих пор точно не знаем, является ли он Романтиком, является ли он тем самым биологическим отцом Демида Хазина, и мы точно не знаем наверняка, был ли он тем самым убийцей из моего видения, что зарезал тех ребят в ту дождливую ночь. Но мы точно знаем одно — Николай Ковальчук является серийным убийцей и точно, без сомнений, связан с Романтиком.

Ни я, ни Стас не верим, что Збруев или Ковальчук были тем самым неуловимым убийцей. Это дело становится все более запутанным, я начинаю теряться в догадках и домыслах.

Непонятно... Ничего до конца не ясно. Есть ли ещё убийца в маске Романтика? Он должен быть, потому что и я, и Стас заметили, что голос у Романтика, который был в той квартире, откуда мне пришлось вынести маленькую Иру, ступая босиком по разбитому стеклу, был другим. Его движения, жесты, манеры и походка были другими. И это заставляло меня и Стаса ломать голову над происходящим. Может быть, их действительно несколько? И всегда было несколько? Скажем, трое... Трое убийц под одним именем.

Возможно ли такое?... Теоретически, да.

Стас сказал мне, что для психопатов, которым по предварительному психологическому портрету является Романтик, не свойственно держаться группами. Они — одиночки. Я в «супер умных» книжках по криминальной психологии тоже находила такое утверждение.

Кажется, это была книга «Лишенные совести»... Точно я не скажу, но, наверное, она.

Когда Стас зарулил на стоянку больницы, я почувствовала, как меня охватывает вязкое, сонливое чувство утомления. Я, чёрт возьми, устала, в самом банальном смысле этого слова. Но Стасу я, конечно же, этого не сказала.

Пока врачи осматривали Анну Шмелину и оказывали ей помощь, Стас отвел меня к местному хирургу на перевязку. Я сначала отказывалась, потому что Стасу пришлось заплатить за эту услугу. Тем более, как ни странно, ноги меня совершенно не беспокоили. Но Стас настоял, и я согласилась.

Сейчас я сидела в перевязочной, а доктор и медсестра стояли возле меня и разматывали эластичные бинты на моих ногах. Полноватая медсестра ещё зачем-то все время приговаривала:

— Ничего, деточка, не бойся, всё будет хорошо. Сейчас твои ножки подлечим, и скоро будешь снова весело бегать и прыгать...

Я только кивала, потому что её тон и странная манера общения меня порядком раздражала. Такое впечатление, будто мне лет шесть, или я, не дай бог, умственно отсталая.

А хирург, седой мужчина с аристократичным лицом, с сосредоточенным взглядом освобождал мои ноги от бинтов. Когда он их снял я неожиданно для себя ощутила приятное прикосновение прохладного воздуха к моим ногам и даже блаженно вздохнула.

А вот лицо хирурга выражало недоумение. Он пару мгновений смотрел на мои ступни, аккуратно пару раз провел по ним пальцами в перчатках.

— Можешь пошевелить пальцами? — спросил он.

Я молча пошевелила. От этого лицо седого хирурга из недоуменного стало совершенно растерянным. Он поднял на меня взгляд, затем снял свои очки.

— Девочка, если это такая шутка, то, позволь тебе заметить, крайне глупая.

— Вы о чем? — не поняла я.

Он пару мгновений смотрел на меня.

— Что у тебя было с ногами?

— Глубокие порезы от стекла...

— Ты говорила, что тебе наложили швы.

— Да-а... — протянула я и чуть нахмурилась.

Его внезапное раздражение смуцало меня. Что с ним такое? Что с моими ранами на ногах?

— Тогда объясни мне, будь так добра, — звенящим голосом произнёс хирург и взял со стола небольшое зеркальце. — Куда делись твои раны?

С этими словами он показал мне подошвы моих ног. И тут я зависла в полном шоке. Мои ноги... мои ступни были... гладким, чистыми и абсолютно целыми.

— А... — слабым голосом выдохнула я.

— Бэ! — грубо отозвался хирург. — Не знаю, зачем ты устраивала этот цирк, но я тебе даю две минуты, чтобы уйти отсюда. И не вздумай больше отнимать у врачей их время! Это тебе не игрушка!

Он снял одноразовые перчатки, гневно, с раздражением, бросил их в мусорное ведро и кивнул медсестре.

— Зови, кто там следующий.

Я подобрала свои бинты, быстро скрутила, обулась и, робко попрощавшись, вышла из перевязочной. Стас ждал меня у дверей. Увидев меня, он тут же с беспокойным видом

поднялся.

— Ну что?... — Тут он заметил, видимо, выражением моего лица. — Ника, что случилось?.. Почему ты сняла бинты?! — Потому что... — медленно ответила я, глядя в пространство. — Они мне не нужны.

Стас не поверил мне на слово и, когда мы сели в коридоре, самым бесцеремонным образом взял мою левую ногу, снял мой «Конверс» и поднял подошву моей ступни к себе. Сидевшие неподалеку люди явно не знали, как на это реагировать.

— Ну что? — глядя на него, осторожно, кротко произнесла я. — Убедился?

Стас перевел на меня настороженный, внимательный взгляд.

— Ника... — тихо проговорил он. — Как это возможно? Такие раны не могут заживать за пару дней, да еще без всяких следов!.. Я же видел, что было с твоими ногами...

— Если ты хочешь услышать от меня ответы, — отстраненным голосом проговорила я. — То мне придется тебя разочаровать.

Он отпустил мою левую ногу, проверил правую. Когда я обулась, он покачал головой и произнёс совсем тихо.

— Значит, ко всему прочему... у тебя есть... ты обладаешь регенерацией?!

Это слово далось ему с трудом. — Что это значит?! — выдохнул он.

— Что я — чёртов тролль, — с улыбкой произнесла я, натягивая телесные следки на ноги.

— Кто? — не понял Стас.

— Ну, знаешь... — я стала одевать кеды. — У троллей, если верить мифологии, руки и ноги мгновенно отрастают...

Корнилов закрыл глаза и покачал головой.

— И ты думаешь...

— Стас, — устало произнесла я. — Нет, конечно! Я шучу... Просто... Если бы у меня была пресловутая регенерация, хотя бы как у ящерицы, я бы в прошлом году не валялась три месяца в больнице со сломанной рукой и ключицей!

Стас в ответ хмыкнул и рассмеялся.

— Очень смешно, — покачала я головой.

— Ну, — он пожала плечами. — Момент на том видео, где ты врзалась в киоск, правда, был забавным... Хотя в тот момент... мне было не смешно.

— Ты был одним из первых, кто мне позвонил, — вспомнила я.

Корнилов грустно улыбнулся и кивнул.

— Ты до черта меня тогда напугала, Ника. Наверное, даже больше, чем сегодня.

— Ты еще реакцию Лерки не видел, — я вспомнила, какая слезная истерика была у моей лучшей подруги.

Когда меня извлекли из груды перевернутых полок с посудой, Лерка с рыданиями бросилась ко мне и пообещала, что если я ещё раз себе позволю катиться с горы такой высоты и крутизны, она лично распилит мой сноуборд.

Но это она напрасно. Я тогда для себя и так решила не рисковать в ближайшее время съездами по таким крутым спускам. Мне хватило одного раза, спасибо.

Когда в больницу приехал сам Аспирин, первое слово, которое он сказал, было из разряда тех, которым русские могут в одну секунду выразить все свои сиюминутные эмоции.

— Стас, я очень надеюсь, что сведения, которые вы с Никой узнали, хотя бы соразмерны с теми разрушениями, которые вы там устроили, — проговорил Аспирин. — В

ГУСБ и СК уже знают, что ты продолжил расследование, несмотря на то, что тебя отстранили и даже изъяли удостоверение. К тому же никто не забыл, что ты подозреваемый в ГУСБ по делу пропажи роз Арманда.

После слов генерала Савельева я взглянула на Стаса с опасливой неуверенностью, но Корнилов смотрел на Аспирина, едва ли только не зевая в ответ. Стас отреагировал с равнодушной невозмутимостью, впрочем, как и всегда. То ли он, действительно, обладает феноменальной эмоциональной выдержкой, то ли просто вымотался за последнее время. Но на ГУСБ и СК, и все сопутствующие проблемы ему сейчас явно было до свечки.

— Подождем, что расскажет Анна Шмелина.

Аспирин чуть изменился в лице, быстро оглянулся, взгляд его заметался по дверям больницы.

— Она жива? — генерал оживился с неподдельной радостью.

— Она ранена в руку, — ответила я. — Но её жизни ничего не угрожает.

Стас посмотрел на меня, чуть усмехнулся.

— Во всяком случае, пока она под охраной, — неуверенно закончила я.

— Врачи ничего ещё не говорили? — спросил Аспирин и сел рядом с нами, справа от меня.

Я оказалась между двух мужчин.

— Что там у Коли с Сеней? — спросил Стас, глядя на дверь, за которой хирурги сейчас старались извлечь пулю из руки Анны.

— Нормально. Контролируют освидетельствование найденных улик, опрашивают жителей подъезда, просматривают видео со всех окружающих дом камер видеонаблюдения.

Савельев вздохнул так, как будто не верил, что все вышеперечисленные усилия принесут какие-либо плоды. Я чувствовала, как он волновался. Мы все переживали, только по-своему. Я, Стас и Аспирин. И Романтик, наверное, тоже, кем бы он там ни был.

Стас пересказал Аспирину последние события от своего лица. Я очень внимательно еще раз выслушала про Ипполита Збруева.

— Там сейчас настоящий скандал, — покивал головой Аспирин. — Уверен, то, что случилось на дороге, станет настоящим шоу в сегодняшних вечерних новостях.

— Не сомневаюсь, — вздохнул Стас и продолжил.

Он рассказал, как застрелился Николай Ковальчук.

— Чтоб его... — процедил Аспирин. — Гнида!..

— Товарищ генерал, почему никто не узнал, как он сбежал? — спросил Стас спокойным, ледяным голосом.

— Его должны были перевести в другой следственный изолятор, — ответил Аспирин. — В суде захотели провести свою экспертизу и психиатрическое освидетельствование Ковальчука.

— Я, наверное, не ошибусь, если предположу, что ноги у этого решения росли из Следственного комитета.

Аспирин многозначительно шевельнул бровями.

— Твои... — тут Савельева опустил взгляд на меня и затем снова посмотрел на Стаса. — Ваши с Никой совместные успехи многим не дают покоя. Но...

Он прокашлялся.

— У мудрецов, сопровождавших Ковальчука, что-то пошло не так, и этот кусок дерьма, завалив двух охранников, смылся прямо на служебном автомобиле. Буквально сегодня утром.

— Так, а почему нам никто не сообщил? — прорычал Стас.

— А потому что совестно им было, — рыкнул в ответ Аспирин, тоже явно раздраженный действиями коллег из соседнего ведомства.

Я опустила взор, неловко потеряла ладони.

— А ты что притихла? — спросил меня Аспирин.

Я подняла на него взгляд.

— Рассказывай, фея синеглазая, — усмехнулся Аспирин. — Твоя очередь.

И я рассказала. С того момента, как оказалась наедине с Анной Шmeliной.

— Значит, он её шантажировал, — подвёл итог генерал Савельев. — Все эти годы после смерти мужа и самоубийства Демида Хазина Анна Шmeliна жила под чутким наблюдением и полной властью Романтика.

— Видимо, да, — вздохнул Стас.

— И она не знает, где её дочка? — спросил генерал.

— Говорит, что нет, — ответила я.

— А ты, что скажешь? — спросил генерал.

Я опять посмотрела на него, наши взгляды встретились.

— Не знаю... — тихо ответила я. — Но, вроде бы, она не врёт... Но я ничего не видела, если вы об этом.

— А сможешь?

— Не знаю.

— Постарайся.

— Хорошо.

Мы снова переглянулись. Аспирин смотрел на меня испытующе, с задумчивым, изучающим взглядом прищуренных глаз, но я ничего больше не могла ему пообещать, во всем ещё предстояло разбираться.

Аспирин ещё задавал нам со Стасом уточняющие вопросы. Мы отвечали, дополняли свои рассказы отдельными деталями. Но до сих пор окончательно четкой и ясной картины действий ни у кого из нас не было. Впрочем, у Стаса и Аспирина, возможно, была, просто они со мной не делились. А вот лично у меня вопросов было куда больше, чем ответов.

Через некоторое время, а именно часа через два, из операционной вывели Анну. Мы втроем поднялись почти одновременно. Я почувствовала, как у меня саднит сердце от вида Ани. Сейчас эта молодая женщина, а по меркам Стаса, наверное, и вовсе девчонка, выглядела уставшей, забитой, запуганной и, казалось, безразличной ко всему, что происходит вокруг. Со своей перебинтованной рукой она выглядела ещё более несчастной и удрученной.

Она в состоянии мрачной апатии молча, покорно шла за врачом, что вел её под руку. Шmeliна смотрела только себе под ноги. Выглядела она безучастной ко всему, в том числе, и к самой себе. И во всём этом был виновен один или несколько человек, прячущихся под прозвищем «Романтик».

Анну провели в одну из палат. Мы вошли следом. Хирург утверждал, что Шmeliной нужна срочная психологическая помощь, и сейчас лучше её не трогать. Но Стас и Аспирин настояли на разговоре. И, хотя мне было несказанно жаль Аню, я была на их стороне, нам нужно торопиться.

Стас, Аспирин и я — все мы понимали, что Збруев и Ковальчук могли действовать не одни. И что сделает их сообщник, когда узнает, что они оба мертвы? Правильно! Попытается

отомстить, скорее всего, максимально жестоким, зверским способом. В этом даже сомневаться не приходилось!

Шмелина на удивление спокойно и даже с какой-то готовностью отреагировала на предложение рассказать, как всё было. Но я приняла решение избавить бедную женщину от необходимости переживать заново всё, что она испытала до этого. Я просто подошла к её кровати, осторожно села на краешек и взяла её за руку. Я мгновенно ощутила мощный поток её воспоминаний и позволила ему захватить меня. Откуда-то издалека ещё успел донестись удивленный возглас Аспирина...

Первым, что я увидела, было то самое место в коридоре на втором этаже, где Демид Хазин убил Михаила Трегубова, а после покончил с собой. Сейчас здесь стелилась размеренная, остывшая и робкая тишина. Стена, где висели фотографии и вырезки из газет, опустела. Их не было и на полу, как и ни одного осколка стекла или обломка от рамы. Ничего. Через окна в коридор на втором этаже вливался блекло-желтый солнечный свет.

Я заглянула в одну из комнат. Тут, судя по всему, был маленький спортзал с тремя тренажерами и прочим спортивным инвентарём. На стенах я заметила несколько десятков спортивных плакатов и фотографий известных боксёров из разных десятилетий нынешнего и прошлого века.

Я услышала шаги, раздавшиеся внизу, на первом этаже. Я оглянулась. По лестнице поднялась Анна Шмелина. Она несла в руках моющее средство и большую губку. В коридоре, на том самом месте, где было совершено убийство и самоубийство, она встала на колени.

Я только сейчас заметила, что на полу темнело несколько крупных коричневых пятен — засохшая кровь Хазина и Трегубова.

Аня нанесла моющее средство на губку и принялась с ожесточением оттирать кровавые пятна, ввевшиеся в покрытие пола на втором этаже.

Воспоминание сменилось. Вечер, уже сумерки... Ветер шелестит в листве обильно растущих вокруг деревьев. Слабыми яично-желтыми огоньками светят редкие уличные фонари. Анна стоит перед серым домом с пристройкой и с меланхоличным лицом смотрит на окна здания.

Она рассматривала дом так, словно пыталась смириться с тем, что теперь она живёт здесь. Я видела, с каким усилием она пыталась свыкнуться с тем, что её жизнь теперь резко изменилась.

Она была облачена в легкое, василькового цвета, летнее платье, из-под которого выступал заметно увеличившийся живот. Но он был еще не очень большим, как и срок её беременности. Шмелина вдруг тепло, нежно улыбнулась, опустив взгляд вниз, с неподдельной любовной лаской погладила живот.

— Теперь мы будем жить здесь, моя зайка, — проговорила Аня с искренним, трепетным обожанием.

Она вздохнула, ещё раз взглянула на дом и, убирая рук от живота, добавила:

— Это наш дом, милая. Только ты и я, мой зайчик. Обещаю, тебе здесь понравится... У тебя будет просто великолепная детская комнатка... А по вечерам мы с тобой будем читать книжки или смотреть мультики. Потом, может быть, заведем собаку или кошку. Кого ты захочешь, моя крошка.

Она выглядела такой нежной, счастливой и любящей, когда говорила со своей дочкой. И в её словах, в её улыбке выражалась хрупкая, боязливая надежда на то, что впереди их ждет

только лучшее. Аня очень хотела верить, что им с дочкой предназначена долгая, полная счастливых лет и радостных событий жизнь. Было видно, как она пытается себя заставить забыть, поверить... Начать всё сначала. Начать жить по-другому, иначе. И забыть... Забыть! Забыть! Забыть, всё, что было до этого... Забыть весь тот пережитый кошмар. Забыть его... Забыть Демида. А может, и Михаила. Так будет проще.

Она с мечтательной улыбкой погладила живот. Так будет проще им обеим.

Шмелина вздохнула.

— Теперь все будет по-другому, — проговорила Аня с уверенностью.

Затем она вернулась к стоящему рядом с изгородью чёрному Прадо, достала из автомобиля пару сумок. Они не были тяжелыми. Кажется, там была одежда или что-то другое, достаточно легкое.

Аня вошла в дом, оставила сумки у входа. Затем вернулась к машине, поставила её в гараж и снова зашла внутрь дома. Я видела, как она прохаживается по комнатам, осматривает кухню, камин, веранду. Она переехала совсем недавно, это было видно по обилию коробок во всех комнатах и обтянутой пленкой мебели. В этом доме так же обитала незыблемая тишина — нетронутая, нерушимая, затаившаяся.

Я стала свидетелем того, как Аня расставила посуду на кухне, потом вымыла окна, но только на первом этаже. Несколько раз она прерывалась, чтобы покушать. Затем она пришла в детскую. Комнатка была оформлена просто изумительно! Светлый интерьер, на стенах разные цветные зверушки. С потолка свисают серебристые и золотые звездочки с закругленными краями. На полу густой, теплый, шерстяной ковер кремово-розового цвета. У стены возле расставленных на полу игрушек стояла уютная детская кроватка. Внутри неё лежали еще несколько мягких игрушек.

— О-о, — проворковала Аня. — Смотри, кто тебя здесь ждет.

Она чуть наклонилась вперед и взяла в руки игрушечного зайца. Игрушка была нежно-голубого цвета.

— Смотри, как много друзей уже ждут тебя, зайка, — проговорила Аня и, не удержавшись, несколько раз погладила игрушечного зверька.

Шмелина положила игрушку обратно.

— Уже скоро, — проговорила она и снова вздохнула.

Было очень заметно, что она как можно быстрее хочет взять свою крошку на руки. Увидеть её, прижать к сердцу. Смотреть, как она кушает, как спит, как растёт, как улыбается ей и тянет к ней маленькие ручки.

Я не могла без слёз смотреть на Аню. На эту Аню, которая ещё не знает, что случится дальше. Которая ещё верит, что всё будет хорошо, что им с её дочкой никто не будет мешать. Это было невыносимо. Это... это было жестоко.

Аня вышла из детской, тихо прикрыла дверь и направилась в другую комнату.

Она и не заметила, как за её спиной вырос темный, высокий силуэт.

И тут я закричала, громко, пронзительно. Я требовала, чтобы она обернулась, увидела, бежала, спасалась! Спасала себя и свою дочь! Но, конечно же, она не могла меня услышать.

Он резко оказался возле неё, Аня не успела ничего понять. Он зажал ей рот, прижал к себе, приставил к горлу широкий, длинный нож с загнутым лезвием.

Аня испуганно замычала, вцепившись в его руку. Её вытаращенные от ужаса глаза смотрели вправо, силились разглядеть его, увидеть его лицо.

Романтик был всё в той же знакомой мне маске — белой, с золотыми глазницами и

красными клыками из-под иронично усмехающихся губ.

— Думала, что всё закончилось, мразь? — прошипел Романтик на ухо перепуганной женщине. — Думала, что теперь всё будет хорошо, да? Что ты будешь себе жить? Всё будет хорошо? Ты родишь своего ублюдка, будешь растить его и радоваться? Да? Да, с**а?!

Он неожиданно толкнул её вперед. Я закричала вместе с Аней. Она едва успела выставить руки вперед и упала на четвереньки. Она всхлипнула, ахнула, обернулась, попыталась отползти. Но он догнал её, схватил за волосы, оттянул назад и снова приставил нож к её горлу. Женщина стояла на коленях, обхватив руками свой живот, и тихо плакала.

— Не надо, — простонала она со слезами. — Умоляю... пожалуйста, не надо...

Он лишь издевательски хохотнул, сильнее натянул её волосы и провел лезвием ножа по её горлу. Я увидела, как из пореза на коже шеи Ани слабо вступила ярко-алая кровь. Шустрые струйки стекли по её шее.

— Прощу! Умоляю! — рыдая, шептала она, зажмурив глаза. — Пожалуйста!.. Что тебе нужно?!

— Я уже нашел, что мне нужно! — ответил Романтик.

Он отпустил её, отступил назад. Аня, вскрикнув, схватилась руками за порезанное горло. Её охватил страх, в глазах дрожали слезы, ужас, растерянность. Романтик безжалостно пнул её ногой в спину.

Я не выдержала и попыталась схватить статуэтку, стоящую на ближайшей полке. Разумеется, мои пальцы схватили только воздух, а точнее пустоту.

— Я ничего тебе не сделала! — воскликнула рыдающая Аня.

Она на четвереньках ползла прочь от него. Романтик не спеша прогулочным шагом шел за ней.

— Конечно, ты ничего не сделала, — он присел на корточки возле неё.

Она замерла, испуганно взглянула на него снизу вверх.

— Ты просто растоптала любовь, которую тебе собирались подарить.

Он произнёс это с заметной ядовитой злобой. Затем протянул к ней левую руку в черной перчатке и с обманчивой лаской провел по щеке Ани.

— Так что теперь ты должна мне.

У Шмелиной внезапно подскочили верх брови, она во все глаза уставилась на маску Романтика. Она смотрела так, словно неожиданно для себя увидела в нём что-то новое, другое. То, что совсем не ожидала увидеть.

— Не может быть... — слабо прошептала она.

— Может, — протянул Романтик. — И не надейся, моя дорогая, я никуда не исчезну.

Она медленно покачал головой.

— Я всегда буду рядом. Слышишь? Всегда! И ты...

Тут он резко схватил Анну за волосы и встряхнул её голову.

— Ты всегда будешь моей!

Я заметила, что перчатка на его левой руке соскользнула, и там показалось уже знакомое мне уродливое клеймо в виде цветка.

В следующих видениях я наблюдала жизнь Ани, превратившуюся в истинный, кромешный ад. Она не имела права куда-либо уезжать из своего дома. Он почти не разрешал ей выходить из дома. Он следил за ней постоянно. Она знала это. Аня каждую неделю получала письмо и розу. Иногда он звонил ей, чтобы пригрозить, запугать. Он забрал её ребенка сразу после родов. Он даже не дал ей взглянуть на неё — на её дочь. Он только

несколько раз привозил младенца, дав Ане возможность покормить малышку. В те минуты она иногда тихо, украдкой пела ей и шептала, как она любит её. А потом он перестал привозить её дочь, только слал фотографии и иногда видеозаписи.

Аня пробовала позвать на помощь, и оба раза жестоко поплатилась за это. В первый раз он избил её так, что она не могла ходить почти неделю. Второй раз он избил её саму и прислал видео, где избивает ремнем её кричащую дочь.

После этого Аня Шмелина навсегда уже стала его рабыней — бессловесной, бесправной, подчиненной.

Он делал с ней все, что хотел, насиловал её, бил, издевался, как мог. Он часто делал ей больно, и его это заводило. Иногда он привозил в её дом девушек.

Он заставлял её помогать ему, помогать измываться над несчастными, совсем ещё молодыми девчонками.

Я... Я не буду перечислять всего того, что это ублюдок делал с ними и заставлял делать Аню. Это всё происходило в том самом подвале с печью, куда привела меня Аня.

Меня охватил истинный трепет ужаса, при мысли о том, что я могла разделить участь тех бедных девочек, которых до смерти замучил в этом подвале Романтик. Зверь... Животное... Урод... Подонок... Я не знаю, какие слова подобрать для этого изувера! Я не знаю, есть ли такие слова!

Воспоминание выплюнуло меня в реальность. Я, к своему удивлению, очнулась в машине рядом со Стасом. За окном было темно, горели многочисленные огни города: уличные фонари, рекламные вывески, витрины магазинов. Светились квадратики окон в домах. Сколько же я пробыла в отключке? Я достала свой телефон, посмотрела на дисплей. Ничего себе! Уже почти одиннадцать! Я посмотрела вперёд. Стас спал за рулем, откинувшись на сиденье и сложив руки на груди. Вид у него при этом был хмурый, воинственный, недовольный. Автомобиль кстати был не Стаса. Я оглядела салон. Это оказалась машина Домбровского.

— Стас, — тихо позвала я.

Как всегда, после слишком ярких, пугающих и эмоциональных видений я чувствовала себя истощенной и измученной.

— Стас. — еще раз позвала я, уже чуть громче.

Корнилов всхрипнул, закашлялся и проснулся. Быстро обернулся.

Впереди нас, перед капотом автомобиля, припарковалось желтое такси, и из него вывалилась шумная компания из четырех человек. Они громко смеялись, перекрикивали друг друга. Стас поморщился, прикрылся рукой от яркого жгуче-красного света задних фар машины.

— Как ты? — спросил Корнилов, оглянувшись на меня. — Ты до ужаса напугала генерала Савельева. Он очень испугался за тебя.

— Мне очень жаль, — быстро проговорила я. — Сколько я была... без сознания?

— Да почти что весь оставшийся день.

— То есть сегодня еще пятница?

— Да, — Стас потянулся и зевнул. — Тебе есть, что рассказать?

— О, да! — горячо воскликнула я.

Я начала с того самого момента, как в моем видении Аня отмывала кровь на полу. Стас нахмурился, скривил губы, когда я рассказала о клейме на левой руке Романтика.

— Чертовщина какая-то! — он устало потёр переносицу. — У Збруева и Ковальчука нет

никакого клейма!

— Потому что это были не они! — с готовностью воскликнула я.

Меня переполняло нервное возбуждение.

— То есть ты уверена, что есть третий... Романтик? — с явной досадой спросил Стас.

— Более того! — проговорила я. — Я думаю, что...

Я замолчала. Я не знала, стоит ли озвучивать свою догадку.

— Говори, — потребовал Стас.

— Ну-у... — протянула я. — Понимаешь, Стас, я думаю, что Романтик, по крайней мере настоящий Романтик, он... один.

Я следила за выражением лица Стаса в зеркало заднего вида. Корнилов задумался. Несколько секунд он созерцал пейзаж ночного города.

— То есть ты хочешь сказать, что Ипполит и Ковальчук просто его помощники?

— Да, — кивнула я. — Не знаю, по доброй воле или нет...

Стас обернулся и внимательно посмотрел на меня.

— Ладно, насчёт Ковальчука тут не может быть двух мнений, — согласилась я. — Тем более, я подозреваю, что он может быть отцом Демида... Но Ипполит... Что-то тут не так, Стас.

— Ещё бы, — проворчал Корнилов. — Только интересно, зачем он корчил из себя инвалида, когда я пришёл.

Он покачал головой.

— Ведь в его семье, похоже, никто не знает, что он на самом деле никакой не инвалид.

Я услышала в его словах нотки недоговоренности.

— Но? — с ударением проговорила я.

Стас усмехнулся.

— Но мне кажется, что его сестра, Александра Збруева... Она могла знать.

— А ты говорил с ней? — тут же спросила я.

К моему удивлению Стас мгновенно помрачнел.

— Их квартира пуста, Збруевых никого нет. И никто из соседей ничего не знает. Там Николай сейчас вместе с группой быстрого реагирования. Ждут.

— Сестру Збруева нужно найти, если она ещё жива, и поговорить с ней, — высказала я вслух и так понятную вещь.

Корнилов вздохнул, снова оглянулся на меня. В его взгляде был молчаливый вопрос. Я не раздумывала, сейчас сложилась как раз та ситуация, когда моя помощь наиболее ценна для следствия.

— Поехали, — кивнула я. — Мне нужно войти в квартиру Збруевых. Только так мы сможем узнать, что случилось.

— Ты уверена? — спросил Стас.

— Стас, пожалуйста, перестань меня об этом каждый раз спрашивать, — сказала я и вышла из машины.

Я открыла дверцу переднего пассажирского сиденья и села рядом со Стасом.

— Если я согласна, значит уверена, — закончила я.

— Ладно, — вздохнул Стас. — Как скажешь.

При этом как-то странно взглянул на меня. Я перехватила его взгляд.

— Что?

— Нет... ничего, — он чуть заметно усмехнулся.

Когда мы добрались до квартиры Збруевых, я почувствовала нарастающую и очень тревожную, но прочную уверенность, что всё закончится в ближайшие часы. Буквально до завтрашнего рассвета. Всё закончится в эту ночь... Или мы проиграем, и Романтик совершит страшное, массовое убийство и сбежит. И мы, возможно, уже никогда его не поймает.

Когда мы оказались в квартире, я попросила всех выйти из неё, а Стаса остановила.

— Что такое, Ника? — он, похоже, заметил, что я встревожена. — Ты хочешь, чтобы я был рядом, когда ты...

— Нет, — мягко, но категорично ответила я и оглядела квартиру. — Просто... ты говорил, что у Ипполита есть три дочери...

— Они сейчас на свидании, — ответил Стас. — Мы связывались с ними и с их молодыми людьми буквально час назад.

Он криво усмехнулся.

— Домой девицы явно сегодня не торопятся.

— А-а... — протянула я и кивнула. — Понятно... А вы им... Ну... Ничего не сказали?

— Ника, — вздохнул Стас. — Думаю, ты понимаешь, что сейчас им нужно об этом знать в самую последнюю очередь. Или ты хочешь, чтобы они сейчас устроили дичайшую истерику у нас в управлении? Чем они нам помогут?

Он прокашлялся.

— Только орать да плакать будут. И обвинять нас.

Да. Тут я со Стасом была полностью солидарна. Как бы это ни было жестоко, но дочерям Ипполита знать пока ничего не нужно. И всё же меня не покидало чувство нарастающего беспокойства. Хотя не удивительно, я ведь нахожусь в квартире Ипполита Збруева, который, похоже, если не был самым Романтиком, то являлся пособником.

Я попросила Стаса выйти, но он начал уговаривать меня, чтобы я согласилась на его присутствие.

— Пожалуйста, Стас, — сказала я ему. — Ты... можешь мне помешать.

Это подействовало, Корнилов согласился и ушел. Я прикрыла за ними входную дверь и заперла на замок. В дверь немедленно начали кричать и звонить, но я сказала, что так нужно. Я не стала вдаваться в подробности, думаю, они поймут. А мне, между тем, совсем не нужно, чтобы они вломились сюда в неподходящий момент и прервали важное видение, которое поможет пролить свет на сокрытые тайны.

Я испытала странное чувство, оказавшись в квартире Збруевых. Ступая неспешным шагом по коридору, я очень отчетливо чувствовала неловкость от осознания того, насколько я здесь чужая. Здесь чувствовалась своя энергетика, своя аура. Эта квартира... в её стенах были свои эмоции, чувства, переживания, страхи, радости... воспоминания. Скопления воспоминаний густыми, пружинистыми, но эфемерными сгустками витали над головой, металась между стен. Голоса живущих здесь людей, смех, чей-то крик, звон посуды, звук телевизора, музыка, беготня... Перед глазами начали проявляться изображения пережитых живущими тут людьми эпизодов.

Я зашла в комнату Ипполита Збруева. Здесь всё было, как и описывал Стас.

Я посмотрела на компьютер. Он не был выключен, ноутбук был в спящем режиме. Я тронула мышку, вздохнула. Ну конечно! Пароль!

И тут же мой взор захлестнула яркая, ослепительно-белая вспышка света.

Голоса стали громче, они усиливались, как будто приближаясь. Мгновение, и быстро проступили очертания комнаты, предметов, мебели и человеческие фигуры.

— Почему?

Я узнала голос Стаса. Я стояла в комнате Збруева, только надесять-одиннадцать часов раньше.

— Почему? — хмыкнул Збруев. — Потому что если бы не этот маленький поганец, Мария уже давно была бы со мной, и всего, что случилось...

Он поперхнулся, закашлялся, тут же глотнул пива и выдохнул.

— Всего бы этого просто не было, — процедил он.

— Что случилось с твоими ногами? — сохраняя завидное спокойствие, спросил Корнилов.

— А вот это — не твоё дело, — рыкнул Збруев. — Всё, капитан, я ответил на вопросы. Теперь проваливай. Хочешь задавать новые вопросы, гони официальный вызов на допрос.

Стас явно раздосадованный, но не подающий виду, вышел из комнаты.

Я осталась в комнате с Ипполитом Збруевым. Он несколько минут смотрел фильм. Так прошло, наверное, минут двадцать. И тут у него зазвонил мобильник. Збруев отвлёкся, посмотрел на телефон, тут же остановил фильм и поднёс трубку к уху.

— Алло, — произнёс он с явной неприязнью. — Чего тебе?

Кто бы ему ни звонил, этот человек был явно неприятен Збруеву. Несколько секунд Ипполит сосредоточенно слушал говоривший по телефону голос. И с каждой новой секундой лицо Збруева изменялось, принимая разные выражения.

— Ну и тупая же ты корова, Анжела! Чёрт бы тебя побрал! Ты не могла их задержать?! Или отправить в другое место?! Да? А кто тебя за язык тянул?!

Он с раздражением откинулся на кресле, прижав свободную руку ко лбу.

— Ага... Очень здорово! Что?.. Когда? Утром? А почему мне... Заткнись! Почему ты мне сразу не сказала, что он сбежал? Не знала ты! Как же! Да пошла ты! Овца! Что слышала!

Он дал отбой и замахнулся зажатым в кулаке телефоном, но в последний момент передумал. Отложил телефон, включил фильм.

В коридоре были слышны женские голоса, похоже, это дочери Ипполита и, кажется, они куда-то собираются. Точно! Стас же говорил, что у них сегодня свидание, причем, у всех одновременно. Это обстоятельство, лично меня, серьезно настораживало.

У Ипполита снова зазвонил мобильник, он в который раз прервал просмотр фильма, нажал на паузу, взял телефон. Я уже стояла прямо у него за спиной. И номер звонившего абонента был не из числа контактов, записанных в телефоне Збруева. Збруев несколько мгновений смотрел на дисплей звонящего телефон и явно думал, стоит ли отвечать. Но решил, что стоит и, нажав «принять», поднёс телефон к уху.

— Поздравляю с успешным побегом, с**ин сын.

Он саркастично усмехнулся.

— Интуиция подсказала.

Он помолчал, явно слушая, что говорит собеседник. Я тоже наострила уши. Но, кроме нечленораздельного бормотания, ничего не услышала. Но мне не составило труда догадаться, с кем он говорит.

Конечно же, с недавно сбежавшим Николаем Ковальчуком.

— Да, — процедил Ипполит, стиснув зубы. — Я помню! Помню, урод! Я понял! Я приеду! Всё?! Ты доволен?! А пошел ты!..

Со вторым собеседником подряд Збруев прервал беседу со злостью и ругательствами. Но кто была та женщина, что звонила ему перед Ковальчуком?

Кажется, я догадывалась. Я знала только одну Анжелу, как-то связанную со всем происходящим.

После звонка Николая Ковальчука у Ипполита совсем испортилось настроение.

Фильм он больше не смотрел. Он отъехал на своем инвалидном кресле от стола, развернулся к окну, раздвинул жалюзи. Ему открылся вид на город.

Впереди высились цветные новенькие многоэтажки. Между ними темнели широкие полосы пересекающихся дорог, по которым стремительно струились потоки разноцветных автомобилей.

Через некоторое время, когда девушки притихли в своих комнатах, Ипполит закрыл ноутбук и набрал на телефоне номер.

— Саша, зайди ко мне, — грубовато произнес он.

Его сестра незамедлительно появилась, робко вошла в комнату. Вид у неё был встревоженный и испуганный. Она смотрела себе под ноги с каким-то странным выражением удрученного покаяния.

— Ты меня звал, Ипполит?

— Да, — хамовато отозвался тот. — Собирайся. Нам нужно прогуляться.

На лице у Саши отразилось растерянное смятение.

— Прогуляться? — переспросила она. — Прямо сейчас?

— Да, твою мать! — взорвался Ипполит. — Прямо сейчас! Собирайся!

От его крика Александра вздрогнула и чуть втянула голову в плечи.

— К — конечно... хорошо, Ипполит. Сейчас...

Сам Збруев на кресле подъехал к шведской стенке и, сняв с её брусьев джинсовую куртку, натянул на плечи. Затем взял со стола расческу, кое-как причесал свои ставшие редкими и ломкими волосы. Ипполит изучающе взглянул на себя в зеркало. Поджал губы, пару раз кивнул. На его лице читалось заметное сожаление и даже некая смиренная печаль. Он словно внезапно взгрустнул от того, что от его некогда привлекательной внешности осталось только лицо заметно постаревшего и осунувшегося мужчины, уставшего от жизненных испытаний.

— То ли ещё будет, — презрительно скривил рот Ипполит Збруев. — Ничего, старик... Побегаем ещё.

Воспоминание уже привычно утонуло в лучах сияющего света, и я оказалась на заднем сиденье автомобиля. Это был довольно старенький автомобиль в кузове универсал. Во всяком случае, салон внутри явно из прошлого десятилетия.

Ипполит сидел рядом со мной на заднем сиденье, а его сестра вела автомобиль. Я посмотрела в окно. Местность была незнакомая, что, в принципе, неудивительно. За те два года, что я живу в российской столице, я вряд ли даже её треть (или даже четверть) узнала хорошо. Тем более, этот мегаполис с каждым годом разрастается и растягивается всё больше с явным намерением превратиться в гигаполис планетарного масштаба.

Саша несколько раз свернула, выехала на широкую автомагистраль. Здесь она набрала скорости.

— Поторопись! — рыкнул Ипполит.

Я бросила на него внимательный взгляд. Збруев выглядел напряженным. Он нервничал и, судя по виду, чего-то очень боялся.

— Я и так еду с превышением! — взволновано ответила Александра Збруева.

— Ладно, ладно, — отмахнулся Ипполит.

Я посмотрела на него. У него было жесткое, решительное и угрюмое выражение лица. Он злился и боялся, и его это раздражало. Несколько раз он вытирал пот со лба.

Новая вспышка света, известившая о конце этого эпизода воспоминаний. На этот раз я оказалась под сенью ветвистых деревьев. Я стояла в прохладной тени. Передо мной зеленела разными оттенками плотная стена густых зарослей. Я быстро огляделась. Обернувшись, увидела, как Саша открывает заднюю боковую дверь их синего универсала. Она подала руку Ипполиту, но в ответ услышала:

— Да отвали ты! Я сам!

Из автомобиля, к моему удивлению, выбрался Ипполит Збруев. И он был при своих двух нижних конечностях. Оказавшись на воздухе, Ипполит несколько раз присел и размял ноги.

— Как же у меня затекают ноги! — поморщившись, проговорил он, делая упражнения.

— Ипполит, — жалостливо проговорила стоящая рядом Александра. — Это нужно прекратить! Ты не можешь всю оставшуюся жизнь притворяться...

Я ожидала, что Збруев сейчас снова взорвется и выплеснет недовольство на свою младшую сестру. Но он только грустно усмехнулся.

— Ты же знаешь, сестрёнка... мне проще тогда, реально, ноги отсечь.

Александра нервно сглотнула и быстро замотала головой.

— Не говори так, прошу тебя...

— Ты знаешь, что это правда, — проворчал он и начал снимать одежду. — Я тебе говорил. В тюрьме, там на зоне, остались люди, которым я сильно должен за то, что они не дали убить меня тамошним уркам. Инвалида они трогать не будут, но вот если узнают, что я здоров...

Он невесело усмехнулся, взглянул на Сашу.

— Плакать будем все.

Его сестра в ответ понимающе кивнула с печальным выражением лица.

— Открой багажник, — велел Ипполит.

Саша пультом открыла багажник универсала. Збруев вынул на свет спортивную чёрную сумку и огляделся. Они стояли посреди довольно дикой, дремучей местности. Вокруг только лес, деревья, кустарники и заросли высокой травы.

Шум автомобилей доносился очень издалека. Ипполит бросил сумку на землю, присел возле нее и расстегнул молнию. На моих глазах он переоделся в до боли уже знакомую мне черную худи, джинсы и потёртые ботинки. Вооружился ножом и достал пистолет.

Увидев оружие, Саша прижала ладони к горлу. Её взгляд был прикован к пистолету.

— А это обязательно? — пролепетала она.

— Да, — буркнул Ипполит, не глядя на сестру.

Ветер шевелил его светлые волосы.

— Ипполит, ты не должен...

— Должен, Саш, — вздохнул Збруев и на этот раз посмотрел на сестру. — Ты знаешь, что должен. Я ведь делаю это ради тебя. Ты помнишь об этом?

— Да, — быстро сглотнув, испуганно проговорила Александра.

— Вот и отлично.

Збруев достал из сумки последний элемент его образа. То, что, наверное, долго еще будет снится мне впоследствии — белую маску с окровавленными клыками и золотыми глазницами.

И снова видение растворилось в белом сиянии. Я увидела, как Ипполит встречается с

другим «Романтиком». Тот был одет точно так же — джинсы, чёрная худи с капюшоном, светло-коричневые ботинки, перчатки и маска.

Всё та же чёртова маска!

— Рад, что ты пришел. — ележно проговорил Николай Ковальчук.

Он держал в руках большой бинокль и смотрел на подошедшего Збруева.

— Пошёл ты! — бросил тот. — Они уже приехали?

— Да, — кивнул Ковальчук. — Майор с какой белобрысой девчонкой только что вошла в дом нашей Анечки.

— И ты думаешь, что Шмелина проболтается о чем — то?

— Она ничего особо и не знает, — засмеялся Ковальчук. — Но... будет лучше, если майор и эта странная девчонка останутся здесь навсегда.

Збруев посмотрел на дом Шмелиной.

— Ты же можешь просто взорвать её дом, вместе с ними.

Ковальчук устало вздохнул, опустил бинокль.

— Во-первых, это лишнее внимание, во-вторых...

Он позволил себе издевательский смешок.

— Она мне нравится, — он мечтательно промышчал. — Ты бы знал, на что способна мать, зная, что ты можешь в любой момент прервать жизнь её любимой дочурки...

— Ты больной, конченный урод, — покачал головой Ипполит.

Ковальчук в ответ посмотрел на него.

— Я такой только потому, что на твой взгляд, Збруев, выхожу за е**ные границы нормальности в твоей голове. Вот и все. А кто тебе и другим дал право устанавливать, что нормально, а что нет? Знаешь, что я тебе скажу, Збруев? Это вы все ненормальные. Ты, живущие рядом люди — вы все живете, забытые рамками чужих законов. А я... мы, мы с ним вдвоем существуем и живем только по своим законам. Только по своим, Збруев. Ты понял меня?!

Збруев презрительно хмыкнул.

— Вы с ним... Вы два больных извращенца.

— Мне всё равно, что ты думаешь, — Ковальчук пожал плечами. — Я тебе сказал свое мнение. Теперь слушай. Через минут пять я наберу Аню и скажу, чтобы она увела девчонку в подвал, а майора выставила вон.

— А если он её грохнет? — хмыкнул Збруев.

— Тогда я взорву дом, — пожал плечами Ковальчук. — Но будем отталкиваться от первого варианта.

Он сглотнул. Кажется, он едва справлялся с предвкушением.

— Когда майор выйдет, ты должен быть в его машине. Твоя задача простая — увезти его и пристрелить где-нибудь в тихом месте. Понял?

— Понял, — кивнул Ипполит. — А ты, значит, займешься девочкой?

— О, да-а... — плотоядно и мечтательно протянул Ковальчук. — Верю, мы с ней замечательно проведем время. Она такая хорошенькая, сладкая, невинная...

Слушая, с каким голодным предвкушением он говорит обо мне, я испытала новый приступ ужаса от мысли, что могла оказаться в его руках, в его власти.

Я нервно с дрожью вздохнула. Просто чудо, что мне и Ане удалось сбежать от этого больного выродка!

Но еще меня взволновано то, о ком они говорили. Кого имел ввиду Ковальчук, когда

говорил «мы с ним»?! О ком он мог говорить, как о своем соратнике и единомышленнике? Разве что только о сыне, но Демид мёртв.

Потом я увидела, как минут через пять-шесть Ковальчук позвонил Ане.

— Выставь мента за дверь, а девчонку отведи в подвал, — сказал он. — И не вздумай им что-то сболтнуть, дорогая. Ты же знаешь, как я не люблю, когда ты не слушаешься меня. Я верю в тебя... Тогда используй оружие... Не смей мне перечить, дрянь! Не смей! Ты моя! Та забыла! Тогда выполнять!

Ипполит смотрел на Ковальчука, пока тот говорил с Аней. Выражение его лица я, понятное дело, увидеть из-за маски не могла. Но догадывалась, какое оно.

— Вот и всё, — усмехнулся Ковальчук. — А ты че встал? Ты уже должен быть в машине майора!

Збруев молча, сухо кивнул и быстрым шагом направился к черному Лэнд Роверу Стаса. Я ринулась за ним, так как все-таки это его воспоминание и, чтобы не «выпасть» из видения, мне необходимо находиться рядом с ним.

Оказавшись возле автомобиля Стаса, Збруев сперва опасно оглянулся.

На мой взгляд, совершенно напрасно, так как местность тут была тихая, глухая и безлюдная. Автомобили на дороге проезжали раз в минуту, в лучшем случае.

К моему удивлению, Ипполит довольно быстро «вскрыл» автомобиль Стаса, используя какие-то незнакомые мне девайсы и набор обычных инструментов.

Он забрался на заднее сиденье и устроился там с пистолетом в руках.

Короткий всплеск белого света, и я уже вижу, как Стас и Ипполит дерутся возле перевернутой машины Стаса. Збруев остервенело машет ножом. Лезвие угрожающе сверкает в его руке. Один раз он достал Стаса. Я ахнула, увидев, как у Корнилова рукав рубашки начал быстро пропитываться кровью. Но Стас этого не замечал, он выбил нож у Збруева и ударил его в лицо. Тот отшатнулся, у него откололся кусок маски, упал на асфальт. Тут он достал шокер и выстрелил в Стаса хлесткими тонкими проводами. Они, точно хищные змеи, вцепились в тело Стаса. Корнилов закричал. Я увидела, как он морщится от боли. Стас упал, и вместе с ним у меня упало сердце.

Я знала, что это уже прошлое, уже случившееся, но от этого происходящее не становилось менее страшным. Я увидела, как Збруев попытался убить Стаса острым камнем. И я видела, как Стас бросил Ипполита под проезжающий мимо автомобиль. Я отвернулась за мгновение до того, как летящее тело Збруева соприкоснулось с мчащимся автомобилем. Но я услышала глухой, мягкий стук, с которым тело Ипполита упало на асфальт.

Следующее воспоминание неожиданно перенесло меня к машине Збруевых, к тому синему универсалу. Я оказалась рядом с Александрой Збруевой. В машине было темно, и вокруг давно темнела ночь. Было до жути неприятно видеть из окна склоняющиеся ветви растущих вокруг деревьев и пугающие лесные дебри. Ночной лес словно сжимался вокруг одинокого автомобиля. Лес как будто намеревался поглотить затерявшийся в его глубинах автомобиль.

Я посмотрела в лицо Александры. На нем застыло странное, немного томное и какое-то равнодушное выражение. Я не сразу поняла, что Саша Збруева просто спит. Но этот сон был необычным. Она бы не уснула вот так вот запросто, зная, куда пошел её брат. А она знала. И более того, если вспомнить слова Ипполита «Я ведь делаю это ради тебя», она ещё и каким-то образом виновата в том, что её брату приходится надевать маску Романтика.

Всё это запутывало меня и вызывало новые вопросы в дополнение к тем, которые уже и

так повисли в наших со Стасом разумах, в голове Аспирина и в умах Домбровского с Арцеуловым.

Я завертела головой по сторонам. Чёрт возьми, в чем я сейчас воспоминаний? Ипполита или Саши? И что мне делать? Как долго Саша будет ещё спать? Тут мой взгляд упал на белеющую в густом полумраке коробку. Она лежала возле рычага коробки передач. Я наклонилась к ней, попыталась прочесть название, но буквы расплывались в кисейном сгустившемся полумраке. Ничего не разобрать. Однако интуиция подсказала мне, что это снотворное. Ну и зачем оно ей? Чтобы лучше спалось, пока Ипполит будет совершать убийство? Бред какой-то!

Воспоминание мягко, как море после шторма, выкинуло меня в реальность.

Я очнулась, сидя на полу возле стены, в комнате Ипполита. Несколько мгновений, расслабленно дыша, я смотрела перед собой. Затем ещё раз глубоко вздохнула. Голова шла кругом, в животе разливалось странное чувство, тело сковывала неприятная, тянущая тяжесть. Я поднялась, шаркающей, слабой походкой добралась до двери. Первые слова, которые я сказала Стасу, Коле и Сене, были:

— Я знаю, где она.

Эпизод четырнадцатый

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 20 июня

Когда Ника вышла из квартиры Збруевых, она выглядела такой изможденной, истощенной и слабой, что можно было подумать, будто она неделю шла пешком откуда-то издалека без еды, воды и сна. Она передвигалась неуверенно, у неё побледнело лицо, под глазами появились мешки. Она держала свою идеальную спортивную осанку, но было видно, что даже дышит она как-то с трудом.

Корнилов настаивал, чтобы она отдохнула, но Ника наотрез отказалась, объясняя, что потом они просто могут не найти Александру Збруеву. Стасу пришлось позволить ей помогать им.

Ника привела оперативно-следственную группу Стаса прямо к синему Форду Фокус. Машина стояла в лесу. Это было совсем недалеко от взорванного дома Анны Шmeliной. К удивлению Стаса и Арцеулова с Домбровским, Александра Збруева находилась за рулем автомобиля и преспокойно спала. Правда, сон был вызван не усталостью, а сильнодействующим лекарственным препаратом.

Когда он показал коробку с этим препаратом находившемуся здесь же Ящеру, тот не удержался и присвистнул.

— Интересно, где она это отрыла?

— Эта штука в дефиците? — спросил Стас, освещая фонариком автомобиль Саши.

Збруева по-прежнему спала.

— Скорее, под очень чутким надзором всех соответствующих инстанций, — ответил Ящер. — В больницах, в хирургических отделениях расход этого вещества строго под отчетом. За продажу таких штук можно загреметь лет на восемь без проблем.

Он покачал головой.

— И зачем она это себе ввела? Стас, если она перебрала, нужно срочно ставить ей капельницу, иначе мы можем её просто не добудиться.

— Тогда не будем тянуть время.

Корнилов осторожно вынул женщину из автомобиля и передал Арцеулову.

Они перенесли её в машину Домбровского, где на заднем сиденье уже минут сорок спала Ника. Белокурая девчонка совсем выбилась из сил за последнее время. Она слишком многое пережила, ещё и в таком количестве, сколько взрослый-то с трудом вынесет!

Стас и Ящер внимательно исследовали автомобиль Збруевых. Здесь они нашли шприцы, ещё одну коробку такого же препарата, патроны к пистолету и помповому ружью, само помповое ружье американского производства, веревку, леску, пару обычных мешков, аптечку, анестетики, палатку и пустую коробку из-под шокера. Взяв эту коробку, Стас потряс её в руках и не без ругательства вспомнил разряд тока, которым его «угостил» Збруев перед смертью.

— Пора запрещать продавать такие игрушки кому попало, — проговорил он недовольно.

— Что? — усмехнулся Ящер. — Всё ещё болит?

— Да.

— Будет долго ещё болеть.

— Спасибо.

— Заходите ещё, — засмеялся Ящер.

— Хорошо зубоскалить, — одёрнул его Стас. — Садись в машину, отвезём её к вам. Возможно, вы у себя в лаборатории что-то сможете найти.

— Мы-то обязательно что-нибудь найдем, — Ящер забрался в автомобиль и пристегнул ремень. — Вот только вам не всегда подходит то, что мы находим.

— Это ты про тот раз, когда вместо улики в машине нашелдохлую летучуюмышь? — засмеялся Стас и завёл автомобиль.

— Нет, — хмыкнул Ящер. — Это я про тот раз, когда вы дали мне тачку одного дяди, которого подозревали в убийстве собственной жены и детей, а мы вместо их крови и потожировых следов, наткнулись на микроскопические остатки вещества с ярким признаком кардиотоксинов! Ты помнишь, Стас, что нам ответил Сеня, когда мы ему сообщили?

— Помню, — кивнул с улыбкой Стас.

— Угу, — хмыкнул Ящер и ощерился. — «Нас в этой тачке интересуют кровь, сопли, кишки и блевотина, которая могла бы принадлежать жертвам. Пока этого не найдёте, не звоните. А то, что вы нашли, можете хоть сожрать, нам без разницы.»

Корнилов покачал головой.

— Сеня тогда был пьян — у него пёс умер. Тебе просто не повезло, что вы на него нарвались.

— Я же сначала решил, что этот козий сын надо мной издевается! — воскликнул Ящер. — У нас тут полная тачка сверхъядовитого вещества, и, возможно, у владельца авто его ещё больше, а он мне такое в ответ...

Этому делу уже больше четырёх лет, но Ящер, видимо, ещё долго будет вспоминать тот эпизод.

При помощи опытных медиков Александру удалось привести в чувство. Но прошло ещё примерно два часа, прежде чем доктора из ближайшей к УГРО больницы сообщили, что она готова к допросу. Сейчас Александра сидела в одной комнате со Стасом и Колей. Вид у женщины был отстранённый, пустой взглядустремлен вниз. Стас только что сообщил ей о смерти брата.

Корнилов видел, что Домбровский, несмотря на ситуацию, не желает давать Збруевой времени оправиться и усвоить случившееся. Коля беспокойно ерзал на стуле и сверлил

Александрю Збруеву недоверчивым, безжалостным, злым взглядом. Коля был уверен, что она виновна. Она ведь всё знала. Знала, чем занимается её брат! Знала, кто он такой! Знала! Знала и молчала. И этого Домбровский не мог ей простить. А потому и не мог себя заставить испытывать к Александре Збруевой хоть какое-то сочувствие.

И Стас его понимал, он сам чувствовал некое раздражение от бестолковой робости Александры. Она ведь, действительно, не могла не понимать, что то, чем занимался её брат, должно было кончиться или его гибелью, или пожизненным тюремным сроком.

— Александра, — зычным, приятно переливающимся басом проговорил Стас. — Посмотрите на меня, пожалуйста.

Саша закрыла глаза, коротко вздохнула и странно всхлипнула. Затем, открыв глаза, все-таки взглянула на Стаса.

— Хорошо, — кивнул Корнилов, глядя на неё. — Я не буду утверждать, что мы сочувствуем вам. Это было бы враньем. Но в чем я могу вас заверить, так это в том, что на свободе остался ещё один убийца. Тот, кто вынуждал вашего брата делать то, что он делал.

Коля собрался было съязвить по этому поводу, но Стас это заметил и вовремя незаметно пнул его ногой под столом. Домбровский прикусил язык.

— Вы можете обладать сведениями, от которых зависит, задержим мы его или нет, — Стас старался говорить убедительно, но мягко, не давя на и без того пострадавшую женщину.

Збруева шумно вдохнула, губы её задрожали. Она отвела взгляд слезящихся глаза в сторону. Стас дал ей время.

— Александра, — позвал он тихо, спустя минуту. — Я ведь знаю, что ваш брат... Ипполит Збруев делал это ради вас. Так ведь?

Саша крепко зажмурилась, губы её скривились. Она тихо зарыдала и начала трести головой.

— Это я его погубила, — прошептала она.

— Нет, Александра, — мягко возразил Стас. — Не вы.

Корнилову всё-таки было жаль её. Он не мог до конца сочувствовать ей, но он мог понять её. И Корнилов понимал, как понимал и раздирающую её душу боль.

— Что... Что вы хотите? — прошептала Александра плача.

— Прежде всего я хочу знать, ваш брат действительно убил Марию Хазину? — спросил Стас.

Александра снова зажмурилась и быстро замотала головой.

— Нет, — дрожащим голосом прошептала она. — Нет! Он любил её! Вы... Вы не видели, что с ним было, когда... Когда она... Когда её...

— Саша, вы знаете, кто убил Марию Хазину? — с нажимом спросил Стас.

Тут она подняла на них свои заплаканные глаза.

— Ковальчук.

Домбровский взглянул на Стаса, но тот не посмотрел на него. Стас глядел только в глаза Александре.

— За что он её убил? Вы знаете?

— Не знаю, — она качнула головой. — Только он... он заставил Ипполита...

Она судорожно втянула воздух, губы её скривились, по щекам снова заструились слезы. Плечи несчастной женщины задрожали. Она прижала правую ладонь тыльной стороной к губам, быстро заморгала глазами, отвела взгляд.

Стас наблюдал её душевные мучения и старался сохранять равнодушие, но это было трудно.

— Он... Ковальчук шантажировал Ипполита и вынудил его... взять... Господи, простите... — она замотала головой. — Я просто... не могу... Просто...

Стас молча чуть наклонился вперед, протянул руку к внешнему карману пиджака Домбровского и вынул оттуда его платок.

— Возьмите, — Стас протянул платок Саше.

Та с готовностью и благодарностью приняла платок.

— Благодарю вас.

— Не стоит, — отозвался Стас. — Продолжайте. Чем Ковальчук шантажировал вашего брата?

Стас перехватил возмущенный взгляд Домбровского. Коля был настоящим денди и модником. И платок был у него больше аксессуаром, чем практичной вещью, и стоил он соответственно.

Александра как следует высморкалась в платок и посмотрела на Николая.

— Нет-нет, — сухо ответил Домбровский и качнул головой. — Оставьте себе, мадам. Вам пригодится...

Стас снова пнул его под столом, на этот раз чувствительнее. Коля взглянул на Стаса. Взгляд Корнилова придавил его, лишив желания спорить. Коля опустил взгляд в стол, но вид имел крайне недовольный. Он сплел пальцы рук на столе, но при этом все время беспокойно перебирал ими.

— Я сейчас, — Николай внезапно поднялся из-за стола и резкими, дерганными шагами вышел из кабинета. Саша с растерянностью оглянулась ему вслед и пугливо взглянула на Стаса.

— Кажется, ваш коллега очень недоволен моим обществом... Я его понимаю... — она вздохнула. — Я ведь сообщница...

— Глупости, — качнул головой Стас. — Не обращайтесь внимания. Просто он неудачно припарковался сегодня утром, и ему машину расцарапали, написали несколько неприличных слов.

Стас усмехнулся.

— А-а... — нервно улыбнулась Саша и тут же, поджав губы, тяжело сглотнула. — Понятно.

Разумеется, в такой ситуации шутки неуместны, но Стасу показалось, что здесь это могло бы помочь женщине немного прийти в себя, поверить, что её жизнь не закончилась, что она сможет жить дальше, сможет пережить. Для этого она должна была отвлечься хотя бы на несколько секунд от гнетущих, отравляющих её душу мыслей.

Дверь допросной открылась, вернулся Коля. Он сменил свой синий пиджак на другой, оловянного цвета, с темными пуговицами. Застегивая пуговицы, он одарил Стаса выразительным, возмущенным взглядом и с раздражением отодвинул себе стул. Сел за стол и демонстративно уставился на Збруеву.

— Продолжайте, — вздохнул Стас.

— Понимаете... — Саша сложила руки на стол. — Я... Я раньше... Я была другая...

— Другая? — чуть сдвинув брови, переспросил Николай Домбровский. — В каком смысле?

Збруева метнула в него настороженный взгляд, опустила взор в стол и проговорила.

— Я хотела заработать, — с явным стыдом проговорила она. — И... я...

Стас вздохнул.

— Вы занимались проституцией, Александра? — спросил он с сожалением.

— Что?! — Александра мгновенно вскинулась, подняла большие глаза на Стаса. — Нет! Нет! Нет, вы что! Я никогда, я... просто...

Она вздохнула.

— Я снялась в кино... Ну... Понимаете... Для взрослых. В частном... в частном фильме. Типа... хомвидео. Но... понимаете, это... Это для людей... Ну... Очень богатых, но... с определенными... требованиями...

— Вы снимались в порнухе для богатых извращенцев?! — удивленно спросил Николай и усмехнулся.

Стас окинул его осуждающим, колючим взглядом. Тот в ответ пожал плечами и выразительно покачал головой.

— Да, — призналась Александра.

— Понятно, — кивнул Стас. — Ваш брат, конечно, про это ничего не знал?

— Нет, — со слезами проговорила Збруева. — Вы не представляете, что было, когда ему стало известно!

Он судорожно вздохнула.

— Он... впервые в жизни... единственный раз... Он ударил меня!

Она заплакала, заливаясь слезами. Её лицо покраснело, ресницы промокли от слёз. Скривившиеся губы дрожали, то и дело обнажая краешки зубов.

— Боже, — прошептала она. — Он... Он кричал, что я опозорила его... Что я...

— Ну, вообще-то... — начал было Коля, но наткнувшись на взгляд Стаса, снова заткнулся.

— Я так понимаю, — проговорил Стас. — Ковальчук завладел этими записями и угрожал обнародовать их, если ваш брат не сделает то, что он просит?

Саша несколько раз утвердительно кивнула.

— Он знал, что просто не переживёт этого. Он бы не смог... И потом... Наша мать... Она тогда ещё была жива... Она... Она бы тоже... Они оба не пережили бы... Я знаю, что я ужасная сестра и дочь. И то, что я сделала, нельзя простить. Но... Я ведь хотела заработать денег для них... Для мамы и для... Для Ипполита!

Она подняла страдальческий взгляд на Стаса с Николаем.

— Понимаете?

Они понимали и мотивы, и желания, но Стас подумал, что был несправедлив к Ипполиту. Збруев был доведен до отчаяния. А потом... Потом в какой-то момент он просто привык. Ведь всё просто — делай, что говорит шантажист, и все будет в порядке, вот так. Так Ипполит Збруев стал убийцей и, похоже, уже успел, действительно, свыкнуться с этим.

— Александра, — осторожно, с толикой сочувственной грусти, проговорил Стас. — Послушайте, пожалуйста, что я вам скажу. Вы прежде всего человек, а как сказал... Не помню кто, если честно...

Александра с настороженным удивлением посмотрела на Стаса.

— Человеку свойственно ошибаться, — проговорил Стас. — И...

— *Errare humanum est*, — осклабившись, добавил вдруг Домбровский. — Это слова Марка Аннея Сенеки Старшего, римского оратора.

— Благодарю, — с нажимом произнес Стас.

— Не за что, — хмыкнул Николай.

Стас вздохнул и перевел взгляд на растерянно смотрящую Сашу.

— Так что никто... Ну, во всяком случае, мы с коллегами вас не осуждаем...

Краем глаза Стас заметил, как Коля чуть заметно скривил губы, как бы говоря, что думает иначе. Но Корнилов был ему благодарен за то, что он промолчал.

— Вы совершили ошибку, так бывает. И беда не в ваших действиях, а в том, что вам и вашему брату в жизни встретился такой человек, как Ковальчук.

Збруева с совершенно убитым, понурым выражением лица лишь неопределенно дернула плечами.

— Александра, вы можете ответить, ваш брат... Он убивал кого-то? Только если вы знаете наверняка... — проговорил Стас, внимательно наблюдая за глазами женщины.

Но та лишь пожала плечами.

— Я... я точно не знаю, но... Каждый раз, когда Ипполит возвращался после выполнения очередного требования Ковальчука, он...

Она покачала головой.

— Господи, он так много и долго пил... Он... Знаете, он как будто изо всех сил пытался забыть что-то...

Тут Станислав и Николай не удержались и обменялись многозначительными взглядами. Домбровский вопросительно шевельнул бровями, но Стас тут же отрицательно качнул головой.

Внезапно Александра вскинула взгляд и взволнованно спросила:

— А вы уже сообщили девочкам? Вы сказали моим племянницам, что... Что их...

Коля быстро посмотрел на Стаса, опустил взгляд. Корнилов боялся этого вопроса. Честно говоря, он надеялся, что убитой горем Александре будет не до этого. Во всяком случае, пока они их не найдут.

— Александра, — сдержанно проговорил Стас. — Проблема в том, что...

Договорить не успел.

Александра вскочил из-за стола.

— Где они?! Они... Они пропали?! Вы не знаете, где они?! Не знаете?! Да?! — закричала она. — А почему тогда вы сидите здесь?! Вы что, не понимаете?! Это всё он! Он! Он! Это Ковальчук их похитил! Он похитил их! А вы...

Она ринулась к Стасу, но у нее на пути поднялся Домбровский.

— Тихо, тихо, — Коля перехватил руки женщины и быстро скрутил её, сведя руки за спиной и уложив животом на стол. — Успокойтесь, Збруева!

— Пустите меня! — истерично заорала женщина и попыталась лягнуть Домбровского правой ногой.

Тот уклонился и чуть надавил на руки Александры. Женщина вскрикнула.

— Коля, оставь её! — рыкнул на него Стас.

Домбровский бросил на него вопросительный взгляд. Стас подошел к нему и жестом велел отойти. Тот отпустил Александру. Она медленно выпрямилась, потеряла запястья рук, неуверенно, опасливо подняла взгляд на Стаса. Корнилов подошел к ней вплотную.

— С ними все в порядке, — проникновенно сказал он, глядя ей в глаза. — Вы ведь в курсе, что они отправились на свидание.

— И они... они до сих пор...

— Видимо, да, — вздохнул Стас. — Во всяком случае, мы уже несколько раз им

звонили и спрашивали.

Стас устало вздохнул. Чтобы не вызывать у девушек подозрения, Арцеулов и Домбровский звонили дочерям Ипполита с разных номеров и делали вид, что ошиблись, или представлялись сотрудниками компании мобильного оператора. И девушки были в порядке. Тут Стас старался держать руку на пульсе.

Александра облегченно вздохнула, снова громко, плаксиво шмыгнула носом.

— А что с Романтиком? С Ковальчуком?

— С чего вы взяли, что он и есть Романтик?

— А разве... разве нет? — прошептала Саша.

Стас чуть заметно качнул головой.

— Он мёртв, — ответил Стас. — И более никогда вас уже не потревожит.

— Вы...

— Нет, — вздохнул Корнилов. — Он застрелился, когда понял, что не уйдёт.

Она нервно сглотнула.

— Мой брат пытался убить вас. Так ведь? — вдруг спросила она. — Как он умер?

— Александра, вы... — Стасу, конечно же, не хотелось об этом говорить.

Да ещё вот так, стоя совсем близко от Саше и глядя в её заплаканные глаза с дрожащими бликами.

— Вы его убили, — её голос скрипнул звонкой хрипотцой.

Стас сжал зубы, шумно, тяжело вдохнул. Александра закричала и ударила его кулаком по груди, затем ещё раз и ещё. Она рыдала и неистово била кулаками по широкой, большой, крепкой груди майора.

Он почти не защищался, терпеливо снося удары от отчаявшейся женщины.

Корнилов смерил взглядом шевельнувшегося было Домбровского.

— Я вас ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! — рыдала Александра. — Вы... Он же... Он же хороший... Он же... Он не хотел...

Она захлебывалась слезами. Мучительная, невыносимая, разрывающая сердце, душу, сознание, безжалостная боль рвалась наружу. Вскоре она ослабела, сникла и обмякла в руках Стаса. Он медленно прижал её к себе, погладил по голове, точно ребенка. Она тихо плакала.

— Я знаю, что вы его любили, — проговорил он ей на ухо. — Клянусь, я пытался взять его живым. Но ваш брат был слишком яростным бойцом и... И пытался убить меня. Как вы понимаете, я не мог ему этого позволить. Я прошу вашего прощения, Александра.

Она в ответ лишь всхлипнула, плечи её дрожали. Она содрогалась всем телом в его объятиях.

Домбровский стоял рядом и с откровенным удивлением, пораженный происходящим, наблюдал за плачущей Сашей Збруевой. Поневоле ему стало очень жаль её. Она ведь была просто женщиной, в юности совершившей большую ошибку, за которую вынужден был расплачиваться её старший брат.

Воистину, Errare humanum est. И никто из них здесь не виноват.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Пятница, 20 июня

Она умирала долго. Девушка у моих ног, точнее у ног Николая Ковальчука, истекая кровью, молила о пощаде. Его глазами я увидела, как он совершенно равнодушно наблюдал за её мольбами.

— Пожалуйста! — пролепетала темноволосая девушка, глядя на него снизу вверх. —

Умоляю... Не надо... Пожалуйста... Я... Я ничего не скажу...

Воспоминание Николая Ковальчука резко прервалось, и я оказалась в маленькой комнате. Комната выглядела жутко — старые обои и облезлый пол. На полу среди крошек еды в самом углу сидела девочка лет пяти. Она была очень заросшая, лохматая и страшно неухоженная. Её одежда была ужасно грязной, заношенной, а кое-где и вовсе порвалась. Она была до ужаса худой, даже костлявой.

Я застыла, буквально вросла в пол, глядя на неё во все глаза. Я её узнала даже в таком ужасном виде. Она была слишком похожа на свою мать. Девочка, кстати, сейчас что-то ела прямо руками, крошки сыпались на пол.

— Ещё хочешь? — насмешливо спросил знакомый елейный голос. — А? Хочешь?

— Да... — пролепетала девочка. — А можно?

— Если правильно попросишь, — насмехаясь, с издевкой произнёс Ковальчук.

Девочка поспешно доела последние куски. Затем быстро встала на своих худые колени, сложила свои маленькие ладошки вместе и произнесла:

— Мой господин, умоляю вас, дайте мне покушать...

Он рассмеялся.

— Держи...

Он швырнул ей кусок то ли булки, то ли хлеба. Ребенок с вожделением набросился на еду. Дочь Ани ела с голодной жадностью. Крошки булки сыпались из её рта на пол и её старую одежду. Ковальчук наблюдал за этим и смеялся.

Воспоминание снова внезапно сменилось, и я опять оказалась в том подвале.

Умоляю... Не надо... Пожалуйста... Я... Я ничего не скажу... — продолжала кричать темноволосая девушка на полу. — Умоляю, отпустите меня! Я же вам ничего... Ничего плохого я... Я вам ничего не сделала!

— Как все банально и одинаково, — с притворной скукой произнёс Ковальчук.

Стоявшая у стены Анна Шмелина наблюдала за происходящим, держась правой рукой за горло. Судя по её лицу, она вот-вот должна была потерять сознание от ужаса происходящего.

— Пожалуй, — произнёс Ковальчук, деловито перебирая свои жуткие режущие инструменты, — я теперь отрежу тебе пальцы рук.

— Нет... — застонала со слезами его жертва. — Господи... Зачем? Зачем вам это?! Я же вам ничего не сделала! Я же вас даже не знаю!..

— О? — Ковальчук оглянулся. — Ты серьёзно так думаешь? Думаешь, ты ничего не сделала? Да?

Он подошел к ней, присел. Бедная девушка пугливо дернулась, попыталась отползти в сторону. Ковальчук схватил её за волосы, поднял вверх.

— Думаешь, ты ни в чем не виновата, дрянь? Думаешь, ты вся такая невинная, а я такой плохой, да?! Ты это хотела сказать, тварь?! Да?!

Он намотал её волосы на кулак и подтянул к себе.

— Все маленькие шлюхи виновны уже в том, что позволяют себе так думать!

В его левой руке появился хирургический предмет с тонким, узким лезвием.

— Пожалуй, без глаз ты будешь ещё красивее, — прошептал он.

Крик несчастной девушки вырвался наружу и взорвался в тесных стенах подвала. Я больше не могла это видеть. Я закричала и попыталась закрыть глаза. Получилось не сразу.

Когда я оказалась в реальности, я упала на четвереньки. и меня обильно стошнило

прямо на пол.

— Чёрт возьми! — услышала я испуганный крик Якова Щербакова. — Сеня, дай вон тот таз!

— Вот этот?

— Да быстрее!!! — проорал Ящер.

Передо мной поставили таз. Я склонилась над ним. Рвотные спазмы беспощадно выжимали меня, выдавливая из меня всё возможное содержимое.

— Все хорошо, все хорошо, кроха, — Ящер утешающе гладил меня по спине. — Все будет хорошо... Сеня, чай сделай.

— Чай? — глуповато переспросил Сеня. — Зеленый или чёрный?

— С**а, крепкий! — вскричал рассерженный Ящер.

Я продолжала ещё мучиться, корчась в судорожных спазмах. Когда всё закончилось, я отстранилась от таза. Яша тут же любезно протянул мне салфетки. Я незамедлительно ими воспользовалась, затем поднялась. В теле растекалась мерзкая слабость. Ящер заботливо поддерживал меня, но я мягко отказалась от его помощи.

— Спасибо, — поблагодарила я. — Всё в порядке...

Сеня принес мне чай. Почувствовав манящий аромат крепкого чая, я почти сразу возжелала прильнуть губами к чашке с ароматным напитком. Не знаю, насколько это полезно после тошноты, но чай я пила с благодарностью и наслаждением. Я ощущала его согревающее тепло внутри себя — приятное ощущение. Я закрыла глаза... Я сидела в кресле, перед компьютером, одного из экспертов.

Ящер заботливым движением убрал прядь волос с моего лица. Я перехватила его взгляд, он добродушно улыбнулся. Я отвела взор, посмотрела в сторону того места, где я только что...

— Извините за то, что я вам тут устроила, — пробубнила я стыдливо. — Я не хотела... Со мной такого давно не было.

— Да всё нормально, — ответил Ящер. — Ника, скажи, ты... увидела, что-то важное?

— Да, — я устало вздохнула, подула на чай.

— Ты знаешь, где третий убийца или убийцы? — с надеждой спросил Сеня.

— Нет, но я знаю, где дочь Анны Шмелиной, — уверенно ответила я.

Ящер чуть сдвинул брови и оглянулся на стоящего за спиной Арцеулова. Сеня, пару секунд непонимающе хмурил свои русые брови, а затем быстро вынул мобильник.

— Вот этот дом! — возбужденно закричала я, когда мы подъехали.

— Тише, Ника, — попросил Стас.

Сидящий за рулем Домбровский припарковался у подъезда. Мы вышли из автомобиля. Уличные фонари по периметру двора разгоняли ночной мрак, освещая дороги, клумбы, деревья, детскую и спортивную площадки.

Разумеется, ни одной живой души, кроме нас, на улице не было. Уже часа два, как наступила суббота! И нормальные, счастливые люди давно дрыхнут в своих постелях.

Мы торопились. Меня буквально пожирало нетерпеливое волнение, страх за дочку Ани Шмелиной. Меня будоражили пугающие мысли о том, что с ней могло уже случиться. Я помню, как выглядела несчастная малышка в моем видении.

Я знаю, о тех, кто отошел в мир иной, плохо говорить нельзя, но я очень надеюсь, что если ад существует, то Ковальчук попадёт в самый страшный для себя кошмар. Уж он это

заслужил сполна!

Пользуясь обрывками воспоминаний Ковальчука я привела Стаса и Колю прямо к квартире, где должна была томиться маленькая дочь Шмелиной. Когда я указала на дверь, Стас и Коля переглянулись. Они с самого момента, как мы вошли в подъезд, выглядели слегка смущенными.

— Что с вами? — спросила я. — Почему у вас такие лица?

— Ника, — Стас прокашлялся. — А ты уверена насчёт этой квартиры?

— Да, — я оглядела их лица. — Да в чём дело? Что вас смущает?

— Да ничего... — начал было Коля.

— Это, — Стас кивнул на дверь квартиры за моей спиной, — бывшая квартира Хазиных.

От этих слов у меня на мгновение появилось странное ощущение, будто под ногами пропадает твёрдый пол, и я начинаю медленно куда-то падать.

— Вот как... — слабо произнесла я. — Тогда, думаю, мы на правильном пути.

— Вне всякого сомнения.

Квартиру вскрыли без особого труда. Хотя дверь была довольно мощная, тяжелая. Стас и Коля вошли первыми, лучи их фонарей заметались по стенам квартиры. Мы ступали тихо, осторожно, стараясь передвигаться максимально бесшумно. У меня тревожным барабаном гремели удары сердца в груди.

Мне не терпелось увидеть дочку Ани, убедиться, что она жива, что с ней всё хорошо...

Коля и Стас обследовали квартиру. Почти сразу же они наткнулись на две тонкие лески, натянутые прямо посреди коридора. Этот больной псих заминировал квартиру, установив несколько растяжек в коридоре и комнатах!

Мы их осторожно обошли.

— Ника, смотри под ноги и иди только за мной! — процедил Стас.

— Хорошо, — послушно проговорила я.

Странно, но мне не было страшно. Вот серьёзно, я просто приняла это, как данное. В конце концов, около года назад мы вместе со Стасом сидели в заминированной машине и пытались выбраться так, чтобы не взлететь в стратосферу, рассеявшись на молекулы. Так что...

Квартира, судя по обстановке, была довольно запущенной. Новой здесь была только электроника: холодильник, телевизор, компьютер, бензиновый генератор и кондиционер. Больше всего проблем вызвала самая маленькая комната, возле ванной и туалета, так как здесь стояла массивная, крепкая дверь из легированной стали. Вот тут вызванным Стасом специалистам пришлось повозиться. Прошло минут сорок, прежде чем им удалось отпереть дверь. Как только открыли дверь, из комнаты раздался пронзительный, долгий, отчаянный визг.

— Чёрт! — выругался Коля.

— Все назад! — быстро сказал Стас.

Коля вместе с спецами из МЧС, которых вызвали на случай непредвиденных обстоятельств, осторожно передвигаясь, покинули квартиру. Я осталась со Стасом. Мы с ним вошли в темную комнату, единственным источником света здесь было окно, через которое внутрь проливался молочно-серебристый свет луны. Комната тонула в расплывающемся, серо-синем полумраке. Я увидела маленький, забившийся в угол силуэт. Я рукой попросила Стаса остановиться, а сама шагнула вперед.

Ощущая, как неистово стучит сердце в груди, я облегченно вздохнула, заставила себя успокоиться и приблизилась к девочке.

— Привет, — произнесла я тихо и ласково. — Не бойся нас, пожалуйста. Мы не хотели пугать тебя.

Я подошла чуть ближе, девочка не двигалась. Я видела, как поблескивают тусклыми бликами её глаза из-под густых, лохматых волос.

— Меня зовут Ника, — сказала я. — А тебя?

Она не ответила, но потом тихо пробормотала:

— Я не знаю.

— А... — я на мгновение растерялась.

Меня переполнило сострадание к несчастной малышке, которую больной выродок обрёл на существование, хуже чем у домашнего животного! Я горела желанием ей помочь. Я очень хотела донести до неё, что она в безопасности, что мы ей поможем, что теперь всё будет хорошо, и что скоро она увидит свою маму. Я подавила в себе слёзы, готовые хлынуть из глаз от невыносимой жалости к обездоленному ребенку. Я несколько раз судорожно вздохнула.

— Ну что ж... — я подкралась к ней поближе. — Стоит это исправить. Ты согласна?

— А где... мой господин? — спросила девчушка.

Я пару секунд молчала, пытаюсь сохранить самообладание.

— Он... Он больше не придёт.

Девочка шевельнулась.

— Никогда?

— Никогда.

— Значит... — она всхлипнула. — Значит, теперь я никому не нужна?

Она обиженно шмыгнула носом.

— Конечно нужна! — воскликнула я убежденно. — У тебя же есть мама! И она очень ждёт тебя.

— Мама? — переспросила девочка. — Как... Как это? Кто... кто такая «мама»?

Её слова заставили меня потерять на мгновение способность говорить. Я поперхнулась воздухом, слова потерялись где-то в горле. Я вздохнула.

— Мама... — я усмехнулась, всхлипнула, чувствуя, как теплые слезы увлажнили мои глаза. — Это человек, который готов на всё, ради того, чтобы ты была счастлива, который оберегает тебя, поддерживает, помогает и всегда рядом, что бы с тобой не случилось... Всегда на твоей стороне и всегда защищает тебя!.. Для мамы нет ничего важнее твоей улыбки... и все твои счастливые моменты она переживает, как свои!

Ребенок слушал меня с неподдельным вниманием. И я видела, что половину слов она даже не понимает. Но общий смысл, кажется, уловила.

— А... ты не моя мама?

— Я? Нет, солнышко, прости, я... — я замотала головой и быстро вытерла выступившие было слёзы. — Прости, я не могу... Мы отвезем тебя к ней. Она очень хочет увидеть тебя. Ты поедешь с нами?

Девочка шевельнулась. Но потом, снова вжалась в стену.

— Мой господин сказал, что там за дверью меня ждёт только опасность и много боли.

— Это неправда, — прошептала я. — За дверью твоя жизнь и чудесный мир, который тебе ещё предстоит познать. Если... если конечно, ты не предпочтешь и дальше оставаться в

этой комнате?

Девочка снова нетерпеливо шевельнулась.

— Мир... Это то, что там? — она указала рукой на окно.

Я проследила за её маленькой ручкой, взглянула на ночное небо с сияющей луной.

— Да, — я снова судорожно вздохнула и смахнула слёзы с щёк. — Да, солнышко.

— Там темно, — неуверенно проговорила малышка.

— Просто ночь, — покачала я головой. — Но ты ведь видела и солнышко, так ведь?

Девочка ответила.

— Я не знаю, я видела свет и других людей в окне... И небо... Это тоже мир?

— Да, милая, — тут же кивнула я. — Это он.

Она снова помолчала.

— И мне там будет лучше? — спросила она робко.

— Да, — кивнула я с улыбкой. — Да, обещаю.

— Что... Что это значит?

— О... — я усмехнулась и снова осторожно вытерла стекающие по щекам слёзы. — Ну это... это значит, что ты можешь верить моим словам.

— Хорошо, — после паузы со вздохом ответила девочка.

Было видно, как ей страшно решиться на это.

— Едем к твоей маме?

— Да. Только...

— Что?

— Ника...

— Да?

— Мне страшно...

— Я буду рядом.

— А... обещаешь?

— Обещаю!

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Пятница, 20 июня, поздняя ночь.

Радость, восторг, счастье-одни из самых сильнейших позитивных чувств, которые способен испытывать человек. Сильнее, наверное, только пресловутая любовь и осознание, что вы любимы. Но, пожалуй, самые сильные положительные чувства способна испытывать только мать, увидевшая своего ребенка после долгой разлуки. Шквал счастья, захлестывающая радость, захлебывающийся восторг и выплескивающаяся через край волна неподдельной, чистой, искренней и чуть-чуть мучительной любви. Только материнская любовь способна быть бессмертной, вечной и всепрощающей. И ту боль, которую способна причинить матери её любовь к ребенку, вряд ли можно сравнить с любой другой.

Все эти мысли и сравнения пришли в голову Стасу, когда он стоял возле палаты Анны Шмелиной и через внутреннее окно из коридора наблюдал за ней. Он смотрел, как женщина, заливаясь слезами, обнимает свою дочку, прижимает к сердцу и осыпает её лицо поцелуями. Губы Стаса тронула добрая улыбка, но тут у него зазвонил телефон. Стас принял вызов.

— Да, Коль? Что у тебя?

— Её только что приняли возле Южных ворот. Не поверишь, пыталась свалить в Литву.

— Какая тщедушная попытка, — вздохнул Стас. — Когда её доставят к нам?

— Обещали в течение часа, может, раньше.

— Прекрасно. Мы как раз успеем перекусить.

— Может, Нике стоит поспать, Стас? Отвези её в отель и...

— Она не согласится, ты же знаешь, — ответил Корнилов. — И будет права. Мы должны найти и взять его сегодня. До рассвета.

— Почему до рассвета?

— Потому что потом будет поздно, — Корнилов покачал головой. — Он уйдёт, Коль. Он уже знает, что мы слишком близко подобралась. Уверяю тебя, он собирается свалить. Только сперва хочет...

Стас замолчал, а Домбровский не умел долго ждать.

— Чего он хочет, Стас? — осторожно спросил Коля.

— Попрощаться, — ответил Стас.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь.

Из приоткрытого окна тянуло приятной ночной прохладой летней ночи. Вместе с дуновениями ветерка в салон полицейского Ниссана влетали запахи города.

Выделялись запахи остывающего после жары асфальта, бензина, чуть слабее ощущался горький привкус табака и сладковатый, призрачный аромат алкоголя. Вдобавок тянуло чем-то жареным из ближайшего круглосуточного общепита.

У меня на коленях стояла картонная коробка с дурацким узором в мелкие графические лилии. Внутри неё находились десятка три косичек, сплетенных из отрезанных волос. Косички были разные, самого разнообразного окраса. Нашлись даже синие и ярко-розовые, но больше всего было русых, светло-русых, тёмных, каштановых, было и несколько рыжеватых и немного белокурых. Эту коробку и ещё несколько десятков предметов изъяли из квартиры, где Ковальчук держал дочь Анны Шмелиной.

Только что я закончила рассматривать очередные воспоминания. Надолго меня не хватило, если честно. Я и так за последнее время видела много всего и слишком часто.

Сидевший впереди Сеня обернулся.

— Стас идёт. Похоже, он что-то тебе купил.

Я посмотрела на идущего к нам Стаса. Он держал в руках два бумажных пакета из ближайшей закусочной. Я вздохнула, откинулась на спинку сиденья, нервно, тихо постучала ногтями по крышке коробки. В ушах ещё стояли крики одной из девушек, чьи волосы были в этой коробке. Похоже, Ковальчука я нескоро забуду, если, вообще, смогу это сделать. Впрочем, кого я, чёрт побери, обманываю! Я их никого никогда не забуду. А хотелось бы... Господи, как бы это было здорово!

Стас сел за руль внедорожника. Эту полицейскую машину он взял на время в парке УГРО, взамен своего разбитого Лэнд Ровера.

— Ника? — Стас обернулся и протянул один из бумажных пакетов. — Не желаешь подсластить жизнь?

Я вздохнула.

— Было бы неплохо, если честно.

— Ну, думаю, я угадал, — он хитро ухмыльнулся.

Я чуть заинтриговано взяла пакет из его руки, поставила рядом с собой и развернула. Внутри было мороженное m&m's, горячий пирог с яблоками и ещё один с вишней, а также пара шоколадных батончиков.

— Я надеюсь, это не всё мне, — усмехнулась я. — А то, боюсь, все прыжки на льду останутся для меня в прошлом.

На самом деле, не смешно. Любое минимальное изменение веса с очень высоким процентом вероятности может повлечь за собой нарушение координации во время выполнения тех или иных фигур. Но мне необходимо было хоть что-то съесть, ибо я ела последний раз уже вчера, после того, как мы привезли в больницу Анну Шмелину. Я ограничилась только пирогом с вишней.

Хотя, если честно, я всему этому предпочла бы обычную овсянку с яблоком и орешками и медом. А не вот это всё.

— Стас, мне нужно взглянуть на другие вещи из квартиры Ковальчука.

— Хорошо, — кивнул Корнилов.

Они с Сеней пили обычный кофе и закусывали такими же горячими пирогами.

Оба легко умяли по три штуки и закусили пачкой печенья. Два бегемота, подумала я с улыбкой. Сеня ещё потом доел то, что было у меня в пакете.

— А ты что-то увидела... по содержимому этой коробки? — спросил Корнилов.

— Ничего нового, — мрачно ответила я. — Стас... как всё это могло происходить под носом у всех?

— Ника, — вздохнул Корнилов, — ты задаешь вопросы, на которые мы все пытаемся ответить каждый раз, когда проводим очередное задержание.

— Это точно, — кивнул Арцеулов. — Каждый раз, когда арестовываешь очередного ублюдка, задаешь себе вопрос — почему? Как? Почему не видели, не замечали? Почему не обратили внимание и так далее...

Я кивнула словам Сени, Арцеулов проговорил это всё с угрюмой досадой.

— Я не хотела, Сень...

— Да всё в порядке, Ника, — он обернулся и улыбнулся мне.

У Стаса зазвонил телефон. Корнилов поднес гаджет к уху.

— Да? Хорошо, мы едем.

Он завершил разговор и, спрятав телефон, объявил.

— Директрису детского дома доставили к нам.

— Бывшую директрису, — поправил Сеня.

— Бывшую, — кивнул Стас.

Я опустила взгляд на коробку с волосами убитых девушек. Кто их убивал? Сам Ковальчук или Романтик, которому он почему-то помогал? Когда же закончится вся эта история, Господи...

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь.

— Что всё это значит?! — голосила Рапопорт Анжела Антоновна, уже бывшая директриса детского дома номер сто двадцать один.

— Что тут происходит?! — продолжала кричать задержанная женщина. — Меня вытащили из автобуса прямо посреди ночи, приволокли во вшивое гнездо вашей репрессивной управы! Что вы себе позволяете?! Или вы уже решили, что Россия опять в поганый Совок вернулась? Соскучились по своим репрессиям?! Да?! Соскучились, сволочи, по тем временам, когда вы могли людей просто так по ночам увозить и стрелять в подвалах? Да?! Сволочи! Уроды!.. Не дождётесь! Я знаю свои права! Я буду жаловаться! Об этом все узнают! Это я вам обещаю! Вы знаете, скольких знаменитых блогеров я лично знаю?! Очень

многих! И они очень влиятельные люди! Я вас так «прославлю»! Вовек не отмоетесь! Псы цепные!

— Стас, — тихо спросила Ника, глядя на орущую почему зря Анжелу Антоновну. — А эта тётя знает, что расстрелы и репрессии — это совсем не одно и то же?

Стас хмыкнул, усмехнулся.

— Видимо, нет.

Он вздохнул.

— Наша директриса, похоже, из тех, кто искренне верит, что раньше мы все жили в диком Мордоре. И сейчас не лучше.

Ника промолчала. Стас знал, как относятся к России её семья, её бабушки и дедушки, дяди, тётки и другие Лазовские. Насколько он мог понять из уклончивых рассказов Ники, в семье Лазовских ненавидели и презирали как Россию, так и её прошлое. Причем, и царское, и советское.

Рапопорт за стеклом зеркала Гезелла, продолжала верещать и надрываться. Несколько раз она требовательно и яростно стучала ладонями по столу.

Сидящий напротив неё Домбровский, сложив руки на груди и откинувшись на спинку стула, сохранял спокойствие и пренебрежительное выражение лица.

Ника с беспокойством оглянулась на Стаса, в её синих глазах мелькнуло настороженное любопытство.

— Стас... А чего вы все ждёте?

Стоящий рядом со Стасом Арсений загадочно усмехнулся.

— Когда иссякнут силы, и закончиться эта истерика, — ответил Стас и вздохнул. — Анжела Антоновна прекрасно знает, что виновата, и ещё лучше представляет, что ей за это светит. Вот и сотрясает воздух в надежде смутить нас.

— А-а... — протянула Ника себе под нос. — Какое бесполезное занятие.

Плечи Арцеулова затряслись от смеха. Я снова перевела взгляд на Анжелу Антоновну. Женщина продолжала кричать, сыпать угрозами и пугать Домбровского средствами массовой информации, среди сотрудников которых, по заверению Рапопорт, у неё «очень много добрых друзей». Коля сохранял хладнокровное равнодушие к её крикам. Спустя еще несколько минут Анжела Антоновна, раскрасневшаяся и уставшая, опустилась на свой стул.

— Вот теперь пора, — пробормотал Стас и направился в допросную.

Когда он вошел в допросную, Рапопорт сменила тактику угроз и требований на противоположную. Она, спрятав лицо в ладонях, убивалась в рыданиях. Но Стасу хватило одного взгляда на неё, чтобы оценить актёрское мастерство директрисы детского дома. Оно было ниже, чем у героев второсортных сериалов про бесконечные страдания от несчастной любви, которые во множестве выходят на отечественных каналах.

— Полно вам убиваться, Рапопорт, — пренебрежительно бросил Стас и жестом попросил Домбровского освободить место.

Тот поднялся, встал у стены напротив стола и сложил руки на груди.

Анжела Антоновна убрала ладони от лица, с откровенной, жгучей неприязнью посмотрела на Стаса. Корнилов положил перед ней распечатанный лист с таблицей. На листе красным маркером были обведены несколько строчек.

— И что это? — Рапопорт, чуть вжав голову в плечи, подняла на Стаса взгляд.

— Ваши звонки, — Стас чуть ухмыльнулся. — То, что выделено красным, это ваши звонки на номер Ипполита Збруева.

— Ну и что? — она нервно встряхнула головой. — Что, это преступление?

— Сам звонок, как и пользование мобильным телефоном, конечно же, нет, — Стас пожал плечами. — А что вас связывает с Ипполитом?

— Это имеет значение?

— Вопросы тут задаем мы! — повысил голос Домбровский. — Не забываетесь, Рапопорт!

Стас послал ему одобрителный взгляд. Коле нравилась роль «плохого полицейского». Стас доработал схему «плохой и хороший». Он предпочитал «Плохой и тот, который всё знает, и ему плевать, что с тобой будет».

Разумеется, это только для «особенных» посетителей, вроде госпожи Рапопорт.

Анжела Антоновна опустила взгляд, сложила руки на стол, сплела пальцы. Вскинула голову, поджала губы, глядя в потолок.

— У меня не было выбора, меня заставляли.

— Кто? — спросил Стас.

Рапопорт фыркнула.

— Романтик, конечно! Кто же ещё! Тот, кто убивал всех этих девушек! Тот, кого вы уже два месяца поймать не можете.

Корнилову на мгновение показалось, что в её голосе проскользнуло злое торжество. Но это ему показалось, в голосе Анжелы был страх. Страх, который прятался за злорадством, агрессивным поведением и злым презрением.

— А вы знаете личность Романтика? Кто он такой? — спросил Стас и чуть сузил глаза, рассматривая Анжелу.

Но женщина лишь пожалала плечами.

— Об этом вам лучше спросить Анну Шмелину.

— Я спрашиваю вас, — ледяным голосом проговорил Стас.

Рапопорт вздохнула.

— Послушайте, я...

— Рапопорт, вы сейчас очень серьёзно усугубляете свое положение, — прозрачно намекнул Стас.

— Ладно, — вздохнула она. — Я... Я видела его мельком один раз, но... Случайно, и всё было очень быстро...

Стас сделал знак Коле. Тот быстро вышел и через пару секунд появился с большой желтой папкой. Он швырнул её на стол перед Анжелой Антоновной.

— Откройте и посмотрите снимки, — сказал Стас. — Скажите, если кого-то узнаете.

Рапопорт поджала губы, положила правую ладонь на левую и неспешно в нерешительности потерла пальцы левой руки. Затем все-таки подвинула папку к себе, открыла её. Пару секунд смотрела на фотографии, затем перевернула страницу. Стас следил за её рыскающими зрачками. Пристальный взгляд Рапопорт был устремлен вниз, она снова перевернула страницу. Здесь её взгляд переменился. Она ткнула пальцем в одну из фотографий и легонько постучала.

— Вот этот. Я не знаю, как его зовут...

Коля подошел к столу, взглянул на фотографию. Стас тоже наклонился вперед.

Они с Домбровским переглянулись. На фотографии, которую выбрала Рапопорт, был изображен Николай Ковальчук. Домбровский недовольно поджал губы, кивнул и хотел было забрать папку с фотографиями, но Стас остановил его.

— Подожди... Анжела посмотрите, может быть, вы ещё кого-нибудь сможете узнать? Вдруг?

Она окинула его подозрительным взглядом, затем осторожно, с заметной опаской, перевернула страницу. Её взгляд заметался по многочисленным снимкам. Стас с интересом ждал. Домбровский, сложив руки на груди, стоял рядом, не скрывая своего пренебрежительного скептицизма.

Анжела перевернула очередную страницу и тут её угольно-чёрные брови нахмурились. Она чуть наклонилась к фотографиям.

— Кого-то узнали? — поинтересовался Стас.

Они с Колей обменялись быстрыми взглядами. Лицо Рапопорт приобрело озабоченное, испуганное выражение. Она постучала ногтем по фотографии и произнесла:

— Это фотография... Когда она...

Она задохнулась, быстро, широко раскрыла рот. Её лицо мгновенно побледнело. Директриса часто, жадно задышала, она нервно хватала ртом воздух и с силой втягивала в себя.

— Что с вами? Вам плохо? — Коля наклонился к Рапопорт, тронул её за плечо. Стас встал, посмотрел на снимок, который вызвал у Анжелы Антоновны такую реакцию. Там был тот, про кого он, если честно, успел слегка забыть. Тяжело все лица всё время держать в уме. Со снимка на него смотрел тот самый парень, которого он встретил в квартире Збруевых днём, перед тем, как они с Никой поехали в детдом. Корнилов ощутил, как внутри него зашевелилось нарастающее беспокойство.

Анжела Рапопорт грубо отбросила руку Домбровского и, подняв взгляд на Стаса, жестко ткнула указательным пальцем в фотографию.

— Когда... была... сделана... эта... фотография? — с трудом выговаривая слова произнесла Анжела. — Когда?!

Стас посмотрел на неё.

— Около четырёх месяцев назад.

Его ответ заставил Анжелу измениться в лице. Её глаза увеличились, она быстро, шумно сглотнула.

— Вы... Вы уверены? Уверенны? Вы абсолютно уверены?

— Да, — ответил Стас. — Кто этот человек? Вы его знаете?

В ответ Анжела нервно хихикнула.

— Вы что... Вы... совсем что ли?! Совсем?! Вы...

Она снова посмотрела на снимок.

— Это... Это Демид... Демид Хазин.

Домбровский с непониманием и напряженным недоверием посмотрел на Стаса. Корнилов крепко сжал зубы, затем размеренно вздохнул. Ритм его пульса взбешенно отбивал неистовые удары.

— Это Демид Хазин! — со слезами ужаса в голосе повторила Рапопорт. — Вы...

— Но он же умер, — проговорил Стас, опустив взгляд на фотоснимок.

Этого не может быть! Корнилов ощутил накрывающий его страх. Если Рапопорт не ошибается, то он сегодня совершил ужасающую, кошмарную ошибку.

— Вы же говорили, что он умер, — проговорил Стас.

— Я видела тело! — вскричала Анжела. — Видела его тело с распоротым пузом! В морге! В холодильной камере! Ясно вам?! Он был мёртв! Понимаете?!

— Значит это кто? — Стас поднял фотографию. — Его двойник? Рапопорт посмотрела на снимок, затем на Стаса, снова на фотографию и опять на Стаса.

— Я не знаю, — прошептала она. — Но...

— Но что?! — требовательно спросил Домбровский. — Отвечайте! Что вы хотели сказать?!

— Если он... — боязливо прошептала Рапопорт. — Если он каким-то способом... остался... Он... Вы понимаете, что он... Он будет убивать... Он убил тех детей... Он убил двоих преподавателей... Он... Он же монстр! Монстр! Чудовище! Господи... Он не должен быть живым! Это невозможно! Невозможно!

Рапопорт, содрогаясь всем телом, забилась в истерике. Её охватила паника от боязни неминуемой, неотвратимой мучительной смерти. Она закричала, вцепившись пальцами в волосы. Она скомкала волосы в кулаки.

— Чёрт! — Стас чуть наклонился к ней. — Тихо! Тихо!..

Он хотел успокоить обезумевшую от приступа паники, женщину. Домбровский придерживал её за плечи.

— Тихе! Тихе, слушайте меня! Вы в управлении уголовного розыска! Слышите! Здесь сейчас вам ничего не может угрожать! Вы понимаете?! Понимаете? Рапопорт! Слушайте меня! Слушайте мой голос.

Стас легко коснулся её руки. Она подняла на него испуганный взгляд.

— Ничто не может вам здесь угрожать. Ничто и никто, — убедительно и настоятельно говорил Стас. — Вы с нами. Здесь сотня с лишним вооруженных мужчин, опытных оперативников! Вы слышите?! Слушайте мои слова! Вы в полной безопасности, Рапопорт.... Вот так... Тихе...

Женщина успокоилась, обмякла в руках стоящего рядом Домбровского. И сейчас тихо хныкала ему в предплечье.

Стас в который раз поразился тому, в каком ужасе перед Демидом Хазиным пребывают те, кто его знал. Корнилов посмотрел на снимок в папке.

В допросную неожиданно ворвался Арцеулов. Стас и Коля оглянулись на него.

Корнилов ещё до того, как Сеня открыл рот, понял, что что-то произошло.

Арсений был встревожен и возбужден.

— Стас! Мы потеряли связь с телефонами Збруевых!

— Что? — тихо спросил Корнилов.

— Мобильные телефоны дочерей Збруева перестали подавать сигналы! — громче произнёс Арсений.

Домбровский медленно перевёл взгляд на Стаса, а Корнилов, в свою очередь, посмотрел на фотографию, которая вызвала столь бурную реакцию и ужас Анжелы Рапопорт. Со снимка безмятежно и даже смущенно улыбался Виталий Доронин — оператор телеканала. Или... Или коварное чудовище, сумевшее каким-то образом перехитрить всех вокруг.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь.

Фотография дрожала в моих руках, я ничего не могла с собой поделать. Едва только Стас дал мне в руки этот снимок, я физически ощутила исходившие от него импульсы воспоминаний — злых, радостных, злорадных и кровавых воспоминаний. Эта фотография была словно своеобразной клеткой для опасных, ядовитых змей! И эти змеи сейчас рвались наружу, шипели, показывали клыки, неистово и нетерпеливо извивались. Они стремились

вырваться наружу. Они были воплощением свершенного зла, свершенных убийств и испытанного от этого наслаждения.

Фотография смущенно улыбающегося парня неожиданно потяжелела, как будто внезапно стала металлической. Я поспешно положила её на стол, закрыла глаза и нервно вздохнула. Кровь стучала в висках, гулкие удары сердца чувствовались в груди. Воздух в кабинете стал сухим и студеным.

Все четверо мужчин: Стас, Арсений, Коля и Аспирин смотрели на меня. Они ждали. Ждали и надеялись. А Сеня, кажется, ещё и просил, чтобы я смогла, чтобы узнала, чтобы... Чтобы я помогла им.

— Ника, — Стас тронул меня за руку. — Если не можешь, не надо. Никто здесь не может тебя заставлять, и не будет.

Аспирин прокашлялся.

— Но было бы лучше, если бы ты всё-таки что-то... увидела, девочка.

Стас закрыл глаза, вздохнул, оглянулся на генерала.

— Ника и так помогала нам везде, где смогла. И даже собственной жизнью рисковала! — сдержанно проговорил Корнилов.

— Я помню об этом, Стас. — голос Аспирина похолодел, в нём послышались рокошующие нотки. — И не забуду. Но сейчас... в опасности три девушки. Три жизни могут быть сегодня ночью потеряны, Стас! Ника должна...

— Она ничего никому не должна, товарищ генерал! — Стас перебил генерала и посмотрел тому в глаза.

Домбровский и Арцеулов с беспокойством переводили взгляд с майора на генерала. Я вздохнула, у меня кружилась голова, и заметно начинало мутить.

Я ощущала, как у меня поднимается жар, становится душно и тяжело дышать.

Я взяла фотографию.

— Ника... — Стас забеспокоился.

— Всё хорошо, Стас, — проговорила я и выдавила скупую улыбку. — Всё в порядке...

Я положила снимок себе на коле, нервно, тяжело сглотнула и сосредоточилась.

Закрыв глаза, я с трудом проглотила комок в горле. Я чувствовала напряженные и внимательные взгляды всех четверых мужчин. Снимок у меня на коленях вздрогнул, казалось, парень на фотографии шевельнулся. Я почувствовала, как проваливаюсь куда-то глубоко. Меня утягивало вниз, как в трясины.

... Темнота. Плеск воды.

— Ай! Дёма! Не брызгайся! — какая-то женщина засмеялась.

У неё был красивый смех и мелодичный голос. Я увидела их. Она сидела на краю ванной в домашнем платье. У неё были закатаны рукава. Она улыбалась и помогала ему мыться. Мальчишка с мокрыми волосами счастливо улыбался и плескался в ванной. Он сидел в воде почти по грудь. Белая, пузырьчатая пена буграми и горками вздымались над водой в ванне, покачивалась в ней. Кусочки пены повисли на кафельной стене, часть прилипла к волосам мальчика и его матери.

Я смотрела, как Мария Хазина с радостной, умиленной улыбкой купает своего сына. Не знаю, как она ведет себя с ним в другое время, но здесь и сейчас она окружала его такой нежной и трепетной заботой, что я невольно устыдилась того, что говорила о ней прежде.

— Мама, давай искупаем их! Давай искупаем! Я хочу увидеть, как они купаются. Мария в ответ загадочно улыбнулась.

— Хорошо, — наконец сказала мать Демиды. — Сиди тихо, я сейчас...

Она поднялась и вышла. Маленький Демид, тут ему было, наверное, не больше пяти, что-то фантазировал себе. Издавал непонятные звуки, играл, тихо плескался.

Открылась дверь ванной. Мария принесла кукол — трёх кукол. Демид тут же радостно захлопал в ладоши.

— Раздень их! Раздень их! — мальчишка хлопал в ладоши, — Давай! Я хочу, чтобы они купались!

Мария сняла с кукол их миниатюрные платья и опустила игрушки в воду. Демид радостно, довольно захихикал.

Куклы, покачиваясь на воде, тонули в белой пене. Их неподвижные взгляды больших глаз с густыми ресницами были устремлены вверх.

У меня эта сцена вызвала странное, неловкое и настораживающее ощущение. Происходящее, конечно, само по себе не имело никакого значения. Но зная, каким станет Демид, я не могла не придавать происходящему крайне мрачное значение и пугающий смысл.

— Они купаются! — Демид захлопал в ладоши. — Купаются! Купаются!

Голос его внезапно стал меняться, дрожать, изменяться.

— Они купаются! — взревел он. — Я хочу видеть, хочу смотреть, как они купаются! Я хочу! Хочу! Хочу! Они должны делать то, что я хочу!!!

Его слова исказились, завибрировали. Его визгливый, истошный и злобный голос звучал противно. Он требовал, приказывал, повелевал! Мальчишка вскочил в ванне на ноги и, открыв рот, заорал голосом, мало похожим на человеческий.

Воспоминание вздрогнуло, затуманилось и стремительно растаяло. У меня в ушах ещё звенел его озлобленный, требовательный крик. Мое лицо бросило в жар, я оказалась в темноте. Почему так тяжело дышать?.. Почему так темно? Где я? Я заволновалась, испугалась. Пробовала кричать, но, вместо крика, из моего рта вырвался глухой, булькающий звук.

Вспыхнул слабый свет. Он проникал в воду сверху... В воду? Я в воде? Я глубоко под водой. Я опускаю взгляд, и новый беззвучный крик рвется из моего рта наружу. Перед моим лицом, буквально в двух сантиметрах, я вижу русоволосую девушку. Её волосы извиваются в воде. Её плавно развевающееся темное платье напоминает большую глубоководную медузу. Она смотрит мне в глаза. Я вижу, как раскрывается её рот с накрашенными губами. Она что-то кричит мне. Я не слышу её голоса, но я вижу её глаза. Он кричит взглядом.

«Он хочет, чтобы мы купались... Он хочет видеть, как мы купаемся...»

Мы? Я поднимаю голову в воде и вижу их — десятки темных человеческих силуэтов сверху надо мной. Я могу разглядеть отдельные лица, некоторые из них знакомы. Яна Долгобродова, Диана Егорова, Дарья Зорина — они смотрят на меня, они кричат. Я не слышу их голоса, но я слышу их желания. Они желают, чтобы мы поспешили, чтобы мы поторопились. «Он хочет, чтобы мы купались...»

Я вынырнула наружу.

— Чёрт! — выругался Сеня. — Что с ней?!

— Ника, Ника! — Стас держал меня за руку и плечо. — Всё хорошо. Я, тяжело дыша, хватая ртом воздух, с жадностью глотая кислород, вцепилась руками в край стола. Меня била дрожь, мышцы тела сводила пульсирующая судорога, у меня дрожали губы.

Стас прижал меня к себе.

— Он хочет, чтобы они купались... — проговорила я.

— Что? — не понял Корнилов.

— Кто хочет? — спросил Аспирин. — Кто должен купаться...

— Куклы... Там были куклы... Они были в воде... А потом... Потом живые... — Я бессвязно, быстро и нервно лепетала, перечисляя всё, что видела. Я опомнилась, глядя на непонимающие и откровенно перепуганные лица мужчин. Я постаралась успокоиться, взять себя в руки.

— Он собирается их утопить, — заявила я. — Там не одна девушка... И возможно, даже не три, как мы думаем... Я видела очень многих... Но там были и те, кого уже нет... Но...

Я взглянула на Стаса.

— Ему... Ему нужен большой резервуар с водой, Стас... Он собирается их утопить.

Корнилов смотрел на меня с задумчивой тревогой.

— Ты видела место? Ты знаешь, где он собирается это сделать?! — Антон Спиридонович чуть приподнялся в кресле, глядя на меня. — Ты сможешь показать?

— Я... — слабо выдавила я и беспомощно взглянула на Стаса. — Я не знаю...

— Постарайся вспомнить, девочка! — прикрикнул на меня Аспирин. — От этого зависят жизни, как минимум, трёх девушек!

— Не надо на неё кричать, — рыкнул Стас.

— Тогда пусть скажет!

— Я не знаю... — со слезами пролепетала я. — Я не... Я не могу вспомнить...

Генерал Савельев в ярости швырнул ручку об стол и, встав из-за стола, подошел к окну. Я услышала, как он яростно вздыхает.

Стас гладил меня по голове. Я дрожала в его руках. Я всё еще различала в глубине своего сознания крик маленького Демида.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь.

— Стас, мы должны действовать, и действовать немедленно! — Аспирин говорил спокойно, сдержанно, но было видно, что он взволнован и возмущен.

— Я не отрицаю, — отвечал ему Стас. — Я всего лишь настаиваю на осторожности.

— У нас нет времени и возможности осторожничать, — с нажимом проговорил генерал Савельев. — У Романтика дочери Збруева. Провозимся, и он их убьет. Стас, сколько ещё жертв тебе нужно, чтобы, наконец, поймать его?

Домбровский посмотрел на Савельева, затем перевел задумчивый взгляд на Корнилова. Стас видел, что капитан колеблется. Он во многом согласен со словами генерала. К тому же, он уже охвачен личным желанием поймать Романтика.

— Если мы сейчас начнем шуметь, устраивать облавы и рассылать ориентировки на Хазина, — Стас вздохнул, — Романтик наверняка убьет девушек, и мы не успеем его остановить. И ко всему этому, мы всерьез рискуем упустить его.

— Упустить? — переспросил генерал. — Думаешь, он заляжет на дно?

— Думаю, он... сменит территорию охоты, — легонько постукивая пальцами по столу, проговорил Корнилов.

Генерал прокашлялся.

— Это только версия, Стас... И она не подтверждена фактами.

— Фактами? — Стас посмотрел на генерала, в его голосе скользнуло легкое раздражение, но он сумел взять себя в руки. — Вот вам факты. Романтик готовил похищение

девиц Збруевых давно. Он встречался с каждой из них, видимо, изменяя внешность, около месяца или чуть больше. Он приложил немало усилий, чтобы заставить их поверить ему, влюбиться в него или... в образы, которые он для них создал. Девчонки купились. И ни одну из них вчера не смутило, что у всех троих свидание в один и тот же день.

— Тебя это тоже не смутило, Стас, — напомнил Аспирин.

Стас закрыл глаза, он ожидал этого упрека.

— Да, это моя вина, — Корнилов быстро признал свою вину.

Он считал, что всегда гораздо легче быстро признать свою неправоту и вину, чем вести долгие споры с собой и окружающими только для того, чтобы в итоге признать собственную оплошность.

Савельев только кивнул, он не собирался читать Стасу нотации.

— Учитывая потраченные усилия и время, а также количество жертв, которое мы все равно точно не знаем, можно предположить, что это убийство станет его финальным аккордом здесь в России.

Аспирин тяжело вздохнул. Им сейчас предстояло быстро принять решение о дальнейших действиях. И это решение должно быть правильным, взвешенным и оптимальным. А гарантий, что любое из решений будет правильным, конечно же, никаких нет.

Давящее напряжение угнетало и пугало. Стас ждал, молча, спокойно, выдержанно. Домбровский заметно нервничал, его разбирало невыносимое беспокойство.

— Чисто теоретически... — медленно проговорил Аспирин. — Если ты прав, то после этого убийства Романтик покинет нашу страну, и убийства прекратятся.

Домбровский уставился на Аспирина, лицо его приобрело возмущенное и удивленное выражение, рот чуть приоткрылся, глаза таращились на генерала. Стас тоже не смог побороть своего изумления.

— Ну что? Что вы так смотрите?! — Савельев развёл руками. — Первостепенная наша задача — прекратить убийства, пусть даже... таким способом. Если подумать, что Романтик, например, начнет действовать в соседних, даже сопредельных государствах, нас это уже не будет касаться. Потребуем экстрадиции, если кому-то там посчастливится поймать ублюдка.

Домбровский перевел взгляд на Стаса, у него на лице застыло выражение опасливого непонимания. Он выглядел совершенно обескураженным и ошарашенным. Слова Аспирина, похоже, вызвали у него душевное потрясение.

Он не мог принять таких взглядов. Стас тоже не сразу нашел в себе силы заговорить, слова Аспирина шокировали и его.

— Товарищ генерал, — Стас прокашлялся.

— Стас, давай только без морали о совести и долге, — поморщился Савельев. — Я не меньше тебя хочу поймать Романтика и заставить ответить за все, что он сделал, но...

Антон Спиридонович замолчал, вздохнул. Его седые брови несколько раз изогнулись, на лбу пролегли морщины.

— Я всего лишь рассматриваю вариант, который не так уж и плох, что бы вам двоим там не казалось.

— Товарищ генерал, — бесстрастным тоном проговорил Стас. — Даже если принять ваш вариант и отпустить его...

Взгляд Коли впился в Стаса. Домбровский, не скрывая эмоций, вытаращился на своего

непосредственного начальника.

— Он ведь вернётся, — закончил Стас и медленно перевел взгляд на генерала. — И как вы будете себя чувствовать, когда он опять начнёт убивать здесь, у нас, на вашей территории?

Савельев неуютно заерзал под спокойным, лучистым, уверенным взглядом Стаса. Он снова неловко прокашлялся.

— Зачем ему возвращаться, Стас?

Тут выражение его лица дрогнуло, изменилось.

— Из-за тебя? — настороженно спросил он.

Корнилов чуть качнул головой.

— Нет.

Домбровский вздохнул, откинулся на спинку стула, его плечи обессиленно поникли.

— Из-за Ники, — проговорил он внезапно глухим, пустым голосом. — Он не сможет ей простить... Она тогда испортила ему месть.

Стас кивнул.

— Ника волей-неволей стала причиной его поражения и морального унижения. — Корнилов покачал головой. — Серийный убийца-нарцисс с комплексом непревзойденного гения... Он не сможет жить спокойно, забыв о человеке, ставшем причиной его неудачи.

Корнилов категорично покачал головой.

— Он придёт за ней, товарищ генерал, — Стас вздохнул. — Рано или поздно.

Савельев кивнул.

— Что ты сейчас предлагаешь?

— Выяснить все, что можно, о Виталии Доронине, — начал Стас. — Тихо, без шума, через третьих лиц. Где живет, с кем общается, где бывает, есть ли машина, если есть, узнать модель и номер. Узнать номер банковской карты, проверить видеозаписи всех камер вокруг его места работы, возможно, стоит крайне осторожно побеседовать с его коллегами. Но при этом, самое главное, мы должны сохранять осторожность и аккуратность. Чтобы его коллеги с телеканала ничего не поняли.

Корнилов перевёл дух.

— Если он поймет, что мы знаем... Он убьет девушек и уйдёт. Я более чем уверен, что пути отхода он подготовил. Мы не можем и не должны его упускать. Стас вздохнул. Аспирин усмехнулся.

— Чтобы его не упустить, ты готов принести в жертву дочерей Збруева?

Стас уже слышал подобные вопросы.

— Выбор только между тем, умрут ли они наверняка или же, возможно, мы успеем это предотвратить.

Стас слышал, как звучат его слова. Корнилов не сомневался, что на душе Домбровского и Савельева, как и у него сейчас, тлеет прогорклое, мрачное и удручающее ощущение. Это свойственно всем, кто принимает решения и делает выбор, особенно, когда выбор между жестоким и опрометчивым решением.

— Хорошо, — наконец произнес генерал. — Действуйте.

Домбровский поднялся из-за стола.

— Мне нужно ещё переговорить с Анной Шmeliной.

— Зачем? — вскинул брови генерал.

— Уточнить детали того дня, когда Демид Хазин зарезал себя у нее на глазах.

Генерал понимающе кивнул.

— Думаешь, она наврала нам?

— Нет, — Стас качнул головой. — Думаю, что мы недооценили изобретательность Демида Хазина. Просто хочу убедиться, что мы правы.

— Она наверняка спит, — вздохнул Савельев.

— Вряд ли, — многозначительно заметил Стас.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь.

Наверное, скоро уже рассвет. Я с тоской и усталостью смотрела в окно Ниссана на улицы ночной Москвы. Вопреки одной старой песне, Москва все-таки спит. Только очень поздно и не повсюду.

Мы проехали несколько баров и клубов, откуда доносилась музыка и пошатывающейся походкой выходили довольные жизнью посетители. Я вспоминала лица тех девушек в воде. Я пыталась вспомнить, что видела вокруг. Что там было, может, я хоть что-то увидела... Как я ни старалась, ничего новогоне вспомнила.

— Ты там не уснула еще? — бодрым голосом спросил сидящий впереди Сеня.

— Нет, — отозвалась я безжизненным, тоскливым голосом.

Меня одолевала сонная апатия. Мерзкое, гадкое чувство стыло в душе. Романтик жив. Демид Хазин жив, и он где-то в городе. Он, возможно, сейчас готовится убить дочерей Ипполита Збруева. А я не могу указать Стасу, где он находится. Я подвела его. И осознание этого причиняло въедливую, ядовитую боль.

— О чем думаешь? — спросил Сеня.

Я скосила глаза на его сиденье. Его фальшивая веселость не ободряла, а раздражала меня.

— Ника? — позвал он. — Ты тут? Не спишь?

— Нет, — все тем же флегматичным, отстраненным голосом проговорила я. — Главное, чтобы ты не уснул за рулём.

Сеня посмеялся.

— Мне нравится, когда ты остришь.

— Это было предостережение, не острота, — вздохнула я.

Я, лежа на заднем сиденье, поджала ноги, чуть согнулась, закрыла глаза. Сиденье пахло кожей и чем-то маслянисто-кислым. Движение автомобиля начало меня укачивать, я почувствовала, что засыпаю. Сеня что-то спрашивал меня, но я отвечала нехотя, тихо. А потом и вовсе задремала.

Из дремоты меня вырвал бесцеремонный звонок мобильного. Я вздрогнула, приподнялась на сиденье, достала из своего рюкзака телефон. Номер звонившего абонента был незнакомым. Легким, воздушным прикосновением скользнуло опасливое, тревожное чувство. Я приняла вызов.

— Алло, — произнесла я в трубку.

Пару секунд я слушала тишину. Затем мне ответили.

— Как приятно снова услышать твой милый голосок.

Я чуть наклонилась вперед и тронула Сеню за плечо. Он посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Я жестом показала, чтобы он остановил машину.

— Не могу тебе сказать того же, — произнесла я, не скрывая презрения.

Я оставалась спокойной, точнее старалась говорить спокойно. Но голос то и дело

предательски подрагивал, выражая мое отношение к Романтику.

— Я всё думаю о нашей встрече, — развязным тоном говорил убийца. — Помнишь, как ты шла по стеклу? Потому что я так захотел... Ты делала всё, как я захотел.

Во мне тут же вскинулось страстное желание заявить, что всё наоборот! Что у него ничего не получилось! Что он остался в дураках, и что скоро он будет пойман... Но я должна была помнить о том, что у него, в его власти, минимум три девушки. Минимум три жизни, которые он наверняка отнимет, если я оскорблю или уязвлю его.

— Да, — собрав все силы, сдержанно и смиренно произнесла я. — Пришлось. Ты оказался куда изобретательнее, чем все думали.

— Рад, что ты это признаёшь, — он был доволен.

Я ждала, слушая его радостный, удовлетворенный смех в трубке. Его голос звучал гадко, противно, омерзительно. Его слова и смех источали самодовольную, издевательскую иронию.

— Поверить не могу, что ты и этот кретин майор, действительно, посмели возомнить, что можете противостоять мне, — наигранный восторг в его словах в конце предложения сменился ядовитой, ненавидящей злобой.

Я не ощутила страха, который он, должно быть, рассчитывал у меня вызвать.

— Майор Корнилов до тебя поймал очень многих, — заметила я.

Арцеулов, обернувшись назад, внимательно слушал и одновременно писал сообщение на своем телефоне.

— Твой майор нянчился всего лишь с любителями и бездарными, тупыми выскочками! — прошипел в трубку Романтик и тут же сладко пропел. — Такие, как я, ему не встречались.

— Совершенно верно, — подтвердила я. — Таких, как ты, больше нет. Так ведь?

— Да уж, наверняка! — снова зло прошипел он. — Я уникален! Уникален! Слышишь?! Понимаешь?! Я неповторим, как неповторимо и моё искусство!

— Ты считаешь убийства искусством? — спросила я с легкой елейностью.

Сеня тут же взглянул на меня предупреждающе, с тревогой. Он призывал меня не злить Романтика, не издеваться над ним.

Убийца снова лишь засмеялся.

— Вы ни черта не понимаете, убогие создания, — вздохнул он. — Вы просто не в состоянии осознать и понять мои шедевры, и лишь потому считаете их убийством, что они не вписываются в ваши примитивные представления об искусстве. Для вас искусство — это мазня на холсте, ваяние бездушных, безликих тел, бречание на гитаре, распевание дурацких куплетов без смысла и глубокого подтекста. И ваши кумиры такие же.

Я слушала его голос. Я пыталась представить, где он. Что он делает, что находится вокруг него, что он сейчас видит. Его голос стал звучать странно, слова растягивались, его тембр менялся, искажался. То повышался, то резко понижался. Я коротко вздохнула и выронила телефон.

Эпизод пятнадцатый

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь.

Они не спали. Ни мать, ни дочь. Аня слишком долго не видела свою кроху и слишком много пережила, чтобы просто взять и заснуть. Ведь им обоим сейчас нужно было столько обсудить, о стольких вещах поговорить, на столько вопросов ответить.

Девочка обнимала Аню. Её реснички едва только высохли от слёз. Живший всю свою жизнь в положении бесправного животного, отчаявшийся ребёнок не мог поверить своему счастью. Лохматая, светловолосая девочка жалась к своей матери и держала её руку так, словно страшилась, что происходящее внезапно может оказаться просто сном.

Глядя на неё, Стас понимал, что конец страданий для Ани и её крошки будет вовсе не таким радужным, как бы хотелось. Обоим понадобится самая серьёзная психологическая, а возможно и психиатрическая помощь. Ведь обе пережили настоящий ужас, настоящий, реальный кошмар. И увы, но скорее всего, воспоминания о нём останутся с ними навсегда.

Стас понимал, что он не вовремя. И сейчас ему здесь совсем не рады. Да он бы и рад был их не тревожить, но выбора не было. Он легонько постучал в дверь и вошел.

Они обе отвернулись от окна и оглянулись на Стаса. По выражению лица Ани Корнилов понял, что был прав. Анна совершенно не рада его приходу. Что и неудивительно.

— Что вам нужно? — спросила Шмелина.

Голос звучал враждебно.

— Я уже вам все рассказала, господин майор. Что опять вы от меня хотите?

— Простите, — Стас закрыл дверь за своей спиной. — Мне нужно только кое-что уточнить у вас.

Её дочка шевельнулась, взглянула на Стаса.

— Здравствуйте, — пролепетала она.

Стас улыбнулся.

— Привет.

— А где... Где та девушка, добрая, похожая на...

Она неуверенно оглянулась на мать. Та усмехнулась и пробормотала.

— На фею.

— На фею, — подтвердила кроха. — Она придёт ко мне? Я хочу увидеть её снова...

— Я передам ей, — с улыбкой кивнул Стас.

Фея, подумал Стас, представляя Нику.

— О чём вы хотели поговорить, господин майор? — спросил Анна со вздохом.

— Вам это не понравится, — заметил Стас.

— Не сомневаюсь, — недовольно проговорила Шмелина, — но я не в силах отказать вам. Так ведь?

— Боюсь, что так, — согласился Корнилов.

— Спрашивайте, — вздохнула Анна.

Стас подошел ближе.

— Я бы хотел попросить вас вспомнить день, когда...

Стас посмотрел на её малышку, затем снова взглянул в её глаза. Она смотрела в ответ со всей возможной детской непосредственностью. Стас едва заметно нервно сглотнул.

— Мне придётся попросить вас вспомнить день, когда ваша жизнь резко изменилась... к худшему.

Анна скривилась, глядя на него.

— К худшему? — выдохнула она. — Говорите проще майор, обернулась долгим кошмаром.

Стас понимающе кивнул. Он чувствовал себя неловко и неудобно.

— Простите. Да... Вы правы.

— Что вы хотели уточнить? — ледяным голосом спросила Анна.

— В день, когда случилось... то, что вы нескоро забудете... Вы вызывали полицию?

— Конечно, — устало ответила Анна.

— И вы могли бы вспомнить их лица?

— Полицейских, приехавших на вызов? — чуть скривилась Шмелина. — Ну... Да наверное. Может быть...

— Если позволите, я покажу вам снимки, — Стас показал ей синюю папку, — А вы, если кого-то узнаете, скажите. Идёт? — Хорошо, — Анна флегматично пожала плечами. — Давайте.

Она взяла у него папку, раскрыла. Стас перевел взгляд на её дочку, та улыбнулась. Корнилов не смог не улыбнуться в ответ.

Анна с сосредоточенным лицом рассматривала снимки. Стас искоса взглянул на неё. Шмелина снова перелистнула страницы. Собственно, Стас ничего особенного от неё не ожидал. Только хотел найти подтверждение своей догадки. Тут взгляд Анны замер. Стас чуть склонил голову вниз.

— Анна? Вы кого-то смогли узнать?

— Да... — неуверенно проговорила она, закусив губу и перевернув папку к верх ногami. — Кажется, был вот этот и... ещё один. Я его запомнила, потому что он меня утешал.

На фотографии, которую выбрала Анна, был Ипполит. Значит, Збруев сыграл свою роль в мистификации, вокруг смерти Демида.

— А что насчет второго полицейского? — спросил Стас. — Можете описать его?

Анна пожала плечами.

— Толстоватый... со смешными усами и в очках.

Стас быстро перелистнул пару листов со снимками и повернул папку к Анне.

— Вот этот? — спросил он, указывая пальцем на одну из фотографий.

Анна присмотрелась и утвердительно кивнула.

— Да... Да! Он!.. Он ещё так выглядел, словно больше меня боялся.

— Было от чего... — пробормотал Стас.

На фотографии, которую он ей показывал, был запечатлен Викентий Хазин — муж Марии Хазиной. Картина становилась яснее и понятнее.

— Что?

— Да ничего, — тихо ответил Стас, — а врачей скорой вы помните?

— Скорой? — переспросила Анна. — Да... Но они приехали позже, когда полицейские уже ехали.

А вот это уже выглядело странным, так не делается. Но откуда перепуганной и шокированной восемнадцатилетней девчонке, какой была Анна, было это знать?

— Врачи осмотрели вас и забрали тела? Так? — спросил Стас.

Анна нерешительно покачала головой.

— Только одно тело... — у нее задрожали губы. — Мишу...

— Подождите, — качнул головой Стас. — А как же Демида? Его что, там оставили?

— Нет, — Шмелина пожала плечами, — его забрали...

— Кто?

— Полицейские.

Дальше ничего спрашивать было не нужно. Всё было понятно и так. Демида Хазин вовлѣк в свои кровавые дела всех трѣх мужчин, что имели шансы стать его отцами. Всех

троих, что были с его матерью и, возможно, когда-то искренне любили её. Николай. Викентий. Ипполит. И все трое мертвы.

И вряд ли Демид предусматривал для них иную судьбу, в конечном итоге. Они были для него только инструментами, подручными средствами. Из маленького мальчика вырос жестокий, коварный и хитрый монстр. Он убил в детдоме всех, кто отравлял его жизнь или как-то разозлил его. А потом зажегся новой идеей. Но, чтобы приступить к её реализации, чтобы начать собирать свой букет, нужно было начать жизнь заново. Под другим именем и фамилией. А сперва нужно было умереть.

Кстати об этом... Наверняка именно Демид приложил руку к смерти Викентия, когда в том отпала необходимость. Или его предположительный биологический отец, Николай. Тот, если Стас и Ника не ошибаются, похоже, прикипел к своему неожиданному отпрыску. Особенно, когда понял, как они, на самом деле, похожи... Доказательств тому, что Мария родила Демиду от Николая, не было. Но Стас уже не сомневался, что его догадка верна. Всё сходилось.

Корнилов попрощался с Анной и вышел из её палаты, пожелав спокойной ночи. Сразу за порогом его настиг звонок мобильного.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь. Примерно то время, когда Стас говорил с Анной.

Сладкий запах сочился из темноты. Насыщенный, густой и чуточку влажный аромат расстилался в пространстве. И он был повсюду, этот дурманящий, вкусный запах.

Однако, помимо аромата роз, почувствовался ещё один запах. Он был здесь лишним. Грубый, резкий, тошнотворный.

Я металась из стороны в сторону, пытаюсь сообразить, что это такое. Отвратительный запах усиливался, становился плотнее и тяжелее. Сверху зажегся тусклый серо-желтый свет. И я заорала. Прямо перед моим лицом было её лицо. Нет не лицо — лишь окровавленная плоть, вместо лица, и пугающие, наполненные тьмой, пустые глазницы. Её некогда прекрасные волосы плыли за спиной.

Она протянула ко мне свои лишенные кожи кровавые руки. Я закричала, заметалась, попыталась убежать. Но моё тело не слушалось меня. Мне стало тяжело дышать, и я была лишена голоса.

Я под водой. Мы под водой, поняла я. Я находилась в зеленовато-лазурной воде. Вокруг меня роились плавающие лепестки роз. Да что это такое! Где я?! Что это?! Я металась в панике и ужасе.

Лишенная кожи и глаз девушка схватила меня за плечи, крепко, с силой сжала. Я снова беззвучно заорала, охваченная поражающим сознание кошмаром. Она наклонилась ко мне. Тьма шевелилась в её пустых глазницах. Она открыла рот, а затем резко развернула меня к себе спиной. Я забрыкалась, но мертвые руки неожиданно встряхнули меня за плечи.

— Смотри! — раздался шепот в моей голове.

Он вибрирующим эхом повис в моем сознании. И я смотрела. Сначала я не видела ничего, только неприметные очертания. Затем откуда-то сверху проступил молочно-серебристый, с лазурным оттенком, лучистый свет. Луна, поняла я. Она сегодня была необычайно яркой и насыщенной. Лунный свет лучами нарисовал во тьме цветы. Много... Сотни, тысячи и сотни тысяч бутонов роз самых разных оттенков. Хотя нет, их было три. Три вида роз и три оттенка: мягкого малиново-сиреневого, белого с алыми кончиками лепестков и желтовато-оранжевого.

Их было невероятно много. Длинными, широкими, почти идеально ровными полосами они тянулись далеко вперёд. Густые, плотные ряды роз вздымались на несколько метров ввысь. Их зеленые стебли росли вдоль металлических стержней. Многие цветы были заботливо и осторожно подвязаны.

Я видела, как трепещут листья роз. И их листья напомнили мне влажные ладони, дрожащие от лихорадочного нетерпения. Я содрогнулась от внезапной пугающей ассоциации и глубокого чувства отвращения. А затем я подняла взор выше и увидела несколько прозрачных резервуаров. Это были высокие и широкие стеклянные цилиндры. Их днища были засыпаны лепестками роз, а в центре каждого стеклянного цилиндра торчал металлический столб, и к каждому из них цепями была примотана женская фигура.

И... их было не три. Я насчитала одиннадцать таких цилиндров. И каждый был наполнен лепестками роз, и в каждом на столбе висела прикованная цепями обессиленная девушка.

Я почувствовала нарастающее оцепенение. Есть ли предел безумной кровожадности этого психа?! Сколько ему нужно?! Сколько жизней он хочет отнять?! Почему он не остановится! Почему все время хочет больше! Что с ним такое происходит! Что им движет! Какая злая сущность живет в этом человеке?! В этом чудовище?! Почему... почему... Я кричала и плакала в воде. Я стучала по стеклу и задыхалась в неистовых, яростных и слёзных криках. Я кричала ему ругательства и даже проклятия. Я плакала. Я рыдала и умоляла отпустить их.

Так не должно быть! Нельзя... Нельзя вот так брать и десятками отнимать жизни! Нельзя просто приходиться и убивать! Нельзя так существовать! Это извращает и уродует весь смысл человеческого существования! Нельзя, нельзя, нельзя!.. Так нельзя, Господи... почему...

Видение резко сникло, иссякло, прекратилось. Я стояла на четвереньках. Ветер раскидывал мои волосы. Я смотрела на свое тусклое отражение. Что это? Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что я стою на четвереньках прямо на асфальте и смотрю в грязную, серо-зеленую дождевую лужу.

Я медленно поднялась.

— Ника!

Ко мне подбежал Сеня. Арцеулов был перепуган, взвинчен и встревожен.

— Как ты? — он повернул меня к себе.

Да так резко, что я чуть не упала. В широких, больших ладонях Сени, в его невероятно сильных, мускулистых руках иной раз чувствуешь себя чуть ли не безвольной тряпичной куклой.

— Ай... — слабо сказала я, пошатываясь. — Аккуратнее, Сень...

— Прости!.. Ты... как себя чувствуешь? — крупный, очень высокий и крепкий бородатый мужчина, крутой и жесткий полицейский, опытный оперуполномоченный сейчас выглядел перепуганным и растерянным.

— Всё... в порядке, Сень, — слабым, отстранённым голосом проговорила я. — Всё хорошо...

Что-то осыпалось на мои плечи, на волосы. Сеня вздрогнул, уставился вверх, его лицо изумленно вытянулось. Я тоже подняла голову вверх.

— Что это... Что это, мать его... такое?! — через силу произнёс Арцеулов.

Над нами с темно-синего, бездонного ночного небосвода бесшумно, мягко сыпались

белые хлопья. С едва слышным шелестом опадали они на темный асфальт и мокли в мелких лужицах, оставшихся после недавнего дождя.

— Это снег? — пробормотал Сеня, глядя вверх и вертя головой из стороны в сторону. — Что происходит?

Он не понимал происходящего, и потому боялся, нервничал.

— Это не снег, — проговорила я, вытянув правую ладонь в сторону. — Это розы... Лепестки роз.

Мы с Сеней стояли на тихой, безлюдной и безмолвной ночной улице между поднимающихся ввысь спящих многоэтажек. Ночной мир вокруг, казалось, застыл, замер, притаился с опаской. Не было слышно ни шума машин, ни редких людских голосов. Затих даже ветер. А из глубины ночного неба на нас, кружась, бесшумно осыпались светлые лепестки роз.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь.

Корнилов попрощался с Анной и вышел из её палаты, пожелав спокойной ночи.

Сразу за порогом его настиг звонок. Звонил Арцеулов, Стас быстро принял вызов.

— Что у вас стряслось? — спросил он.

— Стас, тут Ника...

— Что с ней?! — повысил голос Стас.

Тут вмешалась Ника, очевидно забравшая у Сени телефон.

— Стас, я знаю где он! — громко, уверенно и взволнованно воскликнула Ника. — Я знаю! Слышишь?! Я видела только что... Стас, они ещё живы, но у них нет времени! Нужно торопиться! Он вот-вот утопит их! Утопит в воде с розами! Стас, пожалуйста! Мы должны...

— Ника, успокойся...

— Стас, там не три девушки, как мы думали! — голос Ники дрожал и звенел. — Я видела одиннадцать!

Стас на мгновение закрыл глаза. Время вокруг него словно слегка замедлилось.

Биение сердца отмеряло секунды, кровь мягким толчками пульсировала в висках. С плеч вниз по спине до колен сходило леденящее напряжение.

Стас ощутил, как накатывающий стресс, тугими жгутами перетягивая тело, наполняет разум паникой, вызывает смятение и бесполезные метания мыслей.

Корнилов усилием воли, как и раньше, заставил себя собраться, заставил свой разум остыть и мыслить холодно, расчетливо и быстро.

— Где вы сейчас? — спросил Стас.

— Почти возле больницы...

— Хорошо, я спускаюсь.

— Стас, я запросил спецназ, — сказал в трубку Арцеулов.

— Если Ника права, они не успеют, — Стас бежал по лестнице.

— А как же?.. — растерянно спросил Арцеулов.

— Сами, — коротко ответил Стас, — тем более, что стоит Романтику заметить спецназ и понять, что он окружен...

— Девушкам конец, — понял Сеня.

— Даже не сомневайся, — мрачно бросил Стас. — Он их не отпустит даже перед страхом смерти.

— Ты уверен?

— Это отличительная черта таких, как он, — Стас оказался на первом этаже и скорым шагом ринулся к выходу.

Полицейский Ниссан Патруль с символикой УГРО стоял через дорогу от больницы. Стас перебежал шоссе, забрался внутрь. Сеня сразу же дал по газам, внедорожник сорвался с места.

— Нам далеко? — спросил Стас.

— Северное Измайлово, — ответила с заднего сиденья Ника.

Корнилов обернулся, встретился с сияющим взглядом синих глаз Лазовской.

Ника выглядела задумчивой. Она заметно переживала, нервничала.

Девушка сидела, подобравшись, подчеркнуто выпрямившись, её поза выдавала крайнюю степень напряжения.

— Можешь описать, что ты видела?

Ника коротко, быстро кивнула.

— Это заводское помещение или какой-то склад, или супермаркет, — она пожала плечами, — не знаю... Там огромное количество роз, целые сады! И... Странные стеклянные цилиндры, размером с небольшой домик.

— Внутри цилиндров девушки? — догадался Стас.

— А как же! — вздохнула Ника. — Они привязаны к металлическим столбам. Все цилиндры засыпаны лепестками роз...

— Вот уже тварь беспокойная, — покачал головой Арцеулов.

— Ника, ты не видела, он там один? — спросил Стас.

Лазовская только вздохнула.

— Я видела только жертв, больше никого.

— Ладно. Насчёт места ты точно уверена? Абсолютно?

— Да, — уронила Ника, — я бывала там пару раз, когда ездила на соревнования.

Стас чуть усмехнулся.

— Выиграли?

— Второе место.

— Могло быть и хуже.

Ника хмыкнула.

— Куда уж хуже? Всё, что не первое место, поражение. Так нас учит тренер.

Стас переглянулся с Сеней. Тот чуть заметно пожал плечами. Они мчались по ночному городу, дороги были свободны, машин почти не было. Мигалку Сеня, понятное дело, не включал, но скорость переваливала за девяносто.

Посты ДПС их не тормозили, с УГРО предпочитали не связываться, после четырёх случаев, когда из-за остановки машин сотрудников были провалены операции по задержанию опасных преступников, да ещё с жертвами среди мирного населения. Тогда у многих сотрудников Дорожно-постовой службы и погоны слетели, и должности хозяев поменяли.

Тревога и беспокойство плескались внутри Стаса, волны тревожных чувств становились сильнее, яростнее. Корнилов боялся. Боялся совершить очередную ошибку, боялся, что его решение может оказаться неверным. А может и вправду, стоило вызвать спецназ, окружить то здание, куда они едут, и вынудить Романтика сдать? Может быть, не нужно изобретать велосипед?

Окружить здание, оцепить район и потребовать сдачи?

Мда, мысль хороша, да и способ проверен временем. Вот только он не предусматривает стопроцентное сохранение жизней заложников и жертв преступника. А ещё, учитывая провернутую аферу с инсценировкой смерти, Демид — явно предусмотрительный и внимательный к деталям психопат. От такого не стоит понапрасну ждать ошибок.

— Прибавь немного, — сказал Стас Сене.

Тот бросил удивленный взгляд, затем кивнул.

— Ника, ты пристегнута?

— Я всегда пристегнута, когда ты за рулем, — отозвалась девушка.

Корнилов прыснул, Сеня фыркнул и покачал головой.

— Вот же... острая на язык.

Стас поймал в зеркале взгляд Ники. Девочка, чуть улыбнулась ему, он ответил тем же. Они проехали Береговой и сейчас вовсю гнали по Марьиной Роще.

Стас отправил Аспирина и Коле сообщение. Он попросил их, сохраняя крайнюю скрытность и аккуратность, проконтролировать подготовку группы СОБРа и установить контроль за районом Северное Измайлово.

Стас, конечно же, ни на секунду не помышлял о том, чтобы действовать без запасного плана или поддержки. Но он хотел быть на месте первым, чтобы держать ситуацию под контролем и влиять на развитие событий. А не так, чтобы к месту преступления съехалась орава полицейских, Романтик психанул, убил всех девчонок и, хорошо, если не свалил к чертям!

Он его не упустит. Он не даст ему уйти, не позволит. Стас, как бы пафосно это ни звучало, сейчас буквально ощущал некую сакральность своего долга. Он обязан поймать Романтика. И сделать это нужно сегодня, в эту ночь.

Одно из трёх — или Романтик будет арестован, или убит, или ему удастся сбежать.

В Северное Измайлово въехали, а точнее влетели, едва ли не на максимальной скорости. Стас попросил Сеню чуть сбавить. Тот скинул скорость до шестидесяти. Ника на заднем сиденье беспокойно вертелась, глядела по сторонам. Стас тоже ощущал, как страх проиграть и ошибиться раскалялся внутри, точно металлический прут в огне. Он ранил и обжигал пугающими мыслями о том, что произойдёт, допусти Стас ошибку. Корнилову стоило немалых усилий держать себя под контролем и властвовать над своим разумом, мыслями и рассуждениями.

По ночному небу плыли чернильно-фиолетовые облака. Машин на улицах почти не было, как и не было прохожих. Стас глянул на часы мобильного — три часа, шестнадцать минут. Скоро рассвет. Стас сжал зубы, у них мало времени.

Он посмотрел за окно. Пустые ночные улицы с горящими фонарями выглядели жутко. Они внушали пугающую мысль об одиночестве. Мысль о том, что они остались одни, одни в городе, одни против тёмного, безжалостного, кровавого гения Романтика, одни против его воли и страсти к убийствам.

— Вот оно! — Ника подобралась вперёд, указала пальцем на здание впереди.

Корнилов посмотрел на него. Здание чёрным, длинным и массивным прямоугольником темнело на фоне серо-черного ночного неба. Казалось, кто-то вырезал прямоугольный кусок из ночного небосвода, обнажив под ним беспросветный, пугающий мрак пустоты.

— Останови тут, — велел Стас, когда до здания было около двухсот метров.

Сеня послушно остановил. Стас открыл дверцу автомобиля, Арцеулов тоже отстегнул ремень.

— Я пойду один, — решительно сказал Стас.

Сеня взглянул на него с растерянным ошеломлением на лице.

— Стас, ты...

— Сеня, я пойду один, — с нажимом проговорил Корнилов, — а ты отвези Нику назад.

— Стас! — вскинулась Ника. — Это опасно! Мы даже не знаем, один он там или нет.

Корнилов вздохнул, скинул куртку, проверил револьвер и запасной пистолет.

— У меня нет времени с вами спорить.

— Но, Стас...

— Ника, у нас с тобой есть давний уговор. Ты помнишь?

Лазовская фыркнула.

— Я не напрашиваюсь на участие в задержании. Сама понимаю, что мне там делать нечего! Но, пожалуйста, пусть Сеня пойдёт с тобой.

— А ты? Скажешь, что будешь тут сидеть? Тихо и смирно? Нет, Ника...

— Стас, я могу доехать сама! — Ника подобралась ближе.

Корнилов почувствовал её маленькую ладонь на своем плече. Он поднял взгляд, встретился с ней глазами в зеркале заднего вида, затем обернулся. Её синие глаза выражали сильную тревогу и страх.

— Пожалуйста, — просила она с беспокойством. — Он... Он может быть не один! Идите хотя бы вдвоем! Пожалуйста, Стас!

— Ника, я знаю, что ты умеешь водить, но ДПС...

— Я в машине УГРО! — пожала плечами Ника. — Не будут они меня тормозить. А даже если и остановят, то что? Что они сделают? Ну максимум закроют в камере!

Стас посмотрел на Сеню, увидел, что тот горит желанием пойти с ним и, чего доброго, все равно ослушается. Лучше уж пусть будет рядом.

— Ладно. Но если что, попроси, чтобы связались с Аспири.... С генералом Савельевым.

— Конечно, — вздохнула Ника. — Поторопитесь уже.

Она метнула тревожный взгляд в окно.

— Он не будет ждать рассвета.

Арцеулов достал свое любимое оружие — Mosberg 590. Стас только вздохнул. Отношение к ружью Арсения у него было неоднозначное. Они вышли из машины, Арцеулов открыл багажник автомобиля.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь.

Когда Сеня открыл багажник, сразу же повеяло влажной ночной прохладой с горьковато-сухими запахами большого города. Обернувшись назад, я смотрела, как Стас и Сеня облачаются в черные бронежилеты с надписью «ПОЛИЦИЯ».

Внутри скачками вместе с ритмом пульса росло напряжение. Казалось, мозг и тело сжимают, сдавливают невидимые узы, петли или тиски. Становилось неприятно, неудобно дышать, словно что-то тяжелое повисло в груди или в животе.

Стас и Сеня закрепили бронежилеты, взяли фонарики и ещё какие — то предметы амуниции. Арцеулов захлопнул багажник. Я вышла из машины, подошла к ним.

— Ника, всё будет хорошо, — Стас чуть улыбнулся и кивнул мне.

Я не стала обнимать их, хотя и чувствовала, что просто обязана это сделать.

Но не хотелось придавать и без того тягостному моменту мрачности прощальных объятий.

— Будьте осторожны, — только попросила я.

Они переглянулись, затем кивнули, вынужденно, с безразличием.

Взрослые мужчины, как и наши парни из класса, вообще, часто беспечно относятся к себе в минуты опасности. Наши пацаны вот постоянно куда-то лезут, рискуют. То им надо на высоту забраться, то пойти драться стенка на стенку, то ещё что-нибудь!.. И что-то мне подсказывает, что, когда они вырастают в мужчин, не особо что меняется.

— Не переживай, Ника, — пробасил Сеня, — мы только туда и обратно. Держи.

Он бросил мне ключи. Я поймала их двумя руками, зажала в кулаке, прижала к груди. Они пошли в сторону огромного темного здания, на которое я указала. Я смотрела, как они, удаляясь, растворяются в ночных сумерках. Их шаги шелестящим эхом ещё дрожали над улицами, но вскоре они стихли. Я потеряла их из виду. Налетевший сзади ветер подкинул волосы, шевельнул мою косу. Я убрала руки от груди, опустила взгляд на поблескивающие ключи, вздохнула и села в машину. Оказавшись внутри автомобиля, я несколько секунд посидела, глядя в ночное небо. Из темных облаков на июньском небе иногда выглядывали искорки серебристо-белых звёзд.

Я пыталась убедить себя, что со Стасом и Сеней всё будет в порядке, что они справятся, что у них все получится, и они... останутся невредимы и живы. А ещё мне очень хотелось, чтобы, как можно быстрее, сюда приехали все, кто только может. Чтобы Стас и Сеня были не одни, чтобы у них была поддержка! Чтобы они не так сильно рисковали собой!

Я вздохнула. Я не скрываю, сейчас меня волновали только жизни Сени и Стаса, а не тех одиннадцати девушек, которых держит в том здании Романтик. Да, наверное, это неправильно. Но я с собой ничего поделать не могла.

Эгоистичные желания рвались наружу.

Пытаясь перебороть свои навязчивые опасения, я вставила ключ в замок зажигания и повернула его.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь.

Здание надвигалось на них из мрака ночи. Как ни старался Стас, он не мог разглядеть внутри ни одного огонька. Сеня шел рядом. Они шли молча, решительно, уверенно, смело. Стас ощущал внутри волнующее, парящее чувство и странную легкость. У него часто в подобные моменты бывало такое —

обманчивая расслабленность и непринужденность. Фальшивая мягкость в теле перед резким рывком со всплеском адреналина.

Здание, к которому они приближались, было огорожено металлическим забором. Они с Сеней притаились в тени около стоящего неподалеку грузовика.

— Дай мне бинокль, — попросил Стас.

— Держи, — Арцеулов протянул ему зелёный бинокль с тускло поблескивающими объективами.

Стас включил на бинокле прибор ночного видения, поднес его к глазам.

Ночная улица предстала перед ним в черно-серо-зеленых тонах инфракрасного видения. Корнилов прикрутил диапазон дальности, приблизил окна здания, где предположительно скрывался сегодня Романтик.

— С**ин сын, — пробормотал он.

— Что такое? — забеспокоился Сеня.

— Ничего... Просто окна везде не то закрыты чем-то, не то заклеены.

— Этого стоило ожидать, — вздохнул Арсений и огляделся по сторонам.

— Согласен, — протянул Стас.

Он все-таки нашел небольшой просвет в одном из окон. В маленьком кусочке окна дрожал свет, было заметно какое-то движение. Стас поискал другое окно, нашел его выше, там свет был тусклее. Зато Корнилов увидел прошедший перед окном темный силуэт.

— Он на втором этаже, — проговорил Корнилов.

— Значит, может нас не заметить, — рассудил Сеня.

— Не торопись. У него могут быть камеры.

— Камеры? — недоверчиво переспросил Арцеулов. — Ты серьезно?

— Сеня, наш Романтик очень обстоятельный тип, — поскрипывающим голосом с легкой хрипотцой ответил Стас.

Корнилов ухмыльнулся, опустил бинокль и взглянул на Сеню.

— Я уверен, что он подготовился к визиту таких, как мы.

Сеня лишь недовольно поджал губы. Он бы предпочел, чтобы они застали Романтика врасплох. Стас тоже, вот только он в это не верил.

— Пошли, — сказал он тихо.

Они проверили торец здания и территорию вокруг на наличие камер. Их не было, ну или они их не нашли. Стас решил действовать. Даже если Романтик их заметит, возможно, это отсрочит гибель девушек, которых тот собирается убить.

Они разрезали металлическую сетку забора, пролезли внутрь. Шустро и тихо подбежали к зданию, притаились на углу. Стас наметил три входа в здание. Тот, который должен быть центральным, возле погрузочной рампы, тот, что выходил на задний двор, и запасной.

Они решили идти через тот, что на заднем дворе. Выждав немного, полицейские вскрыли дверь. Здесь было два замка, и вдобавок ручка перемотана цепью. Прямо за порогом обнаружили две растяжки с осколочными гранатами. Стас вынул нож, осторожно обезвредил обе ловушки. Они вошли в здание, Сеня закрыл за ними дверь, и включили фонарики, закрепленные у них на бронежилетах. Они не торопились, обменивались взглядами и жестами.

Арцеулов и Корнилов вместе с Домбровским были хорошо сработавшимся коллективом. И между ними давно образовалось отличное взаимопонимание, за исключением некоторых моментов в следственной и процессуальной сферах.

Они двигались по широкому, темному коридору. Стены здесь были отделаны гофрированным металлом. Лучи фонарей озаряли лежащие на полу различные стройматериалы: цемент, кирпичи, банки краски, сваи, балки, газобетон и другое. В конце коридора, прямо возле двери, Стас увидел белевший на стене план здания. Он подошел, снял его, внимательно осмотрел.

Они находились в огромном помещении, предназначенном для хранения большого объема груза. Скорее всего, заказчиком этого объекта выступала какая-нибудь крупная логистическая компания. Стас внимательно исследовал схему здания. Они пребывали в чередке узких коридоров и подсобных помещений для хранения складского оборудования, бракованных товаров, упаковочных материалов и прочего, тому подобного. Сразу за коридорами находился сам склад. Он был огромен. Площадь оказалась куда больше, чем прикинул Стас. Семь тысяч пятьсот квадратных метров. Высота пятнадцать метров. Склад категории «А+». Огромное помещение с двумя ярусами размещения товаров, ворота такого размера, что могут въезжать любые грузовики.

Стас вздохнул. Романтик выбрал более чем масштабную сцену для своего прощального акта. Стас вынул план из рамы, забрал себе. На нем были также отмечены несколько важных элементов и достроек. Зная их расположение, можно будет использовать их с толком.

— Пошли, — произнес Стас.

Он почувствовал, как по его шее медленно скатилась одинокая капелька пота.

Стас осторожно приоткрыл дверь, проверил на растяжки и другие ловушки.

Вроде бы всё было чисто. Они двинулись дальше. Внезапно раздался вибрирующий гул. Стас и Сеня остановились, быстро спрятались за мешки с цементом, стоящие подле стен.

Странный жужжащий гул, от которого слегка вибрировали пол и стены, распространялся из самого склада. Стас ощутил, как в нём ворочается склизкое и холодное, крайне нехорошее предчувствие. Они подождали, пока гул прекратится, прислушались. Корнилов знаком показал, что слышит голоса. Арцеулов прислушался и кивнул. Стас выругался. Какого чёрта?! Романтик здесь что, не один? Кого он ещё сюда приволок? Кто ещё ему помогает?

Стас с Сеней, сохраняя бдительность и сосредоточенность, переместились вперёд. Здесь их встретила массивная металлическая дверь. Это была широкая дверь из легированной стали, служащая не только для защиты от проникновения, но и для сохранения герметичности. Здесь был обычный электромагнитный замок. Мужчины вскрыли его при помощи специального электронного устройства. Если бы здесь был электронный кодовый замок, пришлось бы существенно повозиться. А это время, которого у них совсем нет.

Тревога и напряжение росли. Стас сохранял ледяное, уравновешенное спокойствие, это требовало усилий. Неизвестность страшила, создавала пугающие образы. Сеня тихо следовал за Стасом.

В помещении прозвучал чей-то возглас, а в ответ — грязная брань. Стас с Сеней прошли вдоль узкого прохода между металлическими контейнерами. Они уже были в помещении самого склада. Добравшись до последнего контейнера в ряду, они остановились.

Воздух был перенасыщен, переполнен сочным, вязким, душистым и даже слегка удушающим ароматом роз. Корнилов взял у Сени эндоскоп, осторожно просунул проводок вперед, «выглянул» им из-за угла и опустил взгляд на монитор эндоскопа. Широкоугольная камера с разрешением 4К позволяла хорошо исследовать видимую зону.

Розы. Ника не соврала, ими было заполнено девяносто процентов всего свободного пространства. Густые, плотные ряды зеленых стеблей с яркими бутонами роз тянулись от одного конца склада до другого, уходя на несколько десятков метров вдаль. А так же стебли роз поднимались очень высоко, занимая пространство и на втором ярусе склада.

— Когда ж ты успел-то, мразь? — шепнул Стас.

Это было поразительно! Ведь все эти розы Романтик явно выращивал прямо тут, под носом у них всех, уже очень давно! Как ему удалось проделать это так незаметно, пока что было загадкой. Впрочем, они просто не искали... Никому и в голову не могло прийти, что Романтик может действовать столь нагло и масштабно!

— Он это всё приготовил за много месяцев до того, как совершил первое убийство, — произнёс вслух Стас, видя крайнее удивление на лице Сени.

Арцеулов покачал головой, он был потрясен.

— И никто ничего не видел...

Стас пожал плечами.

— До первого убийства никого бы не насторожило огромное количество роз в одном

месте.

— Но это должно было вызвать вопросы, когда такое помещение снимают под розы... — не согласился Сеня. — Хоть у кого-то должны были возникнуть какие-то подозрения, вопросы...

— Да-а... — тихо протянул Стас. — Должны были... Но, видимо, Демид решил эту... «проблему».

Корнилов замолчал. Он осторожно вертел проводом с камерой, пытаясь найти среди густых зарослей роз Романтика. Он заметил, что внутри зеленых роц, поднимаются ровные, металлические штыри. Очевидно, чтобы придать направление росту стеблей роз, и это получилось. Заросли роз пятью толстыми, высокими «стенами» своеобразной живой изгороди высились до второго яруса.

Между стенами из роз, как и говорила Ника, в центре зала, действительно, стояли массивные, огромные цилиндры, почти полностью прозрачные, за исключением дна, крыши и небольшой прямоугольной части металлического корпуса. Внутри Стас с раздражением и досадой увидел девушек. Со своей позиции он видел только пять девушек в стеклянных цилиндрах, и во всех девушки, кажется, были живы и даже в сознании. Что с остальными, увидеть он не мог, они были скрыты от его взора.

Девушки в этих стеклянных круглых «банках» были цепями привязаны к толстым металлическим столбам. Под ногами у них на дне стеклянных цилиндров краснели лепестки роз.

Среди пленниц Романтика Стас узнал двух дочерей Ипполита Збруева, которых запомнил. Среди них была Инга Збруева — та девушка, что возмущалась поведением Стаса, когда тот проверял её парня.

Корнилов вздохнул, тяжело сглотнул. Он старался не думать о том, что сейчас чувствуют бедные девчонки, и о том, что всё могло бы сложиться по-другому, будь он тогда, в квартире Ипполита, внимательнее. Сеня стоял рядом, Стас чувствовал его взволнованное дыхание.

Между ярко-зелёными шеренгами роз появился человек. Стас напрягся, сосредоточился, он внимательно вглядывался в неспешно ступающего человека. Тот был одет в чёрную или темно-синюю толстовку с капюшоном, в темные штаны. Он стоял к Стасу спиной. А когда внезапно повернулся, Стас увидел ярко-белую маску с клыками, закрывающую его лицо. Похоже, Романтику понравилась эта дешевая, но жуткая личина. Но не маска заставила Стаса непонимающе скривиться. В руках у мужчины в белой маске было оружие. Вот только это был не автомат, не ружье, не пистолет и не пулемет.

Арбалет, в руках этого человека был тактический военный арбалет. Случайный блик зловеще и угрожающе сиял на стальном кончике заряженной в арбалет стрелы.

— Какого... х**а? — не сдержался Сеня. — У него арбалет!

— Я вижу, — шепнул Стас.

Они наблюдали через эндоскоп, как человек с арбалетом неспешным шагом прошелся между высокими зелеными рядами роз. Остановился возле одного из цилиндров и издевательски постучал, привлекая внимание привязанной внутри девушки.

— С**а! — Выдохнул Сеня и повторил. — С**а!

— Тихо, — буркнул Стас.

К человеку в маске вышел другой, они о чем-то заговорили. Оба были одеты почти одинаково, только обувь была разной. Но в руке у второго тоже был арбалет, почти такой же,

только с оптическим прицелом. Стас не сразу понял. Только вдруг Арсений тронул его за плечо.

— Стас, я кажется догнал... Ты... — он глубоко вдохнул носом воздух. — Ты чувствуешь? Воздух, он здесь другой? Какой-то... легкий и...

Корнилов уже тоже почувствовал и мысленно отругал себя за невнимательность.

Чрезмерно свежий, легкий и чуть влажноватый, пропахший розами воздух был иным, чем на улице, или даже в подсобных коридорах, по которым они пробирались.

— Кислород, — негодуяюще качнув головой, прошептал Стас, — у них здесь воздух с повышенным процентом содержания кислорода.

Сеня прошипел грязное, матерное слово и добавил ещё несколько схожих по смыслу.

— Я правильно понимаю?.. Из всего, что у нас есть, мы теперь можем пользоваться только ножами?

— Если не хотим сгореть за несколько секунд, — кивнул Стас.

Сеня был впечатлен и слегка обескуражен. Он привык в любой сложной ситуации полагаться на свой Mosberg. А вот Корнилов не мог позволить себе гневаться или убиваться ввиду сложившихся обстоятельств. Стас в таких случаях предпочитал тратить сверхценные секунды на поиск решений.

— Смотри-ка, — шепнул он и чуть увеличил на мониторе изображение, — видишь?

— Вижу, — мрачно отозвался Сеня, — ещё четыре му**ка с арбалетами. Итого — шесть рыл, а мы...

— Сюда вот посмотри, — Стас указал на монитор. — Видишь? Это провода, по которым идет ток к цилиндрам, и наверняка от них питается система подачи кислорода.

Сеня кивнул, задумался, затем спросил.

— Предлагаешь попытаться вырубить им электричество? Это бы решило проблему...

— Демид наверняка использует портативные генераторы, — задумчиво проговорил Стас. — И чтобы они не загорелись, их, скорее всего, поставили где-то в подвальных помещениях.

— Откуда ты знаешь, что они тут есть?

— Подвалы? Они отмечены на плане эвакуации.

— А... ну да... — рассеянно пробормотал Арцеулов, — и что нам это дает?

— Всё очень просто, — с обманчивым спокойствием проговорил Стас. — Я их отвлекаю, а ты вырубаешь генераторы.

— Стас, но...

— Сеня, это приказ, — безапелляционным тоном заявил Стас.

— Стас, да иди ты! — Сеня разозлился так, что у него слегка покраснело лицо. — Хрена ты в героя играть будешь? Они же тебя пристрелят! Что у тебя против них?! Ножик?!

Стас повернулся к нему и жестко, холодно прорычал вполголоса.

— Ты, главное, до генераторов доберись. Если мы с тобой здесь вместе ляжем, девчонкам это никак не поможет! И сами зазря сдохнем!

— Тогда давай наших подождём!

Стас агрессивно вздохнул.

— Мы-то можем подождать, а вот Романтик не будет. И что наши тут сделают, Сеня? Что сделает спецпура? Стрелять в здании нельзя. Как только Романтик увидит, что склад оцепили, резервуары наполнят водой. А Демид, скорее всего, свалит!

— Но...

— Сеня! — процедил Стас сквозь сомкнутые зубы. — Выполнять. Приказ. Быстро!

Арцеулов секунду смотрел в глаза Стаса. Взгляд Корнилова давил, рвал и резал! Сеня сдался, сник, опустил взор.

— Подожди, — Стас протянул руку, — дай мне свой кукри.

Арцеулов мгновенно протянул ему свой нож. Когда Стас взял его, Арцеулов не сразу разжал пальцы. Их взгляды снова встретились.

— Ты — лучший командир, который у меня был. Просто хочу, чтобы ты знал, — проговорил с чувством Арцеулов.

— Ничего банальнее ты придумать не мог, — проворчал Стас.

Они обменялись быстрым рукопожатием, Стас отдал ему план эвакуации, и Арцеулов поспешил в подвал. Корнилов прижался спиной к холодной, ребристой стене металлического контейнера. Он устало вздохнул, сжимая в руках два ножа, два боевых клинка — доставшийся в наследство от деда немецкий штык-нож и хищно загнутый, с листовидным лезвием, нож кукри.

Стас размеренно вздохнул, успокоил пульс и сердцебиение, выровнял дыхание. Пора.

Корнилов вышел из укрытия.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь.

Я отчаянно пыталась сосредоточиться на дороге и автомобиле, который вела.

В полицейском Ниссане было не очень уютно. Автомобиль, по моим ощущениям, был громоздким, неуклюжим и тяжелым. И сидеть было неудобно, и даже руль мне не нравился — какое-то рулевое колесо от танка! Я отчаянно старалась не бояться за Стаса с Сеней. И вот это не получалось.

Я смотрела на дорогу, на раскинувшийся впереди ночной город, на укрытые темнотой и озаренные точками уличных фонарей улицы столицы, но видела перед собой только Стаса и Сеню. Видела, как они вступают в бой, как рискуют жизнью, как их ранят, и как они...

Видение резко, неожиданно ворвалось в сознание. Взор заполнили дрожащие силуэты и мелькающие изображения. Донеслись искаженные звуки чужого голоса. Это все было похоже на помехи во время просмотра стрима онлайн! Невнятные картинки, смазанные звуки.

Но вот меня поглотила темнота. Я стою в черной, слоистой мгле. Я падаю во мрак. Я чувствую, как холодный ночной воздух темноты овеивает мое падающее тело. Она появляется передо мной. Её рыжие волосы развеваются во тьме, она смотрит на меня жуткими пустыми и темными глазницами. Рядом с ней появляются другие. Они стоят надо мной или... Или падают сверху. Мы падаем вместе? Или все-таки стоим?

Я не могла понять, я потеряла возможность ориентироваться в пространстве.

Безглазые, окровавленные девушки с плавно развевающимися волосами, шагнули ко мне, протянули руки.

Я увидела свет, ряды роз, стеклянные цилиндры и какие-то большие, желтые баллоны с черными шлангами. Они во множестве стояли внизу, в темном помещении. Это какой-то подвал! Я увидела двоих мужчин, что заносили в помещение ещё один баллон.

— А зачем нам столько кислорода? — спросил один из них.

— Демид сказал, это чтобы у ментов не было соблазна стрелять, — засмеялся в ответ другой и похлопал ладонью по висевшему на поясе арбалету.

— Поэтому он и сказал нам вооружиться этими игрушками.

— У ментов наверняка будут автоматы, пулеметы и снайперы, — проворчал другой.

— Толку-то, — хмыкнул в ответ тот. — Демид же ясно сказал:

— Малейшая искра и — огромный фейерверк.

— Ты так радуешься... Готов сдохнуть ради Демида?

— Готов, — с неожиданным фанатизмом произнёс в ответ другой. — Готов, а знаешь почему? Он борец! Он борец с правилами и законами! Рабскими правилами и рабскими законами! Но Демид не боится!.. Он не боится быть таким, какой он есть! И брать то, что он хочет! Он... Он хищник! Настоящий, сильный и матёрый хищник! И я хочу быть таким же!..

А ты?

— Да... я тоже, — вяло отозвался другой, с юношеским голосом.

— Тогда не ной, — одернул его собеседник. — Пошли за другим баллоном.

Они скрылись.

Видение так же резко, как и возникло, испарилось. Передо мной вспыхнула дорога, дома, улица. Свет фонарей ударил в глаза. Я успела среагировать и ударила по тормозам. Удар был мощным, сильным, сокрушающим. Лязг и скрежет металла, грохот, гул, удары. Что-то скрипит, со звоном рассыпается стекло. Меня бросило вперед, но меня удержал ремень. Перед лицом и сбоку вздулись подушки безопасности.

Я, зажмурив глаза, вжималась в сиденье. Я чувствовала неистовые, бешенные толчки сердца. Мышцы тела пульсировали, вздрагивали. Нервный жар пропитывал кровь и кожу. Мое ускоренное дыхание царапало горло.

Я дрожащими руками отстегнула ремень безопасности. Такой же дрожащей рукой открыла дверцу автомобиля. Ночная прохлада обняла вспотевшее тело, скользнула по лицу, рукам и шее. Перед Ниссаном, мигая фарами, «орала» черная БМВ. Ниссан Патруль просто «сожрал» её задний бампер.

Я посмотрела на сморщенный, разбитый корпус БМВ и Ниссана. Капот внедорожника выгнуло вверх, а решетка радиатора чуть вогнулась внутрь, из-за чего полицейский внедорожник выглядел так, словно агрессивно и злорадно скалился, довольный тем, что натворил.

— Вот же... — выдохнула я устало и нагнулась вниз, уперев руки в колени. — Абзац! Ф-у-ух...

Я выпрямилась, в голове заметались воспоминания о Стасе и Сене. Я вспомнила, что им грозит! Кислород! Демид использовал баллоны с кислородом, чтобы сделать воздух внутри здания огнеопасным! Малейшая искра и...

Страх подпрыгнул во мне, заставил меня содрогнуться, а мысли беспорядочно, хаотично заметались. Я прижала пальцы к вискам. Я чувствовала, как под подушечками пальцев толчками вздрагивают пульсирующие венки. Меня пробирала лихорадка ужаса. Я села обратно за руль. Надеюсь, владелец БМВ переживёт. Я завела автомобиль, отъехала назад, быстро развернулась и газанула обратно. Я мчалась быстро, не особо обращая внимание на отметку скорости. В зеркале заднего вида я успела заметить вдалеке подбегающих к разбитой БМВ людей.

— Извините, — пробормотала я, заикаясь.

Сейчас мне было на них плевать, нужно предупредить Стаса и Сеню. Господи, только бы успеть! Я переключила скорость. Быстрее! Быстрее! Быстрее!

Ну же!..

Я всё-таки немного сбавила скорость. Не хотелось по глупости разложиться тут на

повороте. Тем более, этот внедорожник очень неудобный для меня.

Я была возле того здания через несколько минут. Я выскочила из автомобиля, затем вернулась и включила мигалку. Я видела, как это делают Сеня и Коля.

Я оставила Ниссан с включенными фарами и мигающим, тревожным красно-синим светом полицейской мигалкой. И затем рванула в сторону здания, где должен скрываться Романтик.

Сначала передо мной оказался металлический забор, и я было запаниковала. Я не знала, как его обойти. Но тут мне посчастливилось найти огромную дыру в сетке из металлической проволоки. Я пролезла внутрь, поспешила, поцарапала руку. Шипя от боли, я бросилась в сторону здания. Царапина болезненно саднила, мне было плевать. Я обежала здание, не зная, с какой стороны подступиться. В голове стукнула мысль: позвонить Стасу. Я уже полезла за телефоном, но тут же передумала. Я представила, как Сеня и Стас скрытно крадутся в здании, выбирая варианты действий, и тут мой звонок...

Во дворе на меня нахлынули воспоминания. Я чуть не заорала от счастья — это было воспоминание Сени. Я увидела, как они прошли, осталось только повторить их путь. Что я и сделала. Я нашла ту дверь, через которую они вошли.

Страх за их жизни, страх опоздать беспощадно гнал меня вперёд. Я мысленно взывала ко всем высшим силам, чтобы помогли им! Я ругала себя, злилась на себя, на свою дурацкую способность, которую никак не могу контролировать. Если бы!.. Если бы я знала сразу! Чёрт! Чёрт! Чёрт! Быстрее... Быстрее... Осторожно, нельзя попасться.

Я могу враз всё испортить и сделать всё ещё хуже. Не дай Бог, я попадусь Романтику или его людям. Кстати! Что это за люди?! Почему они так фанатично преданы Демиду?!

Я пробежала по коридору со строительными материалами и снова увидела воспоминания Сени. Они вели меня, я шла по следам Арцеулова и Корнилова.

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь.

Он вышел из укрытия. Они увидели его, мгновенно обернулись. Красные лучи лазерных прицелов арбалетов уткнулись в его грудь и собрались на ней в жирный пучок красных точек.

— Ты кто такой, мать твою?! — в него целились сразу пятеро.

Стас медленно шагнул вперёд.

— Господа! — раздался откуда-то сверху насмешливый голос. — Позвольте представить вам доблестного борца с преступностью и одного из лучших сыщиков Уголовного розыска майора Корнилова! Начальник особой оперативно-следственной группы с расширенными полномочиями!

Стас поднял взгляд. Романтик стоял наверху, на металлической платформе второго яруса, опираясь на перила, он издевательски хлопал в ладоши.

— Bravo майор! Вы нашли меня! — Романтик отвесил шуточный поклон.

Его приспешники переглянулись, послышались их глуповатые, одобрительные смешки. Корнилов изучающе смотрел на аплодирующего Романтика.

— Найти тебя было нетрудно, Демид, — Стас едко усмехнулся. — Труднее было поверить, что ты можешь быть так глуп.

Приспешники Романтика перестали смеяться.

— Закрой рот, мусор! — выкрикнул один из них.

— Хватит с ним болтать! — зло проговорил стоявший в центре. — Гасить его нужно!

— Заткнитесь, — велел Романтик.

Его последователи послушно замолчали.

— Только шевельнись, — услышал Стас злобное шипение одного из них.

— Тихо!.. — повторил Романтик и неспешно прошелся по металлической платформе. — Значит, я глупец, майор? И это говоришь мне ты? Тот, кто припёрся сюда в одиночестве? Или же ты оказался ещё более глупым и притащил с собой своих друзей в погонах и эту белокурую пташку с волшебными синими глазками? Что ты можешь мне сделать, майор? Как вы собрались мне помешать?! Ты же понимаешь, что вы не сможете спасти этих тупых с**ек,

Он указал ладонью на прозрачные цилиндры.

— Вместо того, чтобы позволить им просто прожигать свою жизнь и продавать своё тело за различные банальные блага, я сделаю из них шедевры... Я превращу их в творение искусства! И всё, что ты и твои опера, и весь ваш сра**ый УГРО можете предпринять, это просто смотреть. Ты ведь это понимаешь? Или...

Он прошелся в другую сторону.

— Или ты хочешь убедить меня, Корнилов, что вы решитесь на штурм? Ты ведь уже понял, что я предусмотрел это! Вы не сможете стрелять! Любая неосторожная искра и... Пшик! Всё сгорит за несколько мгновений! И эти су**и в цилиндрах тоже.

— Нам и необязательно, — заметил Стас. — Ты не подумал о том, что спецназ мог бы запустить сюда газ?

— Нет, — засмеялся Романтик. — Я это предусмотрел, уверяю тебя. Склад абсолютно герметичен, а система подачи кислорода у нас под контролем. Снайперов вы тоже использовать не сможете. Так что не обманывайся, майор. У вас только один выход — убить меня и моих друзей вместе с этими девушками.

Стас усмехнулся, шагнул вперёд.

— А ну стой! — рявкнул один из людей Романтика. — Ещё шаг, и получишь стрелу в башку!

Стас на него даже не посмотрел. Он глядел на Романтика, в темные прорези его маски.

— А что будет дальше, Демид? — спросил Стас. — Ну убьёшь ты этих девушек, потом что? Попытаешься сбежать? Ты, правда, думаешь, что тебе дадут это сделать, придурок? Да твой портрет уже на всех постах полиции! Мы все перекрыли!

— Не сомневаюсь! — откликнулся Романтик и снова издевательски засмеялся. — Какие же вы предсказуемые! Корнилов, ты слишком высоко оцениваешь собственные силы и считаешь себя гением!

— По-твоему, гений — это ты? — спросил Стас.

— Да! — воскликнул Демид, и голос его опасно завибрировал, разлетелся скачущим эхом по залу склада. — Я творил у вас под носом, что хотел! Вы, как последние ослы, поверили в историю о моей смерти! Это ведь было проще, чем копать, искать, рыть землю... Проще поверить в блеф! Не так ли, Корнилов? Ты ведь уже знаешь, что те девушки, которых я обратил в уникальные шедевры за последние пару месяцев, составляют лишь малую часть от того, скольких я успел преобразить! Ты даже не знаешь точного количества моих работ, Корнилов! Ты даже не сразу узнал, что мне помогает мой отец, который тоже записал на свой счёт несколько неплохих работ... О, судя по твоему лицу, ты уже знаешь. Знай также, что я не одобрял его методы и стиль... Слишком по — варварски, как по мне. Моего отца больше интересовал не конечный результат, а сам процесс. Если ты понимаешь, о чём я.

— Что ж, больше твой больной на голову папочка не сможет этим увлекаться, — Стас пожал плечами, — я убил его.

Корнилов успел предвидеть выстрел, он давно уже наметил план действий.

Стрелы с тихим, хищным шелестом сорвались с арбалетов, скользнули в воздух, щелкнули и завибрировали тугие тетивы. Стас прыгнул в сторону, проломился через рощу роз, вывалился с другой стороны, перекатился по полу, вскочил.

Перед ним тут же вырос человек с арбалетом и вскинул оружие. Стас проворно метнулся в сторону. Он ощутил, как стрела рассекла воздух совсем рядом.

Мужчина спешно перезарядил арбалет. Корнилов вскинул левую руку, отпуская штык нож. Клинок летел медленно. Медленнее, чем рассчитывал Стас. Вяло перетекали мгновения. Удар сердца — Стас увидел, как его клинок попал в цель. Враг медленно, нехотя, словно надламываясь, качнулся назад, начал падать. Кровь из раны от ножа Стаса оросила пол. Корнилов уже был возле поверженного врага. Он присел возле него, подхватил арбалет. И как раз вовремя развернулся, вскинув оружие, когда второй противник выскочил с другой стороны розовой рощи. Стас не мешкал, почти не целясь, послал стрелу в шею нападавшему. Тот отлетел назад, распластавшись на полу. Мужчина задергался в судорогах, под ним стремительно расползлась багровая лужа крови. Стрела в его горле дрожала вместе с телом. Всё произошло за несколько скоротечных, порывистых мгновений. Нехотя, плавно перетекали вязкие секунды. Стас двигался рьяно, агрессивно, целеустремленно.

Третий враг выскочил сзади. Стас уже был готов, он метнул тяжелый арбалет в лицо мужчины. Тот закрылся левой рукой. Стас успел подскочить к нему и ударил ножом снизу. Изогнутое лезвие кукри вонзилось точно в подмышку, рассекая мышцу и крупную артерию. Темная кровь мгновенно хлынула из раны. Одежда мужчины промокла от крови ещё до того, как он упал. Стас быстро вооружился его арбалетом, вынул его запасные стрелы, вернулся к телу, в котором торчал его штык-нож. Он выхватил клинок, спрятал в ножны на поясе.

Впереди показались двое, они одновременно вскинули арбалеты. Стас едва успел нырнуть в розы.

— Да прибейте вы его! — закричал разъяренный Романтик.

Стас услышал, как стрелы с шорохом и шелестом рассекают листья роз. Стрелы перебили некоторые розы, их стебли надломились, и темно-алые бутоны упали вниз. Щеку Стаса царапнуло огнём, он оскалился. Кровь щекотно потекла по щеке. Стас перезарядил Арбалет. Прямо перед ним через заросли стеблей роз вывалился рослый, здоровый парень и замахнулся длинным мачете.

Стас вскинул арбалет, спустил тетиву. Стрела с чавканьем вонзилась в глаз мужчине, пробив белую маску с клыками. Он отшатнулся, завалился на бок и затих.

Пол под ногами завибрировал, послышался мощный, нарастающий гул. Стас оглянулся. Девушки беззвучно кричали в звуконепроницаемых прозрачных цилиндрах. На глазах у Стаса в цилиндры с торжествующим шумом, взбивая пену, хлынула вода. Стас услышал шаги, не оборачиваясь, прыгнул в сторону.

Он не успел перезарядить оружие.

Перед ним возник другой противник. Ещё один сумел подобраться сзади, навалился на Корнилова. Им удалось повалить его и отнять арбалет. Стас выхватил штык-нож.

АРСЕНИЙ АРЦЕУЛОВ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь. За несколько секунд до событий происходивших выше.

Он торопился. Он боялся опоздать, боялся подвести Стаса, боялся стать причиной

трагедии. Он торопился в подвал... Он потерял бдительность и мгновенно поплатился за это.

Оказавшийся на пути мужчина выстрелил в него из арбалета. Сеня зарычал от боли, стрела пробила его мощное, мускулистое плечо.

Мужчина ловко перезарядил арбалет. Сеня скрылся за углом коридора, быстро огляделся. Боль в плече стальной спиралью вкручивалась в плоть. Сеня поднял с полу плотную металлическую трубу, перехватил поудобнее.левой рукой ему было драться неудобно. Ну ничего, справлюсь, подумал он.

Он слышал приближающиеся осторожные шаги мужчины с арбалетом.

— Выходи, кретин! — крикнул тот насмешливо. — Обещаю, сдохнешь быстро.

Не сомневаюсь, мрачно подумал Сеня, только не сегодня. Он быстро выглянул. Мужчина с арбалетом выстрелил, Сеня отбил стрелу трубой и швырнул её в противника. Тот уклонился. Арсений с рычанием налетел на него и сбил с ног. Тот упал, но тут же проворно вскочил, в его правой руке сверкнул нож. Сеня увернулся от удара, ударил врага локтем, коленом, а затем лбом сломал ему нос. Мужчина вскрикнул, упал на колени, зажимая окровавленный нос.

Арсений ударил его коленом в лицо, тот рухнул и замер. Сеня поднял его арбалет и выругался, плечи были погнуты.

— Чтоб тебя... — проворчал он и, отшвырнув арбалет, снова поднял с пола трубу.

Несмотря на то, что он в подвальном помещении, и здесь, возможно, нормальный воздух, ружьем Сеня пользоваться опасался. Во всяком случае, его враг был вооружен арбалетом, а значит и ему не стоило использовать огнестрельное оружие. Проверять, случится ли что-то страшное, выстрели он из ружья, или нет, Сеня не собирался.

Он пошел дальше. От серых кирпичных стен исходил странный и напрягающий гул, Сеня прибавил шагу. Если Романтик все-таки включил воду, ему стоит очень серьезно поспешить. Рана в плече рвала его плоть, терзала пульсирующей болью. Сеня понимал, что стрелу нужно вынуть из плеча, но знал, что сделать сейчас этого не сможет, нужно спешить. Боль дергала плечо при каждом шаге, Арцеулов, сцепив зубы, шел дальше.

Он наткнулся на широкую лестницу с металлическими ступенями, спустился вниз. Его рука, в которой он сжимал массивную металлическую трубу, порядком вспотела от боли, которую ему приходилось терпеть. Испарина выступила на лице, на шее и на груди, она довольно быстро пропитала его одежду.

Размеренный, низкий гул становился громче. Сеня понял, что приближается к подвалу, где стоят генераторы и резервуары с водой, из которых вода должна будет подаваться в стеклянные цилиндры. Если она уже прямо сейчас не заливает их вместе с привязанными там девчонками.

Сеня заставил себя двигаться быстрее. У него нет права проявлять слабость! Он не может себе этого позволить! Он сам всю жизнь презирал всякое проявление слабости и безволия! Сеня тихо рыкнул сквозь сомкнутые зубы.

Он нашел приоткрытую синюю дверь. На ней висела табличка «Бойлерная».

Из помещения раздавалось мощное, басовитое гудение. Иногда доносился странный, электронный писк и ритмичные металлические удары. Как будто нехотя поворачивались какие-то гигантские шестерни.

Сеня осторожно приоткрыл дверь, обратил взор вниз. Растяжек или других ловушек, вроде бы, не было. Он вошел внутрь, огляделся и ухмыльнулся.

Корнилов был прав. Относительно небольшое помещение бойлерной с низким

потолком и серо-белыми кафельными стенами было заставлено пятью бензиновыми генераторами и сразу восемью металлическими, огромными цистернами. Все портативные генераторы были помещены в стальную клетку. На самой клетке был кодовый замок. Сеня мысленно выругался. Романтик оказался крайней прагматичным и предусмотрительным. Он защитил свой независимый источник энергии самым простым и, возможно, самым действенным способом.

— Расчетливый ублюдок, — зло прошептал Сеня.

В помещении было тесно и жарко. Сеня поискал глазами пульт управления всей этой электроникой. Она должна была как-то управляться! Генераторы, резервуары с водой и баллоны с кислородом были вовлечены в одну систему подачи питания! Она была тесно взаимосвязана, и всей этой системой Романтику нужно было как-то управлять!

Сеня окинул глазами многочисленные переключатели, мигающие лампочки, рычаги, кнопки. Затем подошел к самим портативным генераторам. Неожиданно что-то с силой впилось ему в шею. Сеня выронил трубу, вцепился рукой в тонкий провод, обвившийся вокруг его шеи. Провод стягивал его горло, отнимал возможность глотать кислород.

Нападавший сзади потянул провод на себя, Арцеулов ощутил, что падает, он не мог сопротивляться, это бы увеличило давление на горло. Он позволил себе упасть назад, у него получилось придавить своим телом нападавшего. Однако, тот и не думал сдаваться. Он каким-то непостижимым образом прижал к полу руки Сени своими ногами и стал душить с удвоенным старанием. Арцеулов задыхался, тугой, жесткий провод вдавливался, впивался в плоть шеи. Сеня захрипел, закашлялся, свет в его глазах начал меркнуть, кровь истеричным ритмом билась в венах на висках и шее. Сеня судорожно пытался глотнуть воздух, он боролся, пытался освободиться, но ощущал, как слабеет. На грудь словно положили груды кирпичей, болезненная тяжесть разливалась в грудной клетке. Сеня скреб ногами пол, пытался ударить затылком назад, но чувствовал, что удары получаются слабыми, хилыми, незначительными.

«Нет, — подумал Арцеулов, с ужасом, — не могу я так сдохнуть!»

Он зарычал, дернул правым плечом, и ему удалось высвободить правую руку. Он перехватил ногу нападавшего, лежавшего под ним, тот пытался снова прижать правую руку Сени.

Старший лейтенант использовал один из главных своих козырей — физическую силу. Он прижал ногу нападавшего к полу, локтем уперся в его колено и резко повернул в сторону. Противник издал крик, Сеня пытался сломать ему ногу, а это не получалось. Петля сдавила шею с новой силой. Остатки кислорода вместе с жизнью стремительно покидали тело Арцеулова. Его легкие судорожно, с болью, пытались вдохнуть ещё хоть каплю воздуха, но не могли этого сделать. Мышцы и тело становились ватными, организм Арцеулова постепенно слабел. Тело наливалось тяжестью, разум медленно затмевался накатывающей неестественной сонливостью.

— Глупо- то как вышло, — успел подумать Арцеулов.

Уже теряя сознание, он услышал, чьи-то быстрые, легкие шажки. Он было подумал, что это Ника, только её маленькие ножки могут издавать такие легкие, едва слышные шаги.

Что-то затрещало, взвизгнуло, и Арцеулов услышал дикий, надрывающийся крик боли. Петля провода на шее резко ослабела. Арцеулов, раскрыв рот, втянул в себя воздух, резко, интенсивно застучало сердце, сразу возросли силы. Сене удалось высвободить руки, он отбросил ноги нападавшего и скинул с шеи провод, которым его душили, быстро

перевернулся на четвереньки и увидел сперва конвульсивно дергающегося на полу мужчину в белой маске,

а затем обратил внимание на Нику. Девушка стояла у стены, испуганно глядя на содрогающегося мужчину в маске. Лицо у нее было перепуганное. Она зажимала себе рот левой рукой, в правой у нее темнел какой-то предмет. Присмотревшись, Сеня увидел, что это высоковольтный электрошоковый пистолет. Сеня встал на колени, затем поднялся, его шатало.

Ника взглянула на него, выронила шокер.

— Сеня! — она бросилась к нему.

— Ника... — Сеня потёр шею, — откуда у тебя шокер?

— Нашла у мужика, который валяется в коридоре без сознания. — Ника махнула в сторону открытой двери подвала.

— А ты как, вообще, здесь?.. — Сене ещё тяжело было говорить и дышать.

— Я... — Ника застыла на месте, растерянно оглянулась на дергающегося мужчину и снова взглянула на Сеню, — я просто... Сенья я увидела... Я узнала, что в этом здании что-то не так с кислородом! Тут нельзя стрелять...

— Да, — выдохнул Арцеулов, морщась от боли в шее и в плече. — Мы уже в курсе.

— А где Стас?! — Ника нервно сглотнула, глядя в глаза Сени.

— Там, — Арцеулов указал рукой вверх, на потолок.

— Он что, один?! — воскликнула Ника.

— Да... — проворчал Сеня. — Он послал меня сюда, нужно отключить генераторы, чтобы...

— Я поняла! — быстро сказала она.

Тут мужчина на полу перестал дергаться. Ника в ужасе уставилась на него. Сеня, ковыляя, пошатываясь, приблизился к нему, чуть наклонился, затем пнул его ногой. Тот странно всхрапнул, застонал, но в себя не пришел. Ника шокировано взглянула на него, на лице у нее был страх и возмущение.

— Сень...

— Живой, — Арцеулов пожал плечами.

В цистернах рядом с ними внезапно зашумела вода. Толстые оранжевые трубы, уходившие под потолок, отозвались шумным плеском.

— Твою мать, а! — выругался Сеня. — Он пустил воду!

Сеня оглянулся по сторонам.

— Нужно вырубить генераторы!

Он ринулся искать выключатели, рычаги и кнопки управления.

— Стой! — Ника схватила его за руку.

Он уставился на нее.

— Что?

— Что с твоим плечом?

— Да все нормально, — прорычал Сеня.

— У тебя столько крови!..

— Ника! — Арцеулов повысил голос.

Девочка вздрогнула, взглянула на него своими ясными, сияющими синими глазами.

— Всё в порядке, — внушительно произнес Сеня, — сейчас важно вырубить электричество и подачу кислорода!

Она несколько мгновений серьёзно смотрела ему в глаза.

— Тогда я помогу Стасу, а ты...

— Ника, стой! — рявкнул Арцеулов и тут же схватился за раненное плечо.

— Ну что?! — нервно спросила она. — Он же там один! А их много! Они убьют его. Сень!

Арцеулов знал, что она права. Но объяснить, что Стас сознательно рискует или даже фактически жертвует своей жизнью, он ей не смог. Лазовская не приняла бы этот факт. И Сеня решил, что если кто и погибнет вместе со Стасом, то уж лучше он. Арцеулов мысленно выругался. Он не мог оставить Нику тут одну и повесить на неё свою задачу. Хотя и насчёт Стаса она права. Корнилов погибнет там один, в этом не приходилось сомневаться. Сене пришлось с усилием перебороть себя. Он попытался договориться с Никой.

— Я помогу ему, — сказал он. — Но сначала...

— Нет! — она категорично замотала головой. — Тогда иди сейчас!

Её звонкий голосок дрогнул, надломился. Она была охвачена страхом за Стаса. Её слегка трясло от паники, но белокурая девчонка всё-таки держалась хорошо.

Он смотрел ей в лицо, в её глаза.

— Ника, но...

— Я сама вырублю эти чёртовы генераторы! — проникновенно воскликнула она. — Я справлюсь!

— Ника, да я сам не знаю, как их!.. Ты и подавно не справишься!

— Справлюсь! Обещаю! — яростно воскликнула Лазовская. — Только, пожалуйста, помоги Стасу! Они же... он же...

Губы её дрогнули, она не могла это произнести, не могла себя заставить. Она прижала ладони к лицу, плечи её задрожали. Арцеулов мысленно выругался.

Сеня не знал, что ему делать. Он не мог позволить Корнилову умереть, но и не мог оставить Нику решать важнейшую задачу. Твою мать, подумал он, хоть разорвись! Лазовская судорожно вздохнула.

Сеня подошел к ней. Коснулся руки.

— Ладно, — тихо сказал он. — Ты точно справишься?

Он понимал глупость этого вопроса. Откуда Ника могла знать, справиться ли она? Сеня понимал, что выбора у него нет. Чего доброго, Ника ещё сама сейчас бросится на помощь Стасу. А ведь он за ней не угонится.

Она убрала руки от лица, подняла взгляд на него. Её синие глаза источали такую агрессивную решимость, что Сеня чуть опешил.

— Справлюсь, — ответила она убежденно. — В крайнем случае, я их поломаю!

Сеня в ответ одобрительно засмеялся.

— Хрен с тобой, — отозвался он. — Придётся нарушить приказ майора Корнилова ради его же блага. А ты... Удачи тебе.

— И тебе, — она бросила обеспокоенный взгляд на его рану.

Сеня ухмыльнулся, кивнул. Рука и плечо болели, наливались болезненной тяжестью, боль становилась ломящей.

Он забрал у лежащего без сознания мужика его арбалет и стрелы. Арбалет повесил себе на плечо так, чтобы можно было стрелять и целиться одной рукой. Четыре стрелы он просто зажал в кулаке левой руки. Из-за раны он не мог поднять левую руку и не мог её выпрямить, но кулак сжимать мог и использовать левый локоть, как опору для прицеливания, тоже.

Нике он оставил пистолет.

— Но... — начала Ника.

— Это на самый крайний случай, — сказал он. — Поняла?

Она кивнула, глядя ему в глаза.

— Точно?

— Да.

— Хорошо. Вот этот флажок — это предохранитель.

— Понятно.

— Опусть его вниз.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь. Сразу после того, как ушел Арцеулов.

Сеня ушел, ковыляя, рыча от боли и ругаясь себе под нос. Но взгляд у него был яростный и даже свирепый. Сеня шел убивать, и я это понимала, чувствовала.

После его ухода я несколько секунд смотрела ему вслед. Тревожным гонгом билось сердце. Тревога и ужас буйными волнами плескались в теле, но сознание оставалось на удивление ясным. Я опомнилась, когда услышала, как вздрогнула одна из цистерн с водой.

Вода! Генераторы! Кислород!.. Это всё я должна вырубить, испортить, прекратить подачу электричества, воды и кислорода любой ценой! Так, так, так!... Что? Где? Куда? Так, стоп! Успокоиться сейчас же!

Я застыла на месте, несколько раз быстро вдохнула и выдохнула. Разум заработал яснее, стало немного легче. Я ещё раз оглядела помещение бойлерной и увидела переключатели, тумблеры, рычаги и кнопки.

Я подлетела к ним, быстро попробовала всё подряд. В помещении мигнул свет. Потом что — то противно, пронзительно запищало. Я испугалась. Трубы с водой задрожали. Я с ужасом обернулась и посмотрела на них. Чёрт! Что я сделала?!

Электроника потрескивала, гудела, жужжала. Что-то где-то монотонно, с треском, постукивало. Я подошла к генераторам. Они были внутри огромной, металлической клетки. Подобраться к ним не было никакой возможности. Тут мой взгляд упал на толстые провода, тянувшиеся по полу. Так, а если их как-то повредить. Ага, хорошо. А как? Тут мой взгляд упал на щит пожарной безопасности. Я задумчиво нахмурилась, моё внимание привлек топор. Я перевела взгляд на металлические цистерны. Если бы удалось пробить их или отбить краны, вода хлынула бы сюда, затопила генераторы... Короткое замыкание и готово! Здание будет обесточено!

Эта идея окрылила меня, но потом я поняла, что разбить цистерны даже топором для меня будет проблематично. К тому же... Я скосила глаза на баллоны с кислородом.

Я не знаю, какое здесь положение с процентом кислорода в воздухе. Не хотелось бы сгореть по глупости! Да и не по глупости тоже, если честно.

Хорошо, а если повредить трубы?.. Блин, у меня нет времени рассуждать!

Тем более я убедила Сеню, что справлюсь, а сама...

В голову полезли кошмарные мысли о девушках, которые сейчас на глазах у Стаса и Сени захлебываются в прозрачных цилиндрах. Я закусил губу, нахмурилась, напряженно размышляя.

Стоп! Меня внезапно осенило. Давление!.. Вода ведь поступает снизу-вверх под давлением. А чтобы создать давление, нужен насос! Или насосы! Я метнулась вперёд. Цепким, поспешным взглядом осмотрела трубы. Страх ошибиться отравлял сознание ядом

сомнений и в то же время заставлял торопиться.

Тут я увидела табличку «Насосы». Я обругала тех, кто сделал её такой маленькой, как бирка на одежде! Додумались, чёрт возьми! Я остановилась возле таблички, опустила взгляд и снова выругалась, затем разъяренно выдохнула. Вентиль, регулирующий давление, был перехвачен толстой цепью.

Вот же... Грязное ругательство просилось сорваться с моих уст! Но тут я снова обратила взор на пожарный щит. А вот это ты не предусмотрел, с неожиданным злорадным ехидством подумала я. С нервным, но торжествующим злорадством я подскочила к пожарному щиту и пистолетом ударила по стеклу. Но от первого удара стекло только пошло трещинами, даже осколки не посыпались. Понадобилось ещё несколько размашистых ударов, чтобы разбить стекло пожарного щита.

Острые осколки рассыпались по полу, стекло хрустело под ногами. Я вынула из щита топор. Он был довольно увесистый, даже тяжелый. Вот же... Понаделали!

Однако рубить цепь, блокирующую вентиль насоса, было бы бесполезно и очень долго. А времени у меня и так нет. Я решила попробовать принцип рычага. Просто и эффективно! Я просунула длинное древко топора между петлями закрученной цепи. Если у меня все получится, цепь просто сорвется, и вентиль будет свободен. Я закрепила топор в цепи и что было сил навалилась на другой конец, стараясь не порезаться о широкое лезвие. Я повисла на топоре всем весом. Цепь напрягалась, заскрипела, её звенья задрожали. Да давай же ты! Ну же! Чёрт!.. Не получается!..

Цепь подалась и через силу, нехотя, туго соскользнула с вентиля, бессильно повисла, болтаясь из стороны в сторону. Так, отлично! Я бросилась к вентилю, и тут что-то ударило по трубе.

Я отскочила, обернулась, лицо бросило в жар. Путы растерянности и страха сковали тело, заставили меня застыть на месте. Он стоял передо мной в пяти шагах. Как я его не заметила? Одежда, как и у того другого, толстовка худи с капюшоном темно-синего цвета. Такие же спортивные штаны, ботинки, перчатки и до боли знакомая маска с золотыми глазницами.

Он перезарядил свой арбалет. Я стояла не шелохнувшись, держа ладони на уровне плеч.

— Т-ты кто... т-такая? — он заметно заикался.

Я не знала, что отвечать.

— Что ты тут делаешь?! — голос его дрожал.

Я поняла, что он довольно молод. Может быть, лет на пять-шесть старше меня.

Это придало мне немного уверенности. С таким можно попытаться договориться.

— Что ты смотришь?! — воскликнул он. — Отвечай! Откуда ты тут взялась, вообще?!

— Я... — слабо произнесла я. — Я здесь, чтобы не дать вам совершить то, что вы задумали. Я решила не выдумывать ничего лишнего. Во-первых, никто мне не поверит, что я забрела сюда случайно. Во-вторых, даже идиоту слишком очевидно, что если я не с ними, то наверняка против них.

— Ты... — кажется моя честность заставила его растеряться. — Зачем тебе это?! Ты что... Ты... Ты что, из полиции?! Ты не можешь быть из полиции! Ты слишком... юная...

— Я не из полиции, — не стала отрицать я.

— Тогда почему?..

— Потому что считаю вашего кумира подонком, которому место в тюрьме, — я и тут не стала скрывать своих чувств. — И потому что не могу позволить ему убивать...

Парень передо мной хмыкнул.

— Демид говорит, что не убивает... Он создает шедевры..

— Да? — спросила я.

— Да...

— А ты как считаешь?

Он снова растерялся.

— Я?

— Ты.

Я ждала.

Он нервно, напряженно вздохнул, затем пожал плечами.

— Какая разница?

— Я хотела бы знать перед тем, как ты убьешь меня, — произнесла я и грустно улыбнулась.

Похоже, это впечатлило его.

— Я... Слушай, я не хочу убивать тебя.

Я пожала плечами.

— Но тебе придется.

— Почему?! Я не хочу...

— А я не хочу, чтобы твой обожаемый Демид продолжал убивать в угоду своим бредовым фантазиям, — с чувством, но сдержанно произнесла я.

— А тебе-то какое дело? Кто-то из этих девушек твоя родственница?

— Нет...

— Тогда зачем тебе это?

— Потому что я могу помешать этому. Могу не дать совершить то, что считаю страшным, неоправданным и жутким злом.

— И что?.. Тебя могут убить, — он не понимал или не верил.

— Знаю, — кивнула я. — Скорее всего, так и будет. Но эти девушки... Знаешь, их жизнь принадлежит только им, и только они вправе ею распоряжаться. Они никому не обязаны ею, кроме своих родителей. За что их убивать?

— Демид говорит, что они не живут, а прожигают свою жизнь на чушь и ненужные блага.

— Это мнение Демида? — с вызовом спросила я.

— Да, — он снова пожал плечами.

Я вздохнула. Я еще не понимала его, не могла понять, что можно от него ожидать. Но вроде кто-то там когда-то говорил, что враг, вступивший в диалог, не такой уж и враг. Или как-то так.

Это вселяло надежду.

— А почему его мнение является определяющим? — чуть прищурившись спросила я. — Кто ему дал такие права?!

— Что?.. — Парень растерялся. — Я не понимаю... Но он же... Он же прав! Разве нет?. А так их тела смогут послужить искусству и его борьбе с правилами и тираническими законами, ограничивающими нашу жизнь. Их тела и жизни станут инструментами самовыражения...

— Самовыражение, через насильственное подчинение своим фантазиям и мировоззрению? — с недоброй усмешкой спросила я. — Это ли не жесточайший мир

тирании, против которой вы выступаете? А?... А законы и правила, на которые вы злитесь, не ограничивают нашу жизнь, а создают условия для мирного и спокойного сосуществования людей, — чуть более запальчиво, чем рассчитывала, ответила я.

Мои слова кажется потрясли его. Я с беспокойством оглянулась на вентиль.

Время уходит, а наверху вода прибывает в цилиндры, в которых девушки.

Парень в маске перехватил мой взгляд.

— Даже не думай! — Пошел ты, — беззлобно бросила я. — Хочешь, стреляй. Мне пофигу.

Я подошла к вентилю и с усилием повернула его, затем ещё раз и ещё. До упора, до конца. В трубах почти сразу прекратилось журчание воды, цистерны перестали гудеть. Давление больше не действовало на воду, и система водоснабжения была нарушена. Я обернулась на парня с арбалетом. Он опустил своё оружие.

— Я же мог тебя пристрелить, — удивленно проговорил он.

— Тогда почему не пристрелил? — хмыкнула я.

Вместо ответа он внезапно снял свою маску. Под ней я с удивлением обнаружила совсем молодого юношу, может быть, всего на пару лет старше меня. Ему было лет шестнадцать-семнадцать! Над губой у него едва росли одинокие волоски будущих усов, и он выглядел с ними забавно. Зато у него были очень красивые глаза — выразительные, светлокариые, с зелеными крапинками и с каким-то таинственным огоньком внутри. И чистые, удивительно чистые, искренние, чуть наивные.

Даже странно, как парень с таким чистым, ясным, искренним взглядом мог пойти за Романтиком.

— Демид обещал, что мы сегодня заявим о себе не только России, но и всему миру. Он убеждал нас, что мы... Мы докажем всем людям на планете, что мы не такие слабые, как они, и не хотим и не будем... жить по чужим законам.

— Похоже, ты в этом усомнился, — чуть улыбнулась я.

Он хмыкнул.

— Я просто подумал о твоих словах.

Я удивленно вскинула брови. Не думала, что мои слова смогут на него повлиять. Я ведь просто...

— Я просто сказала, что думаю.

— Наверное, — кивнул он. — Только... Похоже, ты права, как мне кажется... Мы можем распоряжаться только своей жизнью, и... и... только.

Я ждала, кажется, мне улыбнулась удача. Причем во все свои тридцать два зуба. А это бывает редко, и такие моменты нужно использовать! Я ждала, что ещё скажет этот парнишка.

Он вздохнул.

— Демид убеждал нас, что эти девушки просто дешёвки и... — он замолчал от нехватки слов. — Он утверждал, что то, что он делает с ними, это его послание России, миру, людям... Говорил, что так он выражает свою непокорность...

— И ты ему поверил, — вздохнула я. — Тоже захотелось быть непокорным?

Я горько усмехнулась.

— Свободным и независимым?

— Да! — жестко процедил парень. — Я... Я ему верил! Но он... Ты... То, что ты сказала... Ты, наверное, права... Отчасти, ведь всё равно я считаю законы и правила

оковами для свободы людей, но... наша жизнь принадлежит только нам.

— Почему же ты не понял это раньше? — спросила я.

Он пожал плечами, качнул головой. Его взгляд метнулся в сторону, он покусал губы.

— Я... Я не представлял себя на месте тех девушек наверху.

— А сейчас?

— А сейчас представил, — он кивнул. — Я был против всего этого... Я говорил Демиду, но... Он только сказал, что я трус и... И что трусам в его команде не место.

Парень вздохнул, его плечи бессильно опустились.

— Я... Я просто... Я думал, что...

Я тепло улыбнулась ему.

— Ты испугался, — я сказала это без укора, мягко, сочувственно.

— Считаешь меня трусом? — тут же с вызовом спросил он.

— Нет, — так же мягко ответила я. — Всего лишь человеком.

Он уставился на меня. Выражение его лица было растерянным. Он хмуро, испытующе взглянул на меня, словно пытаюсь понять, не смеюсь ли я над ним.

Я не смеялась.

— Человек... может поддерживать такого, как Демид?

— Человек может ошибаться и бояться, — ответила я. — Только и всего.

Он опустил взгляд и покивал головой.

— Да... — пробормотал он. — Наверное...

Он вздохнул, посмотрел на меня.

— Я уйду?

Я удивилась, что он спрашивал меня.

— Уходи, если хочешь.

Он нервно поджал губы.

— А там... там на улице... Там уже полицейские?

— Не знаю, — честно ответила я. — Но если так, будет лучше, если ты оставишь арбалет.

Он посмотрел на свое оружие, затем вдруг усмехнулся, невесело, печально.

— Наверное, всё сложилось бы по-другому, если бы... если бы я не поддержал Демида, не пошел бы за ним.

— Ну, — я пожала плечами. — Да... Скорее всего...

Парнишка удрученно вздохнул.

— Вместо тебя сюда пришел бы кто-то другой, — продолжила я. — И, скорее всего, он бы меня убил.

Парень поднял на меня пораженный, удивленный взгляд. Я чуть улыбнулась ему.

— И одиннадцать девушек наверху уже бы захлебнулись в воде, — продолжила я.

Дыхание парня участилось, взгляд стал взволнованным.

— Так... что получается, — проговорил он рассеянно. — Я что... Я спас их?... Потому что не выстрелил в тебя?

— Получается, что так, — кивнула я и снова чуть улыбнулась.

Он в ответ тоже неуверенно улыбнулся.

— Ты... ты необычная... Не такая, как другие.

— Да, — с усмешкой вздохнула я. — Мне это говорили.

Он одобрительно усмехнулся и снял ремень своего арбалета с плеча. Он уже собирался

положить его.

Тут за его спиной раздалися шаги. Парень обернулся.

— Что тут у тебя? — в помещение бойлерной вошел широкоплечий мужик с арбалетом.

Он был одет точно так же, как говоривший со мной парень. Мужчина увидел меня.

— Какого хрена ты творишь сопляк?! — прорычал мужчина. — Это ещё кто?!

Я замерла, не зная, что делать.

— Ты кто такая?! — зло вскричал мужик.

Тут он замолчал, он смотрел куда-то мне за спину. Я обернулась. Вентиль! Он смотрел на вентиль! И на повисшую внизу цепь! — Ах ты паску-уда! — протянул он с ожесточенной злобой и поднял свой арбалет.

Я испуганно подалась назад. Я, словно в замедленной съемке, увидела, как стрела срывается с арбалета. Как, поблескивая острым наконечником, несется в мою сторону, желая пробить мою грудь, вкусить моей крови, вынуть мою жизнь. Стрела вонзилась в плоть, кровь брызнула на пол. Мой крик ужаса эхом взорвался в тесном помещении котельной.

Эпизод шестнадцатый

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь. Примерно в то же время, что и предыдущие действия.

Его прижали к полу. Он попытался ударить навалившегося противника ножом.

Тот перехватил его удар. Другой встал над Стасом, навел арбалет. Стальной наконечник стрелы смотрел прямо в лицо Корнилова.

Короткий свист. Стас успел увидеть, как длинная стрела пронзила горло стоявшего над ним мужчины. Тот захрипел, выпучив глаза. Кровь тугой струей фонтанировала из шеи. Мужчина упала на колени, держась за шею. Другой противник Стаса так засмотрелся на умирающего соратника, что упустил момент, когда Стас достал кукри, и не успел среагировать. Кукри в руке Стаса рассек его горло. Он удивленно вытаращился, его кровь брызнула на лицо и рубашку Стаса.

Корнилов отбросил обмякшее тело и тут услышал, как зашумела вода. Стас поднял взгляд. Девушка в ближайшем к нему стеклянном цилиндре забила, дергаясь в цепях. Он видел, как она, надрываясь и плача, беззвучно кричит. Её лицо, искаженное гримасой крика ужаса, застыло на несколько секунд. Он видел, как вода стремительно заполняет её цилиндр, а в водовороте прибывающей воды бурно кружатся красные лепестки роз. То же самое творилось и в других стеклянных резервуарах. Девушки дергались в цепях, плакали, пытались освободиться.

Стас выругался, оглянулся на звук шагов. Это был Арцеулов.

— Сеня?! — ахнул он. — Ты...

Арцеулов вскинул арбалет, выстрелил. Стас обернулся вперед и увидел, что ещё один сподвижник Романтика упал лицом вниз. Стас снова взглянул на Сеню, заметил, что тот ранен — в его плече торчит обломанная стрела.

— Я же сказал тебе выключить воду! — проорал в бешенстве Стас.

— Там Ника!

— ЧТО?! — ахнул Корнилов.

— Она прибежала, чтобы предупредить нас о кислороде и...

— Дура, чтоб её!.. — разозлился Стас.

Но сейчас нужно было действовать по обстоятельствам. Нужно было что-то сделать с

цилиндрами. Они ринулись к ним. Стас ещё не знал, что делать.

Девушки, глядя на них, извивались в цепях и разевали рот, намереваясь докричаться. Вода уже на треть заполнила цилиндры.

Стас подумал, что можно как-то повредить шланги водоснабжения. Но тут что-то свистнуло сверху. Сеня дико заорал. Стас обернулся, Арсений лежал на боку, в его правой ноге торчала стрела. Мгновение, и ещё одна пробила его правую руку.

Стас бросился к другу. Он схватил мертвое тело одного из соратников Романтика и стремительно подтащил к Арцеулову. Тот дернул труп к себе и фактически накрыл себя им. Стас едва сам не получил стрелу. Ругнувшись, он бросился в сторону, подхватил с пола арбалет, быстро зарядил его, отпрыгнул. Вовремя!

Стрела как раз отскочила от того места, где он только что стоял. Стас поднял арбалет. Он увидел Романтика, тот прятался за оградой металлической платформы второго яруса. Не попасть.

— Поиграем, майор? — бросил Демид. — Тебе придется поспешить!

Стас молча, с яростным рвением, бросился к лестнице. Романтик выстрелил, промазал, стрела ударилась об пол. Стас добежал до лестницы, сделал вид, что собирается лезть, и тут же отскочил. Очередная стрела звякнула о прутья лестницы. Стас знал, что у него есть всего несколько секунд, прежде чем Романтик зарядит арбалет и прицелится. Он взобрался по лестнице. Его подстегивало решительное желание добраться до Демиды. Корнилов оказался на втором ярусе. Отсюда заполненный розами гигантский склад смотрелся особенно эффектно и масштабно. Он побежал по узкой платформе.

Металлическая платформа второго яруса тянулась по периметру всего здания, плюс десять поперечных дорожек. На одной из них и был Романтик, он бросился прочь от Стаса. Но Корнилов был быстрее, он догнал его и выстрелил.

Стрела пробила бедро Романтика, тот закричал, упал и тут же пополз. Затем вдруг обернулся и выстрелил в Стаса. Корнилов присел, стрела рассекла воздух над головой. Корнилов уже перезарядил арбалет и снова выстрелил, но промахнулся, Романтик сумел каким-то образом увернуться.

Он поднялся, держась за перила, ковыляя, достаточно быстро отошел от Стаса на несколько метров. Корнилов с хладнокровным спокойствием перезарядил арбалет. Демид обернулся.

— Стой! Стой, Корнилов! — прокричал он истошно и зло. — Стой! Выстрелишь... и здесь будет жарче, чем аду!

Корнилов чуть поморщился, глядя на то, что было зажато в руке у Демиды.

Это был дистанционный пульт радиоуправления. Глаза Корнилова опасно сузились.

— Хочешь сдохнуть вместе с нами? — спросил он. — Точно, Демид? Хорошо подумал?

— Хорошо! — огрызнулся тот. — Даже если я сдохну, я все равно буду победителем! Я все равно сделаю то, что хотел! Ты не сможешь мне помешать! Не сможешь, Корнилов! А сейчас... Бросай арбалет!

Стас не шелохнулся.

— Бросай! — срывающимся голосом проорал Романтик.

Голос его эхом разлетелся по просторному залу склада.

— Ты смелый человек, Корнилов, — крикнул Романтик. — И я знаю, что ты не боишься смерти. А как насчет их?

Романтик указал на стеклянные цилиндры внизу. Стас сжал челюсть.

— Ты готов пожертвовать и ими?

— Ты ведь все равно всех взорвешь, — проговорил Стас.

— Не знаю... — вальяжно растягивая слова, протянул Романтик. — Может, и не...

Тут он внезапно запнулся, вздрогнул, ахнул. Стас бросил арбалет ринулся к нему. Романтик покачнулся. Стас уже увидел торчащую в его спине стрелу.

Она вонзилась снизу под острым углом.

— Сеня, — успел подумать Корнилов.

Романтик увидел подбегающего Стаса. Он в ужасе отшатнулся, сдавленно вскрикнул, попятился, потерял равновесие, начал падать, наткнулся спиной на перила и неуклюже перевалился через них. Стас едва успел поймать его за руку.

Романтик весел в воздухе. Кровь из его ноги темными каплями падала вниз. Под ним было больше десяти метров высоты.

— Не отпускай меня! — проверещал он внезапно. — Не отпускай! Не отпускай! Майор Не отпускай! Пожалуйста! Пожалуйста! Умоляю!.. Стас молча, с ожесточением разжал пальцы его кулака. Романтик попытался сжать кулак крепче, но Стас безжалостно сломал ему один палец, а затем другой. Романтик взвыл, зарыдал. Корнилов осторожно достал пульт, сместил сломанный палец Романтика с кнопки и крепко надавил сам, зажав кнопку на пульте.

— Пожалуйста, майор... — жалобно пролепетал болтающийся в воздухе Романтик.

Стасу тяжело было держать, он морщился от напряжения. Корнилов потащил его вверх, назад.

— Спаси меня! Спаси! — кричал в ужасе Демид.

Стас успел заметить, как у того в свободной руке блеснул пистолет. Стас быстро, хладнокровно разжал пальцы и без сожаления отпустил его.

Короткий миг навсегда остался в его памяти. Миг, когда он увидел удивленные и растерянные глаза жестокого убийцы в прорезях маски. Миг... и Романтик полетел вниз.

Стас увидел, как тело Романтика упало в зеленую рощу с желтыми розами.

Падающее тело убийцы провалилось в густую листву роз, утонуло внутри рощи.

Его тело резко наткнулось на что-то, вздрогнуло, грудь Романтика пробил длинный металлический стержень. Он повис на нем. Демид несколько раз конвульсивно вздрогнул, слабо дернул головой и замер.

Стас смотрел на него. Он видел торчащий из его груди окровавленный металлический штырь. Один из тех штырей, вдоль которых росли высокие стебли роз. Романтик сломал его, упав сверху, и нанизался на острый обломок.

Стас стоял наверху и смотрел на застывшее тело Романтика. Его руки и голова повисли вниз, полусогнутыми висели ноги. Белая маска сорвалась, упала и, зацепившись, повисла на одном из стеблей роз. Романтик — безжалостный, кровожадный и ненасытный убийца — был мёртв.

Корнилову некогда было любоваться этим зрелищем. Он поспешил спуститься вниз, нужно было успеть спасти девушек.

Но когда Корнилов оказался внизу, он увидел, что уровень воды в цилиндрах перестал подниматься. Стас быстро оглядел все цилиндры. Везде вода доходила девушкам до груди или до плеч. Но ни у кого уровень воды не добрался до лица. И самое главное, Корнилов не слышал шума поступающей воды. Кто-то выключил её подачу. Стас усмехнулся и пошел к Арсению, тот охал и стонал от боли. Стас хотел помочь ему, но Сеня оттолкнул его руку.

— Беги к ней! — крикнул он. — Я хочу быть уверенным, что она цела!

— Ты весь в крови! — Стас обеспокоенно оглядел Арцеулова.

Тот лежал перед ним, и кровь пятнами пропитывала его одежду, струилась из ран.

— Да все нормально! — отмахнулся Арцеулов и кивнул за спину Стаса. — И этим девчушкам тоже... Беги к Нике, Стас! Прошу...

Стас кивнул, подхватился и бросился бегом в подвал. Он буквально летел вперёд. Он слетел по лестнице в подвальные помещения, стремительно добежал до котельной. Тут он едва не споткнулся о тело мертвого мужчины.

Стрела торчала прямо из белой маски. Из трещины в маске обильно растекалась темно-багровая кровь.

Стас ринулся внутрь помещения. Взволнованный и перепуганный, он ворвался внутрь. Он желал только одного — найти её, увидеть её, узнать, что она цела.

Он увидел её.

Ника сидела на полу, прислонившись спиной к стене. Возле неё лежал какой-то парнишка, в его груди торчала стрела. По груди парнишки позли влажные, блестящие багровые струи крови. Его голова лежала на коленях Ники.

Девушка со слезами на щеках гладила его волосы. Дрожащей, окровавленной маленькой ручкой она закрыла ему глаза, затем подняла взор на Стаса.

— Он... — проговорила она. — Он... он спас меня... Он встал между мной и... Я даже не успела... ничего... я...

Она всхлипнула и, зажмурившись, заплакала — горько, отчаянно, с болью и пережитым страхом.

Стас кинулся к ней, присел рядом и обнял. Он прижал её к себе, положил ладонь на светлые, мягкие, густые волосы. Она уткнулась лицом в его грудь, прижалась к нему и затряслась в рыданиях. Стас устало вздохнул. Сейчас он не чувствовал ничего, кроме давящей, тягостной усталости и удивительного, удовлетворенного и мирного спокойствия. Он наклонился и губами коснулся волос Ники.

— Всё... — шепнул он ей. — Всё закончилось.

Она всхлипнула.

— Они... живы?

— Да... Все одиннадцать.

Ника в ответ снова всхлипнула, снова затряслась в плаче.

— Романтик?

— В тюрьму он не сядет, — вздохнул Стас.

Она подняла взгляд, посмотрела ему в глаза. Корнилов ощутил взбирающиеся по коже мурашки, глядя в потрясающие, бездонные синие глаза Ники.

— Он мёртв? — шепнула она. — Ты?..

— Да, — кивнул Стас, отвечая на оба вопроса, и всё ещё глядя в её заплаканные глаза.

Она сделала тяжелый глоток, и кивнула.

— Я рада, что это сделал ты, — прошептала она.

— Почему?

— Это справедливо, — проговорила она чуть отстраненным, потусторонним голосом.

— Думаешь? — хмыкнул Стас.

— Да, — уверенно ответила она.

— Почему?

— Потому, что ты этого не желал, — она шмыгнула носом, дернула плечиками. — Тебе нужна была не его смерть, а чтобы он, прежде всего, предстал перед судом.

Стас чуть усмехнулся.

— А тебе?

— И мне, — вздохнула Ника.

Они помолчали. Оба были истощены, измучены, но, наверное, счастливы.

Счастливы, что всё действительно закончилось. Кошмар роз был прекращен и больше не повторится. И это вызвало удивительное, приятное спокойствие.

Они справились — он и она. Белокурая девочка с необыкновенными синими глазами и странными, необъяснимыми способностями, и он, всё время пытающийся идти наперекор судьбоносным событиям, переполненный излишними принципами, обреченный на вечные поиски, угрюмый сыщик.

Что их объединяло? Пожалуй, больше всего обычная вера в такое же обыкновенное добро и до боли простую справедливость.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Суббота, 21 июня, поздняя ночь. После гибели Романтика.

Я стояла рядом и смотрела на него. Я не могла до конца в это поверить, не могла осознать. Я стояла, смотрела на его мертвое тело и вспоминала всё, что происходило со мной за последнее время. Вдруг, поддавшись какому-то странному порыву, я подошла к нему, взглянула на его лицо. Удивительно, но он почти не изменился, в сравнении с тем, каким я видела его в воспоминании. И в то же время это был другой человек. Я смотрела в его лицо. Он постарался как можно больше изменить свою внешность. Он красил волосы, у него были цветные линзы и очки. Я посмотрела в его глаза. Они были такими же голубыми, как у его матери.

Я ощутила странное дуновение холодного ветерка. Его дуновение было, как прикосновение, как будто кто-то звал меня... Я обернулась и увидела его.

Он был таким же, как на той фотографии, где он стоял с Ипполитом Збруевым и Викентием Хазиным. Точь-в-точь. Он стоял между высоких зеленых стеблей роз и смотрел на меня.

Внезапно к нему вышла женщина. У меня дрогнуло дыхание. Мария... Мария Хазина. Она подошла к сыну, взяла его за руку. Тот посмотрел на неё, улыбнулся обычной улыбкой обычного ребенка, который просто радуется обществу матери. Они посмотрели на меня, улыбнулись. Два сияющих, чуть мерцающих образа ушедших воспоминаний. Я кивнула, глядя в их глаза.

— Ника!

Я оглянулась, меня звал Стас.

— Ты идёшь?

Когда мы вышли из здания склада, вокруг уже было около десятка полицейских машин. Ещё подъехали машины скорой помощи. Полицейские спешно оцепляли здание и вбегали внутрь склада. Их было много, все были встревожены и оживлены. Все хотели увидеть его — Романтика.

Я шла рядом со Стасом и думала о том, что хотела бы забыть Романтика, но сохранить в памяти маленького Демида Хазина. Мы шли к полицейскому Ниссану, а навстречу нам между московских высоток поднимались светло-золотистые лучи рассвета — первые лучи нового утра.

Экстренный выпуск новостей!

— Добрый день, в эфире программа Вести, с вами я, Елена Голубева.

Как стало известно, сегодня, в ночь на воскресенье, двадцать второго июня в одном из складов в Северном Измайлово было предотвращено массовое убийство одиннадцати девушек. Все, без исключения, девушки живы и сейчас получают медицинскую помощь в государственных больницах. Операцию по спасению проводили сотрудники Уголовного розыска города Москвы. Их имена не разглашаются по требованию министерства внутренних дел России.

Известно, что в процессе задержания был ликвидирован печально известный серийный убийца по кличке Романтик. Настоящее имя убийцы, как стало сегодня известно нашим источникам, Демид Хазин.

Как это всё происходило? С подробностями мой коллега Дмитрий Родионов с места событий...

СТАНИСЛАВ КОРНИЛОВ

Среда, 25 июня.

Из открытого окна в кабинете генерала Савельва тянуло слабым ветерком и сочным запахом лета. Жаркое тепло врывалось в кабинет, растекалась плотным, как джем, слоем. Стас сидел рядом с Аспирином.

— Наверху сейчас такой бедлам творится... — поигрывая ручкой, с усмешкой проговорил генерал Савельев.

— Не сомневаюсь.

Генерал усмехнулся, откинулся на спинку кресла и чуть покачался.

— Думают, наградить тебя или наказать.

— А что вы думаете? — спросил Стас.

— Что твоя выходка была чистой воды авантюрой. И тебе просто повезло...

Аспирин засмеялся, но тут же перестал.

— А если серьезно... Стас, все сложилось куда удачнее и лучше, чем могло бы быть. И, пожалуй, это главное, и обсуждать тут нечего.

Он пожал плечами с генеральскими звездами на погонах.

— Плохо только, что Хазина ты убил. Но, зная тебя, уверен, ты бы не стал этого делать без крайней необходимости... Слушай, вот только скажи мне всё-таки, куда делось его клеймо?

Стас фыркнул.

— Да всё проще некуда, — досадливо ответил Стас. — Демиду нужно было избавиться от слишком яркой приметы, вот он и избавился. Сегодня пересадка кожи — обычная, почти тривиальная, операция.

— Пересадка, значит... — поигрывая ручкой, задумчиво проговорил генерал. — Ладно. А фокус с его родителями? С которыми ты якобы говорил по телефону?

— То же самое, что и с Анжелой Рапопорт или Аней Шmeliной.

— Запуганные и покорные рабы?

— Почти что, — кивнул Стас. — В любом случае, это люди, которые его боялись до судорог.

Он вздохнул.

— Мда... — протянул генерал. — Этот ублюдок умел внушать страх.

— Более чем мастерски, — кивнул Стас.

— А... слушай, что с этими парнями, которые его поддерживали? Кто они? Все те, кто был с ним в том здании?

— Фанатики, одинокие, обиженные жизнью, недооцененные обществом, брошенные личности, — перечислил Стас.

— Почему они пошли за ним?

— Потому что он указал им путь и дал надежду.

Генерал покачал головой.

— Психи...

— Да, — с безмятежной флегматичностью, согласился Стас. — Скорее всего... Господин генерал, а что будет с Александрой Збруевой?

Аспирин перестал улыбаться, затем шевельнул седыми бровями.

— Стас, тут все не так просто.

Корнилов вздохнул.

— Она предстанет перед судом?

— Да, — жестко ответил генерал. — Боюсь, что придется.

— И вы...

— И я не буду её оправдывать, Стас. Не проси.

— Она не должна отвечать за брата...

— Но её брат мертв, и кто-то должен понести наказание за его преступления. Александра, как ни крути, была соучастницей его деяний. И то, что их шантажировали, не уменьшает размеры и тяжесть их преступлений. Всё, Стас. Тема закрыта.

Тут генерал явно был непреклонен. Стас это почувствовал, но он понимал, что самостоятельно ему не удастся избавить Александру Збруеву ни от суда, ни от тюремного срока.

— Как насчёт Анны Шмелиной? Она тоже была соучастницей.

Генерал вздохнул.

— Тут ещё сложнее, Стас... Она созналась, что помогала Николаю Ковальчуку в его убийствах и мучениях жертв, но... Думаю, суд примет во внимание, что в противном случае ей угрожали гибелью её дочери. Тем более девочка, действительно, в ужасном состоянии, у ребенка обнаружили вшей, кожные заболевания, инфекции, искривление позвоночника в некоторых местах.

— Что это значит? — спросил Стас.

Генерал прокашлялся, говорить правду ему явно не хотелось.

— Врачи сходятся во мнении, что, возможно, дочь Анны будет вынуждена передвигаться на инвалидной коляске.

Стас отвел взгляд, посмотрел в стол.

— Понятно.

— Слушай, если бы вы... Если бы Ника её не нашла, ребенок, скорее всего, умер бы! — заметил генерал. — А инвалидность... Знаешь, современная медицина идет вперед, и кто знает, мало ли... Лучше скажи, как там наша белокурая фея? Отошла уже от пережитого?

— Боюсь, она уже успела привыкнуть к тому, к чему привыкать была не должна, — вздохнул Стас. — Так что, да.

— Переживает? — спросил генерал.

— Если вы спрашиваете, забудет ли она случившееся на складе, то вряд ли, — ответил

Корнилов и чуть пожал плечами. — Но её точно перестанут мучить воспоминания жертв Романтика.

— Что ж, это хорошо, — покивал генерал. — У тебя какие-то дела есть?

— Да, — усмехнулся Стас. — Хочу помириться с женой и свозить их куда-нибудь на Юг.

— Дельная мысль, — кивнул Аспирин. — В Крым езжайте, там сейчас хорошо... Не Турция, конечно, но скоро может и круче будет.

— Я подумаю, — кивнул Стас и поднялся из-за стола.

— Стой, — нахмурившись, сказал генерал. Стас обернулся. Савельев наклонился вбок и достал из стола корочку с удостоверением.

— Вот, держи. Тебя вернули в строй, и ГУСБ закрыло твоё дело.

Генерал прокашлялся.

— Им там сверху очень старательно растолковали, что они были не правы. Кстати, на днях тебе должно прийти официальное извинение от них.

— Могли бы не утруждать, — усмехнулся Стас и взял документ.

— Так положено, — кивнул генерал. — Ты документ- то открой.

Стас взглянул на Аспирина, изогнул брови, раскрыл удостоверение и тут же усмехнулся.

— Неожиданно.

— Ой, да ладно... Живодера нашёл? Нашёл. Девочек спас? Спас. Всё. Получи награду. Кстати, Рите должно понравиться.

Генерал довольно ухмыльнулся.

— Зарплата подполковника УГРО заметно отличается от майорской.

— Знаю. Обязательно скажу Рите, — улыбнулся Стас и, спрятав удостоверение, попрощался. — Всего хорошего, товарищ генерал.

— И тебе... подполковник Корнилов, великий и ужасный, — довольно засмеялся генерал.

Стас фыркнул, покачал головой и вышел из его кабинета.

ВЕРОНИКА ЛАЗОВСКАЯ

Среда, 25 июня.

Когда я после пробежки вышла из душа, меня привлек странный запах. Он был сочный, пах специями и напоминал что-то восточное. Мое обоняние меня не подвело. Я вошла в кухню, тут плавали клубы рассеянного пара. На обеденном столе стояли овощи, приправы.

— Доброе утро! — произнесла я бодро и весело.

Дядя Сигизмунд обернулся, отвлекаясь от нарезания мяса.

— О, ягодка! Заходи, будешь нам помогать. Федот, подвинься.

— Что мы сегодня готовим? — спросила я, надевая фартук.

— Тыквенный карри с нутом и цукини, Томатное лобио, куриные ножки тандури и...

Федь, что я забыл? Как эта хрень называется?

— Такка-масала, — без энтузиазма ответил Федя, нарезая баклажаны.

От идеи дяди готовить блюда индийской кухни он явно не был не в восторге.

Особенно от того, что его, в любом случае, заставят все попробовать. Я, надев фартук и вооружившись ножом, с удовольствием к ним присоединилась. Мы включили музыку.

Орал рок, мы с дядей подпевали одну из своих любимых композиций. Кипели соусы, супчики. Мы резали овощи, мясо, мешали, парили, готовили. В кухне царила бодрая, теплая семейная атмосфера.

Через полчаса Федя вышел к клиенту, который приехал забрать машину. А когда вернулся, сказал.

— Ника, там к тебе пришла твоя подруга.

Лерка! Я обрадованно сбежала вниз прямо в фартуке. Она стояла в мастерской возле машин и взволнованно переминалась.

— Привет! — воскликнула я, подходя к ней.

Лерка взглянула на меня несмело, с легкой тревогой.

— Лер... — удивленно проговорила я. — Что случилось?

— Ничего... — она покачала головой и улыбнулась. — Просто...

Она посмотрела на меня.

— Ника я... Я знаю, что это была ты.

— Ты о чем? — усмехнулась я.

— Это ты дала моим родителям деньги на новую гитару! — выпалила она.

Я опустила взор.

— Лер... — пробормотала я. — Я просто...

— Просто «что»? — спросила Логинова.

Я вздохнула, посмотрела на неё.

— Я просто хотела, чтобы у вас... — я нервно сглотнула, чувствуя слезы на ресницах. — Я просто хотела, чтобы у тебя была целая, полная и счастливая семья. Хотела, чтобы вы были счастливы. Ты, твоя мама, Лада и Антон, как бы ты к нему ни относишься... Просто...

Я отвела взор и вздохнула.

— У меня нет моих родителей... Точнее они оба так далеко от меня, что я даже не знаю, увижу ли их когда-нибудь... И я бы хотела, чтобы у тебя такого не было.

Я боязливо взглянула на неё.

— Только и всего, — закончила я.

Лерка вдруг улыбнулась, всхлипнула, на ее щеках появились слезы Но она улыбнулась.

— Какая же ты... Роджеровна! Ты... — она подалась ко мне и заключила в крепкие, тесные объятия.

— Как же я тебя, идиотку альтруистическую, люблю! — всхлипнула она мне над ухом. — Прости меня ещё раз...

— Да ладно... Я тебя тоже люблю, Лерка, — усмехнулась я, слегка смущенная душевным порывом Леры.

Мы постояли, обнимая друг друга, несколько секунд. Это было необходимо нам обоим. Мы слишком многое должны были друг другу сказать: как жаль, как грустно, как здорово, как рады, как счастливы, что есть друг у друга.

Мы просто стояли, плакали и крепко, с чувством, обнимали одна другую

Мы так говорили, так обещали, мы так прощали и клялись в дружбе.

Мы отстранились друг от друга. Логинова вытерла поблескивающие слезы, я тоже смахнула, улыбнулась ей. Я, действительно, любила эту засранку. Она давно стала мне куда роднее, чем просто подруга, даже больше, чем сестра.

— Слушай, а ты... — она ухмыльнулась, через слезы глядя на мой фартук. — А ты чего в фартуке? Вы там опять что-то готовите?

Я усмехнулась.

— Дядя решил попробовать силы в индийской кухне.

— О-о... Здорово.

— Кстати, — кивнула я. — Не хочешь поучаствовать?

Лера вскинула брови, затем широко, довольно улыбнулась.

— Ты знаешь... — протянула она. — Думаю, приготовление блюд индийской кухни это... это как раз то, чего мне так не хватало в моем жизненном опыте.

Мы обе засмеялись.

— Тогда пошли, — позвала я. — Будем совершенствовать твой жизненный опыт.

— Пойдём.

Мы засмеялись, нетерпеливо поднимаясь по лестнице.

В кабинете растекался запах душистого зеленого чая.

— Держите, — темноволосая женщина протянула Нике чашку с чаем.

— Благодарю, — кивнула Ника, принимая чашку и блюдце.

Женщина села за стол и тоже отпила горячий чай.

— А как вы считаете, — спросила женщина. — Романтик... получил по заслугам?

Вероника взглянула на неё своим глубоким синим взором. Она задумчиво посмотрела в сторону, затем снова на темноволосую женщину.

— Он умер так, как хотел.

— Что вы имеете ввиду? — спросила темноволосая собеседница Вероники.

— Он умер среди тех, кого любил больше всего в жизни, среди роз, — объяснила девушка. — Поэтому... думаю, да. Он получил то, что должен был. И, думаю, он умер примерно так, как хотел бы сам.

Темноволосая чуть усмехнулась.

— Вам его жаль.

Она не спрашивала. Вероника не отрицала.

— Мне всегда их немного жаль.

— Почему?

Лазовская ответила не сразу, немного помолчала, чуть вода ногтем по чашке с чаем.

— Я иногда думаю и представляю... какими бы они были людьми, если бы не стали теми, кем умерли.

— Хм. Думаю, ваши коллеги вряд ли об этом размышляют.

— Мои коллеги не всегда меня понимают.

— Ну ещё бы, — вздохнула темноволосая. — Ваши коллеги — сыщики следователи... А вы... Вы судебный психиатр и профайлер. Они никогда так не поймут тайну человеческой души, как это можете вы, Вероника.

— Возможно, — снова ответила девушка, думая о гиперболизированном и пафосном выражении её собеседницы.

«Тайну человеческой души». Какая глупость... Душа — это личность. А у личности, на самом деле, нет тайн, кроме тех, которых эта личность стыдится.

Темноволосая взяла папку с делом Романтика, закрыла её и отложила в сторону. Взяла другую

— Потом, чуть позже, был другой случай... — начала она, читая документы в папке. — В Москве орудовал убийца, который, если тут правильно написано, ненавидел... хм... ненавидел цветные вещи и яркие цвета... Это правда?

Вероника грустно усмехнулась.

— Да. Я знаю, о ком вы. Этот убийца... Он окрашивал жертв и места убийств в черно-

белые цвета.

— Кажется, из-за этого в полиции ему дали особенное прозвище... Вы помните?

— Я, даже если бы хотела, не забыла бы, — ответила Лазовская.

Отпив из чашки, она взглянула в окно, там гремела буря с неистовым ливнем.

— Монохромный человек, — произнесла Вероника и вздохнула. — Его называли —
Монохромный человек... Тогда был август...

— Продолжайте, — сказала её собеседница и откинулась на спинку кресла.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net